

О П

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Осодоромъ Коши.

9833
18165

ТОМЪ III.

МАЙ — КНИЖКА ПЯТАЯ.

1852.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Центральная
Библиотека
Имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ПАТЕНТЪ

ГЛАВНОЕ

УПРАВЛЕНИЕ

ВЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 22-го 1852.

Ценсоръ *Н. Пейкеръ.*

1852
2833

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

Оглавление третьего тома.

Книжка пятая, май.

I. Изящная словесность.

Талисман. Драма в трех действиях, с прологом, в стихах и прозе.

Соч. Г. В. Кугушева. (С. 3-68).

Брак, каких мало. Роман в двух частях. Соч. Евг. Лунского. Часть первая. (С. 1-100).

II. История и теория искусства.

Грез. Статья Шарля Блана. (С. 1-16).

III. Мемуары.

Записки Августа-Вильгельма Ифланда. (С. 1-28).

IV. Театральная летопись.

I. Русский театр в Петербурге.

1. «Русская свадьба в исходе XVI столетия». Драматическое представление в четырех действиях. Соч. П. П. Сухонина.

2. «Свадьба Викторины». Комедия в трех действиях. Соч. Жорж Санд, перевод Василько Петрова.

3. «470, или Три тысячи рублей серебром». Водевиль в одном действии П. С. Федорова.

4. «Дивертисман». Бенефис г-жи Жулевой.

5. «Последний день жизни, или Ожидание наводнения».

Оригинальный водевиль в двух отделениях.

6. «Трюмо, или Две сильфиды». Водевиль, перевод с французского С. Б-ва.

7. «А ларчик просто открывался». Комедия-водевиль в одном действии.

8. «Всемирная выставка». Комедия à propos, соч. А. Красовского. (Бенефис г-на Краюшкина). (С. 1-15).

II. Русская опера в Петербурге.

«Куликовская битва». Опера в трех действиях. Музыка Антона Рубинштейна, слова С-ба. В. З-ва. (С. 15-44).

III. Французский театр в Петербурге.

Влияние театров на нравы и нравов на театры. – Преобладание пьес репертуара одной нации. – Вторжение французского репертуара на все сцены и причины этого. – Разница между читателями и зрителями. Преимущество литературы сценической перед книжной.

– Необходимы-ли подробные рассказы о содержании пьес и игре актеров? – Открытие французских спектаклей в нынешнем сезоне. –

la dame de St.-Tropez. – Наборные спектакли из водевилей. –

Меркаде-афферист. – Бенефис г. Верне. – «Первое апреля». – «Два способа». – Что такое драматическая пословица и как они пишутся?

– Фокусы и пьеса г. Верне. – *La vie de Bohême*. – Генрих Мюрже и пьесы, в которых действуют парижские цыгане. – Допускает ли сцена картины, производящие неприятное впечатление? – Г-жа Германн. – Водевиль. – «Якуб и Беранжера». (С. 44-58).

V. Провинциальные театры в России.

Несколько слов о провинциальных театрах.

Киевский театр. Его помещение. Состав труппы. Балет.

Костромской театр. Помещение. Труппа. Г. Конти и сестры Погожевы. Бантышев и Дюбик.

Ярославский театр. Состав труппы.

Тульский театр. Г. Милославский.

Кишиневский театр. (С. 1-14).

VI. Обзорение иностранных театров.

Франция. (Письмо из Парижа 24 марта (5 апреля 1852).

1. Кончина Эдмонда Севеста, директора Национальной Оперы. Его преемник. – Кончина Мерля, драматурга и драматического критика. Его краткая биография. – Процессы девицы Скриванек и Бокажа. – Новые правила для объявлений о спектаклях и общественных удовольствиях. – Театр Национальной Оперы: «Хуанита», опера Дюпре. – Театр «Одеон»: «Пять минут командора», драма Леона Гозлана. – Театр Драматической гимназии: «Вакансии Пандольфа», комедия Жорж Санд. – Театр Драматических шуток: «Дама с кобелиями», пародия братьев Коньяр и Буржуа. – Театр Веселости: «Капитан Клер-де-Люн», водевиль Альфонса Бро и Эжена Ньюса. – Театр Комических отдохновений. «Люсеттины фиалки», водевиль Дютертра и Теодора Неселя. – Театр Полерояльский: «Страсть с ванилью», водевиль Мельвиля и Ксавье. – «Мама Сабуле», водевиль Лабиша и Марка Мишеля. – Театр Драматической смеси: «Креолка Сара», драма Декурсели и Дюма-сына.
2. Письмо из Парижа от 1/13 мая.
 - Жорж Санд и фельетоны. – Направление театральных пьес. – Статистика театров. – Новая должность Понсара. – Художественная выставка в Париже. – Лаблаш уезжает. – Театр Комической оперы: «Мертвец», опера Адольфа Адана. «Мадонна», опера Ф. Базена. – Анекдот о Мегюле, исправленный и дополненный. – Французский театр: «Три страсти Тибулла», комедия Артюра Тальяна. – Театр Драматической гимназии: «Маркиза де-ла-Бретеш», комедия-водевиль Мельвиля и кармуша. «Пьяно Берты», водевиль Барьера и Жюля Лорена. – Мнение немца о французских театрах. – Театр Разнообразия: «Замок Катавен», водевиль. «Муху съел», комедия-водевиль Мишеля и Лабиша. – Театр Веселости: «Парижские заставы», драма Габриэля и Кармуша. – Палерояльский театр:

«Жили были дыва петуха», водевиль Лефрана. – Театр Комических увеселений: «Деревенский сосед», комедия Делиля. – Театр Сен-Мартенских ворот: «Бенвенуто-Челлини», драма Поля Мернса. – Два слова о лондонской опере. – Певвица Вагнер и мистер Лумлей. – Кончина столетней актрисы. – Испанский поэт и мадридские адвокаты. – Пробуждение гения. (С. 1-28).

VII. Смесь.

«Легкие эскизы из жизни художников» И. Виолетта. Рассказ Элизы Полько (С. 1-6).

«Марлиани», рассказ Иды Дюрингсфельд. (С. 7-13).

«Мавры в Испании и в Африке», Триплина. (С. 14-34).

«Быт современного Востока», Е. С. Македонского. (С. 35-58).

VIII. Московский вестник.

Несколько слов о погоде. – Концерты: Контского, сестер Дулькен, Нелисова, Фрибе и других. – Театры: г. Самойлов. Новости русской и французской школы: г-жа Шмиттова, Г-жа Соболева. – О полугодичной выставке в Училище живописи и ваяния. – Барельефы г. Лакуновского. – Некоторые размышления по поводу «дешевых товаров». – Гулянье под Новинским и разные фокусники. – Профессора мудреных наук. Жан Мартини и что такое слава? – Томболы и маскарады. – Два удовольствия, ожидающие Москву. – Литература: «Московский сборник». «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», г. А-ва. Издание П. Роппольда. «Дареджана», драма г. Полевого и что, кроме того, в «Москвитяине». (С. 1-18).

IX. Петербургский вестник.

Смерть Василия Андреевича Жуковского. – Прежняя и современная поэзия. – Антипоэтическое направление нашего века. – Сюрприз «Библиотеки для чтения». – «Самоучки», г. Пожарского. – «Приключения знатной старушки», без всяких приключений, но с разными претензиями. – Критика и фельетон «Библиотеки». – «Современник». – Новые сцены г. Меншикова. – Г. Гербель, его стихи и проза. – Ученые и критические статьи в апрельской книжке «Современника». – Новый поэт, подражатель Иногороднего Подписчика. – Новый фельетонист со старыми уловками. – Несколько слов о двух последних книгах «Отечественных записок». – Извлечения из иностранных журналов. – Лучшая статья во всей русской литературе. – Три музыкальные утра г. Л. Маурера. – Моцарт, Бетховен, Мендельсон-Бартольди. (Классики и романтики: г. Ленц, Берлиоз и Фелисьен Давид). Последнее слово симфонической теории Бетховена. – Общественная жизнь. (С. 1-32).

Х. Репертуар русской сцены № 5.

«№ 470, или Три тысячи рублей серебром». Водевиль в одном действии П. С. Федорова. (С. 1-26).

Новые музыкальные сочинения М. Бернарда.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ТАЛИСМАНЪ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СЪ ЭПИЛОГОМЪ

ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Князя Т. В. Кузюшева.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

НАТИНЪ, деревенскій житель.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА, его жена.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ЧУЖБИНИНЪ, прїѣзжій изъ столицы сосѣдь ихъ.

ДОЛИНЪ, его другъ, штабъ-ротмистръ полка, стоящаго близъ деревни Натина.

ПЕТРЪ ЭПИДИФОРОВИЧЪ ЧУЖБИНИНЪ, старикъ лѣтъ 60.

ЛИЗАНЬКА СТРЕЛЬСКАЯ, сирота подъ опекой у старика Чужбинина.

ВЕДОТЫЧЪ, старый слуга Чужбинина.

ЦИРЛИХЪ, докторъ.

ФИФИНЪ, молодой человекъ, 27 лѣтъ, сосѣдь Натинныхъ.

ФИФИНА, его мать.

ЕЛЕНА ЛЬВОВНА ЦЕЛЬСКАЯ, молодая вдова, провинціальная львица.

ЛАКЕЙ.

ГОСТИ.

Дѣйствіе въ деревнѣ Натинной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВЪЕРЬ.

Комната, ярко освѣщенная. По бокамъ, двери; въ глубинѣ, терасса, освѣщенная à la Kiaking. При поднятіи занавѣса, сцена полна танцующихъ, въ томъ числѣ и Чужбининъ съ Ольгой. Полька во всемъ разгарѣ. При первыхъ словахъ Ольги оркестръ умолкаетъ. Въ глубинѣ, видѣнъ Натинъ, знаками приглашающій гостей черезъ терассу въ садъ. Къ концу явленія, сцена пустѣетъ.

I.

ЧУЖБИНИНЪ, ОЛЬГА.

ОЛЬГА. Merçi, merçi, monsieur, Чужбининъ ... не могу больше.

ЧУЖБИНИНЪ (*подавая стулъ*). Отдохните, прошу васъ.

ОЛЬГА. Да ... это необходимо ... садитесь ...

ЧУЖБИНИНЪ. Сижу . . и жду ...

ОЛЬГА. Чего?..

ЧУЖБИНИНЪ. Продолженія нашего разговора.

ОЛЬГА. Какъ вы любопытны!

ЧУЖБИНИНЪ. Вы такъ меня заинтересовали ... о, говорите ... умо-
ляю васъ.

ОЛЬГА. Ахъ, дайте отдохнуть ... здѣсь такъ жарко ...

(*машетъ въеромъ*).

ЧУЖБИНИНЪ. Какой чудный въеръ ... позвольте взглянуть.

ОЛЬГА (*быстро складывая его*). Мой въеръ? quelle idée.

ЧУЖБИНИНЪ. Какая удивительная работа!.. позвольте на-минуту

ОЛЬГА. Нѣтъ ... нѣтъ, ни за что на свѣтъ.

ЧУЖБИНИНЪ. Отчего-же?

ОЛЬГА. Такъ ... капризь ... видите, какой у меня дурной характеръ.

ЧУЖБИНИНЪ. Не смѣю настаивать.

ОЛЬГА. Довольно о вѣрѣ ... Начнемъ, лучше, нашъ прерванный разговоръ... И такъ, катаясь верхомъ, я васъ видѣла вчера въ 6 часовъ, съ ружьемъ, стоящаго, прислонясь къ дереву, и...

ЧУЖБИНИНЪ. И?..

ОЛЬГА. Мечтающаго, вѣроятно, о суетѣ мірской ..

ЧУЖБИНИНЪ (*всторону*). Еслибъ она знала о комъ и о чемъ я мечталъ ...

ОЛЬГА. Что-жь, видите ли, я права, что вы мечтатель.

ЧУЖБИНИНЪ (*всторону*). Рѣшусь ли я ей сказать наконецъ? (*ей*) Можетъ быть, я мечтатель, но въ какомъ смыслѣ понимаете вы это слово? Часто подъ этимъ именемъ разумѣютъ сумазброда.

ОЛЬГА. Ахъ, что это? Могу ли я понимать васъ такъ ... Чужбининъ!...

ЧУЖБИНИНЪ. Теперь, именно теперь бы шло ко мнѣ названіе безумца.

ОЛЬГА. Вотъ какъ! почему?

ЧУЖБИНИНЪ. Потому-что ... Ахъ, повѣсть несчастливца скучна и однообразна.

ОЛЬГА. Говорите ... я, люблю повѣсти; говорите.

ЧУЖБИНИНЪ. Къ чему? сердце мужчины не должно требовать участія.

ОЛЬГА. Вы думаете?... Знаете, что: вы еще очень молоды ...

ЧУЖБИНИНЪ. То-есть, дитя, хотите вы сказать?

ОЛЬГА. Нѣтъ, не то. Я хочу сказать, что нѣтъ такого несчастія, которое могло-бы отравить въ ваши лѣта душу. Что бы ни было, все пройдетъ со временемъ, — неправда ли, все пройдетъ?

ЧУЖБИНИНЪ. И вы такъ обо мнѣ думаете?

ОЛЬГА. Впрочемъ, нѣтъ... можетъ быть, природа надѣлила васъ однимъ изъ тѣхъ характеровъ, которые, питая одно чувство, не подчиняются ни времени, ни обстоятельствамъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Вы угадали ...

ОЛЬГА. Въ такомъ случаѣ, мнѣ жаль васъ ... однако мы одни ... какая я плохая хозяйка! пойду любезничать съ дамами ... прощайте ... то-есть, до свиданія завтра, послѣ-завтра... мы такіе близкіе сосѣди ..

ЧУЖБИНИНЪ. Позвольте мнѣ предложить вамъ мою руку.

ОЛЬГА. Еще порокъ! неблагодарность! Я удѣлила вамъ нѣсколько минутъ...ихъ сочли, повѣрьте мнѣ...теперь опять идти туда съ вами...

что скажутъ!.. знаете, что скажутъ? скажутъ, что мы влюблены другъ въ друга.

ЧУЖБИНИНЪ. Мы ...

ОЛЬГА (*протягивая руку*). Друзья... неправда ли?... (*идетъ къ двери*).

ЧУЖБИНИНЪ. Есть ли возможность сказать ей, что ...

ОЛЬГА (*возвращаясь*). Ахъ, я забыла мой вѣеръ.

ЧУЖБИНИНЪ. Вотъ онъ, тутъ на креслѣ ... позвольте, сейчасъ ...

ОЛЬГА. Нѣтъ ... нѣтъ ... я сама, сама возьму ... вотъ такъ безпрестанно все забываю ... не знаю, что со мною дѣлается ... мечтательность, видно, приличива .. Au revoir! (*убѣгаетъ*).

II.

ДОЛИНЪ и ЧУЖБИНИНЪ

ЧУЖБИНИНЪ. Какъ хороша! какъ ловка! какъ образована! какъ умна! Не истинное ли наслажденіе найти такой кладъ въ глуши, за тысячу верстъ отъ Петербурга, узнать его, оцѣнить, привыкнуть къ нему, сродниться и оставить надолго, можетъ быть навсегда! — Какъ только вспомню, что уже завтра ... дрожь пробѣгаетъ по жиламъ ... мнѣ холодно, а голова горитъ... какое-то нервическое разстройство, слабость... Ее оставить!... Это ужасно!

(*Долинъ входитъ ранѣе и слушаетъ.*)

ДОЛИНЪ (*хохочетъ*). Ха! ха! ха!

ЧУЖБИНИНЪ. Тебѣ смѣшно, всегда смѣшно ... Однако, что это значить, прошу растолковать: я былъ съ ней сію минуту одинъ, могъ говорить ... откровенно, и не смѣлъ ... не могъ рѣшиться сказать ей, что вижу ее въ послѣдній разъ, что ѣду ... что ... не смѣлъ сказать потому-что, мнѣ кажется, мой отъѣздъ ее огорчитъ ... разстроитъ ...

ДОЛИНЪ. Бѣдный мечтатель!... А если это не огорчитъ ее?

ЧУЖБИНИНЪ. Не можетъ быть, чтобъ она не замѣтила любви моей! И можно-ли не любить Ольгу? Эти глаза, сверкающіе чувствомъ и умомъ, этотъ милый очеркъ лица, этотъ чудный голосъ, все влечетъ къ ней, все очаровываетъ ...

ДОЛИНЪ. Ну, а эта гордая осанка эта увѣренность въ красоту?

ЧУЖБИНИНЪ. Ахъ, они-то и отнимали у меня всю смѣлость. Любезности не хотѣли никакъ сойти съ языка моего, и я въ эти два

мѣсяца, которые пробылъ въ деревнѣ, едва сказалъ съ нею нѣсколько словъ—а ты знаешь, я сошелся съ ея мужемъ, коротко дружески, бывалъ здѣсь часто, почти каждый день ... и молчалъ ...

ДОЛИНЪ. Ну, что-жь она?

ЧУЖБИНИНЪ. Она была со мною всегда одинаково мила, привѣтлива...

ДОЛИНЪ. То-есть, такъ же, какъ и съ тѣмъ кавалеромъ, который ее теперь, можетъ быть, ангажируетъ на мазурку?

ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ, не можетъ быть ... она, бывало, пристально посмотритъ мнѣ въ глаза, недолго, нѣсколько секундъ, но взглядъ этотъ всегда прожигалъ мнѣ сердце. Боже мой! думалъ ли я, что петербургскій житель, я здѣсь найду созданіе, которое помирить меня съ жизнью, который заставитъ меня любить и страдать!

ДОЛИНЪ. Бѣдный Чужбининъ! Узнавъ два мѣсяца тому назадъ о пріѣздѣ моего стараго товарища и обнимая его здороваго и веселаго, думалъ ли я, что онъ въ какія-нибудь восемь недѣль сдѣлается мечтателемъ, худымъ, блѣднымъ, влюбленнымъ, то-есть, глупымъ, что одно и то же ..

ЧУЖБИНИНЪ. Владиміръ ...

ДОЛИНЪ. Извини, мой другъ: у меня ужъ такой взглядъ на влюбленныхъ вообще и на тебя въ особенности.

ЧУЖБИНИНЪ. То-есть, другими словами, ты хочешь сказать, что я глупъ.

ДОЛИНЪ. Чрезвычайно!... то-есть, въ эту только минуту. Сохнуть, умирать по женщинѣ, которая, можетъ быть, и не подозреваетъ твоей любви! Позвольте спросить, по вашему, это какъ называется?

ЧУЖБИНИНЪ. Но если она меня любитъ?

ДОЛИНЪ. Да вѣдь это все однѣ предположенія!

ЧУЖБИНИНЪ. О! сердце ея останется для меня всегдашней тайной. Ты знаешь, я въ Петербургѣ оставилъ больного старика отца, по порученію котораго пріѣхалъ сюда устроить кой-какія дѣла ...

ДОЛИНЪ. Ну, а влюбиться-то тебѣ тоже отецъ поручилъ? а?

ЧУЖБИНИНЪ. Ты все шутишь!... Окончивъ все и слыша, что здоровье отца моего сдѣлалось еще хуже, я ѣду, ѣду завтра-же, ѣду чрезъ нѣсколько часовъ, потому-что ужъ свѣтаетъ, и я, вернувшись съ бала, переменяю только фракъ на пальто, и лихая ямская тройка умчитъ меня надолго, быть можетъ, навсегда отсюда.

ДОЛИНЪ. Какъ это трогательно ... Я тебя люблю, ты это знаешь, и потому-то, что люблю, и говорю, убирайся, убирайся, и какъ можно скорѣе.

ЧУЖБИНИНЪ. И это, по твоему, дружба!...

ДОЛИНЪ. Самая искренняя, которая говоритъ языкомъ сердца, языкомъ опыта! Ты любишь ее, положимъ. Но къ чему это поведетъ?... Положимъ даже, что и она тебя любить... что же изъ этого? Она замужемъ. У нея есть обязанности. Если она не мать еще, такъ будетъ ею. Положимъ, что ее насильно отдали за богатаго старика, который ее моритъ въ деревнѣ, хоть и даетъ балы; все же, если она умна, то не бросится къ тебѣ на шею, не забудетъ своего долга, не забудетъ приличій ... а ты сохни, сокрушайся, я тебѣ совѣтую. Да нѣтъ, чортъ возьми! уѣзжай, вотъ и дѣлу конецъ ... Тамъ, братъ, въ Петербургѣ, такихъ красавицъ не перечесть; мѣсяць, другой пройдетъ, а тамъ, глядишь, и того...

ЧУЖБИНИНЪ. Чтó ты хочешь сказать?

ДОЛИНЪ. То, что ты тамъ опять точно также влюбишься.

ЧУЖБИНИНЪ. Мнѣ забыть Ольгу! Мнѣ полюбить другую!

ДОЛИНЪ. А вотъ увидишь.

ЧУЖБИНИНЪ. Э, перестань! Я умру отъ этой разлуки, — вотъ, что я знаю!

ДОЛИНЪ. Не умрешь, а смертельно влюбишься.

ЧУЖБИНИНЪ. Никогда!

ДОЛИНЪ. Пари?

ЧУЖБИНИНЪ. Изволь.

ДОЛИНЪ. Только слушай ... Постарайся достать отъ Ольги Павловны что-нибудь въ доказательство ея любви, которой я, впрочемъ, не вѣрю, и обѣщай мнѣ, если ты проиграешь, отдать мнѣ ту вещь, которая напоминала прошедшую уже страсть.

ЧУЖБИНИНЪ. Хорошо, я согласенъ. Только, если Ольга и оставить мнѣ что-нибудь на память, ты это что-нибудь никогда не получишь.

ДОЛИНЪ. Ну, не думаю.

ЧУЖБИНИНЪ. Тсъ! кто-то идетъ.

ДОЛИНЪ. А! Елена Львовна Пельская.

ЧУЖБИНИНЪ. Несносная кокетка!

III.

ТѢЖЕ И ПЕЛЬСКАЯ.

ПЕЛЬСКАЯ. Ну такъ, я это знала! Орестъ и Пиладъ всегда вмѣстѣ... По, извините, я, можетъ быть, прерываю весьма интересный разговоръ?...

- ЧУЖБИНИНЪ.** Нѣтъ... мы говорили... (*отходитъ*).
- ДОЛИНЪ.** То—есть, спорили, кому изъ насъ вы окажете преимущество и позволите протанцовать съ вами мазурку.
- ПЕЛЬСКАЯ.** Вы меня ставите въ весьма затруднительное положеніе.
- ЧУЖБИНИНЪ.** Вы знаете, впрочемъ, что Долинъ извѣстный танцоръ по всему уѣзду.
- ПЕЛЬСКАЯ** (*Чужбинину*). А вы не любите мазурки?
- ЧУЖБИНИНЪ.** Я не хочу обидѣть моего друга.
- ПЕЛЬСКАЯ.** Это рѣдкая черта дружбы!
- ДОЛИНЪ** (*Ей*). Неправда ли, какое самоотверженіе?
- ПЕЛЬСКАЯ.** Не думаю... Хозяйка дома тоже не будетъ танцовать и М-г Чужбининъ не будетъ въ накладѣ.
- ЧУЖБИНИНЪ.** Чтó вы хотите этимъ сказать?
- ПЕЛЬСКАЯ.** О, ничего особеннаго... она такъ любезна....
- ДОЛИНЪ** (*всторону*). Да онъ просто Донъ-Жуанъ! И этой вскружилъ голову.
- ПЕЛЬСКАЯ** (*Чужбинину*). Она такъ привѣтлива...
- ЧУЖБИНИНЪ.** Но все менѣе васъ.
- ПЕЛЬСКАЯ.** Вы мнѣ льстите.
- ДОЛИНЪ** (*всторону*). Уведу ее скорѣе.
- ЧУЖБИНИНЪ.** Надо отдать ей справедливость, что она всегда одинакова.
- ПЕЛЬСКАЯ.** Мнѣ кажется...
- ДОЛИНЪ.** Я слышу музыку.
- ПЕЛЬСКАЯ** (*Долинъ отходитъ въ глубину*). Сейчасъ, М-г Долинъ. Мнѣ кажется, что съ вами она какъ-то разговорчивѣе.
- ЧУЖБИНИНЪ.** Вы находите?...
- ДОЛИНЪ** (*возвращаясь*). Право, я слышу музыку.
- ПЕЛЬСКАЯ.** Сейчасъ... Ужъ вы ей... не съ родни ли?
- ЧУЖБИНИНЪ.** Нѣтъ.
- ДОЛИНЪ** (*возвращаясь*). Начинаютъ! Увѣряю васъ!
- ПЕЛЬСКАЯ.** Сейчасъ... Вы пользуетесь однако нѣкоторыми преимуществами, которыя...
- ЧУЖБИНИНЪ.** Которыя происходятъ оттого, сударыня... (*всторону*) Неужели въ-самомъ-дѣлѣ, она меня такъ замѣтно отличаетъ?...
- ПЕЛЬСКАЯ.** Отчего же?
- ЧУЖБИНИНЪ.** Оттого, что, уѣзжая въ Петербургъ... я...
- ПЕЛЬСКАЯ.** Вы ѣдете?!
- ДОЛИНЪ** (*подходитъ изъ глубины, она схватываетъ его за руку*). Мазурку... Боже мой! что съ вами?

ПЕЛЬСКАЯ (*схватывая его за руку*). Ничего, сейчас ... танцовать, да, танцовать ...

ЧУЖБИНИНЪ. Я былъ въ домѣ здѣсь, какъ свой ... немудрено, что ... при разставаніи ... (*всторону*). Несносная женщина! ... она ее ненавидитъ и готова ни вѣсть что насплетничать.

ПЕЛЬСКАЯ. И вы скоро ѣдете?

ЧУЖБИНИНЪ. Черезъ часъ.

ПЕЛЬСКАЯ. Черезъ часъ!

ДОЛИНЪ. Что съ вами?... право, вы блѣднѣете.

ПЕЛЬСКАЯ. Нѣтъ ... ничего ...

ДОЛИНЪ (*всторону*). Какое ничего ... такъ руку жметъ, что не въ терпежъ! Любить моего Донъ-Жуана ... уведу ее скорѣй танцовать, а то, пожалуй, брякнетъ ему что-нибудь такое ... бѣда!

ПЕЛЬСКАЯ (*оправляясь*). Танцовать, танцовать ... (*всторону*). О! я узнаю, любить ли онъ ее ... но онъ ѣдетъ ... и все кончено ... Это первая моя неудача и, клянусь, послѣдняя ... (*Чужбинину*) Желаю вамъ счастливаго пути. (*всторону*) Пойду, расскажу все, что онъ ѣдетъ, слухъ дойдетъ и до нея, и я увижу по глазамъ, какое впечатлѣніе произведетъ на нее эта новость.

ДОЛИНЪ (*всторону*). Что она себѣ подъ носъ шепчетъ?... сударыня, мазурка! я горю ...

ПЕЛЬСКАЯ. Сейчас ... прощайте, М-г Чужбининъ! ... Танцовать, танцовать ... (*убѣгаетъ*).

ДОЛИНЪ (*за ней, — Чужбинину*). Насилу! Смотри, не забудь наше пари.

IV.

ЧУЖБИНИНЪ одинъ, потомъ **ФИФИНЪ**.

ЧУЖБИНИНЪ. Наконецъ-то Какая странная женщина эта Пельская! Я ее видалъ здѣсь очень часто и каждый разъ она находила случай и наединѣ, даже при людяхъ, кольнуть меня на счетъ Ольги. Ясно, что она къ ней ревнуетъ. Она думаетъ, что я только *ухаживаю* за Ольгою, какъ это говорятъ, что я ей говорю разныя любезности, и Пельской досадно. Ахъ, она не знаетъ, что я люблю глубоко, чисто, безнадёжно. Опять кто-то идетъ ... какая скука!

ФИФИНЪ (*съ вѣрою*). Ольга Павловна! Ольга Павловна!... Извините, мосьё Чужбининъ. Вы не изволили видѣть Ольгу Павловну?

ЧУЖБИНИНЪ. Полчаса тому назадъ.

ФИФИНЪ. Полчаса тому назадъ, я самъ ее видѣлъ, даже танцовалъ съ нею кадрилъ.

ЧУЖБИНИНЪ. А! вы съ нею танцовали?...

ФИФИНЪ. Да-съ; что за женщина, я вамъ скажу, просто, же вузанъ при!

ЧУЖБИНИНЪ. Я васъ не понимаю.

ФИФИНЪ. Я самъ себя не понимаю! Со мною дѣлается что-то необыкновенное! Я въ ажитациі, такъ сказать.

ЧУЖБИНИНЪ. Это замѣтно.

ФИФИНЪ. Неужели? Ну, пусть замѣтно, что я влюбленъ!

ЧУЖБИНИНЪ. Вы?...

ФИФИНЪ. Да-съ, я, какъ вы меня видите, я, имѣющій отъ роду двадцать семь лѣтъ и три мѣсяца, служившій прежде, но по обстоятельствамъ, бывшій, такъ сказать, вынужденъ, точнѣе, приглашенъ подать въ отставку; наконецъ, слывшій непобѣдимымъ по части любви и волокитства, — я, Илья Федотовъ сынъ, Фифинъ, влюбленъ... А!...

ЧУЖБИНИНЪ. Скажите, пожалуйста!...

ФИФИНЪ. Ахъ, не просите, я и такъ скажу! я готовъ сказать цѣлому свѣту: «свѣтъ! смотри на меня.... я люблю женщину....»

ФИФИНА (за сценой). Илюша!... Илья Федотычъ!

ФИФИНЪ. Батюшки, маменька!... Вы ее не знаете, — ухъ, строгая женщина! Ради Бога, если она у васъ спроситъ обо мнѣ, не говорите ей; что я влюбленъ, прошу васъ; она находитъ, что дѣти не должны понимать, что такое любовь.

ЧУЖБИНИНЪ. Но развѣ вы...

ФИФИНЪ. Ахъ, ужъ не говорите!...

ГОЛОСЪ. Илья Федотычъ! гдѣ-же ты, негодный?...

ФИФИНЪ. Слышите, какъ нѣжно зоветъ меня маменька? Она, вѣрно, хочетъ ѣхать и увезти меня.

ФИФИНА (входя). Вотъ онъ, сорванецъ! Вотъ онъ! Вотъ почтеніе къ матери, вотъ уваженіе! Жди путнаго отъ этихъ мальчишекъ!

ЧУЖБИНИНЪ (всторону). Хорошъ мальчишка въ бакенбартахъ!

ФИФИНА. Мать несчастная устала: ищетъ, ищетъ сынка; куда тебѣ, пропалъ, словно сквозь землю провалился!

ФИФИНЪ. Маменька!

ФИФИНА. Молчи, негодный мальчишка! поѣдемъ домой; мочи нѣтъ — бѣлый день на дворѣ, и грѣхъ-то какой: люди къ заутрени, а мы съ бала, изволите ли видѣть, ѣдемъ спать ложиться.

ФИФИНЪ. Вольно-жъ было вамъ, маменька, ѣздить.

ФИФИНА. Чтобъ я тебя одного пустила въ большее общество! Ни за что! По глупости, по молодости, по ребячеству, по неопытности, по невинности, натворишь такихъ проказъ, что и Боже сохрани!

ФИФИНЪ (*Чужбинину*). Ну, скажите, пожалуйста!

ФИФИНА. Поѣдемъ, поѣдемъ, батюшка.

ФИФИНЪ. Сейчасъ, маменька. Надо только сыскать Ольгу Павловну.

ФИФИНА. Это для чего, это для чего? Ужъ не любовь ли проклятая?... Нѣтъ! этотъ человекъ уморить меня когда-нибудь!

ФИФИНЪ. Да мнѣ надо ей отдать вотъ эту штучку.

ЧУЖБИНИНЪ. Что вы говорите?... Этотъ вѣерь принадлежитъ ей... Что-жъ вы раньше не сказали! Чтобъ не задерживать вашу почтенную матушку, я возьмусь отдать ей этотъ вѣерь.

ФИФИНА. Какой милый, умный, образованный человекъ!

ФИФИНЪ. Такъ вы ей доставите?

ФИФИНА. Покорнѣйше благодарю, батюшка, что вы ребенка-то моего выводите изъ бѣды... всякая дрянь забавляетъ... взялъ чужую вещь, да и носится съ нею... ѣхать надо, а тутъ... покорно васъ благодарю.

ЧУЖБИНИНЪ. Помилуйте, мнѣ очень пріятно.

ФИФИНА. Вѣдь я васъ, батюшка, очень хорошо знаю. (*Сыну*) Кто бишь это такой? а?

ФИФИНЪ. Чужбининъ, маменька.

ФИФИНА. Да ты не врешь ли, душечка?...

ФИФИНЪ. Не вру-съ, маменька.

ФИФИНА. Въ Петербургъ ѣхать изволите?...

ЧУЖБИНИНЪ. Кто вамъ могъ сказать?...

ФИФИНА. Говорятъ, батюшка.

ФИФИНЪ. Это Пельская распустила молву.

ФИФИНА. Говори, глупенькій, почтительнѣе...

ФИФИНЪ. Я въ это время только-что кончилъ съ Ольгой Павловной послѣднюю фигуру кадрили, вдругъ подходитъ Пельская и говоритъ ей, что вы ѣдете.

ЧУЖБИНИНЪ. Что-жъ она?

ФИФИНЪ. Ничего.

ЧУЖБИНИНЪ. Я это зналъ.

ФИФИНЪ. Она, не дождавшись, пока кончатъ другія пары фигуру, сказала что-то шопотомъ... уронила платокъ и вѣерь, наклонила этакъ, знаете, голову, потомъ этакъ ручку приложила къ груди убѣжала... я за ней, да вотъ и бѣгаю и ищу.

ЧУЖБИНИНЪ. Какъ, вы говорите, что....

ФИФИНА. Поѣдемъ, Плюша, пора. (*Чужбинину*) Прощайте, батюшка, покорно благодарю; смерть спать хочется. (*Уходитъ*) Плюша....

ФИФИНЪ. Иду, маменька ... Такъ вы отдадите ей вѣрзь?

ЧУЖБИНИНЪ. Непремѣнно. — Странно . . это смущеніе

ГОЛОСЪ ФИФИНОЙ. Илья Федотычъ!

ФИФИНЪ. Сейчасъ, мамаша. Послушайте, нельзя ли, въ разговорахъ этакъ, намекнуть ей про мою любовь? А?

ЧУЖБИНИНЪ. Постараюсь. — И ничего особеннаго въ этомъ вѣрзь... хорошъ, какъ прихоть, какъ игрушка, а между-тѣмъ... невольное сомнѣніе....

ФИФИНА (*въ дверяхъ*). Что-жь, долго ли мнѣ ждать васъ, Илья Федотычъ? (*уходитъ*).

ФИФИНЪ. Сейчасъ, сейчасъ... сдѣлайте дружбу только, не говорите маменькѣ. (*Уходитъ*).

ЧУЖБИНИНЪ. Прощайте, прощайте. — Какіе несносные люди! Однакожь они доставили мнѣ средство, предлогъ къ разговору съ нею; быть можетъ, это будетъ нашъ послѣдній разговоръ.... Я не понимаю, почему она не хотѣла мнѣ показать этотъ вѣрзь? вѣрно, испытывала мое терпѣніе.

ФИФИНА (*входя*). Извините, батюшка: позвольте васъ спросить, что вамъ мой Плюша говорилъ, когда я ушла? Мнѣ что-то подозрительно... все худѣтъ: ребенокъ-то, никакъ, влюбился.

ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ-съ мы говорили ... о погодѣ...

ФИФИНЪ. А?... разговоръ дѣльный, а я думала что-нибудь этакое ... глупое ... извините. (*Уходитъ*).

ЧУЖБИНИНЪ. Пронадай ты старая! .. Однакожь, четвертый часъ. Пойти поискать Ольгу и проститься ... надо когда-нибудь уѣхать: минутой раньше, минутой позже, не все ли равно?

ФИФИНЪ (*вбѣгая*). Я прибѣжалъ, пока на маменьку надѣваютъ сапожь, срѣсать у васъ, сударь — имени не имѣю чести знать — не сказали вы ей про мою несчастную любовь?

ЧУЖБИНИНЪ. Опять! Да нѣтъ же, говорятъ вамъ!

ФИФИНЪ. Вы меня успокоиваете. А то, знаете, она иногда употребляетъ такія средства ... что ... Извините (*идетъ къ двери. — Натинъ входитъ*).

НАТИНЪ. А! Илья Федотычъ!

ФИФИНЪ. Извините ... маменька въ каретѣ.

НАТИНЪ. Такъ вы-бы остались.

ФИФИНЪ. Нѣтъ-съ, ужъ гдѣ маменька, тутъ и я (*всторону*). Толстый счастливецъ, какая у него тонкая жена!

НАТИНЪ. Не смѣю васъ удерживать.

ФИФИНЪ. Ничего, помилуйте, прощайте! — *(Уходитъ)*.

У.

ЧУЖБИНИНЪ, НАТИНЪ.

НАТИНЪ. Чужбининъ! что я слышу, душа моя, ты ѣдешь?...

ЧУЖБИНИНЪ. Что дѣлать?... Болѣзнь батюшки и окончанныя дѣла заставляютъ меня воротиться.

НАТИНЪ. Охъ, ужъ это мнѣ не по нутру: еслибъ ты зналъ, такъ, право ...

ФИФИНЪ *(входя)*. Извините, ваше превосходительство!...

ЧУЖБИНИНЪ. Фу, ты пропасть, какой неотвязный!

ФИФИНЪ. Ольгъ Павловнъ мое почтеніе.

НАТИНЪ. Благодарю васъ за вниманіе.

ФИФИНЪ. Ничего, помилуйте.

ЛАКЕЙ *(Фифину)*. Маменька приказали вамъ сказать, чтобы вы пожаловали въ карету.

ФИФИНЪ. Неужели такъ сказала? Бѣгу! ... извините.

(Убѣгаетъ, за нимъ лакей).

НАТИНЪ. Вотъ, этакой дурень, небось, не уѣдетъ, чортъ возьми! Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ досадно ...

ЧУЖБИНИНЪ. Благодарю васъ за участіе, которое вы принимаете во мнѣ; но ради Бога, не станемъ говорить объ этомъ. Кажитесь равнодушнымъ, мнѣ легче будетъ уѣхать. *(Играетъ въеромъ)*. Мнѣ легче будетъ, если не забыть, то волею побѣдить на-минуту воспоминаніе тѣхъ дней, которые я проводилъ съ вами.

НАТИНЪ. Какая душа, какія чувства! ...

ЧУЖБИНИНЪ. Мнѣ легче будетъ забыть... *(Взглянувъ на вѣеръ)*. Боже мой! что я вижу? ...

НАТИНЪ. Что съ тобою? ... что такое? ...

ЧУЖБИНИНЪ. Ничего ... такъ ... ничего ... *(всторону)*. Мой портретъ ... у ней въ вѣерѣ.

НАТИНЪ. Ты блѣденъ... ты дрожишь ...

ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ... это отъ волненія... это пройдетъ. *(Всторону)* Какимъ-образомъ объяснить это? ... Неужели она написала его по памяти ...

НАТИНЪ (*всторону*). Рѣдкій молодой человекъ! какъ онъ ко мнѣ привязанъ!

ЧУЖБИНИНЪ (*всторону*). По памяти ... я въ ея памяти ... она меня любить ... она! ...

НАТИНЪ. Кто? ... что такое? ... ты видишь кого-то? ...

ЧУЖБИНИНЪ (*у окна*). Да ... тамъ, въ саду, мнѣ показалось ... прошли по террасѣ ... мелькнула ...

НАТИНЪ. А! понимаю ... сердечная зазноба ... Въ твои лѣта, я самъ, бывало, того ... понимаю теперь твое волненіе: разлука съ милой ...

ЧУЖБИНИНЪ (*сидясь*). Да ... разлука ... можетъ быть, вѣчная ...

НАТИНЪ. Ну, ужъ и вѣчная! когда-нибудь вернешься, а теперь покаместъ, возьми у ней что-нибудь на память ... вотъ, хоть этотъ вѣеръ.

ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ у нея останется.

НАТИНЪ. Стало быть, это ея вѣеръ?

ЧУЖБИНИНЪ. Вотъ положеніе ... да ... нѣтъ ...

НАТИНЪ. Да перестань секретничать ... покажи.

ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ ... нѣтъ, ни за что на свѣтъ!

НАТИНЪ. Да отчего-же?

ЧУЖБИНИНЪ. Ахъ, не требуйте отъ меня этого ...

НАТИНЪ. По мнѣ пожалуй, только отчего-бы, кажется, не показать.

ЧУЖБИНИНЪ. Такъ ... ужъ это мое правило, капризъ ... фальшивое правило дорожить привязанностію ... хранить тайну ... это глупо, не правда ли? Смѣшно? ... ха ... ха ... (*смѣется принужденно*).

НАТИНЪ. Это, точно, оригинальное упорство ... особенно въ твои лѣта! Ха, ха! ...

ЧУЖБИНИНЪ. Неправда ли? ... Ха, ха, ха! (*смѣются*).

VI.

ТѢЖЕ и НАТИНА.

НАТИНА. Наконецъ я нашла его ... онъ съ мужемъ ... о чемъ это вы такъ смѣтаетесь?

ЧУЖБИНИНЪ. Она ... Боже мой! ...

НАТИНЪ. Такъ, мой другъ, начали грустно, кончили весело.

НАТИНА. М-г Чужбининъ, какимъ-образомъ очутился у васъ мой вѣеръ?

ЧУЖБИНИНЪ. О! ... какое мученіе! ...

НАТИНЪ. Что? ... вашъ вѣрь? это вашъ вѣрь? ...

ЧУЖБИНИНЪ. Помилуйте, какой-же это вашъ вѣрь? Вы ошибаетесь, посмотрите ... этотъ вѣрь мнѣ отдашь ... взгляните хорошенько ... (ей). Откажитесь отъ него ... умоляю васъ ... откажитесь.

НАТИНА. Ахъ, точно ... теперь я вижу ... есть сходство ... но ... это не мой ...

ЧУЖБИНИНЪ. На вашемъ вырѣзанъ вензель Петра Петровича, если не ошибаюсь ... Говорите ... да ...

НАТИНА (едва говоритъ). Да ... вырѣзанъ ... вензель ...

ЧУЖБИНИНЪ (ему). А на этомъ ... посмотрите ...

НАТИНА (всторону). Чтò онъ дѣлаетъ!

НАТИНЪ. Твой портретъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Можетъ-ли вѣрь съ моимъ портретомъ принадлежать вашей супругѣ?

НАТИНЪ. Ахъ да, точно ... это той ... ха, ха, ха! а я было подумалъ! ха, ха, ха! (громко хохочетъ).

ЧУЖБИНИНЪ. Ну, вотъ видите, — ха, ха, ха! (ей). Смѣйтесь ... смѣйтесь и вы ... это необходимо ...

НАТИНА. Въ-самомъ-дѣлѣ это очень забавно! ха, ха, ха!

НАТИНЪ. Неправда-ли? ... ха, ха, ха! Пойду, всемъ расскажу этотъ анекдотъ.

НАТИНА. Ахъ, умоляю васъ, пощадите ... несчастную жертву нашего смѣха ...

ЧУЖБИНИНЪ. Тутъ замѣшана честь женщины, которой принадлежит этотъ вѣрь, а потомъ и моя собственная... Чтò скажутъ, чтò подумаютъ?..

НАТИНЪ. Ну, хорошо, хорошо, не буду, ха, ха, ха!

НАТИНА. Отдыхаю!

ЧУЖБИНИНЪ. Я на васъ надѣюсь ...

НАТИНА. Вы-бы подумали объ ужинѣ; губернаторъ взялъ уже шляпу.

НАТИНЪ. Неужели? ... О, я не пушу его безъ ужина, ни за что на свѣтъ; да и тебя то-же, мой любезный завоеватель сердець... Пари держу: вѣрно замужняя женщина. Бѣдный мужъ! (хохочетъ) Уѣдетъ, и кончено ... Знаешь, Олинька, вѣдь онъ ѣдетъ завтра ... бѣдный мужъ!

НАТИНА. Я это слышала ... но ...

НАТИНЪ. Не вѣришь? ... право ...

ЧУЖБИНИНЪ. Губернаторъ уѣдетъ ...

НАТИНЪ (торжественно). Безъ ужина? Никогда! ... За это я отвѣчаю! (уходитъ).

VII.

ЧУЖБИНИНЪ и НАТИНА.

НАТИНА. Объясните, ради Бога, какимъ-образомъ этотъ вѣрь у васъ въ рукахъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Вы его уронили при концѣ кадрили ...

НАТИНА. И вы его подняли? ...

ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ.

НАТИНА. Кто-же? ... Я вся дрожу ... кто? ...

ЧУЖБИНИНЪ. Фифинъ.

НАТИНА. И онъ видѣлъ? онъ видѣлъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Не думаю, я даже увѣренъ, что онъ не видалъ, но я...

НАТИНА. Вы ...

ЧУЖБИНИНЪ. Я увидѣлъ тайну этого вѣера, въ ту минуту, когда говорилъ съ вашимъ мужемъ ... невольно я произнесъ что-то такое и долженъ былъ въ оправданіе сочинить цѣлую исторію, что я люблю друг... люблю кого-то ... что этотъ вѣерь подаренъ на память ... Ахъ, Ольга Павловна, я принужденъ былъ лгать и все-бы кончилось благополучно, еслибъ вы неосторожнымъ вопросомъ не испортили дѣла ...

НАТИНА. Которое вы такъ умно, такъ великодушно исправили.

ЧУЖБИНИНЪ. Изъ нашего дружескаго прощанія чуть не вышло драматической сцены.

НАТИНА. Но скажите, неужели правда, что мнѣ твердятъ каждую минуту, неужели *точно* правда ... что я ... что мы видимъ васъ въ послѣдній разъ ...

ЧУЖБИНИНЪ. Да ... Ольга Павловна ...

НАТИНА. Да? ... вы сказали, да? ...

ЧУЖБИНИНЪ. Дѣла ... обязанности ... обстоятельства ...

НАТИНА. Теперь только я начинаю вѣрить ...

ЧУЖБИНИНЪ. Я уѣзжаю такимъ же грустнымъ, какимъ пріѣхалъ, хотя этотъ вѣерь ...

НАТИНА. Навелъ на васъ сомнѣніе, не правда-ли, далъ надежду, открылъ вамъ многое и вы ... о, благородный человекъ!.. судьба этого хочеть, спорить съ нею мы не въ силахъ. Прощайте, Андрей Петровичъ, наединѣ мы сойдемся едва-ли сегодня, а при людяхъ, страшно взглянуть, не только вымолвить слово ... Будьте счастливы. Не женитесь никогда по расчету; не ищите руки той, которая выйдетъ за васъ

только изъ повиновенія, не голосу сердца, обстоятельствамъ; какъ-бы вы ни любили ее, вы не будете счастливы . . вы... нѣтъ ... я не могу ... я плачу ... этотъ вѣрь ... эти слезы ... зачѣмъ скрывать ... чего еще ..

ЧУЖБИНИНЪ. Ольга! ... Ольга! ... простите безумцу ... я скажу это роковое слово ... но вы его уже угадали ... я люблю васъ ...

НАТИНА. Да ... я это знаю, я ...

ЧУЖБИНИНЪ. А вы Ольга? ...

НАТИНА. О! ... довольно ... довольно...вы счастливы ... уѣзжайте теперь...уѣзжайте...уморите меня...уморите...это такъ легко...прощайте, прощайте! ... (*бѣжитъ и возвращается*). Если вы уѣдете ... я ... нѣтъ, вы не захотите моей гибели ... До свиданья ... до свиданья!.. (*Убѣгаетъ*).

ЧУЖБИНИНЪ. Ольга! Ольга! Она меня любить! И сказать мнѣ это въ ту самую минуту, когда я долженъ съ ней разстаться, узнать свое счастье и отказаться? отъ него ... Нѣтъ, я останусь здѣсь ... я не могу ... я не могу, когда она меня любить ... но отецъ, страдающій, больной призываетъ меня въ свои объятія ... я слышу, мнѣ кажется, его слабые стоны ... его послѣдній вздохъ, вздохъ умирающаго... О! что дѣлать, Боже мой! что дѣлать?

VIII.

ЧУЖБИНИНЪ и ДОЛИНЪ.

ЧУЖБИНИНЪ. Это ты, Долинъ? Ты не знаешь? .. Она меня любить! Да ... сейчасъ, сію минуту ... здѣсь ... вѣрь ... О! жарко ... голова горитъ! ... онъ умираетъ ... отецъ ... Ольга ... Что дѣлать? ... душно! (*Падаетъ на руки Долина*).

ДОЛИНЪ. Господи! что это съ нимъ? бредъ ... жаръ ... дурнота... Эй, помогите!... фу ты, пропасть! нынѣшніе влюбленные, словно, бабы какія! — Помогите!

(*Прибѣгаютъ люди. — Въ среднюю дверь входитъ съ террасы Натинъ и, увидя Чужбинина въ такомъ положеніи, идетъ къ нему ... Въ то-же время, изъ боковой двери бѣжитъ Ольга, но увидѣвъ мужа, останавливается и, судорожно схвативъ одной рукой спинку перваго попавшагося кресла, упирается на него, чтобы поддержать слабющія силы и скрыть внутреннее волненіе и безпокойство, которое видно на блѣдномъ ея лицѣ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЗАШИСКА.

Мѣсяць спустя, въ деревнѣ въ которой остановился Чужбининъ.

Спальня. — Главная дверь въ глубинѣ, — направо и налево, двери. Окна завѣшаны. — Вкось, стоитъ кушетка, на которой лежитъ Чужбининъ; у кушетки, столикъ съ лекарствами, водой и книгами; нѣсколько креселъ и стульевъ. — При поднятіи занавѣса, докторъ стоитъ около Чужбинина, который спитъ. Ѳедотычъ поодаль. — Въ продолженіе всего акта, на сценѣ полусвѣтъ.

I.

ЧУЖБИНИНЪ, ЦИРЛИХЪ, ѲЕДОТЫЧЪ.

ЦИРЛИХЪ (*слышно нѣмецкое произношеніе*). На, Готъ зей данкъ; Ътцтъ хабъ ихъ хиръ нихтесъ меръ цу тунъ.

ѲЕДОТЫЧЪ (*всторону*). Все онъ нѣмчура про себя, на своемъ ба-сурманскомъ языкѣ, мурлычетъ, — нѣтъ, чтобы по нашему!

ЦИРЛИХЪ. А? ... что ты говоришь?

ѲЕДОТЫЧЪ. Ничего, батюшка, Карлъ Иванычъ, я такъ про себя разсужденіе имѣю.

ЦИРЛИХЪ. Да, карашо; только пожалуйста не такъ громко, больной заснулъ ...

ѲЕДОТЫЧЪ. Вижу, батюшка, что почивать изволить; вижу-съ.

ЦИРЛИХЪ. А что, онъ ночь то-же карашо спалъ?

ѲЕДОТЫЧЪ. Да такъ-таки себѣ похрапывать изволилъ, что нельзя пожаловаться.

ЦИРЛИХЪ. А! карашо.

ѲЕДОТЫЧЪ. Неужто-же худо, батюшка Карлъ Иванычъ.

ЦИРЛИХЪ. А что онъ не бредилъ это тово ... такъ ...

ѲЕДОТЫЧЪ. Кажись, что ничего такого особеннаго говорить не изволилъ ... правда, нѣтъ виноватъ... иногда и звалъ какую-то Ольгу..

Ужъ онъ, мой голубчикъ, ее на разные манеры, и Олинъка, и Ольга и еще какъ-то по французскому, такъ похоже на Олень ...

ЦИРЛИХЪ. Ну, это не бредъ ... это, можетъ быть, онъ любовь имѣеть? А?

ВЕДОТЫЧЪ. А кто его знаетъ, батюшка,—нашинское ли это дѣло! (*Всторону*). Ишь, нѣмчура, куда хватилъ! какъ-же, выдамъ барина ... нѣтъ, стара штука! не на того напалъ, братъ!

ЦИРЛИХЪ (*прописывая рецептъ*). Что ты каваришь?

ВЕДОТЫЧЪ. Ничего, батюшка Карлъ Иванычъ ... ничего ...

ЦИРЛИХЪ (*про себя*). Я, да съ золь ди летцте арценай зейнъ, ди ихъ имъ гебенъ виль.

ВЕДОТЫЧЪ. Чего-съ?

ЦИРЛИХЪ. Нѣтъ, это я такъ думалъ.

ВЕДОТЫЧЪ (*всторону*). Да что онъ, шутъ его возьми, все по нѣмецки думаетъ-то ...

ЦИРЛИХЪ. Вотъ, вели взять на аптекъ по эта рецептъ.

ВЕДОТЫЧЪ. Слушаю-съ; сейчасъ пошлю верхомъ въ городъ. Далеконько больно, вереть двадцать слишкомъ.

ЦИРЛИХЪ. А что дѣлать. Пошли; онъ теперь совѣмъ лучше. Не нужно ничего давалъ, только эта микстуръ три разъ въ день, по утру, за часъ до обѣды ...

ВЕДОТЫЧЪ. Слушаю-съ.

ЦИРЛИХЪ. Э вечеромъ .. по одна столовъ ложка; порошки прежнія все еще принимать и пилюльки тоже ... э, больше ничего ...

ВЕДОТЫЧЪ. Ничего-съ (*всторону*). Ишь, добрый какой; того, сего, этого, и больше ничего!

ЦИРЛИХЪ. Если бредить будетъ, — мушку ...

ВЕДОТЫЧЪ. Слушаю-съ (*всторону*). Посади себѣ ее на носъ, коль охота прицала!

ЦИРЛИХЪ. Кушать супъ, и можно еще ...

ВЕДОТЫЧЪ. Что еще-то? у него, моего сердечнаго, голодуха такая, что и Боже упаси ... что еще-то?

ЦИРЛИХЪ. Еще ... еще ... супъ ...

ВЕДОТЫЧЪ. Да ужъ это вы сказали.

ЦИРЛИХЪ. Пить можно лимонадъ ...

ВЕДОТЫЧЪ. Онъ, мое солнышко красное, все хереску, или какого-ни-на-есть другаго винца просить.

ЦИРЛИХЪ. О! ни, ни, ни!.. нѣтъ можно: я самъ вина не пьеть...

Ни ... ни ...

ФЕДОТЫЧЪ. Слушаю-съ (*всторону*). Я, чай, какъ мы грѣшныя, сивушку тянетъ ...

ЦИРЛИХЪ. Прощай. Онъ совсѣмъ лучше. Я завтра не буду, а если что слушался, пришли коляску за мнѣ на городъ. Я приѣду. Пришли только въ крайность ... А я черезъ недѣлю буду въ этой сторонѣ, — самъ заѣду.

ФЕДОТЫЧЪ. Слушаю-съ.

ЦИРЛИХЪ. Ну, Готь ерхальтъ ейхъ ... адые ...

ФЕДОТЫЧЪ. Прощенья просимъ, батюшка Карлъ Ивановичъ!

II.

ЧУЖБИНИНЪ, ФЕДОТЫЧЪ.

ФЕДОТЫЧЪ. Проваливай, нѣмецкая фигура! голодомъ его просто, сердечнаго, морить! а вотъ, лекарства прописывать, это по его части. А нечего грѣха таить, спасъ вѣдь барина-то! вишь, вѣдь съ нимъ недугъ-то какой-то заморской приключился, нервическое что-ли раздраженіе какое-то, прости Госноди! ... А все отъ этой сосѣдки, люди говорятъ. Я было ее, въ глупомъ своемъ разсужденіи, просто сказать, ругнулъ втихомолку, да потомъ вижу, баринъ любить, знать угодила чѣмъ, давай и я ее любить. Барыня добрая; въ день раза два пришлетъ узнать о здоровьи. Ономясь, сама верхомъ приѣзжала, къ саду подѣхала, войти хотѣла къ барину, да видно худой молвы побоялась ... Охъ, ужъ эта мнѣ любовь окаянная! Губить просто человѣка! Дивлюсь барину, право ... ну, стоить ли баба молодецкой тоски! — Однако послать за лекарствомъ-то, все не ровень случай ... вдругъ, чего Боже сохрани, опять съ нимъ что приключится ... (*идеть*).

ЧУЖБИНИНЪ (*во снѣ*). Ольга ... гдѣ ты? ... я не уѣду ... нѣтъ ... нѣтъ! ...

ФЕДОТЫЧЪ. Ну, вотъ опять про нее понесъ.

ЧУЖБИНИНЪ (*просыпаясь*). Гдѣ ты? ... погоди ... погоди! ...

ФЕДОТЫЧЪ (*осторожно*). Батюшка, Андрей Петровичъ ...

ЧУЖБИНИНЪ. Федотычъ! ... это былъ сонъ ... всегдашній, вѣчный сонъ ... долго спать я? ...

ФЕДОТЫЧЪ. Да часочикъ-другой будетъ.

ЧУЖБИНИНЪ (*стараясь встать*). Э! ... Ну, что-же, какъ ты меня находишь?

ФЕДОТЫЧЪ (*быстро*). Что это, вы никакъ вставать хотите? ...

ЧУЖБИНИНЪ. Да, хочу встать и походить ...

ФЕДОТЫЧЪ. Что вы это, Христось съ вами! ...

ЧУЖБИНИНЪ (*вставая*). Ничего ... ничего ... видишь ... я хожу... дай руку. . вотъ такъ... ну-ка... пойдёмъ... (*идутъ нѣсколько шаговъ*).

ФЕДОТЫЧЪ. Да не довольно-ли, батюшка, Андрей Петровичъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Къ зеркалу . . къ зеркалу ... (*увидя себя*). А! блѣдень ... ну что-жь! я не очень измѣнился ... не правда-ли?... да... вѣдь ... да ... страшень? ... нѣтъ ...

ФЕДОТЫЧЪ (*все его держитъ*). Что за страшень, батюшка! — страшны только звѣри бываютъ.

ЧУЖБИНИНЪ (*опираясь на Федотыча*). Пойдемъ назадъ ... на-лѣво кругомъ, — помнишь старину?

ФЕДОТЫЧЪ (*потряхивая плечами*). Какъ не помнить, ваше благородіе.

ЧУЖБИНИНЪ (*ослабѣвая*). Пстой ... пстой ... голова что-то за-кружилась.

ФЕДОТЫЧЪ (*въ испугъ*). Ну, вотъ ... ну вотъ, я это зналъ, я это зналъ! — Нужно было вставать, право, ну (*одной рукой придвигаетъ кресло, другою держитъ Чужбинина*).

ЧУЖБИНИНЪ (*сядаясь*). Ну, вотъ теперь ... лучше ... хорошо ...

ФЕДОТЫЧЪ. И по всему видно, что хорошо, нечего сказать!

ЧУЖБИНИНЪ. Да перестань ворчать ... старій ты мой товарищъ...

ФЕДОТЫЧЪ (*то плачетъ, то смѣется*). Охъ, батюшка вы мой, Андрей Петровичъ, ненаглядный вы мой! товарищемъ меня называете... меня-то? ... батюшка, дайте ручку поцѣловать ... позвольте ...

ЧУЖБИНИНЪ (*обнимая его*). Поцѣлуй, поцѣлуй меня самого.

ФЕДОТЫЧЪ (*въ восторгъ*). Господи! . . что это со мной! ... и не веномишься! ...

ЧУЖБИНИНЪ. Ты меня холилъ, ты меня берегъ ... ходилъ, какъ за ребенкомъ ...

ФЕДОТЫЧЪ. Долгъ свой, батюшка, какъ умѣлъ, исполнять старался ... да вотъ теперь и оплошалъ ... разрюмился на старости лѣтъ, а объ рецептѣ и забылъ-было ...

ЧУЖБИНИНЪ. Развѣ былъ Цирлихъ?

ФЕДОТЫЧЪ. Былъ, батюшка, какъ вы почивать изволили, да и прописалъ вотъ это ... Сидите-же смиренхонько, умнехонько, а я мигомъ сбѣгаю послать кого-нибудь въ городъ, съ нѣмецкой прописью, въ аптеку.. Только чуръ не вставать, Андрей Петровичъ: право, нехорошо, стыдно, стыдно!

ЧУЖБИНИНЪ (*сидя*). Постой, постой ... не посылай, не надо.

ӨЕДОТЫЧЪ. Да что-же я, съ ума что-ли сошелъ, чтобъ въ этомъ васъ послушать!

ЧУЖБИНИНЪ. Я рѣшительно больше принимать этой дряни не стану.

ӨЕДОТЫЧЪ. Ну, это мы еще увидимъ.

ЧУЖБИНИНЪ (*все сидя*). Вотъ забавно ... не насильно-же ты меня будешь поить лекарствами.

ӨЕДОТЫЧЪ. Охъ, Андрей Петровичъ, не вводите меня въ грѣхъ! Я и самъ этихъ, докторовъ, не совѣмъ-то прилюбиваю, и доведись умирать, его нѣмецкихъ финтирлеевъ принимать не стану, а ужъ на счетъ вашей милости, просимъ извиненія. Ваша натура другаго устройства: бѣгу отправить въ городъ ...

ЧУЖБИНИНЪ. Постой! ... Өедотычъ! ... Скажи мнѣ, что, ничего не приносили ...

ӨЕДОТЫЧЪ. Оттуда, изъ села Крутова-то, небось?

ЧУЖБИНИНЪ. Ну, да; не мучь меня ... что? ... есть ... нѣтъ? ...

ӨЕДОТЫЧЪ. Охъ вы, баринъ ... баринъ! ...

ЧУЖБИНИНЪ. Ты вѣрно что-нибудь знаешь, слышалъ, видѣлъ ...

ӨЕДОТЫЧЪ. Даже взялъ.

ЧУЖБИНИНЪ (*приподымаясь*). Записка? ... отъ нея? ... злодѣй! и не говоритъ ни слова!

ӨЕДОТЫЧЪ. Чему человекъ радуется ... добро бы первая, ну, ништо, а то ихъ ужъ столько было, что я и счетъ потерялъ.

ЧУЖБИНИНЪ (*въ волненіи*). Но гдѣ-жъ эти милыя строки?

ӨЕДОТЫЧЪ. Вотъ онъ ... нѣтъ ... (*ищетъ*). Куда я дѣвалъ эти милыя строки ... А? вотъ онъ ... въ заднемъ карманѣ ...

ЧУЖБИНИНЪ (*вскакивая*). Давай! давай! ... Вотъ лекарство ... вотъ ...

ӨЕДОТЫЧЪ (*удерживая его*). Тсъ ... атакде, сударь! ... этакъ вѣдь плохо можетъ быть.

ЧУЖБИНИНЪ (*стоя*). Что-то она мнѣ пишетъ? .. (*цѣлуетъ письмо*).

ӨЕДОТЫЧЪ (*увидя, всторону*). Тьфу ты грѣхъ какой! Цѣлуетъ бумагу!

ЧУЖБИНИНЪ (*срываетъ печать*). Посмотримъ ... посмотримъ ... Я что-то ничего не вижу ... голова ... голова ... я не вижу! ... (*ослабѣваетъ*).

ӨЕДОТЫЧЪ (*поддерживая его*). Опять дурно! ... Ну, такъ! я знаю, что эти цидульки проклятыя до добра не доведутъ.

ЧУЖБИНИНЪ. Это пройдетъ .. ничего ... (*идетъ до кушетки и садится*).

ФЕДОТЫЧЪ. Не прилечь-ли батюшка, Андрей Петровичъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ ... мнѣ хорошо ... мнѣ очень хорошо ... ты не вѣришь? право ... я пошутилъ.

ФЕДОТЫЧЪ. Хороша шутка!... да что я ослѣпъ, что-ли?

ЧУЖБИНИНЪ. Я здоровъ ... я свѣжъ ... видишь, какъ ... ну, ступай теперь, Федотычъ ... ступай, я не встану.

ФЕДОТЫЧЪ. Ой-ли? А какъ тамъ что-нибудь такое? вдругъ и вскочить и давай бѣгать по комнатамъ ...

ЧУЖБИНИНЪ. Увѣряю тебя, не буду ... только прочту это ... а тамъ ... другія ... вотъ онѣ ... здѣсь ... ступай, Федотычъ.

ФЕДОТЫЧЪ. Охъ, молодость, молодость! Да что! я и молодъ былъ, и то же того, — а ужъ этого никогда не случилось! Впрочемъ, тогда и писулекъ-то-не знали, а все на экскузаціяхъ ... сильвупле, дескать, да и квітъ.

ЧУЖБИНИНЪ. Федотычъ! ... а лекарства-то опоздають.

ФЕДОТЫЧЪ. Бѣгу, батюшка Андрей Петровичъ ... видишь, бѣгу! (*уходитъ очень тихо*). О ... оо ... о ... охъ!...

III.

ЧУЖБИНИНЪ, ПОТОМЪ ДОЛИНЪ.

ЧУЖБИНИНЪ. Что-то мнѣ пишетъ это дивное созданіе? «Вчера и третьяго дня, гуляя верхомъ, подѣзжала я къ вашему парку,»... (*Говоритъ*). Она была здѣсь! О, благодарю тебя! (*Читаетъ*). «Вы угадываете, что мыслью моею было васъ видѣть» — (*говоритъ*). Неужели? О Боже! — (*Читаетъ*). «Но я боялась людей: пожалѣйте обо мнѣ, я побоялась молвы, самой себя». — (*Говоритъ*). Ты хорошо сдѣлала, Ольга: честь твоя для меня дороже жизни, которую, скорѣе всякихъ другихъ средствъ, возвратило-бы мнѣ твое присутствіе. (*Читаетъ*). «Но видѣть васъ, сдѣлалось для меня необходимостью и я увижу васъ». — (*Говоритъ*). Возможно-ли? (*Читаетъ*). «Увижу непременно, незнаю когда, но увижу, c'est une idée fixe ... одинъ взглядъ, и я окрѣпну духомъ надолго». — (*Говоритъ*). Она хочетъ меня видѣть, но какая неосторожность? что подумаютъ! (*Читаетъ*). «Теперь, когда я знаю, что вы уже виѣ опасности, вы поймете, что я выстрадала во время вашей болѣзни, потому-что я одна во всемъ виновата. Зачѣмъ сорвалось у меня это пагубное: люблю ... О!

André, вѣрите, и въ вѣчной разлукѣ съ вами, я всегда останусь вашимъ другомъ, самымъ преданнымъ.» (*Говоритъ*). О, Боже! благодарю Тебя! Ты мнѣ послалъ утѣшителя ... Ты, видя мои страданія ... видя мою семейную жизнь, ты послалъ мнѣ дружбу, и это чувство безгрѣшное, святое услаждаетъ всю горечь прошедшаго!... Но, кажется, кто-то идетъ?... Неужели она?... не можетъ быть ... меня-бы предупредили ... О, я се увижу ... увижу! ... поцѣлую ту руку, которая писала эти строки! Боже мой! не опять ли это бредъ? Нѣтъ! — вотъ доказательство, крошечное, розовое, душистое ... О! я умру отъ счастья! ... Слезы ... слезы... я плачу! О, какъ легко плакать слезами восторга, слезами упоенья! ... (*хохочетъ*). Какъ весело! какъ весело ... (*входитъ Долинъ, онъ вскакиваетъ и бѣжитъ къ нему*). Долинъ! Долинъ! это ты! ... она меня любитъ! Да ... да ... прочти ... на ... вотъ! ...

ДОЛИНЪ. Постои, постои, дай опомниться!

ЧУЖБИНИНЪ (*падая въ кресла*). Виновать!... я увлекся... прости, садись ... здравствуй ... откуда ... какъ? ... садись ...

ДОЛИНЪ. Не чуждакъ-ли этотъ человѣкъ! мѣсяць тому назадъ, на балѣ, бросился ко мнѣ съ тѣми-же словами: она меня любитъ... я... ты... онъ ... Ахъ ... охъ ... и еще ... и еще ... схватилъ горячку — очнулся, только-что оправился и опять встрѣчаетъ тѣми же словами: она меня любитъ и проч. -- Ну, не чуждакъ-ли ты, скажи самъ? А? не опять-ли слечь въ постель?... не опять-ли ... Э ... поди ты, просто, я не знаю, я сталъ съ тобой въ тупикъ, школьникъ ты, что-ли?...

ЧУЖБИНИНЪ. Если-бы я не зналъ, что ты говоришь, что чувствуешь, если-бы не понималъ, что въ этихъ рѣзкихъ выраженіяхъ говоритъ дружба и состраданіе, я могъ-бы обидѣться. Долинъ! ты не понимаешь, что такое истинная страсть! ты не знаешь, какъ отрадно быть любимымъ, найти въ женщинѣ друга, который цѣнитъ тебя, котораго мысли — твои мысли, котораго жизнь — твоя жизнь, и найти это сокровище въ ту минуту, когда ... Долинъ! ... ты не знаешь моихъ отношеній ... ты не знаешь отца моего ... моего отца, котораго я люблю и вмѣстѣ съ тѣмъ... О! можетъ быть, когда-нибудь ... ты увидишь, ты поймешь, пожалѣешь обо мнѣ ... Долинъ, ты счастливъ, ты свободенъ ... а я ... вѣрь мнѣ — жить трудно, когда надо думать каждую минуту, какъ жить, чѣмъ жить; знать, что есть чѣмъ жить и — быть въ крайности, умѣть прикрыть эту крайность, — слыть за человѣка съ состояніемъ и не имѣть ни гроша въ карманѣ; надѣвать на все личину, жить только поверхностно, лукавить всегда, всюду со всѣми ... О! такому человѣку отрадно встрѣтить сочувствіе, оставить на мигъ землю, и уне-

стись душою въ тотъ міръ поэзіи, въ тотъ міръ любви, который я открываю въ эту минуту ... Но ты не понимаешь страсти, такъ переменнымъ разговоръ ... Гдѣ побывалъ? откуда? какъ? — хочешь папирску?

ДОЛИНЪ. Теперь, моя очередь была-бы сердиться, Чужбининъ. Ты странный человѣкъ, вотъ и все тутъ! Кто-жъ тебя зналъ, что у тебя тамъ и то и сѣ семейное, если только не преувеличиваешь своихъ горестей, на что вы, модные ферлакуры, мастера превеликіе; кто-жъ тебя зналъ?.. да чортъ возьми, однажды навсегда перестаемъ говорить объ этой дурацкой любви. Ужъ мы на этотъ счетъ никогда не сойдемся ... нѣтъ ... какъ ни пріятно быть въ интригѣ ...

ЧУЖБИНИНЪ. Въ интригѣ? .. Долинъ! что ты хочешь сказать? Самое чистое, не порочное чувство, въ которомъ нѣтъ ни одного низкаго помысла — ты называешь интригою!

ДОЛИНЪ. Виновать! Я не такъ выразился, виновать, я не знаю вашихъ нѣжныхъ экскузацій; у меня все на чистоту; я хотѣлъ только сказать, что какъ оно того .. ни хорошо, а все пройдетъ .. и какъ знать? обстоятельства ... ты женишься...

ЧУЖБИНИНЪ. Никогда!

ДОЛИНЪ. Охъ, братецъ, не говори! Я такъ-же, какъ и ты, бывало, куражился, то-же кричалъ на разные голоса, — нѣтъ таки, женился! Теперь, правда, овдовѣлъ! ... Вотъ смотри, уѣдешь въ Петербургъ, другую пѣсню запоешь ... я вѣдь не забылъ нашего пари ... впрочемъ, я буду слѣдить за тобою и помани мое слово, ты...

ЧУЖБИНИНЪ. Перестань, пожалуйста! За мной слѣдить онъ будетъ! Какимъ-образомъ, я желаю знать?...

ДОЛИНЪ. Самымъ простымъ .. Я съ вами, если позволите, намѣренъ ѣхать въ Петербургъ.

ЧУЖБИНИНЪ. Право? да какъ же это? въ отпускъ?

ДОЛИНЪ. Нѣтъ.

ЧУЖБИНИНЪ. Какъ-же? Дезертеромъ, что-ли? изъ желанія выиграть пари?

ДОЛИНЪ. Смѣйся ... Нѣтъ, не смѣй смѣяться, имѣй почтеніе, уваженіе къ моей особѣ, знай: я переведенъ на службу въ Петербургъ.

ЧУЖБИНИНЪ. Неужели? Поздравляю! дай обнять себя!.. Нельзя было привезти лучшей новости!

ДОЛИНЪ. Какъ привезти? Я ее получилъ, сидя преспокойно, здѣсь, во флигелѣ дома твоего пріятеля.

ЧУЖБИНИНЪ. Что ты говоришь?

ДОЛИНЪ. А ты и не подозрѣвалъ, что старый, грубый Долинъ можетъ быть сестрой милосердія?

ЧУЖБИНИНЪ. Что я слышу?...

ДОЛИНЪ. Да, видишь: я съ бала привезъ тебя больнаго, и видя, что при тебѣ никого, кромѣ Ѳедотыча, нѣтъ, остался у твоей постели; сдѣлать мнѣ это было легко, потому—что полкъ нашъ стоитъ въ деревнѣ, которая отсюда верстахъ въ четырехъ; такъ легко, что все нужное по службѣ доставлялось сюда и самъ я могъ ѣздить въ полкъ во всякое время... но не думай, что я это дѣлалъ изъ участія къ тебѣ, нисколько! жить въ курной избѣ не завидно, а здѣсь во флигелѣ твоего пріятеля, который уступилъ тебѣ свой господской домъ очень хорошо, право, хорошо... я нашелъ покойную мебель, старыя книги и, что еще лучше, старое вино...

ЧУЖБИНИНЪ. Долинъ! обними меня!.. Другъ мой!.. О! Богъ слишкомъ ко мнѣ милостивъ!

IV

ТѢЖЕ. ѲЕДОТЫЧЪ.

ѲЕДОТЫЧЪ (*вбѣгал*). Батюшка Андрей Петровичъ!... и вы, батюшка, Владиміръ Ивановичъ!.. батюшки вы мои оба... дайте духъ перестави...

ЧУЖБИНИНЪ. Что такое?

ДОЛИНЪ. Что случилось?

ѲЕДОТЫЧЪ (*едва переводя духъ*). Прискакала... фу ты, Господи!..

ДОЛИНЪ. Что онъ такое говоритъ!

ЧУЖБИНИНЪ. Ѳедотычъ! что съ тобою?

ѲЕДОТЫЧЪ. Соскочила!..

ДОЛИНЪ. Кто?

ЧУЖБИНИНЪ. Что?..

ѲЕДОТЫЧЪ. Побѣжала!...

ЧУЖБИНИНЪ. Да станешь ли ты говорить яснѣе?

ѲЕДОТЫЧЪ. Не могу... духъ захватило.

ДОЛИНЪ. Да въ чемъ дѣло?

ѲЕДОТЫЧЪ. Въ томъ, что бѣжить!...

ДОЛИНЪ. Кто?... куда?

ФЕДОТЫЧЪ. Сюда ... известное дѣло, сюда!

ЧУЖБИНИНЪ. Да кто-же?... изъ сосѣдей что-ли кто?

ФЕДОТЫЧЪ. Въ томъ-то и штука, что не сосѣдь!

ДОЛИНЪ. Кто-жь?

ФЕДОТЫЧЪ. Сосѣдка!

ЧУЖБИНИНЪ. Чтò ты говоришь?... Я тебя не понимаю...

ДОЛИНЪ. Какая сосѣдка?..

ФЕДОТЫЧЪ. Сосѣдка Наташа ... батюшки мои...

ЧУЖБИНИНЪ. Ольга!

ДОЛИНЪ. (*всторону*). Я говорилъ, что тутъ что-то кроется ... я говорилъ...

ФЕДОТЫЧЪ. Приѣхала, батюшка, верхомъ, за ней пострѣленокъ, тотъ самый, про котораго, когда съ нимъ ѣздитъ сосѣдка барыня, вы говорите, она ѣдетъ съ громомъ, а кажись, никакого грома не слышно.

ЧУЖБИНИНЪ. Да гдѣ-жь она? Неужели...

ФЕДОТЫЧЪ. Лошадей отдала тому, что съ громомъ, а сама паркомъ бѣжитъ сюда ... Я ее увидалъ, да на старости лѣтъ, давать бѣжать что есть мочи.

ЧУЖБИНИНЪ (*сбрасывая халатъ*). И хорошо сдѣлалъ, Федотычъ! сюртукъ!.. скорѣй!.. пошелъ!.. Долинъ, посмотри, нѣтъ-ли чего лишняго ... убери, другъ мой (*Федотычъ на-минуту выходитъ и возвращается съ сюртукомъ*).

ДОЛИНЪ. Лишняго, кромѣ меня, ничего не видно.

ЧУЖБИНИНЪ. Чтò-же сюртукъ?... Какъ ты старъ ... какъ ты недовонокъ ... скорѣй ... живо ...

ФЕДОТЫЧЪ. Вотъ, батюшка, вотъ, только тише горячитесь, родимый: послѣ болѣзни нехорошо, нездорово ...

ЧУЖБИНИНЪ. Платокъ на шею! скорѣй! синій, черный ... нѣтъ ... тотъ, знаешь ... какой-нибудь ...

ФЕДОТЫЧЪ. Извольте, батюшка ... вотъ ... вотъ платокъ ...

ЧУЖБИНИНЪ. Чтò, такъ хорошо, Долинъ, какъ ты думаешь? а? Поди сюда. Идетъ ко мнѣ этотъ цвѣтъ?... Гребенку!.. (*Федотычъ подаетъ*) щетку!

ДОЛИНЪ (*у окна*). Она входитъ на террасу ... прощай!... она очень недурна, особенно въ амазонкѣ, (*уходитъ въ боковую дверь*).

ЧУЖБИНИНЪ (*у зеркала*). Федотычъ! ты будь тутъ, близко ... не уходи ... она пробудетъ, вѣрно, недолго ... Я не могу еще выходить на воздухъ, ты ее проводишь ... Я слышу шорохъ платья ... отвори двери ... такъ ... хорошо ... ступай ... ступай скорѣй ... (*Федотычъ уходитъ въ другую боковую дверь*). О, я не переживу этой

встрѣчи!... (*Натина входитъ*) Ольга! Ольга! (*бѣжитъ къ ней и падаетъ у ногъ ея*) благодарю!.. благодарю васъ!..

V.

ЧУЖБИНИНЪ, НАТИНА.

НАТИНА. Bonjour, André, наконецъ я васъ вижу! но для чего вы встали?.. вы еще такъ слабы...

ЧУЖБИНИНЪ. О! это пройдетъ... Я такъ счастливъ!..

НАТИНА. Не заставляйте меня раскаиваться въ моемъ поступкѣ! Слушайте, какъ дитя, какъ милое дитя... дайте вашу руку...

ЧУЖБИНИНЪ. Какъ выразить... какими словами...

НАТИНА. Зачѣмъ слова? мы, не говоря, понимаемъ другъ друга... обопритесь на мою руку... вотъ такъ... садитесь... вотъ прекрасно... Я сяду возлѣ васъ, поговоримъ... Ну что, какъ вы себя чувствуете? (*Ольга, разговаривая, машинально бросаетъ хлыстикъ на ближайшее кресло*).

ЧУЖБИНИНЪ. Хорошо, очень хорошо, потому-что вижу васъ.

НАТИНА. Я вамъ вѣрю... Но скажите, давно-ли вы позволяете себѣ такія вольности, вставать, ходить, говорить, а?.. это нехорошо.

ЧУЖБИНИНЪ. Ахъ, я такъ радъ, такъ радъ васъ видѣть, что становлюсь нѣмъ... видите-ли... Я растерялся... Я не хотѣлъ вѣрить моему счастью... теперь я совершенно здоровъ... мнѣ недоставало васъ и воздуха... но вы здѣсь, остальное скоро позволить докторъ, и я опять буду у васъ, опять въ той комнатѣ, гдѣ, мѣсяцъ тому назадъ, я въ первый разъ слышалъ слова искренней любви, потому-что вы искренно любите, Ольга, не правда-ли?

НАТИНА. Развѣ можно любить не искренно?

ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ!

НАТИНА. Я то-же думаю... Но скажите мнѣ, съ-тѣхъ-поръ какъ вы почти на ногахъ, что вы дѣлали?

ЧУЖБИНИНЪ. Думалъ объ васъ!

НАТИНА. Чѣмъ занимались?

ЧУЖБИНИНЪ. Вами!

НАТИНА. Что читали?

ЧУЖБИНИНЪ. Ваши письма... Да, вотъ они! еще сію минуту я перечитывалъ ваше вчерашнее письмо... Сколько слезъ пролилъ я надъ

этими строками, сколько надеждъ промелькнуло въ моемъ воображеніи, сколько отрады, сколько счастья я перечувствовалъ?.. А вы? съ-тѣхъ-поръ, какъ мы не видались, — такъ давно, цѣлый мѣсяцъ! Разскажите мнѣ вашу жизнь, ваши мысли, поступки, все, все!.. О, скажите мнѣ, что вы дѣлали въ это время?

НАТИНА. Я думала объ васъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Чѣмъ занимались?

НАТИНА. Вами!

ЧУЖБИНИНЪ. О! благодарю васъ!.. Но, Боже мой! ужели это не сонъ? мнѣ все еще не вѣрится, что я васъ вижу здѣсь. Скажите, какимъ-образомъ? Какая неосторожность!.. еслибъ кто увидѣлъ? ...

НАТИНА. Что-жъ, еслибъ и увидѣли? Неужели люди такъ жестоки, чтобъ осудить женщину, которая навѣщаетъ больного друга?.. Тѣ, которые не знаютъ, что есть чувство святое, непорочное, безукоризненное, которое соединяетъ души — тѣ не вмѣняютъ мнѣ это въ преступленіе. Узнавъ васъ, André, я помирилась съ людьми: они могутъ быть добрыми, милыми, хотя неравными вамъ ... Успокойтесь-же на счетъ этого свиданія: меня ни кто не видѣлъ, мужъ куда-то уѣхалъ, и я спѣшила, въ его отсутствіе, проскакать эти пять верстъ, увидѣть васъ, чтобъ только и увѣриться, что вы будете жить.

ЧУЖБИНИНЪ. Я оживаю!

НАТИНА. Скажите мнѣ, вы довольны мною? вы счастливы, въ эту минуту?

ЧУЖБИНИНЪ. О! выше всѣхъ ожиданій.

НАТИНА. André!., кто-то идетъ! (*встаетъ*).

ЧУЖБИНИНЪ (*тоже*). Не можетъ быть!..

НАТИНА. Прощайте! я слышу шаги... прощайте...

ЧУЖБИНИНЪ. Еще минуточку!..

VI.

ТѢЖЕ, ДОЛИНЪ, ПОТОМЪ ВЕДОТЫЧЪ.

НАТИНА. Долинъ! о, я погибла!

ЧУЖБИНИНЪ. Положитесь на его скромность: это второй я.

ДОЛИНЪ (*Чужбинину*). Другъ мой! вы въ опасности!..

НАТИНА. Что вы хотите сказать?

ДОЛИНЪ. Я гулялъ по саду: вдругъ вижу — коляска, вематриваюсь и узнаю въ ней ...

ЧУЖБИНИНЪ. Кого же?

ДОЛИНЪ. Господина Натина!

НАТИНА. Моего мужа?.. Я погибла!..

ЧУЖБИНИНЪ. Спасайтесь скорѣй! черезъ паркъ, на лошадь ...

НАТИНА. Прощайте, André!... прощайте! О! я едва могу идти!..
Нѣтъ, надо превозмочь это волненіе.

ДОЛИНЪ. Остановитесь, сударыня.

ЧУЖБИНИНЪ. Чтò ты дѣлаешь! нельзя терять ни минуты.

ДОЛИНЪ. Если вы выйдете отсюда — вы погибли! Натинъ, спускаясь съ горы, увидитъ васъ въ паркѣ, и тогда — бѣда! (*Голосъ Ѳедотыча*). Андрей Петровичъ!.. Андрей Петровичъ!..

НАТИНА. Но что-же дѣлать? Боже мой! Чей это голосъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Ахъ! я потеряю рассудокъ!

ѲЕДОТЫЧЪ (*вбѣгая*). Ваше благородіе... ѣдетъ ... баринъ!.. сосѣдь!..
Ахъ!.. а сосѣдка-то еще здѣсь!... Что тутъ дѣлать? Хоть караулъ кричи...

ДОЛИНЪ. Сюда, въ этотъ кабинетъ, скорѣе, сударыня, скорѣе!

НАТИНА. О, Боже мой!.. Что со мною будетъ?.. Неужели онъ узналъ, или это просто визитъ ...

ѲЕДОТЫЧЪ (*у окна*). Выходитъ изъ коляски.

ЧУЖБИНИНЪ. Долинъ ... я на тебя надѣюсь ... Ольга, успокойтесь, ради Бога!

НАТИНА. Но вы сами ... Я боюсь за васъ ...

ѲЕДОТЫЧЪ (*такъ же*). Выходитъ на террасу.

ДОЛИНЪ (*увлекаетъ Натину нальво*). Сюда, сюда ... нельзя терять ни минуты ...

НАТИНА (*Чужбининъ*). Будьте осторожны! Пойдемте (*уходитъ съ Долинымъ*).

ЧУЖБИНИНЪ. Чтò это значитъ? Неужели онъ узналъ ... Вѣрно, просто пріѣхалъ навѣстить и больше ничего; но какъ отъ него отдѣлаться?.. Ахъ, какая мысль!.. Ѳедотычъ ... я сплю, слышишь, ... идетъ кажется ... слышишь ... я сплю ... понимаешь? (*бѣжитъ къ кушеткѣ и, ложась на нее, притворяется спящимъ*).

ѲЕДОТЫЧЪ. Слушаю-сь, — какъ не понять!

VII.

ЧУЖБИНИНЪ, НАТИНЪ, ѲЕДОТЫЧЪ.

НАТИНЪ. Ну, что твой баринъ? а?... лучше?

ѲЕДОТЫЧЪ. Почиваетъ, батюшка.

НАТИНЪ. Спитъ? Это досадно ... а давно спитъ?

ѲЕДОТЫЧЪ. Да ... то-есть ... нѣтъ, вотъ только передъ вами ...

НАТИНЪ. Ну, да все равно ... я подожду.

ѲЕДОТЫЧЪ. Вотъ тебѣ разъ! — Онъ у меня, батюшка, какъ за-
почиваетъ, такъ до утра и не просыпается, право такъ-съ. Ужъ
онъ таковскій.

НАТИНЪ. Долгій сонъ слѣдствіе долгой болѣзни. Ну, да авось на
мое счастье онъ и проснется.

ѲЕДОТЫЧЪ (*всторону*). Никакъ не выживешь!

НАТИНЪ. Я давно къ вамъ собирался, да все не удавалось, — то
гости пріѣдутъ, то дѣла, — наконецъ, нынче, говорю, поѣду непременно
провѣдать больнаго, — ну, и пріѣхалъ.

ѲЕДОТЫЧЪ. Да-съ; да вотъ жаль, почиваетъ.

НАТИНЪ. Я посижу, ничего, и лошади-то мои отдохнуть; проснется,
хорошо; а нѣтъ,—нечего дѣлать ... ступай ... я посижу пока.

ѲЕДОТЫЧЪ. Слушаю-съ, только, право ...

НАТИНЪ. Не безпокойся, я его не испугаю ... ступай ...

ѲЕДОТЫЧЪ (*про себя*). Охъ, плохая выходитъ исторія!

ЧУЖБИНИНЪ (*всторону*). Какое ужасное положеніе! Не проснуться-
ли мнѣ? нѣтъ, еще хуже!..

НАТИНЪ (*свѣз къ столу*). Лекарствъ-то не видать; видно, док-
торъ далъ ему вздохнуть ... О! да онъ ужъ видно ходитъ, въ сюр-
тучкѣ—какъ былъ, такъ и заснулъ; слабенекъ, должно быть. И отъ че-
го бы это съ нимъ случилось? Неужели отъ любви къ той таинствен-
ной незнакомкѣ, которая вставила его портретъ въ ручку вѣера? Не
можетъ быть! Вѣрно, послѣ танцевъ, мороженаго наглотался ... это ско-
рѣе ... Ну, да отъ чего-бы ни было, хорошо, что поправляется, силы прі-
обрѣтаетъ... Вотъ и книги на столѣ ... Это что такое? Вѣрно, Бай-
ронъ?... Кто, бишь, это мнѣ говорилъ, что онъ и самъ пописываетъ?
Все нѣмецкія книги ... это грамота не при мнѣ писана ... Я слы-
халъ, что Шиллеръ человѣкъ былъ не глупый, да жаль, писалъ все не
по-русски ... Ужъ онъ не переводами-ли занимается, что-то все

исписанныя бумажки разбросаны ... посмотримъ. (*Беретъ записку Натинной*). Великій Боже! что я вижу? рука моей жены!.. Вѣрно, справляется объ его здоровьѣ ... но все-таки неприлично ... рука моей жены!.. (*бѣжитъ къ авансценѣ*).

ЧУЖБИНИНЪ. Онъ взялъ ея письмо!.. И не смѣть вырвать изъ рукъ его эти милыя строки!.. О! я погубилъ ее! какая неосторожность... (*Въ продолженіе монолога Натина, онъ все слушаетъ и постепенно подымается; когда тотъ его замѣчаетъ, Чужбининъ уже сидитъ на постели*).

НАТИНЪ. Не вѣрю глазамъ!.. не вѣрю ... «Я васъ увижу непременно: когда, незнаю, но увижу», что-то по французски, и вѣрно самое ужасное ... «одинъ взглядъ, одно привѣтливое слово, одно пожатіе руки и я окрѣпну духомъ надолго». Я едва перевожу духъ. «Теперь, когда я слышу, что вы уже внѣ опасности, вы поймете, что я выстрадала во время вашей болѣзни, потому-что я, я одна во всемъ виновата». (*Говоритъ*). Возможно-ли! Какая бездна открывается передо мною!.. Его смущеніе ... этотъ вѣеръ ... былъ вѣеръ моей жены... и онъ говорилъ мнѣ въ глаза ... что ... я хохоталъ ... безумный, надъ самимъ собою!.. О! это невыносимо!.. Но что еще ... что еще я узнаю? (*Читаетъ*). «Зачѣмъ сорвалось у меня это пагубное—*люблю*». Великій Боже! Въ минуту разлуки ... она призналась, что любить, и онъ ... Такъ вотъ причина его болѣзни! Я потеряю рассудокъ ... темно въ глазахъ ... едва стою на ногахъ ... (*опирается на кресла и видитъ забытый Натинной хлыстикъ*). Это что такое? хлыстикъ! неужели она была у него? она, можетъ быть, здѣсь еще? О! нѣтъ-ли тутъ буквы, только не французской... нѣтъ ли вензеля... ничего, ничего... хлыстики могутъ быть похожи одинъ на другой ... какъ вѣеры, какъ вся эта модная дрянь, которая окружаетъ модную женщину и говоритъ за нее. (*Бросаетъ хлыстикъ*). Что дѣлать, Боже мой! А! тутъ еще что-то ... я не кончилъ ... «Зачѣмъ сорвалось у меня это пагубное *люблю*, — но оно уже сказано, дѣлать нечего, да, я люблю васъ» ... — что-то по французски ... должно быть, его имя ... «люблю ... люблю ... люблю» ... О, чего же мнѣ еще? чего еще? Она!.. она могла!.. (*Увидѣвъ Чужбинина*). А! вы проснулись, если только и этотъ сонъ не былъ притворный, какъ все ваши поступки, мысли и дѣла были притворны до этой минуты. Такъ вѣеръ ... подаренный вамъ на память ... Да! тогда вы смѣялись надо мною ... теперь моя очередь ...

ЧУЖБИНИНЪ. О! прошу васъ, не дѣлайте огласки ... я готовъ на все ... ваше оружіе, мѣсто, часъ: только тише, умоляю васъ!

НАТИНЪ. Довольно, милостивый государь; позвольте мнѣ посмѣяться въ мою очередь... Стрѣляться съ вами... смѣшно... вы такъ слабы, такъ ничтожны, что васъ убить для меня все то-же, что выпить стаканъ воды... одна поэзія... одинъ вздоръ... ха, ха, ха! вы жалки, вы смѣшны, ха, ха, ха! да, смѣйтесь-же со мною, какъ я смѣялся надъ вашимъ вѣромъ; ха, ха, ха!

ЧУЖБИНИНЪ. О! сжальтесь, сжальтесь не надо мною, но надъ ней, умоляю васъ! Она невинна! клянусь вамъ всѣмъ, что есть для меня священнаго.

НАТИНЪ. Не оскорбляйте ее этой клятвою... я знаю, что она была увлечена воображеніемъ, можетъ быть, сердцемъ. Я старъ, вы молоды; я—неучъ, человѣкъ простой, вы—левъ, модникъ, франтъ; я это все знаю, — преступнаго нѣтъ ничего въ вашей связи, отъ того-то я и смѣюсь... видите, я смѣюсь надъ ней. Убить васъ не хочу... ее я презираю... если она здѣсь, пусть она слышитъ это... васъ — мнѣ жаль, какъ слабому, какъ большому... лежащему не бьютъ... Занемочь отъ любви... ха, ха, ха! — Я васъ прощаю за нѣсколько страстныхъ словъ, сказанныхъ этой женщиной... я ѣду завтра-же и съ нею... но не попадайтесь никогда на глаза мои... Встрѣчу здороваго — убью! Прощайте.

ЧУЖБИНИНЪ. Одно только слово... пощадите Ольгу! на колѣнахъ умоляю васъ...

НАТИНЪ. Встаньте, это вамъ нездорово, — вы простудитесь.

ЧУЖБИНИНЪ. Смѣйтесь, но пощадите несчастную женщину!

НАТИНЪ. Она жена моя, сударь! Во мнѣ достало духа не убить васъ, не задушить васъ этой запиской, не ударить этимъ хлыстомъ, — у меня достало духа размыслить, что вся ваша любовь — кукольная комедія, что вы смѣшны, а она жалка; вѣрьте-же, во мнѣ достанетъ духа пощадить жену мою, хотя изъ состраданія.

ЧУЖБИНИНЪ. О! благодарю васъ!... Но знайте и вы, что какъ я ни смѣшонъ теперь, я никогда не побоюсь встрѣтиться съ вами, чтобъ подставить грудь мою подъ дуло пистолета, чтобъ кровью смыть тѣ строки, которыя писала ко мнѣ жена ваша; чтобъ умереть за ту, которой душа чиста, какъ алмазь, которой все поступки честны и непорочны; чтобъ доказать, что слабый и больной Чужбининъ можетъ быть благороднымъ и честнымъ человѣкомъ!

НАТИНЪ. Довольно, сударь!... прощайте...

VIII.

ТѢЖЕ и НАТИНА.

НАТИНА. Остановитесь!

НАТИНЪ. Моя жена!

ЧУЖБИНИНЪ. Ольга!..

НАТИНА. Я все слышала! (*мужу*). Передъ вами женщина, по-видимому, виновная, но не преступная ... Да, мой другъ... позвольте мнѣ васъ назвать этимъ именемъ, потому-что я люблю васъ, какъ друга... болѣе ... какъ отца! Сирота, безъ состоянія, воспитанная въ домѣ одной дальней родственницы, я съ малолѣтства привыкла не имѣть своей воли.

Я сирота. Отъ самой колыбели,
Ласкъ матери была я лишена!
Ея уста дитя свое не грѣли,
И пѣсни сладкія не навели сна
На глазки бѣдненькой малютки!
Мой первый взглядъ, улыбка, смѣхъ,
И первая слова, ребяческія шутки
Не навели слезъ, надежды и утѣхъ
На сердце матери! Холодная могила
Ее въ объятія сокрыла,
И я, съ улыбкой на устахъ,
Осталась на чужихъ рукахъ,
Безъ состоянія, безъ крова,
И безъ отца роднаго,
И безъ пріюта, безъ угла!
Графиня Онина меня къ себѣ взяла,
Она подругою была
Покойной матушкѣ, но я въ семьѣ богатой,
Осталась сиротой ...
Но можно-ль перечестъ
Пріемыша несчастнаго страданья?
И если въ глубину души-то заглянуть —
Какая бездна! Воспитанье
Ему дано, блестящій путь
Ему открытъ, но путь опредѣленный,
Иного выбрать онъ не смѣй,

Не то бѣда! Какъ сирота,
 Судьбѣ покорствуя жестокой,
 Живи чужимъ умомъ, запри свои уста,
 Иначе — жди насмѣшекъ злыхъ, упрека,
 И заглушивъ огонь въ крови,
 Какъ мумія, безчувственно живи,
 Подъ властію слѣпаго рока!

НАТИНЪ. Довольно! довольно!

НАТИНА. Вотъ жизнь моя. Душа моя чиста

Была, чужда страстей, желанья,
 Когда явились вы ... какъ сирота,
 Безъ матери, безъ состоянья,
 Я вамъ понравилась; я такъ была проста,

Неопытна, послушна,

Такъ холодна, такъ равнодушна...

И какъ узнала послѣ я,

Вамъ нравился безпечный этотъ холодъ

Моей души; да, я была дитя.

И цвѣтъ лица былъ свѣжъ, и голосъ мой былъ молодъ:

Онъ не дрожалъ тогда, какъ онъ теперь дрожить,

И слезы не текли обильными струями.

(Останавливается, прерванная слезами.)

Насъ обвѣнчали съ вами.

Вы дали мнѣ значенье и кредитъ,

Меня вы наряжали,

И я была въ виду

И въ обществѣ; какъ говорятъ, въ ходу,

Мы веселись, выѣзжали;

Но неужель вы не видали,

Что на лицѣ моемъ тоски

Лежало тягостное бремя?..

Зачѣмъ, любила-ль я, прося моей руки,

Вы не спросили?.. Ахъ! настало это время.

Да, я люблю его ... Въ глуши степной,

Удалена отъ свѣта,

Я думала найти отраду и покой...

И что-же? какъ мечта поэта,

Какъ тихій, безмятежный сонъ,

Мой идеаль, мое видѣнье,

Дѣвической мечты моей изображенье,

Предсталъ мнѣ онъ,
 Кого, сама не понимая,
 Любила прежде я душой,
 Какъ призракъ, какъ надежду ...
 И онъ предсталъ передо мной
 Съ улыбкой сладостной и пѣжной...
 (*Долго смотритъ на Чужбинина, потомъ:*)
 Гдѣ холодъ прежній,
 Та беззаботность, простота?
 Нѣтъ, я люблю, я оживаю,
 Значенье жизни понимаю, (*восторженно*)
 Меня манитъ ея живая красота!
 Я жить хочу, я плачу, я желаю;
 Я чувствую, что ... я теперь не сирота!..

НАТИНЬ. Сударыня!..

ЧУЖБИНИНЬ. О! Ольга, Ольга!..

НАТИНА (*къ мужу*).

Простите, другъ мой, я забылась;
 Но я чиста. Смотрите, я на васъ гляжу
 (*Становится передъ нимъ и смотритъ ему въ глаза*)
 Такъ прямо! — Да, — но я рѣшилась:
 Я вамъ принадлежу,
 Какъ другу, какъ отцу. Уѣдьте отсюда,
 Хоть въ Оренбургъ, или въ Москву,
 Куда-нибудь ... подальше, мы оттуда
 Ужъ не воротимся... Быть можетъ, я умру,
 И тайна нашей встрѣчи
 Умретъ со мною ... Шумный свѣтъ
 Не видѣлъ насъ, не слышалъ нашей рѣчи,
 Свидѣтелей здѣсь нѣтъ, —
 Свидѣтелей душевной нашей муки.
 И такъ, прощаясь навсегда,
 Забудьте все ... другъ другу дайте руки,
 Прошу васъ ... вспомните: быть можетъ, никогда
 Насъ вмѣстѣ не сведетъ судьбы опредѣленіе,
 О, да ... забвеніе, забвеніе (*рыдая*)
 Всему ... всему...

Я васъ прошу ... я умоляю!.. (*почти на колынахъ.*)

НАТИНЬ. (*Молча наклоняетъ голову.*)

ЧУЖБИНИНЪ. Ольга Павловна! простите—ли вы мнѣ? мы никогда болѣе не увидимся?

НАТИНА. Никогда!..

ЧУЖБИНИНЪ. Умоляю ... хоть что—нибудь на память ... перчатку, локонъ...

НАТИНА (*снимая съ руки перстень*). Возьмите ... этотъ перстень ... талисманъ.

ЧУЖБИНИНЪ (*схватывая ея руку*). Благодарю, благодарю!

НАТИНА. Пора ... прощайте!..

(*Вырываетъ у него руку и, утираясь платкомъ, бѣжитъ къ двери вслѣдъ за мужемъ. Чужбининъ, рыдая падаетъ съ кресла. Долгъ показывается въ боковыхъ дверяхъ. Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

МИСТИФИКАЦІЯ.

Въ домѣ старика Чужбинина. Комната довольно опрятная.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ (*одинъ*). Пятдесятъ тысячъ серебромъ, — на ассигнаціи это семдесятъ—пять тысячъ, — шутка! — 175,000! Ломбардныхъ процентовъ по семисотъ рублей, вѣдь въ годъ семь тысячъ, а еслибы этотъ капиталецъ да помѣстить въ частныя руки, такъ подь вѣрный, подь вѣрнѣйшій залогъ, такъ это просто было—мое вамъ почтеніе! Вѣдь родятся-же такіе счастливые люди, право! Я не изъ зависти говорю,—нѣтъ. У меня, благодаря Бога, есть маленькій кусочекъ хлѣбца, домишко то-же небольшой въ Москвѣ—графиня Хворова нанимаетъ, платитъ пять тысячъ, продли Господи ея дорогіе дни!—да здѣсь домикъ небольшой, всего—то въ четыре этажа; люди говорятъ, и капиталецъ будто есть ... Конечно, не умру съ голоду, да вѣдь я дуракъ, у меня послѣдняя кофѣйка ребромъ ... я кучу, то-есть просто, такъ кучу,

что страшно, самому страшно; а еще говорятъ, я скупъ! Ахъ, еслибы судьба привела мнѣ эти 175,000 никогда не отдавать моей воспитанницѣ — хорошо-бы ... Отецъ ея, мой другъ, умирая, завѣщаль мнѣ дочь и отдалъ мнѣ въ руки эти ломбардные билеты. Ахъ, Богъ видитъ, какъ я пекусь объ Лизанькѣ и объ ея билетахъ ... Изъ дружбы, чего не сдѣлаешь? Ея покойному отцу — какой былъ человекъ! — я остался долженъ пять тысячъ рублей. Лизанька про это не знаетъ, росписки нѣтъ, въ бумагахъ покойнаго не нашли Спасибо. ему ... За то, чего ей, моей голубушкѣ, недостаетъ? Живетъ у меня въ свое удовольствіе, — вѣдь у меня послѣдняя копѣйка ребромъ! Съ моими-то ничтожными средствами, вечера даю, шутка это! Вѣдь какъ глупо-то: пару лошадей держу, — правда, одна всегда въ извозѣ, такъ оно дешевле . . а ужъ что эти вечера стоятъ, такъ просто ужасъ. Конечно, ужина нѣтъ. Еще-бы ужинъ, съ моимъ-то состояніемъ! А все на угощеніе выйдетъ въ вечеръ рублей двадцать пять ассигнаціями: правда, преферансъ спасаетъ... Нѣтъ, эти вечера просто разореніе! А мученіе какое! Лизанька-то очень недурна, франтовъ много: чего добраго, понравится какой-нибудь, да и подъ вѣнецъ. Пронюхаетъ, разбойникъ, что у нея есть капиталецъ, хоть я и говорю, что она почти не имѣетъ никакого состоянія, — да все пронюхаютъ. Нѣтъ, надо это кончить. Полно мнѣ давать сыну волю. Нѣжность-то отцовская иногда до глупости доводитъ, право! Влюбленъ, изволите видѣть, тамъ въ какую-то кокетку, и добро-бы она еще была здѣсь, а то тамъ гдѣ-то, за границей второй годъ живетъ: ну не смѣшно-ли, а тутъ дѣвица, хороша собою, съ маленькимъ состояніемъ ... Нѣтъ! рѣшено, я ихъ женю непременно, ужъ я не выпущу, не отдамъ чужому этихъ денегъ. Мнѣ кажется, что въ эту минуту со мной-бы сдѣлался ударъ. И потомъ, какъ сыну пренебрегать состояніемъ! Опъ долженъ жениться на богатой, потому-что послѣ меня врядъ-ли что останется ... у меня послѣдняя копѣйка ребромъ, я мотъ, я кутила!.. Рѣшено, завтра дѣлаю вечеръ и объявляю публично, что Лизанька — невѣста моего Андрюши. Эй! малый! (*лакей входитъ*). Пошли ко мнѣ ... Что это ты, дуракъ, такъ разрядился? праздникъ что-ли нынче, чему обрадовался? Благо платье-то господское, такъ давай его таскать. Снимай, снимай сюртукъ ...

СЛУГА. Какъ-съ?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Такъ, какъ снимаютъ... можешь носить казакинъ, что я тебѣ купилъ подъ Апраксинымъ; а это платье я велю спрятать въ кладовой и выдавать по праздникамъ. Ну, снимай-же, говорятъ тебѣ.

СЛУГА. Да вѣдь это...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Молчать! Агафью Ниловну! (*Лакей уходитъ.*)

II.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ и АГАФЬЯ НИЛОВНА.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Чего изволите, батюшка Петръ Эльпидифорычъ?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. А вотъ, матушка, Ванюшкинъ сюртукъ, — спрячьте въ кладовую и выдавайте по праздникамъ.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Слушаю—съ, батюшка Петръ Эльпидифорычъ... Только и будетъ приказаній?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ (*торжественно*). Нѣтъ, еще... завтра у насъ вечеръ!... (*Перемьная тонъ.*) Не брани меня, Агафья Ниловна! Вѣдь ты знаешь мою слабость: послѣдняя копейка ребромъ... Не брани, не осуждай меня, Агафья Ниловна.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. За что—же, батюшка? Слава Богу, есть, изъ чего.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Какъ, есть изъ чего? Кто тебѣ сказалъ? Развѣ я богатъ? Развѣ у меня есть деньги? Ты ихъ считала, что-ли?... Ну, скажите, ради Бога! а?

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Виновата.... обмолвилась, батюшка Петръ Эльпидифорычъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. То-то и есть, обмолвилась.... Ужъ я, что называется, изъ послѣдняго бьюсь, такъ, очертя голову, а она тутъ вздоръ мелеть.... Ну, да пусть говорятъ, что я дуракъ, не могу переломить свою натуру.... мотать, кутить, это страсть моя.... Вечеръ завтра, съ ужиномъ.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Съ ужиномъ?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. То-есть, съ ужиномъ... не съ такимъ ужиномъ, какъ ты думаешь, а просто съ ужиномъ... Селедки есть, 15-го октября кушилъ, заплатилъ ужасъ что-то дорого; грибки соленые есть, ты—же солила... зеленый сыръ то-же есть, года полтора тому купленъ, — ну, вотъ и ужинъ... Водочки подать, да хересу... Ахъ, да! слушай, Агафья Ниловна, тамъ есть хересъ двухъ сортовъ: одинъ въ рубль серебромъ, другой въ сорокъ копѣекъ... такъ, чтобъ не было никому обидно, смѣшай оба хереса пополамъ и разлей въ бутылки, да только ерлыки проклятые долой, чтобъ цѣны не видать было; сотри пальчикомъ ерлычки—то... а ужъ это мое дѣло будетъ, хересъ—то похваливать. Подумаютъ съ дуру, въ Англійскомъ Магазиנѣ купленъ.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Слушаю, батюшка, Петръ Эльпидиѳоровичъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Да вотъ еще статья. десертъ проклятый... Почему яблоки, Агафья Ниловна ... крымскія, средней величины?... Въдъ не въ величинѣ дѣло ... все равно съѣдятъ ... почему яблоки?

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Гривенъ по семи, батюшка, будутъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. По семи,—гмъ! дорогонько... Ну-ка, Агафья Ниловна, садись—ка сюда .. пиши реестръ ... яблокъ на двадцать человекъ: по яблоку двадцать яблокъ... иной обжора два возьметъ: пиши на всякій случай, двадцать три штуки ... по семи гривенъ, ты говоришь? стало, они по полтинѣ ... десятокъ полтина, да другой полтина, двѣ полтины рубль, да четверть полтины двѣнадцать копѣекъ ...

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Съ денежкой, батюшка, Петръ Эльпидиѳоровичъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Ну, съ денежкой ... тѣфу ты, скупость какая! денежки считаетъ ... ты съ меня примѣръ бери, послѣдняя копейка ребромъ. Пиши: за яблоки—рубль двѣнадцать копѣекъ ... написала? .. да ... ну, почему апельсины?

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Апельсины? (*всторону*). Буду говорить дороже: если сбавить, такъ по-крайней-мѣрѣ своихъ денегъ не придется приплачивать. — Апельсины, батюшка, дорогоньки!

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Неужели? Ну, да въдъ ты меня знаешь: послѣдняя копѣйка ребромъ, — почему апельсины?

АГАФЬЯ НИЛОВНА. По три рубля.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. По три... гмъ!... чт-ожъ! недорого,—только знаешь что: дважды три шесть, да три — девять? нѣтъ! въдъ это девять рублей за три десятка ... а пополамъ разрѣжешь, такъ глядишь сокъ польется, подносъ испортишь, анъ апельсины обойдутся что твои ананасы .. Пѣтъ, апельсины мимо ... а вмѣсто ихъ мармеладу, что-ли ... знаешь, въ палочкахъ, красный и бѣлый, по пяти копѣекъ штука; ну, а въ большомъ количествѣ, и по копѣикѣ серебромъ уступать. Пиши: мармеладу, по штукѣ, двадцать штукъ, по двѣ, сорокъ; ну, положимъ ужъ по двѣ на брата, пусть будетъ по двѣ штуки; люблю, чтобъ все было полной рукой. Кучу, такъ что жъ и говорить! Пиши сорокъ штукъ, по копѣикѣ, сорокъ копѣекъ серебромъ, на ассигнаціи рубль—сорокъ ... Написала? Сколько въ гостиной канделябръ?

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Три, батюшка, Петръ Эльпидиѳоровичъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. А по сколько свѣчей?

АГАФЬЯ НИЛОВНА. По три, батюшка.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Трижды три девять: девять свѣчей. Это, выходитъ, сколько фунтовъ надо? Четыре да четыре восемь, да четыре

двѣнадцать, а надо девять: три свѣчки въ барышахъ, — пиши: три фунта четвериковыхъ свѣчей.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Стеариновыхъ, батюшка?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Разумѣется! за одно разоряться—то,—стеариновыхъ свѣчей три фунта, по четвертаку: трехрублевой.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Пишу, батюшка.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Стой, Агафья! стой! грабишь! Сколько нужно свѣчей: девять? Возьми два фунта пятериковыхъ — выдетъ десять, свѣчка въ барышѣ и четвертакъ въ карманѣ. Пиши два фунта пятериковыхъ — полтинникъ ... написала?... вотъ и все, — карты есть, свѣчи къ карточнымъ столамъ початыя ... лимонадъ, самъ сдѣлаю — лимоны свои ... чай ты разольешь, да не наливай сладко: иной отвѣдаетъ, видить—жутко, другаго стакана не спросить, небось. Недопитые стаканы добавлять изъ двухъ въ одинъ, и подавать тѣмъ гостямъ, которые прѣдутъ позднѣе, а между-тѣмъ, видѣ-то все есть, будто чай подаютъ во всякое время. — Учись жить великолѣпно, Агафья Ниловна! учись жить и ступай въ лавки ... Ахъ, да ... неравно завтра, ты меня знаешь, не могу удержаться, неравно я завтра раскучусь и спрошу шампанскаго ... у насъ тамъ есть шампанское въ погребѣ и донское тоже, такъ ты ужъ, Агафья Ниловна, голубушка, пожалуйста, ошибись бутылкой, ошибись Агафья Ниловна, и подай донскаго ... а я, знаешь, отвѣдаю, когда все ужъ выпьютъ и закричу этакъ: это что такое? донское? Эй! Агафья Ниловна!... ты и бѣги ко мнѣ, а я на тебя: «что это такое?.. Вы съ ума сошли, бутылокъ не узнаете, — вмѣсто шампанскаго, подали намъ какой—то дряни, помилуйте...» Ошибись, голубушка ... бутылка—то на другой разъ пригодится, и политика соблюдена. Ошибись, а? да, Агафья Ниловна?

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Да вѣдь бутылка не разорить васъ: вѣдь вамъ это все равно, что тѣфу.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Ну, не то, что бы тѣфу, я подамъ одну, а тамъ, пожалуйста, спросятъ и другую; ну, а при моемъ состояніи, я могу ... ты пожалѣй меня, я могу все промотать: что сыну останется? ... да, а донскаго—то другой бутылки не спросятъ, небось ... Ахъ, кто—то идетъ. Ступай, Агафья Ниловна ... ступай.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. А деньги-то, пожалуйста.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Ахъ, да... вспомнила, плутовка... на, возьми... за яблоки рубль двадцать, за мармеладъ рубль сорокъ, это два рубля шесть гривенъ, да рубль семдесятъ пять, выходитъ четыре рубля тридцать пять копѣекъ. — На, два рубля серебромъ, да смотри: сдачи... сдачи скорѣе ... сперва деньги размѣнай, отдай сдачу, а тамъ ужъ ступай

покупать, слышишь? — Ахъ, забылъ сказать, — конфеты подать можно ... Вотъ, смотри, видишь, сколько ... это я купилъ... понимаешь? Не брани меня. Я знаю, что я дуракъ, послѣдняя копѣйка ... да что дѣлать! Ну, ступай ... ступай, Агафья Ниловна ... Если ты меня обманешь, грѣшно тебѣ будетъ ... пожалѣй меня ... я проживаюсь ... сына пушу по міру ... Ступай теперь ... ступай .. сюртукъ-то захвати.

АГАФЬЯ НИЛОВНА. Слушаю-съ

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Ступай съ Богомъ. (*Агафья уходитъ*). Пусть дура думаетъ, что я конфеты-то купилъ ... нѣтъ ... на каждомъ вечерѣ, я беру горсточку, — горсточка къ горсточкѣ: глядишь, черезъ мѣсяцъ и много наберется ... Да ... ужъ я не могу: коль угощать, такъ угощать. — Скажутъ, и конфеты были! — Да, были; у меня, въ мѣсяцъ разъ, всегда подаютъ конфеты, если въ этотъ мѣсяцъ я часто бывалъ въ гостяхъ. — Люблю покутить, нечего грѣха таить. — Что это? голосъ Лизаньки...

III.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ, ЛИЗАНЬКА.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. А? это ты, Лизанька? Поди ко мнѣ, жизнь моя. Ну, что скажешь хорошенькаго? Батюшки! опять никакъ новое платье?... Вотъ, франтовство одолѣло! изъ какихъ это только доходовъ, я не знаю!

ЛИЗАНЬКА. Помилуйте! это старое, престарое платье.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Нужды нѣтъ, что старое; береги, голубушка... вѣдь эти тряпки чортову пропасть стоять, я для тебя-же говорю, — жаль твоихъ денегъ, право жаль.

ЛИЗАНЬКА. Покорно васъ благодарю за бережливость.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Да ужъ чужое сберегу ... вотъ, свое такъ ни-почемъ ... все проматываю...

ЛИЗАНЬКА. Я у васъ хотѣла спросить...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Что это, денегъ? Нѣтъ денегъ, да и какия деньги? нынче 15-е число, а вы каждое первое число получаете 100 рублей ассигнаціями на туалетъ, булавки, шпильки, башмаки, шитье, шнурки, тесемки, крючки, кружева, перчатки, духи, помаду, мыло ... на все, на все, такъ-что на что бы вы у меня теперь ни спросили, я не дамъ, потому-что все это должны вы покупать на свои деньги ... да-съ.

ЛИЗАНЬКА. Извините, я ... принесла вамъ эти билеты.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Какіе билеты?

ЛИЗАНЬКА. Мосѣ Бемолини, моего учителя пѣнія.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Такъ опять десять уроковъ!.. Опять плати!.. Ахъ, ужъ мнѣ эти итальянцы! Вѣдь иной безъ голоса, хрипитъ такъ, что ужасъ, а деньги звонкою монетой получаетъ. Вотъ; хоть-бы этотъ, самъ не поетъ, а пѣть учитъ! — Ну, есть-ли тутъ толкъ?

ЛИЗАНЬКА. Послушайте, онъ вотъ въ этой комнатѣ сидитъ... Что подумаетъ?..

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Сидитъ? тутъ? близко? Дурочка, что-жъ ты мнѣ не сказала? (*Перемльня тонъ*). Ты, я думаю, удивляешься, что я такъ кричу... Это я хотѣлъ тебя напугать... Я сейчасъ къ его услугамъ ... пѣнье ... особливо итальянское—это страсть!.. Я самъ когда-то пѣвалъ ... право... Я сейчасъ къ его услугамъ. (*Тихо ей*). Побудь здѣсь, мнѣ нужно съ тобой поговорить объ очень важномъ дѣлѣ; о твоей участи, о счастьи, и такъ далѣе.

ЛИЗАНЬКА. Что вы говорите?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Говорю, что я съ тобой поговорю, вотъ только выпровожу этого итальянца... (*Громко*). Ахъ, какъ мнѣ совѣстно, что Мосѣ Бемолини мы заставили такъ долго ждать... Я сейчасъ. (*Ей тихо*). Ты-бы его когда-нибудь, хоть завтра, пригласила къ намъ на вечеръ, или я самъ приглашу ... пріѣдетъ, да глядишь, прогорланить что-нибудь, а про насъ слава будетъ, скажутъ: ишь старикъ-то Чужбининъ въ артистовъ проживается... Побудь-же здѣсь, я сейчасъ вернусь . . . сейчасъ. (*Уходитъ*).

IV.

ЛИЗАНЬКА одна, потомъ **ЧУЖБИНИНЪ**, сынъ.

ЛИЗАНЬКА. Что такое онъ хочетъ мнѣ говорить? Неужели опять объ этой свадьбѣ, которой не будетъ, пока я жива. Онъ непременно хочетъ выдать меня за Андрея Петровича; но мы не любимъ другъ друга... Я знаю, что онъ прекрасный молодой человекъ, и я, можетъ быть, была-бы за нимъ счастлива ... но ... я дала себѣ слово выдти замужъ только по любви ... а я ... кажется ... еще никого не люблю ... разумѣется, потому-что Доллина я знаю еще такъ мало ... а какой онъ милый,— правда, не въ первой молодости, за то основательный, доброта на лицѣ написана ... неужели я ... нѣтъ .. Но какая цѣль у Петра Эльпидифоро-

веча выдать меня за своего сына?.. Какъ опекунъ, онъ имѣетъ право мнѣ приказать... О! въ такомъ случаѣ, одна надежда на Долина: онъ защититъ меня отъ насилій этого скупаго старичишки, который, не понимаю какимъ-образомъ, а былъ другомъ моего покойнаго батюшки. Но онъ такъ фальшивъ! Вѣрно, прикинулся такимъ добродѣтельнымъ. Ахъ, какое ужасное положеніе, быть совершенно одной на свѣтѣ, совершенно одной... что это? я слышу голосъ...

ГОЛОСЪ ЧУЖБИНИНА. Сына Оедотычъ! Оедотычъ!

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, это мой нареченный женихъ.

ЧУЖБИНИНЪ. Оедотычъ! Гдѣ ты, старый, запропастился! Эй, кто-нибудь!.. Лакей! малый! Агафья Ниловна! Что это? никого не докличешься!.. точно, все повымерли.

ОЕДОТЫЧЪ (*входитъ*). Чего изволите, батюшка Андрей Петровичъ?

ЧУЖБИНИНЪ. Гдѣ ты пропадаешь? Гдѣ ты живешь? Тебя съ собаками не отыщешь?.. Съ тобой надо имѣть необыкновенное терпѣніе!.. Скорѣй, одѣваться, — лошадь заложить живо ... фракъ ... ну, скорѣе!

ОЕДОТЫЧЪ. Слушаю, батюшка, — слушаю.

ЧУЖБИНИНЪ. Стой! куда ты бѣжишь? погоди! — Ахъ! Лизавета Ивановна! извините, я не замѣтилъ васъ ... но я такъ радъ, такъ счастливъ .. Представьте себѣ, она здѣсь ... помните она ... Я, кажется, вамъ рассказывалъ, когда я, два года тому назадъ, ѣздилъ къ пріятелю въ деревню, то я тамъ познакомился съ Натинной ... помните?

ЛИЗАНЬКА. Да ... точно ... припоминаю...

ОЕДОТЫЧЪ (*въ глубинѣ*). Вотъ оно что! Скажите на милость!

ЧУЖБИНИНЪ. Она была за границей съ мужемъ, и представьте, онъ умеръ, она свободна ... вы понимаете, ... Оедотычъ!

ОЕДОТЫЧЪ. Чего изволите?

ЧУЖБИНИНЪ. Ты понимаешь, какое счастье... Пошли кого-нибудь съ этой запиской къ Долину: это близко, всего черезъ три дома, — зови его сюда, если онъ дома. (*Пишетъ*). Я встрѣтилъ ее на Невскомъ, она была съ какою-то дамой ... и мы едва успѣли сказать нѣсколько словъ... она шепнула мнѣ свой адресъ: Hôtel Coulon, № 12, — и я сейчасъ бѣгу, лечу, спѣшу. — На записку, пошли кого-нибудь, а самъ ступай за мной, — одѣваться давай скорѣй, — слышишь! Ахъ, какое счастье!.. Что-же вы не радуетесь, вѣдь она свободна ... я то-же, и можетъ быть, я скоро назову ее моею! — О! я съ ума сойду отъ восторга ... Оедотычъ, одѣваться! — Извините! (*Убѣгаетъ*).

ОЕДОТЫЧЪ. Эка прыть! Словно на пожаръ! (*Уходитъ*).

V.

ЛИЗАНЬКА, ПОТОМЪ ЧУЖБИНИНЪ СТАРИКЪ.

ЛИЗАНЬКА. И вотъ, кого мнѣ прочать въ мужа! Есть-ли малѣйшая надежда на счастье?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Чтò здѣсь за шумъ такой я слышалъ? Гдѣ пожаръ? А? ты молчишь? У насъ? А? Спасайтесь, пожалуйста, какъ знаете, а я возьму мою шкатулку ... то-есть, мою, въ ней моего ничего нѣтъ ... все твое только, — твои ломбардные билеты ... спасайтесь если можете!

ЛИЗАНЬКА. Успокойтесь, все благополучно.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Однакожъ, я слышалъ своими ушами...

ЛИЗАНЬКА. Это былъ голосъ Андрея Петровича!.. Представьте ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Что такое? Ужъ не задолжалъ-ли онъ кому-нибудь на честное слово?

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ, — онъ нашелъ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Бумажникъ съ деньгами, — на Невскомъ обронилъ какой-нибудь дуракъ и онъ поднялъ ... по закону, третья часть ему ... О, достойный сынъ!

ЛИЗАНЬКА. Совсѣмъ не то. Онъ встрѣтилъ на Невскомъ Натину.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Возможно-ли?.. принесла ее нелегкая!

ЛИЗАНЬКА. Она свободна...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Овдовѣла?.. Ноги подкосились!.. поддержи меня!

ЛИЗАНЬКА. Еслибъ вы видѣли его восторгъ, его радость!..

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Охъ, плохо! Надо поправить дѣло... Какъ ты еще молода и неопытна. Развѣ ты не понимаешь, что это мистификація? Онъ тебя такъ страстно любитъ, ужъ сколько разъ просилъ твоей руки, только не получалъ никакого рѣшительнаго отвѣта, вотъ и придумалъ это средство для достиженія своей цѣли. Онъ думалъ этимъ возбудить твою ревность ... ну ... понимаешь, вѣдь это такъ ясно!

ЛИЗАНЬКА. Чтò вы говорите?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Говорю, что онъ тебя одну любитъ ... Ну... и я не прочь ... будьте счастливы, у тебя есть состояніе, а у него мѣсто хорошее. Послѣ меня, врядъ-ли чтò останется ... все прокучу... будьте счастливы.

ЛИЗАНЬКА. Неужели это все серьезно?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Очень. Пора кончить. Не уморить-же мнѣ сына. Завтра я объявляю всѣмъ, что ты его невѣста.

ЛИЗАНЬКА. О! пощадите, умоляю васъ! Вы ошибаетесь... Онъ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Вашъ женихъ, вы его невѣста. Ужь Наташа не увидитъ его ... нѣтъ!

ЛИЗАНЬКА. Сжальтесь надъ бѣдною сиротой!

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Вы будете за нимъ! Богъ видитъ, какъ я пекусь объ вашемъ счастіи. Прахъ друга моего внимаетъ мнѣ и шлетъ вамъ свое согласіе (*Всторону.*) Возьмемъ трагедіей.

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ, это невозможно!.. Я не могу!..

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Я думалъ дѣйствовать на васъ просьбой, ласками: неужели вы меня заставите вамъ приказывать?..

ЛИЗАНЬКА. Вы хотите моей гибели! нѣтъ ... я не могу ... я не хочу!..

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ (*внѣ себя*). Но я хочу! Я вамъ приказываю!.. Я!.. (*Увидя входящаго сына*). Это онъ, тише ... ни слова... вы его невѣста... (*Громко.*) Оставьте насъ, мой другъ... Я васъ позову сію минуту ... мнѣ нужно поговорить съ нимъ наединѣ, — слышите, ни слова.

ЛИЗАНЬКА. Я вамъ повинуюсь. (*Всторону*). Что-то онъ ему будетъ говорить? — Господи, ты видишь, въ какомъ я положеніи... Ты простишь мнѣ этотъ поступокъ... Я все услышу ... все услышу. (*Уходитъ*).

VI.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. ЧУЖБИНИНЪ СЫНЪ, ПОТОМЪ ЛИЗАНЬКА.

ОТЕЦЪ. Пожалуйте сюда, сударь, пожалуйте.

СЫНЪ. Извините, батюшка, мнѣ право некогда, — я спѣшу; въ другое время къ вашимъ услугамъ.

ОТЕЦЪ. Оставайтесь! говорю я вамъ!..

СЫНЪ. Еслибъ вы знали причину...

ОТЕЦЪ. Я вамъ приказываю остаться! Я знаю все, сударь. Ваше поведеніе ужасно, недостойно благороднаго человѣка! Васъ ждуть, не правда-ли? И вы спѣшите къ той кокеткѣ, которая, незнаю какими чарами, приколдовала васъ къ себѣ; вы спѣшите къ той женщинѣ, которая свела уже одного въ могилу и теперь принимается за другого; къ женщинѣ, однимъ словомъ, недостойной васъ, потому—что у нея нѣтъ

никакого состоянія, — и это вы дѣлаете въ то самое время, когда здѣсь, подъ одной съ вами кровлей, бьется сердце, полное любви и надежды. Да, сударь, вы это дѣлаете въ ту минуту, когда это сердце обливается кровью, видя вашу холодность, вашу неблагодарность! Знайте, сударь, что сію минуту здѣсь была Лизанька, вы ее видѣли; Лизанька, которая на колѣнахъ, со слезами на глазахъ, умоляла меня устроить ея счастье, или позволить ей удалиться въ монастырь; — эта Лизанька приноситъ вамъ, кромѣ руки, сердца, любви и прочаго, удивительный характеръ, доброту, послушаніе. Эта Лизанька, наконецъ, не можетъ жить безъ васъ, и я, какъ другъ ея отца, какъ ея опекунъ, не смотря на мои слабости и расточительность, я, какъ отецъ, далъ себѣ слово сдѣлать ея счастье. Да, сударь, вы должны на ней жениться непременно! непременно!

СЫНЪ. Батюшка! это невозможно! Вы знаете мое прошедшее, вы знаете, что я годъ тому назадъ...

ОТЕЦЪ. Вы встрѣтили замужнюю женщину...

СЫНЪ. Которую полюбилъ всею силою души, съ которой насъ разлучила судьба, по которой я плакалъ и страдалъ ежеминутно и которая возвращается теперь, свободною, любящею и любимую.

ОТЕЦЪ. Да, все это очень хорошо, но этого не будетъ!

СЫНЪ. Батюшка, мы поговоримъ объ этомъ послѣ; теперь, позвольте мнѣ съѣздить къ ней.

ОТЕЦЪ. Ни за что я не пушу васъ отсюда, пока вы мнѣ не дадите слова, что женитесь на Лизанькѣ.

СЫНЪ. Я никогда не измѣню Ольгѣ. Прощайте!

ОТЕЦЪ. Ни съ мѣста, говорятъ вамъ!.. Слушай, я тебѣ приказываю.

СЫНЪ. Батюшка! я готовъ сдѣлать все для васъ, готовъ на всякую жертву ... Я доказывалъ вамъ это ... но то, чего вы отъ меня требуете, выше силъ моихъ...

ОТЕЦЪ. Ты отказываешься? ты не хочешь?

СЫНЪ. О! батюшка, я увѣренъ, что въ васъ есть ко мнѣ отцовская привязанность; я знаю, вы не захотите погубить меня, убить мою молодость, мои лучшіе цвѣтушіе годы, уничтожить надежды; я знаю, вы не захотите быть причиною смерти сына, который никогда не переставалъ почитать и любить отца, сына, который на колѣнахъ умоляетъ васъ отмѣнить вашъ ужасный приговоръ, сына, который со слезами умоляетъ васъ: батюшка! батюшка! не доводите меня до отчаянія!

ОТЕЦЪ (*всторону.*) Прикинусь, нечего дѣлать! — (*сыну*) Довольно, довольно ... встань, обними меня ... но, еслибъ ты зналъ, что меня

побуждаетъ къ этому ... еслибъ ты зналъ, ты какъ добрый, нѣжный сынъ, самъ-бы предложилъ мнѣ поскорѣе заключить этотъ бракъ — бракъ, который только одинъ можетъ спасти твоего несчастнаго отца.

СЫНЪ. Вы меня пугаете въ ужасъ! Говорите, батюшка, умоляю васъ, что такое?

ОТЕЦЪ. Ты знаешь, я кутило, я трачу послѣднее безъ зазрѣнія совѣсти, у меня послѣдняя копѣйка ребромъ; но—что всего хуже и чего никто, даже сынъ мой, не знаетъ,—это то, что я ... нѣтъ, я боюсь, ты будешь презирать меня ... сынъ будетъ презирать отца! О, Боже мой! Боже мой!

СЫНЪ. Какое сомнѣніе! Батюшка!..

ОТЕЦЪ. Чтò-бы ни было, я открою тебѣ эту тайну! Я ... о, прости мнѣ, прости!..

СЫНЪ. Батюшка!

ОТЕЦЪ. Я игрокъ!

СЫНЪ. Вы?.. вы ... игрокъ!..

ОТЕЦЪ (*всторону*). Дѣйствуетъ! дѣйствуетъ! (*сыну*). Если я имъ сдѣлался, такъ единственно изъ любви къ тебѣ, мой другъ! Трагя, проматывая мое состояніе, я хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, упрочить твою будущность... Ночью, когда все въ домѣ засыпало, я, какъ воръ, крался потихоньку и выходилъ на улицу. Цѣлыя ночи проводилъ я за карточными столами... золото ... чистое золото лилось по нимъ рѣкою, — и я думалъ, вотъ, вотъ сейчасъ оно перейдетъ въ мои карманы ... но нѣтъ, счастье оснаривало и побѣждало мою твердость. Разъ, не знаю, какъ это случилось ... я увлекся болѣе обыкновеннаго и въ одну ночь проигралъ... проигралъ ... я боюсь сказать тебѣ... я проигралъ пятьдесятъ тысячъ!

СЫНЪ. Пятьдесятъ тысячъ!

ОТЕЦЪ. Серебромъ, вѣдь, серебромъ! Доплатить было нечѣмъ, потому-что, ты знаешь, я все проживаю, послѣдняя копѣйка ребромъ, и я принужденъ былъ для этой уплаты взять ломбардные билеты Лизаньки! Ихъ было ровно на 175,000, тутъ все ея состояніе ... Я заплатилъ мой долгъ этими билетами, и разорилъ, пустилъ по міру бѣдную дѣвушку, сироту, которую поручилъ мнѣ отецъ ея, которую я люблю, какъ дочь! О!.. Я преступникъ! ужасный преступникъ!

СЫНЪ. Чтò я узналъ! Боже мой!

ОТЕЦЪ (*всторону*). Кажется дѣйствуетъ. (*Ему*). Теперь, ты видишь, почему я настаивалъ, почему я требовалъ этого брака. Все, чтò я имѣю, немного конечно, все твое,—послѣ моей смерти, разумѣется,—все твое и твоей жены ... твоимъ именемъ ты только можешь прикрыть

проступокъ отца. Лизанька никогда этого не узнаетъ ... и все можетъ поправиться ... О! другъ мой! ты видишь, въ какомъ я положеніи ... я плачу ... неужели ты хочешь, чтобы съдой, старый отецъ упалъ къ ногамъ твоимъ и умолялъ спасти его отъ посяраженія, стыда, позора!..

СЫНЪ. Батюшка!.. батюшка!..

ОТЕЦЪ (*мнѣня сейчасъ-же тонъ*). Ты согласенъ?.. Не правда-ли? ты согласенъ?..

СЫНЪ. Но Ольга!.. но счастье, отъ котораго я долженъ навсегда отказаться... Что будетъ съ нею!..

ОТЕЦЪ. Что будетъ съ бѣднымъ отцомъ твоимъ, когда его заклеятъ именемъ безчестнаго человѣка?

СЫНЪ. Довольно, батюшка!

ОТЕЦЪ (*также*). Ты согласенъ? ты согласенъ?

СЫНЪ. Господи! Ты видишь мое сердце!.. Ты видишь все! О! какъ тяжело отказаться отъ нея ... мужество, мужество необходимо!.. Она проститъ меня, если узнаетъ, что я принесъ въ жертву свое счастье, спасая честь отца!.. она проститъ ... я не могу ... говорить ... батюшка ... я согла ... (*Лизанька входитъ и слушаетъ старика*).

ОТЕЦЪ. Согласенъ!.. (*всторону*). Не перейдутъ денежки въ чужія руки ... фу ... не перейдутъ тысячки ... не перейдутъ голубушки ... вотъ они, тутъ, билетки-то ... вотъ они, голубчики ...

ЛИЗАНЬКА. Что я слышала, Боже мой!.. что я слышала! Теперь, одна только надежда ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Ахъ! это ты ... поди ко мнѣ, мое сокровище, поди ... Андрей Петровичъ!.. ты и не видишь, что здѣсь твоя невѣста.

СЫНЪ. Лизавета Ивановна ... батюшка сказалъ мнѣ, что ... я вамъ непротивенъ ... что ... и я ... прося у него ... руки вашей ... получилъ согласіе ... какъ его ... такъ вѣроятно, и ваше ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Разумѣется ... она мнѣ сама сказала ...

ЛИЗАНЬКА. Позвольте мнѣ ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Ну, ужъ перестань ... перестань ... дѣло кончено ... мы-бы выпили шампанскаго, да Агафья Пиловна ушла, ушла, злодѣйка, сдачу-то не отдала вѣдь ...

СЫНЪ. И такъ, между нами ... все кончено ... на цѣлую жизнь... надолго ... надолго ... Извините ... это слезы радости ... слезы восторга.

VII.

ТЪЖЕ, ДОЛНЪ.

ДОЛИНЪ (за сценой). Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

ЛИЗАНЬКА. Голосъ Долина!

ДОЛИНЪ. Здравствуй, другъ мой! Но что съ вами? Вы все въ какомъ-то волненіи. А, понимаю, они то-же знаютъ твою радость. Я получилъ твою записку и тотчасъ-же прибѣжалъ обнять тебя. Ну, поздравляю, поздравляю: ты счастливъ, ты почти женатъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Да-съ, счастливъ ... да-съ, почти женатъ, и вотъ его невѣста.

ДОЛИНЪ. Лизавета Ивановна!.. (всторону). О, женщины! А я было только-что думалъ присвататься. (Сыну Чужбинина). Она — твоя невѣста?

ЛИЗАНЬКА. Бѣдный! какъ это его тревожитъ ...

ДОЛИНЪ. Да растолкуй, пожалуйста ... какъ-же, пишешь объ одной, и вдругъ ...

ЧУЖБИНИНЪ СЫНЪ. Не спрашивай ... Я не знаю ... Я ничего не знаю ... послѣ ... когда-нибудь я все тебѣ открою ... теперь не время (всторону). Она ждетъ меня ... Поздравь меня, Долинъ. Я женюсь ... Я счастливъ ... видишь, я плачу ... видишь, какъ я счастливъ!.. (рыдая) очень счастливъ! (уходитъ).

ДОЛИНЪ (старикъ). Растолкуйте, ради Бога ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Ахъ, не спрашивайте ... я не могу ... онъ женится ... у меня завтра вечеръ ... я радъ случаю покутить, вы меня знаете. Завтра вечеръ, милости просимъ; вы понимаете, я, какъ нѣжный отецъ ... такъ разстроены ... видите, я плачу ... я такъ счастливъ ... завтра, милости просимъ ... извините. (Уходитъ).

VIII.

ДОЛИНЪ, ЛИЗАНЬКА.

ДОЛИНЪ. Растолкуйте хоть вы, наконецъ, что все это значить?

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, Владиміръ Ивановичъ, на васъ вся наша надежда, на васъ! Съ первой минуты нашего знакомства, я почувствовала къ вамъ какое-то невольное влеченіе ...

ДОЛИНЪ. Крѣпись, Долинъ! крѣпись, голубчикъ!

ЛИЗАНЬКА. Я фізіономистка. На лицѣ вашемъ, прочла я это безпечное спокойствіе, признакъ чистой совѣсти; эту доброту — знакъ души возвышенной, способной повимать несчастія ближняго и сочувствовать ему ...

ДОЛИНЪ. Вы слишкомъ благосклонны, слишкомъ снисходительны. (*Всторону*). Чувствую, что таю ...

ЛИЗАНЬКА. Вотъ почему, я рѣшилась теперь просить вашей защиты.

ДОЛИНЪ. Приказывайте, располагайте мною.

ЛИЗАНЬКА. На ваше участіе я не имѣю никакого права, и если я прошу вашей защиты, такъ только потому, что въ чувствѣ жалости вы, не краснѣя, можете сознаться.

ДОЛИНЪ (*всторону*). Вызываетъ на объясненіе ... а выходитъ за другаго ... (*ей*). Жалость, говорите вы ... О! нѣтъ, вы способны внушить сильнѣйшія чувства, и если я только могу вамъ быть полезенъ, то я не пожалѣю жизни, еслибъ вы ея потребовали, для доказательства моей къ вамъ... (*всторону*) растаялъ ... (*ей*) моей къ вамъ ... (*всторону*) ну, какъ она такая-же, какъ моя покойница ... (*ей*) для доказательства моей къ вамъ любви и привязанности ... (*всторону*) сказалъ ... не воротись ...

ЛИЗАНЬКА. Положеніе мое такъ ужасно, что я, не краснѣя, принимаю вашу защиту, защиту друга, брата ...

ДОЛИНЪ. А со временемъ и супруга ... Но что я говорю, безумецъ, когда вы невѣста другаго?..

ЛИЗАНЬКА. Развѣ вы не видите, какъ мы оба счастливы, мой женихъ и я ... Слушайте; прежде, я не знала, что побуждало моего опекуна настаивать, чтобъ эта свадьба была сыграна какъ можно скорѣе. Теперь все ясно. Женья на мнѣ сына, онъ не отдастъ въ чужія руки моего приданого, которое состоитъ въ ломбардныхъ билетахъ на довольно значительную сумму.

ДОЛИНЪ. Какая низость!

ЛИЗАНЬКА. Старикъ такъ скупъ, что, для достиженія своей цѣли, рѣшился на все; увѣрялъ меня, что я страстно любима его сыномъ, а его, что онъ страстно любимъ мною, наконецъ видя обоюдное отчаянное сопротивленіе, онъ придумалъ мистификацію, которая удалась бы ему, если-бы самъ Богъ не внушилъ мнѣ мысли подслушать его гнусные замыслы!

ДОЛИНЪ. Что вы говорите?

ЛИЗАНЬКА. Видя, что мой капиталъ ускользнетъ изъ рукъ его, онъ увѣрилъ сына, что онъ игрокъ, что онъ проигралъ все мое состояніе,

раззорилъ меня, что его ждетъ безчестіе, позоръ, и проч. Такимъ-образомъ онъ поставилъ сына въ непріятное положеніе выбирать между отцомъ и любимой женщиной, и благородный другъ вашъ, чтобъ прикрыть своимъ именемъ потерю состоянія и защитить честь отца, отказался навсегда отъ счастья обладать рукою любимой имъ женщины.

ДОЛИНЪ. Какой ужасъ! Боже мой! Какой ужасъ! Но я до этого не допущу

ЛИЗАНЬКА. Вы хотите спасти насъ, но какимъ-образомъ?

ДОЛИНЪ. Вашъ опекунъ былъ долженъ покойному вашему батюшкѣ пять тысячъ рублей, на которые далъ ему сохранную записку, Сохранная эта записка недавно отъ дяди моего перешла ко мнѣ.

ЛИЗАНЬКА. Какое счастье!

ДОЛИНЪ. Эта сохранная записка должна спасти насъ: я потребую уплаты ... это обстоятельство приведетъ его въ отчаяніе ... Но я даю вамъ право уничтожить этотъ документъ на одномъ только условіи, на условіи вашей свободы.

ЛИЗАНЬКА. О, я возвращу вамъ все эти деньги съ благодарностью! Лучше лишиться незначительной суммы, нежели страдать всю жизнь съ челоуѣкомъ, котораго не любишь, хотя и уважаешь его. О, какъ я вамъ обязана, Владиміръ Ивановичъ: я сейчасъ... вы мой защитникъ ... мой другъ ... (*Онъ цѣлуетъ ея руку*). И я это умѣю чувствовать.

ДОЛИНЪ. Рѣшительно женюсь, чортъ возьми!.. Не все же женщины похожи на мою покойницу!.. Мила, умна ... а главное, несчастна... О! погоди, старый скряга! я тебя скручу въ три погибели ... Я тебя выведу на свѣжую воду ... Однакожь, гдѣ Андрѣ?... его разстроенное положеніе опасно. (*Звонитъ. Лакей входитъ*). Андрей Петровичъ дома?

ЛАКЕЙ. Никакъ нѣтъ-съ ... изволили уѣхать.

ЛИЗАНЬКА. Уѣхать? куда?

ЛАКЕЙ. Въ гостиницу Кулонъ-съ.

ДОЛИНЪ. А! ступай!.. Онъ у нея, надо по-спѣшить спасти его.

ЛИЗАНЬКА. Я слышу шаги.

ДОЛИНЪ. Это нашъ старикъ ... Оставьте насъ, Лизавета Ивановна ... Черезъ часъ, вы свободны.

ЛИЗАНЬКА. А вы — счастливы...

ДОЛИНЪ. Ахъ, неужели точно, вы меня ...

ЛИЗАНЬКА. Уважаю отъ всей души и ...

ДОЛИНЪ. И ... и

ЛИЗАНЬКА. Люблю отъ всего сердца ... прощайте! (*убѣгаетъ*).

ДОЛИНЪ. Лизанька! другъ мой!.. Ну, пропалъ ты, братъ Долинъ! и съ головой, совѣмъ пропалъ... А! вотъ нашъ старикъ. Смѣлѣй за дѣло!

IX.

ДОЛИНЪ, И СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Разбойница Агафья Ниловна! яблоки купила по шести гривенъ... на двадцать копѣекъ обочла, негодная! Ну, да Богъ ей судья... меня нетрудно обмануть! у меня послѣдняя копѣйка ребромъ!

ДОЛИНЪ. Вы все хлопочете.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Ахъ, вы еще здѣсь ... присядьте, пожалуйста...

ДОЛИНЪ. Нѣтъ, зачѣмъ-же, мы и такъ поговоримъ. Я-вотъ, видите-ли къ вамъ съ просьбой.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Съ просьбой? (*всторону*). Ужъ не денегъ-ли хочеть?... (*ему*) Съ просьбой?

ДОЛИНЪ. Да-съ, я хочу вамъ напомнить объ маленькомъ должкѣ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Чтò, чтò, чтò такое? Объ моемъ долгѣ ... Какъ, вы своемъ здоровьѣ?

ДОЛИНЪ. Славу Богу ... вы какъ?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ, право, вы подумайте о своемъ положеніи.

ДОЛИНЪ. Ужъ вы обо мнѣ не беспокойтесь. Я-бы не сталъ утруждать васъ, но мнѣ крайность въ деньгахъ и я надѣюсь, что вы мнѣ сейчасъ же заплатите.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Я ... заплачу! ... нѣтъ, я никому не долженъ.

ДОЛИНЪ. Ну, были должны, все равно.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Я? былъ ... былъ долженъ?... никогда!

ДОЛИНЪ. Какая у васъ дурная память!.. А покойному Ивану Ильичу Стрѣльскому вы не бывали должны?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Я ... Стрѣльскому ... Пропалъ, пропалъ!

ДОЛИНЪ. Вы не были должны пять тысячъ рублей?..

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Это дьяволъ! это самъ дьяволъ!

ДОЛИНЪ. Я былъ очень друженъ съ покойнымъ Иваномъ Ильичемъ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. А, вы были дружны ... присядьте, пожалуйста ...

ДОЛИНЪ. Я былъ даже свидѣтелемъ его смерти...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Принесла тебя нелегкая! ... Садитесь, пожалуйста.

ДОЛИНЪ. И онъ, умирая, передалъ мнѣ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Что?.. что такое передалъ?

ДОЛИНЪ. Вашу сохранную записку.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Записку?..

ДОЛИНЪ. Вотъ она.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Она ... поддержите !..

ДОЛИНЪ. Теперь вы припоминаете? Эта записка имѣетъ одинакую силу съ заемнымъ письмомъ, и если вы сейчасъ не удовлетворите моей претензіи, я подамъ ее ко взысканію, и съ вами поступать по законамъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Нѣтъ, зачѣмъ ... зачѣмъ подавать ... присядьте ... Я готовъ заплатить, да не могу ... потому-что ... нечѣмъ, повѣрьте нечѣмъ ... (разжалоблю его). Я мотаю вѣдь ужасно ... я погибшій человекъ ... Повремените, ... свадьба сына, знаете ... издержки...

ДОЛИНЪ. Нѣтъ-съ, мнѣ нужно сейчасъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Это самъ сатана ... Сжальтесь надъ бѣднымъ старикомъ ... погодите ... вотъ, женю сына...

ДОЛИНЪ. О! нѣтъ ... нѣтъ, сударь: напротивъ, я въ такомъ только случаѣ и готовъ ждать, если дадите сыну вашему позволеніе жениться на Наташѣ, а мнѣ на Лизаветѣ Ивановнѣ!

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. А, вотъ оно что! Такъ нѣтъ-же, нѣтъ: это заговоръ! Не хочу! Я ихъ женю. .

ДОЛИНЪ. Въ такомъ случаѣ, прощайте! Я теперь ѣду въ Hôtel Coulon, къ Наташѣ, къ которой отправился вашъ бѣдный сынъ; даю вамъ часъ на размышленіе и жду васъ тамъ. Выбирайте, или согласіе на эти два брака, и я разрываю вашу записку, или я повлеку васъ по судамъ ... всюду, всюду.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Не хочу, не хочу, не хочу!

ДОЛИНЪ. Тѣмъ лучше ... прощайте! Но помните мое условіе: если вы пріѣдете туда, то дѣло будетъ кончено ... иначе, въ судъ! (*уходитъ*).

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Постоите, постоите!... Ушелъ, окаанный!... Позволятъ сыну жениться на вдовѣ, значитъ упустить 175,000; позволить ему жениться на Лизаветѣ, тоже упустить 175,000; а не согласиться ... такъ плати своихъ кровныхъ 5,000 ... Какое положеніе!... Вынимать деньги! О! судьба, за что ты меня преслѣдуешь?... Разстаться съ золотомъ!... Онъ сказалъ, что если я соглашусь, то уничтожитъ мою росписку!... А если онъ солжетъ ... я соглашусь, а онъ не уничтожитъ ... Я-бы это сдѣлалъ!... Весело, должно быть, помучить должника!.. Жаль, что я ни кому денегъ не даю... Ну, что будетъ, то будетъ! — Поѣду туда, къ этой мадамъ... лишь-бы мнѣ только денегъ-то не платить! Эй, малый! лакей! дрожки!

ЛАКЕЙ (*входя*). Андрей Петровичъ уѣхали ...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Скажите, пожалуйста!.. не пѣшкомъ-же мнѣ идти, неравно опоздаешь, глядишь, подастъ ко взысканію. Пошелъ, скорѣе, найми извозчика въ Михайловскую, — да торгуйся, смотри. Больше пятиалтыннаго не давай ... Ступай! ... Авось тамъ дворъ то проходной!... 5000, шутка ли, пять тысячъ! на извозниковъ еще трать тутъ!... Охъ, еслибъ дворъ-то проходной, — въ одни вошелъ, въ другія вышелъ: ищи тамъ.

ЛАКЕЙ (*входитъ*). Готовъ извозникъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. За сколько?

ЛАКЕЙ. За двугривенный.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ. Самъ ступай, коли платить есть чѣмъ!... Пойду пѣшкомъ, лучше и здоровѣе ... охъ, пора .. Смотри, дверь запри, а не запрешь, я тебя ... смотри ... ну, пошелъ! чего стоишь? — Плохія времена пришли ... человекъ вотъ умираетъ, кажется, вотъ конецъ, а ужъ долга не забудетъ!... Тыфу, какъ это низко! гнусно! ... Посмотрю еще, что дѣлать ... Ахъ, кабы дворъ-то проходной, — даль-бы, такъ и быть, двугривенный! (*уходитъ*).

ЭПИЛОГЪ.

ДВА ТАЛИСМАНА.

Комната въ Hôtel Coulon. Богатый №

I.

ОЛЬГА (*у окна*).

И часъ прошелъ, и два прошло,
А нѣтъ его. Отъ жаркаго дыханья
Темнѣетъ свѣтлое стекло...
Что можетъ быть ужаснѣй ожиданья?
Но скуки нѣсколько часовъ

Кто-жъ въ жизни вынести не готовъ
За мигъ одинъ отраднаго свиданья?

Нѣтъ, скучно у окна

Примусь за книгу ... Ахъ, я словъ не понимаю:

Мнѣ фраза кажется темна,

И строчки все, другъ друга задѣвая,

Скользять и прыгаютъ; я васъ

Ищу напрасно ... строки. Бѣдный глазъ,

Смущенье побѣдить желая, напрягаясь,

И мутною слезой невольно наполняюсь,

Спѣшить закрыться и сронить

Слезу докучную ... Любить — тужить,

А не любить — не жить! (*подходитъ къ роялю*).

Быть можетъ, эти звуки

Мое волненье укротятъ,

Мое сомнѣнье уменьшатъ

И уврачуютъ муки

Моей больной, встревоженной души;

Напомнятъ дни, когда въ глуши,

Я такъ любила и мечтала, (*садится*)

Гдѣ я такъ счастлива была,

Гдѣ идеаль себя я создавала,

Гдѣ идеаль свой я нашла.

(*беретъ нѣсколько аккордовъ*)

Нѣтъ, нѣтъ, не то! (*вскакиваетъ изъ-за фортепьяно*)

Та пѣсня была друга,

А эту мужъ мой такъ любилъ ...

Мой мужъ, котораго сгубилъ

Сомнѣнья ядъ и ревность роковая!

Въ Итали, бывало, насъ

Несла широкая гондола,

Съ волной сливалась баркарола,

И наступалъ прохлады часъ,

И небо синее сіяло,

Какъ взоры дѣвы молодой,

И все въ природѣ той отрадою дышало,

Все было нѣга и покой...

Его лишь одного сомнѣнне терзало!

Я съ нимъ была, но онъ, прижавъ меня къ груди,

Бывало говорилъ: «Гляди, еще гляди ...»

Ахъ, еслибъ точно ты меня еще любила!»
 И часто такъ, съ слезами на глазахъ,
 Держа меня въ трепещущихъ рукахъ,
 Онъ духомъ падалъ, и сгарая
 Огнемъ сомнѣнія и скованныхъ страстей,
 Онъ гаснулъ, тлѣлъ, и на груди моей
 Онъ умеръ, все позабывая,
 На бракъ другой меня благословляя;
 Желалъ, чтобъ въ счастіи прошла вся жизнь моя ...
 О, бѣдный другъ! тебя не позабуду я!
 Какъ страсти не бушуетъ сила,
 И какъ-бы я другаго ни любила,
 Забвенья мхомъ не заростетъ
 Твоя далекая могила!...

Однако, все Андрѣ еще найдеть ...
 Чтò-бъ это значило?... Ужъ на дворѣ темнѣетъ ...
 Хотѣлъ быть скоро, черезъ часъ...
 Ужель?... нѣтъ сердце вымолвить не смѣетъ!
 Ужель?...

СЛУЖАНКА (докладывая.)

Сударыня, тамъ спрашиваетъ васъ ...

ОЛЬГА.

Чужбининъ? Онъ! Ступай! зови, скорѣе!
 (Служанка уходитъ, отворивъ двери).

Сюда, ко мнѣ, я жду, смѣлѣе —

(Въ отворенныхъ дверяхъ показывается блѣдный
 Чужбининъ).

Свободна, счастлива, одна,
 Надеждъ, любви по-прежнему полна.
 Идите же ... войдите.
 Чтò съ вами?... Нѣтъ улыбки на устахъ:
 Какъ привидѣніе, въ дверяхъ стоите?
 Невольно мной овладѣваетъ страхъ ...

ЧУЖБИНИНЪ (бросаясь къ ней).

Ахъ, Ольга, Ольга! пощадите!

ОЛЬГА.

Чтò съ вами?

ЧУЖБИНИНЪ (*въ отчаяннѣ*).
Что со мной?

ОЛЬГА.

Я васъ не узнаю!

ЧУЖБИНИНЪ.

Пощады я одной у васъ молю ...
Вы знаете-ль ... въ послѣднѣй разъ мы вмѣстѣ...

ОЛЬГА.

Возможно ли!...

ЧУЖБИНИНЪ (*съ усиленіемъ*).

Я васъ ужъ больше — не люблю!

ОЛЬГА.

Вы!...

ЧУЖБИНИНЪ.

Я женихъ ... и тамъ ... она ... моя невѣста ..

ОЛЬГА.

Женать!...

ЧУЖБИНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ОЛЬГА.

Но скоро, можетъ быть ...

Ты будешь ...

ЧУЖБИНИНЪ,

Да ...

ОЛЬГА.

Любить другую ...

ЧУЖБИНИНЪ

Принадлежать, но не любить.

Жить на землѣ и жизнь ловить иную:
Да, этотъ жребій посланъ мнѣ.

ОЛЬГА.

Чужбининъ, разбуди ... вѣдь это сновидѣнье?
Неправда-ль, брежу я, все вижу я во снѣ?

ЧУЖБИНИНЪ.

О! вотъ твои слова: забвенье,
Забвенье мертвое ... всему!...
Прощенье мнѣ, прощенье тому,
Кто насъ лишилъ вѣнца ...
Надежда на Творца —
Вотъ нашъ удѣлъ!... Скорѣй ... Скорѣе!
Нить разрывается ... носить не смѣя
Завѣтное кольцо, я долженъ ... я желаю ...
Вамъ возвратить ... вотъ ... я его снимаю ...
Кольцо ... нашъ талисманъ, а съ нимъ и жизнь мою
Я отдаю ...

(Протягиваетъ къ ней руку. Она долго смотритъ въ волненіи на кольцо, молча беретъ его; потомъ, рыдая, падаетъ въ кресло).

Ахъ, еслибъ знала ты, какъ тяжко я страдаю!..
Ты плачешь? не глядишь? но погоди,
Не презирай меня, мой другъ, но посуди ...
И вы слушай ... Когда-бы угрожали
Отцу безчестіе, позоръ,
Когда-бъ отца злодѣи обыграли
И онъ былъ принужденъ украдкою, какъ воръ,
Чтобъ не нарушить слова,
Чужія деньги унести —
И деньги сироты, оставшейся безъ крова —
Чтобъ честь отца спасти,
Чтобъ сиротѣ воздать за прежнее имѣнье;
Когда-бы было для него одно спасенье —
Въ замѣнъ ей руку предложить
И именемъ своимъ отцовскій стыдъ прикрыть,
То это ужъ была-бъ обязанность святая,
Сыновній долгъ!... Я дорого плачу

За честь отца; но честь его спасая,
Я, можетъ быть, твое прощенье получу!

ОЛЬГА.

Что слышу я!

ЧУЖБИНИНЪ.

Онъ мнѣ во всемъ признался:
Одинъ былъ у него и тяжкій былъ порокъ,
Онъ былъ скупецъ ... теперь онъ сталъ—игрокъ!

ОЛЬГА.

Игрокъ!

ЧУЖБИНИНЪ.

Но для меня онъ все-жъ отцемъ остался.
Когда-бъ ты видѣла ... Старикъ, худой ...
Подъ гнетомъ страшнаго страданья
Онъ, съ преклоненной головой,
Меня просилъ ... молилъ ... я не былъ въ состоянн
Еще отвѣтить ... но ... упалъ къ нему на грудь
И обѣщалъ ... Погибли счастья годы ...

Но какъ на честь семейства посягнуть!
Какъ голосъ превозмочь и крови, и природы!

ОЛЬГА.

Ты правъ ... ты правъ ... Но кто-жъ она?...

ЧУЖБИНИНЪ.

Какъ ты-же, сирота, на горе рождена!

ОЛЬГА.

И любишь ты ее?

ЧУЖБИНИНЪ.

Какъ братъ; тебя, одну тебя —
Безумно!...

ОЛЬГА.

Разлюби меня!

Твоя жена когда-нибудь, случайно,
 Пойметъ твою тоску, узнаетъ нашу тайну ...
 Пройдетъ, быть можетъ, много лѣтъ,
 И мы увидимся иль нѣтъ,
 Богъ вѣсть: но ты въ бесѣдѣ сладкой,
 И на пиру, вездѣ вздохнешь украдкой
 О бѣдной Ольгѣ и о томъ,
 Кто далеко ... и подъ холмомъ,
 Въ странѣ любви и страсти знойной,
 Спитъ холодно, спокойно!...
 И вспомнишь, какъ была чиста
 И непорочна, и свята,
 Хотя кишуча и игрива,
 Моя любовь ... и можетъ быть, слеза
 Увлажитъ, другъ, твои глаза;
 Но ты ее съ рѣсницы живо
 Сотрешь, чтобы лукавый свѣтъ
 Не осмѣялъ воспоминанья!..
 Теперь прощай ... смотри ... слезинки даже нѣтъ,
 Прощай ... сказать-ли ... до свиданья?

ЧУЖБИНИНЪ.

Еще минуточку!..

ОЛЬГА (восторженно).

Есть предѣлъ слезамъ и мукѣ ...

О, лучше умереть, чѣмъ жить съ тобой въ разлукѣ!..

ЧУЖБИНИНЪ.

Те!... идутъ ... отворяютъ дверь ...

И такъ ... прощай теперь,

Прощай, мой другъ ... не до свиданья, (*бѣжитъ*)

А навсегда!

II.

ТѢЖЕ. ДОЛИНЪ.

ДОЛИНЪ.

Куда, куда, куда?
Ты здѣсь? прекрасно .. и невѣста.

ЧУЖБИНИНЪ.

Шутить теперь такъ, право, не у мѣста.

ДОЛИНЪ.

Теперь-то, другъ мой, и шутить,
Ты знаешь, я женюсь и васъ хочу женить.

ЧУЖБИНИНЪ.

Ты женишься?

ДОЛИНЪ.

Постой! Сейчасъ пріѣдетъ къ вамъ
Вашъ батюшка, и головой ручаюсь,
Что по его словамъ
Вы мнѣ повѣрите — что я за васъ стараюсь.

ОЛЬГА.

Что значить это все?

ЧУЖБИНИНЪ.

Скажи мнѣ, это сонъ?

ДОЛИНЪ.

Нѣтъ, братецъ, нѣтъ ... а вотъ смотри: вѣдь это онъ!

ЧУЖБИНИНЪ.

Что-жъ это значить все?

ДОЛИНЪ.

Одно,

Что вѣрить слѣпо всѣмъ смѣшно.

Въ нашъ вѣкъ паровъ и спекуляцій,

Для убѣжденія такихъ, какъ ты, господь,

Изобрѣли обмана новый родъ,

Родъ славный, родъ мистификацій.

Разсказъ о карточныхъ столахъ,

О золотѣ, мелкахъ,

О проигрышѣ, раззореньи,

Была одна, сударь, фантазія, мечта,

Порывъ воображенья,

Мистификація! (*Ольга, указывая на Чужбинина*)

А эта простота

Далась въ обманъ. (*Ему*) Но наша сирота

Открыла все, своими слышала ушами,

И даже, между нами,

Дала мнѣ талисманъ,

Не золотой, неважный,

А такъ — простой клочекъ бумажный,

Который, если я въ мой положу карманъ,

И буду иногда носить его съ собою,

Такъ будемъ оба мы съ женою.

ЧУЖБИНИНЪ.

Возможно-ли?... Ты правду говоришь,

Я былъ обмануть?...

ОЛЬГА.

Отдыхаю!

Надежда есть на счастье.

ДОЛИНЪ.

(Обращаясь къ Ольгѣ и подводя старика Чужбинина.)

Вотъ-съ, я вамъ представляю:

Отецъ Чужбинина.

ЧУЖБИНИНЪ (*отцу значительно*).

Я, батюшка, всю знаю
Мистификацію!

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ (*сжимая ему руку*).

А! кто тебѣ сказалъ?

ЧУЖБИНИНЪ.

Вотъ, Долинъ!

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ (*всторону*).

Гмъ! и какъ онъ все узналъ?

ДОЛИНЪ (*тихо старику*).

Благословите ихъ, я вексель раздираю...

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ (*Долину*).

Да, такъ и быть.

(*всторону*.) Лишь только бы пять тысячъ не платить.

(*Ольгъ*.) Я вамъ себя рекомендую.

И старъ, а все таки кажуся дуракомъ:

Вѣдь у меня послѣдній грошъ ребромъ!

И я кучу ... кучу на-пропалую!

ДОЛИНЪ (*тихо старику*).

Отъ мужа ей седьмая часть

Досталась ... Много очень! просто страсть.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ.

Неужели? (*ей*) Я радъ, что въ семью къ намъ, такую,

Какъ вы, Господь приводитъ дочь!

Вѣдь вотъ, сказали, я отъ этой свадьбы прочь ...

Что сыну я ищу жену для вѣса!

Нѣтъ, съ дѣтства я далекъ

И сребролюбя, а пуще интереса.
Одинъ есть у меня порокъ:
Кутить люблю .. Придите-же въ объятья!

ОЛЬГА.

ЧУЖБИНИНЪ.

О! батюшка!

Я забываю все!

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ (*проводя рукой по платью
Ольги*).

Ахъ, чудное на васъ какое платье!

(Увидя перстень на рукѣ)

А это что? *(Ольгу нѣжно обнимая)* сокровище мое!
(Всторону) Какіе перстеньки!

ОЛЬГА *(поражена мыслию)*.

А! ... Если вамъ угодно,

Примите отъ меня на память талисманъ.

(подаетъ перстень)

Покойнымъ дѣдушкой онъ былъ мнѣ въ дѣтствѣ данъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ

Благодарю! я сохраню подарокъ благородный.

ДОЛИНЪ *(тихо старику)*.

Что-жъ, Лизанька моя?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ.

Отдай расписку, такъ твоя!

ДОЛИНЪ.

Помолвите, и тутъ-же вамъ расписку.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ.

Послушай, Долинъ: это низко!

ДОЛИНЪ.

Не то — угодно заплатить?

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ.

Ахъ, еслибъ зналъ ты, какъ благословить
Я жажду васъ обоихъ поскорѣе.

(Всторону) Чтобы пять тысячъ сохранить
И перстенецъ продать умнѣе.

(вслухъ.) И такъ, на радостяхъ кучу!
Я завтра вечеръ дать хочу,
И ваши свадьбы объявляю!

ДОЛИНЪ.

Такъ завтра—же и я росписку раздираю,
Нашъ общій талисманъ!

ОЛЬГА *(Чужбинину)*.

Ты счастливъ и любимъ.

ЧУЖБИНИНЪ *(Ольгъ)*.

Я счастливъ счастиемъ твоимъ.

СТАРИКЪ ЧУЖБИНИНЪ.

А я счастливъ, что покучу на елаву.

(Къ публикѣ).

Прошу покорно къ намъ: конфекты будутъ, право!

II.

БРАКЪ КАКИХЪ МАЛО.

РОМАНЪ

ЕВГЕНІЯ ЛУНСКАГО.

(С. К.)

ЧАСТЬ I.

ПРОЛОГЪ.

Въ концѣ 1839 года, въ исходѣ октября, стоялъ, въ Галерной улицѣ, небольшой, двухъ-этажный, каменный домъ, съ узорчатымъ балкономъ, выкрашеннымъ подъ бронзу, и съ зеркальными окнами, такими свѣтлыми и прозрачными, что праздный взоръ любопытнаго могъ удобне проникать внутрь его. Чистыя стѣны, недавно окрашенные бѣлою краской, зеленая крыша, роскошный подъѣздъ, и два или три стоявшіе тутъ экипажа, свидѣтельствовали, что хозяева этого дома были люди весьма и весьма достаточные.

Быль седьмой часъ вечера. Широкая, парадная лѣстница освѣтилась газомъ, свѣтъ котораго видѣлся сквозь стеклянную дверь, но пасмурная и дождливая погода едва позволяла замѣтить толсто-настлапную солому на грязной мостовой, примыкавшей съ обѣихъ сторонъ къ опи-

сываемому нами дому, и нѣсколько опущенныхъ зеленыхъ сторѣ. Въ слабо освѣщенныхъ комнатахъ, безпрестанно мелькали головы людей, ходившихъ взадъ и впередъ съ озабоченнымъ видомъ; нѣсколько лакеевъ, въ ливрейныхъ фракахъ, и въ гороховыхъ стиблетахъ, собравшись въ швейцарской, толковали про господъ своихъ.

— А что, Савельичъ, говорилъ камердинеръ Семень, обращаясь къ буфетчику, я думаю, барынь—то не сдобровать. Вотъ, ужъ она никакъ съ недѣлю мается, а все легче нѣтъ.

— Чтожъ, видно часъ ея насталь, отвѣчалъ флегматически Савельичъ. Всѣ мы здѣсь подъ Богомъ ходимъ.

— Эхъ! да какіе еще годы ея,—замѣтилъ швейцаръ, рослый парень съ большими черными усами, — не съ большимъ двадцать—пятый пошоль. Она вѣдь молода замужъ шла; говорятъ, отецъ—то да мать неслишкомъ богаты были; такъ, какъ покойный баринъ—то присватался, ее голубушку сейчасъ и отдали за него. Я вѣдь ужъ знаю, Иванъ Савельичъ: видѣлъ, какъ ее и отъ вѣнца привезли. Тогда ей былъ осемнадцатый годъ, да замужемъ прожила почти—что пять лѣтъ, да теперь, три года какъ вдовѣтъ, такъ вотъ и считай.

— Молода—то, молода, сказалъ Семень, жалко если въ энтихъ лѣтахъ умреть.

— Были богаты наши господа, да теперь почитай—что не богаче насъ съ тобой,—возразилъ, вздохнувъ, буфетчикъ. Ужъ то времечко прошло! Баринъ—то, царство ему небесное, барыню безовсего взялъ: говорятъ, за красу одну, даже приданое все самъ дѣлалъ. Онъ же былъ немолодъ, когда женился: фамиліи—то хорошей, ну да и полковникъ гвардіи, такъ барыня и пошла за него, нужды нѣтъ, что парикъ носилъ. Она любила жить шибко, а онъ души въ ней не слышалъ, такъ и дѣлалъ все, какъ она хотѣла. Теперь, почитай—что все прожили; деревня продана, домъ также заложенъ.

— Да, сказалъ шверцаръ, диви-бы хоть домъ—то остался, а то, на прошлой недѣлѣ и его описали, и мебели, и посуду, и даже барынинъ гардеробъ. Вишь, долговъ, говорятъ, много. Да и немудрено: у насъ, какъ сама—то здорова была, такъ почти каждый день балы да банкеты, деньги такъ и сыпались. Баринъ, говорятъ, около милліона оставилъ, а ихъ вишь въ три года словно не бывало. Дочиста все прожили.

— Барышню—то бѣдную жалко. Воспитывали, словно графиню какую; нянекъ да губернаноковъ наняли всякихъ, а теперь, что съ нею будетъ? Еще она мала, всего седьмой годокъ пошелъ, а капиталовъ нѣту. Куда она дѣнется?

— Чтожь! родные возмутъ.

— А гдѣ они, родные-то? У покойника-то не было, а у самой, кромѣ дяди да двоюроднаго брата, который еще учится, никого и нѣтъ. Дядя же вдовецъ, да еще какой скряга, не приведи Господи! Впрочемъ, онъ для другихъ скупъ, а сыну, такъ ничего не жалѣетъ. Тотъ же пофорсить, куда любить.

Семень разинулъ ротъ, чтобъ отвѣтить, но въ швейцарскую вышла старуха, въ темномъ шерстеномъ платьѣ и въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ. Это была ключница, Мавра Агаоновна, лицо, почти всегда уважаемое прислугой.

Мавра Агаоновна была женщина лѣтъ пятидесяти-шести; словоохотливая, бодрая, живая старушка, всегда веселая, обладавшая баснословнымъ количествомъ петербургскихъ новостей, и готовая передавать ихъ во всякое время, кому только придетъ охота слушать ее. Она поступила въ этотъ домъ ключницею, когда хозяинъ его только-что женился, и съ тѣхъ поръ вела одна хозяйство, по своему произволу, потому-что госпожа ея была женщина очень молодая, неопытная, жившая въ большомъ свѣтѣ, и никогда ни во что не входила. Ей была предоставлена полная воля во всемъ, и она распоряжалась въ этомъ домѣ, какъ полная хозяйка его. Ей всегда было много дѣла и занятій, а времени никогда не хватало, потому-что Мавра Агаоновна находилась въ вѣчныхъ хлопотахъ, развѣзжала по рынкамъ, ходила сама на кухню, въ погребъ, такъ-что ничто не ускользало отъ ея надзора, выдавала людямъ жалованье, сама покупала овесъ, бывала на всѣхъ свадьбахъ, именинахъ, крестинахъ, имѣла полъ-Петербурга знакомыхъ, и наконецъ, была отличнѣйшая сваха. Словомъ, Мавра Агаоновна была женщина, какихъ мало, да кромѣ того, всѣ любили ее отъ души, и никто не могъ безъ нея жить. Мавра Агаоновна бывала вездѣ, ей всегда были рады: она всѣхъ оживляла своимъ присутствіемъ, своей неутомимой болтовней. Казалось, еслибъ она уѣхала изъ Петербурга, онъ опустѣлъ бы точно также, какъ пустѣетъ въ то время, когда даровитые артисты театровъ и концертныхъ залъ оставляютъ его на нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ опустѣлъ бы даже болѣе, потому-что безъ Мавры Агаоновны умолкли бы всѣ новости, прекратились бы свадьбы, и, что еще хуже, скука поселилась бы въ тѣхъ домахъ, гдѣ привыкли видѣть ее еженедѣльно, а мы сказали уже, что видѣли ее *всю, всегда и вездѣ*, а знали половина города.

Въ этотъ вечеръ, старушка, противъ обыкновенія, была печальна: смуглсе лицо ея казалось разстроеннымъ, каріе глаза, до сихъ поръ еще полные жизни, не свѣтились обычнымъ огнемъ.

Слуги встали, когда она отворила дверь швейцарской.

— Семень, сходи голубчикъ въ аптеку, сказала ключница, обращаясь къ камердинеру. Вотъ рецептъ; да скажи, чтобъ отпустили, какъ можно скорѣе.

Семень взялъ рецептъ, поглядѣвъ съ удивленіемъ на старуху: онъ привыкъ исполнять свою должность только въ комнатахъ, потому-что въ домѣ было два разсыльныхъ лакея.

— Сходи пожалуста, повторила Мавра Агаооновна, своимъ ласковымъ голосомъ. Всѣ люди разосланы; мнѣ не за кого взяться.

— Извольте, отвѣчалъ Семень, тономъ совершенной готовности исполнить приказаніе.

И взявъ съ вѣшалки фуражку, онъ набросилъ шинель и вышелъ изъ швейцарской.

— А ты, Савельичъ, прибавила ключница обращаясь къ буфетчику, возьми курьерскихъ, да съѣзди за священникомъ. Барынь худо. Наврядъ-ли она доживетъ до утра.

Буфетчикъ вышелъ, не отвѣчая ни слова, а Мавра Агаооновна стала взбираться на верхъ, по широкой, ярко освѣщенной лѣстницѣ, устланной пестрымъ ковромъ.

— Охъ, ужъ эти доктора, бормотала старуха, тяжело вздыхая. Уморятъ они ее, залечутъ до смерти! Ужъ у нея, голубушки, и то въ чемъ душа держится, а они, знай себѣ, лекарствами отпаиваютъ, да какими-то зельями: этакъ, и безъ смерти смерть придетъ. Нѣтъ, до сихъ поръ еще Богъ миловалъ меня; а ужъ какъ захвораю, такъ ни за что лекарства принимать не стану.

Ключница скрылась за дверью, а швейцаръ вышелъ на подъездъ.

Лихой сѣрый конь, запряженный въ модныя пролетки, подкатилъ, какъ стрѣла, къ ступенькамъ подъезда, и молодой человѣкъ, лѣтъ шестнадцати, поспѣшно выпрыгнулъ на тротуаръ. Швейцаръ отворилъ ему дверь: онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, вошелъ въ большую прихожую, сбросилъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, которая скрывала мундиръ камеръ-пажей, и снявъ трехъугольную шляпу, вошелъ въ пріемную.

Она была пуста: онъ пошелъ дальше. На порогѣ столовой, онъ столкнулся съ ключницей.

— А, Мавра Агаооновна, сказалъ онъ, замѣтно обрадовавшись. Чтó у васъ хорошенькаго. Лучше кузинѣ?

— Какое лучше, отвѣчала старуха печально. День ото дня, все хуже да хуже; а сегодня, такъ ужъ и не спрашивайте; я совсѣмъ съ ногъ сбилась.

— Неужели? спросилъ съ безпокойствомъ молодой человѣкъ.

— Какъ же; ужъ и доктора отказались. Я ужъ и за священникомъ послала. Да что это вы, Владиміръ Александрычъ, прикидываетесь, словно ничего не знаете?

— Почему же мнѣ знать! Я вѣдь здѣсь недѣлю не былъ, а сегодня, прямо изъ корпуса. Въ понедѣльникъ, я оставилъ кухню не въ такомъ опасномъ положеніи, и меня потомъ никто не увѣдомилъ. Даже вы не позаботились о томъ, прибавилъ, улыбнувшись, молодой человѣкъ. Право, я вамъ не прощу этого: у всѣхъ бываете, а ко мнѣ въ гости никогда не заѣдете.

— Экой проказникъ, сказала ключница, которая въ другое время, на этотъ упрекъ отвѣтила бы залпомъ новостей. Вотъ видите-ли, дѣло въ томъ, что Зинаида Петровна никогда не береглась, слишкомъ много надѣялась на свое здоровье, такъ вотъ доктора-то и говорятъ, что у нея воспаленіе. Кто ихъ знаетъ, какое такое воспленіе нашли они у нея. Я, такъ вотъ ни на грошъ не вѣрю имъ; по-моему, они просто залечили ее.

— Папенька здѣсь? спросилъ молодой человѣкъ, видимо озадаченный непріятною вѣстью.

— Какъ-же.

— Гдѣ же онъ?

— Въ гостиной.

— Одинъ?

— Какое одинъ! Мало ли тамъ гостей-то! Однако мнѣ некогда тутъ тарантить съ вами, Владиміръ Александрычъ. Извольте идти въ гостиную. Къ Зинаидѣ Петровнѣ никого не пускаютъ; она, сердечная, чуть жива. Давича Вѣру Михайловну спрашивала, такъ и ту не пустили, а Богъ знаетъ, придется-ли ей еще разъ на мать взглянуть: можетъ быть, въ ночь осиротѣетъ.

Старуха покачала головой и вышла въ боковую дверь, тяжело вздыхая. Владиміръ Александровичъ пошелъ въ гостиную. Она была почти полна: мужчины и дамы, разряженные въ пухъ, сидѣли молча на малиновыхъ бархатныхъ мебеляхъ, и на лицахъ ихъ, изображались изумленіе, недоумѣніе, печаянность, но далеко не состраданіе. Возлѣ камина, на мягкомъ креслѣ съ отвальной спинкой, сидѣлъ шестидесятилѣтній старикъ, съ серебристыми волосами, въ военномъ сюртукѣ и въ генеральскихъ эполетахъ. Его лицо, изрѣзанное морщинами, составляло разительный контрастъ съ натянутыми лицами присутствующихъ.

Правда, оно было почти также неподвижно, какъ и прочія, но

на немъ выражалась такая глубокая печаль, такая безпредѣльная душевная скорбь, что невольно поражала съ перваго взгляда.

— А, Вольдемаръ! раздалось со всѣхъ сторонъ, когда вошелъ камеръ-пажъ. *Vous arrivez bien tard.*

— Чтожъ дѣлать, господа. Сегодня вѣдь не воскресенье, а только еще суббота; я не могъ явиться раньше, потому-что насъ распустили въ шесть часовъ.

Старикъ оборотилъ голову, и увидѣвъ молодаго человѣка, подозвалъ его знакомъ.

— Я узналъ неприятныя вѣсти, батюшка, сказалъ камеръ-пажъ, подойдя къ нему. Неужели нѣтъ надежды?

— Нѣтъ, отвѣчалъ старикъ съ горестью. Зинаида очень худа; въ прошлую ночь, никто не ложился спать, всѣ дежурили у нея поочередно. Теперь, тамъ духовникъ ея.

— Боже мой! вскричалъ Вольдемаръ. Бѣдная Вѣра! Что съ нею будѣтъ? Она такъ мала еще.

— Ну, объ ней покамѣстъ нечего жалѣть. До извѣстныхъ лѣтъ, она найдетъ себѣ пріютъ; я отвезу ее въ Смольный, по желанію племянницы.

— Вѣру въ Смольный! повторилъ камеръ-пажъ, который, при столь неожиданной новости, не могъ скрыть свое удивленіе.

— Чтожъ дѣлать! Привыкнетъ, отвѣчалъ старикъ съ покорностью. Ко всему привыкаютъ, а дѣти и подавно. Вотъ послѣ, когда она вырастетъ и окончитъ свое ученье, тогда Богъ знаетъ, куда она дѣнется, прибавилъ онъ задумчиво, и вставъ съ своего мѣста, взялъ сына подъ руку, и вышелъ съ нимъ въ ближнюю комнату.

Вольдемаръ положилъ свою шляпу на окно, и снялъ шпагу.

— Батюшка, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, но вѣдь Вѣра должна быть богата? Отецъ оставилъ ей около милліона. Гдѣ жъ эти деньги?

— Да, онъ оставилъ около милліона въ полное распоряженіе жены, предполагая, вѣроятно, что она сбережетъ половину для дочери; но она промотала эти деньги, отвѣчалъ рѣзко старикъ, и облако негодованія мелькнуло на почтенномъ челѣ его.

И заложивъ руки на спину, онъ мѣрными шагами началъ прохаживаться по комнатѣ, поникнувъ головою и сдвинувъ брови.

Но неужели отъ этого огромнаго состоянія ничего не осталось? спросилъ Вольдемаръ, посмотрѣвъ съ недоумѣніемъ на отца.

— Ничего. Я вѣдь ужъ сказалъ тебѣ, что у бѣднаго ребенка ничего не останется: мать ея все промотала, все! Даже и это, приба-

вилъ онъ, остановясь посреди комнаты и указывая глазами вокругъ себя, даже и это все чужое. Еслибъ Зинаида осталась жива, то я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось? Она же любила бросать деньги, сорила ими на разные пустяки, не знала границъ своимъ прихотямъ, привыкла жить чуть-ли не по-княжески, такъ-что перемѣна ея состоянія неперемѣнно бы убила ее. А поправить его было-бы невозможно: деревня вся въ долгахъ, да и ту продали съ публичнаго торга. Люди также жалуются, что имъ давно не платили жалованья, а платить уже не изъ чего. О, она не перенесла бы этого! Я люблю племянницу, и конечно, съ моей стороны жестоко говорить такъ, но я твердо убѣжденъ, что все къ лучшему: смерть постигла ее во-время.

Молодой человекъ задумался, видимо опечаленный словами отца. Онъ жалѣлъ кузину, которая такъ рано оставляла здѣшній міръ, и внутренно говорилъ себѣ, что ей надо было еще жить, и что жизнь, какова бы ни была, не можетъ наскучить въ эти годы.

— Я неразъ предостерегалъ ее, продолжалъ старикъ, помолчавъ; я говорилъ ей, что такая расточительность неумѣстна, что все это худо кончится: она не хотѣла вѣрить мнѣ. Ахъ, молодость, молодость! Она никогда не предвидитъ бѣды, не заботится о будущемъ. Оттого, Вѣра, быть можетъ, и принуждена будетъ скитаться со временемъ безъ пристанища. Вѣра, невинная жертва эгоизма, привыкшая къ роскоши, и избалованная матерью и всѣми, кто только знаетъ ее, Вѣра не будетъ имѣть угла. Я уже старъ: на меня она не можетъ надѣяться. Бѣдное, бѣдное дитя!

И скрестивъ на груди руки, старикъ опустился на диванъ.

Камеръ-пажъ отошелъ въ сторону, и прислонившись къ амбразурѣ окна, сталъ разсѣянно глядѣть на улицу. Тамъ было совершенно темно: дождь шумѣлъ и неистово хлесталъ въ стекла. Восемь часовъ пробило на бронзовыхъ часахъ, стоявшихъ въ простѣнкѣ, у большаго венеціанскаго зеркала.

Вольдемаръ обернулся, провѣрилъ свои часы, потомъ, показавъ ихъ отцу, спросилъ:

— Можно видѣть кузину? Уже поздно.

— Подожди немного: священникъ еще не уѣхалъ. Молодой человекъ сѣлъ, и опершись локтемъ на ручку кресла, казалось, забылся на минуту. Взоръ его блуждалъ въ незримомъ пространствѣ, мутный, грустный, устремленный Богъ вѣсть куда; лицо, опечаленное нечаянной новостью, утратило мгновенно свое беззаботное выраженіе.

Вольдемаръ зналъ свою кузину, какъ женщину, обладавшую цвѣтущимъ здоровьемъ, женщину, которая, при своей шумной, разнообразной

жизни, никогда не бывала больна, и ее внезапная болѣзнь удивила его и озадачила. Онъ зналъ также, что Зинаида любила выѣзжать, что она выѣзжала очень много, не смотря на совѣты докторовъ, которые говорили, что это ей вредно и что рано или поздно, здоровье ее пострадаетъ отъ того; но она никогда ихъ не слушалась. Вышедъ замужъ за старика, единственно изъ-за богатства его, Зинаида спѣшила насѣтиться удовольствіями, которыя открылись передъ ней въ новомъ ея положеніи, и даже не имѣла времени жалѣть о томъ, что судьба избрала ее быть женою человѣка, который былъ тридцатью годами старше ее. Впрочемъ, она бы не имѣла права роптать на свою участь, потому-что мужъ ее, человѣкъ прекрасный, но слабый, и уступчивый, никогда ни въ чемъ не отказывалъ ей, тѣшилъ ее, какъ ребенка. Малѣйшая прихоть, малѣйшій капризъ Зинаиды были для него закономъ; онъ никогда не противорѣчилъ ей, и избалованная молодая женщина всегда поступала по своей волѣ, нисколько не заботясь о томъ, что убиваетъ свое здоровье, и разстроиваетъ состояніе. Рожденіе дочери отвлекло ее на-время отъ большаго свѣта: — она занялась ею, какъ игрушкой, — но только это было недолго. Зинаида, какъ многія женщины ея лѣтъ, не могла долго обращать вниманія на одинъ и тотъ же предметъ, и потому, поручивъ дочь надзору нянекъ, снова съ закрытыми глазами кинулась въ прежнія удовольствія. Это была ея сфера, ея міръ, но онъ отдалялъ ее отъ мужа, которому ни лѣта, ни наклонности, ни занятія, не позволяли сопровождать жену въ тѣ шумныя собранія, гдѣ она проводила обыкновенно вечера свои или, лучше сказать, ночи, потому-что, въ сущности, нельзя назвать вечерами, куда собираются въ одиннадцатомъ часу, а разѣзжаются въ шесть часовъ утра. Она почти не замѣтила смерти мужа; жизнь ее нисколько не измѣнилась отъ этого, потому-что ее рѣдкій, добрый, заботливый мужъ оставилъ ей огромный капиталъ, который если бы попалъ въ болѣе солидныя руки, то ужъ конечно, не истребился бы въ какихъ-нибудь три года. Зинаида была неопытна, — она вышла замужъ почти ребенкомъ, и считала богатство свое неисчерпаемымъ. Вскорѣ однакожь оказалось, что оно значительно истощается, что необходимо прекратить излишніе расходы, и принять другія, болѣе положительныя мѣры. Но Зинаида, привыкшая къ роскоши и немедленному исполненію своихъ фантазій, не могла уже существовать иначе: ей было трудно покориться необходимости нѣкоторыхъ лишеній, и рѣшиться отстать отъ многочисленныхъ знакомыхъ, которые такъ охотно наполняли ее чертоги, не дожидаясь приглашеній; тѣмъ болѣе, что ихъ всегда ожидалъ радушный пріемъ и пышное угощеніе. Наконецъ, дѣла ее такъ запутались, что развязка ихъ должна

была быть весьма плохая; но мысль эта никогда не входила въ вѣтренную голову Зинаиды, и она, несмотря на увѣщанія дяди, принуждена была войти въ долги. Положеніе ея было теперь незавидное, и кромѣ того, къ нему присоединилась еще болѣзнь, — неминуемое послѣдствіе частыхъ выѣздовъ и столькихъ ночей, проведенныхъ безъ сна. Она развилась съ такою быстротой, и дѣлала ежедневно такіе гигантскіе успѣхи, что, несмотря на молодость, которой дала природа столько привилегій, она была неизлечима. Часы этой женщины, никогда не думавшей о будущемъ, въ эту минуту были сочтены. Ей нехотѣлось умирать, она была слишкомъ привязана къ жизни, чтобъ оставить ее такъ внезапно; а дѣлать было нечего. Нельзя бороться съ судьбой, — это свѣше силъ человѣческихъ, и потому, Зинаида теперь горько раскаивалась, что, по своей всегдашней необдуманности характера и постоянной вѣтрености, она пренебрегала здоровьемъ, которое невозможно было вернуть.

Вольдемаръ зналъ все это какъ нельзя лучше, и больно было ему думать, что кузина его потеряна для него навсегда, и что небыло средства спасти ее.

— О, сказалъ онъ поднявъ голову, неужели сегодня же, все будетъ кончено? Какъ жаль, какъ жаль!

— Э, Боже мой! Чемужъ ты удивляешься? отвѣчалъ задумчиво старикъ. Всѣ знаютъ, до какой степени она не берегла себя. Этого должно было ожидать.

Молодой человѣкъ не возразилъ ни слова; онъ внутренно сознавался, что отецъ говоритъ правду.

— Ваше превосходительство, сказалъ вошедшій лакей, Зинаида Петровна просятъ васъ къ себѣ. Онѣ уже два раза спрашивали Вѣру Михайловну: прикажете позвать ихъ?

— Скажи, чтобъ ее отвели туда, отвѣчалъ старикъ, вставая. И обратясь къ сыну, онъ прибавилъ: «идемъ». Оба пошли въ спальню Зинаиды, а лакей вышелъ исполнить приказаніе.

Комната больной, убранная изящно, въ старинномъ, но фантастическомъ вкусѣ Людовика XV, была очень обширна. Ее наполняла мебель палисандроваго дерева, на отвалныхъ ножкахъ, съ высокими рѣзными спинками, — но эластичныя пружины, хитро скрытыя въ подушкахъ, и перламутровыя украшенія, изобрѣтенныя уже въ девятнадцатомъ вѣкѣ, далеко превосходили, красотой своею и удобствомъ, тѣ беспокойныя сѣдалища, которыми щеголяла Дюбарри. Прелестный туалетъ изъ саксонскаго фарфора, богато отдѣланный бронзой, — совершенно такой, какъ былъ нѣкогда у маркизы-де-Помпадуръ, который теперь

еще показывается въ Парижѣ, — стоялъ на главномъ мѣстѣ, въ центрѣ стѣны, полузакрытый съ обѣихъ сторонъ кружевной драпировкой, которая была накинута на бронзовыя листья, окружавшія кругое зеркало его, въ видѣ вѣнка. Два большихъ трюмо, поставленныя симметрически одно противъ другаго, невольно изобличали женщину, любившую наряды; ихъ расположеніе было таково, что непременно должно было отражать ея образъ со всѣхъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что въ золоченныя рамы ихъ были ввинчены массивныя канделябры, со множествомъ восковыхъ свѣчей. Пестрый коверъ, мягкій и пушистый, со множествомъ арабесокъ всевозможныхъ цвѣтовъ, былъ разостланъ на паркетномъ полу, и представляя огромный продолговатый квадратъ, достигалъ до самыхъ угловъ комнаты. Стѣны, обивка мебели, занавѣсы дверей и оконъ, — все было голубое атласное, равно какъ и одѣяло и пышный, окаймленный золотою бахромой занавѣсъ кровати, которая стояла на правой сторонѣ, подлѣ низенькой кушетки и круглаго стола съ витыми ножками. На этомъ столѣ, было много всякой всячины, какъ-то: банокъ съ лекарствами, стакановъ съ питьемъ, серебряныхъ ложекъ, флакончиковъ съ нюхательнымъ и втирательнымъ спиртомъ, и такъ далѣе. На кровати, лежала женщина, еще молодая и прекрасная; но лицо ея было до того искажено страданіями, посинѣвшія, почти фіолетовыя губы были до того сжаты, что, казалось, еще минута, и смерть распуститъ надъ ней свои холодныя крылья. Лицо ея, продолговатое, замѣтно исхудалое, казалось еще блѣднѣе отъ хрустальнаго, готическаго фонаря, который горѣлъ на потолкѣ, и наполнялъ тусклымъ свѣтомъ своимъ огромную комнату. Эта женщина лежала неподвижно, съ закрытыми глазами; руки ея, точно восковыя, съ длинными, тонкими пальцами, скрестились судорожно на груди, которой дыханіе едва было замѣтно; густая, бѣлокурая коса, волнистая, длинная и мягкая, какъ шелкъ, скатилась змѣей съ кружевной подушки, и нѣсколько прядей ея обрамляли лицо, обвиваясь около шеи. По какой-то странной игрѣ природы, брови ея, проведенныя дугой на высокомъ лбѣ, и длинныя рѣсницы, бросавшія остроконечную тѣнь на щеки, были совершенно темныя, и это обстоятельство нисколько не портило ея. Оно, напротивъ, производило поразительный эффектъ, потому-что глаза ея были черныя, что встрѣчается рѣдко у блондинокъ. На ней, была батистовая вышитая кофта, обшитая широкими брюссельскими кружевами, и завязанная, около ворота, бѣлою лентой. Ея тонкій, стройный корпусъ, лежавшій безъ движенія, въ какомъ-то безсознательномъ оцѣпенѣніи, ея бѣлокурая головка, слегка склоненная на лѣвую сторону, ея сложенные на груди руки, словомъ вся ея поза, показывала покорность судьбѣ и глубокіе слѣды

тѣлесныхъ страданій. Сестра милосердія сидѣла у ея изголовья; двѣ или три горничныхъ стояли въ полумракѣ, около портьеры, въ ожиданіи приказаній.

— Это вы ... *mon oncle*?.. произнесла слабымъ голосомъ Зинаида, когда дверь затворилась, и чьи-то шаги осторожно приблизились къ ея постели.

— Это мы, *chère cousine*, отвѣчалъ Вольдемаръ, сдѣлавъ знакъ сидѣлкѣ, которая тотчасъ же встала и отошла въ сторону. Мы съ ба-тюшкой пришли пожелать вамъ здоровья, и сказать, что хворать пре-дурно.

— А, Вольдемаръ... ты также здѣсь... сказала больная, открывъ глаза. Гдѣ же дочь моя?... отчего... ея нѣтъ съ вами?..

— Небезпокойся, Зинаида, отвѣчалъ старикъ съ поспѣшностью. Я послалъ за нею, — она сейчасъ придетъ сюда.

Зинаида вздохнула, отбросила рукою длинныя пряди волосъ своихъ, и оборотивъ съ усиленіемъ голову, сказала тихо и съ разстановкой, едва выговаривая каждое слово:

— *Mon oncle*... и ты... Вольдемаръ... у меня есть до васъ боль-шая просьба... Я знаю, что мнѣ... недолго... жить... Я умру... не-премѣнно умру... быть-можетъ, скоро... сегодня же... Берегите Вѣру... она останется одна... безъ матери... безъ состоянія... Я не ду-мала объ этомъ прежде... и Богъ наказываетъ меня... наказываетъ, зато-что я была... дурная мать... дурная жена... Я была всегда от-далена отъ мужа и отъ дочери... я лишила — ее возможности... жить послѣ моей смерти такъ... чтобы не быть никому обязанной... я рѣдко видѣла ее... потому-что мои частыя отлучки изъ дому... и непре-станныя гости, — отнимали у меня все время... и Вѣра забудетъ меня... Она забудетъ, что у нея была мать, которая, не смотря на недостатки свои и испорченность характера... все таки любила ее... О, это ужасно... продолжала Зинаида, умоляющимъ голосомъ... напоминайте ей, обо мнѣ... общайте мнѣ любить ее!.. И обезсилѣвъ совершенно, отъ этого на-пряженія ума и тѣла, она замолкла на минуту, и казалось, впала въ без-памятство. Но это было не надолго: не получая отвѣта, она снова от-крыла глаза и съ безпокойствомъ устремила ихъ на дядю.

— Общайте мнѣ любить ее, повторила шепотомъ Зинаида, и въ голосѣ ея дрожали слезы. Вольдемаръ чуть-не плакалъ.

Старикъ самъ былъ растроганъ и взволнованъ, несмотря на то, что часъ тому назадъ, такъ строго осуждалъ ее.

Онъ невольно извинялъ теперь эту вѣтреную женщину, которой приписывалъ отсутствіе чувствъ; — но все таки внутренно говорилъ

себѣ, что въ предсмертную минуту, самый гордый человѣкъ смиряется, и что тогда все прошлое должно забыть.

Онъ взялъ руку племянницы обѣими руками, и крѣпко сжавъ ее, отвѣчалъ:

— Будь увѣрена, дитя мое, что я свято исполню твою волю; — покаместъ я живъ, Вѣра найдетъ во мнѣ отца.

— Благодарю, простонала больная чуть-слышно, и на страдальческомъ лицѣ ея, мелькнула улыбка удовольствія.

Вольдемаръ видѣлъ, что она все знаетъ и вполне чувствуетъ приближеніе смерти. Онъ не могъ теперь увѣрять ее въ противномъ, и это было ему больно, потому-что онъ зналъ, какъ она привязана къ жизни, и съ какимъ душевнымъ и непритворнымъ сожалѣніемъ разставалась съ нею.

— Кузина, сказалъ онъ, наклонившись къ больной, и пытаясь ободрить ее надеждой, которой самъ уже не имѣлъ. Кузина, вы напрасно избрали для разговора такой грустный предметъ: болѣзнь ваша совѣмъ не такъ опасна, какъ вы полагаете. Быть-можетъ, вы поправитесь и переживете всѣхъ насъ.

— Желала бы я вѣрить тебѣ, отвѣчала Зинаида, поглядѣвъ на него съ невыразимою печалью; но это было бы безразсудно. О, чего бы я не дала, прибавила она съ отчаяніемъ, еслибъ можно мнѣ было пожить еще только одинъ годъ ... по крайней мѣрѣ хоть мѣсяць, или даже хоть недѣлю! Она опустила вѣки, и двѣ крупныхъ, давно уже отсутствующихъ слезы, скатились прозрачными каплями по блѣдной щекѣ.

Дверь спальни снова отворилась, и въ нее вошла англичанка, ведя за руку дѣвочку лѣтъ шести.

Поразительное сходство ребенка съ больною, ея ранняя красота, необыкновенная граціозность ея движеній, всѣ эти обстоятельства должны были невольно удивлять каждаго, что мать рѣшалась жертвовать ею для свѣта, въ которомъ находила болѣе удовольствій, нежели въ обществѣ дочери. Эта дѣвочка до такой степени походила на нее, что невозможно было смотрѣть безъ удивленія на эти два лица, одно молодое, но увядавшее, другое — дѣтское и беззаботное, всегда смѣющееся и счастливое. У нея были тѣже самые свѣтлые волосы, только тщательно свитые въ длинные локоны, тѣже продолговатые, черные глаза, полные живости и необыкновенно блестящіе, тѣже темныя брови, тонкія и круглыя, тѣже ямочки на щекахъ, тѣже лукавая улыбка. Словомъ, это была Зинаида въ миниатюрѣ, одѣтая въ розовое шелковое платье, и широкій бѣлый поясъ, завязанный назади большимъ круглымъ бантомъ.

Услышавъ шорохъ этихъ легкихъ, едва слышныхъ шаговъ, больная собрала остатокъ силъ, поднялась на постели, и протягивая къ дочери свои исхудалыя руки, устремивъ на нее свой мутный, потухающій взоръ, притянула ее къ себѣ. Но кровать была довольно высока, и бѣлокурая головка Вѣры едва коснулась краевъ ея. Малютка поднялась на цѣпочки: Вольдемаръ посадилъ ее возлѣ Зинаиды, которая крѣпко сжала ее въ объятіяхъ, и долго, долго не могла выговорить ни слова.

Теперь, она вполне чувствовала вину свою, вину тѣмъ болѣе непростительную, что разстроивъ состояніе, быть-можетъ, судьбу единственной дочери, она оставляла ее въ такихъ лѣтахъ, когда надзоръ матери бываетъ необходимъ для ребенка, которому никто на свѣтѣ не можетъ замѣнить ее. Зинаида раскаявалась, упрекала себя, называла виновницею несчастья дочери; но было уже поздно. Невозможно было вернуть потерянное, и исправить зло, которое она причинила ей. Болѣе всего огорчало ее то, что Вѣра никогда не оказывала ей особенной любви, и что воспитанная исключительно своею няней, англичанкой, она все время проводила въ дѣтской, и видѣла мать одинъ или два раза въ день, да и то мелькомъ, и никогда не скучала въ ея отсутствіе. Зинаида знала, что сама была виновата въ томъ, и больно ей было думать, что дочь ея, на любовь которой она имѣла-бы полное право, еслибъ не оставляла постоянно на попеченіе прислуги, — быть можетъ, не пожалѣетъ объ ней, и даже (что весьма натурально) никогда объ ней не вспомнить.

Эта мысль ужасала ее.

— Вѣра, сказала больная, глядя пристально на улыбающееся личико дѣвочки; Вѣра, отчего ты не пришла ко мнѣ ни вчера, ни сегодня, когда я звала тебя къ себѣ?

— Не знаю, мамѣ. Я просила, чтобъ меня пустили къ тебѣ; няня сказала мнѣ, что ты спишь, отвѣчала малютка, пялясь къ камеръ-пажу, и протягивая рученку къ золотой цѣпочкѣ часовъ его.

— И ты была рада, когда я прислала за тобой? Не правда-ли?

— Да, сказала Вѣра, необорачиваясь. Только мнѣ было весело и въ дѣтской: я играла въ мою Нину. Паша сшила ей чудесное платьѣ. Вольдемаръ, дай мнѣ поиграть въ твою цѣпочку; сними ее прочь.

— Стало-быть, тебѣ было съ твоей куклой веселѣе, чѣмъ со мною? Вѣра, Вѣра! Да взгляни-жь на меня, — говорила Зинаида, горячо обнимая ее, и покрывая поцѣлуями головку ребенка.

Вѣра отвѣчала машинально на запоздалыя ласки матери, и на дѣтскомъ личикѣ ея, ясно изобразилось недоумѣніе. Ей казалось страннымъ, что Зинаида вспомнила объ ней, и что ее привели въ ея спаль-

но, чего прежде никогда не бывало. Она не постигала, какимъ образомъ совершилось это чудо, потому—что она почти не выходила изъ дѣтской, гдѣ была полная госпожа, и гдѣ ей все повиновалось, а если ее выводили оттуда, то это было на показъ, когда у матери ея собирались гости, и выводили на весьма короткое время.

Старикъ стоялъ возлѣ кровати, глядя печально на племянницу; онъ видѣлъ, что все эти слишкомъ сильныя ощущенія, подъ вліяніемъ которыхъ она находилась уже около часа, производили на нее пагубное дѣйствіе, и что съ минуты на минуту, она ослабѣвала все болѣе и болѣе.

Дыханіе ея, и безъ того уже чуть—слышное, почти совсѣмъ прекратилось; ея исхудалая грудь не обнаруживала нималѣйшаго движенія; мутный взоръ, устремленный на дочь, видимо потухалъ и страшно измѣнялся; неподвижныя вѣки, увлаженныя слезами, казались уже мертвыми, потому — что матовая прозрачность ихъ еще увеличивалась отъ темной каймы рѣсницъ, рѣзко проведенной надъ щеками, въ которыхъ не было ни кровинки.

Молодая женщина упала на подушки, произнося неясственно какія-то несвязныя слова. Видно было, что она пыталась что-то сказать, но помертвѣлыя губы ея едва замѣтно пошевелились, и нималѣйшаго звука не вылетѣло изъ нихъ. Зинаида оставила мѣръ, и душа ея возносилась теперь туда, гдѣ должна была найти себѣ возмездіе за всю свою протекшую жизнь, употребленную безъ пользы, безъ занятій, безъ исполненія обязанностей, безъ всякихъ воспоминаній, неминуемыхъ въ сердцѣ женщины, но не нашедшихъ обычнаго мѣста своего, въ лѣдномъ сердцѣ Зинаиды.

Вѣру увели изъ спальни. Она вышла точно также, какъ и вошла въ нее: съ веселымъ, беззаботнымъ видомъ, съ улыбкою на устахъ. Бѣдняжка думала, что мать ея уснула.

Все въ домѣ засуетилось: люди бѣгали изъ конца въ конецъ, хлопота и снѣша приготовить комнату, чтобы положить въ нее тѣло покойной, и черезъ полчаса, Зинаида лежала на столѣ, въ той самой гостиной, гдѣ незадолго передъ тѣмъ, сидѣли праздные гости, нехотѣвшіе принять за истину тотъ трагическій оборотъ, который приняла болѣзнь ея.

Старикъ дядя былъ убитъ горестью. Вольдемаръ, по необходимости, долженъ былъ распорядиться на счетъ похоронъ.

Мавра Агаоновна хлопотала больше всѣхъ: на ея долю пришлось самое затруднительное, а именно все потребныя покупки и заказы траура, въ который должно одѣть всю прислугу. Мы сказали уже,

что эта старуха никогда не унывала ни въ какихъ случаяхъ, что случилось и теперь: Мавра Агаѳоновна успѣвала и плакать и разсуждать о будущности Вѣры, и ѣздить по три раза въ день на гостинный дворъ, и отдавать необходимыя приказанія. У нея ни въ чемъ не было остановки, все шло своимъ порядкомъ.

— Не покупайте цвѣтовъ въ дорогихъ магазинахъ, Владиміръ Александрычъ, говорила она, когда Вольдемаръ пришелъ спросить ея совѣта. Возьмите лучше у Калинкина моста, тамъ дешевле. Вотъ ужъ мнѣ которыя похороны приходится справлять, и все цвѣты оттуда; я ужъ эту лавку сколько лѣтъ знаю, такъ всѣмъ ее и рекомендую. А что, вы гробъ заказали?

— Нѣтъ еще.

— Смотрите-жь, будете заказывать, такъ скажите, чтобъ не сдѣлали длиненъ. Это дурная примѣта: если ноги покойницы не достаютъ до конца, такъ значить, что она еще кого-нибудь за собой потащитъ.

Зинаиду одѣли въ бѣлое атласное платье, и въ прозрачный, блондовый чепчикъ. Длинную прядь изъ бѣлокурой косы ея отрѣзали для Вѣры: это было единственное воспоминаіе, которое осталось у нея отъ матери. Малютка не хотѣла надѣвать чорнаго платья съ плѣрѣзами: оно не нравилось ей, она принялась плакать, когда ей не дали другого. Вѣра смотрѣла съ любопытствомъ на всю эту кутерьму, которая происходила тутъ: всѣ были до того заняты, что никто даже не замѣтилъ, что она расхаживала одна по всѣмъ комнатамъ. Когда стали служить панихиду, Вѣра спросила няню:

— Отчего мамá спитъ здѣсь, а не въ спальнѣ?

Англичанка не знала, какъ рѣшить вопросъ, потому что Вѣра не понимала еще, что можно умереть; никто никогда не говорилъ ей о смерти.

— Зачѣмъ мамá такая нарядная? спросила опять Вѣра, не получая отвѣта. Развѣ она ѣдетъ въ гости?

— Вы долго не увидите, ея, — отвѣчала англичанка, которой сердце сжималось при мысли, что этотъ бѣдный ребенокъ, воспитанный въ нѣгѣ и роскоши, быть-можетъ, принужденъ будетъ искать пристанища у чужихъ.

— Какое у нея чудесное, золотое одѣяло, сказала малютка, указывая на покровъ. Это, вѣрно, новое: я никогда его не видала.

Похороны были великолѣпныя. Зинаиду провожали всѣ ея знакомые, за гробомъ ѣхало много каретъ, шло много офиціантовъ съ гербовыми лентами на плечъ; гробъ голубой бархатный, съ серебрянымъ

глазетомъ, стоялъ подъ балдахиномъ, весь засыпанный цвѣтами. Ее похоронили также пышно, какъ она любила жить.

Мавра Агаооновна и тутъ не упустила случая выказать наружу свой неугомонный, постоянно-измѣчивый характеръ. Въ продолженіе всей дороги, она не переставала твердить, что все эти *причуды* во все лишнія, и что когда въ карманахъ пусто, такъ нечего и *фигитить*. Она рассказывала всѣмъ, быть можетъ, уже въ сотый разъ, и кому только была охота слушать ее, — весь ходъ болѣзни покойной, не преминувъ прибавить между-прочимъ, что еслибъ не доктора, такъ она, ужъ навѣрное, была бы теперь здоровехонька, и что она, Мавра Агаооновна, ни за что на свѣтѣ, на мѣстѣ Зинаиды Петровны, не позволила-бы пачкать себя. Встрѣтясь на кладбищѣ съ какою-то старухой, съ которою была знакома по церкви, она спросила ее, нѣтъ-ли у нея на примѣтѣ хорошенькаго мѣстечка? И на отрицательный отвѣтъ, просила, что если она о такомъ услышитъ, такъ чтобъ дала ей знать въ Галерную улицу, въ домъ подъ номеромъ такимъ-то. Когда стали засыпать могилу землею, она не могла удержать своихъ слезъ, и пошла разсматривать сосѣдніе памятники, чтобы не присутствовать при этомъ грустномъ и послѣднемъ долгѣ, который отдавали госпожѣ ея. Эта женщина ниодной минуты не оставалась въ бездѣйствіи: на обратномъ пути, она сѣла въ одну карету съ Вѣрой. Малютка видимо скучала: она очень утомилась продолжительностью дороги и печальными зрѣлищемъ, которое было передъ глазами ея, съ самого утра. Она никогда не ѣздила такъ далеко, и потому, безпрестанно спрашивала, скоро-ли онѣ пріѣдутъ? Старая ключница и тутъ прискала способъ помочь горю: она посадила дѣвочку къ себѣ на колѣни, и принялась рассказывать ей сказку. Все знаютъ, до чего эластична натура ребенка, съ какою непостижимою быстротой изглаживаются изъ памяти его все впечатлѣнія, пріятныя и непріятныя, веселыя и печальныя, и до какой степени онъ забывчивъ. Такъ случилось и съ Вѣрой: она, какъ и все дѣти ея лѣтъ, была страстная любительница сказокъ, и при первыхъ словахъ старухи, унылое личико ея прояснилось. Пріѣхавъ домой, Мавра Агаооновна ухватила за печку. Ее спросили, длячего она дѣлаетъ это? «Чтобъ не было больше въ домѣ покойника», отвѣчала ключница. «Не то, пожалуй, еще кто-нибудь помретъ».

Вскорѣ послѣ этого, пышныя комнаты, въ которыхъ жила Зинаида, опустѣли совершенно: мебели, бронза, сервизы, гардеробъ, — все было расхвачано займодавцами, домъ перешелъ во владѣніе другого, прислуга была распущена. Вольдемаръ и отецъ его, переѣхали на свою квартиру, тотчасъ по прошествіи шести недѣль. Оба, отъ всей души,

жалѣли молодую женщину, употребившую во зло все преимущества, которыми такъ щедро надѣлила ее природа; оба вспоминали о ней съ состраданіемъ.

Мавра Агаоновна поселилась у пріятельницы, покамѣтъ не отыщеть себѣ другого мѣста. Вѣру отвезли въ Смольный.

ГЛАВА I.

ДВѢНАДЦАТЬ ЛѢТЪ СПУСТЯ.

Это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ концѣ великаго поста, на вербой недѣлѣ, когда дѣятельный Петербургъ нашъ, всегда неугомонный и хлопотливый, суетится болѣе обыкновеннаго, по случаю приближенія праздника. Давка была страшная у Гостиннаго двора, не смотря на непроходимую грязь, ни на холодную погоду. Народъ шелъ около вербъ, двумя толстыми колоннами, подвигаясь шагъ за шагомъ, прицѣпываясь къ разставленнымъ на столахъ бездѣлушкамъ, и получая безпрестанно неминуемые въ подобныхъ случаяхъ толчки, щедро сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ. Во всѣхъ улицахъ, примыкавшихъ къ Казанскому мосту, были замѣтны движеніе и суматоха, вездѣ шли люди съ вербами въ рукахъ. На всѣхъ перекресткахъ, попадались уличные мальчишки съ десяти-копѣчными флагами, размаляванными самымъ ужаснѣйшимъ образомъ, и разряженные въ тѣ бумажные колпаки съ отверстіями на макушкахъ, которые обыкновенно пылкое воображеніе этихъ господъ превращаетъ въ военные кивера. На грязныхъ рожцахъ ихъ, было написано удовольствіе, доставляемое, по всѣмъ вѣроятіямъ, дешевою покупкой; они бѣжали веселою толпой, шлепая ногами по лужамъ, съ видимымъ наслажденіемъ. Были сумерки. Магазины Русскихъ Издѣлій освѣтились газовыми лампами; на Казанскомъ соборѣ, пробило восемь, и каждый ударъ массивнаго колокола, отдѣляясь монотонно и протяжно отъ другого, замиралъ, какъ-бы нехотя, въ суровомъ, налитанномъ сыростью воздухѣ. Небольшой, дорожный дормезъ, весь обвѣшанный чемоданами и запряженный четверкою въ рядъ, летѣлъ, какъ стрѣла, по мостовой Невскаго проспекта. Лихой ямщикъ, вооруженный длинной плетью, въ круглой клеенчатой шляпѣ, надѣтой на-бекрень, собравъ въ одну руку возжи, то-и-дѣло понукалъ молодецкимъ посвистомъ своимъ тощихъ ло-

шадей, которыя, усталыя и измученныя, съ вытанутыми впередъ шеями, бѣжали неровнымъ галопомъ, тряся гривой и помахивая хвостомъ. На крытыхъ запяткахъ, между двухъ прицѣпленныхъ къ обѣимъ сторонамъ чемодановъ: одного круглаго съ мужскою шляпой, другого четырехугольнаго, — сидѣлъ камердинеръ въ ватномъ пальто, важной наружности, и скрестивъ на груди руки съ самодовольной миной, какъ-бы сознавая собственное достоинство, глядѣлъ надменно, но не безъ любопытства, на рѣдѣвшую толпу и на ярко-освѣщенные окна магазиновъ. Въ глубинѣ дормеза, обитаго свѣтло-гороховымъ штофомъ, завернувшись въ шинель съ бобровымъ воротникомъ, сидѣлъ полулежа человѣкъ, лѣтъ тридцати двухъ, и преспокойно дремалъ, прислонясь головою къ мягкой подушкѣ. Беззаботное выраженіе лица его, продолговатаго, худощаваго и правильнаго, его тонкія, нѣжныя черты, носъ совершенно прямой, и слегка сдвинутыя брови, напоминали одного изъ безсмертныхъ героевъ Ванъ-Дейка, котораго мастерская кисть и постоянно-изобрѣтательное воображеніе, обогатили всѣ европейскія картинныя галереи. Небольшіе черныя усики, слегка загнутые на концахъ, и едва замѣтная эспаньолка, окружали губы его, тонкія, презрительныя и немного блѣдноватыя, въ которыхъ невольно отражался тотъ проблескъ неудовольствія, то непобѣдимое нетерпѣніе, которое, какъ-то нѣхотя, обнаруживается въ человѣкѣ, когда какое-нибудь желаніе его не исполняется такъ скоро, какъ бы онъ хотѣлъ того, и когда досада его достигаетъ высшей степени. Эти губы, гордыя, надменные и сатирическія, сосредоточивали въ себѣ всѣ ощущенія, все выраженіе безпечнаго лица; они обнаруживали, такъ сказать, весь характеръ, всѣ чувства человѣка, который покоился такимъ сладкимъ сномъ, и котораго въ эту минуту, казалось, всѣ мысли находились въ отсутствіи. Темно-каштановые, почти черныя волосы его, причесанные изысканно и щеголевато, спускались небрежно до половины уха; они были очень мягки и блестящи, отъ нихъ вѣяло ирью. Голова его, склоненная на плечо и прикрытая черною бархатною фуражкой, опиралась на пуховую, шитую шелками подушку: голова эта была прекрасна, изящность формъ ея поразительна. Синій кашмировый шарфъ окутывалъ въ нѣсколько рядовъ шею его, окружая ее неровными складками, и два длинныхъ конца, завязанные узломъ, скрывались подъ шинелью, полы которой были тщательно запахнуты одна на другую. Толстый персидскій коверъ былъ постланъ подъ ногами, во все дно кареты; въ правомъ углу, около дверцы, лежалъ сложенный въ четверо косматый, медвѣжій мѣхъ, подбитый черною клеенкой. Трудно было рѣшить, для какого употребленія онъ былъ назначенъ, потому-

что все потребныя удобства окружали путешественника, который, по-видимому, принялъ все предосторожности противъ суроваго петербургскаго климата. Онъ сидѣлъ неподвижно, не обращая нисколько вниманія на происходившую вокругъ него суматоху: глаза его оставались постоянно закрыты. Одно только боковое стекло было опущено, все прочія подняты; изъ штофнаго кармана кареты, выглядывалъ фиолетовый, сафьянный porte-cigare, тисненый золотомъ, и съ миниатюрнымъ дамскимъ портретомъ. Проѣхавъ мимо Гостиного двора, дормезъ повернулъ въ Михайловскую улицу, и придерживаясь лѣвой стороны, остановился у подъезда гостиницы Hôtel-de-Russie, бывшей Кулона, въ домѣ купца Кле. На подъездѣ, стояли нѣсколько лакеевъ, одѣтые съ той изысканной щеголеватостью, какою обыкновенно отличается наша русская прислуга въ зажиточныхъ домахъ: все они усердно толковали между собою, передавая, весьма удачно, разныя сплетни и отъ нечего дѣлать, глаза на проходящихъ. При видѣ дормеза, все они бросились внизъ, привѣтствуя самымъ благосклоннымъ и привѣтливымъ взглядомъ этотъ новенькій, миловидный экипажъ, и тотчасъ-же предугадавъ, во владѣльцѣ его, посѣтителя весьма значительнаго и выгоднаго; все разомъ кинулись къ дверцѣ, оспаривая одинъ у другого честь отворить ее. Но камердинеръ предупредилъ ихъ: онъ проворно соскочилъ съ запятокъ и показывая нетерпѣливымъ жестомъ, чтобы они не трогали кареты, сказалъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Есть у васъ свободные номера?

— Есть. Какой номеръ вамъ угодно будетъ занять?

— Какой! повторилъ иностранецъ пожимая плечами, и коверкая слова сильнымъ германскимъ произношеніемъ. Какой? — Вотъ вопросъ! Разумѣется, самый лучшій. Видно, у васъ все порядочные номера заняты, когда вы спрашиваете подобныя вещи.

— У насъ, благодаря Бога, не бываетъ недостатка въ нихъ, отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ, съ нѣкоторою гордостью.

— Есть пять пустыхъ номеровъ въ верху, — три въ низу, — и одинъ въ бель-этажѣ, о шести комнатахъ. Который прикажете отвести?

Камердинеръ снова пожалъ плечами, еще презрительнѣе прежняго, и посмотрѣвъ на него весьма неблагосклонно, отвѣчалъ съ замѣтною досадою:

— Его сіятельству, графу фонъ Штейнбургъ фонъ Шёнгаузь, отрода не случалось останавливаться въ канурахъ, о которыхъ вы говорите. Онъ привыкъ занимать цѣлый этажъ, а не какой-нибудь закоулокъ. Нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь получше?

Лакеи переглянулись съ изумленіемъ: извѣстно, какъ вездѣ дороги

квартиры въ гостиницахъ, и какой малостью, какими неудобствами принуждены довольствоваться непрехотливые путешественники? Каждая бездѣлица стоитъ тутъ баснословную цѣну, такъ что почтенные господа содержатели, нисколько не щадя кармановъ постояльцевъ своихъ, немилосердно пересыпаютъ ихъ денежки въ свои собственныя шкатулки, и наконецъ, за неимѣніемъ болѣе въ оныхъ мѣста, принуждены бываютъ передать свое право другому владѣльцу, что случается по болѣйшей части весьма въ непродолжительномъ времени. Двѣ или три комнаты въ отелѣ считаются великолѣпнымъ помѣщеніемъ, а шесть комнатъ, — это уже верхъ роскоши, доступной только богачамъ, или лицамъ очень знатнымъ. Ими не пренебрегъ бы даже посланникъ.

Удивленная прислуга не знала, что думать. Она рѣшительно не постигала, что за особа сидѣла въ дормезѣ? Правда, ее назвали графомъ фонъ Штейнбургъ, но чтожъ за человекъ былъ этотъ графъ фонъ Штейнбургъ, которому мало было шести комнатъ, и который, чтобъ помѣститься одной душою, требовалъ цѣлаго этажа? Они не знали, что отвѣчать, потому—что во всемъ отелѣ небыло подобной квартиры, а упустить такого посѣтителя имъ вовсе не хотѣлось.

— Чтожъ вы молчите? спросилъ нетерпѣливо камердинеръ. Надо же вѣдь чѣмъ-нибудь покончить; или вы думаете, что его сіятельство будетъ дожидаться, пока вы принчите для него номеръ? Неужели у васъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего лучше? прибавилъ онъ, сдѣлавъ недовольную мину.

— Да вы извольте посмотрѣть сперва эту квартиру, сказалъ самый бойкій изъ лакеевъ, мигнувъ товарищамъ, а потомъ ужъ хулите. Квартира, ей, ей, хоть куда: обои насыпные, полы паркетные, два камина, карнизы ...

— Есть мнѣ когда смотрѣть теперь! перебилъ иностранецъ. Скажите по крайней мѣрѣ, порядочная-ли тамъ мебель? да есть-ли у васъ довольно лампъ?

— Мебель самая важнѣющая: — въ гостиной триповая, въ спальнѣ и въ пріемной штофная, въ кабинетѣ сафьянная, въ бильярдной драдемамовая, въ столовой соломенная, краснаго дерева. Лампъ у насъ также много: доставимъ, сколько угодно.

— Ну, такъ ступайте скорѣе, да освѣтите вездѣ какъ можно лучше, а потомъ, приходите носить чемоданы.

Три лакея пустились летомъ исполнять приказаніе; четвертый остался внизу, чтобы проводить путешественника.

— Шесть комнатъ! шесть комнатъ! бормоталъ про-себя камердинеръ, плачевнымъ, полнымъ негодованія голосомъ. Этакая тутъ бѣд-

ность въ номерахъ гостиницъ! А еще говорятъ, что въ Петербургѣ все найдешь, что ни задумай, были бы только деньги. Шестъ комнатъ! Вотъ тебѣ и разъ! Графъ фонъ Штейнбургъ — фонъ Шенгаузъ, будетъ жить въ шести комнатахъ. Славная штука!

— Ваше сіятельство, — продолжалъ онъ по-нѣмецки, отворивъ дверцу дормеза, и обращаясь къ господину своему, который все еще не просыпался.

Путешественникъ открылъ глаза, отбросилъ изъ-подъ головы подушку, потомъ выпрямился, взглянулъ бѣгло на огромный домъ, передъ которымъ стоялъ экипажъ его, и не произнесъ ни слова, взялъ portecigare, который спряталъ въ карманъ.

Камердинеръ поклонился, досталъ изъ угла медвѣжій мѣхъ, встряхнулъ его и разложилъ на тротуаръ, шерстью наверхъ, а клеенкой къ землѣ, отъ самой подножки и до ступеней подъѣзда, устроивъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ ковра; такъ что ноги графа, не смотря на апрѣльскую слякоть, не имѣли никакой возможности испытать на себѣ всеобщую участь, то есть, преобразоваться изъ чистыхъ и блестящихъ въ тускляя и забрызганныя грязью, а слѣдовательно, весьма неблаговидныя. Онъ молча вышелъ изъ дормеза, придерживая рукою полы шинели, и быстро взбѣжалъ по ступенькамъ подъѣзда, въ широкія и свѣтлыя сѣни. Камердинеръ поднялъ мѣхъ, отдалъ его лакею, поручивъ ему обтереть и высушить клеенку, и оба, почтительные и безмолвные, пошли позади путешественника, первый, неся серебрянный несессеръ его, — второй, указывая ему дорогу.

— Экой удалой! сказалъ дворникъ, сидѣвшій на тумбѣ у ближнихъ воротъ, глядѣвшій во все глаза на всю эту сцену, и не проронившій ни одного слова изъ разговора прислуги. Откуда это онъ взялся въ такую пору, когда Нева того и гляди что разойдется, и когда никого не пускаютъ, ни по мосту, ни по льду? Диви бы еще днемъ пріѣхалъ, а то на ночь глядя. Да и причудничаетъ; вишь, и лакей-то туда же пялится: говоритъ, — давай дескать намъ хоромы большущія, а не то, мы и не пойдемъ къ тебѣ. А говоритъ-то какъ? Словно баринъ какой. Вотъ оно что, Памфиличъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ стоящему подлѣ бородатому кучеру, въ красной кумачной рубахѣ, и въ плисовой поддѣвкѣ. Слыхалъ-ты? А какъ самъ-то баринъ сталъ выходить, такъ онъ и подостлалъ ему какую-то мохнатую шкуру, должно-быть, чтобъ сапоговъ не запачкать, аль чтобъ ему было идти, какъ по пуховику. Да я этакихъ причудъ отродясь не видывалъ.

— Чтожъ тутъ мудренаго? — замѣтилъ лаконически Памфиличъ.

— А что, какого онъ отродья? сказалъ опять дворникъ, употребивъ

слово, столь часто употребляемое въ крестьянскомъ быту. Кажись, нѣмецкаго; али другого, кто его знаетъ! Только лакей-то говоритъ больно нечисто.

— Должно быть, что оба нѣмцы, отвѣчалъ кучеръ съ видомъ знатока. Нашего русскаго барина, небось, тотчасъ узнаешь: онъ какъ-то глядитъ веселѣе. А этотъ, хоть на видъ и важенъ, да что-то больно спѣсивъ: ни словечка не промолвить.

— Всѣ они, братъ, спѣсивы, а ужъ какіе скупые бываютъ постояльцы! Я вотъ въ здѣшнемъ домѣ, почитай-что третій годъ въ дворникахъ, а какъ бы ты думалъ? ниразу двугривеннаго на водку не досталъ. Да вотъ, хоть бы ономясь, французъ съѣхалъ, что тринадцатый-то номеръ занималъ, да лошадей держалъ: куда бы, кажись, торговать! Отъ всѣхъ нашихъ то-и-дѣло слышу, что вотъ, дескать, добрый баринъ, никто имъ нахвалиться не можетъ. Постой же, думаю, погляжу я на дѣлѣ, добръ ли ты, какъ говорятъ? Аль это одни только рѣсказни? Да и сталъ на другой день у воротъ, и жду себѣ не дождусь, когда онъ выйдетъ. Дѣло-то было вечеромъ, такъ мнѣ -и время свободное, я могъ стоять тутъ хоть до разсвѣта. Вотъ, знаешь ли, подали карету; погода маленько, и самъ вышелъ; поклажи было немного; должно быть, впередъ послали. Карета важнѣющая, на низкихъ лесорахъ; лошади впряжены сѣрыя съ яблоками, такъ и фыркаютъ, и пляшутъ на мѣстѣ; кучеръ дюжій такой, что любо дорого посмотреть. Какъ онъ сталъ садиться, я и подошелъ: «чтожъ, — говорю, — батюшка, на чаекъ-то, если милость ваша будетъ пожаловать?» Онъ обернулся къ своему лакею, и сказалъ ему что-то, не знаю по-каковски; тотъ по русски-то понималъ, поглядѣлъ на меня больно неласково, потомъ тоже пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, вскочилъ на козлы, да и закричалъ кучеру: «пошелъ!» Лошади помчались, а я и остался, словно дуракъ какой, среди улицы съ растопыренной ладонью.

— Оно такъ-то такъ, да вѣдь господа господамъ розъ, отвѣчалъ кучеръ. Всякіе бываютъ.

И лукаво улыбувшись, онъ вошелъ въ ворота, и скрылся въ карморкѣ, примыкавшей къ конюшнѣ. Дворникъ также пошелъ къ себѣ, совершенно убѣжденный словами товарища, и крѣпко негодуя на недоступные кошелекки, постоянно закрытые для его алчнаго взора.

Когда всѣ вещи были вынуты и вынесены изъ дормеза, его поставили въ сарай, и ящикъ выпрягъ лошадей, и повелъ ихъ прочь, переваливаясь съ боку на бокъ, и понукая плетью бѣдныхъ животныхъ.

Девять оконъ бель-этажа, выходившихъ на уголъ Михайловской площади, мгновенно освѣтились множествомъ огней; всѣ шторы были

немедленно опущены. Войдя въ переднюю, графъ фонъ Штейнбургъ поспѣшно отстегнулъ шинель, которая упала на руки камердинера, бросилъ на стулъ фуражку и шарфъ, и поправивъ волосы, точно какъ бы онъ пріѣхалъ въ гости, пошелъ въ комнаты, которыхъ всѣ двери были уже растворены настежь, и не остановивъ ни на чемъ взгляда, достигъ до кабинета. Онъ былъ весь зеленый: французскія обои покрывали стѣны; мебель, обтянутая сафьяномъ, чинно стояла въ симметрическомъ порядкѣ; зеленые шелковые занавѣсы, обшитые широкою тесьмой, и придерживаемые съ обѣихъ сторонъ двумя кистями, висѣли на окнахъ; и вообще всѣ эти покои, своей, можно сказать, роскошью и изяществомъ, — противъ обыкновенія, — соотвѣтствовали тому описанію, какое сдѣлали о нихъ слуги. Двѣ карсельскихъ лампы стояли — одна на маленькомъ столикѣ, передъ диваномъ, — другая на письменномъ столѣ, возлѣ котораго лежалъ небольшой коврикъ, изъ Русскихъ Издѣлій. Огонь пылалъ въ каминѣ; передъ письменнымъ столомъ, стоялъ большой вольтеръ. Путешественникъ сѣлъ въ него, отстегнулъ свою дорожную венгерку, досталъ изъ боковаго кармана бумажникъ, потомъ, взявъ со стола колокольчикъ, позвонилъ въ него.

Вошелъ камердинеръ.

— Ульрихъ, — сказалъ графъ, не оборачиваясь и указывая знакомъ на бумажникъ, — расплатись. Да подай мнѣ портфель мой.

Камердинеръ взялъ бумажникъ, молча поклонился и вышелъ.

Штейнбургъ машинально взглянулъ на часы, — было десять на исходѣ. Онъ прислонился къ спинкѣ скресла, скрестивъ на груди руки съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ, и темно-голубые глаза его, блестящіе, задумчивые и меланхолическіе, устремились на красный abat-jour лампы.

ГЛАВА II.

О ТОМЪ, КТО БЫЛЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Графъ Эдуардъ фонъ Штейнбургъ — фонъ Шёнгаузъ происходилъ отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Саксоніи, и былъ единственный сынъ графа Гюнтера фонъ Штейнбургъ и Маргариты фонъ Эйхштатъ. Гюнтеръ женился шестидесяти-лѣтнимъ старикомъ на семнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, единственно изъ желанія имѣть наследника, которому

могъ-бы оставить свое богатство, и замокъ съ подземельями, находившійся недалеко отъ Дрездена, и принадлежавшій изъ рода въ родъ графамъ фонъ Штейнбургъ. Хотя Гюнтеръ, говоримъ мы, былъ уже въ то время довольно слабый и дряхлый старикъ, отъ нерегулярной жизни, которую велъ онъ въ молодости, это однакоже нисколько не помѣшало ему, послѣ рожденія сына, прожить на радости еще десять лѣтъ, и избаловать его самымъ невѣроятнымъ образомъ.

Будущій владѣлецъ замка и всѣхъ принадлежащихъ къ нему помѣстьевъ, былъ воспитанъ дома, со всевозможнымъ стараніемъ и заботливостью. — Отецъ его, не смотря на свою скупость, не жалѣлъ для него никакихъ издержекъ, и позволялъ ему рѣшительно все, такъ что еслибъ мальчикъ этотъ не былъ одаренъ отъ природы добрымъ сердцемъ и необыкновеннымъ умомъ, онъ совершенно испортилъ-бы характеръ его. На двадцать-восьмомъ году, графиня Маргарита была уже вдовою, и опекуншею сына, котораго обожала, и привязанность эта была до того велика, что она постоянно наблюдала за всѣми поступками его, и всегда присутствовала при урокахъ, не позволяя себѣ ни малѣйшаго упущенія, въ чемъ-бы то ни было. Это была, можно сказать, ея единственная привязанность, тѣмъ болѣе, что огромное разстояніе лѣтъ отдѣляло ее отъ мужа: она могла уважать его, какъ отца, но не любить; а строгость ея правилъ и основательность идей не позволяли ей нарушить спокойствіе старика, и принять на себя ту коварную роль, которая такъ часто выпадаетъ на долю женщины. Онъ зналъ, что внушаетъ женѣ своей не болѣе какъ уваженіе, и довольствовался этимъ совершенно. Когда онъ скончался на рукахъ ея, проживъ съ нею счастливо и спокойно, совѣсть графини ни въ чемъ не упрекала ее: эта рѣдкая женщина никогда не роптала на судьбу свою, ухаживала съ самоотверженіемъ за хилымъ старикомъ, никогда не показала ему тѣни неудовольствія, и потому, была твердо убѣждена, что свято исполнила долгъ свой.

Воспитаніе молодого Штейнбурга, поручено было четверемъ гувернёрамъ: нѣмцу, французу, англичанину и итальянцу, да кромѣ того, три раза въ недѣлю, прѣзжалъ профессоръ русскаго языка, потому-что графиня утверждала, что онъ почти необходимъ для тѣхъ, кто намѣренъ путешествовать по Россіи, а что сынъ ея, потомокъ знаменитыхъ владѣтельныхъ графовъ фонъ Штейнбургъ фонъ Шёнгаузъ, обладатель двѣнадцати милліоновъ, — долженъ непременно быть вездѣ. Такъ какъ Эдуардъ былъ вообще довольно слабый ребенокъ, то Гюнтеръ и Маргарита, чрезвычайно опасавшіеся насчетъ его здоровья, не начинали учить его до восьмилѣтняго возраста, — а покаместъ, онъ проводилъ время

свое слѣдующимъ образомъ. Каждое утро его катали въ колясочкѣ по парку замка, часа два, или три, въ сопровожденіи старушки няни, или *киндерфрау*, какъ говорятъ нѣмцы; няни, ходившей въ полосатой закругленной юбкѣ, съ коротенькимъ шперзеромъ, и въ какомъ-то фантастическомъ чепцѣ, изъ-подъ котораго постоянно торчали подвязныя, сырцовыя букли. Она обыкновенно шла съ боку, а одинъ изъ лакеевъ везъ колясочку. Почти все утро проводилъ мальчикъ въ дѣтской, слушая неистощимые разказы словоохотливой *киндерфрау*, и только передъ самымъ обѣдомъ выносили его въ парадныя комнаты, гдѣ онъ и оставался около матери, вплоть до вечера. Умственные способности его развились очень рано: онъ зачастую ставилъ въ туникъ тѣхъ, къ кому обращался съ вопросомъ, и старій графъ, видѣвшій въ сынѣ своемъ столько соображенія и смѣтливости, и въ отеческомъ ослѣпленіи своемъ, считавшій его чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ, объявлялъ всѣмъ и каждому, что современемъ изъ него будетъ настоящій феноменъ, и что никогда еще на свѣтѣ не было ничего подобнаго. Природа также щедро надѣлила его: онъ былъ очень хорошъ собой, и нѣкоторая блѣдность лица его, и темные волосы, о блестящемъ состояніи которыхъ постоянно заботились, придавали ему видъ какой-то грустной задумчивости. Эдуардъ былъ идоломъ своихъ родителей, въ полномъ смыслѣ этого слова; но каждый изъ нихъ любилъ его по-своему. Графъ, всегдашній баловникъ и черезъ-чуръ снисходительный къ сыну, глядѣлъ всегда съ восторгомъ на все, что тотъ ни дѣлалъ, и каждую шалость его, каждый проступокъ, болѣе или менѣе значительный, пропускалъ съ истинно отеческой благосклонностью. Мальчикъ дѣлалъ изъ отца своего все, что ему вздумается: никогда ни въ какой просьбѣ ему не было отказа. Графиня же, напротивъ, держала его строго, утверждая, что излишнее баловство можетъ быть современемъ пагубно, и что съ тѣмъ положеніемъ, которое онъ будетъ имѣть въ свѣтѣ, такое воспитаніе никуда негодится. Истинная нѣмка и постоянная наблюдательница этикета и свѣтскихъ приличій, достойная преемница своего рода и происхожденія, она неутомимо заботилась и слѣдила за каждымъ шагомъ сына, который боялся взгляда ея. Маргарита, гордая и закоренѣлая германка, играла въ замкѣ главную роль, и не смотря на молодость свою и совершенную неопытность, была очень строга и взыскательца, такъ что всѣ лбы преклонялись передъ нею безусловно. Впрочемъ, ее знали, какъ женщину благородную и добрую, но привыкшую принимать на себя тотъ повелительный тонъ, который столь свойственъ саксонскимъ аристократкамъ. Когда явились на сцену четыре гувернёра, Эдуардъ удивилъ ихъ своею понятливостью: ловкій, бойкій и умный мальчикъ, одаренный прекрасною

памятью, онъ съ неизвѣстной быстротой постигалъ все, чему хотѣли научить его. Уроковъ своихъ онъ никогда не училъ, потому—что ему достаточно было прочесть ихъ, чтобъ знать безъ запинки, да сверхъ того, онъ любилъ и порѣзвиться. Ему было скучно просиживать цѣлые дни съ почтенными наставниками и слушать ихъ монотонныя правоученія; онъ радовался, когда наступала та счастливая минута, къ которую онъ могъ урваться отъ нихъ. Однакожъ, все—таки они были довольны успѣхами его; одинъ только профессоръ русскаго языка утверждалъ положительно, что онъ не хочетъ учиться ему, и зачастую жаловался на него графинѣ; Маргарита дѣлала строгіе выговоры сыну, и говорила вслѣдъ за этимъ, чтобъ онъ велъ себя лучше, и чтобъ она не слышала впредь подобныхъ жалобъ. Еслижъ говорить по чистой совѣсти, то учитель, обвиняя ученика своего въ лѣности, поступалъ чуть—ли не несправедливо: во—первыхъ, преподавая православный языкъ нашъ въ странѣ, гдѣ онъ вовсе неизвѣстенъ, и гдѣ никто не въ состояніи рѣшить, знаетъ—ли онъ его какъ слѣдуетъ, очень могло быть, что онъ не обладалъ достаточными познаніями, чтобы передавать ихъ другимъ и обучить иностранца, вовсе къ тому неспособнаго. Во—вторыхъ, — известная вещь, что для природнаго нѣмца, родившагося въ Германіи и окруженнаго одними только соотечественниками, нѣтъ ничего труднѣе русскаго языка, который и герою нашему не давался точно также, какъ и прочимъ, вопреки разсказамъ и отчаянью профессора. Наконецъ, мальчикъ объявилъ, что онъ дѣйствительно не хочетъ учиться ему. Маргарита настаивала, Гюнтеръ сердился. «Они совсѣмъ заучатъ его,» говорилъ старикъ, лаская сына. «Онъ, благодаря Бога, будетъ имѣть столько, чтобъ никогда никому не кланяться; незачѣмъ столько и знать ему.» И въ самомъ дѣлѣ, легко представить себѣ положеніе ребенка, избалованнаго, привыкшаго къ однимъ забавамъ, и котораго съ восьмилѣтняго возраста, начали обучать пяти языкамъ вдругъ. Тутъ просто, какъ говорится, зайдетъ умъ за разумъ. Штейнбургъ въ два года, едва—едва могъ читать по русски, и то весьма нечисто, а говорить рѣшительно небылъ въ состояніи; и такъ, было рѣшено отложить напрасный трудъ до болѣе благопріятнаго времени, когда онъ самъ пожелаетъ снова приняться за него. Но дни проходили за днями, а Эдуардъ все стоялъ на своемъ. Въ это время, лишился онъ отца. Старикъ и передъ смертью повторилъ тоже, чтобъ сына его не приневольвали дѣлать то, что ему кажется непріятнымъ, и былъ погребенъ съ величайшимъ парадомъ, въ капеллѣ замка, возлѣ предковъ своихъ, графовъ Штейнбурговъ, которыхъ бранные останки находились тутъ уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Послѣ этого событія, въ семействѣ графа, не-

было почти никакихъ перемѣнъ; время шло точно тѣмъ-же порядкомъ, какъ и при жизни его; годы проходили незамѣтно, и наконецъ, изъ ребенка Эдуардъ сдѣлался молодымъ человѣкомъ. Если, съ самого дѣтства своего, онъ пристрастился къ охотѣ, столь заманчивой въ тѣхъ волшебныхъ саксонскихъ лѣсахъ, гдѣ солнце едва проникаетъ сквозь пышныя вѣтви всевозможныхъ растеній, дружно сплетшихся между собою и заслоняющихъ такимъ образомъ путь всаднику; гдѣ на каждомъ шагу, горы, ущелья, обрывы и пропасти, куда того-и-гляди полетишь стремглавъ, при малѣйшей неосторожности коня, привыкшаго къ подобнымъ опасностямъ, и который какъ-бы постигая трудную обязанность свою, ловко переступаетъ по тропинкѣ, проложенной самою природой между двухъ страшныхъ пропастей, и перебираетъ, не теряя баланса, тонкими ногами своими. Онъ выѣзжалъ рано утромъ, въ сопровожденіи достаточнаго количества дворовыхъ людей, а возвращался домой не ранѣе обѣда. Графиня выходила встрѣчать его на крыльцо замка, и вытребовавъ повара, съ гордостью вручала ему дикаго оленя, или нѣсколькихъ бекасовъ, которыхъ сынъ привозилъ ей. Желая окончить дальнѣйшимъ образомъ образованіе его, — Маргарита вздумала устроить это, призвавъ на помощь давно уже извѣстное всѣмъ средство, а именно путешествіе по Европѣ; и потому, снарядивъ его, какъ слѣдуетъ, и туго набивъ его бумажникъ, она благословила его въ дорогу, и въ одинъ прекрасный день, Штейнбургъ отправился изъ отечества искать приключеній, какъ Донъ-Жуанъ, и изучать нравы и обычаи людей девятнадцатаго вѣка. Въ особенности желалъ онъ видѣть столицу Россіи, предметъ всеобщаго удивленія и разговоровъ, съ ея широкими, чистыми уллицами, съ ея великолѣпными зданіями, съ ея знаменитымъ эрмитажемъ, въ которомъ собрано столько рѣдкостей, съ ея затѣйливымъ газовымъ освѣщеніемъ, однимъ словомъ, нашу гигантскую, роскошную столицу, которую простолюдины-нѣмцы, называютъ, весьма справедливо, «Das schöne Russland.» И такъ, прежде всего, онъ отправился въ Россію, но поѣздка эта была для него весьма неблагоприятна, потому-что, выѣхавъ отъ себя весною, то есть, въ началѣ марта мѣсяца, онъ пріѣхалъ къ намъ какъ разъ зимою, когда крещенскіе морозы только-что поутихли, но стужа все-таки была страшная, такъ что сіятельный графъ, вовсе не привыкшій къ неудобствамъ такого рода, чуть не замерзъ на дорогѣ. Проклиная свою неудачу, онъ нанялъ квартиру на англійской набережной, гдѣ велѣлъ безпереводно топить всѣ каминныя и печи, познакомился съ нѣсколькими знатными лицами, но прожилъ тутъ не болѣе двухъ недѣль, не выдавъ почти ничего, и раздосадованный не на шутку, рѣшился ѣхать на югъ, удивляясь, какъ русскіе могутъ переносить

силь такой холодъ. Онъ объѣхалъ вокругъ всю Европу, останавливаясь въ главныхъ городахъ на нѣсколько времени, и осматривая въ нихъ все достопримѣчательное; посѣтилъ Италію, древній и величественный Римъ, и слишкомъ два мѣсяца прожилъ въ Севильѣ. На обратномъ пути черезъ Швецію, онъ снова заѣхалъ въ Россію, и тутъ уже судьба была къ нему болѣе благосклонна: онъ не могъ уже жаловаться на холодъ, потому-что августъ былъ чудный, и остался у насъ до слѣдующей весны. Наша шумная, разнообразная столичная жизнь, наши театры и итальянская опера, наши балы и маскарады въ дворянскомъ собраніи, — все это чрезвычайно ему понравилось, тѣмъ болѣе, что въ отечествѣ своемъ онъ не могъ этого имѣть: въ десять часовъ, вся Германія спитъ уже безпробуднымъ сномъ; извѣстная вещь, что нѣмцы помѣшаны на аккуратности и порядкѣ, — у нихъ, всегда какъ одинъ день, такъ и другой, и никакая сила въ мірѣ не заставитъ ихъ отступитъ отъ этого правила. Штейнбургъ свелъ много знакомствъ. Его богатство, званіе, многостороннее воспитаніе и колкій умъ, расположили въ его пользу высшее общество, которое старалось сойтись съ нимъ на короткую ногу. Кругъ его знакомыхъ увеличивался ежедневно, — не было конца разговорамъ о его достоинствахъ: молодой, прекрасный саксонскій графъ возбуждалъ всеобщее удивленіе и зависть, а огромное состояніе его, роскошь, которою онъ постоянно окружалъ себя, покорили безусловно всѣ сердца. Но, странная вещь, съ годами измѣнялся постепенно и характеръ его: — онъ сталъ до такой степени многосложенъ и непостояненъ, каждый поступокъ его былъ искаженъ такими странностями, что сначала, никто не могъ сообразиться съ ними; во всѣхъ петербургскихъ гостиныхъ, только и было разказовъ, что про безчисленныя выходки графа, которыми тотъ такъ часто угощалъ друзей своихъ, наперекоръ своей германской натурѣ. Оттого-ли это, что онъ слишкомъ рано ко всему приглядѣлся и узналъ жизнь матеріально, какъ она есть, то есть, безъ тѣхъ заманчивыхъ иллюзій, которыя при болѣе ограниченномъ состояніи, испещряютъ существованіе молодаго человѣка? Или оттого-что ему все надоѣло, и что съ ранняго дѣтства привыкъ онъ видѣть желанія свои всегда предупрежденными, съ тою старательною быстротой, къ какой приучили его родители? Богъ знаетъ! только переменна эта была тѣмъ болѣе замѣтна, что онъ началъ отставать даже отъ своихъ привычекъ и мало по малу присталъ къ другимъ. Весьма небольшого вниманія удостоивалъ онъ женщинъ, которыя, по его мнѣнію, были все на одинъ ладъ; впрочемъ, всегда былъ вѣжливъ съ ними, и даже въ случаѣ необходимости, готовъ занять разговоромъ, который умѣлъ дѣлать увлекательнымъ. Лучшія воспоминанія о нихъ онъ оставилъ въ Се-

вильѣ, — чудномъ городѣ поэзіи и серенадъ, — Севильѣ, которая такъ справедливо славится красотою женщинъ, черноокихъ брюнетокъ съ оливковою кожей, съ длинными и волнистыми черными косами. Особенно часто мѣнялъ онъ камердинеровъ, увѣряя, что они служатъ хорошо тогда только, покамѣстъ еще новы, что прислугу должно мѣнять какъ можно чаще, и что если ее держать у себя долго, такъ она никуда негодится. Мало по малу, привыкли наконецъ къ подобнымъ сужденіямъ графа; а дамы находили, что это къ нему идетъ. Графиня Штейнбургъ немало удивилась, когда послѣ четырехъ-лѣтней разлуки, увидѣла сына своего совершенно инымъ, нежели въ то время, когда она прощалась съ нимъ надолго, отправляя его въ дальнюю дорогу. Это былъ не тотъ уже пылкій, живой и отважный юноша, который нѣкогда цѣлые дни скакалъ по обрывамъ, гоняясь за какимъ-нибудь дикимъ звѣремъ, или дѣлилъ съ нею тѣ долгіе, вечерніе часы, которые такъ безконечно тянутся для тѣхъ, кто ведетъ уединенную жизнь. Это былъ теперь задумчивый молодой человекъ, свѣтскій, образованный, съ прекрасными манерами, но пресыщенный рѣшительно всею, и изучившій въ своихъ долгихъ странствіяхъ все нецостоянство и испорченность людей, которые прежде казались ему столь добрыми и безкорыстными. Маргарита передала ему все имѣніе его, замокъ Штейнбургъ, со всею примыкавшими къ нему землями, и между прочимъ, множество билетовъ отъ саксонскаго банкира, принявшаго на себя обязанность пускать въ ростъ его милліоны. Эдуардъ, давно уже достигшій совершеннолѣтія, долженъ былъ вестись въ свои владѣнія и управлять ими, по своему произволу, но это нисколько не занимало его. Ему, напротивъ, казалось несноснымъ заняться чѣмъ-либо серьезнымъ: онъ привыкъ къ праздности и бездѣйствію, и потому, спрятавъ билеты въ бюро, просилъ мать свою продолжать заботиться обо всемъ точно также, какъ она заботилась до сихъ поръ, а если это для нея утомительно, такъ чтобъ она поручила кому-нибудь другому. Жизнь его въ замкѣ потекла тѣмъ-же порядкомъ, какъ и прежде, съ тою только разницею, что онъ гораздо рѣже ѣздилъ на охоту, да два или три раза въ недѣлю бывалъ въ Дрезденѣ, чтобъ отдать знакомымъ своимъ необходимые визиты, а остальное время проводилъ за чтеніемъ газетъ и журналовъ. Книгъ онъ не любилъ, въ особенности романовъ, и называлъ ихъ дурацкими сказками. Если-же, по несчастію, такая книга попадалась ему подъ руку, то насмѣшкамъ его не было конца, и тогда горе автору, потому-что онъ критиковалъ его такъ остроумно, такъ жестоко издѣвался надъ его героями и героинями, что любой критикъ не могъ-бы состязаться съ нимъ. Графиня не постигала, что сдѣлалось съ ея сыномъ? Онъ видимо ску-

чалъ въ своемъ уединеніи, въ своихъ огромныхъ, но мрачныхъ комнатахъ, сіявшихъ бронзою и бархатомъ, — онъ жилъ, какъ говорится, машинально, какъ и всѣ грѣшные смертные, имѣвшіе все съ избыткомъ, для которыхъ почти чуждъ заманчивый глаголъ *желать*. Маргарита начала серьезно думать, какъ-бы излѣчить его отъ скуки, и для того рѣшилась женить его. У нея, давно уже были на примѣтѣ двѣ невѣсты, обѣ богатая, знатная, и именно по этимъ-то неоспоримымъ достоинствамъ, могущія составить партію для сына. Она сказала ему объ этомъ, но къ величайшему ея удивленію, вмѣсто всегдашней готовности своей исполнять волю ея, онъ объявилъ ей, что не хочетъ еще жениться, и что ниодна женщина въ Саксоніи не нравится ему. Графиня была въ отчаяніи. Ей противорѣчили въ первый разъ въ жизни, и что еще хуже, разрушали ея планы. Онъ долго уговаривала сына, но все было напрасно: графъ былъ непоколебимъ. Онъ былъ теперь не то, что прежде, — легковѣрный и сговорчивый мальчикъ; но человекъ уже опытный, настойчивый, и его желѣзная воля взяла свое.

Наступилъ 1851 годъ, — газеты то-и-дѣло поговаривали о Лондонской выставкѣ, куда со всѣхъ концовъ свѣта стекались уже промышленники съ товарами, и гдѣ изобрѣтательный садовникъ, мистръ Пакетонъ, пріобрѣлъ европейскую извѣстность постройкою знаменитаго кристального дворца. Въ той-же газетѣ, прочелъ графъ извѣстіе о картинной галлерей, которая распродалась въ Петербургѣ. Обрадованный этому открытію, тѣмъ болѣе, что давно уже думалъ куда-нибудь поѣхать и поѣхать съ цѣлью, онъ отдалъ приказаніе камердинеру своему, уложить вещи въ двадцать-четыре часа и взять почтовыхъ лошадей, потому-что на другой-же день онъ оставляетъ Штейнбургъ и ѣдетъ сперва въ Россію, а потомъ въ Лондонъ. Графиня снова должна была разстаться съ сыномъ, а дѣлать было нечего. Она знала непоколебимость его, и сверхъ того, думала, что путешествіе это развлечетъ его. Весна была чудная въ Германіи: графъ простился съ матерью, и снова пустился въ путь. Вотъ, какимъ образомъ очутился онъ у насъ въ концѣ великаго поста, въ Михайловской улицѣ, въ гостинницѣ Hôtel-de-Russie, въ домѣ купца Кле.

ГЛАВА III.

ВЪ КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО НЕ ВСѢ ГОСПОДА ТАКЪ СКУПЫ, КАКЪ
ПРОВОЗГЛАСИЛЪ ИХЪ ПАНФИЛЫЧЪ.

Взявъ бумажникъ отъ господина своего, Ульрихъ положилъ его въ карманъ и отправился въ пріемную, которую загромодили чемоданами. Это была небольшая, довольно уютная комнатка, наполненная малиновою драдедамовою мебелью и бѣлыми занавѣсами изъ тонкаго филейнаго вязанья. Въ ней было также свѣтло, какъ и въ прочихъ комнатахъ, не смотря на темныя обои; на окнѣ стояли стеклянные шпирочки, разрисованныя въ готическомъ вкусѣ; въ бѣлую израсцовую печь было вдѣлано маленькое зеркало съ тонкимъ, золотымъ ободкомъ. Камердинеръ вошелъ очень быстро и, бросивъ на все это презрительный взглядъ, проворчалъ сквозь зубы.

— Ужъ комнаты, нечего сказать! точно птичьи кѣтки. У насъ, пріемная зала самая главная комната, а у нихъ, такъ наоборотъ. Для лакейской негодится!

Послѣ этого, онъ принялся рыться въ чемоданахъ, поспѣшно отбрасывая въ сторону тѣ, въ которыхъ не было того, что ему было надо, и открывъ одинъ изъ нихъ, довольно плоскій и истертый, досталъ оттуда небольшой сафьянный портфель, со стальнымъ замкомъ. Онъ тщательно обтеръ его со всѣхъ сторонъ и посмотрѣлъ, не испортился ли онъ въ дорогѣ; потомъ, взявъ его подъ мышку, понесъ въ кабинетъ. Штейнбургъ сидѣлъ точно также, нисколько не измѣнивъ своего положенія, глядя пристально и задумчиво на огонь. Лицо его было по-прежнему безпечно, взоръ изумительно насмѣшливъ; любой романистъ опозтизировалъ бы его въ эту минуту.

Камердинеръ положилъ портфель на столъ и хотѣлъ удалиться.

— Подожди, сказалъ графъ, обернувшись, — подай мнѣ несессеръ для писемъ.

Камердинеръ снова поклонился и отправился тѣмъ же порядкомъ, ступая такъ осторожно по навошеному паркету, что шаги его едва можно было слышать.

Штейнбургъ придвинулъ къ себѣ портфель, досталъ изъ жилета тонкое стальное кольцо, съ крошечными ключиками отъ разныхъ шкапулокъ, отворилъ однимъ изъ нихъ портфель, въ которомъ находилась

огромная куча бумагъ, и разложивъ ихъ предъ собою, началъ внимательно разсматривать. На первомъ листѣ, мелкою, щеголеватую рукою было написано: «Steinburg's Reisen, in den Jahren 1840, 1841, 1842, 1843», и наконецъ, внизу, подъ проведенною чертою, было прибавлено: «1851». Перелистывая эти испещренные со всѣхъ сторонъ листы, онъ невольно останавливался на нѣкоторыхъ страницахъ, и сардоническая улыбка бѣгло скользила по губамъ его. И въ самомъ дѣлѣ, чего тутъ только не было? какихъ воспоминаній, какихъ разсужденій, какихъ поэтическихъ фантазій? Онъ дивился и не вѣрилъ себѣ, что это писалъ когда-то онъ самъ, человѣкъ разочарованный, много жившій морально, и что подобныя мысли могли вылиться изъ-подъ пера его. Онъ сравнивалъ теперь тѣ отдаленные періоды жизни, которые описывалъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, сличалъ ихъ съ настоящими, и ужаснулся той гигантской быстротѣ, съ какою изглаживаются всѣ иллюзіи, и какъ годы измѣняютъ человѣка! Когда онъ оставилъ отечество въ первый разъ, ему былъ двадцать первый годъ, а теперь тридцать два, — разница, повидимому, небольшая, а между-тѣмъ, сколько перемѣнъ! Не тѣ уже идеи, не тотъ взглядъ на вещи, не то пылкое воображеніе, всегда готовое издѣваться надъ неудачей и идеализировать каждый вздоръ, во все не заслуживающій вниманія. Даже слогъ былъ уже не тотъ: восторженный и краснорѣчивый въ началѣ, онъ мало-по-малу терялъ свою живость, и что дальше, то становился холоднѣе и равнодушнѣе, а къ концу, не смотря на увеличившуюся изящность свою, постепенно принималъ обороты болѣе колкіе, чуждые всякихъ ощущеній. Графъ не постигалъ, когда жизнь его успѣла такъ растратиться, какъ онъ прежде не замѣчалъ этого, и куда дѣвалась его чудная молодость, полная очарованія и пролетѣвшихъ удовольствій?

Камердинеръ принесъ несессеръ. Это была небольшая шкатулка изъ розоваго дерева, украшенная бронзою и перламутромъ, и которой крышка, спускавшаяся спереди немного на-перекосъ, равнялась нижней части ея. Графъ отодвинулъ всторону мемуары свои и отворилъ шкатулку. Изъ нея тотчасъ же образовалось маленькое бюро, слегка покатое, съ натянутымъ зеленымъ сукномъ. Онъ приподнялъ переднюю дощечку, досталъ оттуда листъ розовой почтовой бумаги, потомъ закрылъ ее, открылъ другую, находившуюся въ крышкѣ, вынулъ серебряную чернильницу, стальное перо, гороховаго цвѣта сургучъ, гербовую печать, рѣзанную на изумрудѣ, и разложивъ все это предъ собою, началъ писать письмо къ своей матери.

Камердинеръ поставилъ на столъ зажегшую стеариновую свѣчу, и выйдя оттуда, принялся приводить въ порядокъ разбросанныя гдѣ-ни-

попало вещи. Дѣйствуя съ поразительной расторопностью, онъ въ часъ едва успѣлъ очистить отъ нихъ пріемную и разсорттировать кое-какъ, въ надлежащее мѣсто, потому-что вещей была пропасть. Графъ, и въ путешествіяхъ своихъ, любилъ имѣть все въ изобиліи, точно также какъ дома, и бѣда камердинеру, если тотъ не подастъ ему тотчасъ того, что онъ вздумаетъ спросить. Графъ всегда возилъ съ собою огромный гардеробъ и цѣлую коллекцію всевозможныхъ журналовъ.

Перейдя потомъ въ спальню, онъ покрылъ постель тонкимъ голландскимъ бѣльемъ, и положивъ на кушетку архалухъ изъ китайскаго атласа, вдругъ вспомнилъ о бумажникѣ графа, который до-сихъ-поръ еще лежалъ въ бездѣйствіи въ карманѣ его. Въ хлопотахъ, онъ совсѣмъ забылъ про него. Ульрихъ опрометью бросился въ переднюю, съ намѣреніемъ кликнуть лакея, но тотъ давно уже дожидался его тамъ, вмѣстѣ съ мѣхомъ, который принесъ, выколоченный и обтертый.

Увидя его еще издали, нѣмецъ умѣрилъ шаги свои и вошелъ торжественно, какъ подобаетъ камердинеру знатнаго барина, посмотрѣлъ на него съ видомъ покровительства и указавъ на стулъ, чтобъ онъ положилъ на него носу свою, сказалъ рѣзкимъ тономъ:

— Его сіятельство, графъ фонъ Штейбургъ фонъ Шёнгаузъ пробудетъ здѣсь ровно недѣлю. Онъ имѣетъ привычку расплачиваться всегда впередъ; стало-быть, чтобъ исполнить приказаніе его, вы потрудитесь сказать мнѣ, почемъ ходитъ у васъ эта квартира?

— Со столомъ, или безъ стола? спросилъ лакей, немного удивленный странностью такого распоряженія.

— Разумѣется, безъ стола. Его сіятельство не привыкъ обѣдать въ отеляхъ, потому-что обѣды эти никуда не годятся.

— Семьдесятъ пять рублей серебромъ въ день.

— Дорого и скверно! замѣтилъ камердинеръ.

— Помилуйте! меньше нельзя взять. Вѣдь ужъ я докладывалъ вашей милости, что фатера важнѣющая. Вы извольте хорошенько разсмотреть ее.

— Все равно! Если я сказалъ, «дорого и скверно», это не значитъ, что я не хочу заплатить вамъ того, что вы требуете. Его сіятельство не потерпитъ этого, потому-что саксонскій, первѣйшей фамиліи графъ не умѣетъ торговаться. Но дѣло тутъ не въ томъ. Прежде, я долженъ условиться съ вами въ нѣкоторыхъ предметахъ. Во-первыхъ, его сіятельству нуженъ разсыльный лакей, который въ свободное время, или когда я отлучаюсь изъ дому, сидѣлъ бы въ передней. Онъ получитъ, за эту недѣлю, десять рублей серебромъ. Не можете ли вы принять эту должность на себя?

— Извольте-съ! Рады стараться! отвѣчалъ лакей, кланаясь въ поясъ, и не слыша подъ собой земли отъ такого выгоднаго предложенія.

— Во-вторыхъ, продолжалъ камердинеръ, улыбувшись, не знаете ли вы, гдѣ достать тутъ въ наемъ хорошую, двумѣстную карету на лежачихъ ресорахъ, и пару лошадей?

— А лошадей какихъ вамъ угодно?

— Также самыхъ лучшихъ. Чтобы нельзя было отличить отъ домашнихъ.

— Оно бы ничего-съ, достать-то можно. Пожалуй, я бы уже на досугъ и самъ сбѣгалъ. Да только дорогонько будетъ.

— Э, Боже мой! да ктожъ говорить вамъ о цѣнѣ! Было бы только хорошо, а денегъ ужъ не пожалѣютъ.

— Извольте-съ, съ нашимъ удовольствіемъ, — повторилъ лакей почтительно.

— Да постарайтесь, чтобы завтра, къ десяти часамъ, она была здѣсь: его сіятельство иногда рано выѣзжаетъ.

— Будьте безо всякаго сумлѣнія.

— А есть ли у васъ мѣсто для дормеза?

— Какъ же не быть-съ! У насъ вѣдь сарай-то большущіе: мало ли тамъ всякихъ экипажей стоитъ.

— Сколько жъ вы берете за день?

— Да, по пяти рублей серебромъ всего-съ.

— Ну, такъ когда вы пойдете отсюда, скажите, чтобъ его поставили туда. Я самъ зайду посмотрѣть, хорошо-ли его покрыли?

— Слушаю-съ. Будетъ исполнено.

— Теперь, продолжалъ нѣмецъ, припоминая что-то, есть еще четыре условія, которыя вы потрудитесь запомнить: первое и самое главное, — чтобъ оба камина были всегда затоплены, и не угасали до тѣхъ поръ, покаместъ его сіятельство не лягутъ почивать, что случается иногда очень поздно. Второе, — вы отвяжете колокольчикъ, чтобъ онъ не звонилъ, и не беспокоилъ графа, да сверхъ того, онъ совершенно лишній, потому-что одинъ изъ насъ будетъ всегда сидѣть въ передней, а кто придетъ, или пріѣдетъ, тотъ можетъ постучать. Третье, — чтобъ каждый вечеръ, дома графъ, или не дома, всѣ комнаты были освѣщены, точно также какъ сегодня, и чтобъ на лѣстницѣ отнюдь не было темно. Четвертое, — каждое утро, ровно въ восемь часовъ утра, вы будете приносить чай. Смотрите, чтобъ онъ былъ хорошо сервированъ, и непременно на серебрѣ. Его сіятельство знатокъ чая, и пьетъ всегда жолтый; сухарей онъ по утрамъ не кушаетъ, но для формы, вы будете ставить корзинку съ мелкими вещами, а подавать подносъ въ

бѣлыхъ перчаткахъ. Смотрите жь, не забудьте ничего. За все это, вы получите тысячу рублей серебромъ, не считая экипажа, за который будетъ заплачено особенно. Цѣна, какъ видите, хорошая; вы не будете въ убыткѣ. Нѣтъ-ли у васъ карандаша и кусочка бумаги?

— Сію минуту, отвѣчалъ лакей, принявшійся поспѣшно шарить въ карманахъ, и доставъ изъ одного изъ нихъ довольно засаленный книжничекъ, вынулъ осколокъ карандаша, и вырвавъ листокъ, подалъ камердинеру.

Тотъ сѣлъ у стола, набросалъ нѣсколько словъ по-нѣмецки, потомъ раскрывъ бумажничекъ графа, началъ отсчитывать кредитные билеты.

Лакей пожиралъ глазами этого счастливаго камердинера, который такъ безцеремонно распорядился господскимъ бумажничкомъ.

— Говорятъ, что нѣмцы вывозятъ отсюда русскія деньги, — сказалъ иностранецъ, презрительно улыбувшись, — а того не видятъ, что случается и наоборотъ. Одни вывозятъ, а другіе привозятъ. Вотъ, продолжалъ онъ, подавая лакею толстую пачку билетовъ, къ которымъ приложилъ неписанный лоскутокъ, — потрудитесь передать это хозяину, и принесите мнѣ отъ него росписку. Эти десять рублей возьмите себѣ, и съ завтрашняго дня начните должность рассыльнаго. Теперь, ступайте, распорядитесь насчетъ дормеза; я самъ сейчасъ приду туда.

Лакей взялъ деньги, поклонился еще ниже прежняго, и мгновенно исчезъ за дверью.

Ульрихъ надѣлъ пальто, и сошелъ внизъ. На дворѣ, было совершенно темно, на пасмурномъ небѣ видной звѣздочки. Замѣтивъ вдали огонекъ, который свѣтился какъ метеоръ, онъ направилъ къ нему шаги свои и спотыкаясь безпрестанно, добрелъ до него кое-какъ, проклиная огромные русскіе дворы, и какъ-разъ очутился передъ самымъ сараемъ. Дормезъ стоялъ уже въ немъ, покрытый чехломъ; возлѣ него, суетился лакей, успѣвшій въ избыткѣ усердія сходить къ хозяину, и потомъ прибѣжавшій стремглавъ исполнять порученіе щедрого посетителя, да какой-то мужикъ въ нагольномъ тулупѣ также расхаживалъ тутъ взадъ и впередъ, умильно поглаживая длинную бороду. Лакей скрылся при видѣ камердинера, который, ни въ какихъ случаяхъ не измѣняя нѣмецкой аккуратности своей, подошелъ къ воротамъ сарая, чтобъ удостовѣриться, надеженъ ли замокъ его?

— Ты кто? спросилъ онъ, обратившись вдругъ къ мужику.

— Дворникъ здѣшняго дома, сударь, отвѣчалъ тотъ, пораженный важною фигурой камердинера.

— Если ты будешь обметать пыль съ этой кареты, и смотрѣть, чтобъ сарай былъ всегда запертъ, то получишь на-водку.

— Благодаримъ покорно, ваше благородіе!

— А кто здѣсь смотритъ за лѣстницей? Ты?

— Точно такъ-съ, ваше благородіе.

— Смотри, чтобъ тамъ было чисто. Особенно тротуаръ, около подъѣзда, мети какъ можно чаще. Вотъ тебѣ на первый случай, прибавилъ онъ, сунувъ ему въ руку трехъ-рублевую бумажку.

— Очинно довольны, сударь! Вѣчно будемъ за васъ Бога молить! заревѣлъ дворникъ, чуть-не кинувшись ему въ ноги, и бросился, какъ угорѣлый, бѣжать, чтобъ похвастать своимъ приобрѣтеніемъ, и даже, при этой вѣрной оказіи, разбудить Памфилыча, который, развалившись на сѣнѣ, давно уже храпѣлъ богатырскимъ сномъ. Дворникъ хотѣлъ тотчасъ же, во что бы то ни стало, разувѣрить товарища въ предубѣжденіи его, потому что такая напраслина не должна касаться прѣхавшихъ *изъ-за моря* постояльцевъ, тѣмъ болѣе, что вотъ, дескать, онъ, ни съ того, ни съ сего, получилъ зелененькую.

— Что это за безумецъ? подумалъ камердинеръ, поглядѣвъ не безъ удивленія на прыжки мужика, и пошелъ на верхъ, чтобы прибирать остальное. Въ передней, опять таки онъ наткнулся на лакея.

— Я принесъ вашей милости росписку, сказалъ онъ, положивъ передъ нимъ сложенную пополамъ бумагу.

— А, тѣмъ лучше. Повторили ли вы всѣ условія хозяину?

— Какъ же-съ, повторилъ. Онъ приказалъ сказать вамъ, чтобъ вы ни о чемъ не беспокоились, и что все будетъ сдѣлано.

Ульрихъ внимательно просмотрѣлъ росписку, и спряталъ ее въ карманъ. Въ это время, раздался звонокъ графа.

— Не забудьте экипажъ, проговорилъ, уходя, камердинеръ; завтра утромъ, какъ можно раньше.

Оба вышли въ противоположныя двери. Свѣча догорала на столѣ, передъ которымъ сидѣлъ Штейнбургъ, — лампа бросала уже тусклый свѣтъ, въ кабинетѣ замѣтно становилось темнѣе. Графъ запечаталъ письмо и замкнулъ мемуары. Матовая блѣдность лица его, на которомъ проглядывала скука, обнаруживала въ эту минуту чувство совершенно иное: оно было задумчивѣе обыкновеннаго, и блескъ голубыхъ глазъ его постепенно уменьшался.

Онъ облокотился на креслѣ, скрестилъ на груди руки, потомъ закурилъ папироску, но почти тотчасъ же бросилъ ее.

Какія думы блуждали теперь въ головѣ Штейнбурга, — думы, повидимому такъ глубоко занявшія его, — о чемъ размышлялъ онъ въ эту пору, трудно было рѣшить это.

— Ульрихъ, сказалъ онъ, услышавъ приблизившіеся шаги, и положивъ руку на письмо, — завтра, ты отправишь это на почту.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Завтра, продолжалъ медленно Штейнбургъ, ты надѣнешь парадную ливрею, и поѣдешь за каретой, развозить визитные билеты, вотъ по этимъ адресамъ. Ты скажешь вездѣ, что я самъ былъ, а если спросятъ, отчего я не вошелъ? ты скажешь, что мнѣ некогда. Не забудь загнуть уголки.

— Слушаю, ваше сіятельство.

— Завтра, ты съѣдешь также съ Симеоновскому мосту, въ домъ Ч**. Тамъ, распродается картинная галерея. Ты посмотришь, есть ли тамъ что-нибудь порядочное, и скажешь мнѣ отвѣтъ, прибавилъ графъ въ заключеніе, всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ кабинета.

Ульрихъ, молча, послѣдовалъ за нимъ, схвативъ съ сосѣдняго стола двѣ заженныхъ свѣчи.

Вскорѣ послѣ этого, потухли огни въ десяти окнахъ отеля, который переполошилъ поздній прїездъ иностранца. Заря уже занималась, звѣзды гасли на небѣ и Казанскій колоколъ благовѣстилъ къ заутренѣ. На улицахъ, замѣтно становилось свѣтлѣе, — глухой стукъ телѣгъ, начинавшихъ изрѣдка показываться тамъ и сямъ, не боялся нарушить сна мирныхъ жителей Петербурга; мужики въ бѣлыхъ фартукахъ, вооруженные метлами, сметали грязь на середину улицъ, другіе, таща за собою ящикъ съ пескомъ, посыпали имъ тротуары; фонари тушили фонари, и взваливъ на плеча складную лѣстницу, плелся домой, мурлыкая что-то тихомолкомъ; тонконогіе трубочисты, съ вымаранными сажею лицами и съ пучками завѣтныхъ веревокъ своихъ, бѣжали цѣлою гурьбой, во всѣ направленія, разговаривая дружно между собою; ворота отворялись однѣ за другими, — изъ нихъ высовывались заспанные люди, спѣшившіе загнать въ кануру мохнатыхъ дворняшекъ, чтобы привязать ихъ на цѣпь; а блѣдное апрѣльское солнце, которое такъ скудно грѣетъ русскіе члены, прокравшись изъ-за домовъ и борясь съ облаками, освѣтило неожиданно девять шторъ, упорно опущенныхъ до поздняго утра.

ГЛАВА IV.

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ.

Быль вечеръ. Въ великолѣпной гостиной одного изъ четырехъ-этажныхъ домовъ Милліонной, — настоящей гостиной девятнадцатаго вѣка, — сидѣла генеральша Зеленцова, опершись очень граціозно рукою на мягкій боковникъ дивана, слушающая и вмѣстѣ занимая разговоромъ нѣсколькихъ дамъ и кавалеровъ. Генеральша была женщина лѣтъ сорокадвухъ, очень высокая и хорошо сохранившаяся, одѣтая съ той щеголеватой изысканностью, которую обыкновенно расточаютъ женщины, утратившія невозвратно свою первую молодость. Особенно отличался вкусомъ чепецъ ея, прикрывавшій проборъ блондовымъ мыскомъ, и схваченный съ обѣихъ сторонъ пучками розовыхъ бутоновъ. Старшая дочь ея, Надина, двадцатилѣтняя дѣвушка, живая, стройная брюнетка, стянутая въ рюмку, разбирала модныя картинки, сидя передъ маленькимъ столикомъ и показывая ихъ двумъ милovidнымъ дѣтямъ, мальчику и дѣвочкѣ, которые прыгали около сестры своей. На Марусѣ было кашемировое, вышитое платье, прюнелевыя сапожки, кисейная пелеринка, и вообще весь туалетъ ея былъ — какъ говорится, — очень *compte à fait*; чтожъ касается до Сержа, то оригинальный костюмъ его какъ-то невольно бросался въ глаза: коротенькіе рукава его, вырѣзанный воротъ какой-то страннаго покроя блузы, свѣтлыя, не достигавшіе до колѣна стиблеты, обнажавшіе верхнюю часть ноги, — и длинныя локоны, расчесанные на двѣ стороны, все это вмѣстѣ совсѣмъ не согласовалось. Ребенокъ походилъ скорѣе на дѣвочку. Генеральша одѣвала дѣтей своихъ по послѣдней модѣ, нисколько не заботясь о томъ, что превращала сына въ паяца, и что это шло бы къ нему въ Парижѣ, — гдѣ климатъ теплѣе, а вкусы такъ изобрѣтательны и измѣнчивы, — но отнюдь не здѣсь. Подобное ослѣпленіе, впрочемъ, извинительно: мальчикъ былъ хорошъ собой, да еще кромѣ того, — «*les convenances du monde effacent tout*», сказалъ кто-то изъ новѣйшихъ романистовъ, — слѣдовательно, не намъ осуждать то, чего не осуждаютъ люди испытаннаго ума.

Въ гостиной, было много цвѣтовъ; темная зелень камелій скрывала углы; на окнахъ стояли жардиньерки; въ амбразурахъ двѣ большія вазы, изъ севрекаго фарфора.

— Скажите пожалуйста, *messieurs*, — говорила генеральша, — нѣтъ ли у насъ чего-нибудь новенькаго? Право, нынче все уже такъ старо, что — скоро, я думаю, истощатся и послѣдніе сюжеты для разговора!

Вы, мосьё Невегинъ, — прибавила она, обращаясь къ молодому франту съ необыкновенно длиною гривой, — вы, постоянный разскащикъ, и неутомимый наблюдатель всего, что дѣлается въ Петербургѣ, ужели въ самомъ дѣлѣ, всѣ ваши источники изсякли?

— Помилуйте, — да новостей очень много, отвѣчалъ съ самоувѣренностью франтъ. Новостей, какихъ вамъ угодно, и даже весьма интересныхъ.

— Такъ чтожъ вы молчите?

— Я слушалъ другихъ. А если прикажете, то я къ вашимъ услугамъ.

— Сдѣлайте милость.

— А *propos!* сказалъ какой-то драгунскій офицерикъ, сильно раздушенный и щеголявшій ногтями, остриженными на подобіе вѣера, вы вѣдь кажется часто бываете въ Собраніи? Вотъ, я думаю, оттуда у васъ завидный запасъ матеріаловъ?

Невегинъ улыбнулся.

— Не скажу, — отвѣчалъ онъ насмѣшливо. Одно только, что я замѣтилъ, это, что пожилыя дамы танцуютъ гораздо больше молодыхъ.

Всѣ засмѣялись.

— Но, мосьё Невегинъ, сказала какая-то блондинка, сидѣвшая возлѣ хозяйки. Кто можетъ ручаться, что вы говорите безъ преувеличенія?

— Честное слово! Я утверждаю то, чего былъ очевидцемъ. Если я хоть сколько-нибудь прибавилъ, — то назовите меня послѣ этого, какъ вамъ угодно.

— Полноте, — замѣтилъ драгунъ; вещь извѣстная и всѣми признанная, что никакой анекдотъ не можетъ быть занимателенъ, если его не расскажешь съ прикрасами. Слѣдовательно, и вы, пользуясь всеобщей привилегіей, имѣли полное право употребить ее въ дѣло.

— Нисколько. Я вѣдь ужъ сказалъ вамъ, что это не анекдотъ, а истина, повторилъ франтъ настойчиво. Въ истину не допускаются прикрасы. Впрочемъ, *c'est selon*: истины бываютъ различныя.

— А что слышно у насъ о будущихъ гуляньяхъ Излера? спросилъ мужъ хозяйки, до-сихъ-поръ безмолвно курившій, вмѣшавшись неожиданно въ разговоръ. — Говорятъ, Гунгль остается въ Берлинѣ?

— Его мѣсто замѣнено уже другимъ. Оркестромъ будетъ дирижировать датскій капельмейстеръ Дютчъ, который выписанъ сюда, по этому случаю. Жаль однакожъ Гунгля! Къ его музыкѣ такъ привыкли!

— Да, въ его времена, на водахъ было чрезвычайно живо, сказалъ баронъ де-Ружпонъ, незимѣнный посѣтитель всѣхъ публичныхъ гуля-

ній, сильно картавившій на каждомъ словѣ. Однакожъ согласитесь, продолжалъ онъ, обращаясь къ дамамъ, что нельзя неподивиться плодовитости такихъ воображеній, какъ Излера и Александра Дюма. Первый, каждое лѣто придумываетъ новыя увеселенія, съ невѣроятнымъ разнообразіемъ и находчивостью, устраиваетъ праздники съ иллюминаціями, фейерверками, бенгальскими огнями, акробатами, чревоущателями и тому подобное. — Второй, — каждое утро разсылаетъ пятерыхъ курьеровъ съ рукописями къ книгопродавцамъ, и издаетъ ежедневно по нѣскольку томовъ. Право, такое воображеніе достойно зависти.

— Да, я очень люблю его романы, — сказала блондинка, опустивъ глаза. Онъ пишетъ необыкновенно занимательно; непріятно только, что конца его книгъ должно ждать очень долго.

— Вы нелюбите ждать? спросилъ Невегинъ. Но вѣдь это необходимое условіе, для бѣльшей выгоды автора, — и притомъ, если книга интересна, то гораздо пріятнѣе читать ее съ разстановкой. Вотъ я, напримеръ, прибавилъ франтъ, съ тѣмъ педанствомъ, которое проглядывало почти во всѣхъ фразахъ его, — я начинаю всѣ романы Дюма поочередно, то есть по нѣскольку разомъ, точно такъ, какъ онъ пишетъ ихъ, и оканчиваю не прежде, какъ мѣсяць спустя. Вотъ тутъ-то и сосредоточенъ весь интересъ книги; можно гораздо лучше вникнуть въ нее, когда читаешь медленно.

— Правда это, что нынче увеличилась труппа цыганъ, и что они будутъ пѣть также въ Павловскѣ? спросилъ генераль, обладавшій удивительной способностью измѣнять разговоры, страхнувъ пепель съ папироски.

— Какъже. Для нихъ, строятъ новый залъ. Удивительно, что цыгане поютъ у насъ уже столько лѣтъ, поютъ постоянно одно и то же; но ихъ слушаютъ точно также, какъ слушали въ первый разъ. Впрочемъ, этотъ родъ пѣнія не можетъ надоесть.

— Я не люблю цыганъ, сказала генеральша. Непонимаю, какъ могли привыкнуть къ нимъ нынѣшніе утонченные вкусы, избалованные итальянскими артистами. — Надина, спой намъ что-нибудь!

Надина была музыкантша. Она много училась, и до-сихъ-поръ еще брала уроки. Сидя на другомъ концѣ комнаты, она ожидала, что мать позоветъ ее играть и пѣть, потому-что генеральша любила похвастать познаніями дочери, и, какъ говорится, бросать пыль въ глаза. Однакожъ, Надина нелегко сдавалась: она любила заставить попросить себя.

— У меня нѣтъ теперь ничего новаго, снѣге шапан, отвѣчала дѣвушка. И потомъ, я два дня уже не играла...

— Все равно, перебила генеральша. Два дня ничего незначать. Спой изъ прежнихъ романсовъ.

— Спойте пожалуйста! сказали гости. Не откажите намъ въ удовольствіи слышать васъ!

— Je vous en prie, mademoiselle Nadine! присовокупилъ выразительно драгунъ.

— Cédéz — vous; — ne vous faites donc pas prier, сказала блондинка, кивнувъ головой.

— Но я, право, незнаю, что же мнѣ спѣть вамъ, отвѣчала Надина, положивъ картинки, которыми забавлялись Сержъ и Маруся, и вставъ съ козѣзки, подошла къ піянино.

Драгунъ и Невегинъ также встали. Первый взялся, оборачивать листы, второй подавать ноты. Оба стали по сторонамъ.

Надина сѣла, взяла нѣсколько аккордовъ, откашлялась и запѣла извѣстный романсъ Варламова, «Не отходи отъ меня». Этотъ романсъ, страстный, меланхолическій, но полный энергіи въ устахъ цыганки, выходилъ у Надины совершенно иначе: не смотря на отчетливость звуковъ, и строгое соблюденіе паузъ, не смотря на правильно-выполненные такты, дѣвушка пѣла какъ-то вяло и безжизненно; въ ней небыло той души, которая проглядываетъ въ каждомъ звукѣ пѣвицы, и отражается въ ея взорахъ, лицѣ, движеніяхъ, — словомъ, онъ былъ совершенно не постигнутъ, какъ должно, и грустная мелодія его, при каждомъ кушетѣ, замирала однообразно въ груди дѣвушки.

Гости слушали весьма снисходительно, и опытные политики большаго свѣта, они, какъ водится, хвалили. Генеральша глядѣла, улыбаясь, на дочь, и принимала, съ самодовольствомъ и любезностью, расточаемыя ей похвалы.

Надину заставили пропѣть еще нѣсколько романсовъ, послѣ чего, она, раскрасившись, возвратилась на свое мѣсто, сопровождаемая благодареніями и комплиментами. Особенно драгунъ, всегда щедрый на нихъ, въ этотъ разъ превзошелъ себя, увѣряя, что голосъ ея необыкновенно обширенъ, и что со временемъ она превзойдетъ Фрецолини Штофная портьера слегка заколыхалась, и въ гостиную вошелъ мужчина въ черномъ фракѣ, въ лакированныхъ сапогахъ и въ палевыхъ перчаткахъ. Непринужденное благородство его манеръ, изысканная щеголеватость одежды, и ловкость, съ которою онъ поклонился присутствующимъ, обличали въ немъ чловѣка высшаго общества.

— A, monsieur de Штейнбургъ! сказала хозяйка, вставъ съ своего мѣста, когда гость подошелъ къ ней, и протянувъ ему привѣтливо обѣ руки. Charmée de vous voir!

— Васъ ли мы видимъ, графъ? — сказала, улыбаясь, блондинка. Вы насъ совсѣмъ забыли.

— Да, замѣтилъ, генераль, — сколько лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ вы были въ Петербургѣ. Вотъ, у меня уже большая дочь, которая была тогда еще ребенкомъ.

Графъ поклонился Надинѣ, проговоривъ какую-то форменную фразу; она покраснѣла, опустивъ глаза, и молча отвѣчала на привѣтствіе его.

— Скажите, графъ, — начала хозяйка, когда Штейнбургъ сѣлъ, — какими судьбами очутились вы у насъ?

— Желалъ имѣть удовольствіе видѣть васъ, отвѣчалъ онъ, шутя.

— Неправда. Такіе пустяки не могутъ заставить васъ ѣхать нѣсколько тысячъ верстъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и въ такую несносную погоду. Вы же всегда издѣвались надъ нашимъ климатомъ. Нѣтъ! въ самомъ дѣлѣ? говорите серьезно.

— Я ѣду на лондонскую выставку.

Генеральша засмѣялась.

— Но, monsieur de Штейнбургъ, — сказала она, — вѣдь вамъ надо ѣхать въ противоположную сторону. Зачѣмъ же вы пріѣхали въ Россію?

— Vous savez bien, madame, que l'exposition ne commence qu'au mois de mai, и что теперь отиравляться туда слишкомъ рано; слѣдовательно, я рѣшился воспользоваться, по возможности, этимъ временемъ, и пріѣхалъ сюда купить нѣсколько оригинальныхъ картинъ, которыя распродаютъ по случаю, чтобы дополнить мою картинную галерею.

— Вотъ, это другое дѣло! Это болѣе на васъ похоже, сказалъ баронъ де Ружпонъ. Но знаете ли, графъ, что только съ вашимъ характеромъ, можно совершать такіе концы, не щадя ни себя, ни кармана. Долго вы намѣрены пробить здѣсь?

— Я думаю, что не болѣе недѣли.

— Это немного. Въ такомъ случаѣ, вы не успѣете посмотреть нашу выставку малахитовыхъ вещей, которая производитъ теперь настоящій футоге. Ее можно видѣть только до двадцать седьмого числа; послѣ чего ее начнутъ укладывать, чтобъ отправить въ Лондонъ.

— Чтожъ! я увижу ее тамъ, — отвѣчалъ спокойно Штейнбургъ.

— Нынѣшній годъ удивительно богатъ произведеніями всевозможныхъ родовъ, въ особенности артистическими и архитектурными, сказалъ франтъ, желавшій блеснуть своими свѣденіями. Сколько выставокъ у насъ: и малахитовая, и рѣдкихъ вещей въ академіи художествъ, и русской промышленности; — потомъ, по части архитектурной: нашъ Благовѣщенскій мостъ, Императорскій Музей, который считается первѣйшимъ зданіемъ въ свѣтѣ. Въ Англій, всемірная выставка, кристаль-

ный дворецъ, выстроенный весь изъ стекла; въ Австріи, — зданіе вѣнской консерваторіи, и наконецъ, колоссальная статуя Баваріи въ Мюнхенѣ. Право, Европа никогда еще не бывала такъ дѣятельна!

— Да, просвѣщеніе съ каждымъ вѣкомъ увеличивается, — замѣтилъ драгунъ.

— Я знала, что вы въ Петербургѣ, графъ, — сказала хозяйка, потому-что, дня два тому назадъ, вы были у насъ съ визитомъ. Отчего вы не вошли?

Штейнбургъ улыбнулся.

— *J'en demande bien d'excuses*, — сказалъ онъ, съ утонченной любезностью, но я спѣшилъ. Миѣ было надо быть въ другомъ мѣстѣ, по одному дѣлу.

— Жаль, что вы пріѣхали къ намъ на такое короткое время, и не хотите провести съ нами даже Святую недѣлю. Однако, вѣдь *bon gré, malgré*, а вамъ придется остаться у насъ, потому-что на выставку теперь еще слишкомъ рано.

— *Pardon, madame*. Это нисколько не помѣшаетъ; тѣмъ болѣе, что я ѣду сухимъ путемъ, и главное, желаю видѣть приготовленія.

— Вы сдѣлали большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ, графъ, сказала блондинка. Право, нельзя повѣрить, слушая васъ, чтобъ иностранецъ могъ говорить такъ чисто.

Графъ слегка наклонилъ голову.

— *Merci pour le compliment*, сказалъ онъ. Впрочемъ, если это дѣйствительно справедливо, то можетъ-быть отъ того, что я очень люблю Россію, долго жилъ въ ней, и читаю почти все русскіе журналы. Чтожъ касается собственно русскаго языка, то я учился ему очень мало. *Dame, — c'est plutôt l'effet du hasard*.

— Ваше превосходительство! сказалъ вошедшій лакей, губернантка переѣхала.

— Скажи, чтобъ отвели ее въ приготовленную комнату, отвѣчала генеральша, не оборачиваясь и поправивъ рукою ленту чепца.

Лакей удалился.

— Вообразите, *monsieur de Штейнбургъ*, продолжала она, обращаясь къ графу, что эта гувернантка, которую я наняла сегодня для дѣтей моихъ, могла бы служить героиней любому роману. Говорятъ, что отецъ и мать ея были очень богатые люди, и воспитывали ее съ неслыханною пышностью. Но когда они умерли, то оказалось, что все состояніе ихъ должно было перейти въ руки кредиторовъ, а ее приняли на казенный счетъ въ Смольный монастырь. Теперь, она вышла

оттуда, получивъ первый шифръ; она очень недурна собой. Мнѣ рекомендовала ее класная дама.

— Не только что недурна, подхватилъ генераль, но поразительно хороша, и притомъ скромна и мила, какъ ангель! настоящая институтка!

— Неужели? спросили все въ одинъ голосъ. Одинъ только Штейнбургъ молчалъ, и слушалъ; повидимому, совершенно равнодушно.

— Увѣряю васъ! жена подтвердитъ вамъ слова мои. Я видѣлъ много хорошенькихъ женщинъ, но подобной не встрѣчалъ еще. Представьте себѣ дѣвушку средняго роста, стройную, свѣжую, миниатюрную, съ бѣлокурою косою, и съ прелестными черными глазами. А что за манеры, что за походка! словомъ, нельзя вообразить себѣ существа милѣе этого.

— Но знаете-ли, что довольно опасно взять къ себѣ въ домъ такую гувернантку? Она не будетъ заниматься дѣтьми, какъ слѣдуетъ.

— Мнѣ рекомендовали ее съ хорошей стороны, — возразила генеральша. Изъ разговора ея видно, что она несколько не занята собой, прекрасно образована, и при всемъ этомъ, совершенное дитя.

«Интересно было бы посмотрѣть», подумалъ графъ, хороша-ли она такъ хоть въ половину, какъ они превозносятъ ее. Я также видалъ много женщинъ всевозможныхъ типовъ, много ѣздилъ по свѣту, много наблюдалъ, но не нашелъ такого уголка, который скрывалъ бы подобную женщину. Люди, люди! они уже такъ испорчены, что не могутъ говорить иначе, какъ безъ преувеличенія!»

— Но, вѣдь она благороднаго происхожденія, сказалъ онъ вслухъ, хороша собой, и вѣрно, имѣетъ родныхъ. Какъ же она рѣшилась идти въ гувернантку?

— У насъ, это случается довольно часто. Необходимость и бѣдность заставляютъ забывать все преимущества, какъ прошедшія, такъ и настоящія, и каждую молодую дѣвицу у насъ обучаютъ такъ, чтобъ она могла со временемъ, въ случаѣ нужды, заниматься воспитаніемъ дѣтей.

— О, mais c'est affreux! замѣтилъ Штейнбургъ, съ несвойственною ему живостью.

— Чтожъ дѣлать! La fortune est si bizarre.

Графъ задумался на минуту, и чувство состраданія невольно закралось ему въ сердце. Онъ зналъ, какъ нельзя лучше, до какой степени трудна должность гувернантки, и съ какимъ пренебреженіемъ обходятся съ нею тѣ, у кого она служить, потому-что, посѣщая много-

численныхъ знакомыхъ своихъ, ему не разъ приходилось быть свидѣтелемъ подобнаго обхожденія.

Ему стало досадно. Было еще непоздно; нѣкоторые изъ мужчинъ сѣли за карточные столы, — дѣтей повели спать, Надина принесла свою работу по канвѣ, и сѣла возлѣ матери. Штейнбургъ взялъ шляпу, и подошелъ къ хозяйкѣ.

— Куда же вы такъ спѣшите, графъ? сказала она, поднявшись съ дивана.

— Il est temps. Мнѣ надо захватить еще въ одно мѣсто.

— По крайней мѣрѣ, могу ли я надѣяться, увидѣть васъ до отъѣзда еще разъ?

— Не думаю: у меня мало времени и много дѣла. Во всякомъ случаѣ, позвольте мнѣ проститься съ вами.

И онъ прикоснулся губами къ рукѣ генеральши.

— Прощайте, графъ, сказала она. Je vous souhaite un bon voyage! Если случай приведетъ васъ снова въ Россію, то не забывайте насъ.

Штейнбургъ молча поклонился, и вышелъ изъ гостиной. Вскорѣ, стукъ удалявшагося экипажа извѣстилъ присутствующихъ объ отъѣздѣ графа, — этого страннаго, непостижимаго человѣка, который, изъ одного каприза, совершалъ такіе страшные концы, нисколько не заботясь о неимовѣрныхъ издержкахъ, и не затрудняясь ни въ какихъ случаяхъ.

О немъ проговорили весь вечеръ, разсуждая каждый по своему. Надина, жалуясь на головную боль, ушла въ свою комнату съ намѣреніемъ лечь спать, но когда гости стали разъѣзжаться, то видѣли огонь за бѣлыми занавѣсами ея оконъ.

ГЛАВА V.

СВАХА.

Много, много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Мавру Агаѣоновну. Много событій, много переменъ произошло въ семействѣ, въ которомъ жила она такъ долго, и была свидѣтельницею того переворота, который, такъ некстати, разсѣялъ въ разныя стороны главныхъ членовъ его, привыкшихъ жить вмѣстѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она сѣхала на вольную квартиру, житье-бытье Мавры Агаѣоновны имѣло нѣсколько различныхъ періодовъ. У пріятельницы, прожила она недолго, потому-что та, по дружбѣ, пріискала ей выгодное мѣсто, но

она принуждена была оставить его, не больше и не меньше, какъ ровно черезъ недѣлю. Мавра Агаѳоновна привыкла властвовать вездѣ, а тутъ пришлось ей подчиняться, и «уважать ни съ того, ни съ сего», — какъ она сама выражалась, — какой-то горничной, которая то и дѣло что наушничала про людей своей барынь, и за свое пронырство, втерлась въ милость. Именно по этой причинѣ, она и не хотѣла оставаться тутъ, тѣмъ болѣе, что какъ природная дворянка и титулярная совѣтница, не могла она смотрѣть сквозь пальцы на подобныя кляузы. И такъ, волею или неволею, а ей пришлось перебраться опять къ пріятельницѣ. Счастье еще, что та была находчива, и какъ разъ надѣлила ее новымъ мѣстомъ; но Мавра Агаѳоновна и тутъ не ужилась, потому-что домъ былъ большой, и хлопотъ столько, сколько она еще отъ роду не видывала, да кромѣ того, запрещалось часто ходить со двора, а почтенная ключница не могла безъ этого жить и согласилась лучше отказаться отъ всего на свѣтѣ, только бы не лишать себя удовольствія ѣздить по гостямъ, и не закабалить себя съ этихъ поръ, какъ какую-нибудь затворницу. Долго мыкалась она съ мѣста на мѣсто, проклиная свою неудачу, но не ужившись ни на одномъ изъ нихъ, и желая отдохнуть на старости лѣтъ, рѣшилась нанять себѣ приличную квартиру, гдѣ не стыдно было бы принять и угостить пріятельницѣ. Она же давно уже накопила себѣ изрядный капиталецъ, такъ что могла потихоньку жить сама по себѣ, никѣмъ не одоляясь. Но главною причиною этой перемѣны было то, что Мавра Агаѳоновна желала какъ можно чаще навѣщать Вѣру, къ которой ѣздила аккуратно два раза въ недѣлю, что, при прежнихъ обязанностяхъ ея, было весьма неудобно. Вѣра, бѣдная, безпріютная со временемъ сирота, занимала постоянно всѣ мысли старухи, которая души въ ней не слышала. Единственнымъ желаніемъ ея было взять Вѣру, послѣ выпуска, къ себѣ, но Вольдемаръ воспротивился этому, говоря, что молодая, воспитанная дѣвушка должна жить въ свѣтѣ, и что такъ какъ Мавра Агаѳоновна не можетъ никуда вывозить ее, не получа свѣтскаго образованія и не имѣя права бывать въ высшемъ кругу, то она скоро соскучится у нея. Отецъ Вольдемара давно уже умеръ; онъ немногимъ пережилъ племянницу, и потому, Вѣрѣ рѣшительно было некуда дѣваться, еслибъ ея не оставили три года лишнихъ въ Смольномъ, послѣ чего она принуждена была приискивать себѣ образъ жизни. Мавра Агаѳоновна, заботившаяся всегда обо всѣхъ и обо всемъ, пришла въ совершенное отчаяніе, узнавъ, что Вѣру не отдадутъ ей, и что бѣдняжка должна еще *«незвѣсть сколько просидѣть въ монастырскихъ стѣнахъ»*. Она продолжала навѣщать ее такъ часто, какъ только могла, и каждый разъ являлась ранѣе

ше всѣхъ, вооруженная нѣсколькими узлами съ провизіей, которыми снабжала ее безпрестанно. Вѣра привыкла съ самыхъ малыхъ лѣтъ къ баловству и ласкамъ ключницы: она почти выросла на рукахъ ея, потому-что Мавра Агаѳоновна, при всѣхъ своихъ занятіяхъ, находила еще довольно времени для сказокъ, и нѣсколько часовъ просиживала въ дѣтской. Вообще, въ домѣ покойной Зинаиды Петровны, ее всѣ любили, какъ родную, за ея веселый, неутомимо живой характеръ, за ея всегдашнюю готовность услужить каждому, и за испытанную преданность: послѣдній годъ, она, также какъ и прочіе, была общитана въ общемъ дѣлежѣ; ей, также какъ и прочимъ, не было заплачено жалованье; но Мавра Агаѳоновна, при всей своей болтливости, никому даже не намекнула о томъ, и ниразу не показала тѣни неудовольствія. Ей было грустно и больно видѣть, какъ все это имѣніе разошлось поручкамъ, а мысль о своей потерѣ ей и на умъ не приходила. Она никогда не обвиняла господъ своихъ, но за то немилосердо бранила тѣхъ, кому досталось наследство Вѣры. «Пускай ихъ окаянныхъ!» говорила она, «обобрали ребенка до-чиста, пустили по-міру, а все-таки имъ это въ прокъ не пойдетъ. Небожь, когда-нибудь сами нищими стануть скитаться. Не увидимъ, такъ услышимъ! И заключивъ подобный монологъ достаточнымъ количествомъ вздоховъ, она принималась раскладывать пасьянсъ, чтобъ узнать, хоть по картамъ, будетъ ли питомица ея счастлива, и на какомъ разстояніи ляжетъ бубновый король? Всѣ эти продѣлки возобновлялись ежедневно, и отнюдь не надоѣдали Маврѣ Агаѳоновнѣ, которая съ нѣкоторыхъ поръ, начала, между прочимъ, чаще обыкновеннаго ходить въ церковь, не пропуская ниодной всенощной и ниодной заутрени. Да и время же ей было свободное. Она жила теперь сама по себѣ, въ четырехъ чистыхъ комнатахъ и кухнѣ, которую вполне ввѣрила своей кухаркѣ Аксиньѣ и дѣвчонкѣ Парашкѣ, нанятыхъ ею для прислуги.

Однажды, это было въ воскресенье, Мавра Агаѳоновна, вернувшись отъ обѣдни и снявъ шолковый капоть, распивала кофе съ одной изъ пріятельницъ, зашедшей навѣстить ее. Погода была пасмурная, и хмурилась все болѣе и болѣе, угрожая разразиться неминуемымъ дождемъ. Пріятельница, осушивъ чашки четыре съ прикуской, стала собираться домой, боясь, чтобъ дождь не замочилъ ея, если она просидитъ еще въ пріятныхъ разговорахъ. Переговорили же ужъ онѣ обо всемъ, такъ что ни та, ни другая не могла сожалѣть о томъ, что имъ приходилось разстаться, а гостя, кромѣ того, спѣшила подѣлиться скорѣй съ другими свѣженькими новостями, только-что узванными отъ словоохотливой ключницы. Пріятельница ушла, взявъ съ хозяйки честное слово

побывать у нея на-дняхъ, а Мавра Агаѳоновна, оставшись одна, сѣла на свой ситцовой диванъ, и, отъ нечего дѣлать, начала мыть чашки. Передъ нею, стоялъ огромный мѣдный кофейникъ, блестящій, словно золотой, и который, не смотря на обоеудное стараніе осушить его, все еще оставался не опорожненъ до половины. Былъ второй часъ пополудни, дождь начиналъ накрапывать; небо было сѣрое, все подернутое тучами. Въ комнату опроретью вѣзжала Парашка.

— Что тебѣ надо? спросила Мавра Агаѳоновна.

— Барышня пріѣхали-съ, отвѣчала она, запыхавшись.

— Что ты, дура! Въ своемъ ли ты умѣ? Погляди, какая погода!

Парашка хотѣла возразить, что находится совершенно въ здоровомъ разсудкѣ, и что говоритъ сущую правду, но въ эту минуту дверь растворилась, и въ комнату вошла восемнадцати-лѣтняя дѣвушка, въ бѣлой шляпкѣ, и въ темномъ шолковомъ платьѣ. Прекрасная наружность ея, античныя черты, полныя выраженія и кротости, медленная и благородная поступь, обнаруживавшая съ перваго взгляда монастырку, — все это вмѣстѣ удовлетворило бы вполне самаго строгаго наблюдателя типовъ.

— Вѣра! Ангель ты мой! вскричала Мавра Агаѳоновна, вскочивъ съ дивана съ живостью, которой нельзя было ожидать отъ семидесяти-лѣтней старухи, и кинувшись къ ней на встрѣчу. Что это тебѣ вздумалось пріѣхать ко мнѣ, въ такое ненастье!

— Я хотѣла проститься съ вами, отвѣчала дѣвушка, обнимая ее. На этой недѣлѣ, мы уѣзжаемъ на дачу.

— На дачу! Что такъ рано! Какая теперь дача! Май-то у насъ только вѣдь показался. Успѣли — бы двадцать разъ нажитья на дачѣ; да впрочемъ, ну ихъ къ Богу! пускай ѣдутъ, куда хотятъ! жаль только, что тебя съ собой увозять. Ахъ, ты моя дорогая; ахъ, ты моя ненаглядная! Дай Богъ тебѣ здоровья, зато-что не забыла меня, старуху, говорила бывшая ключница, усаживая Вѣру около себя.

Она сняла съ нея шляпку, и охорашивая ей платье и мантилью, сказала, любуясь ея стройною фигурой:

— Этакая ты у меня красоточка, что и уму непостижимо. Съ кѣмъ-же ты пріѣхала-то? Неужто одна?

— Не беспокойтесь, отвѣчала Вѣра улыбувшись; я вѣдь знаю, что вы не любите, чтобъ я ѣздила одна. Я съ человѣкомъ, и еще въ каретѣ.

— Ахъ, ты, Господи! откуда же ты карету-то взяла?

— Выпросила у генерала. У него лошади ямскія, потому-что онъ

очень много ѣздить по дѣламъ, а сегодня онъ какъ нарочно остался дома. Я была рада этому, мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ.

— Ну, вотъ, спасибо тебѣ, родная моя. А я, признаться тебѣ сказать, сегодня цѣлое утро все про тебя думала. Такой приснился мнѣ скверный сонъ, что я до сихъ поръ еще сама не своя, просто такъ таки и опомниться не могу. Вижу я, знаешь ли, будто-бы ты приѣзжаешь ко мнѣ такая нарядная, вся въ розовомъ, а въ рукахъ-то у тебя корзинка съ персиками. Ты подошла ко мнѣ и стала меня подчивать ими, а потомъ, наклонилась и начала подбирать съ полу деньги. Вѣдь это не хорошо. Розовое платье означаетъ болѣзнь, а персики и деньги слезы. Я ужъ думала, не больна-ли ты. Однако нѣтъ, Богъ миловаль; а ужъ поплакать-то все таки придется; эти проклятыя деньги такъ не пройдутъ. Чего жъ ты смѣешься? Или невѣришь мнѣ? Чтожъ! иногда и нескоро сбудется: пожалуй, придется годъ ждать, а ужъ слезамъ не миновать. Иной сонъ, словно въ руку дастъ. Да что это! я въ самомъ дѣлѣ затараторилась, и на радостяхъ ничѣмъ не подчую дорогую гостью? Что тебѣ угодно, мой ангелъ? хочешь ты кофейку, или завтракать, или чашку шоколаду? чѣмъ прикажешь угощать тебя? Ахъ, Боже мой! я совсѣмъ и забыла, что она охотница до варенья. Эти институтки да смольнянки ничего путнаго не ѣдятъ, только всякой дрянью себя пичкаютъ. Парашка!

— Чего изволите? откликнулась дѣвчонка, высунувшись изъ-за двери.

— Подай клубничнаго варенья и грушъ въ сахаръ! Да поскорѣй!

— Сейчасъ съ!

— Парашка убѣжала, хлопая пятками.

— Мавра Агаооновна налила чашку кофе, и поставила ее передъ Вѣрой.

— Выкушай покамѣтъ, говорила она, придвигая къ ней сухарницу, — а потомъ, закусишь вареньемъ. Онѣ вѣдь тамъ прокопаются, успеешь до тѣхъ поръ выпить чашечку; да и пустой желудокъ негодится сластями обременять.

— Я только-что завтракала дома, отвѣчала дѣвушка, и долго оставаться не могу у васъ.

— Это, какъ тебѣ будетъ угодно. Ты вѣдь не сама по себѣ живешь. А кофей-то вышей, если любишь меня.

Вѣра молча взяла чашку, и начала медленно прихлебывать изъ нея.

— Ну что, каково тебѣ жить тамъ? спросила Мавра Агаооновна, глядя притсально ей въ лицо. Любятъ-ли тебя? тѣшатъ-ли, хоть сколько-нибудь, платятъ-ли аккуратно жалованье?

— Жалованья мнѣ еще не платили: я вѣдь у нихъ недавно. Гости бываютъ часто, и иногда мы танцуемъ. Въ эти дни, мнѣ всегда весело: я люблю танцовать.

— А вывозятъ-ли тебя куда-нибудь? Твоя генеральша-то, говорятъ, много выѣзжаетъ.

— Да, она много выѣзжаетъ, но меня никогда не беретъ съ собою. Я должна оставаться съ дѣтьми, отвѣчала Вѣра, и облако грусти мелькнуло на серьезномъ личикѣ ея.

— Вишь, какая бусурманка! Сама разѣзжаетъ по гостямъ, а того, небось, не понимаетъ, что молодой дѣвушкѣ хочется и людей посмотреть и себя показать. Постой, моя золотая, дай только мнѣ немного осмотрѣться, я какъ разъ тебѣ жениха отыщу, да замужъ выдамъ. Не будешь у меня молодость дома сидѣть, да съ чужими дѣтьми нянчиться, да угождать какой-нибудь барынѣ, которая и въ генеральши выскочила, быть можетъ, изъ купечества, а теперь и важничаетъ и павлинится. Ты вѣдь не изъ какого-нибудь простаго, званія: не для того на свѣтъ живешь, чтобъ подчиняться. погоди, я до тѣхъ поръ не успокоюсь, пока тебя не пристрою, какъ слѣдуетъ. Будешь у меня жить барыней, получше какой-нибудь Зеленцовой, а гувернанокъ будешь принимать французенокъ.

Дѣвушка вспыхнула.

— Что вы, сказала она съ замѣшательствомъ, я совсѣмъ нехочу замужъ идти; мнѣ хорошо и здѣсь.

— Да ужъ хочешь, или не хочешь, а все таки надо будетъ выходить, потому-что тебѣ не слѣдъ жить у твоей генеральши, да еще въ добавокъ разливать у нея чай. Ты дворянка почище ея. Можетъ сама отъ бездѣлья этимъ позаняться, либо дѣвку заставить! а ты что ей далась за подстава? Хотѣла я тебя къ себѣ взять, по крайней мѣрѣ у меня ты жила бы госпожей, всемъ бы приказывала: я бы первая была служанка твоя, и ужъ никакъ не допустила бы тебя чай разливать. Такъ вѣтъ! Вишь, говорятъ, это неприлично. А это развѣ приличнѣй, что ты живешь изъ-за дряннаго жалованья, да что тобою вертятъ, какъ кому вздумается? Охъ, свѣтъ, свѣтъ! Совсѣмъ-то онъ сталъ нынче наизнанку, прибавила грустно старуха, качая головою, совсѣмъ-то помѣшался на какихъ-то приличіяхъ! Пусть дѣвушка хорошаго званія въ люди идетъ! пусть даже въ бѣдности живетъ, все нипочемъ! Только бы приличія были соблюдены!

Дѣвушка не отвѣчала, но глаза ея опустились, и двѣ прозрачныхъ слезки скатились съ рѣсеницы. Вѣра была горда и самолюбива: она сама знала, сама видѣла, какъ тяжела ея должность, и слова Мавры

Агаоновны, сказанныя впрочемъ весьма некстати, — еще болѣе убѣдили ее въ томъ.

— Полно, полно, ангелъ мой! говорила старуха, лаская ее, и взявъ въ обѣ руки ея крошечную ручку. Я совѣмъ замолочась. Охъ, языкъ нашъ, врагъ нашъ! Однако ты будь спокойна; не долго придется терпѣть тебѣ такую невзгоду! Я-то у тебя начто?

Парашка принесла варенье.

— Вотъ, покушай-ка клубнички то. Это я сама варила, говорила Мавра Агаоновна, накладывая ей на блюдечко. Парашка! а ты прибери со стола лишнее. Будетъ тогда больше мѣста, да смотри, посуду-то въ шкафъ поставь; не побросай, гдѣ попало.

— Вы будете часто навѣщать меня на дачѣ? спросила Вѣра, устремивъ съ безпокойствомъ взоръ свой на старуху, и голосомъ полнымъ убѣжденія и просьбы.

— Еще бы! вишь, что выдумала! Да комужъ и навѣщать-то тебя, какъ не мнѣ? Многожъ у тебя родныхъ то? Одинъ только Владиміръ Александрычъ. Да и тотъ, прости меня Господи, такой пустомеля, что двухъ словъ не скажетъ порядкомъ, да Богъ вѣсть, гдѣ шатается; а къ тебѣ, иной мѣсяцъ и не заглянетъ. Ты мнѣ оставь твой адресъ. Гдѣ вы будете жить-то?

— На Каменномъ острову. Я вамъ адресъ приготовила, сказала Вѣра, поставя блюдечко на столъ, и вынувъ изъ кармана небольшую, сложенную бумажку, подала ее старухѣ.

— Ахъ ты, золото мое! Все-то ты обо мнѣ думаешь. Видно знаешь, что мнѣ безъ тебя и жизнь не въ жизнь. Прочти-ка мнѣ, что тутъ написано; я безъ очковъ-то не вижу.

«На Каменномъ острову, не доѣзжая театра, домъ генерала отъ инфантеріи Зеленцова», отвѣчала дѣвушка, улыбувшись, и пошла къ зеркалу надѣть шляпку.

— Куда же ты такъ спѣшишь? сказалъ Мавра Агаоновна, которая также встала, чтобы проводить ее.

— Нельзя. Дѣти одни, я отпросилась на одинъ часъ, а мнѣ надо еще заѣхать въ Гостиный дворъ.

Въ комнату снова вѣжала Парашка.

— Владиміръ Александрычъ! вскричала она.

— Вотъ, кстати. Легко на поминѣ, успѣла проговорить Мавра Агаоновна; вслѣдъ за этимъ вошелъ кавалерійскій офицеръ, высокій ростомъ, смуглый, съ небольшими черными усами.

— Здравствуйте, Мавра Агаоновна, сказалъ онъ. Bonjour, mademoi-

selle Véra. Я сейчасъ былъ у васъ, но мнѣ сказали, что вы здѣсь; я поспѣшилъ, чтобъ видѣть васъ.

— Вы опоздали, отвѣчала Вѣра, наклонивъ граціозно головку и талию. Я сѣшу домой.

— Вотъ досадно! Стало быть, вы рѣшительно отказываетесь подарить мнѣ полчаса?

— Le devoir est inviolable, — возразила дѣвушка, запахнувъ мантилью. Adieu, monsieur Woldemar! Она еще разъ поклонилась ему, и нѣсколько разъ поцѣловала старуху.

— Прощай, дитя мое, Господь съ тобою, говорила Мавра Агаѳоновна, крестя ее. Если успѣю, такъ побываю у тебя, до дачи.

Оба пошли провожать ее до кареты. Вольдемаръ помогъ ей сѣсть въ нее, потомъ захлопнулъ дверцу; военный лакей вскочилъ на козла, и карета покатила.

— Еслибъ къ такому личику, и къ такой фигуркѣ было прилагательное, — сказалъ Вольдемаръ, снова взбираясь на верхъ.

— Ну васъ, къ Богу, съ вашимъ прилагательнымъ! вскричала съ сердцемъ Мавра Агаѳоновна. Терпѣть не могу, когда вы говорите такіе пустяки.

— Зачто же вы сердитесь? спросилъ, насмѣшливо улыбувшись, молодой человѣкъ.

— Какъ-же тутъ не сердиться! Вѣра моя такая красавица, которой подобной на свѣтѣ нѣтъ; такая умница, что стоитъ только заговорить ей, такъ она всѣхъ съ ума сведетъ. Она можетъ, и безъ вашего прилагательнаго, выбрать себѣ жениха, да еще такого, у котораго крестьяне есть, а не то, что какого-нибудь выскочку, у котораго въ годъ тыщи четыре, пять, да и обчелся. Любой богачъ возьметъ ее, зажмури глаза: нужды нѣтъ, что въ гувернанкахъ живетъ.

— Не тотъ вѣкъ, не тѣ времена, замѣтилъ проницески офицеръ. Каждый благоразумный человѣкъ думаетъ, какъ ему устроить себя по-солиднѣе, и для того предпочитаетъ лучше невѣсту богатую, нежели хорошенькую съ пустыми карманами. Конечно, недурно бы, еслибъ можно было найти и то и другое вмѣстѣ, но только это очень трудно. Правда, что и хорошенькихъ нынче немного, а охотниковъ до нихъ также мало.

— Какъ бы не такъ! Толкуйте себѣ тамъ, что хотите! А все таки по вашему-то небывать, отвѣчала рѣзко старуха. Я вамъ говорю, помяните вотъ вы мое слово, что Вѣра сдѣлаетъ такую партію, что вы, просто, обезумѣете. Не выйдетъ замужъ! повторяла она, вовсе не думая скрывать своей досады, — не выйдетъ замужъ! А вотъ, увидимъ,

чья будетъ правда! Съ такою красой! съ такимъ умомъ, да чтобъ остаться не при чемъ, какъ вы пророчите ей! Нѣтъ ужъ, батюшка, лучше молчите! Выговорить не дамъ вамъ такой небылицы!

Вольдемаръ засмѣялся. Мавра Агаѳоновна расходилась не на шутку, и это забавляло его. Онъ зналъ, какъ она боготворила Вѣру, и любилъ подразнить ее, увѣряя очень часто, что молодая дѣвушка, будь она первая красавица, но безъ состоянія, — никогда не обратитъ на себя вниманія, и что подобныхъ примѣровъ не бываетъ. Ничто не могло такъ разсердить старуху, какъ подобный намекъ; тутъ, ужъ она рѣшительно выходила изъ себя, а онъ восхищался и съ наслажденіемъ слушалъ безсвязную болтовню ея.

Возвратившись въ комнаты, Вольдемаръ сѣлъ къ окошку, и закурилъ папирску. Мавра Агаѳоновна усѣлась поодаль, и взяла чулокъ свой. Вольдемаръ уважалъ и любилъ бывшую ключницу, не смотря на ея необразованность, и не считалъ унижительнымъ иногда навѣщать ее. Онъ прощалъ ей охотно ту короткость обращенія, и тотъ способъ выражаться, который былъ въ ней такъ забавенъ; прощалъ, потому-что рѣдкая привязанность ея къ Вѣрѣ, ея постоянныя попеченія о ней, ея заботливость, не прекращавшаяся въ продолженіи столькихъ лѣтъ, все это изглаживало ея недостатки въ глазахъ его.

— Послушайте, Мавра Агаѳоновна, сказалъ онъ, придвинувъ къ ней стулъ свой, когда же вы мнѣ отыщете невѣсту?

Старуха поглядѣла на него съ сожалѣніемъ, ясно выразившимъ неожиданность вопроса, и почесавъ въ головѣ спицей, отвѣчала:

— Вамъ невѣсту! Нѣтъ, батюшка, сидите-ка лучше такъ! Я вѣдь знаю, на какую вы мѣтите, нужды нѣтъ, что у васъ двѣсти душъ. Невѣсту! Да для васъ въ цѣломъ Питерѣ невѣсты-то не сыщешь, хоть весь вѣкъ ищи: такой вы причудникъ! Вольдемаръ выпустилъ облако дыма, давъ себѣ слово вооружиться терпѣніемъ: когда старухѣ случилось напасть на эту тему, то она нескоро оставляла ее, потому-что разговоръ о невѣстахъ ей особенно нравился, а когда приходилось къ слову, такъ она отъ души была рада и посватать. Годы не измѣнили ея.

— Добро бы еще вы были не такъ спѣсивы да разборчивы, прибавила старуха, въ видѣ эпилога. А то, я каждый разъ бьюсь съ вами какъ мученица, всѣхъ невѣстъ переберу: такъ нѣтъ, вишь! Та нехороша, другая нехороша, и покончите тѣмъ, что ниодна для васъ негодится!

Вольдемаръ улыбнулся.

— Полноте бранить меня, Мавра Агаѳоновна, сказалъ онъ. Пого-

воримъ-ка лучше серьезно. Неужели въ самомъ дѣлѣ вы отказываетесь исполнить просьбу мою?

— Какую просьбу?

— Посватать меня кому-нибудь. Я хочу жениться.

Мавра Агаѳоновна опять поглядѣла на него, еще подозрительнѣе прежняго.

— Чтожъ вы въ самомъ дѣлѣ за аказію выдумали? спросила она, помолчавъ. Нѣтъ, ужъ извините! на этотъ разъ меня не надуете.

— Да говорятъ вамъ, что я не смѣюсь. Боже мой! Вы сегодня нестерпимы!

— Ну, коли не смѣетесь, такъ другое дѣло, сказала, смягчивъ голосъ, Мавра Агаѳоновна. Вотъ видите-ли, Владиміръ Александрычъ, вѣдь это дѣло такое, что тутъ надо подумать, да отвѣчать не торопясь; а не то, пожалуй, на васъ и не потрафишь.

— Чтожъ! думайте, сколько вамъ угодно. Я подожду.

Старуха сложила чулокъ, воткнула въ него иголки, сняла очки, и оттокнула все это въ сторону, какъ бы опасаясь, чтобъ оно не помѣшало ей.

— Невѣста-то у меня есть на примѣтѣ, сказала она медленно, и наклонившись къ офицеру, чтобы тотъ не проронилъ ниодного слова. Да только, на врядъ-ли она годится для васъ. Изъ себя ничего, на мой взглядъ недурна; ростомъ, правда, маленько маловата, ну да это ничего; можетъ статься, еще вырастетъ: ей всего семнадцать лѣтъ. А главное то, что она изъ купечества, такъ вотъ я и незнаю, придется-ли вамъ это по сердцу. Приданого за ней довольно: пятьдесятъ тысячъ деньгами, окромъ вещей, а потомъ еще, брилліанты, серебро, бѣлье, платья, да мало ли кой-чего наберется? Извѣстно, вѣдь всего не приберешь. А ужъ воспитана, такъ мое почтенье! на пышнѣйшій манеръ: по-французски, по-нѣмецки, такъ и рѣжетъ.

Вольдемаръ не отвѣчалъ, и продолжалъ спокойно курить. Повидимому, всѣ эти достоинства весьма мало соблазняли его.

— Есть у меня на примѣтѣ еще невѣста, продолжала старуха. Эта будетъ маленько постарше, ну да и собой-то похуже; зато, хорошей фамиліи; родня все изъ знати. Учена безподобно, и музыку знаетъ; а домъ, такъ полная чаша: всего много; однихъ выѣздныхъ платьевъ за ней никакъ дюжины съ двѣ; посуды всякой пронасть, карета точно княжеская, и пара лошадей. Вотъ, эта невѣста, такъ хоть куда, нужды нѣтъ, что такая тонкая, да модная! небожь, долго не засидится. Говорятъ, у ней жениховъ-то много, да что-то она все замужъ-то нейдетъ; видно, разбираетъ.

— А сколько за ней денегъ?

— Денегъ? какъ вамъ сказать? Навѣрно-то я незнаю, сколько теперь даютъ; а какъ отецъ помретъ, такъ все имѣніе ей откажетъ.

— Чтожь, онъ очень старъ?

— Ну, неслишкомъ; лѣтъ сорока-пяти; изъ себя видный мужчина. Вольдемаръ засмѣялся.

— Слуга покорный, сказалъ онъ. Вы предлагаете мнѣ невѣсту дурную собой, немолодую, и притомъ безъ состоянія. Право, для меня это очень лестно.

— Какъ, безъ состоянія?

— Такъ, безъ состоянія. Вѣдь вы сами говорите что отецъ ея еще не старъ? Очень можетъ быть, что онъ проживетъ дольше насъ съ вами, и тогда я рискую остаться ни при чемъ.

— Э, полноте, батюшка. Ужь повѣрьте, я вамъ худаго не посоветую; онъ изъ себя такой плотный, что любо-дорого посмотрѣть; этакіе люди долго не живутъ: того и гляди, что съ нимъ ударъ сдѣлается, такъ вотъ, тогда вы и получите все сполна.

Молодой человѣкъ пристально посмотрѣлъ на нее, едва удерживаясь отъ смѣха. Наивность Мавры Агаоновны всегда потѣшала его, не смотря на то, что онъ давно уже привыкъ къ ней.

— Ну, а если ему вздумается вдругъ похудѣть? спросилъ онъ, шутя. Чтò тогда?

— Вотъ, еще что выдумали! Такъ чтожь за бѣда? худой-то еще скорѣе прихворнетъ. А насчетъ дочки-то, вы напрасно говорите, что она немолода. Отцу вѣдь сорокъ пять всего, такъ можетъ ли она немолода-то быть? Конечно, она постарше первой, ну да то вѣдь почти что еще ребенокъ, а этой минетъ и всего-то двадцать третій. Какъ же вамъ не стыдно такъ охулить ее? Господь съ вами! Побойтесь вы Бога!

— Нѣтъ, сказалъ Вольдемаръ, она не на мой вкусъ. Ужь если взять жену безъ приданого, такъ взять помоложе и получше.

Мавра Агаоновна задумалась.

— Послушайте, Владиміръ Александрычъ, сказала она, помолчавъ, — если вы въ самомъ дѣлѣ хотите найти себѣ невѣсту молодую, хорошенькую и добрую, не зачѣмъ вамъ далеко и искать; сдѣлайте предложеніе Вѣрѣ, а ужъ за остальное я берусь.

Какъ ни былъ Вольдемаръ подготовленъ къ тому, потому-что когда только рѣчь ни заходила о невѣстахъ, Мавра Агаоновна вѣчно нападала подъ конецъ на эту тему, — она все таки немало озадачила его. Онъ любилъ Вѣру, какъ сестру, но видовъ на нее никогда не имѣлъ:

онъ былъ недурень собой, служилъ въ кавалеріи и рассчитывалъ на партію блистательную, которая дала бы ему возможность вести шумную жизнь, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ отстать отъ нея, а у него появились уже кой-какіе долги.

— При всемъ моемъ желаніи, сказалъ онъ, это вещь совершенно невозможная: во-первыхъ, потому-что у Вѣры ничего нѣтъ, а я желаю, чтобъ моя будущая жена никогда не знала помѣхи въ чемъ либо, и чтобъ всѣ ея фантазіи исполнялись немедленно; а я принужденъ буду отказаться отъ этой обязанности, потому-что самъ небогатъ. Во-вторыхъ, я зналъ Вѣру еще ребенкомъ; это правда, я изучилъ ея характеръ, но я десять лѣтъ старше ея, слѣдовательно, на врядъ-ли могу внушить ей тѣ чувства, которыя быть-можетъ внушилъ бы, еслибъ былъ нѣсколькими годами моложе. Въ третьихъ, — мы съ ней родня, довольно близкая, и насъ не позволятъ вѣнчать.

Старуха не спускала глазъ съ него, въ продолженіе всего монолога: она не прервала его ни раза, только глаза ея сверкали отъ негодованія.

— Да ужъ тутъ нечего и говорить, — произнесла она отрывисто, — вы вѣдь распишите такъ, что только слушай, а на повѣрку-то и выйдетъ невѣсть какая глупость. Хоть-бы, на примѣръ, вы себя изъ чего въ старики-то записали?

— Старикъ, не старикъ, а все-таки десять лѣтъ разницы, — это много.

— Ну, это, положимъ, пусть будетъ по вашему. А что-же вы за родня ей? Съ чего вы это взяли? Вѣдь покойникъ-то генералъ приходился Зенаидѣ Петровнѣ, — царство имъ небесное, — четвероюродный дядя! Стало быть, вы приходитеесь Вѣрѣ ужъ пятиюродный. Какая-же тутъ родня? Это, по нашему, все равно, что седьмая вода на киселѣ.

— А все-таки родня. Вѣра мнѣ племянница, правда, дальняя, по вашему, но все-таки жениться на ней я не могу. Это какъ-то нейдетъ.

— Причудникъ вы, батюшка! Ей Богу, причудникъ!

— Выслушайте меня, Мавра Агаѳоновна, и войдите въ мое положеніе, — продолжалъ Вольдемаръ убѣдительнымъ тономъ. Я вѣдь не захочу-же, чтобъ жена моя лишена была тѣхъ удовольствій, которыя необходимы для женщины высшаго общества. Я захочу, чтобъ у нея былъ щегольской экипажъ, чтобъ у нея была абонированная ложа въ оперѣ, чтобъ она могла много выѣзжать, и принимать у себя гостей, когда ей вздумается, а для этого надо имѣть большое состояніе, потому-что, при нынѣшней дороговизнѣ, иначе далеко не уйдешь. Слѣдователь-

но, я предпочитаю невѣсту богатую, — то есть, такую, которая принесла-бы за собой въ приданое столько, чтобъ я могъ, не затрудняясь, удовлетворять всѣ ея прихоти. А для этого, мнѣ ста тысячъ мало.

— Да гдѣжь я вамъ сыщу такую, у которой было-бы нѣсколько сотенъ ?

— Гдѣ хотите. У васъ вѣдь такое знакомство, что, право, нельзя не позавидовать; въ Петербургѣ, нѣтъ человѣка, который-бы не зналъ васъ: стало быть, это вовсе нетрудно.

— Не дѣло вы затѣяли, сказала старуха, качая головой. Я вамъ предлагаю готовую, такъ нѣтъ, вишь, нехороша, надо лучше; ищи теперь другую! Ну да, впрочемъ, что съ вами долго толковать! Я, пожалуй, посмотрю.

Вольдемаръ всталъ, и взялъ съ окна свою бѣлую фуражку.

— Смотритежь, сказалъ онъ, натягивая перчатки, поторопитесь. Свадьба будетъ славная; я приглашу васъ, и подарю вамъ чепчикъ.

— Не надо мнѣ вашего чепчика! Ужь коли я приду посмотрѣть на вашу свадьбу, такъ только въ церковь; а промежь гостей соваться не стану. Смерть не люблю вашихъ тонныхъ барынь!

Вольдемаръ простился съ нею, и пошелъ надѣвать шинель, а Мавра Агаѣоновна высунулась изъ форточки, чтобъ посмотрѣть, какъ онъ сядетъ въ карету.

— Ишь, какой озорникъ! бормотала она, глядя на лихую пару сърыхъ, которая дружно подкатила къ крыльцу. Самъ говоритъ, что денегъ у него мало, а карета точно игрушечка, да еще квартира, что твой дворецъ. Этакъ никакихъ капиталовъ не хватить. Не забудьте къ моей родной-то заѣхать! крикнула она. Да не обманитежь, я вѣдь узнаю!

Офицеръ кивнулъ ей головой, и хлопнулъ дверцей. Карета обогнула улицу, и скрылась за угломъ. Мавра Агаѣоновна надѣла шляпку, вооружилась зонтикомъ и калошами, и пошла со двора.

ГЛАВА VI.

ВѢРА.

Зеленцовы переѣхали на дачу. Они каждый годъ постоянно проводили тамъ май, и жили до глубокой осени. Иному показалось-бы это скучнымъ, потому-что жолтый, монотонный октябрь бываетъ невыносимъ на дачѣ, которая въ это время страшно пустѣетъ; генеральша лю-

била жить тамъ долго, и вовсе не находила проливные дожди неприятными. Быть-можетъ, это было оттого-что ей некогда было скучать; у нея, была тѣма знакомыхъ, которые навѣщали ее очень часто, такъ что не проходило дня безъ того, чтобъ запоздалые жители Каменнаго острова были одни. Домъ у нихъ былъ удивительно хорошъ: выстроенный въ готическомъ вкусѣ, выкрашенный темною краскою какого-то неопредѣленнаго цвѣта, или похожаго на темно гороховый, или свѣтло-шеколадный, украшенный рѣзбою подь орѣхъ, которую можно было принять за кружево, такъ она была тонка и прозрачна, и окруженный со всѣхъ сторонъ густымъ, тѣнистымъ садомъ. Нѣсколько померанцовыхъ деревьевъ, въ зеленыхъ кадкахъ, стояли по обѣимъ сторонамъ балкона, почти исчезавшаго въ цвѣтахъ; на потолкѣ его, висѣли три плоскихъ корзинки, съ ползучими растеніями. Извилистыя аллейки, пестрыя клумбы, состоявшія преимущественно изъ розъ и далій, низенькій, ровно подстриженный заборъ изъ акаціи, широкій прудъ, который раастился передъ окнами, и нѣсколько лодочекъ, привязанныхъ около парома, все это было весьма комфортабельно. Съ рѣшетчатаго балкона ротонды, можно было обнять взоромъ всю окрестность: Нева, съ зелеными берегами острововъ, была точно на ладони. Вправо, скрытая до половины душистыми вѣтвями каприфоля, стояла китайская бесѣдка, съ высокими окнами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и съ блестящею металлическою крышею, весьма похожею на тѣ заостренныя къ верху шапки, въ которыхъ изображаютъ китайцевъ на чайныхъ преисъ-курантахъ. Въ ней, былъ одинъ только большой залъ, очень высокій и прохладный, потому-что стѣны его были штукатуренныя. Ихъ украшала фантастическая живопись, и нѣсколько круглыхъ амбразуръ, гдѣ стояли небольшіе диванчики, обитые глянцевитымъ краснымъ ситцемъ, а по сторонамъ, бѣлыя мраморныя вазы, наполненныя цвѣтами. Этотъ залъ былъ удобенъ для танцевъ, потому-что гладкій паркетъ его, былъ всегда наощенъ, точно зеркало; но въ немъ рѣдко танцовали: въ домѣ было довольно мѣста для этого, и комнаты большія; такъ что бесѣдка по большей части оставалась пуста, и иногда только, въ жаркіе дни, генеральша любила приходить сюда съ работой, чтобъ укрыться отъ духоты, неминуемой въ юлѣ мѣсяцѣ. Зеленцовы жили открыто и пышно: у нихъ бывала вся знать, въ томъ числѣ и нѣсколько посланниковъ, близкихъ сосѣдей по дачѣ. Ихъ принимали съ особенной почестью, потому-что это были люди многозначачіе въ свѣтѣ, слѣдовательно, въ случаѣ нужды, могущіе быть весьма полезными, да кромѣ того, потому-что какой-то *chargé d'affaires* прикуртизанивалъ Надивѣ. Генеральша давно уже думала, какъ бы пристроить дочь, и пристроить новыгоднѣе, тѣмъ болѣе, что она не

намѣрена была много дать за нею, а эта партія была такая, что лучше невозможно было и желать. *Chargé-d'affaires* былъ князь и очень богатъ, но съ нѣкоторыхъ поръ, Надина стала видимо избѣгать его. Не нравился онъ ей, или она занята была кѣмъ-либо другимъ, генеральша, при всей своей дальновидности, не могла добиться этого. Она давно уже наблюдала за нею, слѣдя внимательно за всѣми ея поступками, и давъ себѣ слово выдать ее за перваго, кто присватается; однакъъ Надина, постоянно окруженная молодежью, не смотря на досаду заботливой маменьки, повидимому, вовсе не заботилась о замужествѣ. Въ домѣ Зеленцовыхъ, небыло той непринужденной живости, которая господствуетъ тамъ, гдѣ большой прїездъ, и гдѣ одни гости смѣняются другими; тамъ, напротивъ, все было основано на этикетѣ, и даже въ самихъ хозяевахъ проглядывала какая-то натянутость. Происходила-ли она отъ сознанія собственного достоинства, или отъ излишней свѣтскости, не наше дѣло судить объ этомъ; только генеральша, при всей своей любезности и знаніи общежитія, какъ-то странно держала себя. Если она и соблюдала въ точности всѣ приличія, то, почти ни съ кѣмъ не сходилась коротко, и весьма немногіе могли похвалиться тѣмъ, что ихъ принимаютъ не на церемонную ногу. Эта привиллегія досталась только чуть-ли не троимъ: Невегину, *chargé-d'affaires* и драгуну, которые всѣ втроемъ ухаживали за Надиной, и потому, успѣли снискать себѣ особенное расположеніе хозяйки; а всѣ прочіе навѣщали ее соп атоге, и пользовались не больше и не меньше, какъ холоднымъ, но учтивымъ приемомъ, какъ то, по большей части, случается въ свѣтѣ. Въ домашней жизни, генеральша точно также не отступала ни на шагъ отъ своей политики. Ея отношенія къ мужу были почти также далеки, какъ къ постороннимъ: она дѣлала изъ него все, что хотѣла, а онъ, послушный и покорный, никогда ни въ чемъ не поперечилъ ей, и даже безъ позволенія не входилъ къ ней въ комнату. Когда онъ желалъ ее видѣть, передъ нимъ шелъ лакей съ докладомъ, а иначе его не принимали. Сержъ и Маруся тоже не часто удостоивались чести побывать у матери; ихъ цѣлый день небыло видно: они или учились, или уходили гулять съ гувернанткой, или просто играли въ игрушки; только мать, повидимому, очень мало заботилась объ нихъ. Чтожъ касается до Надины, то и она неминовала общей участи, и въ свободное время, когда они были одни, она занималась у себя въ комнатѣ музыкой, а въ хорошую погоду, когда солнце не мѣшало ей, отправлялась на ротонду рисовать съ натуры. Въ подобныхъ случаяхъ, за ней несли туда станокъ, палитру и ящикъ съ красками, и она усаживалась на складномъ табуретѣ, оставаясь тамъ до тѣхъ поръ, пока не придуть

сказать, что кто-нибудь пріѣхалъ, и что мать зоветъ ее въ низъ. Надина была воспитана прекрасно. Она любила искусства, любила романы, на которые была абонирована; иногда, отъ нечего дѣлать, занималась рукодѣльемъ по канвѣ, или бисеромъ, но зато, простой иглы неумѣла взять въ руки. Генеральша утверждала, что это совершенно лишнее, и что ни санъ, ни званіе ея дочери не позволяютъ ей обратить вниманіе на предметъ столь ничтожный, свойственный только швеѣ, или дѣвущкѣ бѣдной. Впрочемъ, разсужденія m-me Зеленцовой, и ея взглядъ на вещи, были почти всѣ въ такомъ родѣ. Удивительно еще то, что она до такой степени умѣла владѣть собою, что никто никогда не замѣчалъ, какъ она она капризна и непостоянна. Даже мужъ не зналъ этого; Надина, хоть и видѣла, но молчала; одни только люди, неумолимые и неугомонные болтуны, усердно толковали на кухнѣ обо всемъ, что ни дѣлала барыня, особенно какъ она бранилась съ ними безпрестанно, потому—что на нее никто не могъ угодить, и дивились, какъ генераль смотритъ на все это сквозь пальцы. Однакожъ генеральша нисколько, повидимому, не обращала вниманія на то, что люди могутъ передавать все дальше, и что, съ ихъ неутомимыми языками, они рады пересказывать, кому и что угодно, былъ-бы только сюжетъ. Ниодна гувернантка не могла у нея ужиться. Она мѣняла ихъ такъ часто, и глядѣла на нихъ съ такимъ пренебреженіемъ, что наконецъ, мѣсто ея сдѣлалось извѣстно, и если его рѣшались занять, то не иначе, какъ съ большою неохотой, не смотря на большое жалованье и частые подарки. Вотъ, къ какимъ людямъ попала Вѣра, одинокая, неопытная дѣвушка, лишенная всякой возможности существовать иначе, и которую, быть можетъ, въ этой новой и неизвѣстной для нея сферѣ, ожидали Богъ знаетъ какія непріятности. Трудно, очень трудно было привыкать ей къ своимъ обязанностямъ, а еще труднѣе снискать расположеніе высоко-мѣрной генеральши. Она цѣлые дни не отходила отъ дѣтей, проводя съ ними все свое время, или забавляя ихъ играми; ея кроткое, милое обращеніе, ея всегдашняя готовность занять ихъ, не могли ускользнуть отъ зоркаго ока Зеленцовой, которая, при своемъ неугомонномъ характерѣ, рѣшительно не имѣла возможности придратъся къ ней. Вѣра любила уединеніе, и очень рѣдко выходила въ гостиную, потому-что поразительная красота ея производила тамъ такой эффектъ, что она сама ужасалась, и непріученная къ комплиентамъ, она старалась укрыться отъ нихъ; слушая всѣ эти пустыя фразы, которыми осыпали ее, ей становилось какъ-то неловко. Ея появленіе въ домѣ Зеленцовыхъ было ознаменовано событіями довольно замѣчательными, тѣмъ болѣе, что Невегинъ, драгунъ и даже блистательный *chargé-d'affaires*, постоянные

поклонники Надины, мало по малу стали отдаляться отъ нея, и наконецъ, все трое занялись исключительно Вѣрой. Генеральша видѣла, какъ много теряла дочь ея, въ сравненіи съ этой гувернанткой, съ этой дѣвочкой, какъ она называла ее, съ этой монастыркой, которая краснѣла при каждомъ словѣ, если съ ней начиналъ разговаривать кто-нибудь изъ постороннихъ, и не разъ думала, что сдѣлала непростительную глупость, взявъ ее къ своимъ дѣтямъ. Отпустить ее она не хотѣла, потому—что Вѣра, всегда послушная и покорная, исполняла обязанности свои съ строгою точностью, была всею довольна, и, главное, при неожиданныхъ вспышкахъ генеральши, умѣла обуздать себя, чего съ предшественницами ея не случалось. Исполненная благородства и самыхъ высокихъ правилъ, она никогда не позволяла себѣ возраженій, твердо убѣжденная, что въ ея положеніи, они были-бы неумѣстны; но все-таки внутренно она чувствовала, что не долго въ состояніи будетъ бороться такимъ образомъ. Часто, наступали для нея горькія минуты, въ которыя она безропотно, но душевно страдала, сознавая всю затруднительность своего положенія, низвергавшаго ее до такого жалкаго ничтожества. Въ ней пробуждалась тогда заснувшая гордость, — она говорила себѣ, что съ ней дурно и несправедливо обращаются, что ее слишкомъ тутъ унижаютъ, и тяжело и больно становилось на сердцѣ.

Но зная невозможность измѣнить свою участь, она старалась превозмочь все чувства, которыя невольно откликались въ душѣ ея, никому не показывала тѣни неудовольствія; зато, ужъ по вечерамъ, запершись въ своей комнатѣ, одна съ своимъ горемъ, безъ холодныхъ свидѣтелей, принималась плакать, плакала долго и горько, и когда, изливъ на просторѣ душевную скорбь, она мелькомъ, точно во снѣ, вспоминала о беззаботныхъ лѣтахъ своего дѣтства, ей казалось, что она никогда не была тѣмъ избалованнымъ ребенкомъ, который безпощадно ломалъ своихъ куколь, замѣнявшихся тотчасъ-же новыми, что она живетъ уже на свѣтѣ Богъ знаетъ сколько лѣтъ, и что страданія ея продолжатся вѣчно, вѣчно! Ей становилось тогда легче; она начинала припоминать все событія, случившіяся въ ея жизни, вспоминала монастырь, въ которомъ была такъ счастлива, гдѣ все ее любили, вспоминала подругъ, добрую снисходительную Мавру Агаѣоновну, и сонъ бѣжалъ отъ глазъ ея; она засыпала только на разсвѣтѣ, а когда, поутру, горничная входила убирать ея комнату, то находила подушку увлажненную слезами. Все это Вѣра умѣла скрыть, и никто не зналъ, что происходило въ душѣ ея. Даже генеральша не замѣчала того. Впрочемъ, это было неудивительно: она очень мало видѣла ее, потому — что, какъ мы уже сказали, Вѣра рѣдко показывалась въ

гостиной, гдѣ ее тотчасъ окружали, да и кромѣ того, madame Зеленцова обращала на нее такъ мало вниманія, что никогда даже не утрудила бы себя мыслию о томъ, счастлива-ли ея гувернантка, или только подъ личиною беззаботности, таила инныя чувства, инныя ощущенія. Ей было совершенно все равно, что думала Вѣра: она занимала ее за хорошее жалованье, и только требовала зато безусловнаго повиновенія своей волѣ, а остальное до нея не касалось. Только съ тѣхъ поръ, какъ она замѣтила, что три вздыхателя Надины стали довольно явно ухаживать за ней, она старалась отдалить ее еще больше прежняго, стала обращаться еще суше, а Вѣра, покорная и молчаливая, все принимала безъ ропота, все сносила терпѣливо, не постигая впрочемъ, чѣмъ заслужила она столь обидные толчки? Она никогда никому не жаловалась, и даже сама Мавра Агаѳоновна, которая пользовалась полною ея довѣренностію, ничего не знала о ея грустной участи. Существованіе Вѣры тянулось монотонно и однообразно, безъ всякихъ переменъ: дни казались ей безконечно длинными, она не знала, какъ пережить ихъ. Утромъ, обыкновенно, генеральша не выходила изъ своего кабинета, и всѣ свои приказанія отдавала тамъ; къ ней являлись за ними всѣ поочередно: прежде, горничная, обязанная раньше прочихъ вступить въ чертоги своей барыни, чтобъ освѣдомиться на счетъ ея туалета. Велѣдъ за нею, поваръ со счетомъ, который писалъ еще съ вечера; ему объявлялось, на сколько персонъ готовить столъ. Потомъ, камердинеръ, обязанный справиться, въ которомъ часу закладывать карету; и наконецъ, послѣ всѣхъ, Вѣра, приводившая дѣтей здороваться съ матерью, и узнать, вести ихъ послѣ завтрака гулять, или остаться дома. Все это возобновлялось ежедневно, точно съ тѣмъ-же порядкомъ, и безъ малѣйшихъ измѣненій. Генеральша, часу во второмъ, уѣзжала съ Надиной дѣлать визиты и возвращалась не раньше обѣда. Генераль уѣзжалъ, по дѣламъ своимъ, рано утромъ, еще не видавшись съ женою; такъ что Вѣра большую часть дня оставалась одна съ дѣтьми, и въ это время, скрытая отъ постороннихъ взоровъ, не слыша колкихъ словъ Зеленцовой и ея надменныхъ приказаній, она становилась веселѣе, и старалась ободрить себя. Она увѣряла себя, что все здѣсь кажется ей такъ дурно, потому-что она живетъ съ чужими, и что въ сущности, быть можетъ, неумѣетъ судить какъ должно о тѣхъ, съ кѣмъ свела ее судьба, неумѣетъ, потому-что еще не привыкла къ нимъ. За обѣдомъ, она принуждена была слушать толки о политикѣ, въ которой ровно ничего не понимала, о театральныхъ новостяхъ, и о модахъ, которыя вовсе не занимали ее. Вѣра находила эти разговоры очень скучными, и удивлялась, какъ люди образованные, принадле-

жавшіе къ аристократическому кругу, находили въ нихъ удовольствіе, и не могли избрать сюжета болѣе занимательнаго. Вечеромъ, обѣденные гости смѣнялись другими, но и тутъ была точно таже монотонія, таже скука: говорили о погодѣ, о всякомъ вздорѣ, а послѣ чая, Надина, уступая всеобщей просьбѣ, садилась за ройаль, пѣть свои неизмѣнные романсы. Вѣра, по необходимости, должна была являться сюда, хоть на нѣсколько минутъ, и спѣшила уйти, при первомъ удобномъ случаѣ. Тяжело и душно было ей, въ этой равнодушной толпѣ, гдѣ она, ничтожная и униженная, бѣдная и безпріютная гувернантка, занимала самое послѣднее мѣсто. Она знала, до какой степени пренебрегали ею, потому—что ниодна дама никогда не сказала ей ласковаго слова. Еслибъ еще она была похуже, тогда другое дѣло: быть можетъ, онѣ, изъ состраданія, и удостоили-бы ее этой чести; но такъ какъ Вѣра была въ тысячу разъ лучше самыхъ хорошенькихъ, и такъ какъ красота ея въ полномъ смыслѣ уничтожала всѣхъ ихъ, то онѣ, изъ зависти и досады, не обращали на нее тѣни вниманія. Женщины смотрятъ на все снисходительно, но физическихъ достоинствъ, доставшихся въ удѣлъ существу, низшему ихъ, онѣ не прощаютъ никогда. Одни только мужчины радовались появленію Вѣры, и когда она входила, ведя за руки дѣтей, то около нея составлялся тѣсный кружокъ, вопреки злобѣ генеральши, которая рѣшительно выходила изъ себя, при видѣ столь непомѣрныхъ усмѣховъ. Chargé d'affaires, съ нѣкоторыхъ поръ, сдѣлался блѣденъ и задумчивъ; Невѣгинъ говорилъ гораздо меньше прежняго, а неумолкаемый драгунъ превозносилъ вслухъ идеальную, тишическую красоту m-ле Вѣры. Всѣ они досадовали на нее, зато—что она такъ мало оставалась съ ними; ея кротость, солидный умъ, съ довольно-вѣрнымъ взглядомъ на вещи, но безъ всякихъ претензій, обворожили ихъ совершенно; они немедленно отправлялись домой, когда она ускользала изъ гостиной. Даже самъ генераль, немного зараженный фанфаронствомъ своей супруги, и глядѣвшій на прежнихъ гувернантокъ съ высокока, съ нѣкоторыхъ поръ, весьма замѣтнымъ образомъ, старался угождать Вѣрѣ. Онъ находилъ особенное удовольствіе въ разговорѣ съ нею, и когда, по вечерамъ, оставался дома, то всегда устраивалъ такъ, чтобъ она имѣла случай блеснуть передъ собраніемъ. Вѣра прелестно играла на ройаль, и знала наизусть всѣ итальянскія аріи изъ оперъ; а генераль, любитель музыки, въ особенности итальянской, непременно уговаривалъ ее не скрывать свой талантъ; послѣ чего, просиживалъ возлѣ нея до тѣхъ поръ, пока она не перестанетъ и не уйдѣтъ къ себѣ. Когда собирались кататься въ лодкѣ, онъ непременно настаивалъ, чтобъ она также ѣхала, нѣсколько не взирая на кисленькія мины ге-

неральши. У Надины была верховая лошадь, онъ купилъ точно такую же для Вѣры, и просилъ, чтобъ она сшила себѣ амазонское платье; а когда, по праздникамъ, она просилась къ своимъ, то экипажъ его былъ всегда къ ея услугамъ. Генераль, человѣкъ опытный и придворный, обходился съ нею всегда вѣжливо, стараясь внушить ей не больше, какъ уваженіе къ себѣ и довѣренность. Генеральша давно уже косилась на нее, а съ тѣхъ поръ, какъ мужъ такъ явно сталъ заботиться о гувернанткѣ, она, безъ всякихъ церемоній, объявила ей, что ея мѣсто совѣтъ не съ ними, а при дѣтяхъ; а когда они лягутъ спать, такъ она можетъ идти въ свою комнату. Вѣра, застѣчивая, наивная смольнянка, исполняла безусловно все, что ни приказывали ей, но не понимала, что такое она сдѣлала, чтобъ заслужить подобную несправедливость? Ей и въ умъ не приходила ревность Зеленцовой, потому-что со стороны генерала, она видѣла одно только участіе, и бѣдняжка радовалась, что нашелся хоть одинъ человѣкъ, который понялъ ее, и единственный въ домѣ, взялъ ея сторону. Она была счастлива, что спискала, наконецъ, чью-нибудь дружбу и могла говорить откровенно, твердо увѣренная, что ее слушаютъ съ расположеніемъ; а теперь, и это отнималось у нея. О, какъ жестоко, какъ невыразимо страдала она отъ этихъ неожиданныхъ козней, разставленныхъ на всѣхъ перекресткахъ ея труднаго пути! Какъ глубоко постигала она свое одиночество, тѣмъ болѣе ужасное и, быть можетъ, даже долгое, что за нее некому было вступить. Вѣра старалась вооружиться терпѣніемъ: она знала, что тутъ никто не любилъ ея; одни только дѣти, которымъ она безъ исключенія посвящала теперь все свое время, были привязаны къ ней и развлекали ея уединеніе. Она чувствовала, что должна покориться, но что жизнь ея невыносима, и что при всей своей готовности переносить ее, она все-таки никогда не привыкнетъ къ ней!

ГЛАВА VII.

НЕЧАЯННОСТЬ.

Однажды, въ воскресенье, въ первыхъ числахъ іюля, часу въ первомъ по полудни, сидѣла Вѣра въ своей комнатѣ, и, повидимому, чего-то нетерпѣливо ожидала, потому-что черные глаза ея блестяли болѣе обыкновеннаго, и безпрестанно устремлялись на окно, выходившее на дворъ, гдѣ кучеръ закладывалъ карету. Въ этотъ день, если только

это возможно, она была лучше, чѣмъ когда-либо. На ней, было надѣто зеленое барежевое платье, очень свѣтлое, и съ мелкими бѣлыми разводами; сборчатый лифъ его, оканчивающійся спереди и сзади двумя длинными мысами, обрисовывалъ гибкій станъ ея и пышныя плечи, на которыя была накинута прозрачная бѣлая косынка; откладный, вышитый воротникъ, приколотый эмалевою брошкой, окаймлялъ шею, которой матовая бѣлизна была ослѣпительна: широкіе рукава, обшитые кружевами, легкіе и воздушные, ниспадали довольно низко, открывая однакоже нижнюю часть руки, украшенную гладкимъ золотымъ браслетомъ; густые, бѣлокурые волосы ея, длинные и шелковистые, зачесанные назадъ à la Valois, оставляли открытыми прекрасныя черты лица, такія нѣжныя и тонкія, что, казалось, онѣ были выточены изъ мрамора, а свѣтлая, глянцевитая коса, свитая назадъ въ два толстыхъ кольца, окружала затылокъ, обвиваясь вокругъ черепаховаго гребня; изъ-подъ платья ея, выглядывалъ лакированный кончикъ гороховаго прюнелеваго сапога, который сжималъ ея крошечную ножку. На столѣ, лежали: шляпка изъ сѣрой соломы, съ яркими серизовыми лентами, батистовый платокъ, слегка надушенный, и пара новыхъ перчатокъ. Вѣра собиралась ѣхать къ одной изъ подругъ своихъ, которая звала ее на цѣлый день. Она еще съ утра отпросилась у генеральши, и къ величайшему своему удивленію, получила на то согласіе. День былъ чудесный: жаръ, противъ обыкновенія, не слишкомъ великъ, небо голубое, точно итальянское, и на немъ невидно ниодного облачка. Вѣра давно уже была готова; она то - и - дѣло подходила къ окну, чтобъ освѣдомиться, скоро-ли подадутъ карету, и по временамъ, поглядывала на часы: ей не хотѣлось опоздать, потому-что она имѣла намѣреніе навѣстить также Мавру Агаѣоновну, которая давно у нея не была, и Вѣра не на шутку соскучилась безъ нея, да кромѣ того, частенько подумывала, не прихворнула-ли старуха? Она желала удостовѣриться, какъ можно скорѣе, что опасенія ея напрасны, и потому, наклонившись на подоконникъ, хотѣла позвать кого-нибудь изъ людей, чтобы тотъ пошелъ поторопить кучера; но вдругъ увидѣла, что одинъ изъ лакеевъ, явившійся тутъ неожиданно, сталъ ему говорить что-то, и вслѣдъ за этимъ, ушелъ опять въ комнаты; а кучеръ обратился къ двумъ, стоявшимъ тутъ мужикамъ, и вмѣстѣ съ ними выдвинулъ изъ сарая другую карету, которую тоже стали закладывать. Не знаю, почему, только Вѣрѣ показалось это довольно страннымъ: какое-то предчувствіе говорило ей, что ей не удастся ея предпріятіе, и что эта карета ничего хорошаго не предвѣщаетъ. Только-что она успѣла подумать это, какъ дверь растворилась, и въ комнату вошла горничная Зеленцовой.

— Что тебѣ надо? спросила Вѣра, обернувшись.

— Генеральша приказала сказать вамъ, чтобъ вы остались сегодня дома. Онѣ съ Надеждой Львовной ѣдутъ съ визитами, такъ дѣтей не на кого оставить. А другая карета для генерала нужна.

— Для генерала? повторила Вѣра съ удивленіемъ: развѣ и генераль такъ куда нибудь ѣдетъ?

— Какже-съ! По барыниной надобности.

Вѣра задумалась на минуту. Она ясно видѣла, что ее не хотятъ пустить, и что Зеленцова нарочно все это такъ устроила, потому-что по воскресеньямъ, ни она, ни мужъ ея никуда не выѣзжали. Дѣвушка вообще рѣдко могла отлучаться, а съ дачи она собиралась во второй только разъ, но и тутъ ей отказывали. Дѣлать было нечего: пришлось, по обыкновенію, покориться.

— Скажи генеральшѣ, — сказала она горничной, — что я готова остаться. Мнѣ вѣдь не крайность; я могу отложить до другого раза.

Горничная вышла.

Вѣра вздохнула, печально отошла отъ окна, сняла съ себя косынку и браслеты, спрятала шляпку; потомъ, сѣвъ у стола, открыла небольшую шкатулку, гдѣ хранились у нея воспоминанія отъ монастырскихъ подругъ, и, чтобъ разсѣять сколько-нибудь скуку свою, принялась разбирать всѣ эти бездѣлушки, которыя надарили ей въ дѣтствѣ, и также при разставаньи, незадолго до выпуска. Это были лучшія сокровища Вѣры, они утѣшали ее въ тѣ грустные часы, которые она проводила одиноко; она никому не показывала ихъ, какъ бы опасаясь, чтобъ ихъ не похитили. Ей было отрадно думать, перебирая ихъ, что есть еще въ мірѣ существа, которыя не забыли ея, и что, быть можетъ, и объ ней вспоминаютъ точно также.

— Sophie будетъ ждать меня, — говорила она сама съ собою, — я обѣщала ей быть навѣрно, и теперь, обману ее. Быть можетъ, она разсердится? Но не я виновата: кто же могъ ожидать, что такъ случится?

Она вздохнула еще разъ и, взглянувъ съ сожалѣніемъ на дворъ, увидѣла, какъ обѣ кареты подъѣхали къ крыльцу. Въ одну изъ нихъ сѣлъ генераль, въ другую генеральша съ Надиной, и обѣ мгновенно скрылись изъ вида.

Вѣра встала, замкнула шкатулку и спрятавъ ключикъ въ туалетъ, взяла зонтикъ и пошла за дѣтьми, чтобъ идти съ ними въ садъ.

Сержъ и Маруся играли у себя въ дѣтской. Имъ было уже объявлено, что гувернантка ихъ уѣзжаетъ и оба, поскучавъ о томъ, что не увидятъ ея цѣлый день, — наконецъ утѣшились, перелистывая книгу

съ гравюрами, которую дала имъ Надина, съ уговоромъ не испортить. Увидя Вѣру, они, оставя все, кинулись къ ней на встрѣчу. Малютки любили ее чуть-ли не больше матери, потому-что рѣдко разставались съ нею, и кромѣ того, никто не умѣлъ такъ хорошо занимать ихъ, какъ она.

— Вы останетесь съ нами! вскричали они въ одинъ голосъ.

— Съ вами, — отвѣчала Вѣра, лаская ихъ. Вы рады?

— Рады, рады! Намъ всегда весело, когда вы съ нами.

Вѣра велѣла имъ надѣть шляпы, и всѣ трое вышли въ садъ. Подойдя къ китайской бесѣдкѣ, Маруся стала просить позволенія войти въ нее; ей очень нравилась эта большая, прохладная зала, гдѣ было столько душистыхъ цвѣтовъ, и такъ ловко было бѣгать. Вѣра согласилась.

— А вы будете съ нами играть? спросила дѣвочка, глядя вопро- сительно ей въ лицо.

— Пожалуй. Но какъ же мы будемъ играть? сказала, улыбаясь, Вѣра.

— Въ жмурки, — отвѣчалъ Сержъ. Это веселѣе всего; а по- томъ, въ прятки.

Вѣра достала изъ кармана батистовый платокъ свой и сложила его косынкой. Сержъ вызвался быть жмуркой; она завязала ему глаза и вывела на середину залы. Мальчикъ былъ очень ловокъ; его дразнили беспощадно, а потомъ тотчасъ же увертывались, но черезъ нѣсколько минутъ, онъ поймалъ Вѣру.

— Ай! вы жмурка, вы жмурка! вскричалъ онъ, сорвавъ повязку, въ восторгѣ отъ своей побѣды.

— Ну, завяжи мнѣ глаза, шалунъ, отвѣчала Вѣра, становясь на колѣни, чтобы Сержъ, который былъ очень малъ, могъ удобнѣе достать до лба ея. Онъ надѣлъ ей повязку плотно, не оставя ни малѣйшаго отверстія, и дернувъ Марусю за рукавъ, отскочилъ съ нею всторону.

Дѣвушка поднялась на ноги, и протянувъ впередъ руки, какъ бы опасаясь споткнуться, пошла тихими шагами по залѣ, безпрестанно оборачиваясь туда, гдѣ дѣти смѣялись тихомолкомъ, дергая ее тихонько за платье и потомъ отбѣгая какъ можно дальше.

Въ бесѣдку вошелъ лакей.

— Вѣра Михайловна, — сказалъ онъ. Приѣхалъ его сиятельство, графъ Штейнбургъ.

— Графъ Штейнбургъ! повторила Вѣра, остановившись, и опутивъ руки. Но вѣдь ты знаешь, что никого дома нѣтъ.

— Я имъ докладывалъ. Они сказали, что подождутъ, покаместъ ея превосходительство вернется.

— Ахъ, Боже мой, какая досада! Если бъ еще покрайней мѣрѣ я его знала, тогда другое дѣло; а то чужой, совершенно чужой! О чемъ я стану говорить съ нимъ! Проси въ гостиную.

— Его сіятельство здѣсь, — отвѣчалъ лакей, и вышелъ съ этимъ словомъ.

Вѣра вскрикнула, поспѣшно сорвала повязку, и щеки ея мгновенно покрылись яркимъ румянцемъ. Графъ стоялъ передъ нею.

Она видѣла, какую сдѣлала ужасную ошибку, высказавъ такимъ образомъ свое мнѣніе при немъ, и онъ все слышалъ и Богъ знаетъ, что теперь подумаетъ про нее. А ей весьма не хотѣлось этого. Она почти знала его по наслышкѣ, потому-что въ домѣ часто говорили про него, и говорили съ такой стороны, что она, сама того не зная, привыкла думать о немъ съ уваженіемъ, и невольно желала (нисколько не надѣясь, впрочемъ) увидѣть его когда-либо. И вотъ теперь, какъ будто нарочно, онъ засталъ ее въ такое время, когда она вовсе не ожидала его, даже не только его, но и никого посторонняго. Вѣра стояла передъ нимъ, точно приговоренная къ смерти, не смѣя поднять на него глазъ. Чтожъ касается до Штейнбурга, то и онъ въ эту минуту хранилъ глубокое молчаніе: войдя въ бесѣдку, и увидѣвъ въ ней эту дѣвушку съ повязкою на глазахъ, онъ до такой степени пораженъ былъ ея красотою, что остановился безмолвный посреди комнаты, не довѣряя своимъ взорамъ. Ему тотчасъ же пришла на умъ статуя, мастерское произведеніе Микель-Анжело Буонаротти, статуя, съ такою же повязкою на глазахъ, которою, въ бытность свою въ Римѣ, онъ любовался въ Ватиканѣ. Теперь, онъ сравнивалъ съ ней эту дѣвушку, не постигая, какимъ образомъ природа могла произвести такое совершенство? Мы знаемъ уже, до чего былъ разборчивъ вкусъ графа, который, объѣхавъ Европу, утверждалъ, что истинно-хорошенькой женщины не видалъ рѣшительно нигдѣ, и что наконецъ, живописцамъ и скульпторамъ придется просить милостыню на большихъ дорогахъ, за неимѣніемъ оригиналовъ. Вотъ, отчего графъ, человекъ вполне свѣтскій, извѣстный своимъ умомъ и умѣньемъ жить, не нашелся въ первую минуту. Онъ видѣлъ передъ собой красавицу, какой дѣйствительно не встрѣчалъ еще нигдѣ, и, что еще изумительнѣе, она, при всей красотѣ своей, была проста и наивна, какъ ребенокъ.

— Veuillez m'excuser, mademoiselle, — сказалъ почтительно Штейнбургъ, — de ce que je m'introduis, au risque d'être importun. Мнѣ сказали, что m-me Зеленцова скоро возвратится, et comme je viens d'arriver d'un long voyage, то я очень желалъ бы имѣть удовольствіе видѣть ее.

Вѣра, молча, поклонилась.

— Vous me permettez de l'attendre ici? спросилъ онъ, видя смущеніе дѣвушки, и будучи не въ состояніи оторвать взоръ отъ этого прелестнаго лица и отъ продолговатыхъ черныхъ глазъ, полныхъ спокойствія, но не смотря на то, сверкавшихъ, какъ комета.

— Avec beaucoup de plaisir, monsieur, — отвѣчала Вѣра, нѣсколько оправившись отъ замѣшательства.

Она поспѣшно спрятала платокъ, который все еще держала въ рукахъ, и сѣвъ въ амбразурѣ, подозвала къ себѣ дѣтей. Графъ придвинулъ себѣ табуретъ, поставилъ шляпу на полъ, и потрепавъ Сержа по щекамъ, сказалъ, засмѣявшись:

— Мы, кажется, сердимся, зато-что намъ помѣшали играть? Право, это предосадно. Еслибъ я зналъ, что такъ случится, то лучше бы не вошелъ.

— Чтожъ! сказалъ мальчикъ, — это не бѣда. Зато, когда вы уйдете, то м-не Вѣра будетъ играть съ нами такъ долго, какъ мы захотимъ. Она такая добрая!

Вѣра улыбнулась.

— Онъ знаетъ, — сказала она, — что не останется въ убыткѣ. Поэтому, графъ, вы не можете жалѣть, что прервали насъ, и если только вы не соскучитесь, то, напротивъ, доставите намъ удовольствіе.

— Помилуйте, — отвѣчалъ Штейнбургъ, — развѣ можно соскучиться въ такомъ обществѣ? Тотъ, который обнаружилъ бы подобную мысль, былъ бы самый неблагодарный изъ смертныхъ, прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Вѣрѣ, и вперивъ въ нее свой пронизательный взоръ, — взоръ, отъ котораго трепетала не одна женщина.

Въ другое время, онъ, конечно, не сказалъ бы этой фразы, и первый счелъ бы ее пошлостью; но теперь, когда судьба свела его съ Вѣрой, для которой (если сказать по чистой совѣсти), онъ и пріѣхалъ снова въ Петербургъ, потому-что желалъ удостовѣриться, слышалъ-ли онъ правду въ тотъ вечеръ, когда такъ сильно заинтересовался ею? Теперь, когда судьба, противъ обыкновенія, оправдала его ожиданія, онъ позволилъ себѣ это исключеніе, и съ перваго взгляда на дѣвушку, далъ себѣ слово понравиться ей. Это же было ему легко: онъ нравился всѣмъ.

— О, мнѣ было бы очень жаль, еслибъ вы въ самомъ дѣлѣ соскучились, — повторила Вѣра, взглянувъ на него украдкой. Это значило бы, что мы не сумѣли занять васъ, и генеральша не простила бы мнѣ этого. Вы много путешествовали? спросила она, помолчавъ.

— Много и долго. Но почему вы спрашиваете меня объ этомъ?

— Потому, графъ, что я не разъ слышала о васъ, и о вашихъ

путешествіяхъ. Говорятъ даже, что вы путешествуете не съ цѣлью, но отъ скуки.

— Кто же говоритъ? спросилъ Штейнбургъ, изумленный искренностью, выражавшейся въ каждомъ словѣ дѣвушки.

— Всѣ, — отвѣчала Вѣра простодушно. Говорятъ, что вы путешествовали нѣсколько лѣтъ сряду, и три раза были въ Петербургъ. Но я невѣрю этому; вѣдь это вещь невѣроятная.

— Отчего же невѣроятная?

— Оттого что надо имѣть много денегъ, много времени, много охоты. Иначе, нельзя удовлетворить подобной прихоти.

— Quant à cela, mademoiselle, vous avez parfaitement raison, — сказалъ графъ ласково. Во всѣхъ трехъ случаяхъ, я съ вами совершенно согласенъ. Но вѣдь есть люди, которыхъ природа такъ щедро надѣлила этими качествами или, лучше сказать, недостатками, что иному, право, некуда дѣвать ихъ.

— Можетъ быть, — сказала Вѣра, усмѣхнувшись. Впрочемъ, я тутъ мало понимаю, и не мнѣ разсуждать; но все-таки, я завидую тѣмъ, кому дано въ удѣлъ столько удобствъ, и кто можетъ, не затрудняясь, удовлетворять свое любопытство. Я завидую имъ, потому-что очень желала бы сама имѣть возможность побывать за-границей, видѣть столько прекраснаго и замѣчательнаго, но я не могу даже имѣть этой надежды, — прибавила она съ сожалѣніемъ, — не могу, потому что она никогда не осуществится, тогда какъ другіе, равнодушные и разсѣянные, ѣдутъ всюду, куда ни вздумаютъ, нисколько не затрудняясь и ни о чемъ не заботясь. О, какіе они счастливые!

Штейнбургъ улыбнулся какъ-то странно. Выраженіе лица его вдругъ измѣнилось, голосъ сталъ презрителенъ и насмѣшливъ.

— Повѣрьте, — сказалъ онъ, — что тѣ, кому вы такъ завидуете, самые несчастные, самые жалкіе люди. Они живутъ безъ цѣли, безъ желаній, живутъ почти нехотя, потому-что рано приглядѣлись ко всему — и тогда, ничто уже не занимаетъ ихъ, ничто не можетъ развлечь ихъ, и все это происходитъ отъ того, что у нихъ много денегъ, много времени, которыхъ некуда дѣвать, а охоты, — главнаго условія къ двумъ первымъ, почти никогда не бываетъ. Они не живутъ, но пресмыкаются, и если порою въ нихъ и проглянетъ какая-нибудь фантазія, если они вздумаютъ посѣтить иную сторону, — то повѣрьте, это происходитъ совсѣмъ не изъ любопытства, а просто изъ желанія убить какъ-нибудь время. И этихъ-то людей, давно уже отжившихъ, вы называете счастливыми? этимъ — то людямъ, глядѣвшимъ на все иначе, нежели прочіе, вы такъ много завидуете? Вы говорите, что желали бы быть

на ихъ мѣстѣ? Полноте! скажите лучше, что они несносны, и что, доведенные до такого жалкаго ничтожества, они достойны сожалѣнія.

Вѣра пристально посмотрѣла на него, и на серьезномъ личикѣ ея изобразилась недовѣрчивость.

— Вы не вѣрите мнѣ? спросилъ графъ, отъ котораго ничто не ускользало.

— Нѣтъ, — отвѣчала она. Если человѣкъ обладаетъ столькими преимуществами, онъ не можетъ глядѣть на нихъ съ такимъ пренебреженіемъ. Это означало бы неблагодарность, а для столь низкаго чувства, онъ слишкомъ благороденъ.

Графъ вовсе не ожидалъ подобнаго отвѣта отъ неопытной, восемнадцатилѣтней дѣвушки. Онъ удивлялся ея уму, который просвѣчивалъ въ каждомъ словѣ ея, и неоспоримой простотѣ ея идей, выражавшейся во взорѣ и движеніяхъ; но теперь, когда она высказала столь глубокую мысль, вовсе несвойственную ея лѣтамъ, теперь, онъ уважалъ ее.

— Конечно, это означало бы неблагодарность, — продолжалъ онъ, не тѣмъ уже горькимъ тономъ, полнымъ предубѣжденія противъ самого себя, — но все-таки, есть же такіе люди, которые всю жизнь свою, иногда невыносимо — длинную, проводятъ машинально, и когда наступаетъ часъ, въ который назначено имъ разставаться съ нею, то они, оставя все, идутъ себѣ спокойно туда, гдѣ конецъ всѣмъ ихъ затѣямъ, и идутъ безъ сожалѣнія, потому — что, не смотря на богатство свое и на все прочее, не повстрѣчали въ мірѣ отрадной минуты.

Вѣра задумалась.

— Это случается тогда только, — сказала она, — если они или гонимы судьбою, или слишкомъ много и несправедливо страдали.

Штейнбургъ не отвѣчалъ. Изъ послѣднихъ словъ дѣвушки, вылившихся невольно изъ устъ ея, онъ ясно увидѣлъ, что она несчастлива въ этомъ домѣ; иначе, могла-ли бы подобная идея войти въ такую молоденькую голову? Онъ предвидѣлъ это, но сначала, безпечный видъ ея, съ которымъ она играла въ жмурки, и который постоянно сохраняла въ продолженіе всего разговора, заставилъ подумать его, что неужели онъ ошибся въ своемъ предположеніи? Однакожъ, сомнѣніе его теперь уничтожилось: онъ только этого и добивался, потому — что сочувствіе его сильно заговорило вдругъ въ пользу дѣвушки. Онъ самъ себѣ удивлялся: никто никогда не удостоился отъ него той откровенности, съ какою говорилъ онъ теперь съ Вѣрой, которую видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Но странная вещь! Симпатія это, — или что иное, только

обоимъ показалось, что они уже знакомы, давно и что съ перваго раза они поняли другъ друга.

На дворѣ, послышалась музыка.

— Ай! — вскричалъ Сержъ, — вѣдь это богемцы! Маруся, пойдемъ слушать!

Но Маруся, кивнувъ головкой, и взглянувъ изъ подлобья на Вѣру, объявила брату, что она безъ нея не пойдетъ.

— Ну, такъ ты оставайся, — отвѣчалъ мальчикъ надувшись; я пойду одинъ. *Mademoiselle Véra*, позвольте мнѣ дать имъ что-нибудь!

Дѣвушка достала изъ кармана *porte-monnaie* и подавая мальчику мелкую монету, прибавила:

— Смотри же, не оставайся долго.

Сержъ убѣжалъ.

— Вы любите музыку? спросилъ графъ, принявъ снова свой холодный, свѣтскій тонъ.

— Кто же не любитъ ея? сказала Вѣра, раскрывъ большіе глаза свои во всю ихъ величину, какъ будто бы удивляясь подобному вопросу.

— Стало быть, вы много занимаетесь ею?

— Нѣтъ, — отвѣчала она, вздохнувъ. Прежде, я много играла, много пѣла; а теперь, мнѣ некогда: у меня другія занятія.

— Для того, что мы любимъ, у насъ всегда находится время, — замѣтилъ Штейнбургъ. Вы знаете французскую пословицу, «*se qu'on veut, on le peut?*»

— Знаю, и даже одно время старалась руководствоваться ею, но вскорѣ убѣдилась, однакожь, что она ни къ чему не служить.

— *Par quelle raison, s'il vous plait?*

— *Mais, par une raison bien simple:* первое, — мы не властны располагать иногда собою, какъ намъ вздумается, потому-что у насъ есть обязанности, которыя должно исполнять безусловно. Второе, — если и найдешь свободную минуту, то очень часто она пропадаетъ въ бездѣйствіи, потому-что неожиданно случится какое-нибудь препятствіе, и тогда поневолѣ приходится откладывать намѣреніе свое до другого раза. Но вы? Я увѣрена, что вы прекрасно поете?

— Почему вы это думаете?

— Незнаю, — сказала Вѣра съ той наивною улыбкой, которая такъ шла къ ея розовымъ губамъ. Не знаю почему, но мнѣ такъ кажется.

— *Eh bien, — vous l'avez presque deviné, mademoiselle,* отвѣчалъ графъ, погладивъ небрежно рукою свои темные усы. Я пѣлъ когда-то, но теперь давно уже бросилъ.

Вошла генеральша съ Надиной.

— Bonjour, comte! сказала она, подойдя къ гостю съ своею обыкновенною любезностью. Voilà une charmante surprise!

Графъ всталъ, чтобы поклониться дамамъ.

Увидя его такъ неожиданно, Надина сперва поблѣднѣла, потомъ покраснѣла. Вѣра также встала, но на нее не обратили вниманія, какъ будто бы ея тутъ не было.

— Какими судьбами вы опять у насъ? спросила Зеленцова, садясь. En vérité, c'est à peine que j'en puis croire à mes yeux.

— Hé, mon Dieu, madame! Это такъ просто и естественно, что не стоитъ говорить. Я приѣхалъ въ Лондонъ слишкомъ рано, такъ что принужденъ былъ покориться самой скучной необходимости: ждать открытія выставки. Народа тамъ было уже бездна; мнѣ кажется, половина населенія земнаго шара перебралась туда. Сначала, еще это заняло меня, но потомъ, такъ какъ всякая вещь надоѣдаетъ очень скоро, то мнѣ, разумѣется, надоѣло прежде всѣхъ. Наконецъ, кристальный дворецъ открыли для публики. Я былъ три дня сряду, на четвертый не поѣхалъ, да и не для чего: тамъ было столько всевозможныхъ произведеній, что пересмотрѣть все ихъ порядочно, не было рѣшительно никакой возможности. Малахитовыхъ вещей я не дождался. У меня правило, никогда ничего не ждать, особенно если нѣтъ на то необходимости; и я приѣхалъ сюда.

— Надолго? спросила генеральша.

— Незнаю... сколько проживется; быть можетъ, на мѣсяць, быть можетъ, и дольше, какъ придется.

Зеленцова засмѣялась.

— Знаете-ли что, графъ? — сказала она, — вы ужасно неугомонны. Какъ можно до такой степени во всемъ разнообразить?

— Что вы подъ этимъ разумѣете?

— То, что если вы не ужились въ Лондонѣ, то еще меньше уживетесь у насъ. Петербургъ, съ его жителями, надоѣдаютъ вамъ еще скорѣе, такъ что со временемъ вы не захотите больше заглянуть въ него. Право, это очень лестно!

— Vous aviez tort de vous ennuyer au milieu de tant de merveilles, — сказала Надина, потушивъ глаза. Впрочемъ, вы вѣрно много закупили?

— Купилъ нѣсколько вещей, которыя отправилъ уже въ Штейнбургъ, — отвѣчалъ графъ, къ которому Надина въ первый разъ обращалась съ вопросомъ.

— Mademoiselle Véra, — сказала вдругъ генеральша, — гдѣ же Сержъ?

— Онъ просилъ позволенія слушать богемцевъ, — отвѣчала дѣвушка, немного сконфузясь. Они у насъ на дворѣ.

— Зачѣмъ же вы пустили его, безъ себя?

— Онъ ушелъ сію минуту, и сейчасъ же вернется.

— Все равно. Я васъ просила не выпускать его изъ вида, — возразила Зеленцова, и брови ея сдвинулись.

Вѣра встала, и молча взяла Марусю за руку.

— Мы пойдемъ за нимъ, — сказала она, направляя шаги къ двери.

— Можете остаться тамъ, — отвѣчала сухо генеральша. Пусть Маруся также послушаетъ.

Вѣра, не отвѣчая ни слова, поклонилась графу, который отдалъ ей поклонъ ея съ видомъ глубокаго уваженія, и вышедъ изъ бесѣдки, тихо пошла по аллеѣ къ дому, уводя съ собою дѣвочку.

Штейнбургъ слѣдилъ за нею глазами, пока она не скрылась за густыми деревьями; ему не понравилось обращеніе Зеленцовой, которая при немъ, человѣкъ постороннемъ, рѣшилась сдѣлать ей выговоръ, нисколько не заботясь о томъ, какъ это должно быть непріятно ей, застѣнчивой, чистосердечной дѣвушкѣ, какъ это обидно и оскорбительно.

— Какъ вы находите мою гувернантку? спросила генеральша, когда они остались одни.

— Недурна, — отвѣчалъ графъ самымъ равнодушнымъ образомъ. Довольны вы ею?

— Нельзя сказать. Она очень своевольна и съ большими претензіями.

— Странно. Съ такою привлекательною наружностью, такія правила. Впрочемъ, это весьма обыкновенно: наружность, по ббльшей части, бываетъ обманлива.

Разговоръ продолжалъ вертѣться на предметахъ незначущихъ, въ которыхъ Надина старалась принять участіе. Генеральша была очень весела, и говорила безъ умолка, упрашивая графа остаться обѣдать. Но Штейнбургъ, противъ обыкновенія, былъ разсѣянъ, и всегдашняя задумчивость его еще болѣе увеличилась. Онъ не могъ безъ сожалѣнія думать о Вѣрѣ, этой прелестной, обворожительной Вѣрѣ, которая произвела на его дремлющую душу такое отрадное впечатлѣніе, и которая была здѣсь въ такомъ загонѣ. Въ первый разъ въ жизни, онъ почувствовалъ ту неизъяснимую боль въ сердцѣ, которая такъ рѣдкѣ, но такъ внезапно затрогиваетъ самыя чувствительныя струны его, и далъ себѣ слово загладить несправедливость судьбы, которая такъ безжало-

стно угнѣтала эту невинную жертву. Онъ просидѣлъ тутъ недолго, общавъ генеральшѣ навѣщать ихъ, потому—что она непремѣнно требовала въ томъ честнаго слова, и вскорѣ уѣхалъ.

ГЛАВА VIII.

ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА.

Трудно вообразить себѣ тѣ муки, которыя съ этого дня начала переживать Вѣра. Ея не отдаляли уже, какъ прежде, но за каждымъ поступкомъ лицомърно слѣдили; ее оскорбляли неожиданно при всѣхъ, стараясь какъ можно болѣе унижить ее передъ чужими, а особенно передъ графомъ, потому—что генеральша тотчасъ—же рѣшила, что съ выставки онъ нарочно пріѣхалъ сюда для гувернантки, которая, судя по всѣмъ благопріятнымъ признакамъ, кажется понравилась ему, а что, такъ какъ отъ него всего можно ожидать, то пожалуй, чего добраго, онъ вздумаетъ сдѣлать ее графиней. Но что она, m-me Зеленцова, супруга генерала и мать взрослой дочери, которую не худо было—бы пристроить, никакъ этого не потерпитъ, и съ своей стороны, всѣми силами будетъ стараться разстроить этукую нелѣпость и помѣшать подобной, что называется, *катастрофь*. Надина же, съ самого появленія графа, начала не на шутку задумываться, цѣлые дни фантазировала, Богъ вѣсть о чемъ, сидя иногда одна-одинехонька, и часто, въ сумерки, заглядывалась на луну. Даже Невегинъ, *chargé d'affaires* и драгунъ, которыхъ она за частую ревновала къ Вѣрѣ, были теперь совершенно забыты, какъ—будто ихъ и на свѣтѣ не было. Изъ этого генеральша заключила, что пора было начать дѣйствовать, и дѣйствовать, не теряя времени. Но какъ за это взяться? Графъ, хотя и бывалъ у нихъ теперь довольно часто, но все—таки она не знала, чѣмъ и какъ начать, потому—что съ графомъ шутить было нельзя: чуть что не по немъ, и онъ не заглянулъ—бы къ нимъ, а тогда все пропало. Слѣдовательно, тутъ нужна была хитрость и ловкость сорокалѣтней женщины, у которой на рукахъ трое дѣтей, изъ которыхъ двое, правда, малы, но вѣдь со временемъ и о нихъ надо подумать; тѣмъ болѣе, что особенныхъ доходовъ нѣтъ, а которые и были, такъ тѣ проживались. Съ какими—нибудь пятидесятью тысячами въ годъ, далеко не уѣдешь, если жить такъ, какъ жили Зеленцовы; а заботливая маменька безпре-

станно твердила и себѣ и мужу, что иначе жить они не могутъ, и что, при ихъ званіи, это значило—бы уронить себя въ общемъ мнѣніи. Она давно уже поговаривала сама съ собою, что Надину очень пора выдать замужъ; но, къ несчастію, до сихъ поръ, какъ—будто нарочно, никто и не думалъ дѣлать предложенія; и если говорить по чистой совѣсти, то никто не приходился ей такъ по—сердцу, какъ прекрасный, богатый графъ, древней и благородной фамиліи, съ своими владѣніями и милліонами, и еслибъ ей удалось ея предпріятіе, то есть, заманить его какъ—нибудь на свою сторону, что было весьма нелегко, то во первыхъ, это было бы очень выгодно, а во—вторыхъ, еще болѣе возвысило бы ихъ въ глазахъ свѣта. Но съ чего начать? и будетъ—ли изъ этого какая—нибудь польза? вотъ два вопроса, которые не переставала задавать себѣ генеральша. И дѣйствительно, тутъ было надъ чѣмъ призадуматься, потому—что Штейнбургъ никогда не занимался ни одною женщиной, никогда даже не говорилъ о нихъ, а она вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вздумала женить его, да еще женить на Надинѣ, которую онъ почти не зналъ.

Хотя она и увѣряла себя, что онъ явился въ Петербургъ для Вѣры, эта идея однако ни на чемъ не основывалась, какъ ни наблюдала она за обоими. Теперь, она не высылала болѣе Вѣру изъ гостиной, но ограничивалась тѣмъ, что заставляла ее играть при себѣ роль пажа, то есть, или посылала ее себѣ за мантилей, которую дѣвушка, вытребовавъ отъ горничной, должна была надѣвать на нее; или просила подвинуть подъ ноги скамейку, или дѣлала выговоры за то, что она прислала холодный чай, ожидая каждый разъ, что графъ возьметъ ея сторону. Она помнила, какъ онъ горячо заступился за нее въ тотъ вечеръ, когда былъ у нихъ передъ отъѣздомъ въ Лондонъ, и какъ онъ удивлялся той необходимости, которая заставляла ее идти въ гувернантки. Но теперь, онъ, повидимому, совсѣмъ про то забылъ, и когда генеральша начинала нападать на нее, нисколько не церемонясь, что тутъ много чужихъ, и нападать свысока, онъ дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и спокойно и безопасно продолжалъ разговаривать съ тѣми, кто сидѣлъ возлѣ него. Въ своихъ отношеніяхъ къ Надинѣ и къ Вѣрѣ, онъ не полагалъ никакого различія; съ обѣими былъ учтивъ и холоденъ и никогда не разсуждалъ съ ними о предметахъ серьезныхъ. Если случалось, что онъ заговаривалъ съ ними, то о какомъ—нибудь вздорѣ, и то слегка, чтобъ только не измѣнить обязанности свѣтскаго человѣка, такъ что генеральша, желавшая, во что бы то ни стало, исполнить планъ свой, потеряла наконецъ всякую надежду привести его когда—либо къ окончанію. Вѣра ничего не понимала. Она видѣла, что Зеленцова что—то затѣваетъ, по-

тому—что у нея ничто не дѣлалось безъ намѣренія, но не могла постичь, къ чему клонились все эти козни, которыми она такъ неутомимо окружала ее? Не постигала также, отчего Надина, всегда до нея столь добрая, теперь совершенно къ ней перемѣнилась, и часто, подобно матери, надѣляла ее колкими словами? Конечно, это было ей больно, но все—таки она радовалась, что ей позволяли оставаться въ гостиной, радовалась точно также, какъ прежде досадовала на то, что должна была входить въ нее, и сѣвъ тамъ подальше, въ какомъ—нибудь уголкѣ, она жадно слушала рѣчи графа, которыя, увы! такъ рѣдко относились къ ней. Она довольна была и тѣмъ, что могла слушать его, хоть издали, могла любоваться имъ украдкой, чтобъ никто не замѣчалъ то того, а если случалось что онъ скажетъ ей какое—нибудь слово, то она не помнила себя отъ радости, и за все свои страданія, считала это величайшею наградой. Сны дѣвушки сдѣлались тревожны; она не находила уже въ нихъ обычнаго спокойствія; ей все мнилось, что и графъ пренебрегаетъ ею, что ей хотятъ отказать отъ мѣста, чтобы лишить ее единственнаго утѣшенія видѣть его, или что онъ уѣзжаетъ навсегда, — страшное событіе, котораго она такъ опасалась. Вѣра помнила и свято хранила въ сердцѣ своемъ ихъ первый разговоръ, но съ тѣхъ поръ, уже никогда не слышала, чтобъ онъ говорилъ съ кѣмъ—либо такъ, какъ говорилъ тогда съ нею. Вѣра часто спрашивала себя, что такое былъ Штейнбургъ? потому—что онъ велъ себя совершенно иначе, нежели другіе; никогда какой—нибудь комплиментъ, столь свойственный мужчинѣ, не выходилъ ни для кого изъ устъ его, никогда не смѣялся онъ отъ души, какъ прочіе, но былъ равнодушенъ ко всему, равнодушенъ безъ фанфаронства, и только изрѣдка, насмѣшливая улыбка озаряла меланхолическое лицо его, какъ будто издѣваясь надъ чужой веселостью, надъ чужимъ ослѣпленіемъ. А между—тѣмъ, онъ бывалъ тутъ раза два, или три въ недѣлю, оставался иногда долго; слѣдовательно, ему было тутъ нескучно, и, казалось, собесѣмъ не замѣчалъ, какъ старались занять ее три неотвязчивые вздыхателя, или какъ Надина сидѣла уединенно на другомъ концѣ комнаты, склонивъ голову на работу. У него небыло привѣтливаго слова ни для которой изъ нихъ, и вообще ни для кого, съ кѣмъ онъ находился. Онъ разсуждалъ обо всемъ только поверхностно, никогда не распространяясь много ни о какомъ предметѣ, и отвѣчалъ на вопросы также коротко, какъ будто они утомляли его. Однакожъ, не смотря на это, все искали его расположенія, все старались сблизиться съ нимъ. Все это было загадкою для Вѣры, загадкою, тѣмъ болѣе неизъяснимою, что нѣжная молодость ея не допускала еще ее анализировать характеры съ настоящей точки

зрѣнія; она не имѣла еще той дальновидности, которая пріобрѣтается съ годами. Такой ходъ дѣлъ не подвинулъ ни на шагъ генеральшу, въ ея трудномъ, почти несбыточномъ предпріятіи. Она ежедневно убѣждалась, что все ея предположенія были не что иное, какъ чистый пуфъ, и видя неизмѣнную безпечность графа, его совершенное невниманіе къ ея дочери и даже къ Вѣрѣ, она, просто, приходила въ отчаяніе. Если бы еще онъ занялся, хоть которой-нибудь, тогда, пожалуй, можно бы какъ-нибудь повернуть это на свой ладъ; а то, онъ рѣшительно не замѣчалъ ни той, ни другой, какъ будто бы ихъ тутъ не было, и м-ше Зеленцова выходила изъ себя.

Разъ какъ-то, вечеромъ, все сидѣли на балконѣ; воздухъ былъ теплый, прудъ тихъ и прозраченъ, какъ зеркало; въ немъ отражалось багровое пятно солнца, которое закатывалось на горизонтѣ; ласточки носились высоко, наполняя дружнымъ щебетаньемъ влажную атмосферу. Рѣчь зашла о серенадахъ, а отъ серенады перешла къ прима-доннамъ. Какой-то уланскій полковникъ изъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что лѣтомъ нельзя имѣть примадоннъ, и что въ такіе вечера онѣ были бы очень кстати.

— Лѣтъ десять тому назадъ, сказалъ графъ, когда я былъ въ Севильѣ, то слышалъ тамъ примадонну. Она пѣла обыкновенно по вечерамъ, у отвореннаго окна, аккомпанируя себя на гитарѣ. У нея были два голоса: контральто и сопрано; я слышалъ многихъ пѣвицъ, но подобнаго голоса потомъ уже не слышалъ. Конечно, это такой феномень, какого, быть можетъ, впредь уже не будетъ; два голоса вмѣстѣ, — это такая рѣдкость, которая выпадаетъ вѣками; но удивительно то, что оба были такъ гибки, такъ полны и вмѣстѣ такъ страстны и увлекательны, какъ не бываетъ ниодинъ голосъ, хорошо обработанный, которому рукоплещутъ на сценѣ. Надо именно быть испанкой, чтобъ выразить такъ совершенно каждую ноту и придать ей столько энергіи. А вѣдь ихъ пѣть никто не учитъ, кромѣ природы и сердца.

— Въ самомъ дѣлѣ, это удивительно, сказала баронесса Турманъ. Но знаете-ли, графъ, что вы нападаете на прочихъ пѣвицъ, вы, который такъ часто бываете въ оперѣ? И вамъ это не грѣшно? Вы даже никогда не бросите имъ букета.

— Я не воздаю дани таланту, который взросъ и усовершенствовался чужими; это было бы несправедливо. Но той примадоннѣ я поднесъ букетъ изъ бѣлыхъ алоэ, такой величины, что она не могла обхватить его.

— А! вскричали все. Неужели? Хороша она была собой?

— Не на мой вкусъ: смуглая брюнетка, съ коралловымъ ртомъ и съ огненными глазами, похожими на карбункулы.

— Но вѣдь это прелестно, — сказала генеральша, бросивъ благосклонный взглядъ на дочь, къ которой подобное описаніе очень можно было примѣнить. *En vérité, comte, vous êtes difficile!*

— Я думаю, что она была первая смертная, которая удостоилась этой чести, — замѣтилъ драгунъ, иронически улыбнувшись.

— Однакожъ, что она пѣла обворожительно, такъ тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ баронъ де-Ружонъ; иначе, графъ не совершилъ бы подобнаго подвига.

Штейнбургъ не возразилъ на это ни слова.

— Господа, сказалъ вдругъ генераль: хотите, у насъ сейчасъ же будетъ серенада? и такая серенада, что, я увѣренъ, каждый будетъ удовлетворенъ ею. Сержъ! закричалъ онъ сыну, который игралъ съ сестрою передъ балкономъ, позови *mademoiselle Вѣра*.

Мальчикъ побѣжалъ за дѣвушкой, которая разливала въ столовой чай.

— Вообразите, графъ, продолжалъ онъ, что *mademoiselle Véra* поетъ лучше всякой артистки. Я васъ увѣряю, что *даже вы* заслушаетесь ея; несмотря на то, что у нея одинъ только контральто, она не уступитъ вашей севильской примадоннѣ. Да что тутъ говорить! вотъ, вы сами сейчасъ увидите. *Mademoiselle Вѣра*, — прибавилъ онъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, которая вошла въ эту минуту на балконъ, — будьте такъ добры: спойте намъ что-нибудь изъ вашихъ арій.

Вѣра ужаснулась, услышавъ подобную просьбу. Она знала, какъ генеральша нелюбитъ, чтобъ она пѣла при гостяхъ; знала также, что она дорого заплатитъ, если согласится исполнить желаніе генерала, и что мѣсяць слезъ и несправедливыхъ нападеній не искупитъ этого согласія. Тутъ же сидѣлъ графъ, который пристально смотрѣлъ на нее, графъ, который надъ всѣмъ безпощадно трунилъ и издѣвался, а она вдругъ будетъ пѣть при немъ и еще, пожалуй, получить отъ него насмѣшку! На подобный подвигъ у нея нехватало духа. Пускай бы еще генеральша отомстила ей за это, она перенесла бы все съ удовольствіемъ, но если графъ найдетъ ея пѣніе дурнымъ, и какъ-нибудь дастъ ей замѣтить это, тогда остальное мужество ея, котораго оставалось у нея немного, покинетъ ее, быть можетъ, надолго или даже навсегда. Теперь только, она увидѣла, какъ дорожила его мнѣніемъ.

— Извините меня, сказала она, запинаясь: я сегодня не въ голосъ.

— Вы всегда такъ говорите, отвѣчалъ генераль, настаивая. Пожалуйста! Попробуйте, хоть немножко!

— Мои арии очень трудны. Я не могу пѣть ихъ, не сбиваясь, потому—что мнѣ некому аккомпанировать.

— Да вы не играйте всей оперы. Намъ ваша музыка ненужна; мы желали бы слышать, какъ вы поете. Неужели вы намъ откажете?

Вѣра стояла, молча, не зная, на что рѣшиться. Она взглянула на генеральшу, — та преспокойно разсуждала съ дамами, дѣлая видъ, что ничего не слышитъ и не видитъ.

Графъ всталъ и неожиданно подошелъ къ Вѣрѣ.

— Mademoiselle, сказалъ онъ, si vous permettez, je vais vous accompagner avec plaisir.

Вѣра чуть—не вскрикнула отъ удивленія и замѣшательства; стало быть, онъ также желалъ, чтобъ она пѣла, и теперь, отказаться было уже невозможно; въ противномъ случаѣ, онъ могъ бы обидѣться, а она ни за что на свѣтѣ, не хотѣла сдѣлать ему непріятное. Да еслибъ даже она и вздумала отказаться, то теперь было уже поздно, потому—что Штейнбургъ, не распространяясь болѣе, пошелъ прямо къ роялю, который стоялъ въ залѣ, смежномъ съ балкономъ.

— Bravo! bravo! вскричалъ генераль. Cela tombe à merveille! Господа, не угодно—ли въ залу,—прибавилъ онъ, обращаясь къ мужчинамъ,—хотя серенаду слѣдовало бы слушать отсюда, ну, да это все равно! Знатоки музыки могутъ слушать ее поближе.

— Я думаю, что и мы можемъ послѣдовать вашему примѣру, сказала Зеленцова, вставая. Mesdames, не угодно—ли?

И балконъ мгновенно опустѣлъ.

Генеральша обрадовалась случаю имѣть, наконецъ, возможность наблюдать. Случай былъ прекрасный: она никогда не слышала, чтобъ графъ игралъ на какомъ—либо инструментѣ, и внезапная услужливость съ его стороны, подала ей поводъ подумать, что тутъ что—нибудь да кроется. Быть можетъ, теперь она узнаетъ, какихъ мѣръ придерживаться.

Всѣ сѣли, ожидая съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ, какъ графъ выполнитъ ту роль, за которую взялся, ко всеобщему удивленію.

Штейнбургъ взялъ нѣсколько аккордовъ, падавшихъ болѣе на минѣры: потомъ, сдѣлавъ прелюдію своими тонкими, длинными пальцами, которые мгновенно забѣгали по клавишамъ, онъ поднялъ глаза на разложенныя передъ нимъ ноты; наконецъ, обратясь къ дѣвушкѣ, стоявшей подлѣ него и едва переводившей дыханіе, сказалъ:

— Eh bien, commencez maintenant.

Вѣра запѣла арію изъ Линда—ди—Шамуни. Голосъ ея, звучный и чрезвычайно обширный, переливался бѣгло въ самыхъ трудныхъ пассажахъ, но при всемъ томъ, былъ такъ выразителенъ, такъ полонъ души,

что всё, не исключая даже графа, думали, что видятъ передъ собою настоящую Линду. Мужчины захлопали въ ладоши, когда она кончила; впрочемъ, они не знали хорошенько, кому хлопать больше: ей, или графу, потому—что онъ также удивилъ ихъ своей блестящей игрою.

Генераль подошелъ къ нимъ, съ своими обычными восклицаніями, увѣряя, что никогда не слыхалъ ничего подобнаго.

— Mademoiselle Véra, прибавилъ онъ въ заключеніе: спойте арію изъ Монтекки. Графъ, я увѣренъ, не откажетъ вамъ аккомпанировать.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ Штейнбургъ.

Дѣвушка снова взглянула на генеральшу; она видѣла, что та давно уже косилась на нее.

— Но вѣдь это дуэтъ, сказала она, съ кѣмъ же я буду пѣть его?

— Если вамъ угодно, то я къ вашимъ услугамъ, сказалъ опять Штейнбургъ.

— Вотъ и прекрасно! вскричалъ генераль. Право, графъ, мы всеѣмъ не ожидали, что вы такой отличнѣйшій музыкантъ.

И придвинувъ себѣ стулъ, какъ можно ближе, онъ усѣлся около ройяля.

Вѣра, дрожа отъ страха и смущенія, разложила на пиюитрѣ переплетенную тетрадь, заключавшую въ себѣ всю оперу, и опершись рукою о боковникъ ройяля, какъ бы опасаясь упасть, съ замирающимъ сердцемъ, и все еще не вѣря тому, что она будетъ пѣть вмѣстѣ съ графомъ, приготовилась исполнять трудную роль Джульетты, когда та передаетъ Ромео разговоръ свой съ отцомъ, и увѣряетъ, что никогда не измѣнитъ ему.

Въ залѣ, царствовала мертвая тишина, все взоры были устремлены на нихъ.

Штейнбургъ началъ первый. Его чудный теноръ поразилъ рѣшительно всехъ, начиная съ Вѣры, которая едва могла вѣрить ушамъ своимъ.

Арія продолжалась довольно долго. Оба пѣли ее съ чувствомъ, съ такимъ увлеченіемъ, какого никто не ожидалъ, особенно отъ графа, который въ эту минуту совершенно измѣнился.

Взоръ его, обыкновенно холодный и задумчивый, сверкалъ необыкновеннымъ огнемъ, устремляясь безпрестанно на Вѣру: онъ былъ такъ краснорѣчивъ, такъ полонъ мольбы, что самъ Ромео не могъ бы передать его лучше. Дѣвушка, увлеченная его игрою, его взоромъ, его голосомъ, забывъ все на свѣтѣ, видѣла только его одного. Ей казалось, что она слышитъ Марію, котораго слышала одинъ только разъ, передъ отъѣздомъ на дачу, когда генеральшѣ вздумалось взять ее въ кон-

цертъ Дворянскаго Собранія. Графу казалось, что онъ снова въ Испаніи, и снова слышитъ примадонну Севильи; и оба глядѣли другъ на друга, пораженные удивленіемъ: оба понимали одинъ другого.

Глядя на нихъ, генеральша злобно улыбалась.

Когда они кончили, то рукоплесканіямъ не было конца.

— Вотъ серенада—то! говорилъ генераль. Клянусь честью, что я въ жизнь свою не слыхивалъ подобной! Что? каково? спрашивалъ онъ, подходя поочередно къ каждому изъ гостей.

Все хвалили и восхищались. Одна только генеральша не говорила ни слова: теперь она убѣдилась, что они нравились другъ другу. Надина скрылась изъ комнаты. Вѣру немедленно окружили со всехъ сторонъ, но она, ускользнувъ отъ щедро сыпавшихся комплиментовъ, робко подошла къ графу, чтобы поблагодарить его. Но графъ былъ теперь опять тотъже самый графъ, какъ и прежде, и потому, выслушавъ самымъ равнодушнымъ образомъ благодарность дѣвушки, онъ наклонилъ слегка голову, слазавъ:

— Remercier pour si peu, ça ne vaut pas la peine.

И въ продолженіе всего вечера, не подошелъ къ ней ни разу, за бивъ, повидимому, совершенно присутствіе ея, или какъ будто между ними ничего особеннаго не случилось. Генеральша не понимала, что все это значитъ, и опять—таки все заключенія ея остались ни при чемъ. Она рѣшительно сбилась съ толку. Чтожъ касается до Вѣры, то она была такъ счастлива вниманіемъ графа, что внутренно говорила себѣ, что слишкомъ вознаграждена за все, что она терпѣла тутъ, и что подобная эпоха для нея ужъ, конечно, не повторится. Но ей довольно было и одной; она дала себѣ слово помнить ее вѣчно. Графъ не похвалилъ ея, подобно прочимъ, не сказалъ ей ни одного одобрительнаго слова, но она знала, что онъ доволенъ.

Ей передали разговоръ о знаменитомъ букетѣ; она позавидовала счастливицѣ, которая получила его, однако тотчасъже упрекнула себя въ томъ: желать такъ много счастья вдругъ, она не смѣла; это означало бы неблагодарность. Часу въ девятомъ, пріѣхалъ Вольдемаръ.

— Скажите, пожалуйста, что случилось съ вами? сказала ему Зеленцова, когда онъ вошелъ. Васъ нынче совсѣмъ невидно.

— Виноватъ,—отвѣчалъ Вольдемаръ,—все эти дни я былъ очень занятъ.

— Это ваша всегдашняя болѣзнь,—замѣтилъ, смѣясь, Невѣгинъ.

Вольдемаръ подошелъ къ Вѣрѣ.

— *Bonsoir, ma belle pièce,* — сказалъ онъ, поцѣловавъ ея руку.

Вы также сердитесь на меня?

— Конечно, отвѣчала она, мило улыбувшись. Я должна побранить васъ, зато-что вы совсѣмъ меня забыли.

— Чтожъ! браните, сколько угодно: я съ тѣмъ и явился къ вамъ. Повертѣвшись нѣсколько минутъ въ кругу дамъ, онъ подалъ ей руку, и оба вышли въ садъ.

— Мавра Агаоновна поручила мнѣ сказать вамъ, началъ Вольдемаръ,—что отъ того такъ долго не была у васъ, что простудилась на свадьбѣ, и теперь не можетъ выѣхать.

— На какой свадьбѣ? спросила Вѣра.

— Незнаю. Вамъ, кажется, извѣстно,—отвѣчалъ Вольдемаръ,—что она привыкла справлять всѣ свадьбы Петербурга? Только она теперь въ совершенномъ отчаяніи, что не можетъ видѣть васъ.

— Боже мой! вскричала дѣвушка съ замѣтнымъ безпокойствомъ. Чтоже съ ней?

— Опаснаго ничего нѣтъ. Я былъ у нея сегодня утромъ; она довольно весела, только немного горло болитъ и, вообразите, разворчалась на меня, зато-что я двѣ недѣли не былъ у васъ, и требовала непременно, чтобъ я сегодня же загладилъ свою ошибку.

— А я имѣла предчувствіе, что вы будете, сказала Вѣра, остановившись, и приготовила ей записку. Вотъ, потрудитесь передать ей.

Она достала изъ кармана небольшое письмо, запечатанное голубою облаткой, и подала его офицеру.

— Не забудьте же, сказала она; если вы скоро не увидите ея, то перешлите съ кѣмъ-нибудь. О, я желала бы сама ее видѣть, сама увѣриться, что она не опасна, но прежде воскресенья, не могу это сдѣлать! прибавила грустно Вѣра. Никакъ не могу! Меня не пустятъ.

Изъ оконъ залы, было все видно. Гости смотрѣли съ любопытствомъ на дѣвушку, когда она шла съ Вольдемаромъ по аллеѣ; они видѣли, какъ оба, остановившись, разговаривали о чемъ-то очень живо, какъ Вѣра подала ему записку, которую онъ спряталъ за пуговицу сюртука, и, разумѣется, изъ всего этого вывели самыя оскорбительныя заключенія. Нѣкоторые изъ дамъ начали значительно перемигиваться; Невегинъ, *chargé d'affaires* и драгунъ, поспѣшно уѣхали, потому-что ревность овладѣла ими.

Графъ видѣлъ Вольдемара въ первый разъ; его также удивила короткость, которую онъ позволялъ себѣ въ отношеніи къ Вѣрѣ, и потому, онъ спросилъ своего сосѣда:

— *Qui est ce jeune homme?*

Генеральша услышала этотъ вопросъ и сочла его весьма благопріятнымъ, чтобъ отвѣтить слѣдующее:

— C'est un jeune homme, dont mademoiselle Véra s'intéresse beaucoup.

— Что ты, ma chère! замѣтилъ генераль, вовсе не понимавшій, зачѣмъ его супруга такъ нападала на обоихъ. Вѣдь Владиміръ Александрычъ дядя mademoiselle Вѣры, и единственный родственникъ, который замѣняетъ ей все семейство. Какъ же еѣ не интересоваться имъ?

М-ме Зеленцова бросила на мужа одичъ изъ тѣхъ взглядовъ, какіе обыкновенно бросала Атрѣпа на добрыхъ геніевъ, прилетѣвшихъ помѣшать ей прервать нить человѣческой жизни; но она тотчасъ же прикрыла его сладенькою улыбкой, и сказала двусмысленно, на какую-то фальшиво звучащую ноту:

— Я вѣдь пошутила. Впрочемъ, кѣмъ же и интересоваться, какъ не родственникомъ? Особенно, если онъ недуренъ собой!

Графъ понялъ, какъ нельзя лучше, чего добивалась генеральша. Она желала очернить Вѣру передъ всѣми, очернить, главное, передъ нимъ; но обмануть его было слишкомъ трудно. Онъ былъ слишкомъ опытенъ для этого, слишкомъ хорошо зналъ людей, и потому, вмѣсто того, чтобъ повѣрить м-ме Зеленцовой, онъ душевно жалѣлъ Вѣру, чистосердечную и беззащитную, которую такъ низко и несправедливо обвиняли.

— А жаль,—сказалъ генераль Вольдемару,—когда тотъ вернулся изъ сада, что вы не пріѣхали къ намъ пораньше. Вы много потеряли! У насъ была такая серенада, какой вы не слышали; хоть сейчасъ готовъ въ томъ пари держать.

Разъѣзжаться стали поздно.

На другой день, около вечера, Вѣра, растворивъ дверь своей комнаты, поражена была необыкновеннымъ благоуханіемъ, которое разливалось въ ней. Внѣ себя отъ удивленія, она переступила порогъ, и поспѣшно окинула ее бѣглымъ взглядомъ: огромный букетъ бѣлыхъ алоэ, баснословной величины, стоялъ на отворенномъ окнѣ, въ великолѣпной фарфоровой вазѣ, и гордо красуясь между бѣлыхъ кисейныхъ занавѣсовъ, казалось, манилъ къ себѣ дѣвушку. Вѣра ахнула такъ громко, что на крикъ ея прибѣжала горничная, и на вопросъ, кто принесъ сюда этотъ букетъ? — отвѣчала, что съ полчаса тому назадъ, какой-то господинъ привезъ его въ коляскѣ, вмѣстѣ съ вазой, упакованной въ ящикъ, которая и приказалъ поставить сюда.

Вѣра не спрашивала больше; она догадалась, кто прислалъ ей этотъ подарокъ.

ГЛАВА IX.

**ВЪ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ УВѢДИТСЯ, ЧТО ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ГЕНЕРАЛЬШИ
БЫЛИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ВЕСЬМА СПРАВЕДЛИВЫ.**

Прошло около мѣсяца. Во все это время, не случилось ничего особеннаго, достойнаго описанія, или подробнаго разсказа. Все шло тѣмъ же порядкомъ, безъ всякихъ измѣненій; только Надина, съ достопамятнаго вечера, замѣтно похудѣла, а розовыя щеки ея поблѣднѣли. Рѣдко выходила она изъ своей комнаты, подъ предлогомъ головной боли; выѣзжала также мало, ссылаясь на то, что всѣ эти выѣзды надоѣли ей; а подъ часъ даже случалось, что и прихварывала. Надина устала, наконецъ, бороться сама съ собою; она убѣдилась теперь, что никогда не будетъ нравиться человѣку, который съ перваго раза овладѣлъ ея сердцемъ, и пылкая натура ея не могла вынести этой мысли. Прежде еще, она старалась превозмочь себя; дѣлала все, что только отъ нея зависѣло, чтобъ только обратить на себя вниманіе графа; часто вмѣшивалась вдругъ въ общій разговоръ, старалась выказать ему всю колкость своего ума, а онъ слушалъ разсѣянно и холодно всѣ ея эпиграммы, которыми восхищались всѣ прочіе. Часто, собираясь ѣхать верхомъ, она садилась на лошадь прежде, и выбравъ себѣ самаго отважнаго кавалера, приглашала его, покаместъ другіе неготовы, пуститься съ ней въ перегонку по широкой дорогѣ, разстилавшейся передъ домомъ и унизанной бѣлыми столбиками. Всѣ выходили смотрѣть, на чьей сторонѣ останется побѣда; она, опустивъ поводья, пускала лошадь во весь опоръ, и изгибаясь на сѣдлѣ, неслась, подобно вихрю, неслась съ такою быстротою, что не разъ рисковала сломить себѣ шею, и ниодинъ изъ ѣздоковъ не могъ догнать ее,—и все это было для того, чтобъ заслужить похвалу или улыбку только одного человѣка, а онъ упорно молчалъ, какъ-будто бы это совершенно до него не касалось, между-тѣмъ какъ прочіе превозносили ее и разсыпались въ похвалахъ. Тогда, отчаянье овладѣло ею. Она видѣла, что все было напрасно, тѣмъ болѣе, что Штейнбургъ уже нѣсколько разъ поговаривалъ объ отъѣздѣ. Сначала, она обвиняла Вѣру, увѣряя, что она всему причиной, и что еслибъ ея небыло въ ихъ домѣ, то она непременно, съ помощью матери, сумѣла бы привлечь его на свою сторону. Генеральша также не разъ объ этомъ задумывалась. Она говорила, что еслибъ не Вѣра, то все шло бы какъ нельзя лучше; теперь, она была убѣждена, что эта дѣвочка была не-

избѣжною помѣхой въ ея предпріятіи; а букетъ бѣлыхъ алоэ, надѣлавшій много шума, еще болѣе утверждалъ это мнѣніе. Она выходила изъ себя отъ досады, что ея гувернантка удостоилась такого предпочтенія, и находила, что принять подобный букетъ отъ графа, съ ея стороны, было просто дерзостью, а что онъ очень могъ бы поднести его ея дочери, которая въ тысячу разъ и умнѣе, и милѣе, и знатнѣе. Мало ли что еще придумывала m-me Зеленцова, и какія сцены дѣлала за все это Вѣрѣ? Всѣ поступки дѣвушки старалась она истолковать въ худую сторону, и дала себѣ слово, что если графъ будетъ слишкомъ явно ухаживать за нею, такъ она, просто, безъ всякихъ затѣй, отпуститъ ее, а на ея мѣсто возьметъ постарше и похуже, чтобы впредь подобныхъ нелѣпостей не случалось. Но, къ крайнему ея изумленію, вмѣсто того, чтобы бывать у нихъ по прежнему или еще чаще, какъ она ожидала, графъ почти прекратилъ свои визиты, и въ продолженіе мѣсяца, былъ всего раза два, да и то на такое короткое время, что Вѣра не видала его, и даже не имѣла возможности поблагодарить за букетъ. А онъ, и не вспомнилъ объ ней, но только объявилъ, что скоро отправляется къ себѣ, потому-что графиня соскучилась безъ него. Генеральша снова принуждена была сознаться побѣжденною, и заключить изъ всего этого, что онъ и не думалъ заниматься Вѣрой серьезно, а что концертъ его съ ней и букетъ были одинъ изъ тѣхъ капризовъ, которые такъ быстро смѣняются у него одни за другими, безъ всякой цѣли, просто по привычкѣ къ странностямъ.

Но все-таки она досадовала, что онъ оставляетъ ихъ; досадовала, потому что теряла теперь всякую надежду имѣть возможность привести въ исполненіе планъ свой когда-либо; Надинѣ было уже двадцать лѣтъ, надо было поторопиться выдать ее замужъ, — а вѣдь очень могло быть, что графъ никогда не вернется къ нимъ. Узнавъ эту вѣсть, Надина поплакала тихомолкомъ, негодуя на то, что ей не удалось расположить его въ свою пользу. Впрочемъ, она знала, что это была вещь невозможная, потому-что не разъ слышала, что ниодна женщина не могла похвалиться тѣмъ, что внушила ему истинныя чувства; онъ никого не любилъ еще. Стало быть, не она была первая, не она послѣдняя, которая напрасно истощала слезы свои, и это, хотя немного, утѣшало ее. Люди такіе эгоисты, что радуются, когда другіе страдаютъ, подобно имъ.

Чтожъ касается до Вѣры, то бѣдняжка жалѣла его больше всѣхъ; она ужасалась мысли, что, быть можетъ, никогда уже не увидитъ его; но несмотря на то, нираза еще обличительная слезинка не выступила на рѣсницѣ ея, потому-что Вѣра научилась тутъ скрывать и горе и радость, и знала, какъ нельзя лучше, что излишняя чувствительность ни

къ чему не послужить, но что, напротивъ, если ее замѣтять, то она подастъ поводъ къ насмѣшкамъ, да еще кромѣ того, не избѣгнетъ разныхъ колкостей со стороны генеральши и Надины. Вѣра ужасалась тому вліянію, которое произвелъ на душу ея этотъ загадочный графъ, который нираза не сказалъ ей ласковаго слова. Она старалась увѣрить себя, что не должна и не имѣетъ никакого права жалѣть о его будущемъ отсутствіи, — не должна, потому—что огромное разстояніе отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга, и что ей, бѣдной гувернанткѣ, было бы смѣшно и непростительно имѣть какую-нибудь надежду на расположеніе человѣка, который могъ выбирать себѣ жену изъ самыхъ знатныхъ фамилій, и что никто, кромѣ ихъ, не достоинъ былъ носить его имя. Но напрасно твердила она себѣ все эти причины, напрасно призывала на помощь свое всегдашнее мужество; на этотъ разъ, оно рѣшительно отказывалась служить ей: разумокъ твердилъ одно, а сердце другое, и вмѣсто того, чтобъ принудить себя забыть его, онъ, напротивъ, не выходилъ у нея изъ мыслей. Образъ графа былъ съ нею безотлучно, всегда и вездѣ; она считала себя счастливѣе всѣхъ, когда могла взглянуть на него, хоть мелькомъ. Букетъ алоэ стоялъ въ ея комнатѣ до тѣхъ поръ, пока не увялъ совершенно, и все листья его не обсыпались. Но Вѣра не тужила объ этомъ несчастіи: еще прежде, она отрѣзала одинъ бѣлый цвѣтокъ, давъ себѣ слово не разставаться съ нимъ, и онъ былъ тщательно спрятанъ въ завѣтную шкатулку ея, куда не проникалъ ниодинъ глазъ посторонняго, а фарфоровая ваза всегда была наполнена свѣжими цвѣтами. Слѣдовательно, у нея оставалось два талисмана, которые напоминали ей о графѣ, и потому, она не могла роптать на судьбу свою.

Наступилъ день именинъ генеральши (которую звали Натальей). Это было двадцать шестаго августа, и по случаю торжественнаго событія, за обѣдомъ, должна была играть кавалергардская музыка, а вечеромъ, продолжаться въ саду, гдѣ приготовлялась великолѣпная иллюминація, съ гирляндами, вензелями и яхтами, изукрашенными разноцвѣтными флагами и китайскими фонарями, а въ заключеніе, блистательный фейерверкъ съ бенгальскими огнями. Всѣмъ этимъ взялся дирижировать драгунъ, изумительно—находчивый во всѣхъ случаяхъ. Утро тянулось долго; m-me Зеленцова принимала поздравленія у себя въ кабинетѣ, одѣтая въ батистовый, вышитый пеньюаръ, на блѣдно—лиловомъ шелковомъ подбоѣ. Волосы ея еще не были причесаны, но держались спереди на золотыхъ шпилькахъ, а затылокъ прикрывалъ воздушный чепецъ изъ блондоваго тюля и розовыхъ газовыхъ лентъ. Дѣти сказали ей стихи, Надина поднесла пейзажъ собственнаго произведенія, рисованный

масляными красками, а Вѣра вышитую подушку; мужъ подарилъ ей мантилью изъ Лионскаго магазина. Генеральша была необыкновенно въ духѣ, и даже, когда Вѣра вошла къ ней съ своимъ подаркомъ, то она приняла его очень благосклонно, и, сверхъ всякаго ожиданія послѣдней, отпустила ее безъ обычныхъ наставленій, а только просила *принять на себя трудъ*, распорядиться насчетъ десерта и послать заблаговременно въ городъ, сказать Излеру, чтобъ мороженое, заказанное еще наканунѣ, было доставлено къ девяти часамъ.

Надинѣ не хотѣлось явиться въ этой шумной толпѣ: ей не такъ здоровилось, и кромѣ того, у нея было свое горе, которое она желала скрыть отъ всѣхъ и боялась, чтобъ его не замѣтили. Ей казалось труднымъ владѣть собою въ продолженіе цѣлаго дня, когда столько любопытныхъ глазъ будутъ окружать ее со всѣхъ сторонъ; но она должна была превозмочь себя. Во-первыхъ, мать не позволила бы ей остаться въ своей комнатѣ, а во-вторыхъ, это былъ день, въ который графъ долженъ былъ явиться къ нимъ въ послѣдній разъ, потому-что двадцать седьмого оставлялъ Россію. И такъ, она одѣлась со всевозможной изысканностью, какъ вообще всѣ женщины, которыя, не надѣясь уже ни на что, все-таки не покидаютъ врожденнаго кокетства, и убрала со вкусомъ свои черные волосы, которые рѣзко орамляли теперь ея блѣдное лицо. Надина знала, что она хороша собой, конечно не такъ, какъ Вѣра, но все-таки нравилась многимъ; и потому, дала себѣ слово кольнуть самолюбіе графа, оставивъ его, для послѣдняго раза, въ свою очередь незамѣченнымъ, и доказать ему на дѣлѣ, что не всѣ такъ скупы до нея, какъ онъ, и что ей стоитъ только захотѣть, и тѣ, кого она удостоитъ своего взгляда, сочтутъ это за величайшую милость.

Вѣра была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, тонкомъ и прозрачномъ, и въ широкомъ, голубомъ поясѣ, который туго перетягивалъ ея длинную, стройную талію. Она была такъ хороша въ этомъ простомъ нарядѣ, что когда Надина увидѣла ее въ немъ, то отъ зависти и досады, до крови укусила себѣ губы.

Обѣдъ продолжался долго; сѣли въ четыре часа, встали въ шесть. Шампанское лилось рѣкой, — пробки то-и-дѣло шелкали къ верху. Графъ пріѣхалъ вечеромъ, когда комнаты были уже ярко освѣщены, не смотря на то, что на улицѣ было еще довольно свѣтло, и когда всѣ гости сидѣли на большой, окруженной цвѣтами площадкѣ, передъ которой играла музыка, расположенная на гладкомъ зеленомъ лугу.

— Скажите, м-г де Штейнбургъ, неужели правда, что вы завтра измѣняете намъ? спросила генеральша, послѣ первыхъ привѣтствій.

Графъ сдѣлалъ утвердительный знакъ, наклонивъ слегка голову.

— И надолго?

— Ma foi, madame, это такой вопросъ, котораго я хорошенько самъ еще не задавалъ себѣ.

— Чтожъ! Задайте его сейчасъ, — сказала, улыбнувшись, какая-то посланница. Случай прекрасный, потому-что вы удовлетворите, по крайней мѣрѣ, нашему любопытству.

— Не могу, — отвѣчалъ Штейнбургъ; — вы требуете невозможнаго.

— Отчего-же?

— Оттого-что я самъ еще не знаю, какой оборотъ приметъ то дѣло, по которому я ѣду.

— А, такъ вы ѣдете по дѣлу?!

— Да, по дѣлу, — отвѣчалъ графъ разсѣянно, и произнесъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ это слово.

— Вы, по дѣлу! вскричали всѣ въ одинъ голосъ. Полноте, графъ, вы шутите!

— Напротивъ. Увѣряю, что я никогда не говорилъ такъ серьезно, какъ теперь.

— Неужели! Въ такомъ случаѣ, нельзя-ли узнать, какое событіе заставляеть васъ совершить подобный подвигъ? спросила баронесса де-Ружнонь.

Графъ улыбулся.

— Повѣрьте мнѣ, — сказалъ онъ, — что еслибъ оно могло интересовать кого-нибудь, то я съ удовольствіемъ предупредилъ-бы ваше желаніе; но такъ какъ оно слишкомъ неинтересно для васъ, то, право, не стоитъ слушать его.

Потомъ, вдругъ обратившись къ генеральшѣ, онъ прибавилъ, указывая взоромъ на пестрыя куртины:

— Видно, что осень приближается: далій въ полномъ блескѣ.

— Неправда-ли, какъ онѣ хороши? сказала Зеленцова, обрадовавшись случаю похвастать.

— Удивительно хороши! подхватилъ драгунъ, также обрадовавшійся, что можетъ превозносить что-нибудь. И какое множество сортовъ!

— Я не люблю далій, — сказалъ Штейнбургъ. Это самый обманчивый цвѣтокъ: въ глаза бросается, а запаха нѣтъ!

Эти слова подали поводъ къ тому, что разговоръ, какъ водится, зашелъ о букетѣ. Всѣ принялись спрашивать, откуда досталъ онъ этотъ необыкновенный букетъ, потому-что у насъ, алоэ величайшая рѣдкость.

— Признаться, мы немало удивились величинѣ его, — сказалъ генераль. Я думаю, графъ, что вы употребили на него порядочный

капиталець. Вообразите, — продолжалъ онъ, обращаясь къ гостямъ, — что для того, чтобъ внести его въ комнату, надо было растворить обѣ половинки двери! А ваза, въ которую его поставили, могла-бы служить украшеніемъ любому саду!

— Скажите, пожалуйста! Какъ жаль, что мы не успѣли посмотреть такое чудо! сказали нѣкоторыя изъ дамъ, съ замѣтнымъ сожалѣніемъ.

— Удивительно! непостижимо! восклицалъ драгунъ.

— Я думаю, вамъ стоило немалыхъ трудовъ завоевать его, — сказалъ Невегинъ, обращаясь къ графу.

— Да, отвѣчалъ Штейнбургъ, слушавшій хладнокровно всѣ эти щедрыя восклицанія, которыя продолжали сыпаться со всѣхъ сторонъ. Мой камердинеръ объѣздилъ всѣ оранжереи Елагина и Каменнаго острова, потому-что досталъ, въ каждой изъ нихъ, только по нѣсколь-ку цвѣтковъ. Такъ что букетъ составлялся цѣлый день, и я могъ доставить его не раньше вечера. Впрочемъ, это очень натурально: алоэ цвѣтетъ въ сто лѣтъ одинъ только разъ, а бѣлый величайшая рѣдкость.

Надина, во все это время, не вклеила ниодного слова въ общій разговоръ; она преспокойно кокетничала, въ кругу мужчинъ.

Немного погодя, вошла Вѣра. Увидя Штейнбурга, она слегка покраснѣла, и когда онъ всталъ передъ нею, чтобъ отдать ей нѣмой поклонъ ей, она съ замѣшательствомъ потупила глаза; потомъ, отошедъ отъ него, сѣла на ту сторону, гдѣ нѣсколько молоденькихъ дѣвицъ разсуждали о чемъ-то по-французски.

Когда стали разносить фрукты, графъ незамѣтно подошелъ къ музыкантамъ и сказалъ что-то на ухо главному изъ нихъ. Послѣ чего, вернувшись на свое мѣсто, онъ сталъ спокойно глядѣть, какъ зажигали иллюминацію. Черезъ нѣсколько минутъ, садъ освѣтился тысячами огней: между деревьями, ярко заблестали гирлянды разноцвѣтныхъ фонарей, безконечно тянувшихся между темной зелени деревьевъ, вѣтви которыхъ, тихо покачиваясь и потомъ переходя снова къ прежней неподвижности, походили теперь, безспорно, на волшебныя декораціи Роллера.

Въ саду, мгновенно сдѣлалось такъ свѣтло, что казалось, еслибъ солнце вздумало взойти теперь, солнце, передъ которымъ, конечно, померкъ-бы свѣтъ безчисленныхъ фонарей, то оно все-таки не произвело-бы здѣсь своего обычнаго эффекта. Оркестръ заигралъ арію изъ оперы Монтеки. Вѣра, которая сидѣла противъ графа, невольно подняла на него глаза свои, но опять тотчасъ-же опустила ихъ, потому-что пронизательный взоръ его былъ устремленъ прямо на нее. Дѣвуш-

ка вспомнила тотъ вечеръ, незабвенный, единственный въ ея жизни, когда оба они пѣли эту арію вмѣстѣ, тотъ вечеръ, когда холодный, насмѣшливый Штейнбургъ, казалось, такъ глубоко понялъ Ромео. И этотъ мигъ прошелъ для нея невозвратно, какъ проходятъ въ здѣшнемъ мірѣ все наши утѣхи, все задушевныя воспоминанія, которыя согревають душу на одну только минуту, и потомъ исчезаютъ навсегда.

Графъ досталъ изъ бокового кармана портъ-сигаръ, и вынувъ изъ него папирску, обратился къ генеральшѣ:

— Vous permettez, madame? спросилъ онъ, приготовляясь зажечь ее.

— Comment done! Je vous en prie, отвѣчала Зеленцова.

Онъ закурилъ папирску, и отбросивъ восковую спичку, закрылъ портъ-сигаръ свой, приготовляясь спрятать его. Занятый такимъ образомъ, онъ не обращалъ вниманія на Вѣру, которая могла теперь удобно смотрѣть на него; но увидя дамскій портретъ въ рукахъ его, искусно вдѣланный въ фіолетовой, сафьянной крышкѣ, она поблѣднѣла и, прислонясь поспѣшно къ спинкѣ стула, снова потушила черныя глаза свои, какъ-бы опасаясь, чтобъ они не обличили ея. Но графъ замѣтилъ ея движеніе. Онъ подошелъ къ ней, и протягивая портъ-сигаръ своей, какъ будто — бы желая, чтобъ она любовалась имъ, сказалъ хладнокровно:

— C'est le portrait de ma mère. Угодно вамъ посмотрѣть его?

Вѣра взяла портъ-сигаръ своими дрожащими пальцами, и нѣсколько минутъ, не спускала съ него глазъ. На лицѣ ея, снова показалась улыбка.

— Правится онъ вамъ? спросилъ графъ, любуясь восхищеніемъ дѣвушки.

— Очень, — отвѣчала она. Какія прекрасныя черты, какая чудная живопись! Я увѣрена, что отличный живописецъ писалъ этотъ портретъ. Но вѣдь онъ ужасно похожъ на васъ! вскричала наивно Вѣра; только зѣсь волосы бѣлокुरые, а у васъ темно-каштановые!

Потомъ, вдругъ испугавшись своей опрометчивости и неосторожности, съ какою выразила такъ громко и при всѣхъ ту мысль, которую она-салась повѣрять даже самой себѣ, она, поникнувъ головкой, чтобы скрыть смущеніе, и все еще продолжая смотрѣть на миниатюру, сказала почти шопотомъ:

— Неужели ваша матушка въ самомъ дѣлѣ такъ прекрасна?

Штейнбургъ усмѣхнулся.

— Обыкновенно живописцы имѣютъ привычку льстить портретамъ, которые имъ заказываютъ, сказалъ онъ. Но этотъ, противъ всякаго

ожиданія, вышелъ довольно близко къ подлиннику, и доказательствомъ служить то, что онъ всегда и вездѣ со мною. Словомъ, прибавилъ графъ тѣмъ насмѣшливымъ тономъ, который такъ шелъ къ нему, — если судьба приведетъ васъ когда-нибудь въ Штейнбургъ, то надѣюсь, что вы не откажетесь посѣтить портретную залу мою, въ которой собраны изображенія всѣхъ моихъ предковъ. Тогда вы можете убѣдиться собственными глазами, что всѣ члены этой фамиліи, въ особенности женщины, отличались необыкновенною красотой.

Всѣ засмѣялись острогѣ графа.

Надина, раздраженная до крайности его невниманіемъ къ себѣ, едва могла умѣрять душившее ее негодованіе. Она весь вечеръ мучилась, Богъ знаетъ какъ, призывая на помощь все свое кокетство и истощивъ уже весь запасъ своихъ блестящихъ фразъ; а онъ не только не замѣтилъ ихъ, но даже, къ довершенію ея отчаянія, вдругъ вздумалъ любезничать съ Вѣрой. О, какъ она ненавидѣла ее, какъ она желала имѣть возможность отмстить ей за все зло, которое она причиняла ей!

Вѣра слушала графа печально: бѣдняжка приняла шутку его за одну изъ тѣхъ сатиръ, которыми онъ такъ часто надѣлялъ всѣхъ, безъ разбора, и говорила, что съ его стороны было жестоко такъ издѣваться надъ нею. Онъ зналъ, что при теперешнемъ ея положеніи, она не могла и думать ѣхать куда либо, зналъ, какъ она желала видѣть иную страну, особенно поэтическую Германію, столь справедливо воспѣтую поэтами, и не преминулъ посмѣяться надъ нею.

Вѣра вздохнула, и отдала ему *porte-cigares* который началъ переходить изъ рукъ въ руки. Каждый любопытствовалъ видѣть портретъ матери графа, и удостовѣриться, справедливо-ли то сужденіе, которое сдѣлала о немъ Вѣра.

Время летѣло быстро. Вечеръ былъ теплый; сильный ароматъ розъ и душистаго горошка наполнялъ воздухъ утонченнымъ благоуханіемъ, и казалось, ласкалъ обоняніе присутствующихъ; луна разгуливала по небу, прячась безпрестанно за золотистыя облака, и ясный ликъ ея, задернутый тучею на одно только мгновенье, снова показывался на голубой высотѣ, выглядывая лукаво изъ своей засады; на гладкой водѣ пруда, гордо высились четыре яхты, освѣщенные бенгальскими огнями, и къ бѣлой мачтѣ ихъ былъ весьма затѣйливо прикрѣпленъ вензель генеральши, готическій Н, изъ всевозможной зелени, перемѣшанной съ фольгою; пестрыя цѣпи фонарей, тянувшихся арабесками по всѣмъ направленіямъ, богатые наряды дамъ, отличавшіеся вкусомъ и щеголеватостью, и кавалергардская музыка, не перестававшая гремѣть, все это вмѣстѣ со-

ставляло видъ въ полномъ смыслѣ великолѣпный, видъ, которымъ не пренебрегъ бы ниодинъ артистъ, ниодинъ художникъ.

Вѣра, которая въ другое время восхищалась бы подобною картиной, Вѣра глядѣла на нее машинально, безъ того нѣмаго и наивнаго восторга, который обнаруживался обыкновенно во всѣхъ ея поступкахъ и движеніяхъ. Она часто уходила въ комнаты, гдѣ присутствіе ея было необходимо, и когда, окончивъ тамъ распоряженія свои, она возвращалась на свое мѣсто, то всѣ ея мысли сосредоточивались на одной истинѣ, грустной, но дѣйствительной истинѣ, которая неумолимо твердила ей, что тотъ, которому принадлежали исключительно всѣ ея думы, который, самъ того не зная, былъ идоломъ ея жизни, завтра будетъ уже далеко, быть можетъ, никогда не вернется сюда, и, что еще ужаснѣе, никогда не вспомнитъ, что былъ когда-то на дальнемъ сѣверѣ; никогда не пойметъ, что оставилъ тамъ сердце, которое билось только для него, сердце преданное и любящее, которое, увы! онъ не удостоилъ замѣтить.

Вѣра не видѣла никого и ничего: передъ нею былъ одинъ только Штейнбургъ, благородный, прекрасный, но, къ сожалѣнію, закоренѣлый эгоистъ, давно уже разочарованный для каждаго.

Генеральша предложила гостямъ обойти раза два вокругъ обширнаго луга, окружавшаго прудъ, пока начнется фейерверкъ. Всѣ, конечно, согласились съ удовольствіемъ, вѣлѣствіе чего нѣкоторыя изъ дамъ вытребовали свои бурнусы, потому-что сырость начинала уже подниматься, и легкимъ туманомъ разстилалась надъ водою. Какой-то старикъ князь подаль руку хозяйкѣ; всѣ прочіе послѣдовали его примѣру, и шумная толпа пошла медленно, парами, по широкой аллеѣ, усаженной съ одной стороны густыми липами, съ другой окаймленной зеленымъ ковромъ дерна.

Вѣры тутъ небыло. Немного погодя, она показалась на балконѣ. На плечахъ ея, была голубая шелковая мантилья, съ бѣлымъ отливомъ, и съ мѣшкомъ, накинутымъ на голову. Дѣвушка шла задумчиво; длинныя рѣсницы ея были опущены; она стала тихо спускаться со ступеней.

— Vite, mademoiselle! On vous attend, сказалъ чей-то голосъ, и кто-то подаль ей руку.

Вѣра вздрогнула. Это былъ голосъ графа, рука графа, въ палевой перчаткѣ и надушенная ирю. Она остановилась передъ нимъ съ недоумѣніемъ, и не довѣряя слуху своему, подняла на него вопросительно свои черные глаза, выражавшіе удивленіе, радость и сомнѣніе.

Наконецъ-то, онъ вспомнилъ объ ней! Наконецъ, дождалась она этой милости, о которой не смѣла даже мечтать, и все еще сомнѣваясь въ своемъ счастьи, она не трогалась съ мѣста.

— Угодно вамъ идти со мной? повторилъ опять Штейнбургъ. Въ такомъ случаѣ, поспѣшите. *Il ne faut pas se faire attendre!*

Въ голосѣ его, было, что-то повелительное; онъ быстро взялъ руку дѣвушки и положивъ ее на свою, поспѣшно пошелъ съ нею по направлению, гдѣ виднѣлись отдалившіяся пары, освѣщенные, точно заревомъ, фантастическимъ свѣтомъ краснаго бенгальскаго огня.

Вѣра повиновалась, какъ дитя, не понимая хорошенько, что съ нею происходитъ?

Графъ чувствовалъ, какъ рука ея дрожала.

— Опирайтесь крѣпче на мою руку, сказалъ онъ. Напрасно вы не надѣли чего-нибудь потеплѣе; вечерній воздухъ негодится вамъ.

— Мнѣ не холодно, — отвѣчала Вѣра простодушно. Я не привыкла кутаться.

Штейнбургъ не отвѣчалъ. Онъ продолжалъ идти довольно быстро, не догоняя однако прочихъ, и по временамъ умѣряя шаги свои. Его всегдашняя беззаботность и изрѣдка проглядывавшая скука, господствовали попеременно на правильномъ лицѣ его, которое, какъ показалось дѣвушкѣ, было блѣднѣе обыкновеннаго. Но она не думала теперь ни о чемъ, не замѣчала ничего: она шла возлѣ графа, опиралась на его руку, слышала его тихое, ровное дыханіе, полное спокойствія и безмятежности, а онъ говорилъ съ нею ласково и заботливо, какъ не говорилъ еще ни съ кѣмъ. Вѣра была въ упоеніи. Она забыла, что она на землѣ; ей казалось, что здѣсь не можетъ быть такихъ минутъ, которыя такъ легко заставляютъ забыть все претерпѣнное, которыя въ одинъ мигъ искупаютъ самыя жестокия страданія.

— Видно, что васъ приучили ко всему, это большое счастье, сказалъ графъ, послѣ продолжительнаго молчанія. Иначе, вы не могли бы переносить всего, что вы переносите.

— Переносить! повторила Вѣра, гордо поднявъ головку свою. О, вы ошибаетесь! Я никогда ничего не переносила. Въ монастырѣ, напротивъ, я была совершенно счастлива. Тамъ было насъ много, и всѣ мы любили одна другую, всѣ до сихъ поръ еще воспоминаемъ съ удовольствіемъ о лучшихъ дняхъ нашего дѣтства. Всѣ мы были счастливы, потому-что жили въ согласіи; всѣ, кого я знала тамъ, были добры и справедливы, и никогда ненависть или зависть, что здѣсь встрѣчается

на каждомъ шагу, не нарушали нашего спокойствія. Тамъ, насъ приучали быть добрыми и покорными, приучали уважать и слушать высшихъ насъ, приучали къ строгой, регулярной жизни, которая надѣлила насъ тѣмъ цвѣтущимъ здоровьемъ, лучшее наследство, которое каждая изъ насъ уносить оттуда, и пользуется имъ долго, до конца жизни. Развѣ все это значить переносить что-нибудь? О, нѣтъ! Напротивъ, это значить, что нигдѣ не можетъ быть такъ хорошо, какъ тамъ, и еслибъ только было возможно, я желала бы вернуться къ тому счастливому времени! Еслибъ нашелся кто-нибудь, кто-бы отвезъ меня туда обратно, увѣряю васъ, что оставя все, я возвратилась бы туда съ наслажденіемъ!

Слеза скатилась съ темной рѣсницы дѣвушки, которая невольно, сама того не зная, высказала все, что у нея лежало на сердцѣ.

Графъ давно уже зналъ, какъ она несчастлива въ этомъ домѣ; ему именно хотѣлось довести ее до этого признанія, и, главное, внушить ей довѣренность къ себѣ. Онъ часто думалъ о ней въ свои досужные часы, которыхъ было у него много, и не разъ досадовалъ на ту необходимость, которая заставляла ее жить тутъ. Онъ удивлялся ея ангельскому характеру, полному душевной тревоги, но изумительно покорному; ему нравилась въ ней эта милая откровенность, которая въ нашемъ вѣкѣ встрѣчается рѣдко, потому-что въ свѣтѣ все холодно, все напыщенно.

Штейнбургъ снялъ перчатку, и положивъ руку свою на горячую руку дѣвушки, вперивъ въ нее темно-голубые глаза свои, какъ бы желая прочесть въ глубинѣ души ея, сказалъ тѣмъ ласковымъ тономъ, который она слышала давно уже, когда увидѣла его въ первый разъ, въ китайской бесѣдкѣ:

— Mademoiselle Véga! Я долго слѣдилъ за вами, я убѣдился, что ваше мѣсто не здѣсь!

Вѣра дрожала, какъ въ лихорадкѣ: онъ назвалъ ее по имени, онъ принималъ въ ней участіе. Она не могла выдержать этого огненнаго взора, онъ жѣгъ ее.

— Графъ! вскричала она, стараясь высвободить руку свою, и указывая на летѣвшую ракету, которая съ трескомъ разсыпалась надъ водою. Графъ! смотрите: вѣдь это сигналъ! Намъ надо поторопиться догнать ихъ, чтобы возвратиться вмѣстѣ съ ними на мѣсто.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Штейнбургъ. Время передъ нами, мы успѣемъ еще догнать ихъ. Mademoiselle Véga, продолжалъ онъ, не переставая смотрѣть на нее, отчего вы не скажете роднымъ вашимъ,

что вамъ здѣсь нехорошо? Отчего вы не требуете отъ нихъ, чтобъ они лучше позаботились о васъ!

— Я не могу это сдѣлать, отвѣчала дѣвушка, съ грустью. У меня нѣтъ родныхъ, обо мнѣ некому заботиться. М-г Вольдемаръ мнѣ дальняя родня, отъ него я не имѣю права требовать.

Графъ задумался, опустилъ ея руку, и нѣсколько минутъ хранилъ глубокое молчаніе. Видно было, что какая-то внезапная идея занимала воображеніе его.

— Всякій, кто любитъ васъ, сказалъ онъ, а васъ должны любить многіе, потому-что вы добры и прекрасны, могъ бы принять въ васъ участіе. Но нынче не тѣ уже времена; каждый думаетъ о себѣ, а до другихъ кому есть дѣло?—прибавилъ онъ, съ тою горькою усмѣшкой, которая у него такъ много выражала. Каждый думаетъ только о томъ, какъ бы ему было лучше, а *состраданіе* и *участіе*, это два слова, которыя нынче непонятны для каждаго, которыя давно пора выключить изъ лексикона, потому-что они ни къ чему не служатъ. Быть можетъ, вамъ покажется, что я сужу слишкомъ строго, или нападаю на людей, какъ то утверждаютъ многіе; но нѣтъ, я только справедливъ, я вижу человѣка насквозь, я изучилъ его натуру, какъ свою собственную.

— О, сказала Вѣра, вы, который лучше ихъ, вы должны быть снисходительны.

Потомъ, увлеченная благородствомъ собственныхъ правилъ, она прибавила недовѣрчиво:

— Нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ люди были въ самомъ дѣлѣ такъ дурны. Графъ, простите меня, но ... я не вѣрю вамъ.

— Это отъ васъ зависитъ, отвѣчалъ холодно Штейнбургъ. Только позвольте мнѣ сказать вамъ, что я видѣлъ столько примѣровъ ихъ неблагодарности передъ глазами своими, до того убѣдился въ ихъ корысти и тщеславіи, что имѣю полное право осуждать ихъ. Я былъ столько разъ обманутъ, что сталъ недовѣрчивъ и задорливъ; я имѣлъ много друзей, которые всячески угождали мнѣ, но ниодного истиннаго, когда эту дружбу приходилось доказать на дѣлѣ. Я много дѣлалъ добра, за которое мнѣ старались вредить; я рано узналъ, что тѣ, которые и оказывали мнѣ расположеніе, любили не меня, но богатство мое, такъ что при столькихъ открытіяхъ вдругъ, мнѣ все надоѣло, и я далъ себѣ слово не отставать отъ людей, не избѣгать ихъ, но платить имъ за все это презрѣніемъ и равнодушіемъ. И вы говорите еще, что я несправедливъ? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, вы не вѣрите мнѣ?

И постепенно воодушевляясь, онъ съ какимъ-то упорствомъ произ-

несъ послѣднія слова, съ упорствомъ, выразившимъ горькое сознание минувшей дѣйствительности.

— Вѣрю, — отвѣчала дѣвушка, вѣрю, и жалѣю васъ.

Графъ остановился, и вперивъ въ нее испытующій взглядъ, сказалъ:

— Благодарю. Я также вѣрю, что вы жалѣете меня, но ... мнѣ этого мало.

Взлетѣвшая къверху ракета снова прервала слова его.

— Графъ, я прошу васъ, пойдете скорѣе. Еще одна ракета, и фейерверкъ начнется.

— Вы боитесь опоздать, mademoiselle Véra? будьте увѣрены, что опасенія ваши напрасны. Взгляните, есть-ли какая нибудь возможность опоздать намъ?

И онъ указалъ ей на толпу, которая, приближаясь къ дому, снова обогнула мимо балкона въ противоположную сторону, разговаривая между собою?

— Вы говорите, что жалѣете меня? продолжалъ Штейнбургъ, идя съ нею снова по гладкой аллеѣ, усыпанной краснымъ пескомъ. Вы можете досказать мнѣ это.

Вѣра слушала его, съ возрастающимъ удивленіемъ; она начинала наконецъ сомнѣваться, грезить ли она, или видитъ и слышитъ все это на-яву?

— Еслибъ кто другой осмѣлился сказать мнѣ, что жалѣетъ меня, я попросилъ бы его не тратить напраснаго труда, я растопталъ бы его сожалѣніе, потому-что оно было бы не что иное, какъ ложь и обманъ. Но васъ, за это благодѣтельное слово, я буду помнить всегда; я увѣренъ, я знаю, что нашелъ въ васъ сочувствіе.

Онъ взялъ обѣими руками ея руку и вематриваясь пристально въ ея унылое личико, спросилъ тихо:

— Вы знаете, что я уѣзжаю завтра?

Глаза дѣвушки были влажны. Она сдѣлала утвердительный знакъ головой. Ей хотѣлось спросить его, зачѣмъ онъ уѣзжаетъ, но у нея нехватило духа на то.

— Я остался бы здѣсь, еслибъ обстоятельства не заставили меня отлучиться отсюда, сказалъ графъ, предугадывая ея мысль. Я долженъ ѣхать непременно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Вѣра испугалась, что онъ такъ хорошо понялъ ее, и легкая краска показалась на щекахъ ея. Ей хотѣлось узнать, вернется ли онъ сюда когда-нибудь? онъ и тутъ предупредилъ ее.

— Быть можетъ, я возвращусь скоро, быть можетъ, не возвращусь никогда, сказалъ Штейнбургъ медленно и съ продолжительной раз-

становкой на каждомъ слогѣ. Все зависитъ отъ случая. Но вы, которая жалѣете меня, которая вѣрите всему, что я говорилъ вамъ, могу ли я надѣяться, что вспомните обо мнѣ когда-нибудь?

Дѣвушка молчала. Она шла въ изнеможеніи, опираясь все сильнѣе на его руку: вѣки ея были опущены.

— Mademoiselle Véga, взгляните жъ на меня. Если я огорчилъ васъ, то простите мнѣ! говорилъ Штейнбургъ, не переставая глядѣть на нее, и наклонившись такъ близко, что темные волосы его коснулись волосъ дѣвушки.

Вѣра подняла на него свои большіе, блестящіе черные глаза: слезы медленно катились изъ нихъ, и одна за другою капали на мантилью.

— О, я знаю, что вы не забудете меня! Я знаю, что ваша чистая, свѣтлая душа не въ состояніи противорѣчить вашему взору! вскричалъ графъ, покрывая поцѣлуями ея руку.

Потомъ, подумавъ, онъ прибавилъ :

— Но знаете ли вы, что я ужасно капризенъ и взыскателевъ? И потому, повторяю вамъ, что если вы хотите успокоить меня совершенно, и доказать, что исполните мою просьбу, то общайте мнѣ, что никогда ничья рука не прикоснется къ вашей, и ничьи губы не напечатлѣютъ поцѣлуя на томъ мѣстѣ, гдѣ напечатлѣли мои; словомъ, что лѣвая рука ваша не будетъ существовать ни для кого, такъ что при каждомъ взглядѣ на нее, вы невольно скажете себѣ, что графъ фонъ-Штейнбургъ цѣловалъ ее послѣдній, и такимъ образомъ, часто будете думать обо мнѣ.

И, затаивъ дыханіе, онъ ожидалъ ея отвѣта.

Вѣра, смущенная и встревоженная, вовсе не подозрѣвавшая подобной развязки, въ первую минуту, не нашлась, что отвѣчать ему. Этотъ человѣкъ, даже въ сердечныхъ дѣлахъ своихъ, не отступалъ ни на шагъ отъ странностей!

— Вы согласны? спросилъ онъ, видя, что она не въ состояніи произнести ни одного слова, отъ душившего ее волненія.

— Да! отвѣчала Вѣра такъ тихо, что ее едва можно было слышать.

— Прощайте же! произнесъ графъ поспѣшно, потому-что третья ракета взлетѣла на воздухъ, гдѣ тотчасъ же разсыпалась мелкими искрами. Прощайте! Вамъ тѣсно и душно въ этой непріязненной атмосферѣ, но потерпите немного. Быть можетъ, все уладится!

Онъ прижалъ еще разъ ея руку къ губамъ своимъ, прижалъ такъ крѣпко, что Вѣра содрогнулась, и оба быстрыми шагами миновали до-

вольно большое пространство, отдѣлявшее ихъ отъ прочихъ. Дѣвушка едва держалась на ногахъ; Штейнбургъ увлекалъ ее почти насильно, но когда они присоединились къ толпѣ, она, къ счастью, успѣла уже оправиться. Никто не замѣтилъ ихъ отсутствія: всѣ были заняты разговоромъ и иллюминаціей, а когда графъ привелъ Вѣру на мѣсто, онъ слегка поклонился ей, точно также, какъ кланялся со всѣми, и поблагодаривъ за честь, которую она ему сдѣлала, отошелъ отъ нея всторону, такъ что самый опытный наблюдатель не могъ бы даже подозрѣвать, что между ними что-нибудь произошло, во время общей прогулки. Генеральша же, по какому-то счастливому случаю, рѣшительно отказалась съ нѣкоторыхъ поръ слѣдить за нею. Быть можетъ, это происходило отъ того, что всѣ ея догадки и интриги ни къ чему не послужили; а главное, отъ того также, что графъ уѣзжалъ. Слѣдовательно, его нечего было опасаться тецерь. Одна только Надина была недовольна, что онъ опять-таки предпочелъ ей Вѣру, которая наслаждалась его обществомъ, между-тѣмъ какъ она провела это время съ какимъ-то скучнымъ кавалеромъ, не перестававшимъ твердить ей во всю дорогу, что онъ очень любитъ прогулки при лунномъ сіяніи, и что ими надо пользоваться по возможности, потому что ихъ можно имѣть нечасто. *Chargé d'affaires* и Невегинъ задыхались отъ ревности, но какъ люди большаго свѣта, разумѣется, не показали этого. Драгунъ же, по счастью, ничего не замѣтилъ, погому-что захлопотался на счетъ фейерверка, который приготовлялись спускать; иначе, еслибъ онъ принялъ участіе въ этой прогулкѣ, то не преминулъ бы что-нибудь замѣтить и даже рассказать, по секрету, товарищамъ. Генераль былъ необыкновенно въ духѣ; онъ избралъ себѣ въ дамы хорошенькую посланницу, съ которой не переставалъ любезничать, — слѣдовательно, былъ до того занятъ, что не имѣлъ времени замѣтить отсутствія Вѣры и графа. Въ противномъ случаѣ, онъ не отошелъ бы отъ первой во весь остатокъ вечера, за что супруга его не преминула бы сдѣлать ей сцену на другое утро. Стало быть, все шло, какъ нельзя лучше. Фейерверкъ былъ великолѣпный. Павильонъ, колесы, римскія свѣчи всѣхъ цвѣтовъ, горѣли и трещали до того, что напоследокъ рѣшительно некуда было дѣваться отъ дыма и сильнаго запаха пороха.

Графъ не дождался ужина: онъ уѣхалъ прежде всѣхъ, не выдавъ больше Вѣры, которая вышла въ это время, подъ какимъ-то предлогомъ. Надины также небыло тутъ. Обѣ не хотѣли присутствовать при послѣднихъ минутахъ, когда онъ долженъ былъ прощаться; онъ же не сказалъ бы имъ въ утѣшеніе ни одного слова, онъ обошелся бы съ ними, какъ съ чужими. Огонь не угасалъ всю ночь въ комнатахъ дѣвушекъ.

Когда загорѣлся щитъ, всѣ отправились въ буфетъ, гдѣ накрытъ былъ ужинъ на маленькихъ столикахъ, каждый на четыре персоны. Такихъ столиковъ было пропасть; шампанскаго также не щадили. Дня два или три спустя, Вѣра прочла въ Gazette de St. Pétersbourg, на той страницѣ, гдѣ печатаются объявленія объ отъѣзжающихъ за границу :

«*Son Excellence, Monsieur Edouard-Wilhelm-Albert de Schoenhaus, Comte de Steinburg, d'Oelnitz et de Falkenstein.*»

Вѣра старательно вырѣзала эти строки и спрятала ихъ въ шкатулку.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

ГРЁЗЪ

СТАТЬЯ ШАРЛЯ БЛАНА.

Вотъ живописецъ, который былъ воспитанъ писателемъ. Грёзъ не проходилъ ни черезъ какую школу живописи. Мастерская, откуда онъ вышелъ — книга «Опытъ о драматическомъ искусствѣ» Дидро.

Грёзъ представляетъ собою одинъ изъ разительнѣйшихъ примѣровъ чрезвычайно характеристической связи французскаго искусства съ общою мыслью націи — во всѣ великія эпохи ея исторіи. Такъ, въ XVIII вѣкѣ, среди движенія всеобщей предприимчивости, разныхъ зачинаній, — тогдашней страсти Франціи, — является въ книжномъ мірѣ тощій томикъ, не имѣющій ни малѣйшаго отношенія къ живописи. О чемъ же въ немъ рѣчь? — О переворотѣ въ театрѣ. Вѣкъ утомленъ однообразіемъ сценическаго витійства героевъ, бесплодною торжественностью трагедіи — въ томъ видѣ, какъ создалъ ее, въ своемъ великолѣпіи, вѣкъ Лудовика XIV; прошло время созерцанія нескончаемыхъ церемоній и стилистики: на театрѣ, вмѣсто классическихъ героевъ, являются простые, обыкновенные люди, какъ прежде классическіе герои явились вмѣсто мифологическихъ боговъ. Новыя лица сначала бросаютъ свой котурнъ; Агамемнонъ слагаетъ съ себя свое величіе въ пользу «Отца семейства». Польза непосредственная, практическая мораль, величіе въ страсти, поученіе при простотѣ и безпритязательности — все это должно быть въ новыхъ зрѣлищахъ. Дидро пишетъ свою книгу, чтобъ доказать это въ теоріи, а въ примѣръ, даетъ свои драмы изъ частной жизни. Въ литературѣ — впечатлѣніе было сильно: книга Дидро, не на шутку заняла философовъ, писателей и читателей.

Между-тѣмъ, живопись поклонялась львицамъ того времени. Ла-Туръ, въ видѣ очаровательнаго облака, разсыпалъ порошокъ своихъ пастелей по волосамъ госпожи де-Помпадуръ. Бушэ обворожительными красками писалъ красоту госпожи дю-Барри. Фрагонаръ рисовалъ *нравственныя повѣсти*, энергичныя, а главное — блестящія болѣе Мармонтелевыхъ. Подражатели Ватто, все еще несвободные отъ впечатлѣнія, имъ произведеннаго, заставляли «вѣтерокъ — вздыхать въ вершинахъ густолистныхъ деревьевъ;» сажали маркизъ на муравѣ, и продолжали въ пейзажѣ стиль регентства.

И вдругъ — изъ нѣдръ этой влюбленной Галліи, подлиннаго царства Лудовика XV, возникаетъ неожиданная картина — «Отецъ семейства, объясняющій дѣтямъ библію». Старый фермеръ сидитъ у большаго стола, вокругъ котораго стоятъ мальчики и дѣвочки; въ одной рукѣ держитъ онъ библію, въ другой — очки, которыя только — что снялъ — и объясняетъ одно мѣсто св. книги. Загорѣлыя его руки изборождены глубокими морщинами. Голова, вычеканенная отъ старости рѣзкими чертами, выражаетъ простоту вѣрующаго и благочестіе пастыря. Всѣ дѣти слушаютъ, каждое — сообразно возрасту и характеру: одно — съ грустною чувствительностью, то — съ вѣтренностью школьника. Двѣ красивыя, свѣжія дѣвушки, съ бѣлыми руками, слушаютъ чтеніе, но по-видимому одна только слѣдитъ внимательно. Младшая, почти на колѣнахъ, опустила на передникъ голыя руки и полныя ихъ кисти, окрѣпшія отъ трудовъ хозяйства и нѣсколько-покраснѣвшія. Потупивъ глаза, она думаетъ... Старуха-мать прядетъ и дѣлаетъ знакъ мальчику, который дразнитъ собаку, между-тѣмъ, какъ его братъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, ловитъ на воздухѣ соломенку. Обстановка домашняя — бѣдная; но чувствуешь, что здѣсь царство спокойнаго счастія, сладкаго согласія, и что младшая изъ дочерей фермера еще не знаетъ тѣхъ потрясеній, которыя возмутятъ миръ ея сердца...

«Академія, удивленная, что не она образовала новаго живописца — говоритъ одинъ модный писатель — предлагала себѣ вопросъ: Откуда онъ взялся? Чей онъ ученикъ? — Онъ воспитанникъ Дидро, взялся онъ изъ Французскаго — театра».

Да, новыя теоріи затронули не однихъ писателей; впечатлѣніе отозвалось и въ душѣ живописца, — и живопись, въ силу симпатіи, свойственной французскому искусству, явилась тоже съ своимъ голосомъ. Полотно требовало домашнихъ драмъ, наравнѣ со сценой, — и кисть, какъ удаляющійся поцѣлуй, покинувъ щечку госпожи дю-Барри, съ этого дня обращается съ своимъ служеніемъ къ морали...

Завоеваніе блистательное, о которомъ и не мечталъ Дидро! Живо-

пись, почти шутя одерживаетъ побѣды, за которыми, онъ Дидро, гонялся и по литературному міру и по драматическому! Въ самомъ дѣлѣ, какъ сравнить все то, что выигралъ театръ отъ драмъ Дидро и первыхъ, можетъ-быть, черезъ чуръ мѣщанскихъ, пьесъ Бомарше, съ блестящимъ входомъ Греза въ Лувръ? Надо сознаться: успѣхъ молодаго живописца былъ громаденъ, поразителенъ: въ живописи произошла волшебная пере-мѣна. Къ новости предмета, столь рѣзко и живо отдѣлявшагося отъ всѣхъ этихъ сценъ изнеможенія, къ мощному выраженію головъ, къ неожиданной святости семейства, присоединились бѣлая чистота рисунка, солидный колоритъ, штрихъ легкій, но выпуклый, такъ сказать фацетный, и въ то же время до-того искусный, что художникъ достигалъ оконченности при совершенномъ отстраненіи прежняго однообразія работы подлизанной, ровной и слитной. Богатый и славный любитель того времени, г. де-ла-Ливъ де-Жюлли, купилъ картину для своей галлерей. Художники, любители, литераторы—весь Парижъ бросились смотрѣть ее и всѣ рукоплескали. Пришелъ и Дидро, узналъ ученика и усыновилъ его. Такъ началась между живописцемъ и писателемъ эта дружба таланта, о которой забавно свидѣ-тельствуютъ «Салоны» Дидро: ученикъ иллюстрировалъ теоріи учителя, учитель прославлялъ произведенія ученика. — «Вотъ настоящій живописецъ—восклицаетъ Дидро, подходя къ Грезу на выставкѣ 1765 г., — онъ первый изъ насъ вздумалъ оживить искусство нравственностію».

Жанъ-Батистъ Грѣзъ родился въ Турнио, въ Бургундіи, въ 1734 году. Сказано давно, — это замѣчаетъ Вольтеръ, а онъ кое-что зналъ объ этомъ по себѣ, — что почти всѣмъ людямъ, предназначеннымъ прославить великими талантами имена своихъ отцовъ, суждено въ молодости встрѣчать препятствія своему призванію отъ самихъ-же родителей. Такъ было и съ Грезомъ. Отецъ, видя его безпрестанно съ углемъ въ рукѣ, отыскивавшимъ бѣлыя стѣны и упрямо расписывавшимъ ихъ безпрестанными эскизами, — зародышами таланта, себя незнавшаго, — взбѣ-сился за это маранье, и однажды поколотилъ наивнаго артиста, кото-рый думалъ, что украсилъ то, что отецъ его находилъ запачканнымъ. Грезу было всего восемь лѣтъ тогда. По счастью, въ жпзни великихъ людей, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, часто встрѣчаются добрые геніи, являющіеся во-время и кетати, чтобы все привести къ хорошей раз-вязкѣ. Живописецъ Грандонъ, отецъ г-жи де-Гретри, былъ тотъ сча-стливый геній, который ветушилъ за ребенка — предъизбраннаго, но не понятаго. Грандонъ ѣхалъ изъ Парижа въ Ліонъ, чрезъ Турнио. Будучи свидѣтелемъ безпорядковъ, причиненныхъ маленькимъ собратомъ, и воспослѣдовавшаго наказанія, онъ выпросилъ себѣ ребенка и увезъ его въ Ліонъ.

Послѣ этого анекдота о его вступленіи въ живопись и въ жизнь, Грезъ исчезаетъ изъ глазъ біографовъ. Знають, что онъ потомъ прибылъ въ Парижъ, но ни въ одной мастерской его не встрѣчали. Грезъ былъ изъ той счастливой семьи талантовъ, которые возникаютъ вдругъ и у которыхъ нѣтъ зари. Въ этотъ пробѣлъ историческихъ данныхъ, можно себѣ представить Греза молодымъ человѣкомъ, свободно живущимъ въ Парижѣ, не получающимъ уроковъ ни отъ какихъ учителей, но въ театрѣ, въ книгахъ, въ самомъ воздухѣ Парижа врывающимся впечатлѣнія того времени, и потому — мучимымъ вмѣстѣ и гениемъ вѣка и своимъ собственнымъ; съ горячностью ищущимъ живописи въ новой философіи, то есть, стремящимся къ осязаемому воспроизведенію ея основныхъ идей. Лишь только проявилъ онъ себя своимъ превосходнымъ твореніемъ, — *Отецъ семейства, читающій библію* — пристрастившимъ весь Парижъ, — рядъ сценъ патетическихъ или очаровательныхъ, драматически-трогательныхъ или непреодолимо-граціозныхъ, болѣе и болѣе увеличивалъ успѣхъ блистательнаго начала, и доказалъ на полотнѣ истину книги Дидро, ту истину, что драмы семейной жизни могутъ имѣть благородство героическихъ драмъ, производя въ то же время на толпу впечатлѣніе болѣе полезное, болѣе человѣчное.

Что за драма, въ самомъ дѣлѣ, — этотъ дряхлый отецъ, разражающийся на сына отцовскимъ проклятіемъ и въ слѣдствіе того умирающій! Но пусть здѣсь говоритъ другъ, наперсникъ Греза, пусть говоритъ Дидро. Счастливый, что нашелъ свою мысль, въ картинѣ онъ описываетъ эту сцену съ одушевленіемъ: » Представьте себѣ комнату, куда свѣтъ проникаетъ только въ дверь. Взгляните кругомъ по всей этой печальной комнатѣ, и вы не найдете ничего, кромѣ нужды... Не смотря на помощь, которую могъ бы старшій сынъ оказать старику отцу, матери и братьямъ, онъ не выйдетъ со двора, не употребивъ всѣ средства, чтобы взять что только можно съ нихъ же несчастныхъ. Теперь онъ пришелъ съ старымъ солдатомъ; требуетъ денегъ, вина, отецъ въ негодованіи и нещадитъ жесткихъ выраженій въ обращеніи къ этому противоположному сыну. Сынъ отвѣчаетъ оскорбленіями на упреки: онъ стоитъ въ центрѣ картины, видъ его нахалень, дерзокъ, бѣшенъ; правая рука приподнята; онъ какъ-будто привсталъ на цыпочки, грозитъ отцу, — шляпа на головѣ. Бѣдный старикъ дѣлаетъ усилія, чтобы привстать, но одна изъ дочерей, на колѣнахъ, удерживаетъ его за полы платья. Безпутный юноша окруженъ старшею сестрою, матерью и однимъ изъ маленькихъ братьевъ. Мать обхватила его поперегъ туловища, — онъ не обращаетъ на нее вниманія и старается высвободиться. Старшая сестра тоже стала между отцомъ и братомъ: и мать

и она какъ—будто хотятъ скрыть ихъ другъ отъ друга. Маленькій братъ плачетъ, подноситъ руку къ глазамъ, и повиснувъ на правой рукѣ старшаго брата, старается вытащить его изъ дома. За кресломъ старика, самый младшій стоитъ растерянный. На противоположномъ концѣ картины, у двери, старый солдатъ, завербовавшій сына и сопутствовавший ему къ родителямъ, уходитъ, придерживая саблю и опустивъ голову. Среди этой суматохи, собака, помѣщенная на первомъ планѣ, увеличиваетъ шумъ своимъ лаемъ.»

Это описаніе, которое, безъ сомнѣнія, Дидро набрасывалъ, подавшись нѣсколько волѣ пера, хотя и по рисунку Греза, теперь оказывается чрезвычайно невѣрнымъ, если сравнить его съ картиною — *Отцовское Проклятіе*, находящеюся въ Луврскомъ Музеумѣ. У сына нѣтъ шляпы на головѣ: онъ кажется еще болѣе вспыльчивъ, нежели дерзокъ. Вербовщикъ не уходитъ; напротивъ, онъ стоитъ на-порогѣ, съ равнодушіемъ, которое придаетъ еще болѣе игры другимъ фізіономіямъ. Одинъ отецъ остался на полотнѣ такимъ, какимъ представился онъ сперва воображенію Дидро: неукротимъ, раздраженъ, прекрасенъ въ гнѣвѣ — волосы закинута назадъ, руки протянуты — въ этотъ судорожный жестъ морщинистыхъ рукъ переливаетъ онъ все негодованіе своего сердца. Только новому искусству Дидро и Греза дано до такой точки отдалить предѣлы движенія, такъ перемѣстить условныя приличія. Эти руки, поднятыя со всѣхъ сторонъ, эти лица, измѣненные, такъ сказать, разложенныя страстію, эта утрированная мимика, по крайней мѣрѣ, столь далекая отъ могучей и серьезной воздержности Пуссена, живо прерываютъ цѣпь преданій и свидѣтельствуютъ о новомъ переворотѣ въ искусствѣ. Въ первый разъ благородная трагедія входитъ въ семью простаго фермера: страданія земледѣльца найдены достойными красоваться на картинѣ и интересуютъ всѣхъ! Муки оскорбленнаго отца, несмотря на тривіальность его костюма и скромную простоту его дома, оказываются достаточными, чтобы служить темою для живописи ощущеній человѣческаго сердца.

«Сцена прекрасна, говоритъ Дидро, но далеко не такъ хороша, какъ слѣдующая за нею. Сынъ сдѣлалъ кампанію; онъ возвращается, и въ какую минуту! Отецъ только-что умеръ... онъ лежитъ на постелѣ. Въ ногахъ, его на соломенной скамеечкѣ, горитъ свѣчка и поставлена кропильница. Старшая дочь, сидя въ старой кожаной исповѣдальнѣ, опрокинулась назадъ въ позѣ отчаянія: одною рукою она держитъ себя за голову; въ другой, приподнятой, распятіе, къ которому только-что приложился умирающій. Одно изъ маленькихъ дѣтей, испуганное, спрятало лицо къ ней на грудь; другое, поднявъ руки и растопыривъ пальцы, какъ будто

складываетъ въ себѣ первую идею о смерти. Бѣдная мать, близь двери, стоитъ у стѣны: на ея лицѣ отчаяніе, колѣна подгибаются. Вотъ зрѣлище, которое ожидаетъ неблагодарнаго сына. Онъ подходитъ. Его принимаетъ мать. Она молчитъ, но руки ея, протянутыя къ трупу, говорятъ: Смотри!.. Несчастный въ ужасѣ, голова у него подается напередъ, онъ кулакомъ ударяетъ себя въ лобъ ... Какой урокъ!.. Прекрасно, превосходно, заключаетъ Дидро — тутъ все, все!»

Такъ-то сторона мелодраматическая, совершенное отсутствіе стиля, нынѣ поражающее насъ въ этой картинѣ Греза, болѣе всего и вызывали восторгъ Дидро — именно мелодрама? Дидро и Грезъ изобрѣли ее, и можно ли упрекать ихъ въ томъ, что они достигли цѣли, которой хотѣли достигнуть? Стиль?.. Но тотъ, кто становится живописцемъ, такъ сказать, мѣщанскихъ явленій, по неволѣ долженъ отказаться отъ стиля — въ классическомъ значеніи этого слова. Чтобы имѣть стиль, нужно прежде всего представлять не тотъ или другой классъ определенной національности, а человѣчество въ его высшемъ, идеальномъ значеніи. Грезъ видѣлъ въ мірѣ только общество, а въ обществѣ наблюдалъ только извѣстный слой — мѣщанскій; но онъ умѣлъ отыскать въ этой средѣ благородныя чувствованія, драматическія положенія, или наивныя картины счастья. Кажется, Грезъ едва ли когда писалъ картину изъ удовольствія написать ее: его не искушаетъ стѣна, роскошно освѣщенная солнцемъ, пробѣгающая собака, первый попавшійся предметъ, поражающій яркостію краски — онъ идетъ только туда, куда зоветъ его сердце: чувство—вотъ область Греза. Онъ живописецъ «чувствительнаго», этаго слова, которое слышится безпрестанно въ продолженіе всего восемнадцатаго столѣтія.

Зато, въ картинахъ Греза, не обнаруживающихъ излишняго притяжанія на драму, постоянно разлита какая-то нѣжность, какая-та прелесть доброты и кротости, въ совокупности выражаемая граціею.

О чемъ напримѣръ думаетъ «*Дѣвушка, оплакивающая свою умершую птичку?*» Она стоитъ къ намъ лицомъ; голова склонилась на лѣвую руку; мертвая птичка передъ нею: крылышки свисли, лапки кверху ... Какъ она задумчива, эта дѣвушка! Ея голубые глаза омрачены грустью, на нихъ дрожатъ слезы. Глубока ужъ очень скорбь изъ за утраченной птички!.. Конечно, такъ заставляетъ скорбѣть смерть, но и любовь тоже, въ шестнадцать лѣтъ. Что же съ нею, съ этимъ чуднымъ полуробенкомъ въ горѣ? Голова у нея дѣвственная, а печаль женская?.. Дидро посвятилъ нѣсколько страницъ, черезъ-чуръ нескромныхъ, на открытіе тайны этого грустнаго удивленія. Начто нѣсколько страницъ? Грезу нужно было только легкое прикосновеніе кисти,

чтобъ все это вмѣстить въ одномъ задумчивомъ взглядѣ; зачѣмъ же отнимать у мысли живописца то, что въ ней есть неопредѣленнаго и божественнаго? не значитъ ли это идти противъ обаянія цѣломудрія и прелести?

И сколько у Греза такихъ дѣвушекъ, задумывающихся, мечтающихъ! Ему пріятно было вдохнуть цѣломудренному образу смутное чаяніе, подозрѣніе слабости, и чрезъ это ввести въ этотъ образъ укоръ подвидомъ сожалѣнія. Тайна его дарованія — устроить дѣло такъ, чтобы въ цѣломъ ни нѣга, ни мораль ничего не теряли. Бѣдныя дѣвушки! *Разбитое зеркало, Разбитый кувшинъ, Мертвая птичка* — всегда имъ есть о чемъ поплакать. Съ какою очаровательною грустью вотъ эта несетъ на одной рукѣ разбитый кувшинъ, другою придерживая передникъ, полный цвѣтовъ! Она придетъ домой печальная, съ глазами не опущенными, а напротивъ, раскрытыми самою трогательною наивностію. Стало быть, это кувшинъ большой цѣны? — Нѣтъ, онъ просто глиняный. — Такъ мать очень строга? — Нимало, семья у Греза всегда улыбается — отъ ребенка до бабушки. — Отчего же это горе? Вотъ что говоритъ одинъ старинный французскій поэтъ:

«Je ne savais pas même

Son nom jusqu'à ce jour:

Hélas! lorsque l'on aime,

On a donc de l'amour?..»

Въ большинствѣ картинъ Греза, можно замѣтить явственный недостатокъ, но такой недостатокъ, который, по самой натурѣ своей, обличаетъ въ живописцѣ особенно изящное чувство. Рѣдко случается, чтобъ у его дѣвушекъ, цѣломудренно-раскаивающихся, голова находилась въ совершенной гармоніи съ туловищемъ. Туловище все принадлежитъ женщинѣ, шея достигла полного развитія и округлости — а голова дѣтская, голова двѣнадцатилѣтняя на плечахъ восемнадцатилѣтнихъ. «Это — недостатокъ!» говорите вы; но, по крайней мѣрѣ, поймите чувство, которое заставило Греза допустить этотъ изящный анахронизмъ. Онъ хотѣлъ выразить проступокъ, слабость, — надо же было написать женщину; но онъ хотѣлъ также обозначить стыдъ, переживающій паденіе — и онъ представлялъ, если не самую цѣломудренность, такъ возрастъ цѣломудренности — дѣтство. Не будемъ же отнимать у живописца эту счастливую непоследовательность: вѣдь это значило бы лишать его извѣстной доли его граціи.

Еще замѣчаніе по поводу этихъ дѣвушекъ, трогательныхъ проблемъ мечтательной дѣвственности. Несмотря на диковинную утонченность

* «Я до сегодня не знала и его названія; увѣ: стало быть, когда любишь, такъ страдаешь любовью.»

его воображенія, на желаніе, — въ которомъ заключалась вся его философія, — всегда показать раскаяніе рядомъ съ проступкомъ и урокъ возлѣ вины, Грезъ, вопреки самому себѣ, не могъ окончательно избѣгнуть господствовавшаго вліянія вѣка. Честностію, цѣломудренными тревогами своихъ моделей протестуетъ онъ противъ жгучаго сенсуализма своей эпохи, противъ всей этой живописи, которая не обходится безъ подвязки г-жи дю-Барри; онъ сочувствуетъ всею душою перевороту, влекущему литературу къ морали, къ святости домашняго очага — и этому перевороту посвящаетъ онъ свой талантъ; но тѣмъ не менѣе окружающая атмосфера, безъ его вѣдома, склоняетъ его къ нѣгѣ. Воздухъ, которымъ онъ дышетъ, нашептываетъ ему про любовь. И онъ долженъ живописать ее по неволѣ — хотя съ условіемъ: очистить ее цѣломудренностію своей кисти и вознаградить себя геніальною несообразностію. Такъ, сквозь эти дѣвичьи удивленія, нѣга угадывается легко; эти мертвыя птички, которыхъ оплакиваютъ, эти разбитыя зеркала, куда смотрятся съ грустію, эти черепки кувшиновъ, которые приносятъ домой въ задумчивости — все это ничто иное, какъ угодливыя и притворныя картины прикрытой любви. Грезъ подписалъ ихъ; его подпись — скромная, стыдливая сторона произведенія; но XVIII вѣкъ ихъ тоже подписалъ, и его подпись — отломокъ, котораго недостаетъ въ кувшинѣ ...

Вездѣ видно у Греза предпочтеніе граціи предъ красотой: и въ душѣ онъ ставилъ первую выше — таковъ былъ его идеаль. Онъ страстно любилъ женщинъ, то есть, ихъ общество, и кажется, онѣ не оставались въ долгу. «Грезъ, — говоритъ г. Лекарпантьє, который его зналъ лично — былъ средняго роста, голова у него была большая, лобъ широкій, глаза живые и правильные, лицо умное; его приемы обличали искренность и даровитость; трудно было, даже не знаяши его лично, не сказать: вотъ Грезъ!» Лакомый до похвалы, въ особенности женской, онъ самъ первый расточалъ ее съ жаромъ и артистическою утонченностію. Грезъ говорилъ хорошо, съ одушевленіемъ, но только о живописи и о самомъ себѣ. Полный сознанія своего достоинства, онъ, своею нѣсколько нескромною наивностію, дѣлалъ себѣ враговъ изъ самыхъ воздержныхъ завистниковъ.

«Нашъ живописецъ немного тщеславенъ! восклицаетъ Дидро — но его тщеславіе — тщеславіе ребенка, упоеніе таланта. Отнимите у него простодушіе, съ которымъ онъ говоритъ о своемъ собственномъ произведеніи: смотрите! вотъ хорошо-то! вы отнимете у него жаръ, огонь погаснетъ и геній затмится. Боюсь я очень, чтобы онъ не сдѣлался скромнѣе. Наши добрыя свойства, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, удиви-

тельно связаны съ недостатками: большая часть честныхъ женщинъ своенравны, а великіе художники или съ придурью, или немножко помѣшаны ...»

Маркизь де-Марины, въ качествѣ *ordonnateur des arts*, явился на выставку 1765 года. Онъ былъ встрѣченъ съ должными почестями. Его сопровождали художники, къ которымъ онъ благоволилъ; другіе присутствовали. Онъ ходилъ, смотрѣлъ, хвалилъ, порицалъ. Одна изъ картинъ Греза остановила его. «Превосходно!» сказалъ онъ художнику; тотъ отвѣчалъ: «Я это знаю, меня всѣ хвалятъ, но у меня нѣтъ работы!» — У васъ цѣлый полкъ враговъ—прервалъ Жозефъ Вернѣ — и въ числѣ ихъ есть одинъ, который, но-видимому, любитъ васъ до безумія и васъ погубить. — «Кто же этотъ врагъ?» спросилъ Грезъ. — Вы сами! отвѣчалъ Вернѣ.

Въ то время, когда было сказано это остроумное слово, Грезъ, по предложенію Пигалля, уже былъ принятъ въ Академію, что и дало ему право выставять свои произведенія. Нѣкоторыя критики, направленные противъ него среди всеобщаго удивленія, до того чувствительно его затронули, что онъ рѣшился предпринять путешествіе въ Римъ, чтобъ измѣнить свой стиль. Наивное заблужденіе! Чего было ему искать въ Римѣ? чему могли научить его классическіе образцы, его, чувствительнаго живописца добрыхъ людей, честнаго простолюдина въ его семействѣ, старушки за самопрялкой, ребятишекъ, поссорившихся съ своими куклами? Грезъ успѣшилъ оставить Римъ и вернулся въ Парижъ, писать свою «*Vonne mère*» и «*Gâteau des Rois*», на чердакѣ квартала Сорбоны, гдѣ онъ жилъ.

Войдя въ мастерскую Греза, вы можете шагъ-за-шагомъ прослѣдить трогательную исторію женщины простаго сословія, съ того дня, когда необдуманно пошла она къ источнику и вернулась съ глазами, полными слезъ и передникомъ полнымъ цвѣтовъ, до того часа, когда мы встрѣтимъ ее матерью семейства, съ полною кистью свѣжихъ, розовыхъ ребятишекъ на рукахъ. Въ нѣжныхъ домашнихъ заботахъ окончить она сонъ, который грезился ей въ шестнадцать лѣтъ. Кто не знаетъ ее подъ названіемъ «*Деревенской невесты?*» Кто не видалъ ее идущею подписывать брачный договоръ, объ руку съ подругою дѣтства и женихомъ, который еще не смѣетъ крѣпко пожать ей руку! Ея восхитительная головка, въ миленькомъ чепчикѣ, станъ, спрятанный въ бѣлый корсажъ, роза, приколотая на распутившейся груди, все это сдѣлало-бы всѣхъ зрителей ея женихами, еслибъ не были они заняты сценой, въ которой каждое лицо такъ хорошо играетъ свою роль. Къ тому-же, въ опущенномъ взорѣ *невесты* столько скромно-

сти, что едва рѣшаешься принести ей поздравительное привѣтствіе, а между-тѣмъ она торжествуетъ, восхищена своею молодостію, приведена въ замѣшательство своею красотою, смущена тѣмъ, что любима.

Грезъ живописецъ частной жизни: поэтому, не должно удивляться, что его живопись богата подробностями, что его картина такъ-сказать разсыпана и что свѣтъ въ ней распространенъ на тысячъ разнообразныхъ предметовъ. Не естественно-ли, чтобы подробности имѣли столько-же значенія въ картинѣ Греза, сколько во внутреннемъ бытѣ домашней жизни? Какого интереса не связываемъ мы съ послѣднею, самую мелкою изъ вещицъ, заключенныхъ въ тѣсныхъ предѣлахъ нашего семейнаго быта? интереса привычки, эгоизма и добродушія въ одно и тоже время. Только домашняя утварь, въ домѣ расположенная въ порядкѣ, у него на картинѣ всегда разбросана въ живописномъ безпорядкѣ. Клѣтка съ чижикомъ стоитъ на шкафѣ съ бѣльемъ. Хозяйка стираетъ возлѣ стола, гдѣ стоятъ стаканы, хлѣбъ, банки съ вареньемъ. Кухонная посуда блеститъ здѣсь и тамъ, но не столько, сколько грудь стирающей и ея атласныя руки; возлѣ дѣтскаго волчка, связка прутьевъ, а собака, непремѣнный членъ семьи, все шухаешь, лаеетъ, ласкается, лижетъ руки, внимательно смотритъ на хозяйку или спитъ на старомъ креслѣ, которое скоро нужно перебивать. Среди этой-то смѣси, обыкновенно помѣщаетъ Грезъ свою *мать семейства*, мать плодovitую, которую онъ обставляетъ дѣтьми оборванными, сердитыми, улыбающимися, спящими, — изученными во всѣхъ ихъ позахъ и во всѣ минуты дня, съ чулками, опущенными, до пятокъ, съ истоптанными башмаками, въ камзолахъ, сквозь дыры которыхъ видно тѣло бѣлое, полное, нѣжное, мягкое. Барабаны ужъ прорваны, деревянная лошадка позабыта въ углу, но горячее на плитѣ, ложка ждетъ анетита чудныхъ ребятишекъ, которыя, наполнивъ домъ шумомъ, явятся спорить о ложкѣ хлѣбнаго отвара, которую держитъ въ рукѣ красавица мать.

«Cela grèche la population!» восклицаетъ Дидро своимъ, всегда нѣсколько грубымъ, языкомъ. Несомнѣнно, что послѣ Рубенса, ни одинъ живописецъ не писалъ дѣтей такъ хорошо, какъ Грезъ. Въ этомъ дѣлѣ, изъ французскихъ живописцевъ развѣ Бушѣ равняется съ Грезомъ. Но Рубенсъ и Буше писали дѣтей голыми; Грезъ писалъ ихъ въ небрежномъ одѣянн, и если чрезъ это избѣжалъ наибольшей трудности, такъ по крайней мѣрѣ извлекъ пользу изъ прекраснаго беспорядка ихъ костюма. Кажется, онъ хотѣлъ освятить исторію атихъ счастливыхъ союзовъ, которые въ старыхъ романахъ всегда кончаются огромнымъ количествомъ дѣтей, и, пародируя восклицаніе Дидро, гораздо

справедливѣе было-бы сказать: это проповѣдуетъ бракъ! Что касается до матерей, всѣ онѣ у него одарены тѣмъ богатствомъ цвѣта лица и тѣла, которое дается крѣпкимъ сномъ и свидѣтельствуется о семейной правотѣ и честности. Думающія фламандки — вотъ женщины Греза. Тоже обиліе и развитіе мышцъ, тотъ-же блескъ, но съ однимъ дополненіемъ — граціею. Притомъ непремѣнное условіе: остроумная обстановка и искусный беспорядокъ окружающаго. Плеча обнажены, букли смяты, шейный платочекъ сбился на сторону, какъ будто для того, чтобъ не открыть прекрасной груди; кончикъ кружева, прихотливо распустившагося, падаетъ на румяную щеку съ локономъ волосъ; и такъ какъ мы въ вѣкѣ развѣвающихся и распущенныхъ жабо и манишекъ, то не должны удивляться, что такъ странно положень головной уборъ искуснѣйшимъ изъ коаферовъ вѣка.

Жена Греза была для него первобразомъ той счастливой, благоденственной и чистой красоты, которую писалъ онъ на всѣхъ своихъ картинахъ и которая для потомства осталась *красотою Греза*. «Этотъ живописецъ навѣрно влюбленъ въ свою жену!» пишетъ Дидро, и дѣствительно, она постоянно была его моделью. Чудная женщина, которая дала славу живописцу, счастье — мужу!—» Я ее тоже очень любилъ, говоритъ Дидро, когда я былъ молодъ, а она называлась дѣвицею Бабюти. Она сживала, бывало, въ небольшой книжной лавкѣ на Августинской набережной; нарядная, бѣлая и прямая, какъ лилія, румяная, какъ роза. Я входилъ съ тою живостію, горячностію и неукротимостію въ приѣмахъ, какими обладалъ въ то время, и спрашивалъ: Сказки Лафонтена, Петронія!— «Вотъ они! Не нужно-ли вамъ другихъ книгъ?»—Извините, но... «Говорите.»—*La femme en chemise.*—«Фи! развѣ читаютъ такія гадости?»—А, а! такъ это гадости: я этого не зналъ. И въ другой разъ, когда я проходилъ мимо, она улыбалась и я тоже... Картины Греза должны были очистить дѣвушку отъ чтенія, которое могъ присовѣтовать ей Дидро.

Любовь Греза къ женѣ, предпочтеніе, которое онъ такъ охотно оказывалъ этому роду красоты, живой и свѣжей, достаточно объясняютъ, почему онъ подвергался упреку, который дѣлали ему даже въ его время, за семейное сходство всѣхъ его женскихъ головъ, вслѣдствіе котораго въ нихъ тотчасъ видишь дѣтей одного отца. Его партизаны, а у него ихъ было много, и въ томъ числѣ весьма восторженные, защищали его, говоря, что красота одна, что только безобразіе разнообразно, что Грезъ настоящій живописецъ семейства, что его дѣти точно его, что и доказываетъ самое ихъ сходство. Не менѣе того упрекъ былъ заслуженъ, и ничтожно было-бы извиненіе, еслибъ вздумалъ

кто, въ пользу Греза, напомнимъ, что женскія головы между собою похожи и у Рафаэля, Тиціана, Рубенса, Гвидо Рени. Такое однообразіе позволено только тому живописцу или скульптору, который, подобно Апеллесу или Фидіасу, нашелъ истинный типъ, неизмѣнный и непреложный типъ красоты. Тогда удаляться отъ него была-бы ошибка, простительная только при необходимости контраста. Кромѣ того, между строгостью и граціей существуетъ достаточно оттѣнковъ, чтобъ художнику остаться вѣрнымъ своему идеалу, избѣгая излишняго однообразія, то есть, чтобы найти, безъ малѣйшаго ущерба, варианты для прекраснаго.

Самый основательный упрекъ, который можно сдѣлать Грезу, это преднамѣренная небрежность его драпировокъ. Этотъ недостатокъ былъ у него произволенъ, и онъ обратилъ его себѣ въ правило; онъ пренебрегалъ драпировкой, чтобъ ярче выставить тѣло; но можно сказать, что это бесполезная и дурно понятая жертва. Драпировка придаетъ яркость тѣлу самую разницею тона, и это столько-же относится къ самой свѣтлой драпировкѣ, сколько и къ темной. Хорошо еще, если небрежность живописца скрыта, но когда она до того замѣтна, что поражаетъ глазъ, значитъ живописецъ пошелъ въ противную сторону отъ цѣли, потому-что привлекъ вниманіе именно на ту точку, отъ которой хотѣлъ отклонить его. Чрезвычайно остроумно замѣчаетъ Таллану: «Одежды лицъ Тиціана и Вандейка окончены съ тщательностію, однакожь не вредятъ головамъ.»

Грезъ былъ одаренъ глубокою чувствительностію, картины его достаточно говорятъ это; но жившіе съ нимъ близко утверждаютъ, что его расположеніе зависѣло безусловно отъ сюжета, его занимавшаго. Онъ глубоко трогался, входилъ дѣйствующимъ лицомъ въ сцены, которыя изображалъ, и вечеромъ вносилъ въ общество характеръ картинъ, которыя днемъ писалъ; онъ былъ веселъ или печаленъ, серьезенъ или игривъ, любезенъ или молчаливъ, смотря по тому, что занимало его кисть или прошло чрезъ его воображеніе. Какъ долженъ онъ былъ быть очарователенъ въ день «*Деревенской невѣсты!*» Зато, онъ вѣроятно работалъ надъ самымъ грустнымъ сюжетомъ въ то время, когда слѣлалъ рѣзкую выходку противъ госпожи Жоффренъ, которая, въ своей ненависти къ многочисленнымъ семействамъ, говорятъ, посмѣялась надъ этой *fricassée* дѣтей, окружающихъ *нужно-любимую мать*, въ картинѣ Греза. «Куда она суется! воскликнулъ художникъ, услышавъ объ этомъ; пусть дрожитъ, чтобъ я не обезсмертилъ ее! Я ее напишу въ видѣ школьной надзирательницы съ лозой въ рукѣ, и она будетъ наводить страхъ на всѣхъ дѣтей, настоящихъ и будущихъ».

Дидро, котораго портретъ былъ такъ хорошо написанъ Грезомъ, въ свою очередь изобразилъ намъ своего друга: Грезъ нигдѣ не разставался съ своимъ талантомъ; въ толпѣ, въ церкви, на рынкѣ, на прогулкѣ, въ домахъ и на улицѣ, онъ непрерывно собиралъ дѣйствія, страсти, характеры: свѣтъ обращался для него въ безпредѣльную мастерскую, гдѣ всякій прохожій становился моделью. Такъ рождались отъ мимолетнаго образа эти пріятныя картины, выхваченныя изъ жизни, которыя восхищенная толпа потомъ находила въ Луврѣ. Такъ, безъ сомнѣнія, родилась, вслѣдствіе счастливой встрѣчи, эта бѣленькая дѣвочка, которая держитъ промежъ рукъ черную собаку. Живая сцена! глаза ребенка, глаза собаки свѣтятся, словно четыре звѣздочки. Иллюзія искусства, игра жизни не могли идти дальше: это, быть можетъ, торжество Греза. Ребенокъ, играющій съ собакою на улицѣ — пустяки; а на полотнѣ — это превосходно! Точно такіе-же пустяки были на улицѣ Муфтаръ: двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, прятались отъ дождя; никто-бы и не замѣтилъ этого: прошелъ Бернарденъ де Сен-Пьеръ, и наивный эпизодъ дождливаго дня преобразился въ одну изъ очаровательнѣйшихъ страницъ французской литературы.

Отъ поэзіи домашней Грезу, въ минуту неблагоприятнаго вдохновенія, вздумалось возвыситься до исторіи, подойти къ исторической поэзіи. Но, зная теоріи Дидро, онъ не зналъ теоріи Корнелья. *Септимій Северъ, укоряющій сына Каракаллу въ покушеніи на его жизнь въ тѣснинахъ Шотландіи*, было ужасное покушеніе противъ самого Греза, навлекшее ему упрёки отъ всѣхъ. Академія, которой картина была назначена, разсердилась: она приняла Греза въ свое лоно. Стыдись, однако, своего Каракаллы, Грезъ проворно возвратился къ своей семьѣ, и поклялся, что его отнынѣ никогда не поймаютъ въ тѣснинахъ Шотландіи и Академіи.

«Грезъ имѣлъ много природнаго ума, — говоритъ *Journal des Débats*, — его бесѣда съ женщинами была исполнена учтивости и любезности, и, казалось, исходила отъ глубокаго уваженія къ нимъ и живаго сознанія ихъ превосходства. Это было у него чѣмъ-то въ родѣ поклоненія и похвалы, и въ его устахъ они имѣли грацію и оригинальность необычайныя. Разговоръ его съ мужчинами былъ остеръ и оживленъ, въ особенности когда онъ говорилъ о своемъ искусствѣ, которое зналъ въ совершенствѣ и любилъ до изступленія. Душа въ немъ отъ природы была возвышенная, даже нѣсколько гордая, и эта гордость тотчасъ обнаруживалась, когда ему не отдавали справедливости, которую онъ считалъ должною данью своимъ рѣдкимъ дарованьямъ, или если ее вызывала ѣдкая мало просвѣщенная критика. Хотя онъ поздно уже сни-

скалъ уваженіе, которое заслуживалъ, и никогда не наслаждался имъ безмятежно, однакожь, онъ удостоился многочисленныхъ изъясненій общаго удивленія. Онъ сильно ихъ чувствовалъ, часто вспоминалъ о нихъ, и въ случаѣ надобности, говорилъ объ этихъ почестяхъ съ простодушіемъ, которое служило ему извиненіемъ и умѣряло отгѣнокъ тщеславія, падающій неизбѣжно на того, кто говоритъ о себѣ съ удовольствіемъ».

Бѣдный Грезъ! у него плохо гнулась спина, какъ говорилъ Дидро: *il faisait mal antichambre chez M. le Directeur—ordonnateur des beaux arts.* И благосклонность г-на де-Марины не пошла на встрѣчу живописцу. А было бы довольно естественно человѣку въ званіи Марины побѣгать за гордыми талантами, хоть изъ того, чтобъ отомстить наушникамъ. Любопытно пробѣжать, въ нотѣ Дидро о выставкѣ 1765, остроумный списокъ милостей, оказанныхъ Грезу г-мъ Марины. Вотъ что говорилъ Дидро. «Когда талантъ этого живописца сдѣлался извѣстенъ, — ему было дозволено предпринять на свой счетъ поѣздку въ Римъ, а когда онъ прожилъ деньги, которыя сконилъ на путешествіе, ему позволили вернуться въ Парижъ, прежде, нежели онъ успѣлъ пожать плоды, на которые рассчитывалъ. Съ его возвращенія, ему было позволено писать самыя прекрасныя картины и продавать ихъ какъ можно менѣе невыгодно. При успѣхѣ его картины *Разбитый параличемъ*, бывшей на послѣдней выставкѣ, ему было позволено свести ее въ Версаль, чтобъ показать королю и королевскому семейству. Такъ какъ онъ не нашелъ покупателя на эту картину, то ему разрѣшено продать ее Императорской Санктпетербургской Академіи Художествъ, чтобы разнести славу живописца до крайнихъ предѣловъ Европы. — Продолженіе милостей, оказанныхъ г. Грезу, къ будущей выставкѣ». — Тутъ, безъ сомнѣнія, есть чему посмѣяться, но есть отчего и покраснѣть! ...

Вопреки своей гордости и забвенію, въ которомъ оставило его тогдашнее правительство, Грезъ къ концу жизни достигъ извѣстной степени независимости; но результаты его бережливости, ввѣренныя или государственнымъ учрежденіямъ или нѣкоторымъ богатымъ банкирскимъ домамъ, почти всѣ пропали, вслѣдствіе банкротствъ и несчастныхъ переворотовъ. Домашнія неудачи покончили остатки его состоянія, такъ, что восьмидесяти лѣтъ онъ не могъ существовать иначе, какъ при помощи кисти или карандаша. Легко представить себѣ положеніе старца, когда болѣзнь, отъ которой онъ умеръ, отняла у него даже силу писать или рисовать! Къ тревогѣ, столько естественной въ его лѣта, присоединялось мучительное безпокойство объ участи двухъ любимыхъ дочерей, которымъ онъ не могъ оставить въ наслѣдство ничего, кромѣ громкаго

имени. Въ этой крайности, онъ написалъ къ Наполеонову министру трогательное письмо, которое сохранила намъ *исторія*:

«Картина, которую я пишу для правительства, до половины готова: положеніе, въ которомъ я нахожусь, вынуждаетъ меня просить васъ приказать, мнѣ выдать въ счетъ еще часть денегъ — чтобы я имѣлъ возможность ее кончить. Имѣю честь извѣстить васъ о всѣхъ моихъ несчастіяхъ: я потерялъ все, кромѣ таланта и духа. Мнѣ семьдесятъ-пять лѣтъ — и ни одной заказной работы. Ни разу въ жизни не имѣлъ я такой тяжелой минуты. У васъ доброе сердце; я льщу себя надеждой, что вы примете къ свѣдѣнію мое горе, какъ можно скорѣе, потому-что время не терпитъ. Salut et respect. — Грезъ. — 28 плювіоза, г. IX. — Улица des-Orties. Луврская галлерей, № 11».

Грезъ умеръ въ 1805 году. «Простота его похоронъ — говоритъ Монтегъ — была оживлена сценою столь же трогательною, какъ и неожиданною. Въ ту минуту, когда тѣло хотѣли вынести изъ церкви, чтобы поставить на печальную колесницу, молодая дѣвушка, которой волненіе и слезы были замѣтны даже сквозь покрывало, подошла къ гробу, положила въ него букетъ неувядающаго мохнолистника (*immortelle*, — *elichrysium*), и вернулась на свое мѣсто, продолжая молиться. Вѣтки были перевязаны бумажкой и на ней написано: «Эти цвѣты, поднесенныя признательнѣйшею изъ его ученицъ, — эмблема его славы». — Справедливо было, — прибавляетъ рассказчикъ — чтобы женщина, во имя всѣхъ женщинъ, принесла эту дань удивленія на прахъ знаменитаго художника, который предпочтительно посвятилъ свои труды и свое дарованіе изображенію женщинъ. Это была дѣвица Майеръ (*Mayer*), ученица Греза, впоследствии пріятельница Прудона.

Отнимите у Прудона стиль, чувство древности, идеальность — и вотъ вамъ тотъ же Грезъ. Между этими художниками есть нѣжная связь — грація. Она-то и увлекаетъ насъ въ *невѣстахъ* Греза, въ его *прядильщицахъ* въ *мушльницахъ гороха*, во всѣхъ этихъ чудныхъ *семьяхъ*, гдѣ царствуютъ домашній миръ и здоровье, во всѣхъ *матеряхъ семейства*, показывающихъ своихъ малютокъ — ихъ сокровища. Грація одна изъ тѣхъ манеръ поэзіи, которыя дѣлаютъ мѣщанъ героями — когда къ ней присоединяется страсть. А грацію и страсть — у Греза составляли двѣ краски, лазурь и сурикъ: онѣ не смывались съ его палитры. Фламандецъ со стороны манеры, Грезъ, по мысли, какъ нельзя болѣе французъ. Его штрихъ, игривый, легкій и нѣсколько масляный, бѣгомъ кладетъ такъ называемыя перекрестныя черты (*hachures*), связанныя и прекрасно слитыя; но когда доводится ему этимъ штрихомъ

изображать розовую щечку ребенка, оживленный цвѣтъ лица дѣвушки, онъ иногда какъ-будто чеканить ихъ и черезъ мѣру умножаетъ планы. Въ этомъ отношеніи штрихъ Греза нѣсколько похожъ на штрихъ Метцю, но должно помнить однакоже, что этотъ недостатокъ, менѣе замѣтный въ произведеніяхъ обихъ художниковъ, болѣе окончанныхъ совершенно исчезаетъ въ самыхъ лучшихъ. Здѣсь кстати повторить сказанное по этому поводу г-мъ Пальйо-де-Монталанберомъ: «Бездна живописцевъ однообразныхъ, и прежнихъ и нынѣшнихъ, невыносимы притязательностію своей кисти, и не смотря на то чрезвычайно далеки отъ окончанности Греза, который, конечно, не имѣлъ, подобно имъ, ни лощеной, ровной кисти, ни слитой штриховки»... Но по композиціи, со стороны драмы и чувства, Грезъ принадлежитъ французской школѣ, и дѣлаетъ ей большую честь, хотя не можетъ назваться оригинальнѣйшимъ изъ французскихъ художниковъ. Если въ картинахъ его недостаетъ иногда оптическаго единства, въ нихъ непременно находишь, такъ сказать, единство нравственное, которое заключается въ духѣ семейства: ихъ озаряетъ не одинъ дневной свѣтъ, но и кроткій лучъ философіи...

МЕМОАРЫ

ЗАПИСКИ АВГУСТА ВИЛЬГЕЛЬМА ИФЛАНДА.

Весною 1786 года, мы съ Бейлемъ и Бекомъ поселились на хорошенькой дачѣ въ Куферталѣ, старинномъ охотничьемъ помѣстьѣ курфирста, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мангейма. Эта прелестная деревенька расположена среди довольно песчаной равнины; но невдалекѣ отъ нея находится очаровательный лѣсокъ, пересѣченный просѣками, изъ которыхъ видны такъ-называемая Горная-дорога * и Прирейнскія горы. Въ окрестностяхъ, правда, нѣтъ виноградниковъ; но за-то народонаселеніе отличается большою зажиточностію, большимъ порядкомъ и благопріемъ. Повсюду видны довольство, трудолюбіе, согласіе и радушіе между сосѣдями, которыя и намъ доставили много истинныхъ наслажденій.

Въ этомъ году, до начала сентября, не было ни одного замѣчательнаго представленія, кромѣ пьесы «Ореноко», въ которой Бекъ исполнялъ главную роль, а г-жа Биттеръ — Имоинду; для остальныхъ были только незначительныя роли.

Мангеймское нѣмецкое общество назначило значительную награду для лучшей комедіи, присланной на конкурсъ. Мысль была очень хорошая и полезная; но обѣщанія театра поставить всѣ состязающіяся пьесы было совершенно излишнимъ и даже необдуманымъ поощреніемъ. Хорошихъ пьесъ поступило мало, а дирекція должна была все лѣто, безъ всякой пользы, пытаться нашу память и томить терпѣніе публики и актеровъ. Въ слѣдствіе этого усилія, мы почти получили отвращеніе отъ

* Горною - дорогою (Bergstrasse) называлась небольшая область, включенная во владѣнія пфальцскаго курфирста, и принадлежавшая ему.

театра. Впрочемъ, мы вознаграждали себя за эту непріятность, стараясь, по возможности, наслаждаться природою въ своей деревенькѣ. Тутъ повторилась для насъ, въ новомъ видѣ, съ бѣльшими удобствами и расходами, но съ прежнею свободою и прежними пріятностями, жизнь, которую мы вели нѣкогда въ зибелебскомъ лѣсу, близъ Готы. Позавтракавъ въ лѣсу, мы расходились въ разныя стороны, учить роли или читать, и только къ обѣденному времени возвращались въ деревню и садились за свою скромную трапезу. Послѣ обѣда, каждый занимался въ своей комнатѣ. Какъ скоро вечерняя свѣжесть начинала смѣнять дневной зной, мы снова отправлялись въ лѣсъ, и располагались у источника: разводили огонь, готовили ужинъ, и нерѣдко полночь заставляла насъ тутъ въ дружеской бесѣдѣ. Добрый Ламбрехтъ, что нынѣ на мюнхенскомъ театрѣ, провелъ съ нами одинъ такой вечеръ; я думаю, что онъ его помнитъ такъ-же живо, какъ и я.

Однажды кто-то изъ нашихъ товарищей замѣтилъ, что артисту невыгодно долго оставаться въ одномъ мѣстѣ; что намъ слѣдовало позаботиться о будущемъ, постараться объ улучшеніи своего положеніи, думать объ этомъ постоянно. Слово за слово, дошло до того, что нѣкоторые, въ томъ числѣ Бекъ и Бейль, съ стаканомъ въ рукѣ, объявили, что они намѣрены бросить Мангеймскій театръ. Это меня огорчило. Мнѣ казалось, что мы были въ такомъ положеніи, что незачѣмъ было искать лучшаго. Мнѣ не хотѣлось разлучаться ни съ Беккомъ, ни съ Бейлемъ, ни съ другими товарищами, хотя нѣкоторые изъ нихъ были посредственные артисты. Согласіе, совокупность нашей труппы придавали ей какую-то жизнь, что-то подходившее къ совершенству. Можно замѣнить въ зданіи поврежденную часть новою; но долго будетъ оставаться слѣдъ рѣзца на старыхъ и на новыхъ камняхъ, и будетъ бросаться въ глаза цементъ, соединяющій новые матеріалы со старыми.

Я заступился за Мангеймъ со всею жаромъ дружбы, Ламбрехтъ поддержалъ мое мнѣніе, и сообщилъ намъ нѣкоторыя дѣльныя наблюденія, почерпнутыя изъ собственнаго опыта. Волненіе мало-по-малу утихло; голосъ дружбы присоединился къ доводамъ разсудка, и побѣда осталась за Мангеймомъ. Мы обнялись, и среди лѣсу, вокругъ яркаго костра, возобновили дружественный союзъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, мангеймскій театръ многимъ былъ обязанъ чувству дружбы, соединявшему насъ троихъ, и вообще согласію и взаимной привязанности всѣхъ актеровъ. Какъ часто это чувство заглушало въ насъ свойственное артистамъ самолюбіе, и мы безкорыстно соглашались на жертвы, за которыя другая дирекція готова-бы давать богатыя

награды, еслибъ только позволяли средства! Рѣшившись все трое не оставлять мангеймскаго театра, мы положили позаботиться о будущемъ при приближавшемся возобновленіи контрактовъ; просить назначенія пенсій, а въ случаѣ отказа, который былъ очень вѣроятенъ, требовать прибавки жалованья, впрочемъ, очень скромной. Мы не догадались хранить въ тайнѣ свое твердое намѣреніе остаться въ Мангеймѣ; гораздо благоразумнѣе и согласнѣе съ нашими выгодами было—бы скрывать его; но двуличность была не въ нашихъ характерахъ, и мы не умѣли выгадывать себѣ пользу изъ добраго расположенія публики и положенія дирекціи, нуждавшейся въ насъ. Все это дѣло было улажено между нами въ нашемъ любимомъ мѣстѣ, у источника въ лѣсу; затѣмъ, мы назначили день собранія въ томъ—же мѣстѣ, для новаго совѣщанія по разнымъ предметамъ, относившимся къ нашему званію.

Все явились на совѣщаніе; каждый желалъ многое высказать, но никто не хотѣлъ начать. Наконецъ, одинъ рѣшился открыть засѣданіе замѣчаніемъ, что, рѣшившись остаться въ Мангеймѣ, не могли-ли мы опасаться, что послѣ долготѣшняго знакомства, публика охладѣетъ къ намъ? Могли-ли мы сами ручаться, что не станемъ равнодушны къ мнѣнію публики? Наконецъ, что обѣ стороны преспокойно и превѣжливо уснутъ другъ противъ друга? Какъ устранить эту опасность? Тутъ явились различныя предложенія, и все нашли спасительное средство въ отпускахъ, которые позволяли—бы намъ разъѣзжать, видѣть другихъ артистовъ и другую публику. Наконецъ совѣщанія перешли собственно къ искусству. Мы дали слово откровенно говорить другъ другу, что замѣчали взаимно въ своихъ талантахъ, успѣхъ, застой или отупленія.

Мы постоянно наблюдали въ тайнѣ другъ за другомъ, и иногда мимоходомъ высказывали другъ другу истину; но давно уже мы не входили въ подробное разсмотрѣніе своей дѣятельности. Въ эту минуту мы припомнили прежнія времена, когда, за исключеніемъ кратковременныхъ размолвокъ, все для насъ троихъ было общимъ на нашемъ артистическомъ поприщѣ — успѣхи, неудачи, слава. Мы пришли къ заключенію, что возвышеніе, если не уничтожило прежнихъ простыхъ радостей, то отвлекло насъ отъ нихъ, и что скромныя удовольствія въ тѣснѣйшей сферѣ дѣятельности доставляли намъ истинное наслажденія, котораго мы уже не испытывали въ настоящее время. Это повело къ формальному возобновленію прежняго уговора—никогда не терять другъ друга изъ виду, какъ - бы ни расширялась наша сфера дѣятельности. Мы условились также снова начать строго наблюдать другъ за другомъ, тщательно избѣгать всего, что могло—бы усыпить эту взаимную критику,

и стараться устранять все препятствия, какія она могла встрѣчать на пути. Потомъ мы перешли къ взаимному разсмотрѣнію своихъ заслугъ и недостатковъ, съ тою откровенностью, съ тѣмъ усердіемъ, которыя могутъ происходить только отъ искренняго желанія добра и самой нѣжной и безкорыстной дружбы.

Это разсмотрѣніе обнаружило намъ, что одинъ начиналъ замѣнять истину манерностью; что у другаго истина была слишкомъ нага и рѣзка, подходила къ тривіальности; что благородство третьяго начинало отзываться чопорностью и жеманствомъ. Мы стали приводить роли и мѣста, на которыхъ основывались эти заключенія. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, мы положили себѣ за правило—никогда не добиваться аплодисментовъ, особенно въ эффектахъ; въ этомъ отношеніи мы чрезвычайно строго наблюдали за собою, и выговаривали себѣ не на шутку, когда намъ случалось нарушить свое правило. Теперь-же, припоминая прошедшее, мы замѣтили, что зашли слишкомъ далеко. Иногда, увлекаясь самолюбивымъ удовольствіемъ принести большую жертву, мы отнимали силу и рельефность у роли, чтобы только не переступить рубежа. Вместе съ тѣмъ, страдала и истина выполненія; потому-что необходимость довести эффектную тираду до конца, не выходя изъ условленнаго спокойнаго и умѣреннаго тона, сковывала наши способности и охлаждала предыдущую сцену. Поэтому мы поставили границы этому закону, и рѣшили, что тирада, вставленная авторомъ для пополненія пустоты, должна быть произносима безъ особенной энергіи, а только соразмѣрно степени важности, которую она занимаетъ въ цѣломъ; но что въ сценахъ драматическихъ, гдѣ дѣйствіе требуетъ живости и энергіи, излишняя скромность и осторожность не должна мѣшать артисту придавать своей роли все значеніе, какое можетъ сообщить ей его талантъ. Мы условились также, когда кто изъ насъ будетъ недоволенъ другимъ, выражать свое неудовольствіе однимъ молчаніемъ, до обсужденія вопроса въ слѣдующемъ засѣданіи; одобренія же изъявлять дружескимъ наклоненіемъ головы. Затѣмъ, мы возобновили и подтвердили уговоръ, котораго никогда не нарушали: чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда мы были на сценѣ съ другими, врагомъ или другомъ, игра одного никогда не мѣшала интересу роли другаго; чтобы въ нѣмой игрѣ не позволять себѣ ничего такого, что не было-бы строго сообразно съ ролью и съ дѣйствіемъ; и чтобы прилагать всевозможное старанія къ тому, чтобы пополнять все недомолвки, поправлять все промахи въ дѣйствіи, какіе могли произойти отъ небрежности нашей или другихъ актеровъ. Наконецъ мы положили тверже заучивать роли, но особенно строго предписали мы себѣ два правила, которыя всегда соблюдали, первое

безусловно, второе по мѣрѣ возможности. Эти два правила были слѣдующія: во-первыхъ, чтобы передъ пустою залою удвоивать свои усилія и болѣе, чѣмъ когда-либо раскрывать все средства своего таланта; во-вторыхъ, чтобы въ случаѣ, еслибъ какое-нибудь несчастное обстоятельство не позволяло намъ достигъ этой цѣли, стараться по-крайней-мѣрѣ играть такъ, чтобы дать все-таки зрителямъ понятіе о своихъ способностяхъ. Эти условія остались тайною между нами, и никто ихъ даже не подозрѣвалъ. Когда доброе дѣло дѣлается отъ искренняго сердца, оно совершается въ тайнѣ и безъ похвальбы.

Принятое нами рѣшеніе вдохнуло новую жизнь во все представленія, даже самыхъ старыхъ пьесъ. Мы скоро пробудили публику изъ усыпленія, въ которое погрузили ее скучныя представленія конкурсныхъ пьесъ; все были восхищены внезапною переменною, оживленіемъ, которое считалось дѣломъ случайнымъ, тогда какъ оно было слѣдствіемъ строгихъ правилъ, которыя мы себѣ предписали. Время отъ сентября 1786 до сентября 1793 года было самою блестящею эпохою мангеймскаго театра.

Въ сентябрѣ 1786 года, баронъ фонъ-Дальбергъ далъ театру свою пьесу «Пустынный Кармельской горы». Представленіе было превосходное во всехъ отношеніяхъ. Въ предыдущемъ году театръ сдѣлалъ отличное пріобрѣтеніе въ лицѣ Сулеръ-Каульо, племянника знаменитаго директора. Его знаніе эффектовъ свѣта и перспективы, его благородный стиль и вкусъ приводили въ восторгъ всехъ истинныхъ знатоковъ. Первая декорация, сочиненная и выполненная этимъ даровитымъ художникомъ, явилась въ пьесѣ барона фонъ-Дальберга; она имѣла огромный успѣхъ и удостоилась самаго единодушнаго одобренія публики. Въ костюмахъ и въ обстановкѣ была соблюдена самая строгая историческая вѣрность. Вообще, эта пьеса, въ которой актеры несомнѣнно показали, сколько они интересовались успѣхомъ пьесы и свое желаніе отблагодарить автора за его расположеніе къ нимъ, была принята самымъ лестнымъ образомъ, не только въ первое представленіе, но и во все послѣдующія.

Зимою была поставлена опера «Елена и Парисъ», съ музыкою Винтера. Г-жа Мюллеръ, въ то время бывшая еще дѣвицею Буде, въ роли Амура была граціознѣе, чѣмъ когда либо, и пропѣла свою партію еще съ большимъ совершенствомъ. Г-жа Бекъ, своимъ искуснымъ и одушевленнымъ пѣніемъ и превосходною игрою, полною естественности и истины, оправдала громкую славу, которою уже пользовалась. Обстановка дѣлала честь режиссеру, Реншубу.

Еще лѣтомъ, въ Куферталѣ, написалъ я свою пьесу «Совѣсть».

Она была представлена 12 декабря, и съ большимъ успѣхомъ. Бекъ съ особеннымъ талантомъ выполнилъ роль Рухберга; главнымъ мѣстамъ роли, въ четвертомъ дѣйствіи, онъ придалъ поразительное выраженіе печали и благородства, вполне соответствовавшее моей мысли. Бейль, въ роли слуги Мейера, былъ неподражаемъ истиною своей игры; множествомъ мелкихъ чертъ, которыя онъ одинъ умѣлъ подмѣчать и передавать, онъ самъ создалъ характеръ, только слегка обрисованный въ пьесѣ, и представилъ тишь, живьемъ выхваченный изъ природы. Бекъ передалъ роль съ достоинствомъ и одушевленіемъ.

Читатель, можетъ быть, съ нетерпѣніемъ пробѣжитъ эти строчки, и скажетъ: «это все было, да прошло невозвратно». Правда; потому-то я объ этомъ и говорю. Архитекторъ, ваятель, живописецъ, могутъ сказать, глядя на свои созданія: «оно есть и будетъ!» Въ искусствѣ актера совѣмъ другое дѣло. Онъ можетъ совершенствоваться только цѣною всѣхъ своихъ силъ; каждый шагъ къ совершенству, каждое усиліе приближаетъ его къ могилѣ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть на него послѣ cadaго представленія, требующаго напряженія: какъ тяжело его дыханіе, какъ кровь бьется въ жилахъ, какъ потрясена вся нервная система! А между-тѣмъ, можетъ-ли онъ сказать, съ гордостью глядя на свои созданія, что они будутъ жить еще по смерти его? Нѣтъ, его созданія мелькнутъ и исчезнутъ, какъ улыбка на устахъ человѣка. Вотъ что побуждаетъ друга и почитателя великаго таланта посвящать нѣсколько словъ благодарности тому, что было и чего уже нѣтъ!

1787 годъ былъ замѣчательнъ только постоянными усиліями всѣхъ членовъ нашей труппы. Мюллеръ, мангеймскій уроженецъ, оставилъ оркестръ и дебютировалъ въ роли Одоарда. Онъ уже прежде обратилъ на себя вниманіе любителей и знатоковъ, играя на домашнихъ театрахъ, и мангеймцы привѣтствовали своего земляка восторженными рукоплесканіями. Въ послѣдствіи, въ серьезно-комическихъ роляхъ онъ явилъ такой замѣчательный талантъ, что его, по справедливости, должно считать въ числѣ самыхъ заслуженныхъ артистовъ.

Въ этомъ году, какъ и въ 1784, я игралъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Благосклонный пріемъ, который я всегда встрѣчалъ со стороны франкфуртской публики, останется навсегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній. Около того-же времени окончилъ я свою пьесу подъ названіемъ «Искушеніе раскаяніемъ». Она представлена въ 1788 году, но безъ успѣха. Въ теченіе года, Мерсье, совершая путешествіе въ Швейцарію, на обратномъ пути въ Парижъ заѣхалъ въ Мангеймъ. Онъ тогда уже предсказывалъ съ изумительною точно-

стію все, что происходило во Франціи съ-тѣхъ-поръ, до 1790 года, и многое другое. Но такія событія не принадлежатъ къ моему предмету. Мерсье остался очень доволенъ мангеймскимъ театромъ, особенно представленіе «Разбойниковъ» доставило ему чрезвычайное удовольствіе. Скромность не позволяетъ мнѣ повторять лестныхъ выраженій, въ которыхъ онъ отзывался о моемъ выполненіи роли Франца Мора; но признаюсь, что эти похвалы имѣли для меня двойную цѣну въ устахъ Мерсье. Онъ желалъ преобразованія французскаго театра съ такимъ-же жаромъ, съ какимъ стремился къ преобразованіямъ въ другихъ сферахъ общежитія.

Лѣтомъ того-же года, курфиреть посѣтилъ Мангеймъ. Онъ очень интересовался нашимъ театромъ, и мы дали для него нѣсколько представленій, особенно тщательныхъ и удачныхъ. Къ этому времени сочинилъ я своего «Фигаро въ Германіи». Осенью курфиреть пріѣхалъ еще разъ, совершенно неожиданно. Всѣ стали поговаривать о его намѣреніи поселиться въ Мангеймѣ на житье; это предположеніе казалось тѣмъ правдоподобнѣе, что почти весь дворъ и значительная часть гвардіи сопровождали его въ этотъ пріѣздъ.

Зимою того-же года, я былъ приглашенъ, какъ и въ предыдущіе года, дать нѣсколько представленій въ Карльсруэ. Благосклонность и просвѣщенныя, умныя замѣчанія маркграфа, пріятное общество семейства Эдельсгеймовъ и нѣсколько незабвенныхъ вечеровъ въ бесѣдѣ Шлоссера, всегда придавали для меня особенную прелесть этимъ поѣздкамъ. Курфиреть рѣдко бывалъ въ театрѣ, частію по слабости здоровья, частію по жестокости этой зимы. Въ іюнѣ 1788 года онъ возвратился съ дворомъ въ Мюнхенъ. Послѣ того онъ не видалъ уже Пфальца. Я прогуливался за городомъ, въ то время, какъ онъ переправился черезъ Рейнъ, чтобы проститься съ супругою въ Оперсгеймѣ, и, миновавъ городъ, въ Швецингенъ. Онъ не предвидѣлъ, да и никто не могъ предвидѣть тогда, что онъ навсегда прощался съ прекрасною частію Пфальца, лежащею за Рейномъ.

Въ этомъ году были представлены первыя произведенія Коцебу. «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Индійцы въ Англіи», «Стрѣльцы» произвели сильное впечатлѣніе на публику и возбудили громкія рукоплесканія. Въ этомъ-же году Брокманъ далъ нѣсколько представленій на мангеймскомъ театрѣ. Кромѣ нѣсье Бомаршэ, онъ исполнилъ роли Эльборна въ «Непостоянномъ мужѣ», оберфоретмейстера въ «Охотникахъ», и актера въ «Свадьбѣ черезъ газеты». Въ самый день его пріѣзда, я принужденъ былъ отправиться въ Сарбрукъ, гдѣ далъ слово играть на одномъ домашнемъ театрѣ, и поэтому

могъ насладиться его превосходнымъ талантомъ только по отзывамъ, которые дошли до меня по возвращеніи; впрочемъ, я видалъ его уже прежде, въ Ганноверѣ, и не разъ дивился его великому дарованію. Брокманъ дружески сказалъ мнѣ, что императоръ Іосифъ поручилъ ему ангажировать меня на вѣнскій театръ. Мы говорили объ этомъ наканунѣ его отъѣзда. Предложеніе это было слѣдствіемъ одного разговора моего съ графомъ Лербахомъ, австрійскимъ посланникомъ при пфальцскомъ дворѣ. Я собирался въ то время издать собраніе своихъ драматическихъ сочиненій и просилъ его содѣйствія къ исходатайствованію мнѣ привилегіи, чтобы оградиться противъ ихъ перепечатанія. Въ разговорѣ, я сказалъ мимоходомъ, что очень желалъ-бы посмотрѣть на вѣнскій театръ. Должно полагать, что я выразился не совсѣмъ ясно; потому-что изъ его отвѣта мнѣ показалось, будто онъ принялъ мои слова за намекъ о желаніи ангажироваться въ Вѣну. Полагаясь на то, что онъ забудетъ объ этомъ разговорѣ, я счелъ не нужнымъ противорѣчить ему и объяснить недоразумѣніе. Послѣ этого, лестное предложеніе Брокмана поставило меня въ немалое затрудненіе, тѣмъ болѣе, что онъ казался былъ убѣжденъ, что первая мысль была подана мною. Каждый артистъ, каковъ-бы ни былъ его образъ мыслей, почувствуетъ нѣкоторое волненіе, когда ему предлагается сфера дѣятельности, какую можетъ представить только большой городъ, какъ на-примѣръ Вѣна. У меня-же были друзья, которые увѣряли, что мое продолжительное пребываніе въ Мангеймѣ—безразсудство, что оно должно останавливать развитіе моихъ способностей. Эти соображенія и другія обстоятельства заставили меня задуматься надъ сдѣланнымъ мнѣ предложеніемъ. Я освѣдомился объ условіяхъ; они оказались ниже самыхъ умѣренныхъ условій, которыхъ я имѣлъ право ожидать. Я душевно обрадовался этому обстоятельству: сама судьба приходила ко мнѣ на помощь. Я объяснилъ Брокману, что предложенное мнѣ вознагражденіе, 1500 гульденовъ, слишкомъ ничтожно, даже не принимая въ соображеніе правъ, которыя давало мнѣ настоящее мое положеніе. А какъ Брокману не дано было полномочія на измѣненіе условій, то мы рѣшились вести дальнѣйшія переговоры писменно. Нѣсколько недѣль спустя, я получилъ письмо отъ какого-то господина Юнгера, въ которомъ мнѣ предлагалось девять сотъ конвенціонныхъ талеровъ и, сверхъ того, деньги нужныя на костюмы. Но хотя господинъ Юнгеръ въ своемъ письмѣ назывался высокопарнымъ титуломъ поэта придворнаго театра, что пожалуй, могло внушить мнѣ особенное уваженіе къ особѣ господина Юнгера, но онъ никакъ не объяснялъ мнѣ, на какомъ основаніи переговоры велись имъ или черезъ него. Въ самомъ

письмѣ были еще очень странныя условія. Между прочимъ, я долженъ былъ ангажироваться только на одинъ годъ, съ тѣмъ, чтобы, если поправлюсь публикѣ, возобновить контрактъ навсегда; въ противномъ-же случаѣ предоставлялось мнѣ, по истеченіи этого года, идти на всѣ четыре стороны. Я видѣлъ ясно непрочность такого рода условій, и прекратилъ переговоры. Въ послѣдствіи я имѣлъ случай убѣдиться, что поступилъ благоразумно: примѣръ Бека съ пьесою, которую онъ далъ вѣнскому театру, показалъ, какъ мало вѣнская дирекція стѣснялась общаніями, данными отъ ея имени ея титулованнымъ поэтомъ, господиномъ Юнгеромъ.

Сестры Кейльгольцъ пріѣхали въ этомъ году въ Мангеймъ, дать нѣсколько представленій. Старшая такъ очаровала всѣхъ своимъ выразительнымъ пѣніемъ и красотою, что ради ея публика была снисходительна къ слабости меньшей сестры. Обѣ были ангажированы. Вскорѣ послѣ того, старшая явила въ роли «Маріи Стюартъ», въ Глуковой «Ифигеніи», въ «Нинѣ» самый рѣдкій трагическій талантъ. Усердіе и соперничество, которое эта великая артистка возбудила во всей труппѣ, придали особенный блескъ этому періоду мангеймскаго театра. Къ чести мангеймской публики я долженъ сказать, что при всемъ энтузіазмѣ, возбужденномъ дѣвицею Кейльгольцъ, публика была справедлива и къ другимъ артистамъ, и умѣла вполне цѣнить достоинства каждаго въ своемъ родѣ. Не разъ она являла разительные примѣры своего безпристрастія, и изъявленіями своей признательности и уваженія награждала каждое усиліе угодить ей, поощряла каждое стремленіе къ совершенствованію таланта и къ стяжанію славы. Случалось иногда, что нѣкоторыя лица, падкія на все новое, или хотѣвшія во что-бы ни стало управлять театромъ и общественнымъ мнѣніемъ, пользовались отсутствіемъ того или другого артиста, чтобы ниспровергнуть славу, добытую трудомъ и дарованіемъ, и составить противъ нихъ партію; но всѣ эти покушенія разбивались о безпристрастіе публики.

Между-тѣмъ, перевороты, начавшіеся въ этомъ году во Франціи, наполнили Германію толпою бѣглецовъ всякаго рода; еще больше наѣхало ихъ въ 1790 году. Многіе изъ нихъ поселились въ Мангеймъ и въ его окрестностяхъ. Живость французскаго характера стала скоро показываться и въ театрѣ; быстрота, съ которою французская часть публики схватывала драматическое положеніе, живое участіе, которое она принимала въ немъ, представляли разительную противоположность медленности и флегмѣ нѣмцевъ. Французская воспріимчивость скоро сообщила невольню и остальной публикѣ, придала новую силу стараніямъ артистовъ, и стала съ неимовѣрною быстротою развивать въ

нихъ каждый зародышъ таланта. Черезъ это представленія одушевились, и артисты, иногда безсознательно, достигали степени совершенства, о которой имъ никогда - бы и не мечтать безъ благотворнаго вліянія публики.

Къ пасхѣ 1790 года, мнѣ было предложено, по приказанію прусскаго короля, принять дирекцію берлинскаго національнаго театра. Условія были очень выгодны и лестны, и предложеніе тѣмъ болѣе обрадовало меня, что я никогда не думалъ добиваться такой чести. Я уже собирался ѣхать въ Берлинъ, за болѣе положительными свѣдѣніями, какъ вдругъ узналъ, что какая-то дама предложила другой проэктъ, которымъ сдѣланное мнѣ предложеніе отмѣнялось. Поэтому вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Берлинъ, я сѣлъ на рейнскій пакетботъ, и отправился въ Дюссельдорфъ. Часть пути я совершилъ съ знаменитымъ Форстеромъ. Въ описаніи своего путешествія, онъ упоминаетъ обо мнѣ въ выраженіяхъ, свидѣтельствующихъ о его расположеніи ко мнѣ. Я полагаю, что никто не упрекнетъ меня въ тщеславіи, за то, что я съ нѣкоторою гордостью сылаюсь на такой лестный для меня отзывъ.

Къ празднествамъ по случаю коронованія императора Леопольда, я написалъ своего «Фридриха Австрійскаго» для майнцкой труппы, игравшей въ это время во Франкфуртѣ. Я также былъ приглашенъ дать на этомъ театрѣ нѣсколько представленій.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Мангейма, баронъ фонъ-Дальбергъ узналъ отъ одного пріѣзжаго изъ Вѣны, что тамъ снова поговаривали объ ангажированіи меня на придворный театръ. Я самъ ничего не зналъ объ этомъ, и получилъ первое извѣстіе отъ барона фонъ-Дальберга. Срокъ нашимъ контрактамъ долженъ былъ наступить въ слѣдующемъ году, и моя поѣздка во Франкфуртъ представляла мнѣ очень удобный случай заключить выгодный контрактъ съ вѣнскою дирекціею. Обстоятельства были довольно важныя для обѣихъ сторонъ. Баронъ фонъ-Дальбергъ откровенно изъявилъ мнѣ свое опасеніе лишиться меня, и въ то-же время повторилъ слова супруги курфирета, о которыхъ я уже зналъ: — « Я не думаю, говорила она въ присутствіи многихъ лицъ: чтобы Ифландъ оставилъ насъ, пока я жива; онъ далъ мнѣ слово, а для него слово свято». Эти два обстоятельства тронули меня; я видѣлъ ясно, что баронъ фонъ-Дальбергъ уважалъ меня, какъ человѣка, а его уваженіе и довѣренность были мнѣ всегда драгоцѣнны. Я многимъ пожертвовалъ, чтобы оправдать его доброе мнѣніе. Съ другой стороны, я припоминалъ слова курфиретши и данное мною обѣщаніе. Съ 20 ноября 1785 года, она возымѣла мнѣніе о нѣмецкихъ артистахъ совершенно противоположное прежнему; часто посѣщала театръ, прини-

мала живое участіе въ его успѣхахъ, и не разъ изъясляла намъ свое благорасположеніе въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Всѣ эти причины, и дружескія связи, которыя мнѣ пришлось бы прервать, представляли мнѣ рѣзкую съ Мангеймомъ какъ нѣчто невозможное, хотя разсудокъ шепталъ, что личныя выгоды, какъ матеріальныя, такъ и артистическія, предписывали мнѣ принять предложеніе вѣнской дирекціи. Я тотчасъ отвѣчалъ барону фонъ-Дальбергу, что вовсе не намѣренъ оставлять мангеймскій театръ, и представилъ ему причины, побуждавшія меня къ такому рѣшенію. Какъ онъ, по-видимому, сомнѣвался еще въ истинѣ моихъ словъ, я обязался честию не заключать во Франкфуртѣ никакихъ условій безъ его вѣдома, если онъ не довольствовался однимъ моимъ обѣщаніемъ. Признаюсь, что послѣ буквального исполненія всѣхъ моихъ обѣщаній, послѣ откровенности, съ какою я всегда дѣйствовалъ, сомнѣнія барона фонъ-Дальберга огорчили, даже оскорбили меня; я высказалъ ему это, и потомъ прибавилъ: — «Послѣ этого откровеннаго объясненія и положительнаго обѣщанія, которое я даю не только за себя, но также за Бека и Бейля, если театръ рѣшится предоставить намъ нѣкоторое обезпеченіе на будущее время, — я полагаю, что, прослуживъ тринадцать лѣтъ, и отказываясь отъ выгодныхъ условій, которыя намъ предлагаются и будутъ еще предлагаться впредь, мы имѣемъ право ожидать отъ двора милости, которую онъ безъ труда оказываетъ иностранцамъ, а именно пенсіи на то время, когда силы не позволятъ намъ продолжать службу, или на случай, еслибъ мангеймскій театръ, по непредвидимымъ причинамъ, былъ закрытъ. Я съ твердою надеждою жду этого отъ справедливости и милосердія курфирста». Баронъ фонъ-Дальбергъ обѣщалъ мнѣ ходатайствовать за насъ, сдержалъ слово, и скоро достигъ своей цѣли. Пріѣхавъ во Франкфуртъ на коронованіе, онъ показалъ мнѣ курфирстскія грамоты на пенсіи Бейлю, Беку и мнѣ.

Наконецъ судьба моя была рѣшена на всю жизнь; я съ радостью думалъ, что никакое колебаніе, никакое искушеніе не могли впредь отвлекать меня отъ моего рѣшенія; я былъ счастливъ мыслью, что безкорыстіе, съ которымъ я отказался отъ предлагаемыхъ мнѣ выгодъ, принесло равную пользу не только мнѣ, но и другимъ. Дѣйствительно, какъ скоро примѣръ былъ показанъ и путь проложенъ, другіе актеры стали также ходатайствовать себѣ пенсіи, и достигли своей цѣли, безъ большаго труда. Между-тѣмъ, императоръ Леопольдъ присутствовалъ на одномъ представленіи, въ которомъ я игралъ, и очень ясно показалъ, что былъ доволенъ мною. Приличіе требовало, чтобы изъ всѣхъ вѣнскихъ вельможъ, сопровождавшихъ императора, первый визитъ я сдѣлалъ одному престарѣлому князю, изъяслявшему желаніе познакомиться

со мною. Отъ него я могъ узнать въ точности, какую судьбу назначали мнѣ въ Вѣнѣ, а это было очень понятное любопытство; сверхъ того мнѣ слѣдовало благодарить его за подарки, доставленные мнѣ имъ отъ императора. Тринадцать разъ добивался я чести ему представиться, и все напрасно; наконецъ, въ четырнадцатый разъ попалъ я въ его уборную, благодаря его другу, покойному баденскому министру Эдельсгейму, который самъ ввелъ меня. Князь былъ занятъ туалетомъ. Довольно долго смотрѣлъ онъ на меня, не говоря ни слова, и наконецъ рѣшился сказать: — «Вы желаете ангажироваться на вѣнскій театр? его величество согласенъ. Пріѣзжайте въ Вѣну, послѣ венгерскаго коронованія, и навѣдайтесь у меня. Мы поговоримъ тогда». Я поклонился, бросился съ лѣстницы со всѣхъ ногъ и, прибѣжавъ домой, принялся ходить по комнатамъ въ невыразимой радости, что условія съ Мангеймомъ были уже заключены и подписаны. Я тотчасъ-же написалъ барону фонъ-Дальбергу о моемъ визитѣ къ австрійскому вельможѣ, чтобы показать, что оставаясь въ Мангеймѣ, я приносивъ не такую огромную жертву, какъ онъ полагалъ. Моей памяти представлялись трогательно простые слова, которыми курфиретша приглашала меня остаться въ Мангеймѣ, и дружескія опасенія моего начальника, когда дошло до него извѣстіе объ имѣвшихся на меня видахъ. Я былъ въ восторгѣ, что могъ остаться въ своей скромной сферѣ, Австрия пламенно желала возвратиться въ Мангеймъ. Моя драма «Фридрихъ Австрійскій», доставила мнѣ много пріятныхъ минутъ, особенно, когда она давалась въ присутствіи императорекой фамиліи. Публика, при этомъ случаѣ, ясно высказала надежды, которыя подавало избраніе тосканскаго законодателя на императорскій престолъ. Другая пьеса, написанная мною въ томъ-же году, «Осенній день», была въ то-же время играна во Франкфуртѣ, и съ такимъ-же успѣхомъ. Я былъ представленъ императору, который сказалъ мнѣ нѣсколько очень милостивыхъ и лестныхъ словъ. Я не намѣренъ описывать коронованіе и сопровождавшіе его праздники; другіе описали его прежде и лучше меня. Блескъ золота, серебра, драгоценныхъ камней, экипажи, пушечная пальба, поѣзды, иллюминаціи, барабаны, колокола, все это такъ ослѣпило и оглушило меня, что мнѣ стало какъ-то не выразиимо легко и отрадно, когда я перѣѣхалъ черезъ саксенгаузенскій мостъ, на обратномъ пути въ Мангеймъ. То, что я почувствовалъ, когда вступилъ въ близлежащій лѣсъ и очутился среди спокойствія и безмолвія природы, можетъ сравниться съ ощущеніемъ выздоравливающаго больнаго, въ первый разъ выходящаго изъ дому. Я съ наслажденіемъ впитывалъ этотъ свѣжій и ароматный воздухъ. По возвращеніи моемъ въ Мангеймъ, намъ выдали па-

тенты, подписанные собственною рукою курфирета, въ которыхъ намъ было обѣщано занятіе на всю жизнь, въ Мангеймѣ или въ Мюнхенѣ. На этотъ разъ я прочелъ патентъ съ бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ въ первую минуту радости, и съ удивленіемъ замѣтилъ, что уплата нашихъ пенсій была возложена не на курфиретскія казначейства, какъ я просилъ, а на театральную кассу. Я представилъ, что въ случаѣ закрытія мангеймскаго театра, касса его также закроется, и что тогда, пожалуй, новый министръ финансовъ обратитъ меня къ этой кассѣ, которая, не имѣя капиталовъ, скоро опустѣетъ, и что затѣмъ всѣ домогательства наши будутъ оставлены безъ вниманія, можетъ быть, даже отвергнуты на-отрѣзъ. Но баронъ фонъ-Дальбергъ увѣрилъ меня, что въ такомъ случаѣ главное казначейство приметъ на себя отвѣтственность по облигаціямъ всѣхъ другихъ кассъ; я успокоился и, 4 ноября 1790 года, подписалъ пожизненный контрактъ съ мангеймскою дирекціею. Когда я бралъ перо, чтобы подписать свое имя, баронъ фонъ-Дальбергъ спросилъ меня, не страшно-ли мнѣ связать себя на всю жизнь, и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ, контрактъ можетъ быть заключенъ на шесть лѣтъ. Я отвѣчалъ ему отъ чистаго сердца, и съ нѣкоторымъ волненіемъ, что, пробывъ въ Мангеймѣ столько времени, и особенно въ такихъ лѣтахъ, когда человѣкъ всего болѣе тянетъ посмотрѣть на свѣтъ, я достаточно доказалъ свою привязанность къ нему и къ своей новой родинѣ, и свое желаніе провести остатокъ жизни въ спокойствіи, съ скромными, но обезпеченными средствами. Затѣмъ, я подписалъ контрактъ, а баронъ фонъ-Дальбергъ, по условію, выдалъ мнѣ изъ собственнаго кармана, съ уплатою помѣсячно и безъ процентовъ, сумму потребную на покупку небольшого имѣнья на Рейнѣ, которое давно соблазняло меня, и котораго я не покупалъ только за неимѣніемъ денегъ.

Въ томъ-же году сарбрукская дирекція заказала мнѣ пьесу въ одномъ дѣйствіи для торжества, готовившагося по случаю присоединенія этой области къ владѣніямъ Лудвига. Я написалъ своего «Лукассаца», который былъ представленъ въ Сарбрукѣ съ успѣхомъ; принцъ Лудвигъ назначилъ мнѣ пенсію съ тѣмъ, чтобы я игралъ отъ времени-до-времени въ этомъ городѣ и принялъ дирекцію театра любителей. Тутъ имѣлъ я счастье познакомиться съ финансъ-совѣтникомъ Штенгелемъ, котораго память мнѣ будетъ всегда драгоценна. Ни почести, ни бѣдствія никогда не могли измѣнить его твердыя и возвышенныя убѣжденія и кроткій нравъ. Съ обширными свѣдѣніями онъ соединялъ вѣрный вкусъ и пламенное сочувствіе ко всему истинно прекрасному: я многимъ обязанъ его дружбѣ и совѣтамъ.

Обезпеченный на будущее время пріятными и выгодными сношеніями

съ Карлеруэ, Сарбрукомъ и Диркгеймомъ, я могъ вполнѣ наслаждаться настоящимъ. Перенесеніе пфальцграфской столицы изъ Страсбурга въ Мангеймъ быстро оживило этотъ городъ. Участіе, которое пфальцграфъ и его семейство принимали въ театрѣ, ихъ вниманіе и поощреніе, придали новую жизнь нашимъ представленіямъ и одушевили всѣхъ актеровъ новымъ рвеніемъ къ искусству.

Между-тѣмъ событія быстро смѣнялись въ Парижѣ, то распространяя страхъ и ужасъ, то внушая опять спокойствіе. Національное Собраніе объявляло, что оно намѣрено только блюсти безопасность Франціи и неприкосновенность ея границъ, но не стремится къ завоеваніямъ. Съ другой стороны, видѣли мы безпокойство и волненіе эмигрантовъ, съ ихъ странностями, причудами и безразсудствами. Пестрота этой, безпрестанно измѣняющейся и обновляющейся, толпы, бесѣды съ нѣкоторыми замѣчательными людьми, придавали особенную прелесть обществу и жизни. Никто изъ насъ не предугадывалъ ужасной бури, кровавой борьбы, которая скоплялась мало-по-малу и готовилась такъ жестоко разрушить наше спокойствіе и миръ всей Европы. Съ половины 1791 года, а еще болѣе съ весны 1792 г., положеніе дѣлъ и впечатлѣніе ихъ на умы стали видимо измѣняться. Люди, бывшіе главнымъ предметомъ разговоровъ, спокойные и разумные, стали горячиться и увлекаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разговоры обратились въ рѣзкіе, язвительные споры. Началась жестокая распря мнѣній. Не успѣли оглянуться, какъ согласіе исчезло даже изъ самыхъ обиходныхъ сношеній. Безпорядокъ сталъ показываться, сначала слабо, потомъ все сильнѣе и рѣзче, въ театрахъ, и отразился даже въ домашнемъ быту актеровъ.

Безразсудные, нерѣдко дерзкіе поступки эмигрантовъ оскорбляли горожанъ. Ихъ шумный энтузіазмъ, обнаруживавшійся при каждой сценѣ, имѣвшей какое-нибудь сродство съ собственнымъ ихъ положеніемъ и чувствами, былъ чуждъ большинству публики. Такой примѣръ былъ при представленіи оперы «Ричардъ-львиное сердце». Рыданія, вопли, крики прерывали представленіе, на которое собралась цѣлая толпа эмигрантовъ, которыхъ природная воспріимчивость и впечатлительность была еще напряжена горестью, негодованіемъ, самолюбіемъ, бѣдствіями и надеждою, и обнаруживались дикими возгласами и движеніями. Множество стиховъ было брошено на сцену, и шумъ унялся не прежде, какъ по прочтеніи ихъ. Окончательная сцена оперы, представляющая вторженіе Блонделя въ замокъ и освобожденіе Ричарда, довела волненіе зрителей до изступленія; они вскочили на скамьи и огла-

силы залу криками и воззваніями за Людовика XVI, котораго судьба не была еще рѣшена.

Послѣ представленія, все французы и многіе изъ туземцевъ вызвали всехъ участвовавшихъ въ оперѣ. Артисты повиновались. Имъ надлежало бы только поклониться и не говорить ни слова. Но когда занавѣсъ поднялся, и актеры вышли, въ залѣ водворилось глубокое молчаніе. Публика ждала отвѣта, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ. Въ настоящихъ обстоятельствахъ опасно было не отвѣчать взволнованной толпѣ, а трудно было дать такой отвѣтъ, который не могъ-бы произвести непріятнаго впечатлѣнія на нѣкоторые умы; эти же нѣкоторые недовольные могли черезъ нѣсколько дней составить большинство. Нужно было отвѣчать, а обдумывать отвѣтъ было некогда. Взволнованный шумомъ и, особенно, горестными восклицаніями партера, я сказалъ по-французски: — «дай Богъ, чтобы для короля нашелся Блондель, который спасъ-бы его!» Вся публика, французы и нѣмцы, единодушно повторили это желаніе и занавѣсъ опустился. Хотя объ этомъ происшествіи много не толковали, однако я приписываю ему нѣкоторыя непріятныя и горестныя минуты, которыя я испыталъ на своемъ драматическомъ поприщѣ. Я сказалъ то, что долженъ былъ сказать, и по внушенію сердца и по обстоятельствамъ, въ которыхъ находился.

Я всегда старался заслужить расположеніе всей благомыслящей публики, безъ угожденія той или другой партіи. Можетъ быть, я въ этомъ зашелъ слишкомъ далеко и самъ повредилъ себѣ своимъ стараніемъ избѣгать всего, что могло походить на искательство. Хотя я не имѣлъ никакихъ сношеній съ эмигрантами, кромѣ одного почтеннаго человека, котораго я зналъ прежде, задолго еще до этого времени; однако, послѣ рассказаннаго происшествія, они начали оказывать мнѣ нѣкоторое предпочтеніе предъ моими товарищами. Одинъ талантливый актеръ и добрый товарищъ, повѣривъ наговорамъ сплетниковъ, вздумалъ, будто я употребилъ безчестныя средства, чтобы наwerbовать себѣ партію хвалителей и тѣмъ затмить его. Это возбудило въ немъ зависть, которой прежде между нами не бывало. До того времени онъ не принималъ никакого участія въ партіяхъ публики; но чтобы перевѣсить мое мнимое вліяніе, онъ обратился къ покровительству противной партіи, и сталъ заискивать ея расположенія. Отсюда пошли толки обо мнѣ, неблагопріятные отзывы, сплетни, которыхъ происхожденіе и значеніе я узналъ уже послѣ. Враждъ моего прежняго пріятеля я противопоставилъ только терпѣніе, кротость и увѣренность въ своей правотѣ; старался пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для откровеннаго

объясненія, подтверждая свои слова фактами. Соперникъ принужденъ былъ убѣдиться въ своей несправедливости и благородно сознался въ ней. Послѣ того, мы нѣсколько недѣль жили въ совершенномъ согласіи, но потомъ ложное честолюбіе и новые наговоры побудили его опять присоединиться къ враждебной мнѣ партіи. До того времени, я считалъ обязанностью поддерживать старую дружбу, не смотря на видимое отчужденіе друзей; но тутъ, видя, что я не могъ поговорить или расклататься съ человѣкомъ, чтобы не подвергнуться пересудамъ; что каждое мое дѣйствіе было перетолковано въ дурную сторону, я рѣшился, для своего спокойствія, отступить самъ. Большую часть свободного времени я сталъ проводить въ саду, у слиянія Некара съ Рейномъ, занимаясь литературою, и почти не видя никакого общества. Въ этомъ году были представлены мои пьесы «Элиза фонъ-Вальбергъ» и «Холостяки».

Хотя я тогда, какъ и теперь, вовсе не имѣлъ знакомыхъ въ Вѣнѣ, и вовсе не искалъ и не желалъ оттуда ни приглашеній, ни заказовъ, однако около этого же времени я получилъ изъ Триеста, по приказанію императора Леопольда, приглашеніе написать для вѣнскаго театра пьесу на сюжетъ избранный самимъ императоромъ. Сюжетъ былъ не въ моемъ вкусѣ; я предвидѣлъ, что такое произведеніе должно было подвергнуться пересудамъ, перетолкованіямъ, и слѣдовательно не достигло-бы предположенной цѣли. Поэтому я предложилъ написать пьесу въ такомъ же духѣ, но по собственному выбору, представивъ въ ней пагубное дѣйствіе духа партій. Такой трудъ имѣлъ для меня еще другой интересъ: я могъ въ немъ высказать то, что самъ испытывалъ и ощущалъ въ это время. Мое предложеніе было принято, и я написалъ пьесу «Кокарды», которая однако не ушла отъ злоумышленныхъ перетолкованій, которыхъ я такъ боялся.

Въ это время я совершилъ, съ нѣсколькими неизмѣнными друзьями, поѣздку по Рейну. Передъ шведскою колонною, одушевленные воспоминаніемъ о подвигахъ Густава-Адольфа, мы осушили кубокъ во славу шведскаго героя, сопровождая тостъ искреннимъ желаніемъ, чтобы никогда иностранецъ не побѣждалъ нѣмецкаго народа. Отъ Густава-Адольфа мысли наши перенеслись къ смѣлымъ предпріятіямъ Густава III, и мы рѣшили, что «Кокарды» будутъ посвящены ему. Это рѣшеніе было исполнено съ увлеченіемъ людей, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ первой мысли, поражающей ихъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Съ появленія этой пьесы до напечатанія ея въ сентябрѣ 1792 года, многія лица, изъ желанія-ли повредить мнѣ, или въ простотѣ своей души, клеветали на меня. Рассказывая въ точности и безъ при-

красы всё обстоятельства дѣла, какъ они были, я желалъ бы дать о себѣ болѣе вѣрное понятіе. Всё мои драматическія сочиненія, писанныя и прежде и послѣ того, могутъ, мнѣ кажется, оправдать меня отъ обвиненія, ибо я никогда не писалъ въ пользу какого-нибудь исключительнаго сословія.

Если въ приведенныхъ обстоятельствахъ я долженъ былъ заплатить почти всё своимъ спокойствіемъ, то еще больше пало на меня заботъ, непріятностей и огорченій, когда я принялъ, въ 1792 году, должность режиссера. Реншубъ, занимавшій до-тѣхъ-поръ эту должность, отказался отъ нея, чтобы принять ту же должность, на болѣе годныхъ условіяхъ въ своемъ родномъ городѣ, Франкфуртъ-на-Майнѣ. Нашъ театръ лишился въ немъ хорошаго актера на серьезные роли и резонеровъ. Г-жа Реншубъ играла съ благородствомъ и чувствомъ роли матерей. Нѣкоторыя попытки ея въ высокой комедіи, на-примѣръ, роль гувернантки въ «Элизѣ фонъ-Вальбергъ», показали, какъ далеко она могла пойти въ этой отрасли искусства. Во всякомъ случаѣ, это была важная утрата для театра, который она покинула въ цвѣтѣ лѣтъ.

Разныя обстоятельства, которыхъ исчисленіе повело-бы меня слишкомъ далеко, не позволяли мнѣ уклониться отъ этой должности въ такое трудное время, а привычка прилагать всевозможное стараніе къ исполненію каждой принятой на себя обязанности, заставила меня посвятить ей все время, которое я прежде употреблялъ на ученіе, и принести ей въ жертву многія выгоды и свое душевное спокойствіе. Планъ, который я предложилъ себѣ въ своей новой должности, состоялъ въ томъ, чтобы содѣйствовать интересамъ артистовъ, сколько допускали мои обязанности, въ убѣжденіи, что это лучшее средство способствовать выгодамъ цѣлаго. Проектъ, представленный мною барону фонъ-Дальбергу и имъ утвержденный, доннынѣ хранится въ архивѣ мангеймскаго театра. Я могу сказать, что держался его сколько было возможно, и смѣло сошлюсь на свидѣтельство всѣхъ членовъ тогдашней труппы. Составляя правила для актеровъ, я старался убѣдить ихъ, что собственный интересъ ихъ зависѣлъ отъ строгаго соблюденія этихъ правилъ. Такимъ-образомъ, я навсегда устранилъ принужденіе, робость, досаду, чувство обиженнаго самолюбія, которыя обыкновенно рождаются въ актерѣ послѣ выговора, неловко едѣланнаго ему за какіе-нибудь пустяки. Нѣкоторые театральные уставы вдаются въ педантизмъ, въ мелочность, въ щепетильность, которыя невозможно согласить съ болѣе или менѣе неровнымъ и обидчивымъ правомъ почти cadaго артиста. Они писаны скорѣе для ремесленниковъ, чѣмъ для артистовъ. Правда, что немногіе актеры заслуживаютъ названіе артистовъ; однако директоръ всегда

будетъ въ выигрышѣ, обходясь съ ними, какъ съ артистами, хоть тѣмъ уже, что будетъ пользоваться отъ нихъ такимъ-же уваженіемъ, какое будетъ оказывать имъ самъ. Быть вѣжливымъ съ человѣкомъ — лучшее средство принудить его къ вѣжливости.

Должно стараться какъ можно менѣе стѣснять талантъ артиста въ то время, какъ онъ начинаетъ чувствовать свою силу. Если артистъ, явившійся сегодня въ полномъ блескѣ юнаго таланта, завтра провинится, надо умѣть простить ему, и не смотрѣть на ничтожное нарушеніе какого-нибудь домашняго правила, какъ на уголовное преступленіе. Минутный капризъ, забытый сегодня, заставитъ его завтра согласиться на то, чего, въ противномъ случаѣ, онъ не сдѣластъ. Сверхъ того, тамъ, гдѣ въ искусствѣ нѣтъ монополіи, гдѣ ни одинъ талантъ не заковывается насильно въ тѣсную рамку того или другаго ампула, никто не можетъ быть безусловно необходимъ, а когда можно обойтись безъ артиста, каждый его капризъ обратится противъ него самого. По плану, который я предложилъ, каждый артистъ могъ быть замѣненъ, начиная съ меня самого. Иначе, могъ-ли-бы мангеймскій театръ, понеся много очень важныхъ потерь, отчасти смертью, отчасти выходомъ ихъ труппы даровитыхъ и заслуженныхъ артистовъ, удержаться, если не въ прежнемъ своемъ блескѣ, то все-таки въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ нѣкоторые другіе театры, послѣ гораздо меньшихъ утратъ?

Я старался внушить любовь къ занятіямъ и стремленіе къ образованію, не прибѣгая къ педантическимъ мѣрамъ; показывать примѣръ дѣятельности, твердости безъ упрямства, и основать свою власть на откровенности въ своихъ дѣйствіяхъ и на общемъ довѣріи. Не мнѣ судить о томъ, до какой степени я успѣлъ въ своихъ усиліяхъ; но подлинныя документы свидѣтельствуютъ, что во все время моего управленія, съ 1792 по 1796 годъ, была одна только жалоба, и та изъ пустяковъ, за какой-то костюмъ, въ слѣдствіе неисправимаго тщеславія и тупоумія одной актрисы; что доказывается самою жалобою, написанною удивительно оригинальнымъ образомъ. Это былъ единственный примѣръ умышленно причиненнаго мнѣ оскорбленія, и я скоро забылъ его. Всѣ другія жалобы были предупреждаемы откровеннымъ, дружескимъ объясненіемъ. За исключеніемъ немногихъ мелкихъ статей, относившихся къ соблюденію порядка на репетиціяхъ и представленіяхъ, я добился точнаго исполненія всѣхъ правилъ, примѣняя ихъ дружескимъ образомъ, такъ, что не было примѣра, чтобы нарушитель обижался. Къ чести мангеймскаго театра я долженъ замѣтить, что, сколько мнѣ извѣстно, онъ всегда отличался духомъ единства, согласія и безпристрастія. Ко-

нечно, этотъ похвальный духъ иногда засыпалъ на-время, но его всегда безъ труда можно было пробудить. Артисты, не слишкомъ жаловавшіе другъ друга, всегда готовы были отдавать взаимно справедливость своимъ талантамъ, не смотря на существовавшее между ними соперничество. Если кто отличался превосходствомъ игры, новостью и истиною въ созданіи роли, все актеры, не бывшіе на сценѣ, бросались къ кулисамъ, чтобы быть свидѣтелями торжества своего собрата. Любовь къ искусству и уваженіе къ таланту заставляли забыть всякую неприязнь. Да сохранять всегда мангеймскіе артисты эти прекрасныя качества! Съ ними никогда не умретъ огонь вдохновенія, а будетъ постоянно крѣпнуть и очищаться!

Въ іюль 1792 года я былъ приглашенъ играть во Франкфуртъ-на-Майнѣ, во время короновація императора Франца, и написать къ этому случаю пьесу, въ одномъ дѣйствіи: «*Дубовый вѣнокъ*». Въ Гохгеймѣ видѣлъ я въѣздъ Фридриха-Вильгельма, короля прусскаго, во время ужасной грозы. Раскаты грома сливались съ пушечною пальбою, салютовавшею его съ майнцкой крѣпости. Пять мѣсяцевъ спустя, эти мѣста обагрились кровью его храбрыхъ воиновъ, когда онъ, одержавъ блистательную побѣду надъ врагами, вступалъ въ городъ подъ выстрѣлами нѣсколькихъ французовъ, стрѣлявшихъ въ него съ колокольни.

Въ сентябрѣ, сильная пальба кюстиновой арміи, осаждавшей Швейеръ; разогнала насъ съ репетиціи «*Лиллы*»; эта опера была представлена въ тотъ-же вечеръ. Пороховые ящики и обозы нѣмцевъ стояли у городскихъ воротъ, и все несомнѣнно свидѣтельствовало о пораженіи нѣмецкой арміи. Различныя извѣстія, приходившія одно за другимъ, погружали въ страхъ и горестъ публику, собравшуюся въ театрѣ и все населеніе города. Когда, нѣсколько дней спустя, во время представленія и передъ самымъ началомъ пьесы, пришла вѣсть о сдачѣ Майнца, все собраніе внало въ ужасное уныніе; глухой ропотъ и неподвижные взоры зрителей краснорѣчиво высказывали скорбь, которую возбуждали во всѣхъ сердцахъ утрата этой важной крѣпости и безчестіе, наложенное на имя нѣмцевъ. Французы еще признавали нейтралитетъ Пфальца; но авангардъ ихъ стоялъ уже почти подъ самымъ рейнскимъ редутомъ. Начались усиленныя приготовленія, чтобы привести фортъ въ оборонительное положеніе. Въ началѣ 1793 года, когда нѣмецкая армія приблизилась къ городу съ другой стороны, и правительство, соблюдая самый строгій нейтралитетъ, стало среди ночи принимать мѣры для предупрежденія покушеній нѣмцевъ, еслибъ они вздумали овладѣть фортомъ, или для отраженія печальной атаки фран-

пузовъ, тутъ надо было посмотрѣть на безпокойство, дѣятельность и волненіе жителей!

Въ концѣ 1792 года въ Мангеймѣ праздновался юбилей царствованія Карла-Теодора; онъ торжествовался также и за Рейномъ, среди войскъ Кюстина. Я написалъ по этому случаю маленькую пьеску «*Братство*». Всѣ жители Пфальца приняли ее съ восторгомъ; повсюду были обнаружены несомнѣнные признаки признательности и любви къ курфирсту.

Весною 1793 года, мы видѣли, недалеко отъ Мангейма, отступленіе кюстиновой арміи передъ прусаками и переправу Вурмзерова корпуса черезъ Рейшъ. Въ августѣ, король Фридрихъ-Вильгельмъ II прибылъ въ Мангеймъ, навѣститъ курфюретину и владѣтельную фамилію Цвейбрюкенскую. Онъ часто посѣщалъ нѣмецкій театръ и неоднократно изъявлялъ намъ свое удовольствіе. Для него были даны: «*Супружеское испытаніе*», комедія; «*Похищеніе изъ серала*», опера; «*Геній*», прологъ въ одномъ дѣйствіи; а по взятіи Майнца: «*Оттонъ-Стрѣлокъ*», «*Подъ хмѣлькомъ*», и оперы «*Обрученные*», «*Рыцарь Роландъ*» и «*Тайный бракъ*». Последняя опера, по его желанію, была дана два раза.

Около этого времени умеръ нашъ товарищъ Бекъ; это была чувствительная потеря для театра, который не могъ надѣяться скоро найти артиста, способнаго замѣнить его. Последнею его ролью былъ графъ Клевскій въ «*Оттонъ-Стрѣлокъ*». Городской глава, Шпильбергеръ, произнесъ въ честь покойнаго трогательную рѣчь, которая равно дѣлала честь его таланту и сердцу, и которая наполнила насъ всѣхъ искреннею благодарностью. По смерти Бѣка, дирекція ангажировала Коха и его дочь Бетти, покидавшихъ въ то время майнцкій театръ. Кохъ дебютировалъ въ роли Кубердара, въ «*Индійцахъ*», и съ большимъ успѣхомъ, а его дочь, въ роли Маргариты въ «*Холостякахъ*», привела въ восторгъ весь городъ истиною, благородствомъ и выразительностью игры.

Театры въ это время посѣщались очень усердно, какъ обыкновенно бываетъ въ военное время; городъ былъ полонъ народа, а безпрестанно проходившія войска очень оживляли его. Одни отряды шли изъ самыхъ далекихъ областей, чтобы присоединиться къ майнцкому осадному корпусу; другіе возвращались оттуда. Около рейнской заставы, особенно по вечерамъ, составлялись разнообразныя группы, которыя останавливали всѣхъ пріѣзжихъ и закидывали ихъ вопросами о военныхъ событіяхъ; потомъ, на основаніи полученныхъ извѣстій, терялись въ предположеніяхъ и гаданіяхъ о будущемъ. Пушечная пальба, раздававшаяся

каждый день отъ Майнца и его окружности, отъ Ландау и отъ вейсембургскихъ линій, еще усиливала общее волненіе. Мы не успѣли еще опомниться отъ ужаса, наведеннаго на насъ взятіемъ вейсембургскихъ линій и кровавымъ трехдневнымъ сраженіемъ подъ Лаутерномъ, которое обезмертитъ славу герцога Брауншвейгскаго и мужество союзныхъ войскъ, какъ имперская армія, изнуренная частыми и жаркими сраженіями, на которыя почти ежедневно велъ ее храбрый Вурмзеръ, принуждена была отступить, въ декабрѣ мѣсяцѣ; австрійцы перешли за Рейнъ, а прусаки къ Опенгейму. Французское войско показалося передъ Мангеймомъ, и имперскій гарнизонъ занялъ городъ. Приготовленія къ оборонѣ продолжались съ неусыпною дѣятельностью. Моя дачка на Рейнѣ едва не была назначена на сносъ, для устройства въ этомъ мѣстѣ большаго временнаго укрѣпленія. Къ участию моему, одному изъ имперскихъ генераловъ, Якадовскому, которому я не имѣлъ чести быть извѣстенъ лично, ни прежде, ни послѣ, стало жаль хорошенькаго имѣнія, и онъ сильно воспротивился разрушенію его, совершенно бесполезному, по его мнѣнію. Я самъ сталъ хлопотать о сохраненіи дачи, общая поджечь ее по первому приказанію, и такимъ-образомъ мнѣ удалось спасти ее. Отъ души благодарю великодушнаго человѣка, который заступился за кровь бѣднаго артиста, ему даже незнакомаго!

Все увеселенія, балы, музыка, даже празднованіе карнавала, были запрещены, театръ закрытъ, по всемъ церквамъ совершались молебствія. Прусская армія, отступивъ въ отличномъ порядкѣ, была еще на лѣвомъ берегу Рейна, гдѣ она должна была зимовать. Многочисленная австрійская армія расположилась на зимнія квартиры по Горному-пути. По этимъ приготовленіямъ, Мангеймцы должны были опасаться, что правительство ожидало новыхъ, большихъ бѣдствій. Я былъ почти уничтоженъ, когда баронъ фонъ-Дальбергъ призвалъ меня однажды вечеромъ, сообщилъ мнѣ предписаніе министерства о закрытіи театра и велѣлъ объявить актерамъ, чтобы они искали себѣ занятій въ другомъ мѣстѣ. Плохая была награда за наши труды и пожертвованія! Это рѣшеніе разрывало все узы дружбы, разсѣвало насъ во все стороны и изгоняло меня изъ моего спокойнаго пріюта. Я не могъ опомниться отъ удара, не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь, вставалъ, опять ложился и опять вставалъ; читалъ и перечитывалъ министерское предписаніе, и не понималъ связи между распоряженіемъ министра о закрытіи театра и приказаніемъ интендента распустить актеровъ. Я разсуждалъ, что мой начальникъ, зная положеніе дѣлъ и ожидаемая отъ него послѣдствія, долженъ былъ также лучше меня понимать значеніе слова *закрѣпить*

театръ. Его приказаніе—объявить актерамъ, чтобы они искали себѣ занятія—ясно показывало намъ наше положеніе: мы знали, какое участіе онъ принималъ въ театрѣ, имъ самимъ устроенномъ, и были увѣрены что онъ, безъ сомнѣнія, употребилъ все зависѣвшія отъ него средства, чтобы никто не страдалъ отъ новыхъ распоряженій, но что, видно, отстоять театръ было не въ его силахъ. Какъ-бы то ни было, однако я рѣшился сдѣлать еще нѣкоторыя представленія барону фонъ-Дальбергу, прежде, чѣмъ объявить актерамъ о ихъ распушеніи. Эти представленія были слѣдующія: 1) что я ссылаюсь на дѣйствительность патентовъ, выданныхъ мнѣ и другимъ актерамъ, и контрактовъ, заключенныхъ отъ имени курфюрста; 2) что закрыть театръ не значитъ уничтожить его, распушить труппу, а только прекратить на-время представленія, и что если правительство находило нужнымъ для общей пользы прекратить представленія, мы не могли этому противиться, но имѣли право требовать платежа условленнаго жалованія; 3) что я не могъ объявить актерамъ, чтобы они искали себѣ занятія, потому-что это значило-бы распушить труппу, и дать нѣкоторымъ актерамъ удобный предлогъ для расторженія контрактовъ — что имѣло бы неперемѣннымъ послѣдствіемъ разрушеніе театра, котораго устройство стоило многолѣтнихъ трудовъ; 4) что во время семилѣтней-войны, когда гораздо значительнѣйшая часть курфюрстскихъ владѣній была занята непріателемъ, курфюрстъ не прекращалъ платежа жалованій и пенсій, и что предполагаемое распоряженіе было-бы противно его образу мыслей; 5) что я намѣренъ дать свой патентъ хорошему юрисконсульту съ порученіемъ показать его первому министру, графу Оберндорфу и узнать, до какой степени этотъ документъ могъ считаться дѣйствительнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, я просилъ барона фонъ-Дальберга употребить все свое вліяніе для защиты нашихъ правъ и для сохраненія національнаго театра, плода его многолѣтнихъ, усильныхъ и терпѣливыхъ трудовъ. Баронъ фонъ-Дальбергъ отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать все для сохраненія всѣхъ существующихъ учрежденій; но, между-тѣмъ, предложилъ мнѣ принять театръ на свое иждивеніе, съ правомъ пользоваться костюмами и библіотекою. Я отказался на-отрѣзъ, и прибавилъ, что если представится возможность сохранить театръ, оставивъ его въ управленіи казны и перенеся до болѣе благопріятнаго времени въ Регенсбургъ, въ Прагу или въ другое мѣсто, то я охотно согласился-бы подчиниться другому режиссёру, на-примѣръ Коху.

На представленіе моего патента, министръ отвѣчалъ юрисконсульту, что дѣло щекотливое; что онъ представлялъ объ этомъ членамъ правле-

нія, и что, по его мнѣнію, отвергать дѣйствительность патента невозможно. Я не намѣренъ исчислять все поданные мною проекты, все придуманные мною средства, все мои усилія для сохраненія мангеймскаго театра, среди возникшихъ на каждомъ шагу препятствій. Любопытствующіе могутъ видѣть подробный отчетъ съ подлинными документами въ архивѣ театра. Я могъ въ то время считать себя совершенно свободнымъ отъ ангажемента, но я хотѣлъ остаться въ Мангеймѣ. Какъ опасеніе бомбандированія города подтверждалось съ каждымъ днемъ, я испросилъ позволеніе приготовить ящики, чтобы уложить костюмы, бібліотеку и партитуры. По полученіи позволенія, театръ былъ разобранъ, и я нанялъ извозчиковъ, чтобы вести все имущество въ Некаръ-Эльсъ.

Мнѣ случайно удалось прочесть журналъ правленія о закрытіи театра, въ слѣдствіе котораго министръ далъ предписаніе, сообщенное мнѣ барономъ фонъ-Дальбергомъ. Въ журналѣ было постановлено слѣдующее: «Отмѣнить все, относящееся къ предметамъ роскоши (*voluptuaria*), въ томъ числѣ и театръ, чтобы сильнѣе возбудить гражданъ въ оборонѣ, предоставивъ, впрочемъ, актерамъ вновь открыть драматическія представленія въ болѣе благопріятное время.» Вслѣдъ затѣмъ, слѣдовало постановленіе, что «полезно было-бы также ограничить свободу печенія бѣлаго хлѣба, по причинѣ дороговизны молока.» Шестъ недѣль спустя, театръ былъ вновь открытъ, безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія.

Въ это время явилась комедія «*Пользка въ городъ*», но не имѣла успѣха въ Мангеймѣ.

Въ половинѣ іюля 1794 года, послѣ несчастнаго похода въ Австрійскіе Нидерланды, должно было опасаться послѣдствій военныхъ событій и, особенно, поздняго открытія рейнской кампаніи и продолжительнаго бездѣйствія по занятіи фельдмаршаломъ Мёллендорфомъ кайзерслаутернскаго поста, въ позиціи между Шпейеромъ, Эдинггофеномъ и Лаутерномъ. Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ, Мангеймъ могъ остаться въ томъ-же, или въ еще лучшемъ положеніи на всю зиму. Въ теченіе этого мѣсяца, еще до взятія поста у часовни святой-Анны, въ за рейнскихъ горахъ, и послѣдовавшаго затѣмъ отступленія, я подалъ интендентству предложеніе о мѣрахъ, которыя надлежало принять, въ случаѣ увеличившейся опасности, для сохраненія театра. Очень понятно, что мнѣ нельзя было дать положительнаго отвѣта, и потому я довольствовался обѣщаніемъ интенданта поддержать мое предложеніе всеѣмъ своимъ вліяніемъ.

Нѣсколько дней спустя, Бейль умеръ, отъ послѣдствій тяжкой болѣзни, отъ которой онъ начиналъ уже оправляться. Я получилъ извѣщеніе о томъ въ своемъ саду, черезъ минуту послѣ того, какъ съ ра-

достью говорилъ о скоромъ его выздоровленіи. Я поскакалъ въ городъ, почти не помня себя отъ пораженія и горести. Накануиъ я видѣлъ съ какимъ равнодушіемъ и съ какою покорностью баронъ фонъ-Дальбергъ выслушалъ извѣстіе о пожарѣ, истребившемъ его родовое помѣстье; услышавъ же о смерти Бейля, онъ заплакалъ навзрыдъ. Онъ, его жена и нѣсколько другихъ благотворительныхъ лицъ, немедленно приняли мѣры для обезпеченія бѣдной вдовы, оставшейся почти безъ всякихъ средствъ. Всѣ были сильно огорчены огромною потерею, которую понесъ нѣмецкій театръ. Ему даже не некали преемника; всѣ понимали, что замѣнить его было невозможно. Какъ онъ умеръ отъ удара, то тѣло его держали пять дней, въ надеждѣ, что онъ еще живъ; однако всѣ предосторожности были тщетны. Сколько горестныхъ воспоминаній терзало мое сердце, когда его бранные останки были опущены въ могилу! Двое изъ трехъ человѣкъ, связанныхъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ такою тѣсною дружбою, печально и уныло возвращались съ похоронъ третьяго. Съ горькими слезами и томимые тяжелыми предчувствіями, оставили мы съ Гекомъ безмятежное, печальное кладбище, чтобы вернуться къ не менѣе печальному шуму города.

Еще до того времени я долженъ былъ взять нѣкоторыя изъ ролей покойнаго Бѣка, а тутъ пришлось еще на мою долю нѣсколько Бейлевыхъ. Сверхъ того, мы давно уже, вмѣсто трехъ представленій въ недѣлю, давали четыре. Такимъ-образомъ, я былъ заваленъ работою.

Около этого времени, курфюрстша Елисавета-Августа скончалась въ Вейнгеймѣ, куда она удалилась въ началѣ войны. Я видѣлъ ее за десять дней до ея смерти, и она очень милостиво освѣдомлялась о настоящемъ положеніи нѣмецкаго театра.

Наше положеніе становилось все труднѣе. Указомъ курфирста повелѣно было главному казначейству прекратить выдачу денегъ театру. Это распоряженіе, вынужденное огромными издержками, которыя причиняла война, не могло удивить насъ, потому-что многіе уже гражданскіе чиновники за Рейномъ получали только часть своихъ окладовъ. Однако, это обстоятельство, присоединившись къ всеобщему безпокойству на счетъ будущаго, ставило насъ въ большія затрудненія. Члены труппы безпрестанно приставали ко мнѣ съ просьбою, сказать имъ, что рѣшено относительно театра. Ихъ опасенія на счетъ будущаго и несчастій, угрожавшихъ городу, жалобы на дороговизну припасовъ, ропотъ на связывавшій ихъ контрактъ, который многіе изъ нихъ желали-бы расторгнуть, усиленная работа, которую я принужденъ былъ возлагать на нихъ, невозможность открыть имъ истину и непріятная необходимость лгать; ихъ неотступныя просьбы, частью изъ предусмотрительности, частью по

нуждѣ, объ исходатайствованіи имъ пособій изъ скудной кассы, которую нужно было беречь на крайніе случаи, всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ такъ терзали меня, что я былъ не радъ жизни и меня брала тоска при одной мысли о поѣздкѣ съ моей дачи въ городъ. Только въ своемъ уединенномъ садикѣ могъ я на-время забывать преслѣдовавшія меня заботы и непріятности.

Я не думаю, чтобы во всей моей жизни можно было приискать эпоху, въ которую мой драматическій талантъ былъ-бы такъ слабъ, какъ въ это время. Оно и неудивительно: я былъ не въ состояніи обдумывать свои роли, усваивать ихъ и одушевляться ими. До того-ли мнѣ было? Дурныя вѣсти смѣнялись еще болѣе горестными, послѣдняя надежда совершеннымъ отчаяніемъ.

Одинъ наружный видъ публики въ театрѣ былъ настоящею живою газетою: среди представленія, вдругъ проходило по всѣмъ ломамъ и партеру общее движеніе, показывавшее, что получено горестное извѣстіе изъ арміи. Къ концу октября, положеніе дѣлъ дошло до того, что одно движеніе войскъ назадъ должно было рѣшить несчастную судьбу Мангейма. Такъ и случилось. Однажды утромъ, мангеймцы, проснувшись, увидѣли городъ окруженнымъ со стороны Рейна французами. Вскорѣ непріятель открылъ первую траншею, потомъ и вторую, и вставилъ батареи. Люди, знакомые съ дѣломъ, говорили, что это были приготовленія къ оборонѣ; однако я счелъ нужнымъ позаботиться о перенесеніи хоть части своего имущества, и, въ концѣ ноября, нанялъ комнату въ отдаленной части города, которая казалась достаточно защищеною отъ бомбъ. Затѣмъ я подалъ интенденту проэктъ мѣръ для сохраненія театра и распоряженій, которыя надлежало сдѣлать на случай, еслибъ онъ загорѣлся отъ бомбъ или отъ гранатъ. Проэктъ былъ одобренъ; тотчасъ назначены люди для исполненія ето и приняты всѣ надлежащія мѣры. Костюмы и наименѣе нужная часть бібліотеки и партитуръ уложены и первые перевезены въ отдаленную часть города, между гейдельбергскою и некарскою заставами. Декораціи сложены въ погребъ, подъ театромъ, въ который бомбы не могли проникнуть.

Между-тѣмъ, въ продолженіе шести недѣль, мы давали еще представленія. Можно себѣ представить, сколько было хлопотъ и труда добывать съ разныхъ концовъ, для каждаго представленія, нужные предметы! Наконецъ, нельзя было сомнѣваться, что французы рѣшились, во что-бы ни стало, взять рейнскій редутъ и устроенныя около него временныя укрѣпленія. Нѣсколько недѣль уже съ обѣихъ сторонъ производилась бесполезная пальба; наконецъ, въ сочельникъ передъ Рождествомъ, французы, видя, что по причинѣ сильнаго льда, шедшаго по

Рейну, изъ цитадели невозможно было послать помощи въ шанцы, потребовали сдачи редута и города. Съ двѣнадцати часовъ шли переговоры объ условіяхъ сдачи рейнскаго редута и временныхъ укрѣпленій; самая сдача должна была совершиться въ шесть часовъ вечера. Только-что я успѣлъ придти въ театръ, гдѣ назначены были «*Ревнивыи*» и «*Двѣ записки*», какъ мнѣ пришли сказать, что многія лица выѣхали изъ города, потому-что переговоры объ условіяхъ сдачи не состоялись. Тотчасъ все орудія и пожарныя трубы были разставлены по мѣстамъ и приведены въ дѣйствіе, а въ половицѣ двѣнадцатаго началось бомбардированіе. Мы успѣли на городской валъ и въ павильонъ замка. Ядра потрясали стѣну; множество гранатъ и бомбъ упало около театра, находившагося недалеко отъ пфальцграфскаго дворца, на который были преимущественно направлены выстрѣлы французовъ. Одинъ человѣкъ былъ разорванъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Бомба упала на дворъ моего сосѣда, когда я былъ еще на своей квартирѣ. Среди этихъ опасностей, мы перенесли еще остальную часть театральной библіотеки въ подвалы; потомъ, окончивъ эту работу, я отправился на новую квартиру, приготовленную для моей безопасности. На разсвѣтъ и сюда стали долетать гранаты; мортиры были переведены на этотъ пунктъ. Новое мое мѣсто-пробываніе стало еще менѣе безопаснымъ, чѣмъ было прежде. Между-тѣмъ многіе актеры не давали мнѣ покоя и здѣсь; приходили показывать мнѣ свои паспорта на выѣздъ изъ города, просить денегъ, закидывали меня жалобами, требованіями и распросами.

Въ полдень, когда мы собирались выѣхать изъ города, пришли требовать отъ меня, чтобы я очистилъ комнаты, которыя я занялъ театральнымъ гардеробомъ; онѣ были нужны для раненыхъ, и я принужденъ былъ опять перебираться со всемъ имуществомъ театра. Я сталъ искать для него мѣстечка на монетномъ дворѣ, нашелъ его не безъ большаго труда, но не могъ нигдѣ добыть людей для его переноса. Между-тѣмъ, какъ я хлопоталъ объ этомъ и ходилъ взадъ и впередъ, пушечное ядро пронеслось съ лѣваго берега Рейна, вдоль палисада, къ валу гейдельбергскихъ воротъ. Кастелянша театра, г-жа Мейеръ, съ изумительнымъ мужествомъ переносила костюмы, между-тѣмъ какъ я дѣлалъ другія распоряженія. Въ четыре часа по полудни я выѣхалъ изъ города, а въ пять бомбардированіе прекратилось. Рейнскій редутъ былъ сдавъ, а на пятый день послѣ того, наши представленія возобновились. Во время бомбардированія, нѣсколько гранатъ упало на театръ, но къ счастью, онъ не загорѣлся.

Я считаю нужнымъ вернуться на минуту назадъ, чтобы упомянуть о предложеніи, сдѣланномъ мнѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года. Мнѣ

писали изъ лагеря, приглашая меня принять дирекцію берлинскаго королевско-національнаго театра. Имѣя мало надежды на свой патентъ, который могъ совершенно утратить свое значеніе, въ случаѣ закрытія театра, и считая себя притомъ освобожденнымъ смертью курфюретши отъ даннаго ей слова, я тотчасъ отправился съ письмомъ къ барону фонъ-Дальбергу и представилъ ему, въ сильныхъ выраженіяхъ, свое настоящее положеніе. Я настоятельно просилъ его рѣшить, что мнѣ въ такихъ обстоятельствахъ слѣдовало дѣлать, для обезпеченія своихъ средствъ и спокойствія на старость. Онъ отвѣчалъ, что ему извѣстны все потери, понесенныя мною въ военное время, и вызвался, въ вознагражденіе ихъ, отказаться отъ недоплаченной еще части денегъ, которыя онъ далъ мнѣ въ долгъ изъ собственнаго кармана, на покупку имѣнія, и даже гарантировать мою пенсію, еслибъ, противъ его ожиданія, я лишился ея.

Тронутый, проникнутый благодарностью и преданностью къ этому великодушному человѣку, я рѣшился выдержать до конца, какъ ни было тяжело мое положеніе; написалъ немедленно въ Берлинъ, и переговоры были прекращены. Нѣсколько недѣль спустя, я писалъ къ барону фонъ-Дальбергу, чтобъ выказать ему свою благодарность за его великодушное предложеніе. Онъ отвѣчалъ, что далъ слово очень охотно и что я могъ на него полагаться; однако прибавилъ къ этому, что собственное его положеніе могло сдѣлаться очень затруднительнымъ, еслибы ему пришлось лишиться своихъ помѣстій за Рейномъ, что было очень возможно; что въ такомъ случаѣ, онъ будетъ принужденъ собственнымъ трудомъ содержать семейство и исполненіе даннаго мнѣ обѣщанія будетъ для него весьма тягостно. Хотя я вполне понималъ и признавалъ справедливость опасеній отца семейства и уважалъ его откровенность, тѣмъ не менѣе, однако, это объясненіе было для меня жестокимъ ударомъ. Слѣдуя первому влеченію своихъ чувствъ, я счелъ-бы долгомъ немедленно возвратить ему его обѣщаніе. Но это ввергло-бы меня опять въ прежнюю неизвѣстность своей будущей участи; для избѣжанія этого, необходимо было удержать его слово, чтобы, въ случаѣ послѣдней крайности, опереться на немъ. Выборъ былъ очень затруднителенъ. Однако мое горестное положеніе только усиливало мою привязанность къ барону фонъ-Дальбергу. Не думая о возникавшихъ на каждомъ шагу трудностяхъ, полагая надежду на болѣе счастливый оборотъ обстоятельствъ и поддерживаемый сознаніемъ исполненнаго долга, я продолжалъ трудиться въ своей тяжелой сферѣ, не заботясь о послѣдствіяхъ. Я употреблялъ все силы, чтобы и другихъ поощрять къ терпѣнію, твердости и надеждѣ. Но какъ нѣкоторые артисты неоднократно и настоятельно убѣждали меня

принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры въ пользу труппы, то я написалъ отъ ихъ имени прошеніе курфюрсту и просилъ барона фонъ-Дальберга переслать его въ Мюнхенъ. Съ радостью получилъ я отвѣтъ, что его высочество намѣренъ былъ удержать всѣхъ артистовъ и соблюсти въ строгости заключенныя съ ними контракты, несмотря на бомбардированіе города, надѣясь, что и артисты, съ своей стороны, будутъ соблюдать свои обязанности. Этотъ отвѣтъ успокоилъ всѣ умы и внушилъ намъ новое рвеніе къ исполненію долга. Мы надѣялись на скорое заключеніе мира, на сохраненіе нейтралитета, словомъ, на все, что могло насъ успокоить. Каждый изъ насъ готовъ былъ съ покорностью понести всевозможныя потери. Я былъ такъ убѣжденъ, что не выѣду изъ Мангейма, и такъ желалъ оставаться, что рѣшился въ это время свататься. Родина моей невѣсты была около Мангейма, тутъ были всѣ ея родные и знакомые, и она не желала разстаться съ этою странюю. Сладостная надежда, вскорѣ соединить свою судьбу съ судьбою любимой женщины, придавала въ моихъ глазахъ новую прелесть этой прекрасной странѣ. Часто, въ пріятномъ волненіи, прогуливался я по своему саду и мечталъ о тихой, отрадной будущности съ этой доброй, прекрасной душою. Отвѣтъ курфюрста возвратилъ спокойствіе и надежду моему сердцу, и я съ бодростью принялся опять за работу. Публика съ благосклонностью приняла плодъ этихъ трудовъ, мою драму «*Обязанность*».

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Театры посѣщаются у насъ преимущественно зимою, весною-же и лѣтомъ публика предпочитаетъ имъ чистый воздухъ и загородную прогулку. Вслѣдствіе этого новыя пьесы ставятся преимущественно зимою, а послѣ святой недѣли дѣятельность театровъ ограничивается обыкновенно повтореніемъ уже игранныхъ пьесъ и тѣхъ, которыя даются въ бенефисы артистовъ. Почти весь Петербургъ живетъ лѣтомъ на дачѣ, гвардія уходитъ въ лагерь — не для кого, слѣдовательно, ставить новыхъ пьесъ. Но отъ открытія театровъ послѣ святой до переѣзда на дачи, бываетъ промежутокъ времени, въ который театры могутъ рассчитывать на публику, и въ нынѣшнемъ году дирекція воспользовалась этимъ временемъ, для постановки двухъ новыхъ русскихъ пьесъ: «Русской свадьбы въ исходѣ XVI столѣтія», драматическаго представленія изъ жизни нашихъ предковъ, соч. П. П. Сухонина и оперы г. Рубинштейна «Куликовская битва». Сверхъ того, къ привлеченію публики много содѣйствовали дебюты артиста московскихъ театровъ, г. Шумскаго. Бенефисы шли своимъ чередомъ, но были, бѣдльшею частію, не многолюдны.

«Русская свадьба» имѣла огромный успѣхъ: въ теченіе мѣсяца съ небольшимъ она повторилась четырнадцать разъ и всякій разъ театръ полонъ сверху до низу. Автору пришла счастливая мысль вывести на сцену старинные свадебные обряды нашихъ предковъ, а просвѣщенная дирекція театровъ, понявъ, какъ много интереснаго въ этихъ обрядахъ для современной публики, не пощадила трудовъ и издержекъ для великолѣпной постановки: вотъ тайна огромнаго успѣха пьесы. Отнимите у нея обряды, то-есть великолѣпную постановку, оставьте одну

только драму — пьеса потеряет девяносто процентов. Одним словом, пьеса г. Сухонина, которую онъ самъ назвалъ *драматическимъ представлениемъ изъ жизни нашихъ предковъ*, какъ-бы желая оградить ее отъ литературной критики, не есть драма, въ строгомъ смыслѣ этого слова, а *представленіе*, канва для обрядовъ, которые онъ желалъ вывести на сцену, Тѣмъ не менѣе мы благодарны г. Сухонину и слова наши не укоръ ему: мы хотѣли только опредѣлить литературное значеніе его пьесы и точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на нее. Мы вполне сознаемъ всю трудность написать драму изъ жизни нашихъ предковъ шестнадцатаго столѣтія и потому не винимъ г. Сухонина, что онъ написалъ *представленіе*, а не *драму*; напротивъ, мы какъ нельзя болѣе цѣнимъ его тактъ и скромность. Трудно, въ-самомъ-дѣлѣ, извлечь драму, особенно-же въ сценическомъ, въ театральномъ значеніи этого слова, изъ того времени, когда женщина сидѣла въ заперти, ходила подъ покрываломъ; выѣзжала въ закрытомъ экипажѣ, не показывалась даже ближайшимъ родственникамъ; когда честь женщины ставилась въ томъ, чтобы мужчина не видѣлъ ея лица. О русскихъ обычаяхъ конца шестнадцатаго столѣтія мало источниковъ, но свадебные обряды наши измѣнялись очень медленно, такъ что и въ наше время сохранились, во многихъ мѣстахъ Россіи, нѣкоторые изъ нихъ, слѣдовательно Сигизмундъ Герберштейнъ, посѣтившій Россію въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, и извѣстный Кошихинъ или Котошихинъ, написавшій «О Россіи въ царствованія Алексѣя Михайловича», (мы приводимъ наиболѣе извѣстные и доступные авторитеты), могутъ служить въ настоящемъ случаѣ источниками. Герберштейнъ говоритъ: «Nullam honestam credunt, nisi domi conclusa vivat, itaque custodiatur, et nunquam prodeat. Parum inquam pudicam existimant, si ab alienis externisve conspiciatur»*.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича нравы значительно смягчились, но и тогда невѣста и женихъ вступали въ бракъ, не зная и не видя другъ друга и Котошихинъ говоритъ о томъ времени **: «благоразумный читателю! не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися временемъ съ невѣстою самому».

* Т. е. «Они почитаютъ безчестнымъ для дѣвушки, если она живетъ не взаперти, за строгимъ присмотромъ, такъ что никогда не выходитъ. И показаться ей постороннему — считается бѣлымъ стыдомъ.»

** Смотри изданіе Археологической комиссіи, стр. 126.

Мы могли-бы привести цѣлыя страницы выписокъ, но довольно и этихъ немногихъ строкъ, чтобы показать, что драма въ бракѣ нашихъ предковъ могла быть по его заключенію, а не до него. Брачная жизнь людей, незнавшихъ и даже невидавшихъ другъ друга, дѣйствительно могла быть обильна драматическими данными, но отношенія жениха и невѣсты не представляли ровно ничего, кромѣ нѣсколькихъ условныхъ обрядовъ, которымъ тотъ и другой покорились какъ закону, слѣпо, безсознательно. Изъ этого общаго правила не могло быть исключеній, а если они и были, то такъ рѣдко, что брать исключеніе въ основаніе литературнаго произведенія, значитъ дѣлать натяжку.

Вотъ содержаніе пьесы г. Сухонина.

Молодому боярину Гвоздеву (г. Максимовъ 1), сыну боярина Артемія Аванасьевича, (г. Каратыгинъ 1) удалось увидѣть одну боярышню. Онъ встрѣтилъ ее на большой дорогѣ. Сани Гвоздева спутались съ другими санями, въ которыхъ ѣхала какая-то боярыня съ дочерью; боярышня испугалась и обратилась къ молодому Гвоздеву съ просьбой, чтобы онъ приказалъ распутать лошадей. Должно полагать, что испугъ ея былъ очень великъ, потому-что она подняла покрывало, забывъ, что этотъ необдуманнѣйшій поступокъ можетъ занять ея доброе имя. Какъ-бы то ни было, а Гвоздевъ видѣлъ ея лицо, и тотчасъ-же такъ страстно влюбился, что сталъ называть ее прислукой, зазнобушкой, любушкой, и другими болѣе или менѣе древними ласкательными словами. Надо вамъ сказать, что увидавъ боярышню, Гвоздевъ совершенно остолбенѣлъ и потерялъ всякое сознаніе, такъ что далъ ей время уѣхать и тогда только спохватился узнать имя своей прилуки и зазнобушки, когда кони умчали ее изъ глазъ. Ему донесли, что проѣхали княгиня и княжна Звенигородскія, то-есть жена и дочь князя Звенигородскаго, злѣйшаго врага Гвоздевыхъ.

Гвоздевы были когда-то оскорблены Звенигородскимъ, сверхъ того, Гвоздевъ и Звенигородскій считаются мѣстами, слѣдовательно, Гвоздевъ ни за что не позволитъ своему сыну жениться на дочери Звенигородскаго. Владиміръ знаетъ это и потерялъ всякую надежду на счастіе съ любимой женщиной. Онъ сталъ скучать, худѣть и таять, какъ свѣча. Никто изъ домашнихъ не могъ понять, что съ ними дѣлается, а отецъ рѣшилъ, что пора ему жениться и, не говоря сыну ни слова, сосваталъ за него дочь князя Солнцева (г-жа Самойлова 2). Владиміръ пытался было воспротивиться волѣ родительской, надѣясь склонить отца на свою сторону и заставить Звенигородскаго просить у него прощенія, но это ему не удалось. Шутъ Гвоздева, Еремка, (г. Мартыновъ 1) досталъ какое-то письмо, которое можетъ погубить Звенигородскаго, а другъ

Владимира, князь Хворостинъ, (г. Каратыгинъ 2) взялся уговорить, съ помощію этого письма, Звенигородскаго; сверхъ того Кондратьевна, кормилица Владимира (г-жа Гусева) обѣщалась отговорить Солнцевыхъ отъ свадьбы. Казалось-бы какъ не сладиться дѣлу: люди-то берутся за него дѣльные вліятельные. Но все это ни къ чему не привело. Кондратьевна увѣряла-было княгиню Солнцеву (г-жа Сосницкая), что дѣла Гвоздевыхъ разстроились и что она выдаетъ дочь свою за бѣдняка, но Солнцева вздумала, на бѣду, сама пріѣхать къ Гвоздевымъ и узнала, что все сказанное Кондратьевной неправда. Что касается Хворостина, то его поѣздка въ Тулу, гдѣ Звенигородскій сидѣлъ воеводою, кончилась еще неудачнѣе: Звенигородскаго онъ не засталъ въ Тулѣ, потому-что онъ уѣхалъ въ Москву, вмѣстѣ съ дочерью, которая тамъ заболѣла и умерла. Владиміръ бѣжитъ въ домъ Звенигородскихъ, чтобъ хоть еще разъ взглянуть на свою прилуку, зазнобу, любушку, нещечкой проч. — и ... видитъ въ гробу совершенно незнакомую ему дѣвушку!..

Владимира женятъ на княжнѣ Солнцевой. Онъ мраченъ и печаленъ во время обряда. Наконецъ молодыхъ приводятъ въ опочивальню!—Договаривать-ли?.. Владиміръ узнаетъ, что его женили на той самой дѣвушкѣ, которую онъ встрѣтилъ когда-то на большой дорогѣ и которая, съ той первой встрѣчи, также любила его. Такой уже случай!

Пьеса поставлена великолѣпно, но противъ исторической вѣрности обрядовъ мы могли-бы сказать много. Главная ошибка автора состоитъ въ томъ, что онъ выбралъ для своей пьесы конецъ XVI вѣка, а вывелъ обычаи позднѣйшіе, какъ-то: угощеніе гостей хозяйкою, допущеніе сватовъ въ дѣвичій теремъ, и тому подобное. Гораздо удобнѣе было выбрать царствованіе Алексѣя Михайловича. Впрочемъ, драматическое представленіе не то, что историческое изслѣдованіе, и мы не въ правѣ, можетъ быть, требовать отъ него строгой исторической вѣрности. Тѣмъ не менѣе, однакоже, нельзя не пожалѣть о нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ, впрочемъ, несообразностяхъ, особенно-же о неудачномъ выборѣ мотивовъ для пѣсней. Составитель музыки мало, по-видимому, знакомъ съ нашими народными пѣснями и не вполне понимаетъ разницу, которая существуетъ между пѣснями *подблюдными*, *свадебными*, *величаніемъ* и такъ далѣе.

Замѣтимъ въ заключеніе, что публику преимущественно занимали обряды, какъ-то: пріѣздъ жениховыхъ сватовъ въ домъ невѣсты, обыванье невѣсты; свадебный пиръ, ходъ въ опочивальню, самая опочивальня, то-есть, пустая горница, съ кроватью подъ пологами, ржаными енопами, кадью со пшеницею, огромными свѣчами и прочею исторической обстановкой! Особенно рукоплескала публика пѣснямъ и пляскамъ; а

когда пускались въ плясъ главныя дѣйствующія лица пьесы, г. Каратыгина 1, Самойловы и такъ далѣе, рукоплесканія становились оглушительны. Въ этой пьесѣ даже г-жа Самойлова 2 поетъ.

Первымъ бенефисомъ послѣ Святой былъ бенефисъ г. Алекина, но онъ представляетъ очень мало достойнаго вниманія, и потому мы расскажемъ о немъ въ немногихъ словахъ. Новыхъ пьесъ было три: «Книга I, глава III», комедія въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ французскаго; «Самая обыкновенная исторія» комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ французскаго-же г. Соловьевымъ, и «Волшебный замокъ или неожиданная встрѣча», шутка въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе неизвѣстнаго автора. Первая пьеса имѣла нѣкоторый успѣхъ, вторая прошла незамѣтно, а третья даже не повторилося. Комедія «Книга I глава III» была очень мило разыграна, но имѣетъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ французскій характеръ, и потому врядъ-ли удержится на сценѣ. Что касается до «Самой обыкновенной исторіи», то она обязана своимъ сохраненіемъ г. Шумскому, прекрасно сыгравшему въ ней роль волокиты и хвастуна, выдающаго себя за литератора и автора всѣхъ статей, печатаемыхъ въ журналахъ, безъ подписи имени сочинителя. Повтореніе Хлестакова.

Свадьба Викторины. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Жоржа Санда*, переводъ *Василько-Петрова*.—№ 470, или Три тысячи рублей серебромъ. Водевиль *П. С. Оедорова*. Дивертисманъ, изъ декламациі, пѣнія и танцевъ.

Бенефисъ г-жи Жулевой.

Талантливая г-жа Жулева прекрасно составила въ нынѣшнемъ году свой бенефисъ; она поставила комедію *Жоржа Санда* «Свадьба Викторины», новый водевиль *П. С. Оедорова* «№ 470 или три тысячи рублей серебромъ» и чрезвычайно разнообразный дивертисманъ, въ которомъ участвовали лучшіе сюжеты драматической, оперной и балетной труппы.

Комедія *Жоржа Санда*, переведенная г. *Василько-Петровымъ* напечатана въ четвертой книжкѣ «Пантеона» и читатели наши могли сами оцѣнить ее; тѣмъ не менѣе, мы считаемъ долгомъ поговорить здѣсь о ней, потому-что у этой комедіи есть своя исторія.

«Свадьба Викторины» есть продолженіе старинной комедіи *Седена* «*Le Philosophe sans le savoir*», мало у насъ извѣстной, и мы считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ *Седеномъ* и его пьесою.

Мишель Жанъ Седенъ родился въ Парижѣ, въ 1719 году. Отецъ его былъ хорошій архитекторъ, имѣлъ достатокъ, пользовался общимъ

уваженіемъ, и потому могъ дать сыну основательное воспитаніе. Но Седену было едва тринадцать лѣтъ отъ роду, когда отецъ его внезапно раззорился, принужденъ былъ оставить Парижъ и переселиться въ глушь Берри, гдѣ вскорѣ и умеръ, снѣдаемый глубокою скорбью. Бѣдняжка Седенъ, оставшійся безъ покрова и съ младшимъ братомъ на рукахъ, отправился къ матери, которая жила въ Парижѣ, въ какомъ-то монастырѣ. У него было всего только восемнадцать франковъ; онъ заплатилъ ихъ за мѣсто въ дилижансѣ для брата, которому отдалъ и куртку свою, потому-что было очень холодно, а самъ пошелъ пѣшкомъ за каретой. Кучеръ дилижанса сажалъ его иногда на козлы, и такимъ-образомъ онъ добрался до Парижа. Тамъ онъ сдѣлался каменотесомъ. Большая часть его товарищей по ремеслу знавали его отца, архитектора, работали когда-то подъ его руководствомъ, и не могли смотрѣть безъ слезъ, какъ сынъ ихъ бывшего начальника, почти ребенокъ, трудился надъ тяжелой работой. Они старались облегчать по возможности его трудъ, и, когда бывало слишкомъ жарко или шелъ дождь, переносили его камень подъ какой-нибудь навѣсъ. Жизнь Седена текла довольно легко: онъ зарабатывалъ достаточно, чтобъ кормить свою семью и находилъ время для чтенія. Такимъ-образомъ, физическій трудъ и нравственное развитіе шли рука объ руку, не вредя одно другому; общество матери и чтеніе поддерживали въ немъ желаніе не оставаться простымъ каменщикомъ и помогли ему возвыситься надъ товарищами, и даже сдѣлаться въ послѣдствіи секретаремъ Академіи архитектуры; а ремесло каменщика и жизнь среди простыхъ, близкихъ къ природѣ людей, придали его сочиненіямъ тотъ колоритъ естественности и простоты, который обратилъ на нихъ вниманіе привыкшихъ къ вычурности современниковъ и доставилъ автору мѣсто секретаря Французской Академіи.

Седенъ началъ съ пѣсенокъ, которыя пѣвалъ сначала только за работой, но пѣсенки были недурны и нѣкоторыя изъ нихъ прокрались въ общество. Особенный успѣхъ имѣло его посланіе «*Épître à son habit*». Всѣ желали узнать автора. Гриммъ написалъ о немъ въ своемъ журналѣ, и безвѣстное до-тѣхъ-поръ имя Седена стало переходить изъ устъ въ уста. Разумѣется, что ремесло каменщика много содѣйствовало извѣстности поэта: поэты не часто встрѣчаются между каменщиками.

Однажды (это было въ 1754 году), нѣкто Монне, директоръ Комической Оперы, предложилъ Седену, какъ автору нѣсколькихъ стихотвореній, бесплатно посѣщать театръ. — Я не приму вашихъ билетовъ, отвѣчалъ Седенъ: вы вѣроятно надѣетесь, что я напишу для васъ какую-нибудь комическую оперу; будьте увѣрены, что я этого не сдѣ-

лаю. Я строю дома, вотъ и все: Je suis maçon pour vivre et point pour gêner!

Однако, спустя нѣсколько времени, Монне снова посѣтилъ Седена.

— Я въ отчаяніи говорилъ Монне: и если вы не выведете меня изъ затруднительнаго положенія, я пропалъ. Ваде* оставилъ меня, не хочетъ больше для меня работать и я буду принужденъ продать свой театръ. А какъ мнѣ печѣмъ поддержать кредитъ, то придется продать театръ за полцѣны. Еслибъ вы согласились написать для меня комическую оперу, то я навѣрное продалъ-бы свою привилегію за настоящую цѣну.

— Мнѣ нѣкогда, отвѣчалъ Седенъ. Но Монне настаивалъ и поставилъ на своемъ.

Такимъ-образомъ, Седенъ сталъ авторомъ по-неволѣ. Чтобы спасти Монне, онъ написалъ либретто оперы *Le Diable à quatre*, «Самбурщица жена», изъ котораго передѣланъ извѣстный балетъ «Своеправная жена», играемый у насъ въ Петербургѣ. Пьеса имѣла успѣхъ, который не увлекъ однакоже Седена; онъ пересталъ и думать о театрѣ, и только черезъ пять лѣтъ, по просьбѣ другаго директора, написалъ еще одно либретто. На этотъ разъ успѣлъ возбудить въ немъ страсть къ театру и онъ сталъ ежегодно писать по двѣ и по три пьесы. Всего сочинилъ онъ тридцать четыре пьесы, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны оперы: «*Richard coeur de lion*» (въ 3 д. музыка Гретри), «*Le Deserteur*» (въ 3 д. музыка Монсиньи) и комедіи: «*Le Philosophe sans le savoir*» (въ 5 д. представленная въ первый разъ 2 Декабря 1765 года) и «*La Gagure imprévue*» (въ 1 д.).

Пьесы Седена не могутъ выдержать строгой критики, какъ произведенія литературныя и драматическія, тѣмъ не менѣе они занимаютъ почетное мѣсто въ исторіи театра вообще и французскаго въ особенности. Седенъ былъ плохой грамотѣй, писалъ неправильно, но онъ былъ умный человѣкъ, человѣкъ съ дарованіемъ, понималъ потребность своего времени и содѣйствовалъ къ ея удовлетворенію. Пересмотрите французской репертуаръ до Седена, Дидро и Бомарше, вы, за очень немногими исключеніями, встрѣтите либо отдѣльныя личности, либо отдѣльныя страсти, но не встрѣтите общества; я хочу сказать, что старые французскіе драматурги ограничивались въ своихъ пьесахъ развитіемъ страстей, а не выводили на сцену жизни и страстей общественныхъ; они обращались къ лицамъ, къ извѣстнымъ ка-

* Современникъ Седена, какъ и онъ, извѣстный своими пьесами и комическими операми.

стамъ, а не къ тому, что мы называемъ публикой въ истинномъ значеніи этого слова. Мы видимъ у нихъ Сидовъ, Орозмановъ, видимъ нравъ, видали страсти или чувства, приличные тому или другому; но не видимъ общества, не видимъ страстей, могущихъ затронуть, интересовать всѣхъ безъ исключенія. Мольеръ не принадлежитъ, разумѣется, къ этому числу. Сверхъ того, старые французскіе драматурги раболѣпно поклонялись древнимъ образцамъ и считали преступленіемъ всякое отступленіе отъ классическихъ формъ. Седенъ содѣйствовалъ къ искорененію этого предразсудка, помогъ драмѣ выйти изъ классической колеи, сблизилъ ее съ обществомъ, и потому имя Седена получило почетное мѣсто въ исторіи театра.

И до Седена пытались бороться со старымъ направленіемъ: Фонтенель, Перро, Ламогтъ возставали противъ старыхъ правилъ, но дарованія ихъ были недовольно сильны, чтобы совладать съ закоренѣлыми предразсудками. Дидро пробилъ первую брешь въ этой китайской стѣнѣ, а Седенъ вошелъ первый на брешь. Они стали нападать въ своихъ пьесахъ на общественные предразсудки и недостатки, и успѣхъ ихъ проложилъ дорогу Бомарше, который докончилъ начатое ими и произвелъ совершенный переворотъ во французской драмѣ.

Въ пьесѣ, послужившей основаніемъ комедіи Жоржа Санда, Седенъ выставляетъ въ темномъ свѣтѣ поединки, одинъ изъ гибельнѣйшихъ предразсудковъ тогдашняго французскаго общества, до-сихъ-поръ, къ сожалѣнію, но вполне искоренившійся, и смѣется надъ чванствомъ. Вотъ, въ короткихъ словахъ, содержаніе этой драмы:

Молодой баронъ де-Клавьеръ дрался на дуэли за любимую дѣвушку и принужденъ былъ, въ слѣдствіе этого, бѣжать изъ отечества, на голландскомъ кораблѣ. Хозяинъ этого корабля такъ полюбилъ молодаго француза, что усыновилъ его и предложилъ ему руку своей племянницы. Баронъ съ радостію и благодарностію принялъ названіе сына и фамилію своего благодѣтеля, но отказался отъ племянницы. Голландецъ, узнавъ, что его пріемышъ любитъ другую, самъ поѣхалъ за нею во Францію, привезъ ее съ собою, женилъ своего нареченнаго сына, и умеръ на рукахъ его, оставивъ ему въ наслѣдство свое богатство и фамилію. Такимъ-образомъ баронъ де-Клавьеръ сдѣлался купцомъ Вандеркомъ.

Съ-тѣхъ-поръ прошло много лѣтъ; у Вандерка уже двое взрослыхъ дѣтей: сынъ, лейтенантъ морской службы, и дочь, которую онъ готовится выдать за-мужъ. Хотя Вандеркъ возвратился во Францію, гдѣ забыли о его дуэли; хотя могъ-бы снова принять свою прежнюю фамилію и баронскій титулъ, онъ остается, однакожъ, по-прежнему купцомъ и

продолжаетъ носить фамилію своего благодѣтеля. Вандеркъ считаетъ неблагороднымъ и неблагодарнымъ измѣнить имени своего втораго отца и отказаться отъ званія, бывшаго для него источникомъ счастія; но непрепятствуетъ сыну возвратиться въ общество, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію. Онъ ужъ перевелъ значительную часть своего состоянія на его имя, поручивъ храненіе этого имущества своимъ родственникамъ, къ числу которыхъ принадлежитъ, между прочимъ, сестра его, маркиза, упрекающая своего брата за то, что онъ сдѣлался купцемъ.

До-сихъ-поръ, жизнь Вандерка счастлива, благодаря твердости его характера и убѣжденій, поставившихъ его выше предразсудковъ и мелкихъ непріятностей жизни; но, наконецъ, и для него настало время тяжелаго испытанія. Наканунѣ дня, назначеннаго для свадьбы дочери, сынъ его, не знавшій еще о дворянскомъ происхожденіи своего отца, поссорился съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, утверждавшимъ въ его присутствіи, что всѣ купцы—плуты и мошенники; въ слѣдствіе этой ссоры была назначена дуэль. Рѣшено было драться на слѣдующій-же день, то-есть, въ самый день свадьбы сестры молодаго Вандерка. Когда первая минута запальчивости прошла и разсудокъ взялъ верхъ надъ гнѣвомъ, молодому Вандерку представились ясно всѣ послѣдствія необдуманнаго поступка: печаль отца, слезы сестры, скорбь всего дома; но отступить было уже невозможно. Рѣшившись уѣхать тайкомъ, чтобъ не подать подозрѣнія и не разстроить свадьбы сестры, онъ всталъ на-разсвѣтъ, но, собравшись ѣхать, узналъ, что ворота заперты и что ключи отъ нихъ у Антуана, стараго слуги, товарища и главнаго прикащика его отца. Онъ постучался къ Антуану, спросилъ ключи, но ключи были не у Антуана, а у самого Вандерка. Пришлось пробираться въ спальню отца, который впрочемъ не спалъ и самъ пришелъ къ сыну. Сынъ старался сначала скрыть истину, но потомъ во всемъ признался. Напрасно уговаривалъ его отецъ отказаться отъ дуэли, напрасно представлялъ ему, что дуэль преступленіе, самый варварскій изъ предразсудковъ: предразсудокъ этотъ такъ глубоко пустилъ корни свои въ убѣжденіи молодаго человѣка, что онъ былъ не въ состояніи побороть его. Въ домѣ никто не зналъ о дуэли, кромѣ старика Вандерка и Антуана, которому Вандеркъ рассказалъ все, прося его посидѣть на мѣсто поединка, чтобы подать, въ случаѣ надобности, помощь сыну. Впрочемъ, Викторина, молоденькая дочь Антуана, подозрѣвала, что происходитъ что-то необыкновенное, потому-что молодой Вандеркъ очень трогательно прощался съ нею и оставилъ ей, при прощаніи, свои часы, прося, чтобъ она никому не отдавала ихъ, кромѣ его самого. Викторина

любить молодого человека, хотя и не сознаетъ любви своей; сердце сказала ей, что товарищу ея дѣтства грозитъ какая-то опасность, но она еще не знаетъ, чего должна страшиться.

Вандеркъ, призвавъ на помощь всю силу воли, успѣлъ скрыть отъ домашнихъ свое безпокойство и даже не отказался принять одного иностранца, которому назначилъ дѣловое свиданіе, хотя ежеминутно ждалъ возвращенія Антуана, съ вѣстію объ исходѣ поединка. Въ случаѣ смерти молодого Вандерка, Антуанъ долженъ былъ извѣстить о ней тремя ударами въ ворота. Иностранецъ пришелъ размѣнять вексель для сына своего, который также долженъ былъ въ тотъ день драться на дуэли. Вандеркъ догадался, что сынъ иностранца никто иной, какъ противникъ его собственного сына. Чувство неприязни невольно овладѣло его сердцемъ, но онъ заглушилъ его и приготовился выдать деньги. Въ это время раздается ударъ въ ворота. Вандеркъ останавливается, всѣ чувства его, вся жизнь переходятъ въ слухъ, и два новые удара обливаютъ кровью сердце его, почти лишаютъ его силъ. Впрочемъ, смущеніе Вандерка было непродолжительно, онъ сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе и почти съ улыбкою выдалъ деньги, которыя должны были послужить къ спасенію убійцы его сына. Къ счастью, Антуанъ ошибся: ему показалось, что оба противника остались на мѣстѣ, между тѣмъ, какъ оба живы, невредимы и даже сдѣлались друзьями. Вандеркъ, съ твердостью встрѣтившій вѣсть о смерти сына, такъ-же твердо встрѣтилъ и вѣсть о жизни его; онъ никому, кромѣ сына, не показалъ своей радости, и за исключеніемъ Антуана и Викторины, подслушавшей разговоръ его, никто изъ домашнихъ не узналъ объ этой радости, точно такъ-же, какъ никто не зналъ о его страданіи.

Пьеса Седена не можетъ выдержать строгой критики, но въ ней много драматическаго, много неподдѣльно наивнаго и простаго. Эта простота и прельстила Жоржа Санда, автора «Малютки Фадетты», «Франсоа-Найденыша», и цѣлаго ряда неподражаемо трогательныхъ, по своей простотѣ, произведеній. Впрочемъ, мысль написать продолженіе къ драмѣ Седена подалъ ей извѣстный критикъ, Гюставъ Планшъ, назвавъ ее, при разборѣ драмы ея «Клоди», ученикомъ Седена.

«Въ этой статьѣ, говоритъ Жоржъ Сандъ: слишкомъ для меня лестной, въ которой г. Планшъ сказалъ много превосходныхъ вещей о пьесѣ Седена, онъ посоветовалъ мнѣ изучить этого писателя. Это заставило меня перечитать пьесу, которой я не знала, потому-что видѣла ее въ дѣтствѣ и помнила очень смутно. Пока я перечитывала ее въ глуши Берри, ее возобновили на одной изъ парижскихъ сценъ. Я прочла статьи о ней въ журналахъ, мысли невольно увлеклись этимъ простымъ и ми-

лымъ сюжетомъ, и мнѣ пришло желаніе написать продолженіе къ роману, набросанному Седеномъ»....

Жоржъ Сандъ взяла изъ этого романа бессознательную любовь Викторины и молодого Вандерка, и на ней основала свою драму, обставивъ ее главнѣйшими изъ лицъ драмы Седена. Новое лицо ввела она только одно, именно Фюльжанса. Что касается до лицъ, взятыхъ ею у Седена, то она сохранила ихъ характеръ: Вандеркъ — тотъ-же философъ, равно твердый въ счастіи и въ несчастіи; Антуанъ такъ-же неограниченно преданъ своему хозяину; молодой Вандеркъ и Викторина такъ-же бессознательно любятъ другъ друга, какъ и въ пьесѣ Седена, гдѣ любовь ихъ поставлена, впрочемъ, на второмъ планѣ и только слегка очерчена.

Комедія Жоржа Санда имѣла въ Парижѣ огромный успѣхъ, почти такой-же успѣхъ имѣла она и на Михайловской нашей сценѣ; на Александринской-же она возбудила мало сочувствія, хотя г-жа Жулева прекрасно исполнила роль Викторины. Особенно хорошо прошла у ней сцена истерики, въ концѣ втораго дѣйствія. Прочія роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Вандеркъ — г. Каратыгинъ 2, сынъ его — г. Степановъ 1, Антуанъ — г. Брянскій, Фюльжансъ — г. Смирновъ 1, госпожа Вандеркъ — г-жа Валберхова, Софи — г-жа Орлова. Говорить больше, было-бы излишне.

О переводѣ пьесы читатели наши могли судить сами, но мы считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь, что Жоржъ Вандеркъ названъ у Жоржа Санда Алекси. Переводчикъ переименовалъ его, опасаясь, чтобы Алекси не обратился на сценѣ въ Алексиса, или какое-нибудь другое неблагозвучное имя. Мы вполне оправдываемъ переводчика и сожалѣемъ только объ одномъ: что онъ не переименовалъ кстати Вандерка и Фюльжанса, которыхъ гг. артисты называли каждый по-своему.

Новый водевиль П. С. Оедорова «№ 470, или три тысячи рублей серебромъ», былъ прекрасно разыгранъ гг. Марковецкимъ, Мартыновымъ и г-жею Жулевой. Что касается до его содержанія, то читатели могутъ сами съ нимъ познакомиться, потому-что водевиль напечатанъ въ нынѣшней книжкѣ «Пантеона».

Въ заключеніе бенефиса былъ дивертисманъ, составленный изъ декламациі, пѣнія и танцевъ, въ которомъ участвовали гг. Каратыгинъ 1, Булоховъ, Югансонъ, г-жи Лаврова, Любская, Прихунова, Соколова, Радина, и нѣкоторые другіе сюжеты нашего балета и хоры.

Послѣдній день жизни или ожиданіе наводненія, оригинальный водевиль въ двухъ отдѣленіяхъ.

Трюмо или двѣ сифиды, водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго С. Б—ва.

ТАРАНТЕЛЛА, сочиненіе И. П. Мятлева. Декламировалъ г. Каратыгинъ 1.

А ЛАРЧИКЪ просто открывался, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи передѣланная съ французскаго.

ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА, оригинальная комедія à-propos съ куплетами, въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе А. Красовскаго.

Отъездъ за границу г-жи Курдюковой, сочиненіе И. П. Мятлева. Читала г-жа Орлова.

Бенефисъ режиссера г. Краюшкина.

«У насъ, гдѣ управленіе сценою поручается образованнымъ и опытнымъ инспекторамъ, роль режиссера не можетъ быть такъ многозначительна, какъ на заграничныхъ театрахъ. Однакожь и у насъ отъ режиссера требуется очень много смѣтливости. А потому намъ всегда пріятно встрѣчать въ этой должности человѣка смышленнаго, старательнаго, совѣтливаго и неутомимаго. Всѣми этими достоинствами обладаетъ г. Краюшкинъ. Усердіе и добрая воля часто замѣняютъ другія качества, достигающіяся не такъ легко и не всѣмъ даруемая судьбою. Г. Краюшкинъ доказалъ и то, и другое, поставя и возобновя въ Театрѣ-Циркѣ до сорока, болѣе или менѣе замѣчательныхъ, пьесъ, которыя всѣ, не смотря на неполноту, выпавшей на его долю, молодой труппы, прошли стройно, съ рѣдкой совокупностью, и многія съ большимъ успѣхомъ.

Часть этихъ усилій, которыя, въ продолженіи времени, должны принести самые утѣшительные плоды, принадлежитъ г. Краюшкину по преимуществу, какъ двигателю сценическаго механизма. Сдѣлать многое съ небольшими средствами — есть истинная заслуга, которая больше всего говоритъ въ пользу ловкости и умѣнья режиссера». — Вотъ что сказали мы о г. бенефициантѣ, приступая къ разбору пьесъ прошлагодняго его бенефиса, и теперь, записывая въ театральную лѣтопись — *настоящій* бенефисъ его — должны повторить тоже самое, отдавая полную справедливость постоянному усердію, знацію дѣла и полезной дѣятельности г. Краюшкина.

Упрекать бенефицианта, даже и режиссера — въ выборѣ неудачныхъ пьесъ — невозможно! Публика требуетъ новаго ... Драматическихъ писателей немного ... Иные изъ нихъ, люди съ призваніемъ и талан-

томъ, даютъ одну пьесу въ годъ, другіе не даютъ ничего; третьи даютъ дюжинами и очень часто изъ этой дюжины также трудно отмѣтить хорошую пьесу, какъ изъ мѣшка, наполненнаго нулями, вытащить единицу... Вотъ почему павшую пьеску «*Послѣдній день жизни*» проходимъ молчаніемъ, держась, кетати, русской пословицы: *лежакаго не алютъ!*... и затѣмъ переходимъ къ водевилю «*Трюмо или двѣ сильфиды*». — Не подумайте, чтобы мы говорили о томъ трюмо, которому повѣряется столько тайныхъ улыбокъ, столько практическихъ поклоновъ, граціозныхъ реверансовъ, передъ которымъ такъ секретно и незастѣнчиво, — иногда, выводятся дугою соболыныя брови, перель которымъ блѣдныя щечки покрываются румянцемъ, передъ которымъ исчезаетъ столько сѣдыхъ, непрощенныхъ волосъ... Нѣтъ! Мы говоримъ о парикмахерѣ Трюмо, которому кромѣ хорошенькой жены, судьба, должно быть при самомъ его рожденіи, принесла на зубокъ ревнивый характеръ. Жена Бенуа Трюмо — Юлія, къ большому благополучію пьесы — актриса. Завивая курчавые рожки актерамъ, иллиминуя парикши папильотками и колечками, выглаживая поддѣльныя лысины, Бенуа пылаетъ ревнивымъ сердцемъ, при одной мысли о неизбѣжной необходимости, которая заставляетъ его Юлію выказывать публикѣ свои хорошенькія плечики... Это-бы еще не бѣда; но горе и отчаяніе принимаетъ совершенно въ штыки бѣднаго парикмахера, когда онъ безпрестанно встрѣчаетъ въ своемъ домѣ драматическаго писателя, доставившаго Юліи роль Сильфиды въ своей новой пьесѣ. — Трюмо рѣшительно возстаетъ противу роли Сильфиды, и послѣ множества комическихъ сценъ, рѣшается самъ нарядиться въ костюмъ Эмеральды; причемъ, собравъ толпу родни своей Юліи, предлагаетъ этой роднѣ рѣшить вопросъ: прилично ли его супругѣ въ такомъ короткополомъ костюмѣ показаться публикѣ? Но въ эту торжественную минуту на судъ является и сама Юлія въ граціозномъ костюмѣ Сильфа. Убѣжденія Мг Трюмо разбиты, какъ стекло. . общій голосъ за Юлію; къ этому голосу присоединяется и согласіе самого ревнивца, когда онъ узнаетъ, что Огюсть — его мнимое бѣльмо, торчалъ постоянно въ парикмахерской не для Юліи, и даже не для репетированія съ нею роли, а по страстной любви къ Терезѣ, сестрѣ хорошенькой Сильфиды. Водевиль очень незамысловатъ, лишень характеровъ, но не лишень веселости и, что не часто случается съ нашими бенефисными пьесами, прошелъ довольно кругло. Г. Мартыновъ въ роли Бенуа Трюмо и г. Жулева (Юліи) поддержали эту пьеску своимъ усердіемъ и наивнымъ исполненіемъ ролей.

Самою лучшею пьесою этого вечера, за которую публика весьма

осталась благодарна и автору и бенефицианту, была, без сомнѣнія, комедія à-propos «Всемирная выставка». Въ обширномъ кругу литературной дѣятельности, мы знаемъ два рода легкихъ литературныхъ произведеній — не стоящихъ авторамъ ни одной мысли, ни одного объѣденнаго пера... Это — напраслина на литературнаго собрата и водевиль à-propos! Судите-же, какъ долженъ быть удовлетворителенъ послѣдній, если по какому-нибудь счастливому случаю авторъ подумаетъ хоть надъ одной изъ его сценъ, хоть надъ однимъ лицомъ и позаботится округлить сколько-нибудь самую пьесу. Въ пьесѣ г. Красовскаго встрѣчается и то, и другое, и третье. Вотъ ея содержаніе. Сазонтъ Савичъ Бодяга—существо въ высшей степени добродѣтельное и кроткое. Онъ послушенъ женѣ, любитъ дочь, уважаетъ сосѣдей, обѣдаетъ въ часъ, ужинаетъ черезъ четыре послѣ обѣда, и спитъ восемнадцать часовъ въ сутки, опредѣляя время между сномъ и обѣдомъ на войну съ мухами, для которыхъ у него есть и *мухобойка*... Счастье Сазонта Савича видимо неосходно и невозмутимо... Чего ему! прекрасное состояніе, дочь невѣста, уже помолвленная за учителя сосѣдняго помѣщика, наливки вкусныя, грибовъ насолено бездна... мухъ безъ счету... Но кромѣ грибовъ, мухъ, дочери, неуклюжаго Ефрема, есть еще у Сазонта Савича безпокойный нахаль сосѣдъ, которому крѣпко хочется побывать на Лондонской выставкѣ, на чужой счетъ, и кстатѣ разстроить свадьбу молодыхъ людей. Этотъ Флегонтъ Иванычъ Юла-Хаджевскій—лжець, хвастунъ, забіяка и большой знатокъ въ борзыхъ—самъ мѣтитъ на хорошенькую Клавдиньку. Послѣ небольшого объясненія, во время котораго мухобойка Сазонта Савича уничтожила до пяти насѣкомыхъ, мухоморъ Бодяга, какъ называетъ его Юла-Хаджевскій, поддается обаяніямъ разбитнаго сосѣда, который указалъ чрезвычайно лестную перспективу — поѣхать на Лондонскую выставку и тамъ сдѣлаться тестемъ какого-нибудь важнаго человѣка, — что, по увѣреніямъ Юла-Хаджевскаго, также легко, какъ пришибать муху. Съ этой минуты Бодяга непременно хочетъ быть тестемъ знатнаго человѣка и объявляетъ, что онъ *прямо ѣдетъ въ Лондонъ* со всей семьей и, разумѣется, съ бывалымъ сосѣдомъ, умѣющимъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ спросить хлѣба, а при случаѣ попросить и денегъ. Послѣ нѣсколькихъ семейныхъ сценъ, слезъ дочери и жены, Сазонтъ Савичъ, въ первый разъ въ жизни восторжествовавшій надъ волею и разумомъ Марьи Африкановны, окончательно собрался съ семействомъ въ Лондонъ — *сушилъ путемъ*, черезъ Москву... Влюбленные въ отчаяніи... Юла-Хаджевскій торжествуетъ... Но, вдругъ является двоюродный братъ Сазонта Савича, отставной маіоръ Бронинъ; онъ-же

крестный отецъ и воспитатель бѣднаго жениха — учителя. Одурачен-нымъ открываются глаза: Порокъ въ лицѣ Флегонта Иваныча обличенъ его бывшимъ командиромъ, пріѣзжимъ Бронинымъ. Семейство по пригла-шенію маіора ѣдетъ уже не въ Лондонъ, а въ Москву, праздновать свадьбу молодыхъ людей. Не смотря на нѣкоторую утрировку лицъ, они вообще очерчены съ большимъ комическимъ тактомъ. Пьеса по своему ходу весьма забавна, а при игрѣ г. Мартынова, въ роли Бадя-ги, невольно увеличиваетъ свой интересъ.

Вотъ все, что новаго принесъ намъ настоящій бенефисъ г. Краюш-кина. О старомъ мы не говоримъ не слова, какъ о записанномъ въ на-шу лѣтопись.

II.

РУССКАЯ ОПЕРА ЗЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Кѣликовская битва. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Музыка Ан-тона Рубинштейна, слова гг. С—а и В. З—ва. Танцы аранжированы г. Мазилье, декорации г. Роллера.

Der Grund des Verfalls der Tonkunst liegt vorzugsweise in dem Mangel einer ernsten überzeugenden Kritik. — S. W. Dehn. — Harmonielehre. P. 209.

Новая опера! русская опера! Явленіе рѣдкое, отрадное, утѣшитель-ное... напоминающее рассказы о чудномъ цвѣткѣ алоэ, о пѣснѣ лебедя, бѣлой воронѣ, морскомъ змѣѣ и тому подобныхъ диковинкахъ. Опера, написанная русскимъ композиторомъ, на русскій сюжетъ!! спѣтая рус-скими пѣвцами!!!

Мы помнимъ эпоху, любопытную въ лѣтописяхъ русской сцены, помнимъ существованіе русской оперы, съ русскими пѣвцами и пѣви-цами, исполнявшими все замѣчательныя произведенія итальянской, французской и нѣмецкой школъ, въ русскомъ переводѣ, пѣвшими даже оперы, написанныя нашими композиторами. Это было въ то время, ко-гда Петербургъ не зналъ итальянцевъ и не сходилъ съ ума отъ дилле-тантизма. Не говоримъ, чтобы мы предпочитали это доброе старое время

нынѣшнему; но восхищаясь нашей превосходной итальянской труппой, мы въ то же время думаемъ, что пристрастіе къ одному роду музыки и пѣнія, могло-бы не быть исключительнымъ; что, отдавая должную справедливость итальянскимъ маэстри, можно было-бы и не оставаться равнодушнымъ къ трудамъ русскихъ музыкантовъ и, преклоняясь передъ европейскими извѣстностями, слушать, хоть изрѣдка, и русскихъ пѣвцовъ, лишь-бы только они пѣли, по-крайней-мѣрѣ, сносно. Къ несчастію, большинство публки устроено такимъ-образомъ, что восхищаясь однимъ, оно не захочетъ знать ничего другаго, и превознося, иногда даже черезъ мѣру, своихъ любимцевъ, унижаетъ, также несправедливо, всѣхъ остальныхъ. Для моды законы не пишутся и прихотливая богиня не повинуется никакимъ уважительнымъ доводамъ, не слушаетъ логическихъ аргументовъ. Впрочемъ, въ этомъ виновата столько-же, какъ и мода — человѣческая натура вообще. Исключительное пристрастіе къ одному предмету, направляя къ нему всѣ способности духа, ослабляетъ въ насъ только одну способность — въ то-же время восхищаться другимъ предметомъ и даже просто быть къ нему справедливымъ. А между-тѣмъ, безъ зрителей, нельзя давать тѣхъ спектаклей, которыхъ они не любятъ, и съ величайшими пожертвованіями со стороны Дирекціи, она все-таки не можетъ дѣлать невозможнаго, то-есть, создавать пѣвцовъ и композиторовъ, которыхъ поддерживаетъ и одушевляетъ одна публка.

И пусть надъ нами смѣются диллетанты, пусть презрительножимаютъ плечами поклонники итальянцевъ, мы сознаемъ, что слушали нѣкогда съ удовольствіемъ на русскомъ языкѣ и «Семирамиду» — Россини; и «Бѣлану» — Боэльдье, и «Волшебную флейту» — Моцарта, и «Лучію» — Доницетти, и «Тессонду» — Шпора, и «Норму» — Беллини, и «Волшебнаго стрѣлка» — Вебера, и «Роберта» — Мейербера, и «Цампу» — Герольда, и «Невѣсту» — Обера; слушали еще съ бѣльшимъ удовольствіемъ оперы нашего стариннаго и едва-ли не перваго композитора по времени, Кавоса, о которомъ забыло нынѣшнее поколѣніе, если только когда-нибудь знало его. А между-тѣмъ, Кавосъ обладалъ дарованіемъ огромнымъ, неподдѣльнымъ, и музыкальная критика наша въ большомъ долгу передъ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, заслуги котораго еще не оцѣнены по достоинству; ее извиняетъ одно то, что она сама въ недавнее время появилась у насъ. Не мѣшало-бы нашимъ молодымъ знатокамъ музыки разобрать партитуры Кавоса: это принесло-бы немаловажную пользу современнымъ композиторамъ. Въ последнее время Дирекція возобновила одну изъ оперъ Кавоса: «Ивана Сусанина», и несмотря на искаженіе историческихъ данныхъ и на опасное соперничество съ оперой Глики на тотъ-же предметъ,

публика слушала съ любопытствомъ и удовольствіемъ живыя мелодіи Кавоса, полныя чувства и энергіи.

Съ Кавосомъ кончился первый періодъ русской оперы, восхищавшей въ старые годы публику — четырьмя частями «Лесты, днѣпровской русалки», «Княземъ-Невидимкою», «Ильею Муромцемъ», «Любовною почтою», и проч. Второй періодъ начался съ «Аскольдовой могилы» — г. Верстовскаго.

«Аскольдова могила» имѣла большой успѣхъ здѣсь и въ Москвѣ, и до-сихъ-поръ слушается и смотрится съ удовольствіемъ, особенно воскресною публикою. Въ ней есть счастливые мотивы, которые, въ соединеніи съ комическимъ элементомъ оперы и прекрасною обстановкою, много способствовали тому, что опера до-сихъ-поръ держится на сценѣ. Въ этомъ произведеніи г. Верстовскій очень удачно воспользовался нѣкоторыми русскими народными модуляціями, и онѣ-то болѣе всего производятъ впечатлѣніе на слушателей. Стоитъ вспомнить только, какой восторгъ возбуждаетъ всегда въ публикѣ знаменитая пѣсня: «Заходили чарочки по столику» Остальные произведенія г. Верстовскаго, «Вадимъ», «Сонъ на яву», не были даны на петербургской сценѣ, а «Тоска по родинѣ» послѣ двухъ представленій сошла съ репертуара. Здѣсь г. Верстовскій вставилъ опять въ партицію лакея русскую пѣсню:

Какъ пошли наши подружки
Въ лѣсъ по ягоду гулять....

но вторая попытка разшевелить народное чувство знакомою мелодіей была далеко не такъ удачна, какъ первая.

Послѣ «Аскольдовой могилы» явилась «Жизнь за Царя», доставившая композитору громкую извѣстность, изобилующая превосходными мотивами и драматически-музыкальнымъ элементомъ. Композиторъ воспользовался многими народными мелодіями для того, чтобъ по образцу ихъ создать свои собственныя. Поэтому опера «Жизнь за Царя» можетъ, по преимуществу, назваться народною русскою оперою. Композиторъ, казалось, исчерпалъ въ ней все богатство нашихъ родныхъ напѣвовъ, и намъ кажется даже невозможнымъ, чтобы послѣ этой оперы можно было написать другую, въ чисто-народномъ духѣ. По-крайней-мѣрѣ, за это долженъ взяться музыкантъ, равный съ Глинкою по дарованію. Въ будущемъ, конечно, могутъ явиться такія лица, но въ настоящемъ мы ихъ не знаемъ.

Знатоки музыки упрекали Глинку въ нѣкоторыхъ ошибкахъ противу музыкальнаго построения мелодій и правилъ гармоническихъ сочетаній въ инструментовкѣ этой оперы. Композиторъ отвѣчалъ имъ созданіемъ въ

вышей степени ученымъ — «*Русланомъ и Людмилою*». Несмотря на великолѣпную обстановку и на нѣкоторые прекрасные нумера, опера эта не имѣла блестящаго успѣха, и въ цѣломъ, дѣйствительно, какъ опера — произведеніе невыдержанное, ибо лишена главнаго начала — драматизма. Мы говоримъ это съ точки зрѣнія простаго любителя музыки, являющагося въ театрѣ затѣмъ, чтобы слушать оперу, а не разбирать развитіе фугъ и другихъ контрапунктныхъ хитростей. Ученые музыканты нашли въ партитурѣ «*Руслана и Людмилы*» множество превосходныхъ вещей, а въ инструментовкѣ бездну оригинальности. Мы совершенно согласны съ этимъ, но повторяемъ еще разъ, что опера, какъ и всякое художественное произведеніе, пишется для большинства публики, не имѣющей претензіи на знаніе контрапункта, и должна быть не симфоніей, не ораторіей, не концертомъ, а просто оперой. Отдѣльные нумера «*Руслана и Людмилы*» превосходны, но цѣлое оставляетъ въ душѣ самое смутное впечатлѣніе, смѣсь яркихъ мотивовъ съ самыми темными пассажами, упоительныхъ мелодій съ вычурными и изысканными мѣстами, замѣчательными только по своей оригинальности. Либретто оперы, неудачное и не имѣющее никакого драматическаго интереса, также сносоствовало къ тому, чтобы расхолодить и утомить публику. Послѣ «*Руслана и Людмилы*» Глинка замолкъ, о чемъ искренно пожалѣть всякій, кто любитъ русскую оперу и уважаетъ дарованіе безспорно перваго русскаго композитора.

Появленіе Глинки на сценическомъ поприщѣ очевидно должно было пробудить къ дѣятельности и другихъ композиторовъ; но послѣ оперъ Глинки являлось такъ мало попытокъ въ этомъ же родѣ, что всѣ ихъ можно перечестъ въ трехъ строкахъ: «*Параша Сибирячка*» послужила текстомъ для двухъ оперъ: одной, г. Струйскаго, подъ тѣмъ-же названіемъ; другой, г. Бернара, подъ названіемъ: «*Ольга, дочь изгнанника*». Ни то, ни другое произведеніе не имѣло успѣха. Потомъ являлись на сценѣ: кантата «*Торжество Вакха*» и баллада въ лицахъ «*Свѣтлана*», — съ тѣмъ-же успѣхомъ. Наконецъ, во время господства на нашей сценѣ итальянцевъ, даны были ими двѣ оперы русскихъ композиторовъ, на итальянскомъ языкѣ: «*Біанка и Гуальтиеро*» господина Львова и «*Парижскій мальчишка*» господина Толстаго. Превосходное исполненіе первой оперы, блистательная обстановка и нѣкоторые замѣчательные нумера «*Біанки и Гуальтиеро*», несмотря на слабость сюжета, доставили ей то, что французы называютъ: un succès d'estime. «*Парижскій мальчишка*», выкроенный изъ французскаго водевиля, не могъ имѣть

вліянія на русскую публику. Послѣ него уже ни одна опера нашихъ композиторовъ не появлялась у итальянцевъ.

Господинъ Львовъ не остановился на полу-успѣхѣ *Біанки* и написалъ «*Удину*», которая—гораздо выше его первой оперы въ музыкальномъ отношеніи, хотя либретто ея также неудачно, какъ и либретто Біанки. Поставленная въ то время, когда итальянизмъ совершенно загналъ бѣдную русскую оперу, «*Удина*» произвела все-таки довольно пріятное впечатлѣніе и возбудила участіе любителей музыки.

Изъ маленькихъ оперетокъ, игранныхъ на Александринской сценѣ, мы должны отличить оперетку г. Ушакова «*Солдатъ и Пастухъ*», въ которой было много живыхъ и свѣжихъ мелодій, и «*Узкіе башмаки*» г. Дютча, которому мы серьезно совѣтовали - бы приняться за большую оперу: такъ много блестящихъ надеждъ въ этомъ молодомъ композиторѣ. Г. Кажинскій писалъ также нѣсколько полу-оперныхъ нумеровъ для разныхъ александринскихъ піесъ, но нигдѣ не восходилъ выше своихъ полекъ, а иногда писалъ даже такую музыку, которая возбуждала удивленіе публики—явнымъ разногласіемъ словъ съ мотивомъ, какъ на-примѣръ, въ «*Греческомъ философѣ*», гдѣ на застольную, вакхическую піесенку *Лаисы* г.

Кажинскій написалъ похоронный маршъ.

Если мы прибавимъ къ этому нѣсколько весьма замѣчательныхъ нумеровъ изъ оперы М. Ю. Віельгорскаго «*Цыгане*», слышанныхъ нами въ концертахъ, и оперетку г. Арнольда «*За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ*», игранную въ Театрѣ-Циркѣ — то получимъ весь русскій оперный репертуаръ до появленія «*Эсмеральды*», г. Дорогомыжскаго. Пустой театръ въ самое первое представленіе этой оперы—поразилъ насъ самымъ непріятнымъ образомъ. Мы увидѣли въ томъ такое равнодушіе публики къ отечественнымъ композиторамъ, что рѣшительно упали духомъ. Въ оперѣ г. Дорогомыжскаго было много отличныхъ достоинствъ; самое либретто ея очень драматично и занимательно, и не смотря на это, опера была встрѣчена съ убійственнымъ холодомъ къ какому способна только самая избалованная публика.

Поэтому мы удивились, и почти испугались, увидѣвъ на афишѣ, въ скоромъ времени послѣ «*Эсмеральды*», новую русскую оперу, новаго композитора. Нужно было много рѣшимости и твердости, чтобы написать оперу въ такое печальное время для русской музыки, много благосклонности со стороны Дирекціи, чтобы поставить такую оперу послѣ всѣхъ неудачныхъ попытокъ разшевелить публику, совершенно охладѣвшую къ зрѣлищамъ подобнаго рода. Но удивленіе наше возрасло еще болѣе, когда мы увидѣли сочувствіе къ ней публики, рѣшительно выведенной изъ апатіи молодымъ композиторомъ «*Куликовской битвы*».

Имя г. Рубинштейна впрочемъ знакомо публикѣ. Всѣ, вѣроятно, помнятъ даровитаго ребенка, лѣтъ десять тому назадъ дававшего концерты и превосходно игравшаго на фортепьяно. Теперь этому ребенку уже двадцать два года, и онъ успѣлъ написать нѣсколько замѣчательныхъ музыкальныхъ произведеній, романсовъ, симфоній и, наконецъ, русскую оперу.

Новая *русская* опера явленіе, во всякомъ случаѣ, очень замѣчательное и читатели «Пантеона» въ правѣ ожидать отчета о такомъ явленіи, еще полнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ театральныя хроники другихъ журналовъ или театральныя фельетоны газетъ. Мы и собирались—было дать довольно обстоятельный ра зборъ этого замѣчательнаго произведенія; хотѣли отчасти похвалить смѣлость очень молодаго композитора, дебютирующаго на поприщѣ драматической музыки — серьезною оперой, въ трехъ большихъ дѣйствіяхъ; хотѣли указать очень многое, что нашли хорошаго въ этой оперѣ, конечно, показывающей молодость и неопытность автора, но обличающей въ немъ талантъ несомнѣнный. Такъ мы собирались сдѣлать, познакомившись съ оперой по ея партитурѣ и въ исполненіи — на репетиціяхъ и въ первомъ представленіи (18 апрѣля, на Большомъ-театрѣ). Но толки объ этой оперѣ вкривь и вкось, которые намъ удалось слышать въ кругу музыкантовъ и любителей, и, особенно, печатно высказанные *панегирики* этой оперѣ (на-примѣръ, въ фельетонѣ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей № 102, мая 7; статья подписанная буквою Z.) не позволяютъ намъ остаться при одномъ скромненькомъ отчетѣ объ оперѣ г. Рубинштейна, съ указаніемъ ея достоинствъ и недостатковъ но заставляють коснуться многихъ общихъ вопросовъ изъ философіи искусства, чтобъ затѣмъ подвести подъ нихъ оперу, о которой идетъ рѣчь, и такимъ-образомъ опредѣлить настоящее ея мѣсто. По нашему мнѣнію, первое дѣло критической статьи о новой оперѣ состоитъ въ томъ, чтобы высказать, по возможности, справедливый взглядъ на произведеніе, въ его цѣломъ, доказавъ вѣрность высказаннаго взгляда сравненіемъ съ образцами. Сравненіе — единственная возможная мѣрка въ дѣлѣ искусства и оцѣнивающей его критики.

Музыку давно признали за своеобразный *поэтический языкъ*, но особія условія этого языка, то-есть, техническая сторона музыки — у многаго множества людей, занимающихся искусствомъ звуковъ — поглощаетъ все вниманіе, заслоняя собою эстетическое значеніе музыкальныхъ произведеній, смыслъ этого языка. Вся бѣда въ томъ, что музыка несравненно юнѣ другихъ искусствъ. Вѣдь было-же время, у всѣхъ образованныхъ народовъ, когда «стихориюмодѣтели» смѣшивались съ поэтами и написанная по школьнымъ правиламъ «ода»

принималась за поэзію. У насъ, русскихъ, младшихъ между образованными народами, время это еще не за горами; но теперь ужъ конечно никто не назоветъ *поэтомъ* того, кто не создалъ ничего поэтическаго, но довольно-хорошо владѣеть стихомъ и знаетъ очень твердо всѣ формы и формулы стихосложенія. Между-тѣмъ въ музыкѣ большія или меньшія свѣдѣнія въ технической сторонѣ искусства, выказанныя на извѣстномъ количествѣ страницъ графленой бумаги, не только у насъ, но повсемѣстно въ образованномъ мірѣ, даютъ дипломъ на имя «композитора», то-есть, музыканта-творца, «поэта» въ области звуковъ (*Tondichter*, по прекрасному нѣмецкому выраженію)! Всѣ какъ-будто сговорились забывать, что техническія свѣдѣнія только матеріалъ для поэтическаго зданія; что для истиннаго художника вся техническая сторона искусства — только средство, а никакъ не цѣль; что большее или меньшее умѣнье распорядиться этими средствами еще вовсе не составляетъ изящнаго искусства, для котораго требуется особая, высшая организація, особое призваніе; что наконецъ «работникъ надъ интервалами» (*un ouvrier en intervalles*, по остроумному выраженію г. Ленца) также мало долженъ быть смѣшиваемъ съ музыкантомъ-творцемъ, какъ каменщикъ съ архитекторомъ, краскотеръ съ живописцемъ. Разумѣется, для того, чтобы сдѣлаться «отличнымъ» каменщикомъ въ области музыкальной, надо имѣть много «отличныхъ къ этому дѣлу» способностей, безъ чего нельзя быть «отличнымъ» ни въ чемъ, — и такъ-какъ музыка, по особымъ условіямъ своего языка, представляетъ большія трудности въ преодоленіи ея «технической» части и требуетъ очень много особыхъ способностей, то ясно, что талантъ къ этой, технической сторонѣ музыки (то-есть къ «каменному дѣлу» въ области звуковъ, а не къ музыкальному зодчеству) на всякомъ шагу смѣшивается съ истиннымъ поэтически-музыкальнымъ дарованіемъ и призваніемъ. Всякій музыкантъ, (особенно между отлично-образованными съ технически-музыкальной стороны нѣмцами), изучивъ многолѣтнимъ трудомъ, при извѣстной степени способностей, всѣ тонкости музыкальной «грамматики и риторики», считаетъ себя совершенно въ правѣ подарить свѣту нѣсколько оперъ, ораторій и симфоній, никакъ не догадываясь, какая неизмѣримая бездна отдѣляетъ его «дѣланье» отъ истиннаго музыкальнаго творчества по призванію. Все выкроено по классическимъ образцамъ («*klassisch*» — любимое словечко нѣмцевъ); все на мѣстѣ, какъ слѣдуетъ быть, гладенько, ровненько; аккорды и модуляціи очень чисты и правильны, есть и контрапунктецъ, и красивенькія оркестрныя сочетанія — чего-жъ больше? Симфонія хоть куда, только остается надписать на заглавномъ листѣ «*Hommage aux mânes de Beethoven!*» —

и слушатели такой симфоніи (большею частью тоже нѣмцы, такіе же «дѣлатели») все люди своего же прихода для композитора, восхищаются, восторгаются, приходятъ въ умиленіе и признаютъ торжественно, что эта симфонія — вещь геніальная, ein schönes, herrliches Kunstwerk, — что конечно, тутъ поменьше «фантазій» (nicht so ueberreich an Phantasie), чѣмъ, напримѣръ у Бетховена, — ну, да вѣдь не всѣмъ же и быть Бетховенами! — Такіе слушатели и судьи забываютъ, конечно, *бездѣлицу*, что дѣло не въ умѣнши связать парочку жиденькихъ мыслей, развить ихъ по правиламъ, и по правиламъ-же распределить между инструментами полного оркестра, а что дѣло—*въ дѣль*, именно въ томъ, чтобъ симфонія говорила душѣ и воображенію. А въ такого рода произведеніяхъ, о которыхъ мы теперь ведемъ рѣчь очень часто рѣшительно *все* есть, кромѣ — поэзіи, и поэтического смысла.

Въ симфоніяхъ и въ камерной музыкѣ это разграниченіе чисто-музыкальной, технической стороны отъ стороны поэтически — музыкальной, идеально-творческой — весьма не легко. Не для всѣхъ понятно неизмѣримое разстояніе, которымъ отдѣляются квартеты, напримѣръ, Онслова — отъ квартетовъ Гайдна или Бетховена, — симфоніи Мендельсона отъ бетховенскихъ симфоній; а между-тѣмъ и Мендельсонъ и Онсловъ еще недосыгаемо высоко стоятъ надъ легиономъ ученыхъ композиторовъ, которые писали, пишутъ и будутъ писать квартеты и симфоніи. — Въ оперной музыкѣ дѣло принимаетъ другой оборотъ: поэтической выборъ сюжета, общій характеръ музыки въ согласіи съ содержаніемъ, живой драматизмъ въ каждомъ номерѣ, красота и свѣжесть мелодическихъ мыслей, — все это такія простыя, такія *необходимыя* требованія отъ каждой оперы, что надобно быть очень ослѣплену сіяніемъ своего *я*, чтобъ покуситься написать что-нибудь музыкальное для сцены помимо этихъ условій. Но и здѣсь нѣмецкое погруженіе въ технику успѣло затемнить правильный критическій взглядъ на то, чего должно искать въ оперѣ; и здѣсь «каменныхъ дѣлъ мастера въ музыкѣ» полагаютъ, что всякая партитура съ извѣстнымъ количествомъ хоровъ, соло, дуэтовъ и т. д., написанная на первый попавшійся подъ руку текстъ съ полу-драматическимъ содержаніемъ, хотя-бы не богатый ни поэзіей, ни занимательностью, — что такое полномѣсное собраніе отдѣльныхъ вокальныхъ и инструментальныхъ пьесъ, болѣе или менѣе правильно сочиненныхъ и затѣйливо оркестрованныхъ, есть уже *опера*, которую *можно* и *должно* отдать на судъ публики и затѣмъ поставить наряду съ истинно-художественными созданіями! — На тѣхъ, кто цѣлый вѣкъ проводитъ между діэзами и бемолями и не подымаетъ глазъ съ своего потнаго шюпитра, не трудно угодить въ му-

зыкѣ: кое-какія достоинства съ технической стороны — и эти люди признають вещь за гениальную, потому-что дальше своего пюпитра ничего не видятъ. Но вѣдь опера создается не для однихъ техниковъ, которые потонули въ своихъ C и D, Fis и Gis. Многое, очень многое нужно, чтобъ опера была *оперой*, поэтически — музыкальною драмой, и чтобъ создать такую *настоящую* оперу — одной технической стороны и одного желанія написать большую серьезную вещь никакъ не достаточно.

Опера, какъ ее въ наше время понимаютъ, должна быть полнымъ, замкнутымъ въ себѣ поэтическимъ созданиемъ, цѣлымъ отдѣльнымъ *организмомъ*. Какъ музыкальная *драма*, опера во многомъ подлежитъ общимъ условіямъ драматической поэзіи, но имѣетъ и свои особенныя требованія, прямо вытекающія изъ свойства языка *музыкальнаго*, не во всемъ совпадающаго съ языкомъ поэтическимъ. Вопросъ о равновѣсїи въ оперѣ силъ собственно поэтическихъ и собственно музыкальныхъ, вопросъ затронутый еще очень давно (во время знаменитой войны между Глуккистами и Пиччпинистами) и въ наше время по *теорїи* еще не разрѣшенъ окончательно и принадлежитъ къ довольно запутаннымъ вопросамъ философіи искусства. На практикѣ же вопросъ этотъ разрѣшается — безсмертными операми первѣйшихъ драматическихъ композиторовъ, болѣе или менѣе близкими къ идеалу оперы. Мы здѣсь касаемся этого вопроса только для того, чтобъ еще разъ высказать весьма извѣстную аксіому, что сочинитель оперы долженъ быть на столько-же драматическимъ поэтомъ, на сколько музыкантомъ. Одною чисто-музыкальнаго дара тутъ недостаточно. Доказательствомъ можетъ служить примѣръ Гайдна: никто, конечно, не поколеблется признать его за одного изъ величайшихъ гениевъ съ чисто-музыкальной стороны, но *драматическаго* элемента въ немъ не было — и онъ не создалъ въ оперномъ стилѣ ничего сколько-нибудь замѣчательнаго. И такъ, оперный композиторъ выступаетъ уже изъ ряда просто *музыкантовъ*; ему драматическая *поэзія* должна быть столько же родственна, какъ самое искусство звуковъ; а дѣло извѣстное, что драматическая поэзія требуетъ глубочайшаго *вдумыванія* въ предметъ (*une méditation profonde*), глубокой психологической основы (того, что называютъ знаніемъ сердца человѣческаго), и самой многосторонней начитанности и образованности вообще. Довольно ясно также, что для драматической поэзіи, слѣдовательно и для музыкальной драмы, необходима *зрѣлость* души и ума, кромѣ зрѣлости таланта и технической опытности. Самъ Шекспиръ двадцати лѣтъ отъ роду не могъ-бы создать ни Макбета, ни Отелло; самъ Моцартъ — чудо изъ чудесъ въ отношеніи *ранняго*

развитія геніальности — только двадцати-пяти лѣтъ могъ написать первую свою настоящую оперу «Идоменей», не удержавшуюся ни въ какомъ оперномъ репертуарѣ.

Мы уже намекнули, что одно изъ важнѣйшихъ условій оперы — счастливый выборъ сюжета. Содержаніемъ оперы условливается весь характеръ ея музыки, ея бѣльшая или мѣньшая родственность тому или другому роду уже существующихъ оперъ; потому-что между отдѣльными произведеніями искусства существуетъ такая неразрывная родственная связь, какъ между отдѣльными организмами въ природѣ. Сюжетомъ оперы условливается, будетъ-ли опера — лирическою трагедіей въ духѣ Глука и его послѣдователей, Керубини и Мегюля, или остроумно-комическою въ легкомъ родѣ Боальдьё и Обера, или смѣшанной, полусерьезною, полу-шутливой, какъ Донъ-Жуанъ (*dramma giocoso*) или оперой-ораторіей, какъ «Фиделіо» Бетховена и «Жизнь за Царя» М. И. Глинки. Здѣсь не мѣсто излагать подробно нашъ взглядъ на то, каковы должны быть оперные сюжеты вообще, (этотъ взглядъ отчасти уже былъ высказанъ въ статьѣ о музыкѣ Спонтини, въ первой книжкѣ «Пантеона» за текущій годъ); замѣтимъ только, что всѣ обдумывающіе искусство со стороны ея философіи, давно признали, что самые невыгодные сюжеты для оперъ — великія историческія событія, съ участіемъ въ нихъ историческихъ героевъ. Музыкой можно выразить чрезвычайно многое, но есть предметы, которымъ музыкальный языкъ навсегда останется чуждымъ; въ этомъ случаѣ поле искусства звуковъ несравненно тѣснѣе, ограниченнѣе, чѣмъ поле поэзіи вообще. Все, что говоритъ душѣ чрезъ разумъ — музыкѣ недоступно: она имѣетъ дѣло только непосредственно съ душою и ея ощущеніями (*Empfindungen* въ самомъ широкомъ значеніи этого нѣмецкаго слова). Промахи противъ этого основнаго требованія музыкальнаго языка встрѣчаются всего чаще въ произведеніяхъ молодыхъ композиторовъ, которые въ горячемъ энтузіазмѣ думаютъ, что для этого искусства нѣтъ ничего невозможнаго и готовы изображать звуками паденіе Западной Римской Имперіи или переселеніе народовъ; готовы сдѣлать оперу изъ повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, или положить на музыку курсъ ариѳметики, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Было время когда въ дѣйствующія лица оперъ преимущественно, почти исключительно, избирались герои историческіе (*Alessandro nelle Indie, Ciro in Babilone, Quinto Fabio* и т. д.); но это были времена младенчества оперы, когда она слѣпо слѣдовала условіямъ французской ложно-классической трагедіи, съ наперсниками и наперсница-

ми. Условія оперы давно стали совсѣмъ другія, однако и въ наше время еще есть въ композиторахъ нѣкоторое пристрастіе къ великолѣпнымъ, пышнымъ *историческимъ* сюжетамъ. По нашему мнѣнію, лица чрезвычайно-отдаленной древности, гдѣ исторія еще смѣшивается съ баснословіемъ, могутъ совершенно безпрепятственно дѣйствовать на оперной сценѣ. Какая — нибудь Семирамида, какой-нибудь Сарданапаль, или герои и полубоги мифической Греціи, при случаѣ, могутъ быть очень кстати выведены въ оперѣ; самая извѣстность, опредѣленность ихъ характеровъ и поступковъ, весьма выгодно можетъ содѣйствовать *ясности, понятности* опернаго сюжета, а поэтическая атмосфера, которою ихъ окружаетъ далекая древность, можетъ сильно одушевить фантазію композитора, для котораго тутъ будетъ широкое поле. Никто лучше Глука и Керубини не постигалъ близкаго родства между формами возвышенной лирической драмы и формами древне-греческой трагедіи; но, какъ истинные художники, они это родство видѣли со стороны самого искусства, со стороны поэзіи, а не со стороны патріотическаго увлеченія, которою дышали греческія, трагедіи и вѣрно усмѣхнулись-бы надъ такимъ композиторомъ, который затѣялъ-бы, для назиданія французовъ, представить главнѣйшія событія ихъ отечественной исторіи на *оперной* сценѣ. Самая «условность» музыкальнаго языка, то-есть пѣнія, на сценѣ очень вредитъ впечатлѣнію, когда въ оперѣ дѣйствуетъ историческое лицо, изъ временъ не слишкомъ отдаленныхъ, и тѣмъ болѣе вредитъ, чѣмъ дѣйствующее лицо ближе къ намъ и живѣе въ народной памяти. Вообще, затрогивая патріотическое чувство въ оперѣ, надобно дѣйствовать до крайности осторожно, чтобъ сдѣлать изъ оперы и ея музыки новую дань восторга и благодарнаго чувства къ событію и его героямъ, а не принести это событіе и героевъ въ жертву музыкальному труду, до котораго народу можетъ не быть никакого дѣла. Трудно избрать болѣе патріотическій сюжетъ какъ поступокъ Ивана Сусанина. Но Сусанинъ все-таки чисто частное лицо и важное историческое событіе, восшествіе на престолъ Михаила Ѳедоровича, въ оперѣ М. И. Глинки затрогивается только со стороны всеобщаго ликованія народнаго, ликованія, съ которымъ сливается грустная, но торжественно-благодарная память о геройской смерти Сусанина. Вотъ, по нашему мнѣнію, единственно возможный способъ выводить на оперную сцену народныя событія. Въ такомъ видѣ, даже весьма неотдаленныя могутъ быть допущены. Они должны быть не болѣе, какъ рамкой, окаймляющею драму изъ частной жизни, но едва музыка прикоснулась къ самому событію—торжественность, величіе звуковъ принимаютъ самые широкіе размѣры и поглощаютъ въ себѣ патетическій элементъ частной драмы. Мы невольно заговорили о «Жизни за

Царя». Нельзя не говорить объ этомъ произведеніи всякій ризъ, какъ только рѣчь коснется русской оперы съ сюжетомъ народнымъ, патриотическимъ. Нисколько не помышляя сравнивать трудъ г. Рубинштейна съ колоссальнымъ произведеніемъ композитора, создавшаго русскую оперную музыку, невозможно однако не упомянуть, что въ дѣлѣ русской *народной* оперы уже существуетъ созданіе, стилю и духу котораго обязанъ подражать всякій, кто отважится писать музыку на русской народный сюжетъ. Въ фельетонѣ С. П.-б. Вѣдомостей, 7-го мая (о чемъ мы уже упоминали), послѣ удостовѣренія, что г. Рубинштейнъ—*русскій*, и что онъ имѣлъ возможность свыкнуться съ духомъ нашихъ народныхъ мотивовъ, идутъ нѣкоторыя общія замѣчанія о національности въ музыкѣ. Вотъ какъ выражается г. Z.: «Дѣло въ томъ, что одинъ (1) изъ композиторовъ (кто-же?) болѣе допускаетъ въ свои произведенія народный элементъ, оставляя его здѣсь на *первой степени развитія* и не проводя его далѣе мотива, *построеннаго на ладъ* русскихъ пѣсенъ (замѣчайте! замѣчайте!), а другіе (2) (кто-жь опять?) стараются этотъ элементъ ввести въ свои композиціи, не въ его первоначальной формѣ, а въ формѣ облагороженной началами искусства. Народный элементъ въ такихъ композиціяхъ сохраняется въ общемъ характерѣ стиля; что-же касается (3) до частныхъ мелкихъ подражаній манерѣ народныхъ пѣсенъ, изъ чего нѣкоторые (??) хотятъ создать *русскую музыку* (кто-же эти желающіе?), то подобная подражательность до истиннаго творчества, творчества, условливаемаго законами изящнаго, никогда не доведетъ. Композиторъ съ такимъ направленіемъ и не выйдетъ изъ ряда пѣсенокъ.» Изъ этого курьознаго сужденія о русской музыкѣ очень трудно вывести что-нибудь положительное, то-есть, кого именно разумѣлъ г. Z. подъ каждою изъ своихъ трехъ категорій русскихъ композиторовъ? Г. Z., по своему пристрастію къ скромной таинственности, никого по имени не называетъ, но, во всякомъ случаѣ, самая фигура умолчанія, которую употребилъ г. Z. въ отношеніи М. И. Глинки показываетъ, что онъ думалъ упрятать его непременно въ одну изъ своихъ глубомысленныхъ категорій. Между-тѣмъ, въ стилѣ М. И. Глинки (мы говоримъ все о «Жизни за Царя») все русскія мелодіи именно *построены на ладъ* народныхъ пѣсенъ, что однакожь нисколько не мѣшаетъ этимъ мелодіямъ быть вылитыми въ форму «облагороженную началами искусства», по замысловатому выраженію г. Z. Такимъ-образомъ произведеніе М. И. Глинки соединяетъ въ себѣ обѣ категоріи г. Z., и контрастъ, которымъ онъ хотѣлъ *рельефно* выставить новаго рода народность музыки г. Рубинштейна, исчезаетъ. Вопросъ о томъ, какова должна быть рус-

кая музыка на русскій народный сюжетъ, разрѣшенъ уже шестнадцать лѣтъ назадъ, оперою «Жизнь за Царя», оперою, которая постоянно дается на нашей оперной сценѣ и возбуждаетъ всеобщій энтузіазмъ въ публикѣ и въ знатокахъ; знатоки и все изучающіе искусство не перестаютъ восхищаться каждой страничкой этой партитуры; превосходный нашъ оркестръ Большаго Театра исполняетъ эту оперу всегда съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, а публика вызываетъ автора также горячо и единодушно *черезъ шестнадцать лѣтъ* (спектакль 8 мая на Александринскомъ Театрѣ), какъ въ вечеръ перваго представленія (2 ноября 1836).

Не хочется вѣрить, чтобъ даровитый г. Рубинштейнъ вздумалъ писать русскую *народную, патриотическую* оперу именно для того, чтобъ состязаться съ такимъ художникомъ, какъ М. И. Глинка; но если прислушаться къ нѣкоторымъ толкамъ о «Куликовской битвѣ» и сообразить то обстоятельство, что сюжетъ этой оперы, кромѣ патриотической стороны не представлялъ богатой основы для композитора, невольно западетъ въ голову мысль: не имѣлъ-ли юный авторъ черезъ-чуръ заносчиваго умысла «перещеголять» М. И. Глинку! Удалось-ли это г. Рубинштейну—публика уже рѣшила. Если-же г. Рубинштейнъ, безъ всякой высокомерной затаенной мысли трудился изъ любви къ искусству, испытывалъ свои юныя силы на такомъ громадномъ трудѣ, какъ серьезная опера въ трехъ большихъ дѣйствіяхъ, и старался поставить свою оперу на сценѣ, только для того, чтобъ имѣть возможность услышать ее въ настоящемъ исполненіи, проверить свои намѣренія и ихъ эффектъ, впечатлѣніе на публику и такъ далѣе,—однимъ словомъ, если онъ хотѣлъ *учиться* на этомъ первомъ дебютѣ и учиться *дѣльно, серьезно*, какъ слѣдуетъ учиться даровитому юношѣ, тогда остается только любоваться его талантомъ и благородными стремленіями, пожалѣвъ, что столько силъ употреблено на такое неблагоприятное либретто. Удивляться можно, какъ въ талантѣ г. Рубинштейна нашлось, съ первыхъ шаговъ его на поприщѣ оперномъ, столько запаса мыслей (не говоря еще объ ихъ достоинствѣ), чтобъ сдѣлать большую оперу на такой неудачный и скудный текстъ! Ни характеровъ, ни дѣйствія, ни занимательности, ни эффектныхъ сценъ, ничего нѣтъ въ этомъ жалкомъ либретто. Самая мысль превратить трагедію Озерова «Дмитрій Донской», въ оперу, весьма неудачна. Во всемъ сюжетѣ рѣшительно нѣтъ оперныхъ, музыкальныхъ элементовъ, ужъ не говоря о томъ, что, какъ мы замѣтили, сюжетъ освобожденія Руси отъ татарскаго ига, событіе чрезвычайно-важное въ историческомъ отношеніи, чрезвычайно-дорогое для русскихъ и относится вовсе не къ миѳическимъ временамъ нашей исто-

рив, слѣдовательно затрогивать этотъ сюжетъ надобно было чрезвычайно осторожно, сторонкою, какъ говорится, а не переносить самое событіе цѣликомъ на театральныя доски. «Хроники» Шекспира никогда не даются и не могутъ даваться нигдѣ, всего меньше въ самой Англій. Всякое историческое событіе на сценѣ подвергается большимъ, иногда весьма неприятнымъ искаженіемъ; на оперной сценѣ эти искаженія могутъ доходить до явной нелѣпости. Г. Рубинштейнъ обо всемъ этомъ, кажется, вовсе не подумалъ; ему хотѣлось только поскорѣй написать оперу на первый попавшійся подъ руки текстъ, лишь-бы онъ былъ съ народнымъ сюжетомъ. Выборъ сюжета обличаетъ необдуманность, неопытность, молодость автора; вся опера продолжаетъ это обличеніе. Видѣнъ талантъ несомнѣнный; о *степени* таланта, по первому большому произведенію, судить почти невозможно, особенно, когда авторъ еще такъ молодъ и столько разъ долженъ будетъ измѣнить все направленіе своей дѣятельности, но неопытность, незрѣлость — на каждомъ шагу. Мы не хотимъ думать, чтобы г. Рубинштейнъ самъ не видѣлъ своей незрѣлости въ оперномъ дѣлѣ; и чтобы хоть на волосокъ повѣрилъ хвалителямъ, которые «печатно» увѣряютъ его и публику, что «вся опера, отъ начала до конца рядъ *прекрасныхъ, оригинальныхъ* мотивовъ, которые не только пріятно ласкаютъ ухо, но такъ и просятся въ сердце». Г. Рубинштейнъ вѣрно самъ знаетъ, что *характеръ мелодическій* никому на свѣтѣ, кромѣ самыхъ перво-степенныхъ геніевъ, съ разу не давался, а чтобы сдѣлать изъ цѣлой оперы рядъ *превосходныхъ* мелодій, для этого надобно быть даже побольше, чѣмъ Моцартомъ или Керубини. Г. Рубинштейнъ, вѣроятно, и на счетъ оригинальной народности своей музыки не совсѣмъ согласенъ съ своимъ панегиристомъ (г. Z.); а очень хорошо самъ знаетъ, на сколько *старался* уловить народный духъ русскоѣ музыки подражаніями стилю М. И. Глинки (на-примѣръ въ первой аріи Ксеніи, просто *скопированной* съ аріи Антонида въ первомъ актѣ, скопированной рабски, даже до оркестрныхъ фигуръ; и во многихъ другихъ мѣстахъ, особенно въ хорахъ, замѣтны слѣды этого подражанія — до известной степени весьма похвальнаго), и на сколько — онъ держался какого-либо стиля, писавъ — то въ формахъ французскихъ (соло тенора въ дуэтѣ съ Ксеніей во второмъ актѣ), то въ формахъ итальянскихъ (въ очень многихъ мѣстахъ), то въ формахъ нѣмецкой школы, особенно à la Мендельсонъ, (многія мѣста въ хорахъ, на-примѣръ въ молитвѣ передъ сраженіемъ и многіе приемы оркестра). Г. Рубинштейнъ, конечно, самъ сознается, что въ его оперной музыкѣ *теперь* еще нѣтъ своеобычнаго, мелодическаго характера, по которому-бы можно было, съ первыхъ тактовъ мелодіи, узнать,

чья это музыка, и что ему еще должно долго добиваться этой характерности—постояннымъ трудомъ, въ чемъ недостатка не будетъ, потому—что г. Рубинштейнъ, къ своей чести, работаетъ очень ретиво. Не повѣритъ г. Рубинштейнъ и такого рода отзыву: «строгая разработка идеи, прекрасно развиваемой въ самой себѣ и въ сочетаніи съ другими побочными идеями, умно вводимыми въ главную мысль, является преобладающею въ музыкѣ г. Рубинштейна, представляя замѣчательное разнообразіе формъ». Г. Рубинштейнъ навѣрное убѣжденъ, что музыкальное развитіе мысли требуетъ, кромѣ врожденной къ этому способности, чрезвычайной *ловкости* (*Gewandtheit*) въ употребленіи контрапункта (*l'art de manier le contrepoint*), — а эта ловкость дается только большою практикою, даже при самомъ огромномъ талантѣ. Надобно родиться такимъ, какъ М. И. Глинка, чтобы въ первомъ своемъ произведеніи для театра, выказать умѣнье въ разработкѣ идей — весьма близкое къ фактурѣ генделевской, гайдновской и керубиніевской. Припомните *фугу* въ интродукціи «Жизни за Царя», хоръ «Мы на работу въ лѣсъ» въ третьемъ актѣ, антрактъ передъ четвертымъ дѣйствіемъ, сцену поляковъ съ Сусанинымъ въ лѣсу, послѣдній антрактъ, заключительный хоръ эпилога — вотъ мастерская фактура, богатѣйшая разработка музыкальных идей! Надо быть совершеннымъ профаномъ въ технической части музыки, чтобы не изумляться богатству контрапунктическихъ формъ въ операхъ М. И. Глинки. Г. Рубинштейнъ, конечно, не меньше нашего, восхищается этимъ богатствомъ и вѣрно, стремится къ чему-нибудь подобному и въ своихъ произведеніяхъ, но пока еще стремленіе это не вполне высказывается; по крайней-мѣрѣ, мы, съ своей стороны, ожидали несравненно больше контрапункта въ оперѣ г. Рубинштейна, чѣмъ сколько въ ней оказалось. Намъ кажется, что даже чисто рутинное произведеніе г. Алари—«Сарданапаль», богаче контрапунктомъ, нежели «Куликовская битва». Одно изъ самыхъ удачно-обработанныхъ мѣстъ въ этой оперѣ — *andante* дуэта Димитрія съ Тверскимъ (въ первомъ актѣ), и конечно, вмѣстѣ съ рассказомъ (каватиной) Дервиша, къ сожалѣнію очень короткимъ — лучшія мѣста во всей оперѣ. Очень жаль будетъ, если г. Рубинштейнъ хоть сколько-нибудь повѣритъ г. Z, что *оркестровка* «Куликовской битвы» очень хороша; что она безъ притязанія на *модные эффекты*; что шума вездѣ очень немного, и что отъ правильнаго, умѣреннаго пользованія виѣшними средствами — общій эффектъ музыки г. Рубинштейна очень выигрываетъ». Жаль будетъ, если г. Рубинштейнъ поддастся этимъ льстивымъ рѣчамъ и не вздумаетъ, убѣдившись опытомъ, радикально измѣнить свою манеру оркестровать. Прямо

въ противоположность приговору г. Z — самая слабая сторона музыки г. Рубинштейна, именно оркестровка. Въ этомъ отношеніи яснѣ всего видна неопытность автора, отсутствіе въ немъ техническихъ свѣдѣній и строгой обдуманности, необходимыхъ для хорошей оркестровки. Даже самые незнайки изъ слушателей «Куликовской битвы» находятъ, что вездѣ оркестръ заглушаетъ пѣвцовъ; что постоянно слышится стукотня литавръ, и что между тѣмъ нѣтъ даже тѣхъ грубыхъ, но все-таки сильныхъ звуковъ какъ въ оркестрѣ, на-примѣръ, Верди или даже г. Алари. Тѣ-же, которые кое-что знаютъ въ музыкѣ и въ оркестровкѣ, скажутъ прямо, что г. Рубинштейнъ еще вовсе не освоился съ характеромъ отдѣльныхъ инструментовъ и не знаетъ, какъ составляется изъ нихъ густая, могучая масса. Ни одна изъ задуманныхъ и написанныхъ въ партитурѣ отличныхъ фигуръ не выдается ясно, все сливается часто въ какой-то гулъ, — forte выходитъ слабо, а piano звучитъ слишкомъ тяжело, иногда рѣзко. Весьма хорошій приемъ — выдержанный аккордъ деревянныхъ духовыхъ — piano, отъ чрезмѣрно-частаго употребленія въ музыкѣ г. Рубинштейна рѣшительно теряетъ свою свѣжесть и красоту; вообще, поминутно чувствуется, что оркестръ вовсе безъ нужды *загроможденъ* (überladen, encombré, empâté). Г. Рубинштейнъ — пьянистъ, сочинялъ оперу у фортепьяно и для фортепьяно: это слышится чуть не въ каждомъ тактѣ. Оркестровка, быть можетъ, еще больше другихъ сторонъ музыкальной техники въ чрезвычайной зависимости отъ практической опытности; только надо замѣтить, что оркестровка, какъ *колоритъ* въ живописи, дается художникамъ въ совершенно-разной степени, отъ самаго свойства ихъ дарованія. Тому, кто не владѣетъ отъ природы, такъ сказать, инстинктомъ оркестровки — трудно, почти невозможно сдѣлаться отличнымъ съ этой стороны искусства. Многолѣтнее изученіе, опытность дадутъ въ этомъ дѣлѣ только *рутину*, познакомятъ композитора съ слабыми сторонами, недостатками той или другой группы инструментовъ, тѣхъ или другихъ сочетаній оркестрныхъ; но найти новыя, счастливыя, очаровательныя сочетанія, умѣть всегда кстати употреблять каждый инструментъ, звукъ того или другого инструмента, можетъ только особенное дарованіе къ этой сторонѣ музыкальнаго дѣла. И такъ, въ оперѣ г. Рубинштейна характеръ мелодическій еще не обозначился ясно, русскаго въ мелодіи очень мало; гармоническая разработка мелодическихъ мыслей весьма не богата изобрѣтеніемъ; оркестровка весьма неудачна, несмотря на то, что композиторъ прежде оперы своей писалъ концерты съ оркестромъ и симфоніи; прибавимъ къ этому, что въ вокальныхъ партіяхъ очень часто замѣтно незнаніе условій русской просодіи и не совсѣмъ ловкое

употребленія голосовъ. Но главный недостатокъ, въ которомъ должно упрекнуть г. Рубинштейна, рѣшительное отсутствіе *поэзии* въ его оперѣ. Конечно, тутъ всего больше виновато антипоэтическое либретто, но зачѣмъ-же онъ его принялъ въ такомъ видѣ? зачѣмъ писать на такой неукладистый въ оперу текстъ?

По всему замѣтно, что г. Рубинштейнъ, задумавъ писать оперу, нисколько не помышлялъ подойти къ своему труду со стороны *поэтической*, о которой мы столько толковали въ началѣ статьи. Вотъ почему въ нашихъ глазахъ «Куликовская битва» вовсе не опера, не драма музыкальная, поэтическое созданіе, живущее своею собственною жизнію, а просто довольно удачно выполненная академическая программа: написать большую оперу на сюжетъ трагедіи Озерова «Дмитрій Донской». Быть можетъ, за эту «программу» г. Рубинштейнъ удостоился-бы въ какой-нибудь консерваторіи серебряной или, пожалуй, и золотой медали; тѣмъ не менѣе это все-таки «ученическая работа», а не настоящее художественное произведеніе. Вотъ причина, по которой мы не станемъ разбирать оперу въ подробности, нумеръ за нумеромъ. Скажемъ только, что всего больше хорошихъ вещей встрѣчается въ первомъ актѣ, а послѣдній слабѣе прочихъ. Особенно неловко и неудачно выражена сама «битва», гдѣ сцена нѣсколько минутъ остается совершенно безлюдною, а то, что дано тутъ оркестру, нисколько не наполняетъ неприятной пустоты. Заключительный гимнъ инымъ нравится: мы не изъ числа этихъ иныхъ. Хорошо, еслибъ самъ авторъ «Куликовской битвы» смотрѣлъ на эту оперу, какъ на первую изъ тѣхъ первыхъ оперъ, которыя писались почти каждымъ композиторомъ, прежде, чѣмъ началась его слава. Керубини написалъ *одинадцать* оперъ прежде *Лодиски*, съ которой начинается его громкая извѣстность; Спонтини написалъ четырнадцать итальянскихъ оперъ до *Весталки*; Мейерберъ, прежде *Роберта*, тоже что-то въ родѣ четырнадцати и такъ далѣе. Все эти композиторы въ послѣдствіи смотрѣли на прежнія свои оперы (обыкновенно, писанныя для мелкихъ итальянскихъ театровъ), какъ на «грѣхи юности». Разумѣется, нельзя требовать, чтобъ «настоящее» вдругъ сдѣлалось «прошедшимъ» для г. Рубинштейна; но онъ еще такъ молодъ, весь въ будущемъ, что ему можно сказать смѣло: «съ Богомъ, впередъ» и «Куликовскую битву» въ сторону.»—Хорошо, повторяемъ мы, если, руководясь одною любовью къ своему искусству и съ полнымъ довѣріемъ къ своимъ силамъ, но безъ всякой заносчивости, молодой композиторъ не иначе смотритъ на эту первую свою оперу; но очень не хорошо будетъ для него, если онъ, мимо этого голоса правды, преклонитъ ухо къ панегиристамъ,

и все эти результаты «методы взаимнаго восхваленія» приметъ за чистую монету. Это во многомъ повредитъ развитію прекраснаго его дарованія. Мы желали-бы, чтобъ онъ больше всего помнилъ столько разъ высказанную нами аксіому, что композиторъ долженъ быть не только техническимъ музыкантомъ, но и драматическимъ поэтомъ, долженъ глубоко вдумываться въ искусство и заботиться о многосторонности своего образованія.

Теперь взглянемъ на либретто, которое увлекло г. Рубинштейна.

Опера съ русскимъ содержаніемъ должна была очевидно найти отголосокъ въ русскихъ зрителяхъ, и «Куликовская битва», событіе важное и замѣчательное въ нашей исторіи, могла послужить рамкою для занимательной оперы; но къ несчастью составитель либретто не заставлялъ свое воображеніе потрудиться надъ пріисканіемъ канвы для музыкальныхъ мелодій, и почти цѣликомъ переложилъ въ свои незавидные стихи извѣстную трагедію Озерова «*Дмитрій Донской*». Хотя всякій писатель имѣетъ право слѣдовать своей фантазіи, но тамъ, гдѣ литературная фантазія можетъ вредить музыкальной, намъ кажется, слѣдовало-бы выбирать либретто съ бѣльшею осторожностью и не принимать всякаго пріятельскаго предложенія. Можно быть хорошимъ бельетристомъ, писать хорошенькія повѣсти, но не знать музыки и не владѣть стихомъ; это еще не бѣда, но дѣлается бѣдою, когда такой писатель беретъ за составленіе либретто, считая это самымъ легкимъ и пустымъ дѣломъ. Многіе думаютъ конечно такимъ-образомъ о всехъ либретто вообще, имѣя передъ глазами подтвержденіе своихъ убѣжденій во множествѣ самыхъ безтолковыхъ и нелѣпыхъ итальянскихъ оперъ; но если итальянцы снисходительны къ подобнымъ либретто, а зрители наши также, особенно тѣ, которые не знаютъ итальянскаго языка, то отъ русской оперы—русской человѣкъ въ правѣ требовать по-крайней-мѣрѣ здраваго смысла, и мы смѣло можемъ увѣрить композиторовъ, что хорошее либретто—необходимое условіе успѣха всякой оперы, а хорошая музыка несколько не оправдываетъ, а развѣ только извиняетъ плохой текстъ. Возмите въ примѣръ Мейербера: развѣ онъ пишетъ музыку на пустые либретто?

Опера «*Куликовская битва*» чрезвычайно слаба по содержанію либретто и бѣдна по тѣмъ сценическимъ положеніямъ, которыя можно было бы монтировать съ эффектомъ. Вообще, въ ней нѣтъ того, что прежде называлось у насъ на афишахъ «великолѣпнымъ спектаклемъ». Въ первые дни подъ этою оперою было выставлено имя одного изъ нашихъ сотрудниковъ, какъ составителя либретто — В. Р. Зотова, но онъ объяснилъ намъ, что мысль сдѣлать оперу изъ «Дмитрія Донскаго» принадлежитъ Г. С—у, и просилъ оправдать его въ упрекахъ за странный выборъ сюжета. Вотъ ка-

кимъ-образомъ сотрудникъ нашъ принялъ участіе въ либретто этой оперы. Къ нему, какъ къ человѣку, знающему сцену, музыку, пишущему стихи и переводившему не одно либретто *, явился г. Рубинштейнъ съ просьбою просмотрѣть текстъ его первой оперы. По крайнему разумію г. Зотовъ нашель, что текстъ этотъ чрезвычайно слабъ въ сценическомъ отношеніи, а въ музыкальномъ не даетъ никакихъ средствъ композитору выказать разнообразіе и богатство его дарованія; что даже странно говорить въ наше время о несообразности любви Дмитрія къ Ксеніи и ревности князя Тверскаго и что, по самому ходу, пьеса не можетъ понравиться, а напротивъ, должна наскучить зрителямъ. Между-тѣмъ главные нумера оперы были уже написаны, первый актъ совсѣмъ готовъ и г. Зотовъ, чтобы помочь молодому композитору въ первомъ его произведеніи, рѣшился на тяжелый и неблагодарный трудъ—передѣлать неэффектное либретто и, по возможности, сдѣлать его не такъ утомительнымъ. Съ этой цѣлью, онъ вставилъ въ текстъ второй актъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ станѣ Мамаея, и сдѣлалъ много перемѣнъ и вставокъ въ третьемъ актѣ, чтобы какъ можно болѣе придать жизни и движенія дѣйствию. Такъ вся сцена Дмитрія съ воинами, пѣснь гусяра, молитва вождей передъ боемъ—прибавлены г. Зотовымъ. Само-собою разумѣется, что онъ не могъ измѣнить главнаго основанія оперы—невозможной страсти героя, соперничества Тверскаго и другихъ несообразностей, еще болѣе замѣтныхъ. Такимъ-образомъ, вся неудачная сторона либретто должна быть отнесена къ г. С—у, тогда какъ все лучшіе нумера оперы написаны на текстъ г. Зотова.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію cadaго нумера оперы въ поэтическомъ отношеніи.

Опера начинается увертюрой, довольно длинной, но недостаточно обработанной и развитой. Музыкальныя идеи въ ней высказываются неясно, слабо и, кромѣ заключительнаго гимна, повторяющагося потомъ въ оперѣ, ни одинъ пассажъ не производитъ замѣтнаго впечатлѣнія.

Первый актъ начинается совѣтомъ князей и вождей. Дмитрій говорить:

Князья, бояре, воеводы
Внимайте!

ХОРЪ.

Говори!

* Г. Вл. Зотовъ перевелъ для московской сцены съ итальянскаго, *Ломбардовъ и Лукреція Боржіа*, съ французскаго *Сирену—Обера*; съ итальянскаго-же—*Біанку и Гуальтьеро* и другія.

ДМИТРІЙ. Святой свободы

Мы дожили зарю.

Послѣдній стихъ выходитъ весьма немзыкаленъ, потому что въ немъ надо дѣлать удареніе на послѣднемъ слогѣ слова дожили. Очевидно, что въ этомъ вина не композитора, а либреттиста. Далѣе слѣдуетъ первая арія Дмитрія на слѣдующія,

Довольно Русь наплакалась родная,

Довольно вынесла стыда.

Настанетъ, хищниковъ карая,

Желанный часъ изгнанія Мамаю,

Часъ Божьяго суда!

Аллегро къ этой арії вотъ какое:

Опояшемъ мечи.

Двинемъ русскую рать,

Наступила пора

За своихъ постоять

Хоръ повторяетъ его.

Дмитрій велитъ позвать посла. Съ первыхъ нотъ татарина, музыка принимаетъ восточный колоритъ. Дмитрій говоритъ:

Мы васъ встрѣтимъ

Въ ратномъ полѣ,

Тамъ отвѣтимъ

Вамъ на волѣ.

Грудью ляжемъ,

Братъ за брата,

И накажемъ

Супостата!

По уходѣ вождей, Тверской останавливаетъ Дмитрія:

... Устами клеветы

Разнесся въ станѣ слухъ, что ты,

Забывъ и долгъ и голосъ чести,

Правамъ священнымъ вопреки,

Моей невѣсты нарѣченной,

Ксеніи несравненной,

Ты, Дмитрій ждешь себѣ руки,

И хвастаешь любовію презрѣнной.

Дмитрій отвѣчаетъ :

Да, свято *Ксенью* я люблю,
 Ее мнѣ мать вручила умирая,
 И никогда свои права я
 Тебѣ, Тверской, не уступлю.

Послѣдніе два стиха, нѣсколько разъ повторяются. Затѣмъ слѣдуетъ Адажіо дуэта :

Ты очей моихъ
 Радость свѣтлая!
 Ты души моей
 Утѣшеніе.

Музыка этого аллегро напоминаетъ нѣсколько хоръ Нормы: «*Guegga, guegga*».

Мы не видимъ въ этомъ еще большаго преступленія. Послѣ «*Жизни за Царя*» трудно написать цѣлую оперу въ чисто-народномъ стилѣ. Въ произведеніи Глинки странно было-бы слушать русскихъ мужиковъ, распѣвающихъ итальянскія мелодіи, но допустивши разъ возможность любви Дмитрія и Ксеніи, нѣтъ никакой необходимости заставлятъ ихъ пѣть варіаціи на мотивъ: «Ты душа-ль моя, красна дѣвица.» Въ оперѣ все условно: и положенія лицъ и ихъ отношенія. Собственно говоря, очень странно слышать, какъ заливаются руладами Анна Боленъ, которую ведутъ на казнь; какъ выдѣлываетъ трели Эдгардъ, уже заколовшійся, или поетъ громкое аллегро Оромбелло, котораго только-что пытали за любовь его къ Беатриче; но не смотря на это, публика слушаетъ всѣ эти нумера безъ всякаго смѣха, скорѣе съ чувствомъ состраданія. Г. Рубинштейнъ, желая остаться вѣрнымъ чисто русскому духу въ аріи Ксеніи, подошелъ уже слишкомъ близко, въ аллегро этой аріи, къ первой аріи сопрано въ «*Жизни за Царя*» и слѣдовательно впалъ въ другую ошибку.

Слѣдующій затѣмъ дуэтъ Дмитрія и Ксеніи написанъ на слѣдующія, болѣе чѣмъ странныя слова:

Дни свинцовые разлуки
 Цпью тяжелой я влачилъ
 Много вытерпѣлъ я муки,
 Много слезъ я изсушилъ (?!)

Можетъ быть, дуэтъ этотъ кажется оттого слабѣе прочихъ нумеровъ, что даже самому невзыскательному зрителю бросается въ глаза несообразность этого любезничанья Дмитрія съ Ксеніею. Съ прихо-

домъ князей, убѣждающихъ Дмитрія уступить Тверскому Ксенію начинается финаль. Дмитрій отказывается исполнить желаніе князей. Они отвѣчаютъ ему:

Себя на поруганье
Князья не предадимъ;
Пойдемъ къ Мамаю съ данью,
Смиримся передъ нимъ.
Ты хуже намъ Мамаю,
Ты намъ не властелинъ,
Ты стыдъ роднаго края,
Ступай и будь одинъ.

Дмитрій отвѣчаетъ:

Одинъ пятно съ земли родимой
Съумью я стереть,
Одинъ для чести мной любимой
Съумью умереть;

слагаетъ съ себя знаки власти и идетъ на битву простымъ ратникомъ.

Второе дѣйствіе происходитъ въ ставкѣ Мамаю. На коврахъ и парчевыхъ подушкахъ сидятъ онъ, окруженный вождами татарскими. Приводимъ всю эту сцену, которая, по нашему мнѣнію, имѣетъ даже литературное значеніе.

ХОРЪ ТАТАРЬ.

Слава Мамаю, грозному хану,
Слава татарамъ, дѣтямъ пророка!
Вѣкъ передъ нами волею рока
Будутъ враги и гяуры дрожать.

МАМАЙ (*Узбеку*) Мнѣ вѣстникъ объявилъ, что ты привезъ рѣшенье

Подвластныхъ намъ Руси князей:
Скажи-же въ чемъ оно?

УЗБЕКЪ.

Собравши ополченье,
Забывъ покорность долгъ, вступить въ сраженье.

ХОРЪ.

И такъ невѣрные отвергнули прощенье?

УЗБЕКЪ.

Да, намъ они грозятъ войною въ ослѣпленьи,
Сзываютъ ратниковъ вождей со всехъ сторонъ
И шумная ихъ рать стеклась на быстрый Донъ.

ХОРЪ. Не страшно намъ невѣрныхъ ополченье,
Имъ приготовимъ здѣсь позоръ и пораженье,
На берегу родимой ихъ рѣки
Погибель ждетъ мятежные полки.

Въ бой, поклонники пророка!
Слава насъ во брани ждетъ,
И теперь по волѣ рока
Русь на вѣки въ прахъ падеть.

МАМАЙ. Въ безумной гордости своей,
Въ своемъ кичливомъ заблужденьи,
Они не думаютъ о мщеньи...
Но тѣмъ нежданнѣй и грознѣй
Падеть на нихъ за ослушанье кара,
И все, что мечъ не истребитъ,
То племя страшнаго пожара
Съ лица земли сотретъ, испепелить.

Гдѣ высоко поднимались
Въ небу храмы и дворцы,
Гдѣ грядою разстилались
Города во все концы;
Гдѣ, среди садовъ тѣнистыхъ,
Теремовъ верхи блестятъ
И межъ пажитей волнистыхъ
Села мирныя лежатъ —
Всюду будетъ степь пустая,
Все въ пожарѣ пропадетъ —
И надъ Русью гнѣвъ Мамай,
Грозной тучею пройдетъ!

ХОРЪ. Въ бой поклонники пророка! (и проч.)

МАМАЙ. Идите, вѣрные сподвижники! И къ брани
Готовтесь, храбрые, заранѣ.
Я самъ васъ поведу на бой!
И мы пройдемъ всю Русь кровавою стопой. (*Вожди та-
тарскіе уходятъ*).

УЗБЕКЪ. Великій ханъ! забудь о дерзкомъ возмущеньи.
Ослушниковъ за преступленье

Постигнетъ казнь ... но ты въ кругу веселыхъ женъ,
 Оставь заботы управленья.
 Прекрасною толпой невольницъ окруженъ,
 Взгляни на пляски ихъ, веселость, упоенье.

Мамай Ты правъ! Пусть пляски рѣзвой видъ
 Предъ грозной битвою меня повеселить.

Хоръ невольницъ (во время танцевъ) Послѣ смерти рай въ награду
 Нашъ пророкъ намъ обѣщаль!
 Но и въ жизни онъ отраду —
 Упоенье нѣги даль.
 Есть и въ жизни много счастья,
 Много гурій, свѣтлыхъ сновъ:
 Дружбы тайное участье
 И безумная любовь!..

(При концѣ танцевъ появляется дервишъ, въ рубищъ и остро-
 конечной шапкѣ).

Дервишъ. Я у гроба пророка молился,
 Я лобзаль черный камень Каабы,
 Я терзалъ свою грудь, я постился,
 Я твердилъ: мы безумны, мы слабы, —
 Пощади Магометъ! не карай Магометъ!
 И услышалъ я страшный отвѣтъ:

«За грѣхи ихъ упорные
 И къ невѣрнымъ пріязнь,
 И за жизнь ихъ позорную
 Я готовлю имъ казнь.

Все, что ими завоевано,
 Все отнимется отъ нихъ
 Ими цѣпь для Руси скована,
 Цѣпь наложить ту на нихъ;
 Предъ оружемъ христіанина
 Разбѣгутся ихъ толпы,
 И потомки мусульманина
 Будутъ русскіе рабы!

И отъ Дона широкаго
 Побѣжавъ безъ стыда,

Влоть до моря великаго
Ляжетъ трупомъ орда.»

Горе пророка сынамъ!
Горе забывшимъ святыя пути!
Пусть заповѣдный нашъ храмъ:
Гдѣ правовѣрныхъ найти? ...

Ханъ Орды золотой!
И тебя не стыдить
Этой нѣги пустой,
Праздной роскоши видь?
И коверъ парчевой
Подъ тобою лежитъ,
И жемчугъ дорогой
На одеждѣ блеститъ,
Соблазнительный рой
Женъ тебя веселитъ,
Въ пляскахъ онъ красотой
Къ наслаждаемъ манитъ!
А твой конь боевой,
А твой мечъ позабытъ!
Дерзкій врагъ предъ тобой
Ужъ теперь не дрожитъ!
Ханъ Орды золотой
Тебѣ, горе и стыдъ!

Узбекъ (обнажая саблю). Заплатишь жизнью ты за дерзкія слова!
Мамай. Остановись, Узбекъ!

Дервишь. Ну чтожь? вотъ голова:

Руби ее, вонзай мнѣ въ сердце свой кинжалъ,

Но пока я не палъ,

Буду все я твердить:

Горе, горе тебѣ ханъ орды золотой!

Славу ты промѣнялъ на постыдный покой.

Мамай. Цѣтъ, мужъ святой, ты въ ослѣпленьи.

Цѣтъ, ты меня не можешь упрекать!

Врагамъ готовлю я отмщенье,

И черезъ день веду на битву рать.

Дервишъ Да, черезъ день!.. но какъ узнать,
 Что въ день одинъ мы можемъ потерять?
 Нѣтъ прошла пора славныхъ дней Орды!
 И Аллахъ сулитъ вамъ одни бѣды,
 И теперь грозить вамъ одинъ позоръ!
 И пророкъ отъ васъ отвратилъ свой взоръ.
 Полюбили вы — ласки женъ и пиры,
 Пробрался вездѣ къ вамъ развратъ подъ шатры!
 Дремлять въ нѣгѣ всѣ — даже мощный станъ.
 Для того-ль сюда изъ далекихъ странъ
 Подъ знамена васъ Магометъ собралъ,
 Чтобъ пророка сынъ — сладострастно дремалъ!.,

Мамай и хоръ. Нѣтъ! на бой сыны пророка!
 Васъ въ бою побѣда ждетъ
 И во прахъ — по волѣ рока
 Русь невѣрная падеть!

Дервишъ. Горе вамъ, сыны пророка!
 Васъ въ бою погибель ждетъ,
 И ничто отъ злаго рока
 Правовѣрныхъ не спасетъ!

(Дервишъ убѣгаетъ; вожди слѣдуютъ за Мамаемъ).

Въ первомъ представленіи оперы, за этою сценою, слѣдовала еще небольшая каватина Дмитрія и дуэтъ Тверскаго съ Ксенією, но во всѣхъ послѣдующихъ представленіяхъ нумера эти выпускались, вѣроятно потому, что каватина Дмитрія напоминаетъ нѣсколько знаменитую арію «Руслана и Людмилы», оканчивающуюся стихами:

И струны громкія баяновъ
 Не будутъ говорить о немъ.

Третій актъ начинается живописною картиною. Въ лѣсу, надъ Непрядвою, у огней, расположился русскій отрядъ; вдали перекликаются часовые и виднѣнъ станъ русскихъ; дозоръ обходитъ сцену; ратники говорятъ о предстоящей битвѣ. Является гусларь и вспоминаетъ о томъ, какъ бились «наши дѣды и отцы». Вотъ его пѣсня:

Съ той поры, какъ племя сильное,
 Племя славное, Славянское,

Въ государство разрослось,
Много битвъ упорныхъ, тягостныхъ,
Много браней долгихъ, гибельныхъ
Намъ извѣдать привелось.

Хоръ. Слава храбымъ русскимъ воинамъ!
Слава доблестнымъ князьямъ!
Миру вѣдомы ихъ подвиги,
Не забыть объ нихъ врагамъ.

Гусляръ. И въ тѣ дни отъ моря Русскаго
Вплоть до бурнаго Хвалынскаго,
Раздавался стукъ мечей.
Мы справлялись съ Печенѣгами,
Усмиряли дикихъ Половцевъ,
И Древлянъ и Кривичей.

Хоръ. Слава храбымъ русскимъ воинамъ и проч.

Гусляръ. Нашъ Олегъ бралъ дани съ Греціи,
И къ вратамъ Царьграда дальняго
Круглый щитъ свой прибивалъ;
А предъ славнымъ сыномъ Игоря
Пала мощная Болгарія,
Въ страхъ весь Востокъ дрожалъ.

Хоръ. Слава храбымъ русскимъ воинамъ и проч.

Гусляръ. Но пришла пора другая
Грозень былъ судьбы ударъ,
И на Русь напала стая
Дикихъ выходцевъ, татаръ!
Предъ степными ихъ ордами
Былъ безсиленъ русскій мечъ:
Стали русскіе рабами,
Послѣ долгихъ грозныхъ сѣчь.

Хоръ. Прогнѣвили Бога грознаго!
Намъ свободы не видать!
И теперь изъ рабства тяжкаго
Русскимъ больше не возстать.

Выходитъ Дмитрій и ободряетъ воиновъ:

Что слышу? вы въ уныніи! Стыдитесь!

Мужайтесь! ободритесь!

Нѣтъ, чѣмъ грознѣй была пора,

Чѣмъ тяжелѣе испытанье —

Страшнѣе будетъ воздаянье,

И мести праведной гроза!

Ратники спрашиваютъ Дмитрія, кто онъ, потому—что князь явился въ одеждѣ простаго воина, съ опущеннымъ забраломъ. Онъ отвѣчаетъ: Я русскій! воинъ я! вамъ этого довольно!

Приходъ князей заставляетъ его удалиться. Слѣдуетъ хоръ:

Вставайте! сходитесь! готовьтесь, друзья!

и за нимъ молитва, безъ оркестра, полная простоты величія и торжественности:

Творецъ небесъ! услышь моленье

Твоихъ заблудшихся сыновъ!

Пошли отечеству спасенье

И сокруши его враговъ!

Пусть пришлецовъ погибнетъ стая,

Въ пылу кровавыхъ, грозныхъ сѣчь,

И истребитъ полки Мамай

И русскій Богъ и русскій мечъ!

Хоръ: «Съ Богомъ! съ Богомъ! ратники въ бой!» оканчиваетъ эту картину.

Съ перемѣною декораціи открывается Куликовское поле, покрытое курганами. Вдали шумъ сраженія. Черезъ сцену перебѣгаютъ русскіе отряды, скрывающіеся за холмами; потомъ Ксенія съ подругами приходитъ ожидать рѣшенія участи сраженія и поетъ арію. Появленіе побѣднаго русскаго воинства на холмахъ съ криками: «Рука Всевышняго Отечество спасла» составляетъ эффектную картину, за которой слѣдуетъ хоръ:

Слава Русскому Богу!

Радость русской землѣ!

Вѣчная память умершимъ,

Многая лѣта живымъ!

Послѣ этого хора князя и ратники отправляются искать виновника

побѣды, простаго ратника, остановившаго напоръ татаръ въ самую опасную минуту битвы. И здѣсь въ сценическомъ отношеніи сдѣлана составителемъ либретто большая ошибка. Опера, въ собственномъ смыслѣ кончена и зрители, убѣжденные въ этомъ, начинаютъ расходиться, но декорация вдругъ перемѣняется, выходитъ раненный Дмитрій и поетъ:

Я любилъ тебя
Я дышалъ тобой,
Но блаженство мнѣ
Не дано судьбой!

Не говоря уже о томъ, что сентиментальность этихъ словъ рѣзко противорѣчитъ положенію князя, побѣдителя татаръ, и торжественности минуты; не слѣдовало перемѣнять декорации и можно было вывести Дмитрія съ противоположной стороны, куда ушли войны, отправившіеся искать его.

Найдя Дмитрія и узнавъ его, князя и войны преклоняютъ передъ нимъ знамена и называютъ его *Донскимъ*. Опера оканчивается гимномъ, на слѣдующіе стихи Озерова:

Нашъ первый сердца долгъ къ Тебѣ Царю царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей.
Прославь, и утверди, и возвеличь Россію!
Какъ прахъ земной сотри враговъ кочливыхъ выю,
Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
«Языцы вѣдайте! Великъ нашъ русскій Богъ!»

Послѣ этого подобнаго разбора новой оперы, въ литературномъ и музыкальномъ отношеніи, намъ остается сказать только нѣсколько словъ о ея исполненіи. Мы не упоминаемъ о постановкѣ на сцену: она прекрасна и даже роскошна, къ чему Дирекція давно уже приучила насъ. Мы нашли только не совсѣмъ красивымъ костюмъ Мама, и невѣрнымъ костюмъ дервиша, одѣтаго скорѣе муллою, нежели магометанскимъ монахомъ.

Прежде всего мы должны отдать полную справедливость хорамъ, преобладающимъ въ этой оперѣ. Гг. хористы исполнили свое дѣло прекрасно, пѣли дружно, вѣрно, играли съ жаромъ и одушевленіемъ. Что касается до солистовъ, они сдѣлали все, что могли изъ своихъ партій. Первое мѣсто принадлежитъ г. Булохову, превосходно спѣвшему партію дервиша. Г. Артемовскому (Мамай) было почти нечего пѣть и публика очень жалѣла объ этомъ; г. Петровъ (Дмитрій) пѣлъ отчетливо

и добросовѣстно; голосъ у него очень пріятенъ, хотя и не такъ гибокъ. Г-жа Колковская (Свѣтлана, подруга Ксеніи) была очень мила въ своей небольшой роли. Г. Гумбинъ также много содѣйствовалъ въ хорахъ и финалахъ. По несчастью, слабѣе всѣхъ были г. Леоновъ и г-жа Степанова. Первый скорѣе выкрикивалъ, нежели пѣлъ свою партію; вторая — заслуженная, старательная и опытная пѣвица, имѣла всегда довольно рѣзкое свойство (timbre) голоса. Недостатокъ этотъ замѣняли, лѣтъ пятнадцать тому, искусство и свѣжесть ея голоса; теперь, когда свѣжесть эта совершенно исчезла, рѣзкія ноты производятъ самое невыгодное впечатлѣніе. Г. Рубинштейнъ во всякомъ случаѣ долженъ быть чрезвычайно обязанъ Дирекціи, которая сдѣлала такъ много въ пользу его дебюта на оперномъ поприщѣ.

III.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Вліяніе театровъ на нравы и нравовъ на театры. — Преобладаніе пьесъ репертуара одной націи. — Вторженіе французскаго репертуара во всѣ сцены и причины этого. — Разница между читателями и зрителями. — Преимущество литературы сценической передъ книжною. — Необходимы-ли подробные разказы о содержаніи пьесъ и игрѣ актеровъ? — Открытіе французскихъ спектаклей въ нынѣшнемъ сезонѣ. — *La dame de S-t Tropez*. — Наборные спектакли изъ водевилей. — Меркаде - аферистъ. — Бенефисъ г. Верне. Первое Апрѣля. Два способа. — Что такое драматическая пословица и какъ онѣ пишутся? — Фокусы и пьеса г. Верне. — *La vie de Bohême*. — Генрихъ Мюрже и пьесы, въ которыхъ дѣйствуютъ парижскіе цыгане. — Допускаетъ-ли сцена картины, производящія непріятное впечатлѣніе? — Г-жа Германнъ. — Водевиль. — Якубъ и Беранжера.

Въ исторіи драматической литературы, всегда были эпохи исключительнаго преобладанія репертуара одной націи на сценахъ всего образованнаго міра. Изученіе этихъ эпохъ чрезвычайно любопытно: онѣ находятся въ такомъ тѣсномъ отношеніи съ исторіею просвѣщенія вообще, что трудно опредѣлить, театр-ли дѣйствуетъ на извѣстное направленіе народныхъ обычаевъ, привычекъ, вкуса, или наоборотъ, эти обычаи,

этотъ вкусъ заставляютъ драматическихъ писателей угождать современнымъ требованіямъ публики. Во всякомъ случаѣ, мы твердо убѣждены, что никогда литература письменная, книжная, литература поэмъ и романовъ не имѣла такого вліянія на нравы, какъ литература драматическая. Это лучше всего доказывается тѣмъ, что націи, въ которыхъ просвѣщеніе находится на степени писшей, нежели въ государствахъ, преобладающихъ на политической сценѣ, прежде всего заимствуютъ у законодателей вкуса, театръ и моды. Предметъ нашей статьи не позволяетъ входить въ подробное развитіе этого положенія и изслѣдованіе подобныхъ эпохъ; но въ подтвержденіе нашей мысли, укажемъ только на преобладаніе арлекинадъ, вмѣстѣ съ итальянскими модами и нравами, въ вѣкъ Возрожденія, потомъ на вліяніе Испаніи, съ ея комедіею *плаща и шпаги* и пасторалями, во время Людовика XIII, вліяніе, котораго не избѣгнулъ даже полу-классическій геній Корнеля. Преобладаніе Франціи вѣка Людовика XIV, съ его блистательными маркизами, огромными париками, красными каблуками и трагедіями на ходуляхъ, до сихъ-поръ-еще не совершенно изгладилось въ нѣкоторыхъ уголкахъ Европы, которая, вся безъ исключенія, подчинилась тогда вліянію Франціи. Наконецъ, вторженіе, въ эпоху Реставраціи, шекспиризма, ложно понятаго и утрированнаго до крайней степени, въ смѣшеніи съ семейною нѣмецкою драмою (*Bürgerliches Schauspiel*), вліяніе которой было впрочемъ очень ограничено, — произвело настоящую французскую сценическую литературу, которая господствуетъ теперь на театрахъ всего земнаго шара, отъ береговъ Темзы и Мансанареса до Сакраменто и Лаплаты. Мы должны сознаться въ томъ, что въ настоящее время, вездѣ, гдѣ только устраиваются театральныя подмостки, на нихъ преимущественно играютъ переводы или передѣлки французскихъ драмъ и водевилей.

Такое преобладаніе французскихъ пьесъ происходитъ, какъ намъ кажется, болѣе всего отъ ихъ разнообразія и многочисленности. Прежде всего, публика требуетъ отъ театра новаго. Оно иначе и быть не можетъ. Тамъ, гдѣ сценическія зрѣлища посѣщаются весьма ограниченнымъ числомъ почти постоянно одной и той-же публики, нельзя и требовать, чтобъ эта публика круглый сезонъ смотрѣла однѣ и тѣже пьесы. Она посмотритъ нѣсколько разъ любимыи водевилъ, потому-что чувство веселости нескоро; притупляется посмотреть, пожалуй, даже хорошую драму, особенно если драма написана стихами, врѣзывающимся въ память, но перестанетъ наконецъ наполнять театръ, если ее будутъ угощать однимъ и тѣмъ-же. Хорошіе и истинно народные драматическіе писатели есть въ каждой націи, но ихъ немного; ихъ

знають наизусть, со всѣми ихъ совершенствами и недостатками; пьесы ихъ смотрять извѣстное число разъ въ году, съ удовольствіемъ, даже съ гордостью; но избалованный вкусъ просить новаго, нежданнаго, если не новаго, то по-крайней-мѣрѣ позабытаго — и вотъ, Франція подноситъ каждый годъ публикѣ ужасающее количество пьесъ всякаго рода, на всѣ вкусы, и публика также легко поглощаетъ эти пьесы, какъ его мрачность литературныя произведенія въ извѣстной сказкѣ Балзака, передѣланной барономъ Брамбеусомъ на русскіе нравы. И дѣйствительно, во французскихъ пьесахъ, есть рѣшительно все, что вамъ угодно, и даже все чего не угодно. Въ нихъ, какъ въ сочиненіяхъ Пика де-Мирандолы, говорится обо всѣхъ извѣстныхъ вещахъ и о нѣкоторыхъ другихъ, *de omni re scibili et quibusdam aliis*; пьесы эти, какъ безконечныя чудеса доктора Дулькамары, извѣстны во всемъ свѣтѣ и въ другихъ мѣстахъ:

... I portenti infiniti
Son noti in tutto il mondo... e in altri siti.

Кого не выводили на сцену французскія пьесы, когда и гдѣ не происходило ихъ дѣйствіе? и на землѣ, и подъ землею, и въ водѣ, и въ воздухѣ, и на планетахъ, и наконецъ въ мѣстахъ, существующихъ только въ воображеніи авторовъ этихъ пьесъ. Всѣ вѣка, всѣ эпохи, всѣ народы, были выведены на сцену французами; вся всемірная исторія вошла въ рамки французскихъ драмъ. Трудно писателю не-французу найти какой-нибудь сюжетъ, какое-нибудь событіе, которыя не появлялись-бы во французской драмѣ, иногда по нѣсколько разъ. Шекспира обвиняють въ томъ, что онъ многія изъ своихъ пьесъ передѣлывалъ изъ произведеній старыхъ, забытыхъ авторовъ. Современная французская драма, сплошь и рядомъ, обкрадываетъ всѣхъ писателей, и своихъ и чужихъ, и старыхъ и игранныхъ вчера, но это сдѣлалось такъ обыкновенно, что никто не обращаетъ на это вниманія, было-бы только ново и занимательно.

Впрочемъ, понятія о новости и занимательности чрезвычайно относительны. Публика въ наше время стала очень снисходительна: прежде всего и больше всего, она требуетъ, чтобы ее забавляли. Умной и скучной пьесы она смотрѣть не будетъ, или посмотритъ ее одинъ разъ; въ первый разъ, публику можно даже угостить, чѣмъ угодно: она не премѣнно досидитъ до конца спектакля, и будетъ ждать, не выйдетъ-ли наконецъ хоть что-нибудь изъ пьесы, не вознаградится-ли хотя чѣмъ-нибудь долготерпѣніе. Пьеса не книга: нельзя слушать ее, можно смотрѣть; надоѣли дѣйствующія лица, занимаешься актерами; можно, наконецъ, выйти въ буфетъ, поговорить съ сосѣдомъ, посмотрѣть на ложи,

подумать о своихъ семейныхъ дѣлахъ. Все это позволяетъ выслушивать пьесу, которая, еслибы начать ее читать, могла бы вывести изъ терпѣнія. Поэтому, театральная публика несравненно снисходительнѣе литературной; у зрителя, натура несравненно мягче, чѣмъ у читателя. Читатель болѣею частію существо недовольное, угрюмое, взыскательное, немножко педантическое, но преимуществу критикующее: онъ, прежде всего, требуетъ отъ писателя мысли, существеннаго, рапем; зритель самымъ приходомъ въ театръ доказываетъ свое благорасположеніе; онъ готовъ восхищаться отъ души, смѣяться до слезъ, плакать отъ чистаго сердца: ему не когдаобдумать, вѣрна-ли пьеса исторіи, психологіи; болѣе всего, надо ласкать его слухъ и зрѣніе, прежде всего онъ требуетъ зрѣлища. Поэтому зритель прощаетъ драматическому писателю очень многое; иногда, для нѣсколькихъ сценъ, онъ смотритъ цѣлую пьесу; для одного удачнаго, занимательнаго положенія, не обращаетъ вниманія на несообразность всего сюжета. Онъ, пожалуй, и ясно видитъ, что все это старо, невѣроятно, даже нелѣпо; но это заняло его на два, на три часа, помогло нескучно провести время, — этого довольно зрителю, и онъ охотно слушаетъ тысячу-первую вариацию на старый ладъ, лишь-бы только въ этой вариации были хотя два, три новые пассажа.

Вотъ, въ чемъ заключается причина успѣха многихъ французскихъ пьесъ, обязанныхъ, кромѣ того, своею популярностію этому блестящему прекрасно обработанному языку, живому и остроумному, богатому и разнообразному въ выраженіи самыхъ тонкихъ оттѣнковъ разговора, къ сожалѣнію очень часто непереводимому, отчего нерѣдко съ такимъ триумфомъ падаютъ въ переводѣ пьесы, имѣвшія успѣхъ въ оригиналѣ. Но эти-же самыя причины, доставляющія мимолетный успѣхъ произведеніямъ современной французской литературы, содѣйствуютъ и тому, что подобныя пьесы также легко забываются, какъ смотрятся, разыгрываются и сочиняются. Рѣдкую изъ такихъ пьесъ можно съ удовольствіемъ перечитать въ своемъ кабинетѣ. Врядъ-ли, сотая доля изъ нихъ остается въ исторіи литературы.

А между тѣмъ, если и не очень интересно, то по-крайней-мѣрѣ нескучно слѣдить за подобными эфемерными произведеніями. Почти въ каждомъ изъ нихъ есть что-нибудь, о чемъ можно иногда вспомнить съ улыбкой, хотя-бы это была одна сцена, одна фраза, одно слово, даже одинъ жестъ актера. И потомъ, на нашей французской сценѣ, эти пьесы такъ хорошо разыгрываютъ, что, право, иногда грѣшно поминать ихъ духомъ.

«Пантеонъ», въ послѣднее время, не такъ много обращалъ вниманія на французскій театръ; но съ открытіемъ нынѣшняго театральнаго года,

мы рѣшили въносить въ нашу лѣтопись болѣе подробныя извѣстія о ходѣ французскихъ спектаклей. Намъ будетъ занимать собственно не подробный разборъ содержанія пьесъ, (такимъ разборомъ мы будемъ подвергать только пьесы самыя замѣчательныя), но идея, цѣль пьесы, вѣрность характеровъ и, въ особенности, примѣняемость пьесъ къ нашей сценѣ. Объ исполненіи пьесъ на нашей сценѣ мы также не будемъ распространяться: для лицъ, не видавшихъ пьесы, разбираемой рецензентомъ, всё толки объ игрѣ актеровъ будутъ неинтересны; могли-бы они быть интересны для самихъ актеровъ, но наши актеры вообще, а французскіе въ особенности, не читаютъ русскихъ критикъ; наконецъ, лица, видѣвшія сами, какъ пьеса разыгрывалась, составляютъ объ артистахъ, и въ особенности объ артисткахъ, свои собственные понятія, согласно съ личными ихъ возрѣніями и интересами. Такимъ возрѣніямъ трудно противорѣчить; оттѣнки эстетическаго чувства такъ тонки, что пяти изъ нихъ невозможно подвести подъ общій уровень; а что, если сужденіе основывается не на одномъ эстетическомъ чувствѣ?.. Почти каждый зритель имѣетъ между артистами своихъ любимцевъ и любимицъ, и благоволяетъ къ нимъ преимущественно передъ другими, иногда даже безотчетно. Чувство это такъ сродно и понятно всѣмъ, что трудно вооружаться противъ него. Не говоримъ уже, что индивидуальныя свойства каждаго зрителя представляютъ ему иногда въ совершенно различномъ видѣ талантъ артиста; но частые посѣтители театра иногда совершенно иначе судятъ о многихъ актерахъ, нежели тѣ, которые рѣдко бываютъ въ театрѣ. Поэтому, мы считаемъ разборъ игры актеровъ совершенно излишнимъ, и будемъ упоминать только о томъ, что выходитъ изъ разряда обыкновенныхъ явленій, потому-что истинно-прекрасное безусловно нравится всѣмъ и понимается всѣми одинаково. Общую характеристику нашей труппы мы представимъ въ общемъ годичномъ обзорѣ состава ея, по окончаніи сезона.

Французскіе спектакли открылись третьяго апрѣля, извѣстною драмою: *La dame de St. Tropez*, игранною и на русской сценѣ, подъ названіемъ «Клара д'Обервиль». Это одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя рѣдко являются на сценѣ, потому-что, кромѣ сценическихъ эффектовъ, въ ней есть интересъ, основанный на драматическомъ положеніи. Несчастная Лафаржъ, процессъ которой послужилъ основаніемъ этой драмы, до-сихъ-поръ еще не забыта, и невольно возбуждаетъ участіе своею странною судьбою и до-сихъ-поръ еще необъясненною исторіею ея жизни и осужденія. За драмою слѣдовало нѣсколько наборныхъ спектаклей изъ водевилей и пословицъ, между которыми мы рекомендуемъ для переводчиковъ пьесы: «Атаманъ

Разбойниковъ (Un chef des brigands) и «*Подсвѣчникъ*» (Le bougeoir). Первая, довольно забавная исторія одного вора и двухъ обожателей, забирающихся ночью къ молодой вдовѣ, одинъ, чтобъ украсть ея деньги, другіе—сердце. Le bougeoir, хотя и принадлежитъ къ числу драматическихъ пословицъ, самаго невыносимаго рода пьесъ, начинающаго, по счастію, выходить изъ моды, но все-таки лучшая пьеса въ этомъ родѣ. Впрочемъ, за успѣхъ ея на русской сценѣ нельзя поручиться, послѣ паденія на ней одной изъ лучшихъ пословицъ, «Le rouge et le contre» умнаго и колкаго Октава Фэлье, которую и въ нынѣшній разъ мы смотрѣли съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и прежде.

Пьесы: «Chapitre III, Livre I,» «Les droits de l'homme» и «Le petit fils» мы бы также рекомендовали для перевода, но первая изъ нихъ уже играна въ бенефисъ г. Алекина, вторая, какъ мы слышали, также уже переведена, а третья давно имѣетъ успѣхъ на сценѣ въ передѣлкѣ П. С. Оедорова. За то, мы вовсе не рекомендуемъ игранныхъ въ это-же время маленькихъ пьесъ: «Tambour battant,» «Sans habit» и «Dieu merci, le couvert est mis», хотя послѣдняя написана Леономъ Гозланомъ, извѣстнымъ и замѣчательнымъ беллетристомъ. Опера «Le domino noir» изъ которой сдѣлана комедія-водевиль, также была играна на русской сценѣ, въ видѣ оперы.

Фарсы: «Amouret biberon» и «Les extases de m-g Rochenez,» на французской сценѣ имѣютъ большой успѣхъ; но мы думаемъ, что на русскомъ языкѣ они бы вышли *немножко-слишкомъ* рѣзки. Но врядъ ли самый сплиническій англичанинъ не расхохочется отъ души, въ этихъ фарсахъ, оживленныхъ въ особенности неподражаемою игрою г. Лемениля, артиста съ дарованіемъ огромнымъ и неподдѣльнымъ.

Между этими водевилями, шла въ первый разъ трехактная комедія Бальзака «*Меркаде-афферистъ*» (Mercadet le faiseur): объ ней было уже слишкомъ много говорено во французскихъ и русскихъ журналахъ, чтобы мы могли сказать что-нибудь новое, тѣмъ болѣе, что мы совершенно согласны съ отзывами всѣхъ критиковъ объ этой пьесѣ. Въ ней, много умнаго, вѣрнаго, схваченнаго съ природы; разумѣется, Бальзакъ не могъ написать пустой пьесы, но пьеса вышла все-таки не очень интересна и отличается, мѣстами, самымъ рѣзкимъ неправдоподобіемъ. Къ тому же, надо хорошо знать всѣ продѣлки и спекуляціи биржевыхъ парижскихъ афферистовъ, чтобы вполнѣ понимать всѣ эти причины возвышенія и паденія акцій Нижней Энды, измѣненія курса фон-

довъ и облигацій и тому подобное. Поэтому, неудивительно если принятая сначала съ особеннымъ жаромъ, пьеса эта къ концу утомила нѣсколько нашу публику, напрягавшую, и часто напрасно, все свое вниманіе, чтобы понять причины всѣхъ этихъ переворотовъ въ судьбѣ Меркаде. Кредиторы его показались намъ также черезъ-чуръ доверчивы, а сцена, гдѣ Меркаде, чтобы выманить деньги у пріятеля, притворно плачетъ, говоря, что его семейство умретъ съ голоду, и заставляетъ потомъ жену и дочь умолять этого безжалостнаго пріятеля, оскорбляетъ чувства и дѣйствуетъ самымъ неприятнымъ образомъ на зрителя. За то, какимъ прекраснымъ образомъ написана эта пьеса, сколько въ ней мыслей, афоризмовъ! какъ близки и понятны нашему вѣку всѣ эти сужденія о деньгахъ, оборотахъ, спекуляціяхъ, должникахъ! Въ чтеніи пьеса выиграетъ гораздо болѣе, чѣмъ на сценѣ, и достоинство ея, какъ любопытной картины биржевыхъ парижскихъ нравовъ, несомнѣнно и неотъемлемо. Г. Мондидье былъ превосходенъ въ роли аффериста, почти не сходящаго со сцены во все продолженіе пьесы.

Шестой спектакль нынѣшняго сезона былъ бенефисъ г. Верне, одного изъ старѣйшихъ и лучшихъ комическихъ артистовъ. Пьесы, въ этотъ бенефисъ, судя по афишѣ, не обѣщали многого; зато на ней было выставлено магическое имя Германа, и задолго до бенефиса, мѣста всѣ уже были разобраны, не смотря на цѣны, болѣе чѣмъ неблагоприятныя. Не будемъ говорить о возникшей вдругъ въ нашей публикѣ страсти къ фокусамъ, страсти весьма любопытной и многозначущей, но скажемъ смѣло и утвердительно, что только одни фокусы собрали столько зрителей въ бенефисъ г. Верне, вполне постигшаго современный вкусъ и современныя требованія.

Спектакль начался пьесой *Первое апрѣля* (Un poisson d'Avril), названной комедіею съ куплетами, тогда какъ ее гораздо приличнѣе называть фарсомъ, весьма скучнымъ и неудачнымъ. Англичанинъ собирается жениться на богатой наследницѣ, но она любитъ другого и уговариваетъ свою подругу, дочь бѣднаго солдата, помѣняться именемъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что англичанина можно надуть, ради перваго апрѣля. Все это чрезвычайно неостроумно, длинно, скучно. Намъ было очень жаль видѣть нашего превосходнаго Лемениля въ пустой и неблагоприятной роли англичанина, изъ которой даже этотъ артистъ не могъ рѣшительно ничего сдѣлать.

Комедія-водевиль, *Два способа* (Les deux manières), очень стара.

Мы видѣли ее, нѣсколько лѣтъ назадъ, даже на русской сценѣ. Въ театральномъ фельетонѣ одной газеты, было недавно сдѣлано очень любопытное замѣчаніе о томъ, что половина нынѣшнихъ французскихъ пьесъ основаны непременно на томъ, что или жена обманываетъ мужа, или мужъ жену. Мы будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ при нашихъ обзорахъ современныхъ произведеній французской сценической литературы, а покамѣстъ видимъ, въ разрядѣ пьесъ съ этимъ любимымъ сюжетомъ, комедію «Les deux manières», которая можетъ быть оттого и не очень понравилась, что сюжетъ ея уже черезъ-чуръ избитъ. Мы замѣтили, что многіе улыбались даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, оттого, что, по странной привычкѣ французскихъ водевиллистовъ, дѣйствующія лица начинали пѣть куплеты въ минуты отчаянія, прощенья, радости и тому подобнаго. Пора-бы давно оставить эту дѣйствительно смѣшную рутину старой школы, также какъ музыку при входѣ и уходѣ персонажей, которая такъ и напоминаетъ всякій разъ старинныя двери съ музыкой.

Пословица «Семейная Дипломація» (La diplomatie en ménage)... Но позвольте... Чтобы показать вамъ, какъ богаты содержаніемъ всѣ подобныя пьесы и на чемъ онѣ вертятся, мы перескажемъ главныя сцены этой пословицы въ назиданіе сочинителямъ подобнаго рода пьесъ. Можемъ заранѣе успокоить читателей тѣмъ, что нашъ драматизированный разборъ будетъ гораздо короче самой пьесы, но въ то-же время вполне передастъ всю пословицу.

Г-жа д'Этанжъ (*сидитъ на диванѣ и вышиваетъ ермолку*). Десятый часъ! Сегодня годовщина нашей свадьбы. Десять лѣтъ, какъ я замужемъ; десять лѣтъ я счастлива, а сегодня мужъ забылъ объ этомъ днѣ, въ первый разъ. Я, однакоже, не напому ему объ этомъ, — самъ долженъ вспомнить.

Г-жа Рено (*входя*). Вообрази! наши мужья званы сегодня на холостой ужинъ, а послѣ поѣдутъ въ маскарадъ. На что это похоже? Я сдѣлаю сцену господину Рено и не пущу его на этотъ ужинъ.

Г-жа д'Этанжъ. А я доведу своего мужа до того, что онъ самъ не поѣдетъ.

Г-жа Рено. Упреками, просьбами, слезами?

Г-жа д'Этанжъ. Нѣтъ, ласками.

Г-жа Рено. Какой вздоръ! Я, просто, не позволю ему ѣхать!
(Уходитъ.)

Г-жа д'Этанжъ (слугъ). Принеси сюда халатъ и трубку барина.
(Слуга приноситъ.)

Г-нъ д'Этанжъ (входя). Милый другъ! я ѣду ужинать съ друзьями. Я вѣдь въ правѣ это сдѣлать.

Г-жа д'Этанжъ. Совершенно справедливо. Поѣзжай. Я буду очень рада.

Г-нъ д'Этанжъ. Рада? чему—же?

Г-жа д'Этанжъ. Тебѣ будетъ тамъ весело. Надѣнь, пожалуйста, халатъ; мнѣ надо видѣть, идетъ—ли къ нему ермолка.

Г-нъ д'Этанжъ. Изволь. (Надѣваетъ халатъ). Какъ хорошо въ халатѣ, какъ пріятно сидѣть дома. Ни за что-бы не поѣхалъ въ гости; но общалъ, дѣлать нечего.

Г-жа д'Этанжъ. Впрочемъ, мнѣ жаль, что ты ѣдешь въ гости. Какой у меня былъ приготовленъ пуддингъ на ужинъ!...

Г-нъ д'Этанжъ. Пуддингъ!!... Этакая досада! Но никакъ нельзя не ѣхать; далъ слово. Человѣкъ! фракъ, бѣлый галстухъ! (Одѣвается передъ зеркаломъ.)

Г-жа д'Этанжъ. Какой ты дурной бантъ сдѣлалъ у галстуха, какъ измялъ его!

Г-нъ д'Этанжъ. Въ—самомъ—дѣлѣ? Человѣкъ! другой галстухъ!

Г-жа д'Этанжъ. Постой, я сама принесу. (Уходитъ.)

Г-нъ д'Этанжъ. Какая у меня добрая жена: все дѣлаетъ, что я ни захочу. (Женъ, возвратившейся съ галстухомъ.) Что это за галстухъ принесла ты мнѣ? тонкій, вышитый... вотъ, я и разорвалъ его...

Г-жа д'Этанжъ. Ничего; дай, я зашью. Это случилось оттого, что онъ старъ: ему ужъ десять лѣтъ.

Г-нъ д'Этанжъ. Въ—самомъ—дѣлѣ?... Точно, это тотъ самый галстухъ, въ которомъ я вѣнчался. Да зачѣмъ-же ты мнѣ подала его сегодня? Чтò за торжественный день!.. Ахъ, я дуракъ! да вѣдь сегодня день нашей свадьбы!... Прости, что я позабылъ! Не ѣду ужинать! остаюсь съ тобою!

Г-жа Рено (входя). Вообрази: мой-то уѣхалъ. Ничего не хотѣлъ слушать.

Г-жа д'Этанжъ. А мой остается..

Г-нъ д'Этанжъ. Оттого-что у меня прекрасная жена!

Г-жа д'Этанжъ. Оттого-что у меня прекрасный мужъ!

Пословица конецъ. Неправда-и, какъ легко писать подобныя пословицы... какъ они остроумно написаны? Мы не пропустили ни одного обстоятельства этой удивительной пословицы, отличающейся, какъ вы видите, самою тонкою характеристикю. Не видимъ только причины, почему г-жа д'Этанжъ прямо не скажетъ мужу, что онъ забылъ о днѣ ихъ свадьбы? Конечно, тогда не было-бы и пьесы. Не думаемъ также, чтобы всякому мужу понравилась подобная дипломатія.

Фарсъ «Верне фокусникъ» (Vernet le prestidigitateur) принадлежитъ самому бенефицианту и наполненъ самыми удивительными каламбурами и остротами. Въ нѣкоторыхъ обществахъ попадаются иногда франты, которые объявляютъ, что они будутъ дѣлать фокусы. Взявъ колоду картъ, эти господа даютъ вамъ выбрать одну карту; потомъ, кладутъ ее обратно въ колоду, тасуютъ карты и вынимаютъ первую попавшуюся карту, спрашивая: — Это ваша карта? — Нѣтъ, отвѣчаете вы. — Ну, такъ эта? — Нѣтъ! — Эта? — Нѣтъ! — Ну, такъ которая-нибудь изъ остальныхъ. — Г. Верне показывалъ фокусы точно въ такомъ-же родѣ. Многимъ подобное остроуміе очень нравится. Сознаемся, что мы не принадлежимъ къ числу этихъ многихъ. За-то, когда вышелъ показывать настоящіе фокусы Германъ, эти многіе начали выходить изъ креселъ. О вкусахъ не спорять.

Второй бенефисъ былъ г-на Дешана, актера молодого, но умнаго и старательнаго, который замѣтно совершенствуется съ каждымъ годомъ на нашей сценѣ и достигнетъ на ней въ скоромъ времени возможнаго совершенства, какое пріобрѣли гг. Брессанъ и Бертонъ, также явившіеся сначала на нашей сценѣ артистами второстепенными. Прежде всего, пріятно было видѣть въ этомъ бенефисѣ театръ совершенно полный. Но что именно привлекло публику, самъ-ли г. Дешанъ, пьеса ли Ганри Мюрже: «Цыганская жизнь» (La vie de Bohême), пѣніе ли г-жи Германъ или повтореніе знаменитаго фарса «Верне-фокусникъ» (Vernet le prestidigitateur)? — этого вопроса мы не беремся разрѣшить.

La vie de Bohême на афишѣ названа довольно странно: *пѣсой* въ пяти дѣйствіяхъ (pièce en 5 actes). Это плеоназмъ, потому-что еслибы она не была пьесой, ее нельзя было бы играть на сценѣ. La vie de Bohême настоящая драма, хотя въ ней очень много комическаго эле-

мента. Это картина жизни дѣлаго класса парижскаго населенія, дѣлаго квартала, прозваннаго цыганскимъ (quartier de la Bohême), гдѣ живутъ лица, которыя, вставая поутру, не знаютъ, будутъ ли они обѣдать вечеромъ. Эти лица проводятъ половину своей жизни, отыскивая денегъ для уплаты кредиторамъ, а другую половину — бѣгая отъ кредиторовъ, когда нашли деньги. Цыганскій кварталъ, по словамъ одного изъ его обитателей, граничитъ къ сѣверу — трудомъ, надеждой и веселостью, къ югу нуждою и твердостью, къ востоку и западу — клеветою и госпиталемъ для бѣдныхъ. Живутъ въ этомъ кварталѣ тѣ, которые, побуждаемые непреодолимымъ призваніемъ, занимаются какимъ-нибудь искусствомъ, не имѣя другихъ средствъ къ существованію, кромѣ самаго искусства; честолюбіе напрягаетъ постоянно всѣ силы ихъ ума и заставляетъ ихъ совершать гениальные подвиги, неразрѣшимыя задачи, къ числу которыхъ принадлежитъ и задача ихъ ежедневнаго пропитанія. Когда у нихъ заведутся деньги, у этихъ цыганъ образованнаго общества являются самыя дикія фантазіи; они, просто, бросаютъ деньги за окно, и для этого пріятнаго занятія имъ недостаетъ... не денегъ, а оконъ. Потомъ, когда умираетъ ихъ послѣдняя пяти-франковая монета, они начинаютъ свою прежнюю жизнь, обѣдая гдѣ-ни-попало и чѣмъ ни попало, извлекая изъ всего — средство ничего не дѣлать, отыскивая трюфели даже на плоту, сколоченномъ изъ обломковъ фрегата Медузы. На бульварахъ, они не могутъ сдѣлать десяти шаговъ, безъ того, чтобы не встрѣтить друга, и двадцати, — гдѣ-бы то ни было, — безъ того, чтобы не столкнуться съ кредиторомъ. Въ январѣ, они, самымъ философскимъ образомъ, растапливаютъ каминъ своею мебелью, тѣмъ болѣе, чти мебель эта принадлежитъ не имъ, а домохозяину, который давно уже конфисковалъ ее за неплатежъ за квартиру. Этотъ способъ избавляться отъ мебели они называютъ переѣздомъ на другую квартиру — *черезъ трубу*. Женщины въ этомъ обществѣ также веселы, беззаботны и нецеремонны; ихъ любятъ до сумасшествія, и они также любили-бы вѣчно, если бы *вѣчно* не было слишкомъ продолжительно и если-бы ленты стоили не такъ дорого. Впрочемъ, женщины эти способны на всѣ пожертвованія, — если онѣ хорошо пообѣдали; готовы даже умереть за своихъ возлюбленныхъ... только съ голода; покамѣстъ у нихъ, есть сердце — онѣ вѣрны избранникамъ этого сердца, и покидаютъ ихъ какъ скоро дѣлаются умнѣе.

Въ это общество, невозможное въ Петербургѣ и непонятное для него, но тѣмъ не менѣе занимательное, оживленное и не лишенное сво-

его рода поэзіи, переносить зрителей пьеса Генриха Мюрже. Авторъ ея, — молодой человекъ, самъ принадлежащій къ этому кругу парижскихъ цыганъ, былъ постоянно сотрудникомъ газеты «Corsaire». Въ фельетонахъ этой газеты, онъ помѣщалъ сцены изъ жизни парижскихъ артистовъ, гризетокъ подъ общимъ названіемъ «La vie en Bohême». Потомъ, онъ связалъ всѣ эти сцены въ одно цѣлое и издалъ отдѣльной книгою, въ формѣ романа, подъ тѣмъ-же названіемъ. Романъ имѣлъ успѣхъ; слѣдовательно, изъ него, по общепринятому правилу, надо было сдѣлать пьесу, и пьеса имѣла еще больше успѣха, чѣмъ романъ. Картина этой странной, эксцентрической жизни заняла Парижанъ, какъ занимаетъ ихъ все, что сколько-нибудь выходитъ изъ круга обыкновенныхъ всеневныхъ явленій. Нельзя, однакоже, сказать, чтобы Мюрже обладалъ особеннымъ дарованіемъ, даже чтобы онъ первый вздумалъ изображать подобныя картины. Не говоря уже о романахъ, гдѣ дѣйствіе происходитъ въ томъ-же самомъ цыганскомъ обществѣ, въ Латинскомъ-кварталѣ, въ улицахъ Бреда и Лоретской, на парижской сценѣ было нѣсколько пьесъ съ подобными-же лицами и содержаніемъ. Назовемъ «Mimi Pinson» Гозлана и «Les Etudiants de Paris» Сулье; наконецъ въ самое послѣднее время — романъ Дюма-сына и драму, взятую изъ этого-же романа «La dame aux camélias». Самое содержаніе драмы Мюрже просто и не ново. Одинъ молодой человекъ, племянникъ старика миллионера, бѣжитъ отъ своего дяди и женитьбы, въ Парижъ, чтобы пожить на свободѣ веселою, цыганскою жизнью. Тамъ, влюбляется онъ въ добродѣтельную гризетку. Дядя хочетъ, разумѣется, разстроить эту связь и явившись къ гризеткѣ, убѣждаетъ ее отказаться отъ своего возлюбленнаго, потому-что онъ для этой любви забываетъ свои обязанности и портитъ свою карьеру. Великодушная гризетка приноситъ съ самоотверженіемъ эту жертву, сама бросаетъ молодаго человека и умираетъ отъ чахотки. Вся эта исторія нѣсколько разъ и въ разныхъ видахъ повторялась во многихъ пьесахъ. Въ этой драмѣ, интрига ведена даже слабо; дѣйствіе во многихъ мѣстахъ неестественно; есть много растянутыхъ и даже совершенно лишннихъ сценъ. Въ авторѣ видно незнаніе сцены, хотя онъ и бралъ себѣ помощникомъ для составленія пьесы — Теодора Барьера, извѣстнаго поставщика бульварныхъ драмъ и водевилей. Но пьеса написана прекраснымъ, остроумнымъ языкомъ, изобилуетъ лицами и положеніями въ высшей степени комическими, и въ то-же время, сценами поразительными, противъ воли потрясающими зрителя. Такова смерть героини, гризетки

Мими, произведшая на публику разнообразное, но во всякомъ случаѣ сильное впечатлѣніе. Говорятъ, что непріятно видѣть на сценѣ смерть чахоточной женщины. Мы несогласны съ этимъ мнѣніемъ. Сцена допускаетъ всякаго рода *кончины*, лишь-бы только онѣ были представлены, не оскорбляя эстетическаго чувства. Если мы видимъ, какъ убиваютъ человѣка въ какой-нибудь драмѣ, отчего не допустить естественной смерти отъ болѣзни, довольно часто встрѣчающейся? Намъ скажутъ, что это производитъ непріятное впечатлѣніе; но во-первыхъ, не на всѣхъ, а во-вторыхъ, впечатлѣніе, какого-бы рода ни было оно, всегда производитъ полезное дѣйствіе и нравственная цѣль пьесы можетъ именно состоять въ томъ, чтобы потрясти зрителей сильными картинами, которыя надолго останутся въ его памяти. Если держаться строгаго пуризма, въ отношеніи къ сценическимъ явленіямъ, то надо отвергнуть почти всѣ пьесы греческихъ трагиковъ, драмы современной французской и нѣмецкой школы, половину Шекспира и остаться при однихъ мариводажахъ и Коцебу. Театръ именно живетъ одними контрастами пороковъ и добродѣтелей, преступленій и героическихъ подвиговъ. Если на немъ будетъ изображаться только то, что совершается всякій день около насъ, не зачѣмъ и ходить смотрѣть эти всендневныя явленія. Даже преувеличеніе, сдержанное, разумѣется, въ извѣстныхъ границахъ, составляетъ необходимое условіе сценическаго успѣха. Мы всегда съ удовольствіемъ смотримъ на то, что выше и что ниже насъ. Герой или карикатура привлекутъ въ театръ скорѣе, чѣмъ типъ обыкновеннаго человѣка: этюды всендневныхъ характеровъ должны быть написаны очень опытнымъ художникомъ, чтобы занять вниманіе зрителей. Для интереса пьесы, необходимо, по-крайней-мѣрѣ, чтобы съ обыкновенными людьми случались не совсѣмъ обыкновенныя происшествія, и вотъ почему, можетъ быть, драма «*La vie de Bohème*» не одинаково понравилась всей публикѣ. Всякій заранѣе зналъ развязку пьесы, которая впрочемъ гораздо лучше разныхъ бульварныхъ мелодрамъ, и вѣроятно, надолго останется въ репертуарѣ.

Въ этомъ-же бенефисѣ, пѣла г-жа Германъ, супруга знаменитаго фокусника, которому въ послѣднее время удивлялся Петербургъ, и ко-

торый, вѣроятно, самъ удивлялся Петербургу. У госпожи фокусницы голосъ огромный, но поетъ она безъ всякихъ фокусовъ и даже по-видимому еще мало училась пѣть. Выборъ номеровъ пѣнія былъ также очень неудаченъ. Арія изъ «Торквато Тассо», одной изъ самыхъ плохихъ оперъ Доницетти, пуста до невѣроятности, а нѣмецкая пѣсня, пропѣтая потомъ, совершенно ничтожна въ музыкальномъ отношеніи и сентиментальна до приторности.

Между этими двумя бенефисами и послѣ втораго, шли пьесы старыя, и, разумѣется, большею частью водевили. Между ними, занимала первое мѣсто по величинѣ — знаменитая *Соломенная шляпка*, которую такъ удачно пародируютъ на русской сценѣ, и дѣйствительно смѣшные водевили, безъ всякихъ претензій, каковы: «С'en était un «Rhenomène» и «L'ours et le racha»; послѣдній водевиль, написанный лѣтъ тридцать пять тому Скрибомъ, чуть — ли не лучше всѣхъ современныхъ произведеній въ этомъ-же родѣ. Первый и послѣдній изъ этихъ водевилей уже переведены на русскій языкъ; средній «Rhenomène» можно было-бы перевести, и онъ не испортилъ-бы любаго бенефиса. Слабѣе всѣхъ была пьеска «Le lait d'ânesse», незанимательная и растянутая. Въ это-же время, давали разъ и превосходный, умный водевиль «Midi à quatorze heures», который не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха на Александринскомъ театрѣ.

Два раза давали также драму въ стихахъ, Александра Дюма: *Якубъ и Беранжера*, передѣланную изъ его-же драмы «Charles VII chez ses grands vassaux». Въ прошломъ театральномъ году ее давали всего одинъ разъ, въ бенефисъ г. Бертона, и потому, она была почти новостью для публики. Драма Дюма имѣетъ неоспоримыя достоинства, какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера этого неутомимаго писателя, — и очень правится на сценѣ. Драматическаго интереса въ ней множество; лица очерчены рельефно и вѣрны своему времени и своимъ характерамъ; интрига не сложна и не запутана, но понятна и занимательна для каждаго. Это опять одна изъ тѣхъ семейныхъ драмъ, которыя случаются и въ наше время, хотя и разыгрываются не такимъ кровавымъ образомъ, какъ при дворѣ Карла VII. Г. Бертонъ прекрасенъ въ

роли восторженнаго фаталиста-сарацина и его нѣсколько напыщенная декламация и манера выкрикиванія нѣкоторыхъ словъ въ этой роли совершенно у мѣста. О г-жѣ Плесси смотри мнѣніе, высказанное въ первой книгѣ Пантеона.

Всего въ апрѣлѣ было шестнадцать французскихъ спектаклей, считая въ томъ числѣ два бенефиса. Въ эти спектакли, сыграны сорокъ девять пьесъ, изъ которыхъ двадцать шесть являются на сценѣ въ первый разъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, и вообще въ первый разъ пять пьесъ. Сочиняли эти двадцать шесть пьесъ — тридцать четыре автора; есть пьесы, на которыя приходится по три сочинителя.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о Провинціальныхъ Театрахъ. — *Кіевскій Театръ*. — Его помѣщеніе. — Составъ труппы. — Балетъ. — *Костромской Театръ*. — Помѣщеніе. — Труппа. — Г. Кони и сестры Погожевы. — Бантышевъ и Дюбюкъ. — *Ярославскій Театръ*. — Составъ труппы. — *Тульскій Театръ*. — Г. Милославскій. — Кшненевскій Театръ.

Неболѣе пятидесяти лѣтъ тому, какъ Сумароковъ, въ своемъ предисловіи къ «*Дмитрію Самозванцу*», горько жаловался на невѣжество и невниманіе къ театральнымъ зрѣлищамъ публики своего времени. «Вы путешествовали, говоритъ онъ, бывшіе въ Парижѣ и Лондонѣ, скажите: грызутъ ли тамъ, во время представленія драмы, орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, съкутъ ли поссорившихся между собою ребятишекъ, къ тревогѣ всего партера, ложъ и театра?» Читая эти строки невольно скажете съ Грибоѣдовымъ:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Теперь, спустя полвѣка отъ этого времени — не только столичная, но и публика самага отдаленнаго уѣзднаго городка — чужда подобнаго упрека. Размноженіе провинціальныхъ театровъ въ Россіи, какъ нельзя лучше, доказываетъ любовь нашего общества и его вниманіе къ этому роду полезныхъ и пріятныхъ удовольствій. Теперь, почти каждый губернскій городъ и многіе изъ уѣздныхъ — имѣютъ свои театры, между которыми, часто встрѣчаются весьма удобно и хорошо отстроенныя театральныя зданія; такъ напримѣръ: въ Харьковѣ, Севастополѣ, Кіевѣ, Ставрополѣ, Симферополѣ, Кременчугѣ, Костромѣ. О Тифлисѣ и Одессѣ мы уже не говоримъ. Наконецъ, въ послѣднее время, наши провинціи имѣютъ оперную итальянскую труппу и балетную. Въ составѣ труппъ комическихъ и драматическихъ, часто встрѣчаются акте-

ры съ замѣчательнымъ талантомъ. Такъ имена дѣвиць Зелинскихъ, Рыбакова, Соленика, умершаго въ 1851. году, Микульскаго, комика Алексѣева, Львова, Мочалова, бывшаго когда-то содержателемъ Одесской труппы и многіе другіе пользуются большою извѣстностію во всѣхъ провинціяхъ южной Россіи ... Но, сказать кстати, за успѣхами провинціальныхъ актеровъ трудно слѣдить, а вполне оцѣнить талантъ нѣкоторыхъ — избранныхъ еще труднѣе ... Провинціальныя таланты неуживаются долго на одномъ мѣстѣ; маленькія выгоды, ничтожныя интриги, посулы антрепренеровъ, впрочемъ, никогда несбывающіеся, — переносятъ ихъ за цѣлыя тысячи веретъ, съ одного мѣста на другое ... И можно сказать смѣло, что каждый провинціальный актеръ, послужившій Мельпоменѣ лѣтъ десять — знаетъ по крайней мѣрѣ половину Россіи также хорошо, какъ свою любимую роль. Часто видимъ, гдѣ-нибудь, въ губернскомъ городѣ, весьма порядочно составленную труппу; радуемся за антрепренера и публику; но насталъ великій постъ, время передвиженія провинціальныхъ артистовъ, и смотрите — комикъ уѣхалъ въ Кишеневъ, — трагикъ въ Кіевъ; *первый любовникъ*, вмѣстѣ съ *благороднымъ отцомъ*, отправились пѣшкомъ въ Саратовъ, а двухъ трехъ услужливыхъ статистовъ увезъ какой-нибудь проѣзжій акробатъ, и вотъ, составляется новая труппа, а годъ спустя, другая и такъ далѣе. Нельзя сказать того-же о тѣхъ театрахъ, при которыхъ общество любителей сценическаго искусства составило частныя дерекціи, какъ напримѣръ, въ Тифлисѣ, Харьковѣ и Таганрогѣ.

Во всякомъ случаѣ, слѣдить за успѣхами провинціальныхъ театровъ весьма любопытно. Мы очень желали-бы, чтобы свѣдѣнія объ этихъ успѣхахъ были сообщаемы намъ почаще любителями драматическаго искусства. Въ настоящее время, имѣя подъ рукою нѣсколько извѣстій изъ провинцій по этому предмету, спѣшимъ сообщить ихъ нашимъ читателямъ въ видѣ общаго и цѣлага отчета:

Театръ въ Кіевѣ и другія общественныя удовольствія *.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1851 года, кіевское театральное зданіе было сломано, съ тою цѣлію, чтобы на его мѣстѣ построить театръ болѣе обширный, удобный и каменный. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ актеровъ прекрасно сформированной труппы Рекаловскаго, оставшіеся въ городѣ, послѣ многихъ хлопотъ, устроили временный театръ на Крещатинской улицѣ, въ домѣ генеральши Бринкенъ. Это временное помѣщеніе имѣло только 140 кресель, партеръ и амфитеатръ. Полный сборъ простирался

* Сообщено г. фонъ-Юнгомъ.

не свыше 260 рублей серебромъ. Такъ какъ удовольствія Кіевлянъ ограничиваются дворянскими и купеческими собраніями, которыя бывають два раза въ недѣлю, то публика довольно усердно и дружно начала посѣщать этотъ небольшой театръ, открытый 12 декабря. Спектакли вообще — составлялись изъ водевилей и были исполняемы весьма удовлетворительно, чему много помогало желаніе каждаго изъ артистовъ отличиться предъ товарищами, — на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ былъ самъ себѣ хозяинъ, не имѣя ни режисера ни антрепренера. Число лицъ этой труппы ограничивается цифрою девять: четыре женскихъ персонажа и пять мужскихъ; между послѣдними, первое мѣсто, по усердію и таланту, занимаетъ г. Протасовъ. Амплуа его комическое, амплуа обширное, особенно въ роляхъ повѣсь, гулякъ и слугъ, въ родѣ Емельяна въ пьесѣ «Хороша и дурна».

Г. Микульскій, актеръ съ большимъ дарованіемъ; намъ случалось встрѣчать его въ Кишиневѣ, Кременчугѣ и Лубнахъ, — вездѣ онъ былъ любимцемъ публики; но въ Кіевѣ г. Микульскій не имѣлъ еще никакого успѣха, потому-что, за болѣзнію, рѣдко являлся на сцену.

Г. Максимовъ занимаетъ амплуа стариковъ, простаковъ и молодыхъ пейзазовъ; весьма часто исполняетъ свои роли съ успѣхомъ и могъ-бы остаться замѣчательнымъ членомъ этой маленькой труппы, еслибы не считалъ гримасу любимымъ дѣтищемъ мимики.

Г. Звѣревъ берется, къ своему утѣшенію, за всѣ роли, и къ большому неудовольствію публики, — не исполнилъ еще ни одной удовлетворительно.

Вообще, вездѣ и всегда бенефисныя афиши освѣщаются волшебнымъ фонаремъ фантазмагоріи — въ провинціяхъ въ особенности. Актеры провинціальныхъ труппъ, какъ бездарные, такъ и талантливые, изощряють постоянно все свое краснорѣчіе надъ составленіемъ этихъ афишъ, печатая ихъ гигантскими литерами, въ пять и даже въ пятнадцать актовъ, съ картинами, прологами и эпилогами. Точно такоюже афишею подарилъ кіевскую публику въ свой бенефисъ г. Новицкій, весьма плохой актеръ на амплуа любовниковъ и молодыхъ людей. Драма «Кораблекрушители,» поставленная на афишѣ, — причемъ обѣщалось разрушеніе катакомбъ, взрывы скалъ, только-что не пожаръ моря — если не поразила зрителей — какъ драма, зато разсмѣшила ихъ, какъ импровизированная комедія съ огненной обстановкой.

Изъ женскихъ персонажей, замѣчательны: Г-жа Протасова, она обладаетъ прекрасною наружностію, хорошою манерою, всегда знаетъ роль и, что очень важно, — русскій языкъ! Ей совѣтуютъ обратить болѣе вниманія на роли драматическія: это истинное ея назначеніе.

Г-жа Звѣрева, молодая и талантливая актриса, быстро идетъ къ новымъ успѣхамъ, замѣнивъ на кievской сценѣ г-жу Петрову, уѣхавшую въ Варшаву.

Г-жи Мамонова и *Карнова* актрисы безъ всякаго таланта и только иногда съ пользою замѣняютъ декорацию.

Вотъ, краткій обзоръ кievской провинціальной труппы. Есть еще нѣсколько актеровъ и актрисъ, но они представляютъ роли безъ рѣчей, или тѣней и народъ.

Костюмы вообще удовлетворительны. Декорации и освѣщеніе — бѣдны.

Въ послѣднихъ числахъ января, при самомъ разгарѣ контрактовъ, или крещенской ярмарки, прибылъ въ Кіевъ изъ Харькова, — съ своею балетною труппою, г. Марасъ-Ніонъ. Соединившись съ труппою драматическою, онъ открылъ представленіе, послѣ одной маленькой неудачи, — 30 января, бенефисомъ, въ пользу г-жи Звѣревой. Вотъ афиша спектакля:

«Антикварій, или обманутый опекунъ, балетъ въ одномъ дѣйствіи.»

«Заколдованный принцъ, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ.»

«Дочь русскаго актера, водевилъ въ одномъ дѣйствіи.»

Водевиль были разыграны прекрасно. Балетъ тоже; но наслажденіе публики, въ послѣднемъ случаѣ, было нѣсколько охлаждено обманутою надеждою встрѣтить свою любимую танцовщицу г-жу Шипанскую. Въ этомъ спектаклѣ она неявилась, — и роль Розы исполняла дѣвица Котоменская.

До закрытія театра, труппою Марраса были поставлены слѣдующіе балеты: *Мимилли*, *Антикварій*, *Аполлонъ и девять музъ*, *Полемонъ и Теони*, *Крестьянская свадьба, первая и вторая части*, *Театроманъ* и *Волшебная флейта*. Всѣ эти балеты, съ большимъ успѣхомъ, были повторяемы нѣсколько разъ. Нельзя не удивляться, что на такой маленькой сценѣ — ставили балеты, въ которыхъ танцовали мазурку въ восемь паръ, причемъ занимали мѣсто еще тридцать статистовъ... Однако, постановка, къ удивленію публики, была весьма удовлетворительна. Первое мѣсто въ балетной труппѣ занимали: г. Марасъ и два его сына; дѣвицы: Катуминская, Юлія Станкевичъ, Сламковская и Леокадія. Г-жа Дебольдъ и дѣвица Леокадія — очень мило танцуютъ русскую пляску, а дѣвица Станкевичъ венгерку. Въ пантомимѣ отличались: гг. Пекарскій, Макельновскій, Зайдель, и г-жи Кейль, Гейбовичъ и Клемковская. Балетъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма удовлетворителенъ; публика принимала его съ удовольствіемъ и съ наслажденіемъ скоротала скучные, зимніе вечера. Поговариваютъ

что г. Марасъ намѣренъ навсегда остаться въ Кіевѣ и образовать отличную труппу, какъ драматическую, такъ и балетную. Для исполненія послѣдней мысли, онъ отправился теперь въ Варшаву, желая ангажировать въ свой балетъ лучшихъ танцоровъ и танцовщицъ...

Послѣ балета, въ числѣ замѣчательныхъ удовольствій, кіевская публика наслаждалась представленіями, прибывшаго изъ Константинополя, магика и чревовѣщателя Добрена...

Театръ въ Костромѣ *

Благодаря заботливости и попеченію г. бывшаго директора здѣшняго дѣтскаго пріюта, прежній театръ, помѣщенный въ какомъ-то грязномъ и сыромъ подвалѣ, нынче, съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался собственностію дѣтскаго пріюта, щеголяетъ опрятностію, изяществомъ и комфортомъ. Сцена украшена хорошими кулисами, ложи чистенькія и помѣстительныя, освѣщеніе удобное и очень незамысловатое; однимъ словомъ, во всемъ проглядываютъ чистота, удобство и порядокъ.

Труппа составлена изъ актеровъ, которые, большею частию, въ первый разъ сошлись на здѣшней сценѣ; поэтому, нельзя отъ нихъ ожидать совокупности въ игрѣ, ансамбля, этой высшей прелести всякого драматическаго представленія. Но надѣясь говорить о будущихъ успѣхахъ на костромской сценѣ, мы должны познакомить читателя съ членами этой труппы. Вотъ они: г. *Померанцевъ*, отличающійся въ роляхъ малороссіянъ, которыхъ онъ списываетъ вѣрно съ природы и передаетъ съ прелестною наивностію и оригинальнію, сдѣлался любимцемъ костромской публики; особенно его малороссійскія пѣсни пользуются большимъ успѣхомъ. Въ другихъ роляхъ, онъ слабѣе и, къ несчастію, не всегда любитъ заниматься изученіемъ ихъ. Впрочемъ, сказать кстати, это общій недостатокъ нашихъ актеровъ (говоритъ корресподентъ), за исключеніемъ нѣкоторыхъ, на которыхъ и указываемъ.

Г. Максимовъ, комикъ; игрѣ его много вредитъ излишняя наивность и неосторожность, съ которою онъ пересаливаетъ роли своими собственными остротами и каламбурами, часто оскорбительными для женскаго уха. Онъ сдѣлалъ-бы лучше; еслибъ говорилъ только то, что ему предписываетъ авторъ. Правда, что красное словечко кстати очень пріятно, но слишкомъ красное — слишкомъ ярко! Въ нѣкоторыхъ роляхъ, онъ очень недуренъ; особливо когда онъ выучитъ роль,

* Сообщено Ев. Гринбергомъ.

при исполненіи которой всегда замѣчается въ немъ талантливость, много неподдѣльной натуры и истиннаго дарованія. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что г. Максимовъ никогда не видалъ хорошихъ образцовъ. Лисичкинъ — въ «*Богатой старушкѣ*», Старый помѣщикъ, — въ «*Шельменкѣ*», сапожникъ — въ «*Ножкѣ*», вотъ лучшія роли этого актера.

Г. Талановъ, къ несчастію, не очень похожъ на свою многообѣщающую фамилію: его игра показываетъ мало таланта; наружность его пріятна, — только онъ слишкомъ пренебрегаетъ расположеніемъ публики, играя съ любовью и стараніемъ одинъ разъ въ годъ, именно въ счастливый день своего бенефиса.

Г. Бурдинъ, артистъ Императорскихъ театровъ, бывшій членомъ здѣшной труппы, былъ безспорно лучшій фарсеръ въ труппѣ; онъ всегда твердо знаетъ свою роль, играетъ свободно и развязно; сверхъ того, онъ человѣкъ образованный, бывалъ, какъ видно, въ хорошихъ обществахъ. Игра его вообще, во многихъ отношеніяхъ, очень удовлетворительна. И онъ любилъ прибавлять къ своей роли, но почти всегда кстаті и очень ловко; слѣдовательно, ему и простительно.

Г-жа Стрепетова, очень милая пѣвица, съ хорошенькимъ, хотя и несовсѣмъ обработаннымъ голосомъ; игра ея довольно хороша. Остальныя пѣвицы плохо поютъ, и часто въ самыя патетическія минуты, смѣшатъ зрителей своимъ несноснымъ пискомъ. Жаль, что для г-жи Стрепетовой нѣтъ лучшаго акомпанимента, а оркестръ костромскаго театра хотъ кого собьетъ съ толку. Бѣдность въ актрисахъ заставляетъ ее играть въ трагедіяхъ, гдѣ она слаба... Водевиль ей по силамъ: въ немъ она мила, ловка и развязна.

О другихъ персонажахъ костромской сцены лучше умолчать: это артисты безъ рукъ, безъ языка и безъ памяти...

Г. Дильпровскій, въ трагедіи, довольно сносенъ, играетъ иногда съ жаромъ, а иногда съ увлеченіемъ, выходящимъ за предѣлы исхода человѣческихъ страстей. Въ эти минуты, онъ вообще размахиваетъ руками и вырабатываетъ роль крикомъ.

Г-жа Вышеславцева очень полезная актриса: игра ея благородна, полна непринужденности и хорошей манеры. Очень хороша она въ «*Богатой старушкѣ*», «*Материнскомъ благословеніи*», «*Сирь-Артуръ или Шестнадцать лѣтъ спустя*», и проч. Костюмы костромскаго театра нехороши, даже слишкомъ. Репертуаръ очень небогатъ, играютъ слишкомъ часто, такъ что актерамъ нѣтъ времени изучать свои роли, тѣмъ менѣе ихъ обдумывать.

9 февраля нынѣшняго года, г. Конти далъ въ костромскомъ Дворянскомъ Собраніи большой инструментальный и вокальный концертъ. На афишѣ, онъ назвался *бывшимъ первымъ теноромъ* Императорскихъ Санктпетербургскихъ театровъ. Незнаемъ, къ чему относится слово *бывшій*, къ его-ли тенору, или къ его артистическому званію при Санктпетербургскихъ театрахъ? На дѣлѣ оказалось, что у г. Конти дѣйствительно былъ теноръ, теперь-же осталась одна манера. Странно (какъ справедливо замѣчаетъ г. корресподентъ), что г-да итальянскіе артисты удостоиваются бѣдныхъ провинціаловъ своимъ посѣщеніемъ, когда совсѣмъ лишаются голоса. Г. Конти пѣлъ всего четыре пьесы изъ «*Ломбардовъ, Линда ди Шамуни, Амодзини*», и большой дуэтъ изъ *Велизарія*, въ которомъ костромскую публику порадовала Наталья Васильевна Погожева своимъ пріятнымъ голосомъ. Вѣра Васильевна Погожева аккомпанировала пѣнію и сыграла, кромѣ того, очень мило секстетюоръ изъ Лучи для фортепянь, и фантазію изъ Гугенотовъ въ четыре руки, съ своею сестрою.

7-го марта, Кострому посѣтили гг. Бантышевъ и Дюбюкъ. Первый пѣлъ, съ большимъ искусствомъ, русскія пѣсни, столь близкія русскому сердцу. Г. Дюбюкъ игралъ, какъ можно было ожидать отъ такого артиста, какъ онъ — съ чувствомъ и ловкостью, свойственными только однимъ мыслящимъ артистамъ. Оба заслужили много похвалъ и рукоплесканій, и какъ ихъ ни упрашивали остаться еще на одинъ концертъ — они не могли удовлетворить желанію публики, и въ ту же ночь уѣхали въ Вологду.

Ярославскій театръ.

Въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго года, труппа ярославскаго театра состояла подъ управленіемъ г. Иванова, который, судя по его дебютамъ, и самъ актеръ порядочный. Труппа г. Иванова была богата одними комиками, увеселявшими своею отчетливою игрою здѣшнюю публику. Правда, являлись здѣсь и трагики, но все-таки каждая драма кончалась комедіею. Изъ такихъ трагиковъ, особенно отличался г. Днѣпровскій, актеръ безъ всякаго права на драматическую роль. Публика нѣсколько мѣсяцевъ терпѣливо выслушивала его раздражительную игру... Наконецъ, онъ уѣхалъ, и объ немъ забыли, какъ забывается все плохое, не оставляющее ни впечатлѣній, ни воспоминаній! Г. Соколовъ занималъ, въ драмѣ, а иногда въ водевилѣ, второстепенныя роли и исполнялъ ихъ всегда удовлетворительно. Г. Максимовъ, артистъ съ большими сценическими дарованіями.

Онъ прибылъ въ Ярославль изъ Саратова и былъ, можно сказать, для ярославской труппы большою находкою. Отчетливое исполненіе каждой роли, веселость, простота и благородная манера даютъ ему полное право на первенство въ провинціи. Вотъ лучшія изъ его ролей: слуги, въ водевилѣ «*Жена Кавалериста*»; дворецкаго, въ оперѣ «*Дочь втораго полка*»; Жокриса, въ пьесѣ «*Женская протекція*»; отставнаго театральнаго музыканта Дубасова, въ водевилѣ «*Коломенскій нахлѣбникъ и моншеръ*», и множество другихъ. За свой талантъ и успѣхи, г. Максимовъ былъ вполне вознагражденъ признательною публикою. — Г. Дмитріевъ, воспитанникъ Театральнаго Училища, не смотря на свою молодость, во всѣхъ роляхъ былъ очень недурень. Преимущественно онъ оставилъ впечатлѣніе, исполнивъ слѣдующія роли: Евгенія Жантина, въ пьесѣ «*Женская протекція*»; Алексея Алексѣича Микушкина, въ «*Коломенскомъ нахлѣбникѣ*», Ивана Иваныча Ботвинина, въ пьесѣ «*Черный день на Черной рѣчкѣ*»; Сигизмунда Галубе, въ пьесѣ «*Дядюшка шцетъ, а племянничекъ рыщетъ*»; Макара Алексѣича, въ пьесѣ «*Артистъ, хористъ и аферистъ*». Можно сказать, что г. Дмитріевъ былъ любимцемъ ярославской публики. — Г. Рыбченко, актеръ съ дарованіемъ. Онъ очень хорошо выполнялъ роли нѣмцевъ, учителей и русскихъ мужиковъ, и этими ролями приобрѣлъ себѣ благосклонность публики. — Г. Линдротъ, актеръ не безъ дарованія, но вполне оцѣнить его талантъ нѣтъ возможности, на томъ основаніи, что онъ еще не брался ни за одну серьезную роль. — Г. Бѣшенцовъ, актеръ съ посредственнымъ талантомъ, но полезный, какъ исполнитель всѣхъ экстренныхъ ролей, которыхъ, если и не играетъ эффектно, зато не портитъ. — Господа Аванасевъ, Лисенковъ и Щегловъ иногда довольно порядочно играютъ роли слугъ, дурачковъ въ особенности, и крестьянскихъ мальчиковъ. Но болѣею частію, они занимаются механикою, то есть, переставляютъ свѣчи, передвигаютъ стулья, столы и прочее. Кромѣ этого труднаго дѣла, г. Щегловъ объявляетъ публикѣ афиши слѣдующаго спектакля, — порядокъ, неизмѣнный на всѣхъ провинціальныя сценахъ.

Перейдемъ къ разбору женскихъ сюжетовъ: между ними, первое мѣсто безспорно принадлежитъ г-жѣ Рыбаковой, актрисѣ, давно заслужившей извѣстность и славу на провинціальныя сценахъ. Въ Ярославлѣ, г-жа Рыбакова, въ короткое время, успѣла приобрести любовь публики. Не было пьесы, въ которой бы она не доказала своей сценической опытности и прекраснаго таланта. Второе мѣсто, изъ женскихъ персонажей на ярославской сценѣ, можетъ удержать за собою г-жа Шубина, артистка съ большими дарованіями, пріѣхавшая въ Ярославля съ артистомъ-

пенсіонеромъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ, г. Живокини. Со времени своего пріѣзда (это было зимою) и до прибытія г-жи Рыбаковой, г-жа Шубина занимала постоянно первыя роли въ водевиляхъ и комедіяхъ и исполняла ихъ съ большимъ усѣхомъ. Въ роляхъ драматическихъ, эта актриса также на своемъ мѣстѣ. Г-жа Соколова (нынѣ Днѣпровская) являлась на ярославской сценѣ во второстепенныхъ и, болѣею частію, въ безцвѣтныхъ роляхъ. Впрочемъ, она имѣетъ сценической талантъ. Это видно изъ того, что роль юнкера, въ «Гусарской стоянкѣ», исполнена была ею очень хорошо и съ большою ловкостью. — Г-жи Милославская и Соколова — актрисы съ дарованіями; первая удачно исполняла роли простодушныхъ дѣвушекъ и гризетокъ, вторая — кокетливыхъ служанокъ. Впрочемъ, онѣ могли удачно исполнять и другія второстепенныя роли. Последняя еще очень молода и танцуетъ прекрасно. Говоря о танцовщицахъ, нельзя забыть г-жу Днѣпровскую, обладающую граціею и ловкостію. — Г-жи Максимова и Орлова исполняютъ роли старыхъ и кокетливыхъ дѣвицъ, сварливыхъ женщинъ и кухарокъ.... Трудно подарить имъ пальму первенства въ этомъ дѣлѣ, но, при внимательной наглядности на ихъ игру, — болѣе поблагодаримъ г-жу Орлову. Вотъ, изъ какихъ сюжетовъ состояла до-сихъ-поръ труппа ярославскаго театра. Надо замѣтить, кстати, что здѣсь рѣдкій спектакль проходитъ безъ дивертисмана. Въ немъ вообще, участвовали г-жи Шубина, Соколова, дѣвицы Бѣшенцова и Иванова, и гг. Максимовъ, Дмитриевъ и Рыбченко. Публика съ удовольствіемъ слушала пѣніе и смотрѣла на танцы. Музыка ярославскаго театра была очень плоха. Каждый спектакль оркестръ повторялъ три обычныхъ пьесы, надѣвшія до-нельзя веѣмъ и каждому. Зрители отдыхали и наслаждались музыкою тогда только, когда пьесы разыгрывались оркестромъ Владимірскаго полка.

*Театръ въ Туль **

Очень давно мы не получали никакихъ вѣстей о тульскомъ театрѣ, тогда какъ цѣлый годъ въ Тулѣ пребывала труппа... Наконецъ, есть вѣсти, которыя почти ограничиваются свѣдѣніями и пѣснопѣніемъ одному артисту. Покорные авторитету, говоримъ то, что говорятъ оче-

* Сообщилъ Н. Орг—въ

видцы. «Ровно годъ, въ Тулѣ, игралъ г. Милославскій, артистъ, который долженъ стоять въ числѣ самыхъ первыхъ провинціальныхъ артистовъ. Особенно хорошъ онъ въ трагедіяхъ и драмахъ; высококомическія роли доступны также его таланту. Роль Чадекаго, въ *Горь отъ ума*, онъ исполнилъ съ артистическимъ совершенствомъ. Дикція и мимика, которыми обладаетъ г. Милославскій необыкновенно хороши и благородны. Онъ нисколько не утомляетъ длинной рѣчью въ своей роли, напротивъ, чѣмъ длиннѣе она—тѣмъ больше хочется его слушать и тѣмъ лучше становится игра его. Преимущественно г. Милославскій хорошъ въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ видѣвши любезность Молчалина съ Лизой, неожиданно является изъ-за колонны предъ Софією Павловною, въ то время, когда она сердится на Молчалина. Здѣсь, игрой своей онъ возбуждаетъ какое-то невольное расположеніе къ особѣ Чадекаго. Скажемъ еще о трагедіи *Коварство и любовь*, Шиллера, гдѣ Милославскій играетъ роль Фердинанда, сына Президента. Здѣсь, въ концѣ 2-го дѣйствія, когда Фердинандъ защищаетъ свою Луизу отъ полицейской стражи, приведенной его отцомъ, г. Милославскій, по игрѣ, заслуживаетъ названіе артиста; а въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ Фердинандъ приходитъ въ домъ Миллера съ намѣреніемъ отравить Луизу за мнимую невѣрность, жажда мести и чувство жалости еще несомнѣнно остигнувшей любви, попеременно овладѣвающія его душою, такъ хорошо выполняются г. Милославскимъ, что отъ провинціальнаго артиста больше и требовать нельзя. Вообще, эта трагедія у насъ идетъ очень удачно: роль Луизы играетъ г. Шмидгофъ, актриса на своемъ мѣстѣ во всѣхъ тѣхъ роляхъ, гдѣ ей приходится быть невинной страдальцей, покорно переносящей свои несчастія. Недурна и г-жа Соленикъ, играющая роль *Леди Мельфортъ*, актриса, одаренная энергіей и приличнымъ для этого голосомъ. Недавно на тульской сценѣ играли драму *Серафима Лафайль*; въ ней участвовали актеры московскаго театра, Дмитревскій— въ роли кардинала Ришелье и г. Орловъ въ роли Доминика: оба они были хороши, а особенно г. Дмитревскій. Такая обстановка не давала слишкомъ рѣзко выдаваться г. Милославскому, игравшему роль Жоржа Горана; но, наблюдая внимательнѣе— онъ все-таки далеко опереживаетъ своей игрой другихъ. Роль Серафимы, въ этой драмѣ, играла г-жа Шмидгофъ, и не смотря на то, что эта роль въ литературной обрисовкѣ ниже другихъ ролей, г-жа Шмидгофъ успѣла придать ей интересъ и жизнь.

Теперь, г-жа Шмидгофъ уже оставила тульскую сцену и перешла на Императорскую московскую. Мѣсто ея замѣнила г-жа Микульская. Самая отрадная и свѣжая новость, сообщенная намъ о тульскомъ театрѣ, есть, безъ

сомнѣнія, извѣстіе о составившейся тамъ дирекціи изъ шести членовъ-любителей, дворянъ, съ назначеніемъ распорядителемъ всего, касающагося до театра, князя Щербатова. Ничто такъ не помогаетъ успѣхамъ провинціальныхъ труппъ, удачному ходу спектаклей и, наконецъ, пріобрѣтенію довѣрія публики, какъ составъ частныхъ провинціальныхъ дирекцій. Успѣхи театровъ харьковскаго, таганрогскаго, и другихъ, какъ нельзя лучше, оправдываютъ эту благоразумную мѣру.

Кишневскій театръ ().*

Кишневъ, до сихъ поръ, не смотря на частое посѣщеніе его странствующими артистами, не имѣлъ театрального зданія. Это заставило одну изъ тамошнихъ богатыхъ помѣщницъ удѣлить въ своемъ домѣ помѣщеніе для театра; помѣщеніе, хотя тѣсное и нещегольское, но тѣмъ не менѣе доставившее кишневской публикѣ право надѣяться, имѣть свою *безвыходную* и *безвыльзную* труппу. Полнаго сбора даетъ этотъ театръ 200 рублей серебромъ, а между тѣмъ, какъ мы уже сказали, актеры здѣсь не переводятся. Съ 1836 года по 1852 годъ, Кишневъ посѣтили слѣдующія труппы: Ерохина, Бабанина, Рекаловскаго и князя Гагарина; двѣ труппы французскихъ и нѣмецкихъ актеровъ, изъ Яссы. Наконецъ, въ 1848 году, Морисъ явился сюда съ своимъ балетомъ, а при немъ труппа весьма плохихъ актеровъ подъ управленіемъ г. Соколова, который и остался въ Кишневѣ. Самъ антрепренеръ, онъ же и режиссеръ, г. Соколовъ, актеръ чрезвычайно опытный и, въ провинціи, немного найдется ему равныхъ. Онъ играетъ всякую роль, во всѣхъ пьесахъ вообще, неутомимъ и вездѣ и всегда одинаково хорошъ. Однако до пріѣзда въ Кишневъ гг. Бобровыхъ, Львова и Виноградова, все усердіе антрепренера и вся разнородность его таланта не могли удовлетворить желаній и ожиданій публики. Кишневская сцена оживилась только съ пріѣздомъ этихъ четырехъ персонажей, давно пользующихся въ провинціяхъ названіемъ хорошихъ и полезныхъ актеровъ. Наконецъ, уже не по приглашенію антрепренера, а самой публики, явилась г-жа Кравченкова, слава и

* Сообщено г. Хвоштинскимъ.

успѣхи которой, судя по приему ей сдѣланному, зеленѣе всѣхъ лавровъ, которыми когда-либо вѣнчали провинціальные таланты. Въ первый разъ, она явилась въ пьесѣ «Материнское благословеніе» и очаровала публику ... Но ... слушайте, слушайте!

«5 февраля театръ былъ полонъ отборнымъ кишневскимъ обществомъ. Давали драму «Эсмеральда» и водевиль «Первый Дебютъ». Это былъ бенефисъ г-жи Кравченковой. Она играла Эсмеральду! Прологъ прошелъ довольно тихо ... Занавѣсъ взвился», и вотъ

Она, одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружить ...

Однимъ словомъ, она — была г-жа Кравченкова, танцующая качучу. Аплодисменты потрясли театръ. Во-второмъ, третьемъ и четвертомъ актѣ, тоже. Въ концѣ пьесы, сцена, въ полномъ смыслѣ слова, была покрыта ковромъ букетовъ. Въ заключеніе, одна изъ дамъ высшаго круга подозвала къ себѣ г-жу Кравченкову, и снявъ съ себя часы, подарила ихъ бенефицианткѣ, въ отплату того наслажденія, которымъ эта даровитая чаровница подарила зрителей. Кромѣ г-жи Кравченковой, всѣ актеры, участвовавшіе въ драмѣ, выполнили свои роли весьма удовлетворительно, особенно г. Соколовъ (Синдикъ Клодь-Фролло), г. Виноградовъ (Квазимодо) и г-жа Протасова (Жервеза-Шатофлери), были превосходны. Водевиль прошелъ довольно скромно. Но обратимся къ г-жѣ Кравченковой. Увѣнчанная лавромъ, осыпанная розами, маргаритками, словомъ всѣми цвѣтами, какіе только произвела февральская кишневская флора, — бенефициантка, кромѣ разноцвѣтныхъ шну-рочковъ на букетахъ, нашла въ нихъ нѣсколько записочекъ съ бордюрами и безъ оныхъ. На этихъ запискахъ, кишневская муза высказала своей десятой сестрѣ все свое увлеченіе и весь свой восторгъ. А вотъ и образчики: № 1 стихи подписанный буквами А. Х.

Какъ будто, оставя страну ту подвѣздную, (?)
Незримо ты къ намъ низопла,
Чтобъ, трогая душу игрою чудесною,
Повѣдать земныя дѣла ...

Сказавъ этотъ комплиментъ, поэтъ называетъ г-жу Кравченкову *игривый всякой мечты*, говоритъ, что она,

«Гласу призванія вѣчно послушная»,

заставляетъ страдать его, слѣдующими стихами:

«Одна насъ тревожитъ идея печальная,
Разлука съ тобою ... но нѣтъ!
Ты насъ не покинешь, игра идеальная,
Прекрасно — высокій сюжетъ!»

Другой поэтъ обращается къ г-жѣ Кравченковой съ слѣдующими вопросами:

Отколь ты, дѣва, прилетѣла,
Гдѣ родилась ты, гдѣ выросла?

потомъ, желаетъ знать: кому она обязана своею жизнію, красотѣ или граціямъ, и наконецъ, обращается къ ея совершенствамъ:

«Какая гибкость, тонкость, знанье,
Какой могучій тонъ царицъ!
Вездѣ самъ геній и призванье,
Отъ героинь и до дѣвицъ».

Но, обращаемся къ послѣднему стихотворенію, которое, если не щеголяетъ претензіями на поэзію, зато интересуется своею благородною простотою и отсутствіемъ всякой вычурности. Авторъ этого стихотворенія, какъ самъ рассказывалъ, много видѣлъ, испыталъ, обстрѣленъ въ дѣлахъ съ врагомъ, видѣлъ десятки провинціальныхъ сценъ, и хорошо изучилъ таланты сценъ столичныхъ. Прочтя его стихотвореніе (которое выписываемъ почти цѣликомъ, ниже), невольно начинаемъ вѣрить въ талантъ г-жи Кравченковой.

... Уже двѣнадцать лѣтъ
Какъ я смотрю игру артистовъ разныхъ:
Не разъ при ихъ игрѣ смѣялся и рыдалъ ...
За ихъ игру, къ ногамъ прекрасныхъ
Стихи, цвѣты неразъ бросалъ

Пропускаемъ описаніе того, гдѣ и что видѣлъ авторъ. Затѣмъ, онъ говоритъ:

Увидя васъ на сценѣ Кишенева,
Невольно вспомнилъ я бывше вечера;
Глядя на васъ, какъ будто вижу снова
Игру Асѣнковой ... Но кончить мнѣ порѣ.
Прошу принять глубокое почтенье
Таланту вашему ... Спасибо и поклонъ,
Зато-что въ бездну наслажденья
Создать и инвалидъ бѣлъ вами погруженъ.

Все это очень хорошо ... Стихи, букеты, подарки, очень лестная награда таланту. Но, совершенно радуясь за наслажденія кишневскаго театра, мы отъ души совѣтовали-бы пламеннымъ цѣнителямъ способностей молодой актрисы, помнить весьма дѣльное, въ этомъ случаѣ, правило: сначала меньше похвалъ, — больше успѣховъ и наслажденій въ будущемъ!

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА. отъ 8/20 апрѣля.

Запоздало нѣсколько нынѣшнее письмо о парижскихъ новостяхъ сцены и сценическаго дѣла; новостей такъ много въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, что не знаешь, съ чего начать... Драматическая литература со дня на день больше получаетъ развитія и значенія, такъ что для нея и для искусства, очевидно, наступилъ новый періодъ, новое призваніе, болѣе обширное, чѣмъ когда нибудь. Давно ли, все даровитое въ литературѣ служило обществу почти исключительно въ повѣсти и романѣ; а теперь, что во Франціи уцѣлѣло талантливаго и лучшаго, выбираетъ театръ поприщемъ дѣятельности. Слышно, у васъ, въ Петербургѣ отзывается такой же поворотъ литературы: въ добрый часъ! Минуя покуда общіе интересы, есть съ чѣмъ поздравить и Пантеонъ: для него, отъ рожденія назначеннаго служить драматическому дѣлу по-преимуществу, также должна, казалось бы, настать новая роль. Однако, заговорился... и то сказать, вѣдь вы ждете отъ меня отчета о парижскихъ новостяхъ, а не о русскихъ, которыя вамъ извѣстнѣе моего.

Принимаю въ своемъ отчетѣ порядокъ хронологическій: прошедшему первое мѣсто. Умеръ здѣсь, во-первыхъ, Эдмондъ Севестъ, директоръ театра Національной Оперы, отъ удара апоплексіи. Если не для другихъ, то для него самого, кончина была тѣмъ прискорбнѣе, что онъ начиналъ было пожинать плоды своихъ трудовъ и усилій въ пользу театра, можно сказать, созданнаго имъ. Человѣкъ двадцать хлопотали о привилегіи на директорство театра, въ томъ числѣ Дюпрэ, бывшій славный пѣвецъ Большой Оперы, нынѣ композиторъ. Но министру, какъ ни дороги интересы искусства, еще ближе къ сердцу тѣ начала, которыя нынѣ безусловно въ модѣ

у насъ: въ силу-то ихъ, привиллегія дана брату покойнаго, Жюлю Севесту. Впрочемъ, дѣло не проигрываетъ много: г. Жюль Севестъ давнишній усердный сотрудникъ своего покойнаго брата.—Вторая замѣчательная смерть — ветерана драматической литературы, бывшаго нѣкогда директора театра Сенъ-Мартенскихъ воротъ, Мерля. Кончину его, несомнѣнно, ускорила довольно серьезная печаль по женѣ, извѣстной артисткѣ Дорваль. Старшина драматическихъ фельетонистовъ и самъ драматическій писатель, Мерль родился въ Монпельѣ, 16 іюня 1785 года. Въ 1803 году, пріѣхалъ онъ въ Парижъ съ своимъ дядею, Альбиссономъ, въ то время членомъ трибуната. Нѣсколько времени служилъ въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ; потомъ, въ 1808 году, отправился при генеральномъ штабѣ французской арміи въ Испанію: тамъ онъ познакомился съ языкомъ и литературою пиринейскихъ сосѣдей. Скоро возвратясь во Францію, Мерль увлекся горячимъ призваніемъ къ театру. Страсть его ободрили многочисленные успѣхи на сценахъ театровъ Водевила и Разнообразія. Въ то же время, онъ усердно сотрудничалъ въ разныхъ журналахъ, *le Mercure*, *la Gazette de France*, *la Quotidienne*. Съ 1822 по 1826 годъ, онъ управлялъ театромъ Сенъ-Мартенскихъ воротъ. Сотрудничество въ пьесахъ съ Жуп, Бразьѣ, Ружмономъ, Дюмерсаномъ, не заслоняло таланта Мерля, ограниченнаго, но самостоятельнаго. Лучшее въ его пьесахъ, естественность и острота, *le piquant*, разговора. Написавъ до сотни болѣе или менѣе порядочныхъ пьесокъ, и состоявъ четыре года въ званіи директора, онъ посвятилъ себя исключительно драматической критикѣ и постоянно былъ, почти до самой кончины, фельетонистомъ *la Quotidienne* (нынѣшней *l'Union*). Критикъ въ немъ пережилъ во всѣхъ отношеніяхъ водевилиста. Разумѣется, похороны его были довольно торжественныя: въ Парижѣ за этимъ дѣло не станетъ. Жюль-Жаненъ сказалъ маленькую рѣчь отъ своего лица, Камилль Дусѣ рѣчь отъ имени общества драматическихъ авторовъ и композиторовъ, Лео Леснѣ нѣсколько словъ отъ лица общества литераторовъ. Кажется, жизнь покойника была довольно дѣятельная: представьте же, что онъ былъ лѣнтяй, какихъ мало; работа была для него сущимъ наказаніемъ. Даже, захворавъ въ послѣдній разъ, онъ твердилъ: «Ну, слава Богу, что я болѣнъ; нельзя работать и можно не работать. Теперь я счастливѣйшій человекъ; умомъ еще владѣю, могу видѣть, пить и ѣсть; маленькое страданіе теряется въ общемъ моемъ счастіи.» Одинъ пріятель возразилъ, что однако счастіе это вѣдь конецъ всему, что онъ любилъ. Мерль отвѣчалъ: «ахъ, оно ужъ больше докучало мнѣ, чѣмъ тѣшило.» Какъ видите, умеръ во-время. Другая рѣзкая черта покойника, безпечность и

безпорядокъ въ домашнихъ дѣлахъ. Деньги у него водились плохо: тотчасъ превращались то въ дорогія вещицы, то въ картины, то въ щегольскія мебели. Этой слабостью ловко пользовался одинъ изъ знакомцовъ Мерля, который подъ чужимъ именемъ давалъ ему деньги въ займы. Приходило къ расплатѣ: вмѣсто денегъ, на выгодныхъ для кредитора условіяхъ, должникъ уступалъ какія-нибудь изъ своихъ вещей. Мерль долго не подозрѣвалъ этого, потому-что никогда не бывалъ въ домѣ услужливаго пріятеля; наконецъ, провѣдалъ о томъ отъ другихъ обязательныхъ пріятелей, написалъ на корыстнаго друга пару эпиграммъ и продолжалъ съ нимъ все тѣже отношенія. Чтобъ ужъ полно было воспоминаніе объ умершемъ, вотъ вамъ названія его лучшихъ пьесъ, имѣвшихъ болѣе прочности на сценѣ: *Le Monstre*, *Le Borgmestre de Saardam*, *Préville et Taconnet*, *Le Lavetier et le Financier*, *Tout pour l'enseigne*, *Le Code et l'Amour*, *Quinze ans d'absence*, *La Carte à payer*, *La Laitière Suisse*, *Le Tailleur de Jean-Jacques Rousseau*, *Le Ci-devant jeune homme* ... Вѣроятно, петербургская публика многими изъ нихъ забавлялась въ свое время.

А вотъ вамъ сплетня закулиснаго міра, въ нѣкоторомъ смыслѣ поучительная. Помните, въ прошедшемъ мѣсяцѣ, тогдашнюю новинку Пале-Рояльскаго театра, *las Dansoras espagnolas*? Та пустыньская пьеса, въ которой дирекція заставила танцовать свою пресловутую танцовку, мамзель Скриванекъ, сдѣлалась поводомъ къ процессу актрисы съ директоромъ. Директоръ требовалъ судебнымъ порядкомъ, чтобъ актриса продолжала играть въ пьесѣ, какъ играла въ первое представленіе, а не отказывалась, какъ она сдѣлала со втораго представленія. Танцовщица подала на директора жалобу, что онъ нарушилъ контрактъ, оскорбилъ ея достоинство артистки, заставивъ играть сверхкомплектную роль и проч. Она требовала уничтоженія контракта; но въ первой инстанціи, въ Коммерческомъ Судѣ, получила отказъ. Но актриса перенесла дѣло на рѣшеніе высшей инстанціи. Виновата вышла дирекція: Апелляціонный Судъ приговорилъ ее къ пени и къ удовлетворенію требованій мамзель Скриванекъ. — Знаменитый Бокажъ, состоявшій вторично директоромъ театра Одеона (съ апрѣля 1848 года), окончилъ свой процессъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Поводъ и содержаніе процесса слѣдующіе. Назначеніе Бокажа было на три года, съ ежегоднымъ вспоможеніемъ театру въ 100,000 франковъ. 27 іюля 1850 года, министръ призналъ за благо отнять у директора его привилегію, за разныя-де неисправности, даровые спектакли, безденежную раздачу билетовъ, цѣною въ 1 франкъ, воспитанникамъ Политехнической Школы, и т. д. Послѣ долгой тяжбы, въ которой ходатаемъ Бокажа былъ г. Мартенъ (Страсбург-

скій), членъ государственнаго совѣта, рѣшеніе президента республики не оправдало ни Бокажа, ни министерства : обѣ стороны вышли виноваты. Словомъ, очень похоже на извѣстный судъ капитанши въ повѣсти Пушкина.

Все это присказка: пора за самую сказку. По принятому у васъ порядку, начинаю съ пѣвучихъ произведеній. А знаете ли, что этотъ порядокъ теперь беззаконіе, по новому французскому постановленію? Вотъ, какъ указываетъ новѣйшее предписаніе префекта полиціи, публиковать афиши, въ предписанномъ порядкѣ. Опера, Французскій театръ, Комическая Опера, Итальянскій театръ, Одеонъ, Національная Опера, театръ Водевиля, Разнообразія, Гимназіи, Палерояльскій, Сень-Мартенскихъ воротъ, Веселости, Смѣси, Національный театръ, Драматическихъ шутокъ, Отдохновенія, Люксембургскій, Фюанбюловъ, Лазари, Бомаршѣ, Сень-Марселя. Циркамъ и прочимъ мѣстамъ публичныхъ увеселеній, для публикацій, назначенъ свой порядокъ.

Новая опера явилась только на третьемъ лирическомъ театрѣ, какъ его здѣсь называютъ или на театрѣ Національной Оперы, какъ будетъ проще и яснѣе. Новость называется «Хуанита» (Joanita), опера въ трехъ дѣйствіяхъ, слова соч. гг. *Эдуарда Дюпрѣ* и *Опшелята*, музыка соч. г. *Жильбера Дюпрѣ*.

Въ первый разъ, эта опера дана въ Брюсселѣ, прошлаго года, подъ названіемъ «*Пропасть Маладетты*». Единогласныя похвалы встрѣтили въ Бельгіи произведеніе знаменитаго пѣвца. Парижъ теперь подтвердилъ своимъ свидѣтельствомъ блистательный успѣхъ Дюпрѣ : композиторъ занялъ довольно почетное мѣсто между современными музыкальными авторами. — Либретто оперы переведено съ итальянскаго и передѣлано для французской сцены братомъ композитора, въ сотрудничествѣ нѣкоего г-на Опшелята. Дѣло тутъ самое запутанное, вся басня пьесы довольно неправдоподобна, но исполнена весьма драматическихъ положеній. Для музыки очень хорошая рама, которую Дюпрѣ наполнилъ замѣчательно удачно. Нельзя назвать его оперу чудомъ изобрѣтенія и стilia; но въ ней достаточно мелодіи и идей. Отдѣлка речитатива показываетъ ту полноту и грандіозность, которыми Дюпрѣ всегда щеголялъ, какъ пѣвецъ. Лучшее въ его композиціи искусная арранжировка и короткое знакомство съ приемами искусства. Инструментовка блестящая, исполненная эффектовъ; голоса хорошо написаны и хорошо расположены. Упрекнуть больше всего можно композитора за излишнее изобиліе гармоніи и модуляцій, размноженныхъ до неестественности, — недостатокъ, которымъ отличаются многіе неопытные композиторы. Слушателю становится

трудно слѣдить за нимъ по его изысканнымъ лабиринтамъ звуковъ. Въ первомъ дѣйствіи, особенно хороша молитва на *gé bémol*, которой всѣ кадансы вторятся отдаленнымъ эхомъ, съ большимъ эффектомъ. Прекрасенъ также дуэтъ *пѣсни соловья*. Далѣе, можно назвать музыкальнымъ перломъ испанскую пѣсенку съ акомпаниментомъ хора силлабическими нотами, пѣтую на сценѣ дѣвицею Каролиною Дюпрэ. Этой пѣвицѣ и пѣвцу Дюпрэ, въ двухъ главныхъ роляхъ, опера обязана своимъ блистательнымъ успѣхомъ по-преимуществу. Простуда помѣшала Пультье (*Poultier*), въ роли де-Бонгара, вложить свою долю въ успѣхъ перваго представленія.

Большая Опера занималась больше всего исполненіемъ Мейерберова «Пророка»; Итальянская классическими твореніями Россини; Комическая Опера текущими новостями, какъ «Звонарь Брюгге», о которыхъ говорено въ свое время. Новаго по части оперы пока нѣтъ больше.

Французскій театръ, послѣ драмы Ожэ, также не давалъ ничего новаго. Есть новость на второмъ французскомъ театрѣ или Одеонѣ: Пять минутъ командора (*Les cinq minutes du commandeur*), драма въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ, сочиненіе г. *Леона Гозлана*:

Прежде нежели приступимъ къ разбору пьесы, познакомимся съ командоромъ и братомъ его маркизомъ, Фердинандомъ и Эдуардомъ де-Бомени. Они отрасли знатной фамиліи. Дѣйствіе во времена регентства. Старшій братъ, Эдуардъ, наслѣдовалъ титулъ и богатство предковъ; Фердинанду досталась только имя. Судьба, у которой свои правила дѣйствій, дала силу и умъ младшему брату, а маркизъ, обязанный поддерживать честь фамиліи Бомени, бѣдное больное существо, въ тридцать лѣтъ все еще дитя, котораго слабость ищетъ покровительства въ нѣжности и преданности младшаго брата. — Въ первомъ дѣйствіи, мы въ домѣ де-Канильи, которому Регентъ ввѣрилъ важную должность въ Арденской провинціи, и который тѣмъ не менѣе оказывается неблгодарнымъ къ герцогу Орлеанскому. У де-Канильи есть дочь. Изъ политическихъ видовъ, онъ помолвилъ ее за Рауля де-Марскрѣ, сына одного беарнскаго дворянина, который помогаетъ ему въ темныхъ умыслахъ. Но сердце Маріи уже отдано: она любитъ командора, Фердинанда де-Бомени. Чтобы сдѣлаться достойнымъ ея руки, Фердинандъ хочетъ добыть богатство и славу. Онъ вступаетъ въ службу германскаго императора и ѣдетъ сражаться съ Турками подъ Бѣлградъ. Маркизъ Эдуардъ де-Бомени также любитъ мадамозель де-Канильи. Онъ любитъ ее, слѣдовательно она должна любить его. Недалній умъ его не понимаетъ, что дѣло можетъ быть иначе. Маркизъ рѣшился жениться на Маріи, и вмѣсто свадебнаго по-

дарка предлагаетъ ей великолѣпныя палаты, гдѣ на всѣхъ обояхъ стоятъ раззолоченныя шифры Бомери и Канильи. Въ честь невѣсты, даетъ онъ роскошный праздникъ. Но Марія, вѣрная командору, отказывается отъ руки его брата. Замыслы де-Канильи и де-Марскрѣ открыты правительствомъ. Горькая участь ожидаетъ отца Маріи, если въ нѣсколько дней не промыслитъ она ему триста тысячъ ливровъ, чтобъ заплатить тюремщикамъ. Дѣтская любовь беретъ верхъ: Марія готова сама предложить свою руку отвергнутому богачу-маркизу, когда является командоръ. Тутъ, у нея уже нѣтъ силы принести жертву, на которую она было рѣшилась. Между тѣмъ, Эдуардъ не перенесъ отказа Маріи. Онъ уѣхалъ въ старый фамильный замокъ, который велѣлъ убрать согласно съ состояніемъ своей души. Стѣны черныя, мебели черныя, ковры черныя: вездѣ только надгробныя камни, похоронныя канделябры и печальные орнаменты. Фердинандъ съ Марією являются къ маркизу, чтобы извлечь его изъ этой могилы, куда онъ схоронилъ себя за-живо. Эдуардъ не хочетъ ничего слушать, желаетъ умереть, боится, что, возвратясь въ свѣтъ, увидитъ Марію въ объятіяхъ другого. Фердинандъ, пересиливъ себя, беретъ руку брата и кладетъ ее въ руку Маріи. Занавѣсъ падаетъ на скорбномъ жилищѣ Эдуарда; а подымается надъ веселымъ селеніемъ Италіи. Передъ нами, свадьба Біанки и Стефано, двухъ дѣтей природы, которыя любятъ другъ друга и которыхъ союзъ только что благословилъ служитель алтаря. Свадебные гости весело распѣваютъ: тутъ всѣ счастливы. Фердинандъ и Марія, сдѣлавшаяся маркизою де-Бомери, на проѣздѣ во Флоренцію, куда отправляются для совѣщаній съ знаменитымъ врачомъ о здоровьѣ того, кому пожертвовали своимъ счастіемъ, — ищутъ гостепріимства у молодыхъ супруговъ, пока будетъ починиваться ихъ сломавшійся берлинъ. Они слышатъ, какъ импровизаторъ въ стихахъ своихъ славить счастье тѣхъ, чье сердце растворяется для любви, и оплакиваетъ скорбь тѣхъ, которыхъ сердце также разбилося отъ любви. Настаетъ ночь, свадьба удаляется съ своими пѣснями. Біанка и Стефано уходятъ и оставляютъ Фердинанда съ Марією однихъ. Звѣзды сіютъ на небѣ, свѣтлыя червячки на деревьяхъ, вѣтеръ, шелестя листьями, доноситъ припѣвъ поселянъ: «Любите, любите!» Фердинандъ пользуется обстоятельствами для страстнаго объясненія, но Марія сильнымъ, благороднымъ словомъ призываетъ его къ долгу. — Воротимся въ Парижъ, въ фойѣ Итальянскаго театра. Марія де-Канильи, маркиза де-Бомери, удостоена милостей короля. Рауль де-Марскрѣ, именемъ отца ея, павшаго на эшафотѣ, является за своей долей милостей. Марія отказалась принять его у себя: онъ пришелъ видѣть ее «въ свѣтъ». Онъ сдѣлалъ ей дерзость, среди полной залы спектакля. Маркизь,

подстрекнутый командоромъ, вызываетъ Рауля, и тотъ принимаетъ вызовы двухъ братьевъ. — Поединокъ начинается между Раулемъ и Эдуардомъ. Маркизь раненъ. Командоръ заступаетъ его мѣсто и пораженъ пулею въ грудь. При видѣ братниной крови, Эдуардъ покидаетъ свою дѣтскую робость, вынимаетъ шпагу; но борьба неравна и онъ падаетъ мертвый подлѣ командора. Марія узнаетъ объ окончаніи дуэли, и Рауль, сдѣлавшій ее вдовою, является требовать осуществленія плановъ союза, составленныхъ когда-то ихъ родителями. Но командоръ не умеръ. По условіямъ дуэли, бой прекращался только смертью одного изъ бойцовъ, а кто ранилъ другого, тотъ долженъ былъ выдержать выстрѣлъ противника, давъ ему *пять минутъ* скрока прійти въ память. Рауль не прождалъ пяти минутъ на мѣстѣ поединка, послѣ того какъ поразилъ обоихъ братьевъ, и командоръ, съ пистолетомъ въ рукѣ, является за жизнью противника. Маркиза кидается между ними и великодушно спасаетъ Рауля.

Драма, какъ болѣе или менѣе всѣ драмы Леона Гозлана, полна сценическихъ эффектовъ, она имѣла значительный успѣхъ и составила собою важное событіе нынѣшняго сезона, на театрѣ Одеона. Распространяться объ игрѣ актеровъ, совершенно неизвѣстныхъ русской публикѣ, было бы или слишкомъ подробно и длинно, или слишкомъ бесполезно. Лучше скажемъ пару словъ объ игрѣ тѣхъ актеровъ, которыхъ Петербургъ помнитъ по Михайловской сценѣ, — тамъ, гдѣ они встрѣтятся, какъ, напримѣръ, въ слѣдующей пьесѣ театра Драматической Гимназіи, которая навѣрно сдѣлается одной изъ любимыхъ пьесъ вашего Михайловскаго репертуара. Это новое произведеніе пера опытнаго и знаменитаго, именно:

Вакансіи Пандольфа. (*Les Vacances de Pandolphe*), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Жоржа Занда*.

Славная романистка вздумала позабавиться отъ серьезныхъ трудовъ и написала эту миленькую шутку, гдѣ прекрасно оживлены типы старинной итальянской комедіи. Нѣтъ ничего граціознѣе картины перваго дѣйствія, которая представляетъ небольшую виллу доктора Пандольфа. Старикъ-докторъ безъ ума отъ своей виллы въ Рекоаро, селеніи близъ Бассано. Онъ влюбленъ въ свою липу, которая лучшее дерево на свѣтѣ, потому-что оно его собственное. Старикъ надѣется провести тамъ, вдали отъ шума и кліэнтовъ, свои вакансіи, мечтая на-воль, сидя подъ тѣнью липы, завтракая въ своемъ садикѣ, съ услугами вѣрной старухи Маринетты. Но добрякъ рассчитывалъ, забывъ, что у него есть моло-

дой слуга Педролино, есть Виолетта, свѣжая и смазливая крестница Маринетты, что есть на-свѣтъ мосьё Леандръ съ плутомъ-слугою Паскариелемъ. Паскариэль выкинулъ штуку своего ремесла. Онъ перѣзжалъ въ лодкѣ Brentu, при маркизѣ Сбруфанелли и его семействѣ. Лодка тонетъ, все погибаетъ, а пройдоха Паскариэль спасается вплавь, и спасаетъ съ собою маркизовъ чемоданъ, въ которомъ спрятано слишкомъ десять тысячъ франковъ. Во время такой проделки, Паскариэль служилъ въ камердинерахъ у поддѣльнаго маркиза, потому-что векорѣ обнаружится, что Сбруфанелли родной дядя миленькой и наивной Виолетты. Докторъ улыбается, глядя на простосердечную любовь Виолетты и Педролино; принимаетъ участіе въ этой молодежи и хочетъ ихъ женить. Но Виолетта, потерявшая дядю, уже разбогатѣла, и старуха Маринетта не хочетъ и слышать о Педролино. Старуха съ-честолюбіемъ, и готова предпочесть Леандра, названнаго маркиза, повѣсу, у котораго куча долговъ и уже ни на грошъ кредита. Докторъ-же стоитъ за Педролино; предстоитъ вопросъ, каково именно наследство, которое досталось Виолеттѣ. Все они, докторъ, Виолетта, Педролино и Маринетта, ѣдутъ на виллу Сбруфанелли. Прибытіе Виолетты въ домъ маркиза важное событіе. Тамъ находимъ новыя лица. Во-первыхъ, мадамъ Изабелла, блестящая и разубранная, бывшая любимица наследника фамиліи: она осыпаетъ ласками и любезностями молодую наследницу. При мадамъ Изабеллѣ, состоитъ Коломбина, ея служанка, плутовка подѣ-стать Паскариэлю. Вотъ, Изабелла, Коломбина, Леандръ и Паскариэль составляютъ ловко придуманный заговоръ. Надо устроить дѣло такъ, чтобы Леандръ женился на Виолеттѣ: такимъ способомъ, всемъ достанется своя доля въ богатствѣ послѣ покойника. Но Виолетта всей душою любитъ Педролино. Она богата, такъ чтоже? съ Педролино она раздѣлитъ богатство. Слѣдуетъ прехорошенькая сцена. Докторъ сидитъ на лужайкѣ, а Виолетта съ Педролино поютъ очень милую любовную пѣсенку. — Мадамъ Изабелла и тутъ находится: напускаетъ Коломбину на Педролино. Коломбина преслѣдуетъ его взглядами, любезностями, улыбками; опутываетъ его, обольщаетъ, увлекаетъ; все напрасно; простодушный Педролино переноситъ все искушенія. Коломбина, для послѣдняго удара, цѣлуетъ его. Педролино и тутъ не падаетъ, но Виолетта видѣла поцѣлуй и ревность проникаетъ въ ея простое и чистое сердце. Педролино хочетъ оправдаться; она его не слушаетъ. Сцена отчаянія Педролино прекрасна. Виолетта разлюбила его, жизнь для него несносна, остается утопиться въ прудѣ. Когда онъ собирается кинуться въ воду, его видитъ докторъ Пандольфъ. Старикъ хватаетъ ружье, прицѣливается въ Педролино, и кричитъ ему: «Если

ты будешь топиться, я тебя застрѣлю». Педролино, перепуганный, падаетъ къ ногамъ доктора, и тотъ утѣшаетъ его. — Есть тутъ еще одно лицо, нотариусъ Джероламо: забавный человекъ, страстный охотникъ до пѣсенъ; онъ сочиняетъ пѣсни, и перечитывая свои акты, весело напѣваетъ ихъ то-и-дѣло. Изабелла прельстила нотариуса, сдѣлала его участникомъ своихъ интересовъ и орудіемъ своихъ затѣй. Чтобы Виолеттѣ войти во владѣніе наслѣдствомъ, нужна извѣстная формальность: надо, чтобъ она расписалась въ полученіи наслѣдства. Мадамъ Изабелла съ товарищами накупили разныхъ долговыхъ обязательствъ на покойнаго маркиза: Виолетта не въ состояніи сдѣлать уплату, и кредиторы овладѣютъ виллою Сбруфанелли. Точно, Виолетта расписывается. Каково же удивленіе и огорченіе добраго доктора, который запретилъ Виолеттѣ подписывать какой бы то ни было актъ! Но это ничего, что Виолетта подписала: она расписалась не на актѣ наслѣдства, а на пѣсенкѣ сочиненія нотариуса, которую этотъ дѣловой человекъ начерталъ на актовой бумагѣ. Четверо соумышленниковъ выходятъ изъ-себя отъ досады; а правосудіе является потребовать у нихъ отчета въ десяти тысячахъ франковъ, которые они украли. Виолетта отрекается отъ наслѣдства, прощаетъ Педролино, и даритъ ему горячій поцѣлуй. «Этотъ поцѣлуй, говоритъ молодой человекъ, смываетъ ядъ Колумбины». Докторъ даетъ Виолеттѣ приданое для замужства съ Педролино, и возвращается съ двумя молодыми людьми и старухой Маринеттою къ себѣ, въ селеніе Рекоаро, гдѣ надѣется спокойно дожить вакансіи.

Почти нечего прибавлять, что новая пьеска автора «*Франсоа-Найденыша*» и «*Викторины*» увѣнчалась отличнымъ успѣхомъ: давно прошли тѣ годы, когда «*Козима или ненависть въ любви*» хлопнулась на сценѣ со всѣхъ ногъ. Куплеты положены на музыку даровитымъ Куде (Coudet) и очень милы. Вашъ старый знакомецъ, Брессанъ, и мадамъ Роза Шери (Педролино и Виолетта) мало оставляютъ желать автору на-счетъ исполненія. Справедливость требуетъ прибавить, что вообще труппа Гимназіи составлена на-славу: Ньюма — въ Пандольфѣ, Дююи — въ Паскаріэлѣ, Лесюэръ — въ нотариусѣ, мамзель Фижакъ — въ Колумбинѣ, одинъ лучше другого. Если можно сдѣлать серьезный упрекъ, то развѣ Лафонтену — въ роли Леандра: онъ немного утрировалъ свой характеръ. — Костюмы принадлежатъ изобрѣтательности г. Ваттô и г. Мориса Дюдевана, сына автора.

Помните, въ прошломъ мѣсяцѣ, пьесу Дюма-сына, надѣлавшую здѣсь фигуго и выкроенную изъ его же романа, въ которомъ онъ идеализировалъ, какъ умѣлъ, жизнь Маргариты Готье, извѣстной всему Парижу. Теперь, «*Дама съ камеліями*» удостоилась чести пародіи, чести, небы-

валою со временъ «Бургграфовъ» Виктора Гюгó. Братья *Коньяры* и г. *Буржуа* смастерили, на театрѣ Драматическихъ Шутокъ (*Folies Dramatiques*), «Даму съ кобелями» (*La Dame aux cobéas*), пародія въ трехъ дѣйствіяхъ. — Пародія написана отнюдь не съ враждебной цѣлью и не заключаетъ ничего оскорбительнаго для великой эфемериды г. Дюма-сына: вся цѣль и вся задача авторовъ позабавить публику безобиднымъ для всѣхъ образомъ. — Это фарсъ, довольно глупый, правда, но смѣшной — и только.

Театръ Водевиля, довольствуясь удачами прошлаго мѣсяца, не произвелъ покуда ничего новаго. На театрѣ Веселости, явился «Капитанъ Клеръ-де-Люнь» (*Le capitaine Clair-de-Lune*), пьеса въ одномъ дѣйствіи, сочиненія гг. *Альфонса Бро* и *Эжена Юса*, съ музыкой г. *Манжана*. — Отчаянный морякъ этотъ капитанъ Клеръ-де-Люнь! съ своей курткой кровянаго цвѣта, съ арсеналомъ пистолетовъ и тромблонновъ, заряженныхъ по самое дуло. Но, успокойтесь: капитанъ не такъ свирѣпъ, какъ съ перваго взгляда кажется; морякъ, котораго вы видите на борту трехъ-мачтоваго судна, стоящаго на рейдѣ театра Веселости, просто храбрый лейтенантъ императорскаго французскаго флота, Христіанъ де-Шавнэ, который съ истинно рыцарскою готовностью служить на-пользу туалета придворныхъ дамъ императрицы Жозефины. Заламаншскіе непріатели владѣютъ большими диковинками въ видѣ кружевъ и шелковыхъ матерій, и Христіанъ, съ опасностью жизни, завоевываетъ эти вещи для туалета прекрасныхъ дамъ. Однакожь, кому-слѣдуетъ, замѣтили присутствіе корсара, и мессиръ Ангеранъ Бурделенъ, морской комиссаръ въ Гранвилѣ, присланъ отъ адмиралтейства освидѣтельствовать судно капитана Клеръ-де-Люна. Но какъ помянутый Шавнэ самый безобидный изъ всѣхъ мародеровъ, и кромѣ того хорошій, веселый товарищъ, то онъ принимаетъ ласково г-на Бурделена, который не безъ трепета явился исполнить адмиралтейскій приказъ. На чудака Бурделена нападаютъ, во-первыхъ, такой-же чудакъ поваръ, а во-вторыхъ, молоденькая женщина, переодѣтая въ юнгу. Какъ-бы то ни было, послѣ разныхъ недоумѣній и недоразумѣній, Бурделенъ узнаетъ истину, то есть, что Христіанъ добрый и честный молодой человекъ. Но вотъ вамъ и оборотъ медали: Христіанъ приглянулся хорошенькой Габріэли; она была для комиссара только невѣстою, а Христіану становится женою. Водевиль безъ претензій, съ двумя-тремя недурными аріями капельмейстера театра *Gaité*, — такъ, для поднятія занавѣса, на очередную смѣну пьескамъ *Loge du Portier* и *Fille de Frétilon*.

Наконецъ, послѣ долгаго и безмятежнаго сна, Комическія Отдохновенія (*Délassemens Comiques*) пробудились: театръ поставилъ новую

пьесу — Люсеттины фиалки (*Les Violettes de Lucette*), водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, сочинія гг. *Дютертра* и *Теодора Неселя* ... Люсетта хорошенькая букетчица, блондинка, добродѣтельная, певинная, сиротка отъ рожденія. Но добродѣтель никогда не остается безъ награды: у Люсетты отыскиваются родители, да еще какіе! Отець ея ни больше ни меньше, какъ богатый англичанинъ. Люсетта рассказываетъ одному слѣпцу, дядѣ Матьё, что любить мосьё Альбера, прекрасно завитаго молодаго музыканта. Но Альберъ уѣзжаетъ въ Римъ: передъ отъѣздомъ, однакожь, по убѣжденію Англичанина, онъ женится на букетчицѣ. Англичанинъ окружаетъ Люсетту всевозможными попеченіями, воспитываетъ ее, образуетъ: очевидно, англичанинъ — ея отецъ. Надо, однакожь, развязку пьесы: по этому уваженію, англичанинъ только подъ конецъ втораго дѣйствія открываетъ, почему онъ потерялъ дочь еще въ ея дѣтствѣ. Альберъ пріѣзжаетъ изъ Рима съ ложными понятіями объ отношеніяхъ Люсетты къ англичанину и очень неумѣстно прикидывается безумнымъ. Наконецъ, онъ узнаетъ тайну рожденія своей супруги, падаетъ къ ея ногамъ: за такую любезность, за лестное безуміе и за красивую прическу, Люсетта даритъ ему букетъ фиалокъ. Вотъ и все!

Не похвастають, такой назидательностію остроумныя пьески Пале-Рояльскаго театра. Одна изъ нихъ, которую публика провожала громкими рукоплесканіями, принадлежитъ г-мъ *Мельвилю* и *Ксавье*, и называется водевилемъ въ одномъ дѣйствіи, «Страсть съ ванилью» (*Une Passion à la vanille*). Прикащикъ помадной лавки, Стефанъ, безъ памяти влюбленъ въ молоденькую Анріэтту, которая съ своей стороны любитъ его безъ ума. Черная туча возшла надъ ихъ любовью; во время размолвки, Стефанъ находится въ поѣздѣ по дѣламъ своего дяди, оптоваго помаднаго торговца, у котораго служитъ въ прикащикахъ. Съ досады на отсутствіе и на молчаніе Стефана, которымъ конца не видать, Анріэтта принимаетъ брачное предложеніе мосьё Водорé, по настоянію матери своей, мадамъ Бидó, которая торопится пристроить дочь, имѣя сама виды на вторичное замужество. Водорé не иной кто, какъ родной дядя отсутствующаго Стефана. Можете вообразить, какъ племянникъ огорченъ, по возвращеніи; но ни за что не вообразить вамъ тѣхъ разныхъ стратагемъ, которыя пускаетъ въ ходъ этотъ Фигарó-Жокрисъ, чтобы помѣшать свадьбѣ своего дяди, собирающагося подписать брачный контрактъ въ тотъ-же самый день. Въ числѣ прочихъ отчаянныхъ мѣръ, Стефанъ выдумалъ ухаживать за мадамъ Бидó. По несчастію, какъ самъ онъ потомъ убѣждается, онъ простеръ свою уловку за предѣлы благоразумія, и мадамъ Бидó приняла дѣло до того въ

серьезную сторону, что намѣрена сыграть свою свадьбу немедленно, очень охотно откладывая до другого времени свадьбу дочери. Только отерочка этого послѣдняго брака пріятна Стефану. Надо видѣть, какъ онъ журить за безразсудные планы своего дядю, которому готовъ сдѣлаться тестемъ; надо слышать, какъ Равель (Стефанъ) толкуетъ Сенвиллю (Водорѣ), что за странную путаницу родства произведетъ ихъ двойной бракъ съ однимъ и тѣмъ-же семействомъ! Но сколько онъ ни толкуетъ, дядя твердо рѣшился жениться, и Анриэтта, все больше и больше негодующая на Стефана, не беретъ назадъ даннаго согласія. Къ счастью бѣднаго Стефана, подъ конецъ все улаживаетъ благополучно пѣніемъ. Другой водевиль того-же театра, въ одномъ — же дѣйствіи, гг. *Лабиса* и *Марка Мишеля*, «Мама Сабулѣ» (Maman Sabouleux), также забавная пьеска, особенно при игрѣ Грассо, Гизсента и молодой артистки, Селены Монталанъ. Сабулѣ (Грассо) въ кормилицахъ! Вещь сама по себѣ уже забавная. Что-жъ довело несчастнаго до этого положенія? Увы! жадность, корысть, и также отсутствіе жены. Сабулѣ былъ барабанщикомъ національной гвардіи своего селенія, и не помышлялъ ни о чемъ худомъ. Этому — то именно похвальному качеству обязанъ онъ предпочтеніемъ, какое г. меръ оказалъ его женѣ, выбравъ ее въ кормилицы для одного парижскаго богача, который просилъ о томъ муниципальное начальство. Пока кормилецъ ѣздилъ въ Парижъ за питомцемъ, жена его исчезла изъ дому. Возвратясь дому. Сабулѣ очутился въ двойномъ затрудненіи: онъ привезъ не только внучку богатаго человѣка, но еще найденьша, котораго навязали ему на руки дорогою; обоихъ младенцевъ надо кормить, а кормилицы слѣдъ простыль. Осталась только коза, недавно принесшая козлятъ. Чтобы не упустить выгодъ, которыя сулила ему законная дочка парижскихъ родителей, Сабулѣ затѣялъ выкормить дѣтей молокомъ своей козы, и повелъ дѣло очень удачно. Но что за странное умственное воспитаніе далъ онъ имъ! Употребляя въ свою личную пользу все, что присылалось изъ Парижа для питомицы, и убаюкивая довѣріе родителей письмами, которыя сочинялъ ему мѣстный школьный учитель, онъ просто на-просто обратилъ обоихъ дѣтей въ своихъ слугъ. Черезъ восемь лѣтъ, настаетъ для него воздаяніе. Во-первыхъ, за дѣвочкой являются родители. Они нисколько не восхищены манерами дочки, и требуютъ на-лицо кормилицы, чтобы уличить ее въ безсовѣстности. Грассо (Сабулѣ) передѣвается женщиною, чтобы сыграть роль желаемой кормилицы. Въ этомъ видѣ, мама Сабулѣ надуваетъ родителей, заставляя ихъ гоняться отыскивать другую воображаемую дочку. Тѣмъ временемъ, онъ переодѣваетъ въ мальчика дѣвочку, чтобы доказать

присутствіе мальчика его родителямъ, которые наконецъ рѣшились взять его, заплативъ кормилицѣ долго просроченное жалованье за ея попеченія и труды. Водевиль написанъ преимущественно для дѣвицы Селены Монталанъ: уже не первый водевиль тѣхъ-же авторовъ съ тою-же цѣлью. Весь онъ вертится на переодѣваньи, но очень забавенъ на сценѣ, и, пожалуй, отчасти назидателенъ для парижскихъ нравовъ. Извѣстно, что парижане имѣютъ довольно противоестественный обычай отдавать дѣтей на воспитаніе за-городъ, до извѣстныхъ лѣтъ отрочества. Грассо смѣшить до-нельзя, въ роли мнимой кормилицы.

Театръ Комической Смѣси (Ambigu Comique) произвелъ драму въ пяти дѣйствіяхъ, «Креолка Сара», соч. гг. *Декурселя* и *Жема-сына*.

Что авторъ, то и метода, и писатель всегда заслуживаетъ похвалу, когда слѣдуетъ своей системѣ и когда дѣлаетъ именно то, что хотѣлъ сдѣлать. Одни ищутъ средствъ очарованія въ литературномъ развитіи философской или моральной идеи; другіе, въ рѣдкой изысканности стиля или въ преслѣдованіи новыхъ идей, неизвѣданныхъ характеровъ, оригинальностей всякаго рода; иные наконецъ, нынѣ самые многочисленные, преимущественно изучаютъ причины успѣха, по мѣрѣ какъ видятъ ихъ, и стараются воспроизводить тѣ-же причины, чтобы получать тѣ-же результаты. Искусство ихъ состоитъ въ основательномъ изученіи наклонностей, добродѣтелей, пороковъ, страстей публики, и въ особой сноровкѣ производить симпатическое сотрясеніе той электрической цѣпи, которая превращаетъ во едино существо всѣхъ зрителей, наполняющихъ театральную залу, отъ партера до райка. Г. Декурсель стоитъ въ первомъ ряду молодыхъ писателей, идущихъ нынѣ по этому трудному пути. Началъ онъ на сценѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ драмою *Jenny l'Ouvrière*, а теперь продолжаетъ на сценѣ Комической Смѣси, въ сотрудничествѣ другого молодаго писателя, еще неизвѣстнаго.

Авторы взяли основу, уже испробованную на оселкѣ успѣха. Вспомнили они длинный и прибыльный рядъ представленій «Атаръ-Гюля», драмы Евгенія Сю, и пустились по этой благонадежной дорогѣ. Только ихъ Атаръ-Гюль женщина, съ бѣлымъ тѣломъ и съ черною душою. Сара креолка; вспомните любую изъ нихъ въ романахъ, хоть на-примѣръ въ Парижскихъ Тайнахъ. Ненависть пылаетъ въ ней подъ прелестной наружностью. Сара живетъ у нѣкоего полковника Дермона, который держитъ и любитъ ее наравнѣ съ родной дочерью, Алисою. Но Сара знаетъ, что эти благодѣянія просто долгъ, который платитъ ей полковникъ. Отецъ ея, капитанъ Бланжи, былъ нѣкогда осужденъ на смерть военнымъ судомъ подъ предѣдательствомъ полковника Дермона. Сара поклялась отмстить

за отца, и поддерживается въ этомъ подвигѣ ненависти, любовью къ одному молодому человѣку, влюбленному въ Алису. Жюльенъ богатъ; отецъ не позволяетъ ему жениться на дѣвицѣ Дермонъ, у которой очень посредственное состояніе, и если наконецъ соглашается, то единственно по тому уваженію, что у бѣдной невѣсты оказался богатъ-дядя, находившійся въ Бразиліи. Сара терпѣливо выжидаетъ событій: у ней свои причины думать, что американскій дядюшка не воротится никогда. Въ-самомъ-дѣлѣ, является англичанинъ, о которомъ докладываютъ подъ именемъ сэра Джона Додлея... Посмотрите и полюбуитесь на мастерство авторовъ: они поняли, что вкусъ нынѣшней публики не очень расположенъ къ пьесамъ съ героями злыми, и перенесли интересъ, симпатію на другое лицо, которое очертали очень ловко и оригинально. Пріѣзжій англичанинъ объявляетъ, что американскій дядя, Фабрисъ Дермонъ, умеръ, и что огромное богатство его исчезло. Влюбленные молодые люди, Жюльенъ и Алиса, отъ восторга переходятъ въ отчаяніе, или по-крайней-мѣрѣ не спускаются отъ дѣйствительности къ ожиданію. Но едва Сара успѣла порадоваться, какъ узнаетъ отъ одного нотаріуса, что у него на сохраненіи часть богатства покойнаго Фабриса. Эти 500,000 франковъ должны быть вручены дѣвицѣ Дермонъ въ день ея брака. Выпросивъ у нотаріуса, чтобъ онъ далъ ей удовольствіе самой объявить о такой счастливой новости, Сара открываетъ ее нѣкому де-Серни, негодяю, игроку, моту, кузену Алисы, и совѣтуетъ ему воспользоваться смятеніемъ, происшедшимъ въ любви его прекрасной кузины, чтобы самому жениться на полумиліонѣ. Алису она безъ труда заставляетъ согласиться, увѣривъ, что бракъ этотъ необходимъ для чести ея отца. И такъ, дѣло сдѣлано. Но не суждено исполниться кознямъ злой Сары. Жоржъ де-Серни, бывший порочнымъ холостякомъ, сдѣлался предобродѣтельнымъ мужемъ, и Алиса — счастливѣйшая изъ женъ. Но драма не кончена. Сара хочетъ возмутить это счастье—Тутъ слѣдуетъ цѣлый рядъ эффектныхъ сцѣпленій, ужасовъ, отравленій и прочихъ принадлежностей *раздирающей драмы*. Подъ конецъ все счастливо, добродѣтель торжествуетъ, пороки наказаны, авторы вызваны и публика довольна. Ловко разыгранная, драма принята отлично. Въ исполненіи, лучшая доля успѣха принадлежитъ г-жѣ Арно, играющей Алису. Недурна и г-жа Люси Мабрѣ въ роли креолки. Роль Жоржа де-Серни исполняетъ г-нъ Арно.

Оставляю до слѣдующаго подробнѣйшаго письма отчетъ о пьесахъ: театра Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, «Бенвенуто Челлини», Поля Мэриса; театра Отдохновенія, «Argent par les fenêtres», Альбера Монье и Эдуарда Мартена, «Hirondelles». гг. Лагюза и Белами, и пр. и пр.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА отъ 1/12 мая.

Съ комедіей «*Vacances Pandольфа*», Жоржа Санда, вышла цѣлая полемическая исторія. Поводомъ къ ней послужило предисловіе автора, написанное въ видѣ рѣзкаго отвѣта фельетонистамъ—порицателямъ. Жюль Жаненъ и Теофиль Готье не остались въ долгу у краснорѣчивой писательницы. Шарль Матарель, по старой пріязни, напечаталъ реплику Жоржа Санда въ фельетонѣ газеты *Siècle*, и пошла потѣха... Во всякомъ случаѣ, столкновение столькихъ свѣтлыхъ умовъ вещь интересная, а еще, пожалуй, интереснѣе въ этомъ фактѣ то, что съ журналовъ видимо спадаетъ монополія критики. Перемѣна въ нравахъ и обычаяхъ, отзывается во всемъ. На театральныя представленія стали здѣсь смотрѣть съ болѣе серьезной точки зрѣнія. Направление и идеи пьесъ теперь очень строго обсуживаются. Недавно Тулузская—газета напечатала списокъ пьесъ, которыя префектъ департамента Верхней—Гаронны вычеркнулъ изъ репертуара. Списокъ очень длинный: названій съ полсотни, если не болѣе. Въ томъ числѣ, много пьесъ Александра Дюма (отца), есть одна драма Виктора Гюго, и даже драма Понсара, есть произведенія Бальзака и Сю; наконецъ, извѣстный народный типъ, «*Robert-Masaire*». Сильное дѣйствіе произвело, какъ вы знаете, органическій законъ о театрахъ вообще, котораго составленіемъ занимался Государственный Совѣтъ съ 1850 по 1851 годъ. Любопытны данныя, собранныя по поводу этого правительственнаго труда: изъ нихъ узнаемъ мы не только о нынѣшнемъ, но и о давнопрошедшемъ состояніи сцены во Франціи. До 1600 года, Парижъ имѣлъ одинъ только театръ; съ 1669 по 1722 годъ, пять; въ 1791 году, одиннадцать; подъ исходъ Республики и въ первые годы Имперіи, сорокъ пять театровъ. Въ 1807 году, вышелъ указъ, ограничившій права антрепренеровъ и опредѣлившій число театровъ въ Парижѣ. Цыфра 45 замѣнилась цыфрою 8, а подъ конецъ Имперіи, дошла только до одиннадцати. Во времена Реставраціи, Парижъ считалъ у себя 14 сцены. Наиболѣе театральныя льготы принесло правленіе Людовика—Филиппа: февральскія событія застали въ Парижѣ 23 сцены, разныхъ степеней, начиная съ Французскаго Театра до Фюнамбуль и *Petit-Lazare*. Въ настоящую минуту во Франціи всего 322 театра; изъ нихъ, 26 въ Парижѣ, а 296 въ департаментахъ. Изъ послѣднихъ только 45 имѣютъ осѣдлыя труппы артистовъ; остальные—же служатъ для представленій разъѣз-

жихъ труппъ. Сборы съ публичныхъ заведеній, театровъ, концертовъ и баловъ въ 1848 году дали 6,750,000 франковъ; въ 1849 году — 7,500,000; въ 1850 году — 7,150,000; въ 1851 году — 7,600,000 франковъ. Теперь расходы парижскихъ 26 театровъ: на жалованья артистамъ, 1,350,000 франковъ (они дѣлятся между 1,350 актерами и 700 хористами и фигурантами). Сумма, идущая ежегодно на 650 человѣкъ музыкантовъ разныхъ оркестровъ, простирается до 600,000 франковъ. Наконецъ, содержаніе лицъ по административной и хозяйственной части сценъ (800 чел.) стоитъ въ годъ около 800,000 фр. да кромѣ того, театры ежегодно доставляютъ трудъ 1,200 рабочимъ. Значитъ, въ сложности, мы получаемъ приблизительное число 4,500 лицъ, которыя, съ семействами, проживаютъ въ Парижѣ, кормясь около театровъ.

У насъ удостоился отличія драматическій писатель, Понсаръ, получившій въ Парижѣ титулъ бібліотекаря Сената. Журналы рассказываютъ любопытный анекдотъ объ обстоятельствахъ этой милости. Послѣ представленія своей драмы «Шарлотта Кордэ», Понсаръ, приглашенный на обѣдъ одного изъ тогдашнихъ высшихъ сановниковъ, сидѣлъ за столомъ рядомъ съ Жеромомъ Бонапарте. Разговоръ зашелъ о поэзіи. Молодой авторъ «Лукреціи», на нѣкоторые вопросы своего благосклоннаго сосѣда, могъ изобразить общую бѣдность литературныхъ воздаяній за труды, исполненные добросовѣстно и безкорыстно. Въ послѣдствіи, Жеромъ видѣлся съ поэтомъ не разъ и нашелъ его достойнымъ своей благосклонности. Получивъ званіе президента Сената, маршалъ Жеромъ вспомнилъ старую бесѣду съ Понсаромъ, и неискательный поэтъ получилъ должность, съ шестью тысячами франковъ жалованья и съ квартирою въ Люксембургскомъ дворцѣ.

Принцъ-Президентъ Республики издалъ еще нѣсколько декретовъ, очень интересныхъ для тружениковъ въ области искусства и литературы: о контрафакціяхъ; о штемפלѣ на журналы; объ управленіи національными бібліотеками; о постройкѣ на Елисейскихъ-поляхъ кристалльнаго дворца, не временнаго, какъ лондонскій, а прочнаго, для ежегодной выставки живописи, для пятилѣтней выставки промышленности, и, вѣроятно, для выставки садоводства (издержки на построеніе составляютъ, по смѣтѣ, около 7 милліоновъ франковъ); далѣе, о чрезвычайномъ кредитѣ министру внутреннихъ дѣлъ на изданіе громаднаго труда г-на Перрѣ (Perret) о такъ-называемомъ *Подземномъ Римѣ* (Rome souterraine), то-есть, о римскихъ катакомбахъ. Въ ожиданіи кристалльнаго дворца, выставка картинъ и статуй открылась пока по-прежнему,

въ Пале-Рояль, съ платою по одному франку за входъ. Въ числѣ важнѣйшихъ картинъ, выставлена работа Гораса Вернэ, «Осада Рима». Вообще, число картинъ, статуй, гравюръ и проч. гораздо незначительнѣе предыдущихъ годовъ, всего 1,757; изъ нихъ, 1,280 произведений живописи, 271 скульптуры, 78 гравюръ, 53 литографіи, 66 архитектуры. Произведенія эти представлены 1,072 художниками, именно: 778 живописцами, 162 скульпторами, 60 граверами, 29 литографами, 43 архитекторами. Не смотря на плату за входъ, стеченіе публики на выставкѣ чрезвычайно многочисленно.

Дѣло о директорствѣ Национальной Оперы до-сихъ-поръ не рѣшено: временно управляетъ ею, съ разрѣшенія министра, братъ покойнаго Севеста. Въ числѣ кандидатовъ, говорили еще о композиторѣ Адольфѣ Адаиѣ. А между-тѣмъ, кандидатство Дюпрэ напоминаетъ мнѣ новость о другомъ знаменитомъ пѣвцѣ парижской оперы: Лаблашъ ангажированъ петербургскою дирекціею; осенью вы услышите его. Это произвело здѣсь сильное впечатлѣніе: фельетоны кричатъ: «tous les talents, toutes les grandes gloires s'en vont!» Впрочемъ, всего новаго не перескажешь изъ центра всемірныхъ новостей; а вы ждете отчета о пьесахъ. Поспѣшаю къ нему.

По части музыкальной, новости есть только въ одной Комической-Оперѣ. На ея сценѣ поставлена во-первыхъ: «Мертвецъ» (Le farfadet), комическая опера въ одномъ дѣйствіи; слова *Планара*, музыка *Адольфа Адаи*. Дѣло идетъ о выходцѣ изъ могилы, о которыхъ водится столько фантастическихъ преданій у народовъ сѣверной Европы. Дѣйствіе на деревенской мельницѣ; на дворѣ ночь. Лоретта съ Бастіаномъ воспѣваютъ радости Гименея; но поступаютъ въ этомъ случаѣ оба не по чистой совѣсти. Бастіанъ хочетъ жениться на Лореттѣ, единственно въ угодность своему крестному отцу, деревенскому судѣ, который покровительствуетъ ему и устроилъ для него эту расчетливую женитьбу. Лоретта, съ своей стороны, любила Марселена; но Марселенъ умеръ, такъ, по-крайней-мѣрѣ, слышно, и Бастіанъ далеко не заступаетъ въ ея сердца мѣста покойника. Ахъ, еслибы Марселенъ воротился, хоть изъ могилы! Съ какимъ-бы удовольствіемъ, Лоретта уступила Бастіана его первой невѣстѣ, Бабетѣ, которую онъ такъ дразилъ, въ знакъ нѣжности. Бабета все-таки не отринула-бы вѣроломнаго: ей нравится его манера нѣжностей, столь выразительно проявляющаяся въ толчкахъ и щипкахъ. А что, если Марселенъ въ-самомъ-дѣлѣ не умеръ? Поглядите, приподнимается опускающаяся дверь: вѣдь это Марселенъ возвращается на мельницу, по-крайней-мѣрѣ, такъ онъ самъ

говорить, и нѣтъ причины сомнѣваться въ его показаніи. Онъ, дѣйствительно, живехонекъ: напрасно думали, будто онъ утонулъ. Онъ провозгласилъ—бы открыто свое возстаніе изъ могилы, еслибъ не предпочелъ воспользоваться суевѣрнымъ страхомъ обитателей мельницы для того, чтобъ узнать обо всемъ, что случилось въ его отсутствіи; драпироваться мучнымъ мѣшкомъ въ грозномъ видѣ мертвеца, и такимъ образомъ выманить одно обязательство, безъ котораго Лоретта сама не властна въ своей рукѣ. Уловка удается: Марселень вдругъ сбрасываетъ свой фантастическій нарядъ и объявляетъ, что женится на Лореттѣ. Онъ даже обѣщаетъ дѣвушкѣ, что останется вѣренъ ей до смерти; очевидное доказательство, что онъ живъ: дѣло дознанное, что люди умираютъ только одинъ разъ. Возвращеніе Марселена осчастливило вдругъ четверыхъ, въ образѣ двухъ свадебъ: Марселена съ Лореттою и Бастіана съ Бабетой. Есть еще и пятый счастливецъ—судья; онъ счастливъ тѣмъ, что отдѣлался однимъ страхомъ. А испугъ его былъ не на-шутку, даромъ—что онъ претендовалъ на невѣріе во всякія сверхъестественности. Такова драма. Адольфъ Адапъ добылъ изъ ея положеній пріятныя мелодіи. Музыка его ясна, легка, прозрачна. Ни тѣни притязательности и изысканности. Опера идетъ вся квартетами, которые мѣстами перемежаются аріями и дуэтами. Аріи, написанныя нарочно для мадмуазель Лемерсье (въ роли Бабеты), пропѣты были даровитою пѣвицей такъ хорошо, какъ не смѣлъ ожидать и самъ композиторъ. Въ роли Лоретты дебютировала пѣвица мадмуазель Тальмонъ, съ большимъ успѣхомъ. Вообще, актеры въ этой оперѣ милы и забавны до-нельзя: разумѣется, и награждены немолкаемыми рукоплесканіями.

Другая опера той-же сцены называется «Мадлона» (Madelon), въ двухъ дѣйствіяхъ; слова *Соважа*, музыка *Ф. Базена*. Первоначально, эта опера называлась *Ваггеаух-Верты*, по имени одного трактира, въ которомъ происходитъ ея дѣйствіе, въ Сень-Жерменъ-анъ-Лей, въ царствованіе Людовика XIV. Въ эту гостиницу и просимъ васъ пожаловать съ нами. Гостиницу содержитъ пригожая дѣвушка, Мадлона, которой жизнь облечена какою-то тайной, и которой табльдотъ скликаетъ кучу посѣтителей, не столько за добродѣтель хозяйки, недоступную галантерейнымъ предпріятіямъ королевскихъ мушкетеровъ, сколько за ея любезность и манеры, кружащія головы самымъ нечувствительнымъ изъ этихъ господъ. Въ числѣ поклонниковъ Мадлоны, во-первыхъ, видимъ мы барона Флорана де-Монсатера; во-вторыхъ, москѣ Буржильона, и такъ далѣе, до трактирнаго слуги Жозефа, который питаетъ почтительную нѣжность къ своей прекрасной хозяйкѣ. Но что это за корнетъ увеличилъ своей юной особою число посѣтителей трактира

Барро-Веръ? Уже не новый-ли поклонникъ? Не явился ли онъ, подобно прочимъ, обжечь свое сердце о хорошенькіе глазки мамзель Мадлоны? Э, полноте! Артюрь Ландри и не помышляетъ о любви: его дѣло только ловко пить и лихо драться; съ ранней молодости ужъ онъ испыталъ женскую любовь, съ самой невыгодной стороны. Прелести Мадлоны для него не существуютъ. Въ такомъ видѣ обстоятъ дѣла въ трактирѣ Барро-Веръ, когда провозглашеніе одного имени, имени мамзель Мальнаръ, вдругъ производитъ тамъ дѣйствіе волшебнаго жезла... Мамзель Мальнаръ!.. восклицаютъ въ одинъ голосъ всѣ лица, не исключая самой Мадлоны,—и всѣ убѣгаютъ. Почему такъ? Скоро узнаемъ все, а покуда скажемъ гадательно, что мамзель Мальнаръ дочь того, кто похитилъ состояніе Артюра; узнаемъ изъ признанія барона, что на этой самой мамзель Мальнаръ вѣтренный баронъ хотѣлъ жениться и отказался отъ брака, увидавъ Мадлону, и что покинутая красавица въ состояніи гнаться за нимъ на конецъ свѣта, со шпагою или съ пистолетомъ въ рукѣ. Изъ прибытія этой героини пока не объясняется ничего больше. Но, къ счастью, опера имѣетъ второе дѣйствіе: тамъ, разрѣшеніе загадки, и даже нѣсколькихъ загадокъ. Прежде всего, ледяное равнодушіе Артюра таетъ отъ приближенія Мадлоны, которая скоро заставитъ его пресмыкаться у своихъ ногъ и отомститъ за обиду всему ея полу. Потомъ, оказывается, что Мадлона вовсе не Мадлона, а Марія. Она не только та дѣвушка, которой мнимое вѣроломство проклиналъ опрометчивый Артюрь, но еще она-же наслѣдовала его состояніе, къ собственному своему ущербу, и разыгрывала всю комедію именно затѣмъ, чтобы возвратитъ ему состояніе. Буржильонъ былъ не настоящей влюбленный, а на-дѣлъ кумъ Мадлоны, такъ-же, какъ мамзель Мальнаръ ея кузина. Изъ всѣхъ этихъ выдумокъ остается одна только истина: именно измѣна барона, который теперь возвращается на правый путь и всѣ счастливы... кромѣ, конечно, бѣднаго слуги, Жозефа, которому Мадлона, вмѣсто сердца, даритъ свой трактиръ. О партиціи г-на Базена можно замѣтить, что она скорѣе гармонической, нежели мелодической школы. За частымъ отсутствіемъ вдохновенія, композиторъ имѣетъ въ безотлучномъ распоряженіи сноровку и мастерство. Видны также грація, щеголеватость, отдѣлка; а это также чего-нибудь да стоитъ. Успѣхъ оперы полный, съ наводненіемъ цвѣтовъ и съ вызовомъ всѣхъ артистовъ.

Затѣмъ, по оперной части новаго нѣтъ ничего. Развѣ, дать вамъ за новостъ старый провинціальный анекдотъ, вновь исправленный и засвидѣтельствованный въ подлинности самимъ Мегюлемъ. Въ 1808 году, этотъ композиторъ находился въ полномъ блескѣ своей славы. Вздума-

лось ему побывать у себя на родинѣ: прїѣздъ великаго музыканта въ скромный провинціальный городъ не могъ не быть торжествомъ. Городской меръ придумалъ прилично отпраздновать такое экстренное событіе, представленіемъ одной изъ лучшихъ оперъ Мегюля, который, какъ онъ предупредилъ мѣстнаго директора театра, самъ будетъ присутствовать на представленіи. Повѣстка мера привела директора въ страшное затрудненіе, потому—что для оперной труппы у него не было ни одного сюжета. Но отважный директоръ не потерялъ духа, и вотъ какъ выпутался изъ бѣды. Въ рѣшительный день, въ городѣ явилась афиша слѣдующаго содержанія:

«Театръ Живе. Сего числа, въ ознаменованіе присутствія въ нашихъ стѣнахъ нашего славнаго соотечественника, г-на Мегюля, дана будетъ въ первый разъ «Шалость», комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Бульи и Мегюля.

«Примѣчаніе. Для пользы пьесы, дирекція признала нужнымъ выпустить музыку, замедлявшую ходъ дѣйствія.»

Публика явилась въ спектакль; Мегюль съ торжествомъ введенъ въ ложу мера и привѣтствовалъ живѣйшими восклицаніями. Начали играть *Шалость*, безъ музыки, и всякій разъ, когда проза Бульи возбуждала рукоплесканія, Мегюль принужденъ былъ вставать и откланиваться, благодаря согражданъ за лестную честь, которую они умѣютъ оказывать артистамъ—соотечественникамъ.

Французскій—Театръ поставилъ у себя давно ожидаемую пьесу «Три страсти Тибулла (Les trois amours de Tibulle), комедію въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. г-на *Артюра Тальяна*. О первомъ произведеніи этого молодаго драматура, данномъ на Одеонѣ («Первая картина Пуссена»), писано въ свое время, очень недавно. Говорятъ, что нынѣшнее второе твореніе г. Тальяна собственно было первымъ плодомъ его пера. Вѣрнѣе, можно полагать, что обѣ пьесы близнецы. Но праву старѣйшинства тутъ не мѣсто: обѣ комедіи равно удалась. Въ *Пуссенѣ*, дѣло шло о славѣ; въ *Тибуллѣ* — вопросъ о любви. Пуссенъ возникъ въ мысли автора зимою, при трудолюбивомъ свѣтѣ лампы; Тибуллъ распустился въ его сердцѣ подъ солнечнымъ лучемъ весны. Самое заглавіе пьесы показываетъ, что это «поговорка» изъ древняго міра, если только въ древности существовали *rièces à tiroir*. Нужно ли рассказывать про страсти Тибулла? Тибуллъ любитъ Делію, Делія любитъ Тибулла: вотъ и все. Но красавица Сульпиція видѣла Тибулла побѣдителемъ на общественныхъ играхъ, и Тибуллъ повергнулъ свой побѣдннй вѣнокъ къ ногамъ Сульпиціи. Делія ревнуетъ, но еще любитъ

вѣтренника. Тибуллъ не нашелъ Сульпиціи на свиданіи, которое она ему назначила, и возвращается къ Деліи. Не заставъ ее дома, онъ думаетъ, что она невѣрна ему. Невольница Нерей прельщаетъ его своею улыбкою; Тибуллъ въ нее влюбляется. Делія оплакиваетъ свою погибшую любовь, Сульпиція помышляетъ уже о другомъ завоеваніи. Вѣтренникъ Тибуллъ возвращается въ цвѣточныя оковы, которыя снела ему первая его страсть. *Mais on revient toujours à ses premiers amours.* Делія — любовь, и еще разъ любовь! — Стихи прекрасныя, обороты новы, хотя немного изысканны. Чудесная дикція Мальяра, красота мамзель Дененъ, талантъ мамзель Жюдитъ, грація и молодость мамзель Терикъ — да тутъ въ однихъ артистахъ больше условій успѣха, нежели нужно для даровитаго произведенія г-на Тальяна!

На сценѣ Драматической Гимназіи, для которой нынѣ исключительно трудится Жоржъ Сандъ, дана новая пьеска гг. *Мельвиля* и *Кармуша*, давнишнихъ Кастора и Поллукса французской драматургіи второй руки. Пьеса называется «Маркиза де-ла-Бретешъ» (*La marquise de la Bretèche*), комедія-водевиль, въ двухъ дѣйствіяхъ. Дѣйствіе происходитъ во времена Людовика XV. Маркизь де-ла-Бретешъ, разорившись на безумства всякаго рода, придумалъ, для поправки дѣль, жениться на мамзель Боассо, дочкѣ суконнаго торговца. Но, какъ слѣдовало знатному барину тѣхъ временъ, онъ только далъ свое имя женѣ въ замѣнъ ея богатства, и въ самый день свадьбы, даже не взглянувъ на молодую супругу, откланялся всеѣмъ Боассо и всеѣмъ ихъ гостямъ, и пуще прежняго ринулся въ мотовство и шалости. Во время такой тревожной жизни, случай разбиваетъ его карету при вѣздѣ въ одно селеніе, въ самую пору деревенской свадьбы. Молодой, какъ нарочно, единственный кузнецъ селенія и никакъ не хочетъ подарить лучший день своей жизни — работая на другаго. Маркизь принужденъ остановиться и принять участіе въ танцахъ и весельѣ. Онъ скоро утѣшается, ухаживая за одной смазливою бретонкой, которую считаетъ за молочную сестру новобрачной и которая ни кто иная, какъ маркиза де-ла-Бретешъ, его собственная жена, приѣхавшая сюда случайно и вздумавшая повеселиться. Маркиза любитъ мужа, который не любитъ ее; но напрасно выдаетъ она себя за Жембелетту и ухаживаетъ за своимъ мужемъ. Къ счастью, братъ мнимой Жембелетты, Филиппъ Боассо, капитанъ королевской службы, выдумываетъ новый подвигъ для маркиза и заставляетъ его увезти Жембелетту.

Переходя къ второстепеннымъ сценамъ, сообщу вамъ довольно интересное, хотя очень суровое, но значительно справедливое сужденіе одного нѣмца о парижской сценѣ вообще. Говоритъ это здѣшній, париж-

скій корреспондентъ «Нѣмецкаго музея», толкуя вообще объ испорченности французской драматической литературы, по поводу «Блуднаго сына», оперы Обера. «Блудный сынъ, говоритъ нѣмецъ: впервые заставилъ меня обратить вниманіе на способы приманки двадцати разныхъ театровъ Парижа. Размысливъ о нихъ, я нашелъ, что главная приманка каждой сцены какая-нибудь вовсе не артистическая спеціальность какой-нибудь актрисы. Ози, Дашъ, Анаисъ и прочія корифейки сцены привлекаютъ не игрой своею, а тѣмъ, что о нихъ шепчуть на ухо другъ другу». Строгъ нѣмецъ, а едва-ли не правъ, какъ подумаешь, что за содержаніе въ большей части современныхъ пьесъ. Поглядимъ, какъ переѣмнитесь это направленіе.» А между-тѣмъ, чуть-чуть я не забылъ рассказать вамъ еще объ одной пьесѣ Гимназіи, пьесѣ, въ исполненіи которой участвуютъ блистательнымъ образомъ таланты Розы Шери и Брессана. Называется она «Пьяно Берты» (*Le Piano de Berthe*), комедія-водевиль въ одномъ дѣствіи, соч. гг. *Барьера* и *Жюля Лорена*. Пьеска очень милая. — Графиня Берта, въ ожиданіи москѣ де-Норвиля, который векорѣ долженъ жениться на ней, болтаетъ съ своей горничной, Жюли; потомъ, садится за пьяно, беретъ нѣсколько аккордовъ, встаетъ, подходитъ къ отворенному окну, опять идетъ за пьяно, и между словомъ съ горничною и зѣвотой скуки, напѣваетъ прелестный романсъ, который, по ея словамъ, она слышала, когда его пѣлъ молодой пастухъ въ Бретани, лѣтъ пять, шесть назадъ. Въ самое то мгновеніе, въ окошко слышится слово, вскрикнутое негодующимъ голосомъ: «фальшиво!» — Не останавливаясь отъ этой невѣжливости, Берта продолжаетъ, пожавъ только плечами. Въ окно влетаетъ что-то металлическое, очевидно, брошенное съ улицы рукою того-же неуча. — Глядь: монета въ два су. — Дерзкій, говоритъ Берта, и чтобъ эти два су кинуты были даромъ, она принимается за свое пьяно съ неистовствомъ, немилосердно муча клавиши и педали. — Вотъ, звонокъ. Жюли идетъ отпереть. — Входитъ какой-то господинъ, молодой, щегольски одѣтый, съ умными чертами. — По первымъ словамъ посѣтителя и по его смущенію, она угадываетъ, что имѣетъ дѣло съ невѣжливымъ господиномъ, порицавшимъ ея исполненіе. Она не памѣрена съ нимъ объясняться и оставляетъ его. — Незнакомецъ въ отчаяніи: хочется ему извиниться передъ Бертою, но какъ это сдѣлать? — Онъ начинаетъ съ того, что ладитъ съ горничной, и беретъ съ нея слово, что она не выведетъ его за дверь. Онъ расхаживаетъ, потомъ садится за пьяно, и вы слышите уже не жалобный романсъ, какъ сейчасъ играла Берта, а настоящую бурю-симфонію Берліоза. — Дверь отворяется: незнакомецъ побѣдилъ. Но Берта подходитъ къ нему, съ кошелькомъ въ рукѣ, съ улыбкой мщенія на устахъ: —

Вотъ, сударь, говоритъ она, подавая ему двадцать-пять лудировъ: вотъ что я плачу артистамъ, которые приходятъ ко мнѣ играть. — Ахъ, сударыня, вы не великодушны. Ужели не простите отцу, который выходитъ изъ себя, за то, что уродуютъ его дѣтище? Я — Францъ, композиторъ, авторъ того романса, который, съ досады на мосьё де-Порвиля, вы страшно уродовали. Я тотъ самый молодой пастухъ, который пѣлъ его вамъ шесть лѣтъ назадъ. — Слѣдуетъ объясненіе. — Потомъ, начинается вѣчный дуэтъ любви. — Приносятъ письмо де-Порвиля. Онъ извиняется передъ Бертою, что, въ разсѣянности, чисто водевильной, отправилъ къ ней письмо, приготовленное для какой-то Аделины. — Одинъ потерянь, другой найденъ: Берта не въ накладѣ. — Если пьеса гг. Мельвиля и Кармуша близка была къ освистанію, то этотъ миленькій водевиль выручилъ и театръ и актеровъ.

Гг. *Ш. де-Бессельеръ* и *Галонъ д'Онкеръ* произвели на сценѣ театра Разнообразія, или Разныхъ Разностей, если угодно, «Замокъ Котавенъ» (*Le Chateau de Coetaven*), водевиль съ пѣснями, въ одномъ дѣйствіи, съ музыкою *Франсиса Морильона*.

Замокъ Котавенъ — старинное дворянское жилище, меблированное больше сѣдыми воспоминаніями, чѣмъ новѣйшимъ изяществомъ. Старыя стѣны убраны старыми обоями, внизу которыхъ хромаютъ старыя кресла, гдѣ покоятъ свою почтенную дряхлость старый владѣлецъ замка и столь же старая владѣтельница. У графа съ графинею Котавенъ есть дочка въ томъ возрастѣ, когда сердце проситъ любви. Луиза ужъ и помолвлена съ женихомъ, котораго никто еще не видалъ въ глаза и который долженъ скоро пріѣхать. А между-тѣмъ, у нея есть одинъ докучливый поклонникъ, о которомъ она, конечно, слышать не хочетъ. Пріѣзжаютъ путешественники и попадаютъ на отвернутаго влюбленнаго. Этотъ, узнавъ, что пріѣзжіе намѣрены отправиться въ Котавенъ, никакъ не сказываетъ, что они уже пріѣхали туда, потому-что узналъ въ одномъ изъ путешественниковъ своего соперника. Чтобы какъ-нибудь удалить его, онъ рассказываетъ ему сказку; говоритъ, что они въ трактирѣ, а замокъ Котавенъ передвигаетъ за нѣсколько миль далѣе, и совѣтуетъ пріѣзжимъ остановиться здѣсь, то-есть... въ трактирѣ. Пріѣзжій женихъ принимаетъ свою хорошенькую невѣсту за служанку, но скоро догадывается, что имѣетъ дѣло не съ обыкновенной Мариторною. Онъ шутитъ, ему отвѣчаютъ остро; онъ позволяетъ себѣ нескромное слово, его поражаютъ благородствомъ, достоинствомъ. Онъ становится нѣженъ, страстенъ, почтителенъ, и замѣчаетъ въ душѣ служанки столько нѣжности, какъ у дочери пнаго нѣмецкаго музыканта. Словомъ, онъ влюбленъ до безумія. Результатъ можно угадать. Паспортъ

влюбленного свидетельствует о его правах на руку мнимой служанки, и за всю выдумку заплатился одинъ ея изобрѣтатель. Сюжетъ водевиля не новъ, но подновленъ очень ловко и искусно. Музыка г. Морильона заслуживаетъ одобренія.

«Муху съѣлъ» (*Un monsieur qui prend la mouche*), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. гг. *Марка Мишеля* и *Лабриша*: такъ называется вторая новостъ сцены Разнообразія. — Мосьё Альфонсъ Бодедюи прискакалъ во весь опоръ на дачу къ мосьё Бекамелю. Нельзя быть любезнѣе, вѣжливѣе и формальнѣе его; за то нельзя также быть требовательнѣе его касательно взаимности. Альфонсъ Бодедюи человѣкъ раздражительный, тамъ, гдѣ зайдетъ дѣло о вѣжливости, о чести, обо всемъ, что можетъ задѣть, оскорбить. А впрочемъ, онъ добрейшій малый, даже съ претензіей на безукоризненную кротость—истый агнецъ, по его собственнымъ словамъ. Въ доказательство, онъ рассказываетъ про одну дуэль, изъ которой онъ вышелъ съ честью, дуэль, которой поводомъ послужилъ толчекъ шляпою, оставшійся безъ отвѣта, а результатомъ былъ ударъ шпагою въ особу мосьё Савояра, адвоката почтенныхъ лѣтъ, прочившаго себя въ зятя мосьё Бекамелю. Мосьё Бекамель огорченъ разсказомъ гостя, но дочка его хорошенькая дѣвушка, слишкомъ молодая для мосьё Савояра, выражаетъ, напротивъ, нисколько не двусмысленную радость и поглядываетъ на Бодедюи какъ нельзя привѣтливѣе. Бодедюи ослѣпленъ этимъ солнцемъ, и уже помышляетъ посвататься въ восемнадцатый разъ. Семнадцать разъ его сватовства кончались неудачно, по причинамъ, которыхъ онъ понять не можетъ, а мы сейчасъ увидимъ. Въ — самомъ — дѣлѣ, благодаря общему пріятелю, который тутъ случился въ — время, сватовство идетъ на-ладъ, какъ вдругъ Бодедюи замѣчаетъ, что успѣхъ его пронеходить не совсѣмъ отъ прелестей его особы, а болѣе отъ соблазнительности прелестнаго дома, принадлежащаго ему, близъ китайскихъ бань. Онъ было на попятный дворъ; но оказывается, что невѣста ничего не знала объ его недвижимости. Убѣдившись, онъ продолжаетъ дѣло сватовства. Заходитъ рѣчь о контрактѣ, и нѣтъ ничего забавнѣе, какъ добродушіе старика Бекамеля въ схваткѣ съ раздражительною щекотливостью жениха. Тутъ слѣдуетъ катастрофа за катастрофою, путаница за путаницею, одно смѣшное положеніе за другимъ, до тѣхъ-поръ, пока раздражительный господинъ не доводитъ своего сватовства до благополучнаго окончанія. — Дарованіе Арналя въ роли Бодедюи и мастерство одного изъ авторовъ водевиля на характеры слугъ доставляютъ пьесѣ полный успѣхъ въ видѣ искренняго и постоянного хохота публики.

На сценѣ Веселости зрители веселятся драмою гг. *Кабриэля* и *Кармуша*, «Парижскія заставы» (*Les barrières de Paris*), въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ. Это смѣсь самыхъ нелѣпыхъ, натянутыхъ и пошлыхъ сценъ, не стоящихъ даже упоминовенія. Нечего водить васъ за авторомъ къ заставѣ Пасси, въ Гипподромъ, къ заставѣ Звѣзды, въ мансарду Терезы, и такъ далѣе. Довольно сказать, что пьеса, благодаря искусной эмали танцовъ, удачнымъ народнымъ картинамъ и великолѣпному спектаклю имѣетъ успѣхъ.

По части водевилей, остается сказать только о водевиляхъ Палерояльской сцены, «Жили-были два пѣтуха» (*Deux coqs vivaient en paix*), въ одномъ дѣйствіи, соч. г. *Лефрана*, и о пьескѣ Комическихъ-Увеселеній «Деревенскій сосѣдь» (*Un voisin de campagne*), въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. *Фермана Делля*.

Заглавіе первой пьески, какъ видите, взято изъ Лафонтеновой басни, изображающей вліяніе женщины на жизнь и дѣла господствующаго пола. Въ одной деревушкѣ жили два брата, Пьеръ и Жанъ, — жили душа въ душу. Была у нихъ кузина, Анріэтта, сиротка, порученная имъ на попеченіе, и оба они любили ее, какъ сестру, какъ дочь, какъ зѣницу ока. Отправили они Анріэтту въ ученіе въ Парижъ. Пока сами они поживали тихо въ деревнѣ, ухаживая только за Маріанной и Доротеей, двумя дочками дяди Фаржо, добрыми деревенскими дѣвушками, мамзель Анріэтта сдѣлалась щеголеватой городекой лебедью, хотя безъ упрека, однако съ кокетливыми манерами, очень способными вскружить простыя головы поселянъ. Съ появленіемъ Анріэтты въ деревнѣ, начинается соперничество двухъ братьевъ, доходящее мало-по-малу до ожесточенія, безпримѣрнаго въ деревенскомъ быту. Но парижская лебедушка улаживаетъ все къ общему удовольствію, миритъ братьевъ между собою и съ дочерми дядюшки Фаржо, а сама возвращается въ Парижъ, гдѣ ее ожидаетъ замужество.

Теперь два слова о *Деревенскомъ сосѣдѣ*. — У одного прокурора есть хорошенькая жена, и сосѣдь по деревнѣ, нѣкто мосьё Жоллибонъ, услужливый поставщикъ новостей, который убиваетъ время или уда рыбу или сочиняя сплетни. Этотъ-то сосѣдь внушилъ прокурору, будто жена его ежедневно навѣщаетъ какого-то старичка. Прокуроръ ревнуетъ, хочетъ развестись съ своей блондинкой женой. Наконецъ, невинность молодой жены объясняется. Она, просто, ходила видаться съ братомъ, который принужденъ былъ скрываться, потому-что его преслѣдовали за долги. Виноватый мужъ проситъ прощенія у жены, а сплетникъ остается съ носомъ. Старая пѣсня на старый ладъ.

На сценѣ Сенъ-Мартенскихъ Воротъ, явилась давно-ожиданная

драма «Бенвенуто Челлини» (Benvenuto Cellini), въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ, соч. г. *Поля Мериса*. — Драма передѣлана изъ извѣстнаго романа Дюма, *Асканіо*. Помнится, романъ этотъ былъ переведенъ желающіе въ свое время по-русски. Слѣдовательно, содержаніе драмы лю могутъ прочесть въ самомъ романѣ. Нельзя сказать, чтобы сценическая передѣлка была очень удачна; но самый сюжетъ представляетъ столько эффектовъ и условій успѣха, что неудача была невозможна. Прибавьте, что опытное перо Марка Фурнье прошло по пьесѣ г. Мѣриса, что постановка на сцену сдѣлана подъ руководствомъ Доделя, что роль Бенвенуто играетъ Мелѣнгъ, и нечего удивляться огромному успѣху драмы.

Въ заключеніе парижскихъ новостей, относящихся до искусства и литературы, скажу вамъ, что въ наступающемъ августѣ, руанская академія наукъ, литературы и искусствъ должна присудить награду за лучшее разсужденіе: «*О вредномъ вліяніи духа партій на науки, литературу и искусства, и о средствахъ отвращенія этого вреда*». Желательно, чтобъ дѣльное разрѣшеніе такого важнаго современнаго вопроса привело къ счастливымъ результатамъ.

Можетъ быть, для полноты перечня новыхъ драматическихъ пріобрѣтеній слѣдовало бы разсказать еще о длинной пьесѣ Цирка или, по нынѣшнему, Національнаго Театра. Но заглавіе покажетъ, что отъ разсказа о ней ваша публика, даже цирковая, ничего не выиграетъ. Это — «*Женевиѣва*», драма-легенда въ пяти дѣйствіяхъ и пятнадцати картинахъ, соч. г. *Латура де-Сент-Ибара*. Пьеса во вкусѣ *средневьковъ*хъ мистерій ..

Лучше разскажу вамъ нѣчто изъ событій драматическаго міра у нашихъ сѣверныхъ и южныхъ сосѣдей. Въ Лондонѣ, на текущій оперный сезонъ, директоръ Ковентгарденскаго театра, Ги (Gie), ангажировалъ слѣдующихъ артистовъ. Для сопрано г-жу Гризи, Кастелланъ, Бертранди, Віардó, Церръ, Гаранига и Медори. Для контральто: г-жу Сегенъ. Для тенора: г-дъ Маріо, Стигелли, Мен, Сальди, Тамберлика, Гальвани, Андера изъ Вѣны, Гіэнара съ Большой Парижской Оперы. Для баритона: г-дъ Ронкони, Ромми и Бартолини. Для низкаго баса: г-дъ Формеса, Тальяфико, Полонини, Грегорио и Марини. Съ этими артистами, даетъ онъ «*Вильгельма Телля*», «*Севильскаго цирюльника*», «*Ченерентолу*», «*Моисея*», «*Отелло*» и проч. *Россини*; «*Норму*», «*Соннамбулу*», «*Пуританъ*», «*Капулетти*», *Беллини*; «*Гвельфовъ*, и *Гибеллиновъ*» «*Роберта*», и «*Пророка*», *Мейербера*; «*Лучію*», «*Любовный Напитокъ*», «*Лукрецію*», «*Анну Боленъ*», «*Линду*», *Дошцетти*; «*Дош-Жуана*», «*Свадбу Фигаро*», «*Волшебную флейту*», *Моцарта*; «*Нѣмью*, *Обра*;

«Тайный брак», «Жидовку», «Волшебнаго стрѣлка», «Фиделіо». Такимъ образомъ, мистеръ Ги является опаснымъ соперникомъ мистера Лумлей, содержателя Квинс-театра, у котораго была сначала ангажирована одна только знаменитость, Іоганна Вагнеръ, да и съ тою не обошлось безъ исторій, какъ сейчасъ увидите. Вообще, подобнаго опернаго сезона еще не бывало въ Лондонѣ. Берліозъ поѣхалъ туда дирижировать оркестромъ; Шпоръ сочинилъ речитативы для оперы «Фаустъ», которая еще въ первый разъ будетъ исполняться итальянцами; сулятъ, кромѣ того, «Оберона», «Графа Ори», «Мучениковъ» и проч. Вѣнская дѣвица, Іоганна Вагнеръ, заключила въ одно время контракты съ двумя директорами-соперниками. Мистеръ Лумлей вдругъ получаетъ телеграфическое извѣстіе, что ангажированная имъ артистка, ангажирована въ то-же время мистеромъ Ги. Директоръ Квинс-театра поскакалъ въ Гамбургъ, потребовать законной управы на вѣроломную, которую ковентгарденскій директоръ прельстилъ цѣною: двѣнадцать свертковъ въ 2000 фунт. стерл. Съ помощью доктора Бахера, Лумлей овладѣлъ дѣвицею Вагнеръ, игравшею передъ тѣмъ въ Гамбургѣ, и пополнилъ свою труппу на этотъ разъ дѣвицею Крувелли и г-жею Генріэттою Зонтагъ. Изъ обстоятельствъ соперничества двухъ оперныхъ театровъ, кажется, возникнетъ процессъ, котораго результатомъ, пожалуй, выйдетъ закрытіе Квинс-театра, объявившаго торжественно, что онъ дастъ у себя «Донъ-Жуана» въ такомъ видѣ, какъ онъ еще никогда не былъ сыгранъ и сѣтъ. (Вагнеръ — Донна Анна, Крувелли — Эльвира, Зонтагъ — Церлина, Белетти — Донъ-Жуанъ, Фраскинн — Оттавіо).

Недавно умерла въ Лондонѣ старѣйшая изъ англійскихъ актрисъ, мистриссъ Анна Келли, въ Кентскомъ графствѣ, ста трехъ лѣтъ отъ роду. Въ свое время она играла почти безъ исключенія на всѣхъ театрахъ трехъ соединенныхъ королевствъ; играла вмѣстѣ съ мистриссъ Сиддонсъ, съ Эдмондомъ Киномъ и Шериданомъ Нольсомъ. Лишась слуха 60-ти лѣтъ отъ роду, покойница жила въ домѣ мистера Нольса, пользуясь до послѣдней своей минуты самымъ великодушнымъ гостепріимствомъ, потому-что сама она не нажила ни гроша на сценическомъ поприщѣ. Хворала она недолго, всего три дня, и до самой кончины сохранила веселое расположеніе духа. Она дважды была замужемъ, не перемѣняя однако имени: оба ея мужа назывались *Келли*.

Въ Мадридѣ, тамошній главный бібліотекарь національной бібліотеки и первый изъ живыхъ испанскихъ поэтовъ, Бретонъ де-лосъ-Герреросъ, написалъ пьесу сарсуэлу (родъ родъ комической оперы), *El novio pasado por agua* (Женихъ-пройдоха), которая положена на музыку талантливымъ молодымъ композиторомъ. И пьеса и музыка приняты были пу-

бликою съ необыкновеннымъ одобреніемъ. Но такъ-называемые эскрибаны, родъ терпимыхъ правительствомъ адвокатовъ-нотариусовъ, подняли гоненіе на пьесу и на автора, за то, что онъ въ своей сарсуэлѣ слишкомъ смѣло изобразилъ ихъ слабости. Публика очень потѣшалась процессомъ, который всѣ испанскіе эскрибаны затѣяли съ авторомъ. Королева долго хохотала, услышавъ о подробностяхъ дѣла. — «Счастливы Бретонъ, что онъ имѣетъ жену и дѣтей, сказала она: иначе, ни одинъ эскрибано не сталъ-бы ему писать свадебный контрактъ».

Вотъ еще художественная новость! Россини, послѣ долгаго фаръ-ніенте, написалъ оперу «*Жанна д'Аркъ*». Затѣмъ, до слѣдующаго письма.

СМѢСЬ.

ЛЕГКІЕ ЭКСКИЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКОВЪ.

I.

ВІОЛЕТТА.

РАЗСКАЗЪ ЭЛИЗЫ ПОЛЬКО.

Въ нѣсколькихъ часахъ отъ Вѣны, есть небольшое селеніе, котораго имени не помню; но думаю, это все равно, потому—что на свѣтѣ одно только и есть такое прекрасное селеніе. Церковь стоитъ на возвышеніи, шиповникъ и плющъ ползутъ вверхъ по сѣрымъ стѣнамъ, и кругомъ маленькой церкви, смиренно, какъ набожные богомольцы, выглядываютъ изъ частаго кустарника бѣлые, чистые, приземистые домики. Все мирное мѣстечко окружаютъ высокія старыя липы и каштаны.

Но всѣхъ наряднѣе въ селѣ былъ домикъ кантора, стоявшій въ сторонѣ отъ прочихъ домовъ и словно обвитый цвѣтами. Старый канторъ любилъ цвѣты, какъ утѣшеніе своей жизни; и посреди всѣхъ его розъ, фіалокъ, лилій и тюльпановъ, росъ самый лучшій цвѣтокъ, дочка старика, *Віолетта*. Вѣрную подругу жизни схоронилъ канторъ, когда дочери минуло только пять лѣтъ. Это событіе было для него величайшимъ огорченіемъ въ жизни, которая впрочемъ текла мирно и тихо, какъ ручеекъ. Но и то сказать, была у старика всегда чудная, могу-

чая утѣшительница, которая кроткой рукою возносила его надъ всѣми непріятностями, надъ всѣми огорченіями, и нѣжно приняла его въ свои объятія, когда вѣрная жена закрыла глаза. Утѣшительница эта называлась «музыка:» и точно, она была единственная властительница его сердца.

Берегъ онъ и другое безцѣнное сокровище въ уголкѣ своей комнаты: старый спинетъ. За нимъ-то, канторъ бесѣдовалъ съ душами великаго Баха и Генделя, водилъ рѣчи съ старыми итальянскими маэстрами, и блаженствовалъ, углубляясь въ волшебный міръ, который разверзали они передъ нимъ.

Правда, Віолетта находила, что не всегда эти бесѣды звучали восхитительно. Часто, спинетъ странно гудѣлъ и жужжалъ, и пальцы старика иногда какъ-будто прилипали къ мѣсту; но она остерегалась замѣчать объ этомъ что-нибудь, и сидѣла тихо и смиренно за своей работою. Когда наконецъ музыкантъ, на высшей точкѣ одушевленія, останавливался и глядѣлъ на нее безмолвно, но съ просіявшимъ взоромъ, она, улыбаясь, кивала ему головою, нѣжно цѣловала его въ лобъ. Тогда, отецъ начиналъ ей рассказывать, что слыхалъ о старыхъ мастерахъ. И не вѣрилось ей, что великій законодатель въ царствѣ звуковъ, Себастьянъ Бахъ, носилъ страшный, длинный парикъ, а мастеръ Гендель ужасно нюхалъ табакъ. Она воображала эти величавыя явленія музыкальнаго міра совсѣмъ иначе, рисовала себѣ прекрасные, свѣтлые образы, которые отецъ такъ безжалостно разрушалъ. Почти каждый день, старый канторъ повторялъ одни и тѣже рассказы, а Віолетта слушала все съ тѣмъ же пристальнымъ вниманіемъ, можно сказать, съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ и въ первый разъ, и ниодна черта ея миленькаго личика не показывала признака скуки. Видѣла она лично, счастливица Віолетта, одного славнаго музыканта, и ни на минуту не забывала о томъ: люди называли его «дядя Гайдень». Отецъ Віолетты всегда звалъ его «своимъ кумиромъ», и до самой глубины души проникнуть былъ къ нему такимъ восторгомъ, такою любовью, о какихъ сердце его дочки не имѣло понятія.

Когда-то, еще маленькую, бралъ ее отецъ съ собою въ большую имперскую столицу. Тамъ, въ громадной залѣ, слышала она чудесную музыку, которую называли «Четыре времени года». Душу ребенка почти подавили огромныя массы звуковъ, хлынувшія на нее въ первый разъ. А между тѣмъ, Віолетта была такъ счастлива, такъ счастлива. Ей грезилась «весна»; на нее вѣялъ «лѣтній зной»; весело звучали охотничьи рога «осенью»; когда же настала «зима», дѣвочка все тѣснѣе и ближе прижималась къ отцу. А отецъ едва помнилъ, что дочь была на свѣтѣ; сидѣлъ подлѣ Віолетты и слушалъ, притаивъ дыханіе, и лицо его, съ большими темными глазами, озарялось блаженствомъ; онъ то смѣялся, то плакалъ. Когда кончилась музыка, онъ схватилъ дочь за руку и, не говоря ни слова, торопливо протѣснился изъ залы. На улицѣ, стояло много народа, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, а посреди ихъ, старый, худощавый человекъ съ лицомъ мирнымъ, съ глазами свѣтлыми, какъ небо. «Дядя Гайдень!» твердилъ

народъ кругомъ. Віолетта глядѣла на него съ робкимъ благоговѣніемъ, слезящими глазами. Старикъ Гайднъ для всѣхъ находилъ или ласковое слово, или пожатіе руки и дружелюбный взоръ. Усмѣшка, тихая веселость и шутка постоянно мелькали на его устахъ и на ясномъ лицѣ. Вотъ, и отецъ Віолетты, въ своемъ скромномъ черномъ платьѣ, протолкался сквозь тѣсный кружокъ и взялъ за руку Гайдна, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ его замѣтить, и вскричалъ: «Спасибо, дядя Гайднъ!» А мастеръ пожалъ ему руку, кивнулъ головою и улыбнулся. Все это видѣла Віолетта сама, однакожъ должна была чуть-не каждый день выслушивать разсказъ про этотъ случай, любимый разсказъ ея отца. «Если еще разъ увижу моего кумира,—говорилъ онъ,—умру отъ радости: вѣрь мнѣ, дитя мое! Когда я держалъ въ своей рукѣ эту творческую, великую руку, мнѣ казалось, что сердце хочетъ у меня выскочить изъ груди.»

Разъ, когда цвѣли липы и розы, и селеньицо одѣлось въ самый лучшей свой нарядъ, Віолетта сидѣла въ саду и задумалась, какъ иногда съ ней случалось. Отецъ читалъ книгу въ бесѣдкѣ. Вдругъ, раздалась веселая трель на плетеномъ заборѣ сада, и черезъ частую изгороду, выглянуло свѣжее, веселое лицо молодого, статнаго мужчины. Онъ, казалось, усталъ; въ рукѣ у него была маленькая папка и сучковатая палка; голову его прикрывалъ небольшой черный беретъ; густые темнорусые волосы въ безпорядкѣ разсыпались по плечамъ, на плечѣ сидѣлъ ручной скворецъ. «Милая, прекрасная дѣвушка, можно къ вамъ войти?» — спросилъ незнакомецъ, и голубые глаза его выражали самую неотразимую просьбу. Не дожидаясь другого отвѣта, кромѣ улыбки Віолетты, онъ сильнымъ прыжкомъ перескочилъ черезъ плетень. Подошелъ поспѣшно старикъ канторъ; Віолетта хохотала до слезъ; молодой человекъ, на своемъ сальто-мортале, уронилъ папку; карандашъ и ноты разлетѣлись кругомъ; скворецъ кричалъ: «Бѣда за бѣдою!» и быстро болталъ кучу итальянскихъ словъ, какъ попало. Отважный прыгунъ протянулъ руку кантору и сказалъ: «Передъ вами, папа, молодой ученикъ музыки изъ Вѣны: бродилъ цѣлый день, подслушивая мелодіи у лѣсныхъ птичекъ; да вотъ переводчикъ-то,—тутъ онъ указалъ на скорца, который поглядывалъ на него умными глазами—обманулъ меня; склевалъ мой хлѣбный припасъ, распугалъ всѣхъ пѣвцовъ своей болтовнею; и я пришелъ къ вамъ попросить, перемѣните несносныя, мольныя гаммы моего несчастнаго желудка въ сытное эсъ-дуръ». — Шутливыя слова очень понравились старику: онъ пригласилъ веселаго гостя въ бесѣдку, и Віолетта принесла мягкаго хлѣба, вкуснаго молока и масла, также вишенъ и душистой земляники. Молодой человекъ былъ доволенъ всѣмъ, скворецъ также. Хозяинъ и птица ѣли и пили взапуски, и болтали также наперерывъ одинъ передъ другимъ. Скажетъ незнакомецъ шутку, скворецъ повторитъ, все покрикивая между тѣмъ: «Эй! Фигаро, слушай! Фигаро, слушай!»

Черезъ часъ, жильцы маленькаго блага домика такъ познакомились съ своимъ гостемъ, какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ. Старый канторъ даже началъ уже что-то разсказывать о мастерѣ Бахѣ и нашель от-

мѣнно внимательнаго слушателя въ молодомъ ученикѣ музыки.—Сердце старика растаяло отъ бесѣды этого ребячески веселаго, простаго человѣка; онъ таинственно разсказалъ ему, словно ввѣряя самое дорогое сокровище, свою любимую исторію о томъ, какъ дядя Гайдень пожалъ ему руку. Молча, съ улыбкою, слушалъ его молодой гость; когда же старикъ закончилъ, онъ въ свою очередь разсказалъ ему, со слезами на глазахъ и немного дрожащимъ голосомъ, какъ дядя Гайдень даже поцѣловалъ его. Но канторъ никакъ не вѣрилъ этому, хотя скворецъ надѣвался — кричалъ: «это такъ, это такъ, это такъ!»—Распрощались они, когда на небѣ свѣтили уже мѣсяцъ и звѣзды; только тутъ пришло доброму старику въ голову спросить, какъ зовутъ его гостя. «Зовутъ меня Амедеемъ,—отвѣчалъ гость,—я къ вамъ часто буду приходить!»—Милости просимъ! говорилъ канторъ, улыбаясь и потрясая ему руку,—увидите, какое у меня собраніе нотъ: истинное сокровище, могу сказать! — Виолетта подарила пригожему Амедеему на прощанье прекраснѣйшій букетъ розъ; онъ зато поцѣловалъ ее такъ легко и искренно, какъ мотылекъ цѣлуетъ нѣжный цвѣтокъ; а скворецъ кричалъ: «Прощайте, идемъ, прощайте, до свиданья!» И ушли гости. Но еще долго, вдали, слышали хозяева дружный дуэтъ человѣческаго и птичьяго голоса.

Не прошло четырехъ дней, веселый ученикъ музыки опять перескочилъ плетень, но на этотъ разъ не усталый и не растрепанный, а свѣжій и щеголеватый. Виолетта обрадовалась, увидя его: онъ безъ церемоній поцѣловалъ ее въ хорошенькія плечики; скворецъ насвистывалъ пѣсню: «Кто милую найдетъ». То-то радъ былъ старшій канторъ приходу молодаго пріятеля! Таинственно повелъ онъ его въ свою комнату, отворилъ старшій шкафъ, и Амедей съ удивленіемъ увидѣлъ коллекцію лучшихъ произведеній Себастьяна Баха, Генделя, Палестрины, Перголезе и другихъ. Лежали тутъ нѣсколько мессъ дяди Гайдена; каждое твореніе въ опрятномъ переплетѣ, а на спинкѣ были отпечатаны золотыми буквами имя и годъ рожденія композитора. Амедей съ довольнымъ лицомъ перелистывалъ толстые томы; во всемъ зналъ толкъ, къ необычайному удивленію кантора; обо всемъ говорилъ отлично умно и ясно, и въ добрыхъ чертахъ его свѣтилось одушевленіе. Старикъ снялъ свою шапочку, положилъ руки на плеча молодаго человѣка, посмотрѣлъ на него значительно и сказалъ: «у васъ славная душа и вы, вѣрно, сами будете великимъ музыкантомъ, если Богъ благословитъ!» потомъ, обнялъ его, поцѣловалъ въ обѣ щеки; а скворецъ кричалъ: «вивать Зорастро!» Потомъ, Амедей заигралъ, и старшій спинетъ дрожалъ подъ его могучими руками; чудесныя мелодіи убаюкивали сладкими грезами сердца Виолетты и старика. — Насталъ вечеръ, они пошли въ садъ и молодой человѣкъ бѣгалъ взапуски въ Виолеттою; перекидывался съ нею цвѣтами и розовыми листьями, и оба болтали, какъ дѣти, съ ученымъ скворцомъ. Амедей говорилъ Виолеттѣ, какъ любить свою птичку и какъ никакъ не разстанется съ нею. Ее воспитала его покойная мать и подарила ему; съ тѣхъ поръ, они не разлучались ни днемъ, ни ночью; вечеромъ скворецъ садился въ изголовье, на кровать

господина, завертывалъ голову подъ крылышко и такъ спалъ до утра.

Прошло цѣлое лѣто, но не проходило недѣли, въ которую-бы не побывалъ хоть однажды Амедей, попѣть вмѣстѣ съ Віолеттою — потому-что она довольно мило и просто пѣла разныя старинныя пѣсни — и поболтать съ старымъ канторомъ о Себастіахъ Бахъ, поразсказать о дядѣ Гаиденѣ. Однажды, отецъ Віолетты спросилъ его: «Скажите, какъ вы думаете о Моцартѣ, который теперь начинаетъ входить въ славу своими сочиненіями; хотѣлось-бы знать объ немъ что-нибудь положительное. — «Пожалуй, отвѣчалъ молодой человѣкъ, я знаю Моцарта коротко, какъ самого себя, и могу разсказать вамъ объ немъ все подробно. Онъ веселая, безпечная голова, похожъ, почти какъ двѣ капли воды, на меня, только немножко посерьознѣе глядитъ, когда въ рукѣ у него дирижерская палка или перо. Онъ счастливъ, какъ ребенокъ; любить все доброе; душа его носится въ морѣ сладкихъ звуковъ, которые восхищаютъ его. Свѣтъ ему очень нравится, и нѣтъ на землѣ сердца вѣтреннѣе и веселѣе его. Любитъ онъ вино; а душе всего любить хорошенькое женское личико; любитъ также цвѣты и мотыльковъ. Вамъ-бы онъ понравился, могу васъ увѣрить. Да по-настоящему, у него и нѣтъ враговъ; а есть жена, которую онъ любитъ безъ-ума, и она стоитъ того: въ ней одинъ только недостатокъ, она ревнива и немножко мучитъ повѣсу Моцарта.»

Канторъ, усмѣхаясь, покачалъ головою; но Амедей поспѣшно началъ прощаться съ ними, хотя пробылъ всего какой-нибудь часъ и солнце еще высоко стояло на небѣ. «Сегодня сказалъ онъ, дають оперу Моцарта, «Донъ Жуанъ», и мнѣ хочется посмотреть, какъ ее приметъ публика. Я нѣсколько безпокойнаго характера, и особенно нынче такъ встревоженъ, что и самъ Моцартъ такъ не тревожится. Завтра, все вамъ разскажу!» Съ этими словами, онъ убѣжалъ; скворецъ едва успѣвалъ кричать: «Поспѣвай, не робѣй!» Господинъ его забылъ даже поцѣловать Віолетту, даже не взялъ ей букета цвѣтовъ. Дѣвушка цѣлый день ходила, повѣся голову; оттого-ли что ея не поцѣловали, или оттого-что жалѣла объ увядавшемъ букетѣ, — не умѣю вамъ сказать.

Прошелъ слѣдующій день, Амедей не являлся. Солнце опускалось ближе и ближе къ закату, желтыя листья падали съ деревь. Старый канторъ сидѣлъ, зарывшись въ ноты, на своихъ креслахъ. Віолетта напѣвала пѣсенку, только очень тихо: что-то на сердцѣ у нея было невесело. Вдругъ, стучать въ окно: звонкій, знакомый голосъ проситъ отворить. Віолетта вскочила опрометью. Привыкнувъ къ шалостямъ Амедея, она отворила окно, и вѣнскій ученикъ музыки вскочилъ въ комнату. «Здравствуйте, папа, — сказалъ онъ, радостный, какъ весеннее утро, — Моцарту удалось! «Донъ Жуанъ» его недурень. Онъ вамъ кланяется и прислалъ вамъ одну вещь, которую я сейчасъ принесу. А напередъ, возьмите вотъ бездѣлку на память обо мнѣ!» — Тутъ, онъ вручилъ старому другу красивую тетрадку. Это было: Ave verum. Віолетта получила нарядный листокъ съ надписью: «Моей фіалкѣ.» То была пѣсенка, начинавшаяся словами:

Фіалка на лугу цвѣла.

Ein Veilchen auf der Wiese stand.

Дѣвушка радовалась; старикъ, молча, серьезными глазами пробѣгалъ всѣ страницы; потомъ всталъ, безмолвно подошелъ къ своему потному шкафу и бережно вставилъ тетрадку между Бахомъ и Генделемъ. Веселое лицо молодого гостя выразило тихую растроганность; канторъ подавъ ему обѣ руки и сказалъ: «Сами вы хорошо знаете, что значить это мѣсто!» Въ голубыхъ глазахъ Амедея, блеснули слезы. Съ страстнымъ движеніемъ схватилъ онъ руку старика и вскричалъ: «Папа, вѣдь я самъ *Моцартъ*! — повѣса, весельчакъ Моцартъ, котораго ваша простая похвала радуется больше и сильнѣе, чѣмъ радовали всѣ громкія рукоплесканія публики. Благодарю васъ, но у меня есть еще для васъ радость!» Какъ дитя, кинулся онъ на грудь просіявшаго отъ удовольствія старика, обнялъ его и убѣжалъ за дверь. Черезъ минуту, опять показалось его счастливое лицо; скворецъ закричалъ: «вивать Зорастро!» — И въ дверь вошелъ — дядя Гайднъ. Радостный блескъ глазъ стараго кантора, трепетное движеніе губъ были его единственнымъ привѣтомъ своему кумиру и мастеру. Тѣло его не вынесло душевнаго потрясенія. Когда Гайднъ, съ своей радушной улыбкою, сказалъ: «здравствуйте» и протянулъ руку, Моцартъ съ испугомъ наклонился къ нему, а Віолетта тоскливо обнимала колѣна отца — его уже отозвалъ Господь и духъ его парилъ въ царствѣ вѣчной, небесной гармоніи.

Много, много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ. Дядя Гайднъ давно уже отошелъ въ міръ гармоніи, Моцартъ также крѣпкимъ сномъ спитъ въ холодной могилѣ; эти и многія другія свѣтила закатились для земли; а селеньице все по-прежнему радушно и весело выглядываетъ изъ-за кустовъ; старыя липы по-прежнему благоухаютъ; въ канторовомъ домикѣ тихо живетъ старушка. Это бывшая веселая, хорошенькая Віолетта. Она не выходила замужъ, и ведетъ мечтательную жизнь воспоминаній. Но если вамъ вздумается посѣтить ее, спросите у нея о мейстерѣ Моцартѣ: тогда глаза ея оживляются и по лицу разливается какъ-будто блескъ юности. И она будетъ вамъ говорить безъ-устали; а въ заключеніе покажетъ, можетъ быть, маленькій, увы! сильно пожелтѣвшій листокъ нотъ, на которомъ бѣглымъ почеркомъ написано:

Ein Veilchen auf der Wiese stand.

МАРЛИАНИ.

РАЗСКАЗЪ ИДЫ ДЮРИНГСФЕЛЬДЪ.

Хочу рассказать не повѣсть, а простую, истинную исторію, которую слышала вчера отъ Мацукато, когда проѣла чудесную канцонетту, что Марліани посвятилъ князю Бельджоіозо: *Odi d'un uom che muore.*

— «Бѣдный Марліани! — сказалъ Альбертъ Мацукато, съ чувствомъ, которое часто такъ пріятно звучитъ въ мягкихъ итальянскихъ голосахъ, — «бѣдный Марліани — добрый былъ мальчѣ!»

— «Бѣдный Марліани!» повторила и я, выслушавъ рассказъ маэстро. Что-жъ это за рассказъ? — А вотъ онъ.

Дѣло было лѣтъ пятнадцать назадъ. Театръ Ла-Скала былъ не таковъ, какимъ я видѣла его на дняхъ: полутемная зала, въ которой заняты съ полдюжины ложъ и то не вполне, а десятка два-три дилетантовъ стараются представлять собою восторженный партеръ. Нѣтъ, тогда Скала былъ еще однимъ изъ блистательнѣйшихъ и опаснѣйшихъ мѣстъ для самыхъ первостатейныхъ артистовъ, и главнѣйшимъ, даже, точнѣе сказать, единственнымъ интересомъ миланскаго общества.

Синьора Джулія — одна изъ извѣстныхъ пѣвицъ, въ то время вышла изъ Консерваторіи прямо на сцену Скалы, и дебютировала примадонною. Какъ пѣвица, она была такова, какою должна быть настоящая воспитанница Консерваторіи, но сверхъ того, она была женщина рѣдкой красоты.

Джулія явилась, какъ слѣдовало, и произвела всеобщее громоносное впечатлѣніе, можетъ-быть, не столько голосомъ, сколько своей красотой. Голосъ ея не былъ неподражаемъ, слышали пѣвицъ не хуже ея; но всѣ увѣряли, что еще не видали такой несравненной красавицы.

Джулія была миланка и потому исключительное существо. То, что миланцевъ дѣлаетъ вообще необыкновенно прекрасными мужчинами, строгія, прямыя, рѣзкія черты, неподвижность выраженія, блѣдный цвѣтъ лица подъ тѣнью темныхъ волосъ, блестящій, холодный, пронзительный взоръ, — тоже самое, по-моему, дѣлаетъ миланокъ некрасивыми женщинами. Быть-можетъ, онѣ были-бы хороши, еслибъ вообще вся ихъ наружность была нѣсколько повѣжнѣе. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, было съ Джуліей: тотъ-же надменный взоръ миланки, но самый глазъ выражалъ больше кротости; черты миланскія, но видъ ихъ былъ

нѣжиѣ, воздушнѣе; цвѣтъ лица блѣдный, но согрѣтый внутреннимъ жаромъ; только выраженіе лица совершенно такое-же, недвижимое, холодное, неизмѣнное. Въ Миланѣ, это однако не поражало никого, и Джулію славили совершенной красавицею.

Прославленная пѣвица и первая красавица — женщина на такомъ пьедесталѣ въ двѣ ступени — должна сдѣлаться или кокеткою или гордою. Джулія была итальянка: она сдѣлалась гордою; итальянки не умѣютъ быть кокетками. Зато, онѣ гордѣе другихъ женщинъ, а Джулія была еще гордѣе, нежели обыкновенно бываютъ ея соотечественницы. Она величаво стала въ свое первенствующее положеніе. Голова ея не закружилась отъ куреній, ежедневно сожигаемыхъ передъ нею; она оставалась хладнокровною и разсудительною, но не смотря на то, любила жертвы, даже больше, чѣмъ та женщина, которая-бы пламенно предавалась восторгу отъ кликовъ *diva*, вокругъ нея.

Имѣла-ли Джулія вообще сердце? Вопросъ этотъ часто и горячо разбирала миланская молодежь, но никогда не рѣшался онъ удовлетворительно. Когда отваживались спрашивать у самой Джуліи, она очень снисходительно отвѣчала: «О, да, у меня есть сердце, и я не намѣрена терять его.»

Молодые поклонники дѣлали чрезвычайно шумныя возраженія противъ такого упрямства. Они клялись, что не могутъ вѣрить ей, если она не покажетъ имъ сердца, которымъ хвастаетъ. Джулія чрезвычайно равнодушно отвѣчала, что ей все равно, вѣрятъ или нѣтъ они въ ея сердце. Она невозмутимо учила свои роли, совершенствовала игру и голосъ, хладнокровно капризничала, спокойно вѣтреничала, съ самымъ натуральнымъ видомъ высказывала самыя непомерныя требованія, не благодарила за ихъ исполненіе, оставалась нечувствительна къ куреніямъ, которыхъ желала; безъ малѣйшей признательности принимала обожанія, и половина Милана по-прежнему лежала у ея ногъ.

Музыка въ Италіи тоже, что въ остальной Европѣ литература. Молодой человѣкъ, какой-бы то ни было сферы, желая отличиться, не пишетъ романа, драмы или исторической книги, а компонируетъ оперу, кантату, рядъ канцонетъ. вмѣсто литераторовъ, тамъ говорятъ о маэстри. Марліани былъ маэстро и, наравнѣ съ многими, другими былъ вхожъ въ домъ пѣвицы. Но безъ сравненія со многими другими, которые только обожали ее, онъ ее любилъ, и любилъ страстно. Нѣсколько времени, тайлъ онъ свою страсть, пока наконецъ она перемогла его и заставила высказаться.

Джулія была женщина очень умная: она узнала въ Марліани человѣка истинно любящаго и оцѣнила его любовь, какъ единственное непритворное чувство, какое видѣла къ себѣ до тѣхъ поръ. Но отвѣчать на это чувство она не хотѣла. По ея мнѣнію, любовь повредила-бы ей на сценѣ. Нельзя въ одно время думать о возлюбленномъ и обученьѣ, а ученіе было еще необходимо ей и разсудокъ не позволялъ легкомысленно покинуть его. Взвѣсивъ такимъ образомъ выгоды и невыгоды предложенія Марліани, отдававшего ей самого себя и всю свою будущность, она откровенно и дружески отвѣчала ему отказомъ. Она

увѣрила его, что не полюбила-бы никого, кромѣ его, если-бъ намѣрена была выдти замужъ. Чувствуя себя счастливѣе на свободѣ, говорила она, можетъ только благодарить его за предложеніе и просить, чтобъ онъ по-прежнему оставался ея другомъ.

Марліани просилъ, по крайней мѣрѣ, подать ему надежду на лучшее въ будущемъ. Онъ обѣщаль постоянно съ той-же любовью ожидать отъ нея взаимности, если только она не отказывается навсегда, если только позволяетъ со временемъ надѣяться, что раздѣлитъ его участь.

Джулія была еще молода и неиспорчена сердцемъ: она не лгала, говоря, что желаетъ всегда оставаться свободною. Она подтвердила ему, что всегда намѣрена жить единственно для искусства. Марліани вѣрилъ и невѣрилъ, то отчаяваясь, то заранѣе ревнуя ее къ будущему неизбѣжному сопернику. Добродушная вообще къ другимъ, Джулія сожалѣла, что Марліани не можетъ совладѣть съ своимъ сердцемъ. Быть-можетъ, ей было-бы непріятно, если-бъ онъ успѣлъ побѣдить себя; но въ такой тонкій разборъ чувствъ не входила она ни сама съ собою, ни съ другими. Увѣряя себя, что желаетъ искренно, чтобы Марліани успокоился, она часто уговаривала его въ такомъ смыслѣ съ большимъ терпѣніемъ.

Марліани, при всей доброй волѣ, не могъ чувствовать себя счастливымъ: онъ стоналъ и плакалъ съ двойнымъ малодушіемъ итальянца и художника. Дошло до того, что Джулія запретила ему являться къ себѣ. Это было выше силъ Марліани. Всѣхъ знакомыхъ, общихъ у него съ пѣвицею, осаждалъ онъ просьбами ходатайствовать за него у Джуліи, и Джулія нѣсколько дней только и слышала, что о бѣдномъ Марліани и объ его горести. Она выказывала скуку и нетерпѣніе, но втайнѣ радовалась и заставляла упрашивать себя только для того, чтобъ упрашивали еще болѣе. Сама того не зная, она привыкла къ Марліани; безъ него, ей чего-то недоставало, жаль было доукъ его неутомимой любви. Наконецъ, подъ видомъ, что уступаетъ чужимъ просьбамъ, она уступила собственному нетерпѣнію и желанію. Когда Марліани въ первый разъ очутился снова въ ея домѣ, еще сомнѣваясь, точно-ли позволено ему войти, она приняла его съ тономъ радости и вмѣстѣ досады, съ тономъ, уже примѣтно походившимъ на довольно горячую склонность. Марліани замѣтилъ это и едва могъ воздержаться. Онъ боялся, что Джулія не проститъ ему излишней догадливости. Счастливъ былъ-бы онъ, если-бъ эта боязнь могла принудить его къ молчанію. Но онъ любилъ и впервые считалъ себя въ правѣ утѣшаться надеждою: любовь и тщеславіе двѣ самыя болтливыя страсти. Марліани обнаружилъ надежду, что Джулія перемѣнила свои чувства къ нему. Джулія строго взглянула на него и театральнымъ движеніемъ руки указала на двери. Просто-влюбленный невольно разсмѣялся-бы на этотъ жестъ изъ трагической оперы; Марліани огъ него палъ на колѣна, какъ преступникъ. Онъ приползъ къ Джуліи, хотѣлъ поцѣловать край ея одежды; она оттолкнула его. Будь она равнодушна къ нему, она простила-бы его смѣлость за теперешнее уничиженіе; но она любила его достаточно, чтобъ возненавидѣть и презрять. «Ты любишь меня»

слово чудовищное въ устахъ мужчины; отъ него непременно возмущается женская натура, всегда склонная къ экзальтаци. Любовь, уже высказавшаяся, можетъ перенести это слово; но любовь, которая еще скрывается, даже еще не сознала сама себя, такая любовь раздражается противъ любимаго человѣка и отрицается отъ себя и отъ него.

Джулія закричала Марліани, что ненавидитъ его, что не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія, что всегда терпѣла его только, какъ терпятъ комнатную собачку. Итальянка словно сѣверный вулканъ: снаружи ледъ, внутри пламень. Марліани твердилъ: «Я умру — я умру!» — «Умри, — говорила она, — умри, если только ты живъ ожиданіемъ любви. До гроба не прощу тебѣ, что ты осмѣлился за меня сдѣлать себѣ признаніе.» — Признаніе? — воскликнулъ Марліани — развѣ ты имѣла для меня признаніе? «Пламенно и пронзительно посмотрѣла она на него; потомъ сказала съ жаромъ:» Изволь, скажу — пусть это будетъ твоимъ наказаніемъ — да, со временемъ я полюбила-бы тебя и сказала-бы тебѣ, что люблю.» Съ дикимъ воплемъ кинулся къ ней Марліани, обхватилъ ее какъ-будто навѣкъ; она отвѣчала пощечиной; онъ бѣшено вскрикнулъ, отскочилъ назадъ и убѣжалъ.

На этотъ разъ онъ уже не искалъ посредничества друзей. Онъ неистовствовалъ противъ Джуліи, изрыгалъ проклятія; чернилъ ее, не за поведеніе, этого онъ не могъ, но за сердце, за душу.

Джулія скоро узнала, что ее поноситъ тотъ, кто еще недавно боготворилъ. Одни мудрые люди переносятъ потери спокойно, одни легкомысленные беззаботно; твердые, которые притомъ еще наивны, хотятъ сохранить то, что имѣютъ. Пѣвицѣ ни на минуту не приходила мысль дѣйствительно отказаться отъ Марліани. Она прогнала его, но только такъ, какъ прогоняютъ вѣрную собаку, когда знаютъ, что на другой-же день она опять будетъ царапаться въ дверь. Она унизила его и оскорбила, но онъ не долженъ былъ смотрѣть ни на униженія, ни на оскорбленія. Когда однако онъ не являлся, она ощутила досаду, какую можетъ чувствовать господинъ бѣжавшаго негра. Какъ! этотъ ползунъ, Марліани, осмѣлился возмутиться противъ Джуліи? Короткимъ знакомымъ она говорила, что даже понять это не можетъ. Она говорила со смѣхомъ, но смѣхъ ея шелъ прямо изъ озлобленнаго сердца. Другьямъ ненужно было долго думать, чтобъ угадать, какъ повернулось дѣло; они убѣждали Марліани возвратиться, ручались ему за самый лестный пріемъ. Онъ не хотѣлъ и слышать: хвалился свободою, которую завоевалъ себѣ, равнодушіемъ, въ которомъ отдыхалъ отъ своего продолжительнаго неистовства. Ему невѣрили, но не могли склонить его къ новымъ искательствамъ. Джулія все это знала — люди обыкновенно извѣщаютъ о томъ, что можетъ намъ досадить. Въ Джуліи было столько гордости, что она не показывала себя оскорбленною, но она оскорблялась до глубины своего самолюбія. Она сомнѣвалась сама въ себѣ. Если Марліани могъ забыть ее, на чье-же поклоненіе можно было положиться? Почему знать, можетъ-быть, завтра всѣ ее покинуть и она очутится скоро забытою всѣми?

Пропала въ Джуліи увѣренность, съ какою она господствовала до

тѣхъ поръ. Она употребляла усилія, которыя были ненужны и потому производили прямо противное тому, чего она ожидала отъ нихъ. Чѣмъ больше Джулія старалась быть очаровательною, тѣмъ меньше очаровывалась; то, что прежде приходило само собою, теперь убѣгло отъ нея, когда она за нимъ гналась. Море, какъ въ Миланѣ весьма мѣтко называется толпа, уже не носило ея къ триумфамъ, которыхъ она привыкла достигать этимъ блистательнымъ и шумнымъ путемъ. Марліани, не терявшій изъ вида предметъ своей ненависти, точно также, какъ нѣкогда предметъ своей любви, Марліани, каждую ступень, съ которой она понижалась на золотой лѣстницѣ славы, считалъ съ радостью, какая вѣдома только озлобленному любовнику. Онъ выжидалъ минуты, когда она совершенно сойдетъ въ рядъ обыкновенныхъ актрисъ. Тогда бы онъ приблизился къ ней и возвысивъ ее снова, насытился-бы мщеніемъ, показавъ состраданіе къ безчеловѣчной.

Страсть, которая сближаетъ между собою двѣ половины человѣческаго рода, почти всегда превращается въ моральное единоборство мужской природы съ женскою. Которая чаще побѣждаетъ, мы не говоримъ; дѣло въ томъ, что въ этомъ частномъ случаѣ побѣда осталась на женской сторонѣ.

Джулія возсталла изъ своего униженія и вознеслась выше прежняго. Опять явилась толпа обожателей вокругъ нея; пѣвица опять могла избирать, кого хотѣла. Она не выбирала, потому-что хотѣла одного Марліани; его она любила и его ожидала, чтобы сказать ему: «я твоя!»

Но Марліани и теперь не являлся. Онъ былъ какъ въ безпамятствѣ, оттого - что Джулія снова и уже рѣшительно взшла на высоту, до которой онъ могъ достигать только поклоненіемъ. То, чего безумно рѣшился онъ никогда впредь не предлагать ей, теперь было единственной вещью, которую онъ еще могъ предложить. Мщеніе, состраданіе — онъ стыдился самого себя, что помышлялъ о возможности показать мщеніе и состраданіе такой всемогущей красотѣ; презиралъ свое безсиліе передъ нею, презиралъ самого себя.

Въ это время, одинъ пріятель, одинъ изъ тѣхъ добрыхъ людей, которые любятъ, во что бы ни стало, устраивать счастье друзей, сдѣлалъ Марліани предложеніе, которое маэстро прежде отвернулъ бы безъ разговора, но теперь, при безцѣльности своего бытія, выслушалъ охотно. Какъ вы догадываетесь, дѣло шло о женитьбѣ. Порядочная фамилія, хорошенькая невѣста, славное приданое — пріятель доказалъ Марліани, что лучшаго и желать невозможно. Марліани согласился и поручилъ пріятелю хлопотать. Лично онъ желалъ какъ можно меньше труда: желаніе справедливое, если смотрѣть на дѣло, какъ на спекуляцію. Съ семействомъ невѣсты онъ былъ довольно знакомъ, съ дѣвушкою обращался всегда привѣтливо, какъ вообще со всѣми, по характеру своему, — исполненіе его желанія было незатруднительно. Только мать невѣсты, прежде формальнаго согласія, желала поговорить съ нимъ откровенно, спросить у него о чувствахъ его къ Джуліи. Марліани вовсе не скрывалъ того, что чувствовалъ прежде; а что теперь чувствовалъ, въ томъ ни разу не признавался и себѣ самому, слѣ-

довательно, нельзя строго осуждать его, если на вопросы матери онъ отвѣчалъ отрицательнымъ образомъ. Что онъ никогда не былъ любимъ Джуліею, это онъ могъ сказать по совѣсти. Уничтожилось и послѣднее препятствіе, которое могло помѣшать союзу, желаемому съ обѣихъ сторонъ. Марліани явился женихомъ хорошенькой, милой, но, къ сожалѣнію, и недалекой дѣвушки.

Отвлекла ли бы его невѣста отъ прежней страсти, если бъ была даровитѣе? Можетъ быть; хотя трудно было его невѣстѣ выдержать сравненіе съ такой совершенной женщиной, какъ Джулія. Но настоящую свою невѣсту Марліани даже и не сравнивалъ съ Джуліей. Одна была для него смертная, другая—языческая богиня:—таковы казались ему двѣ женщины, изъ которыхъ одна принадлежала ему, а другой онъ принадлежалъ.

По-несчастью, не смотря на его видимую холодность, невѣста почувствовала сильную склонность къ нему. Въ этой исторіи, суждено было сойтись всѣмъ несчастіямъ, и для мужа, и для жены. Марліани глубоко огорчился, замѣтя впечатлѣніе, которое произвелъ. Ему страшно показалось быть любимымъ женою, тогда какъ онъ ее не любилъ. Однакожъ свадьбу нельзя было откладывать. Заключивъ узы, бѣдный безумецъ надѣялся свыкнуться съ ними не только наружно, но и сердцемъ. Во время обрученія и слѣдовавшаго за тѣмъ пира, онъ былъ буквально близокъ къ сумасшествію. Принадлежать другой, тогда какъ душою и чувствами онъ еще принадлежалъ вполне и исключительно Джуліи, вдругъ показалось ему и нелѣпо, и безчестно, и смѣшно вмѣстѣ. Онъ воспользовался минутой разѣзда гостей, чтобы скрыться изъ дома тестя и броситься къ Джуліи. Пѣвица знала все, что происходило; съ проклятіями на Марліани и на себя, лежала она въ постели, блѣдная, убитая, выплакавъ всѣ слезы, когда явился ея поклонникъ. Горничная не могла удержать его. Джулія не спросила, не испугалась, не сомнѣвалась—она ликовала, смѣялась, плакала—онъ былъ у нея. — «Я женюсь! вскричалъ онъ, — вотъ до чего довела ты меня своимъ равнодушіемъ. Я преступникъ — потому—что обманулъ прекрасную, добрую дѣвушку, поклявшись, что буду любить ее — а это невозможно! Ты будешь смущать всю мою жизнь, ты отравишь и ея семейное счастье!» — «Но кто же велѣлъ?.. Кто хотѣлъ этого?.. Ты самъ виноватъ, ты зналъ, ты чувствовалъ, что я тебя любила, что не могу быть счастлива безъ тебя!»

И она залилась слезами. Онъ стоялъ, какъ помѣшанный: этого онъ не ожидалъ. Опомнившись, онъ бросился къ ея ногамъ и они поклялись принадлежать другъ другу. Отнынѣ ничто не должно было ихъ разлучить. Марліани съ восторгомъ отправился на свою квартиру. Въ домъ тестя онъ уже не являлся; молодая невѣста въ послѣдній разъ видѣла его на обрученіи.

Онъ написалъ къ ней письмо въ тотъ-же вечеръ, просилъ простить его, но говорилъ, что мужемъ ей быть не можетъ, не приводя другой причины, кромѣ «своего несчастія.» Онъ горько обвинялъ себя, что погубилъ ея счастье. Она воздержалась отъ всякихъ

жалобъ и упрековъ, и начала жить по прежнему, въ тихомъ уединеніи, но съ сердцемъ, разбитымъ отъ перваго разочарованія любви. Марліани покинулъ въ ней свое истинное счастье.

Контрактъ привязывалъ Джулію къ Милану: она нарушила контрактъ и уѣхала въ Парижъ. Марліани послѣдовалъ за нею, и нѣсколько лѣтъ жилъ и дышалъ только ею, все въ ожиданіи той минуты, когда они будутъ навѣки принадлежать другъ другу. Джулія всегда находила предлогъ отдалить эту минуту. Скоро ли и какія именно разочарованія нашелъ маэстро, онъ никогда не сказывалъ; но терпѣніе его наконецъ истощилось. Онъ возвратился въ Миланъ безъ Джуліи. Правда, пѣвица не могла пріѣхать въ Миланъ: директоръ Скалы требовалъ съ нея значительной суммы за убытки, причиненные нарушеніемъ контракта, а Джуліи нехотѣлось платить; это понятно. Но Марліани могъ оставаться съ нею, или по крайней мѣрѣ къ ней возвратиться — онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого.—Пѣвица, снискавшая между тѣмъ европейскую славу—для страстнаго Ромео перестала быть Джульетой.

Нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ Миланѣ, не сходясь однако съ своей бывшей невѣстою. Наконецъ, онъ переѣхалъ на житье въ Болонью, и палъ тамъ на стѣнахъ города, во время осады.

Такую-то исторію рассказывалъ мнѣ Альберто Маццукато, когда я пѣла канцонету:

Odi d'un uom che muore,
Odi l'estremo suon.

(Выслушай мой послѣдній,
Мой предсмертный звукъ).

МАВРЫ ВЪ ИСПАНІИ И ВЪ АФРИКѢ.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ ДОКТОРА ТРИПЛИНА.

Статья четвертая.

ЗНАТНѢЙШІЯ ПОСЕЛЕНІЯ МАВРОВЪ ВЪ ИСПАНІИ.

Полетъ надъ Испаніей. — Слѣды друидовъ. — Городъ Хересъ. — Андалузскія лошади. — Медина-Сидонія. — Севилья. — Торжественная процессія праздника Тѣла Господня. — Севильскій музеумъ. — Церковь Santa Maria de la sede de Sevilla. — Замокъ Al-cazar.

Пустимся полетомъ птицы надъ этимъ прекраснымъ гесперійскимъ садомъ, который потомъ названъ Испанією, распустимъ наши крылья тамъ, высоко, надъ облаками; полетъ нашъ не будетъ задерживаемъ ни скалами, ни пропастями, ни шумящими потоками, ни даже этими дерзкими горами, которыя горделиво возносятъ вершины свои до самого неба. Мы одну только цѣль имѣемъ въ виду, цѣль возвышенную, исполненную для насъ прелести: изыскать въ томъ, что *есть* — слѣды могущества и упадка того, что *было*, — Предназначенный для вѣчности, питающій отъ самой колыбели до гробовой доски надежду на вѣчность, — человекъ желалъ бы найти въ жизни и въ дѣянiяхъ самыхъ отдаленныхъ предковъ своихъ живое воспоминаніе и живое ручательство будущихъ дѣянiй.

Въ Испаніи, все еще привлекаетъ взоры молодости, все очаровываетъ грустный, но наблюдательный умъ фисолофа. Страшныя историческія катастрофы прошли здѣсь, оставя глубокіе, неизгладимые слѣды и на поверхности земли и въ самомъ характерѣ народномъ.

Поражающія своею огромностію кучи камней, вознесенныхъ какъ бы рукою титана, искусствомъ своего соединенія, доселѣ неотгаданнымъ, свидѣтельствуютъ, что и друидъ, своимъ мрачнымъ, хаотическимъ

духомъ, ясно предвидѣлъ потребности будущности, потребности вѣчной жизни. Утверждаютъ, что онъ на этихъ алтаряхъ поклонялся своимъ кумирамъ; нѣтъ! этимъ грубымъ, каменнымъ языкомъ онъ молилъ о будущности, о вѣчной жизни. Для чего жъ бы собиралъ въ одно мѣсто эти огромные камни народу, которому, казалось бы, нужны были всѣ силы для одолѣнія дикихъ звѣрей, этихъ первобытныхъ жителей нашей земли? Идея о вѣчности, — эта сердечная, священная тоска по вѣчной отчизнѣ, врожденное религиозное понятіе уже тлились въ душахъ дикихъ дѣтей лѣсовъ и обнаруживались дѣйствіями ихъ могущества.

Эти величественные алтари друидовъ стоятъ уже, можетъ быть, сорокъ вѣковъ, какъ первые свидѣтели умственного движенія, и издѣваются надъ бурями, грозами и землетрясеніями. Они стоятъ, какъ метеоры, спадшіе съ неба и окаменѣвшіе.

Но здѣсь, возлѣ алтарей друидовъ, возносятся, на развалинахъ промышленности финикіянъ и мужества кареагенцевъ, горделивые памятники римлянъ, первыя святыни христіанъ, очаровательныя селенія мавровъ, въ первобытной красотѣ своей, великолѣпные готическіе храмы, новѣйшія произведенія архитектуры, и свидѣтельствуютъ о неисчерпаемыхъ сокровищахъ этой страны, о предприимчивомъ духѣ народа, который умѣлъ столько разъ возставать изъ развалинъ и изумлять цѣлый свѣтъ жизненностію своего существованія.

Счастливая Испанія! она не нуждается въ историкахъ, она ихъ не должна пугаться. Она сама начертала свою исторію гранитомъ, мраморомъ и бронзой, — чертами неизгладимыми, которыхъ невозможно ни скрыть, ни поддѣлать. Здѣсь, въ Испаніи, ниодинъ вѣкъ не хотѣлъ уступить другому, не оставивъ по себѣ на землѣ достойнаго памятника, свидѣтеля и защитника правды.

Мы пустились въ эфирное путешествіе наше изъ Кадикса въ глубь Андалузій, на другую сторону залива, составляющаго пристань Кадикса. Куда мы ни бросимъ взоръ, вездѣ видимъ поля, отлично обработанныя. На обширныхъ лугахъ, орошенныхъ обильною водою, пасутся табуны лошадей, составляющіе до 800 головъ. Превосходные, славные въ цѣломъ свѣтѣ виноградники покрываютъ холмистыя мѣста. Здѣсь опять оливковые лѣса, тамъ поля, покрытыя хлѣбомъ, съ которыхъ уже снята пшеница; предъ концомъ лѣта съ нихъ будутъ собирать другіе роды хлѣбовъ, и наконецъ, передъ наступленіемъ зимы, соберутъ еще сочный трилистникъ.

Очень много городовъ, довольно значительныхъ, лежатъ въ небольшомъ одинъ отъ другого разстояніи: Пуэрта де-Санта Марія, Санъ Люкаръ де-Борромедя, Рота Хересь. Всѣ города эти имѣютъ характеръ мавританскій: тѣже самые бѣлые дома, тоже распредѣленіе улицъ, такія же площади и сады, какъ и въ Тангерѣ, Тетуанѣ и Ларрасѣ.

На этихъ поляхъ Хереса, полумѣсяцъ восторжествовалъ надъ Родригомъ, предводителемъ готовъ (въ 711 году), и отсюда онъ разнесъ свое владычество надъ цѣлою Испаніею. Въ однихъ только горахъ Галиціи, Астуріи и Кантабріи, готы остались непобѣдимыми.

Предпримчивый мавръ хотѣлъ быть себѣ самому за все обязанымъ, и въ гордости своей, не щадилъ никакихъ слѣдовъ цивилизаціи готовъ, желая на развалинахъ ихъ, насадить свою собственную цивилизацію. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ прежде стояли бѣдныя хижины и лачуги, онъ поставилъ каменные дома; гдѣ были уродливыя замки готовъ, тамъ вознеслись красивыя палаты, превосходящія своею красотою всѣ грезы людскія; гдѣ было грубое желѣзо, тамъ оно замѣнено золотомъ. И это—то именно послужило къ пагубѣ надменныхъ и изнѣжившихся отъ роскоши мавровъ. Спустя семьсотъ восемьдесятъ лѣтъ, рушился на горахъ Гренады золотой полумѣсяцъ подъ ударами христіанина; но слѣды пребыванія его здѣсь остались неизгладимы, не взирая на всѣ преслѣдованія, претерпѣнныя преслѣдователями исламизма. Вліяніе мавровъ на Андалузію проявляется въ обычаяхъ, нарядѣ, даже въ языкѣ нынѣшнихъ ея жителей. Не одну загадку ихъ характера можно отгадать сродствомъ Испаніи съ Востокомъ. Фигурный языкъ Востока, его страсть къ чудесамъ, его повѣствованія, слова и обороты перешли къ жителямъ Андалузіи; даже самый выговоръ андалузскаго нарѣчія свидѣтельствуетъ о продолжительномъ вліяніи арабовъ: на примѣръ, сильная интонація горловыхъ и шипящихъ звуковъ.

Городъ *Хересъ* лежитъ на высокой и нѣсколько покатиистой скалѣ. Налѣво, возвышается уступами огромная терраса, которая служитъ городскимъ жителямъ мѣстомъ прогулки. Наружныя стѣны вошли въ составъ города, по мѣрѣ увеличенія населенія, которое нынѣ простирается до сорока тысячъ душъ; вездѣ видно довольство жителей, и не удивительно: здѣсь столица превосходныхъ винъ и славныхъ арамаковъ.

Чтобы ближе познакомиться съ славными андалузскими лошадьми—мы должны съ облаковъ спуститься на роскошныя поля, на которыхъ лошади эти весело и свободно разгуливаютъ. По обычаю мавровъ, женская половина лошадиной породы содержится совершенно отдѣльно отъ мужской, которую воспитываютъ въ совершенномъ невѣденіи о существованіи кобылъ. Полагаютъ, что такое воспитаніе содѣйствуетъ къ поддержанію благородства породы.

Это многочисленное и чисто андалузское стадо лошадей, съ которымъ мы теперь знакомимся, прежде принадлежало братству камедуловъ, которымъ принадлежалъ и этотъ обширный монастырь, при самомъ вѣздѣ въ *Хересъ*. Неумолимый эдиктъ Мендизабала лишилъ ихъ убѣжища, вмѣстѣ съ невиннымъ удовольствіемъ размноженія лошадиной породы. Стадо кунилъ вмѣстѣ съ землею одинъ гидальго, въ обществѣ нѣсколькихъ зажиточныхъ крестьянъ.

Почти всѣ лошади чистой андалузской породы имѣютъ два важныя недостатка красоты: то есть, слишкомъ большую голову съ простымъ выраженіемъ и слишкомъ узкій хребетъ, опускающійся внизъ; казалось бы, что эти лошади должны быть слабы въ задней части, но это несправедливо; потому—что онѣ отлично скачутъ и въ состояніи безъ усталости проскакать подъ верховымъ до десяти географическихъ миль.

Еще другой недостатокъ, по моему мнѣнію, очень важный, состоитъ въ устройствѣ заднихъ ногъ, черезъ чуръ выгнутыхъ, которыя поэтому переступаютъ переднія ноги. Шагъ этихъ лошадей очень длинный и подвижный, но при ѣздѣ рысью, заднія копыта ударяются о переднія. Въ галопѣ этотъ недостатокъ не замѣтенъ вовсе, а потому андалузецъ рѣдко скачетъ рысью.

Андалузскія лошади не такъ скоро доростаютъ и созрѣваютъ, какъ, говоря относительно, люди этихъ странъ. Онѣ набираютъ силы только на седьмомъ году, но зато и не скоро сходятъ съ поля. Верховыя лошади, даже на двенадцатомъ году, еще очень быстры, гибки и терпѣливы. Позднее развитіе андалузскихъ лошадей происходитъ, вѣроятно, также и отъ способа воспитанія ихъ въ описанномъ выше невѣденіи. Онѣ до четырехъ лѣтняго возраста такъ дики, худы и косматы, что трудно представить себѣ, чтобы изъ такого существа могли выдти такія красивыя и сильныя лошади.

Донъ Діего Гонзалесъ де-Рибейра показалъ мнѣ богатаго буланаго жеребца, который, кромѣ большой головы, не имѣлъ никакого недостатка, ибо хребетъ у него былъ красивый и ноги неслишкомъ выгнуты. Рослый, сильный въ костяхъ, — съ гривой и хвостомъ, какъ бы изъ сыраго шелка — и до того богатыми, что они ниспадали на землю — жеребецъ этотъ имѣлъ гордую поступь, а въ галопѣ такъ бороздилъ землю, какъ бы хотѣлъ ее избить въ куски. Хозяинъ требовалъ за него, на наши деньги, тысячу восемь сотъ рублей серебромъ. Красивыя и большія лошади вообще очень рѣдки и очень дороги въ Испаніи: за посредственную верховую лошадь подъ кавалерійскаго офицера, надо заплатить, по крайней мѣрѣ, двѣсти рублей серебромъ. Должно замѣтить, что испанцы никогда не употребляютъ кобылъ подъ верхъ, а также и никогда не холостятъ жеребцовъ. Кажется, что вся сила андалузскаго коня сосредоточена въ его мужествѣ, и когда онъ разъ лишится его, то рѣшительно ни къ чему негоденъ.

Но въ искусствѣ выѣзжать лошадей, испанцы стоятъ еще на низкой степени. Испанецъ, правда, сидитъ крѣпко въ сѣдлѣ, потому-что съ самого дѣтства уже привыкаетъ къ верховой ѣздѣ, но онъ не умѣетъ обходиться съ лошадыю, не умѣетъ придать ей красивыя манеры. Андалузскія лошади необыкновенно кротки и понятливы — и нисколько не упрямы: съ небольшимъ трудомъ, изъ нихъ можно все сдѣлать, что захочешь, ихъ можно научить разнымъ штукамъ. Не смотря на то, испанецъ владетъ своей лошади такой сильной мундштукъ, что могъ бы имъ выѣздить гишпопотама. Такимъ мундштукомъ можно неограниченно управлять конемъ, можно однимъ разомъ осадить его назадъ. Испанецъ вообще страстно любитъ выдѣлывать на лошади разныя штуки: скакать во весь духъ по мостовой, осаждать лошадь на самомъ быстромъ ходу, и тому подобное.

Мадритскіе франты заведи у себя скачки на манеръ англійскихъ, но испанскій конь не отличается быстротою бѣга и не можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ англійскимъ.

Но довольно толковать о лошадяхъ; возвратимся опять подъ облака.

Прости мнѣ, угрюмый мавръ .. *Vadorno in parte, d'attri diletti che de tuoi le carte*: прости мнѣ, если я иными красотою, кромѣ твоихъ, прикрашиваю эти страны; но вѣдь и андалузскій конь есть также воспоминаніе, оставшееся о тебѣ въ Испаніи; вѣдь это потомокъ той са мой породы, которую ты привелъ сюда изъ Нумидіи, и на этихъ коняхъ отличные кавалеристы показали не въ одной битвѣ, что еще существуютъ потомки побѣдителей Само-Сиерры.

Но что это за хаосъ развалинъ подъ нами? — что это за башни и бастіоны, воздымающіеся посреди деревъ и кустарниковъ? — Это руины могущественнаго нѣкогда селенія римлянъ, это Мавританскій Замокъ; это Медина-Сидонія, древнее *Asindo* римлянъ. Здѣсь, въ этомъ замкѣ, Аль-Таназоръ держалъ въ заключеніи прекрасную Темиру, княжну Астурии; и когда ни угрозы, ни томленія, не могли принудить ее къ любви, князь мавританскій принялъ изъ рукъ своей невольницы крестъ Спасителя. — Изъ этихъ стѣнъ они оба бѣжали въ Овiedo: она, чтобы навѣки заключиться въ монастырь, — онъ, чтобы умереть отъ любви, послѣ долгихъ страданій. — Старинная мавританская баллада такъ предостерегаетъ своихъ единовѣрцевъ:

«Если желаешь знать, что такое христіанка?—

О! спроси блѣдныя тѣни Таназора:—

Ледяное сердце ея не бьется для мослема,

Если бы даже ты для нея треномъ и жизнью пожертвовалъ.

О убей ее, прежде нежели въ нее всмотришься,

Убей, или ты погибъ навѣки, если минуту промедлишь;

Mata! mata! desdichado!

Убей, убей ее, несчастный!»

Можно ли найти въ какомъ-нибудь языкѣ лучшій гимнъ въ похвалу женщины-христіанки, понимающей свое достоинство?

И пегасъ мой, оживленный этой атмосферой, пылающею вѣчной поэзіей, взлетѣлъ высоко, туда, гдѣ находится неисчерпаемый источникъ всего прекраснаго, украшающаго своимъ блескомъ нашу землю. — На землѣ, я видѣлъ только какіе-то изумрудные кристаллы и шнуръ брильянтовъ, окружающій ихъ своимъ блескомъ. Вѣроятно, это были луга Андалузій и серебристыя воды Гвадалквивира. — Долго носился я въ воздушныхъ предѣлахъ; наконецъ, я былъ пробужденъ звуками колоколовъ, музыки и пѣнья, возносящимися къ небу.

Наконецъ, я различаю громъ выстрѣловъ и торжественные звуки колоколовъ, различаю гармонію многочисленнаго оркестра и религіозныя напѣвы многихъ тысячъ богомольцевъ. — Приближаюсь опять къ землѣ: вижу высокія башни, огромный готическій храмъ, множество другихъ башенъ и церквей, замковъ и палатъ; улицы наполнены народомъ, убраннымъ по праздничному, безчисленное множество горящихъ свѣчей, множество знаменъ, войска и духовенства. А! — Это Севилья! цвѣтъ свѣта: *la flor del mundo*, какъ испанцы ее называютъ, — и въ ней, процессія торжественнаго праздника Тѣла Господня.

Остановимся здѣсь немного и полюбуемся этимъ зрѣлищемъ.

Звонъ тысячи колоколовъ раздавался по всѣмъ церквамъ Севильи—воздухъ потрясался отъ выстрѣловъ изъ крѣпостныхъ пушекъ Альказара, — бывшаго замка мавританскихъ царей, — духовная музыка и церковное пѣніе оглашали воздухъ своей божественной гармоніей. — Большія ворота одной изъ великолѣпнѣйшихъ базиликъ свѣта были открыты настежь, — изъ нихъ, шествуетъ процессія на улицу, усыпанную цвѣтами и защищенную отъ лучей палящаго солнца покрывами изъ шелковой матеріи, растянутыми по крышамъ домовъ.

Сто хоругвей развѣваются въ воздухѣ, — тысячи заженныхъ восковыхъ свѣчей разливаютъ таинственный свѣтъ, — легионъ семинаристовъ, въ бѣлыхъ вышитыхъ стихаряхъ возсылаютъ къ небу, по данному знаку, благовопія изъ пятисотъ кадилницъ.

Въ Испаніи, не устраиваютъ, какъ въ другихъ католическихъ земляхъ, для этой процессіи временныхъ алтарей, но тамъ особый алтарь, серебряный, вызолоченный и украшенный самою богатою рѣзьбою, доходящій вышиною до четвертаго этажа домовъ, катится по улицамъ на прикрытыхъ колесахъ. Шестнадцать человѣкъ двигаютъ внутри это зданіе, стоящее миллионъ.

За алтаремъ, шествуетъ многочисленный сонмъ духовныхъ въ тяжелыхъ золотыхъ ризахъ, покрытыхъ драгоценными камнями.—Sanctissimum несетъ самъ архіепископъ, осѣненный балдахиномъ, поддерживаемымъ губернаторами, генералами и адмиралами.—Народная гвардія, въ парадныхъ мундирахъ составляла шпалеры. Нѣсколько военныхъ оркестровъ, пѣшихъ и конныхъ, играютъ духовныя композиціи; столькоже хоровъ пѣвчихъ поютъ духовныя гимны, прерываемые по временамъ пронзительными звуками трубъ ерихонскихъ, въ которыя дуютъ около тридцати какихъ-то колоссальныхъ людей. За этими музыкантами, идутъ три *hermandades de penitencia*, то есть, три братства покаянія, въ такихъ же черныхъ и бѣлыхъ монашескихъ рясахъ, съ лицами, закрытыми мѣшками тогоже цвѣта.

Въ прежнее время, за этими *hermandades de penitencia*, шло до трехъ тысячъ монашествующихъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтныя ризы, которые издавали звуки, громогласные и торжественные.

Множество дѣвицъ въ бѣлыхъ платьяхъ, замужнихъ женщинъ въ голубыхъ и вдовъ въ черныхъ—тянулись длиною вереницею. — Дѣвицы разсыпали цвѣты, замужнія несли горящія свѣчи, а вдовы — четки, по которымъ онѣ молились.

За ними, выступали ремесленные цѣхи съ своими значками, школы и факультеты въ длинныхъ тогахъ, предшествуемые педелями, несущими — булавы.

И опять, идетъ военная музыка и солдаты съ ружьями, но безъ заженныхъ свѣчей, и несмѣтныя тысячи народа, между которымъ многіе собирали милостыню, — въ носимыя ими на длинныхъ шестахъ корзины щедро сыпалась милостыня, со всѣхъ этажей близлежащихъ домовъ.

Пойдемъ теперь въ севильскій музеумъ.

Богатое собраніе живописи, принадлежащее городу, помѣщено въ бывшемъ капуцинскомъ монастырѣ, котораго залы обращены въ академію художествъ. — Ничего нельзя сказать противъ устройства этого музеума. — Произведенія живописи развѣшаны въ отличномъ свѣтѣ, — входъ въ музеумъ открытъ ежедневно и бесплатно для каждаго.

Въ этомъ храмѣ искусствъ, блестятъ имена: *Мурильо, Веласкеса, Сурбарана, Вальдесъ-Реала* — какъ звѣзды первой величины.

Войдемъ въ залу, содержащую въ себѣ произведенія Мурильо. Всѣхъ картинъ этого живописца восемнадцать и каждая изъ нихъ chef-d'oeuvre живописи. — Болѣе всего поражаетъ зрителя у Мурильо — его колоритъ: великій художникъ влилъ въ него душу — и душа зрителя невольно черпаетъ изъ него какую-то дивную, торжественную способность, переносящую его въ область прекраснаго, дотоѣ не постижимаго для него. — До-сихъ-поръ, никто еще не превзошелъ Мурильо, въ глубинѣ и прозрачности тоновъ; а между-тѣмъ, въ его произведеніяхъ, видна необыкновенная простота въ выборѣ цвѣтовъ, и онъ однимъ только искуснымъ распредѣленіемъ свѣта и тѣней производитъ такое сильное впечатлѣніе на зрителя. На всѣхъ картинахъ Мурильо, распространенъ какой-то мистическій мракъ, — свѣтъ падаетъ только на главныя лица, отчего онѣ являются въ полномъ блескѣ на темномъ фонѣ. — Всякой можетъ легко отгадать дѣйствіе лицъ и понять высокой помысль живописца, — такую геніальностью запечатлѣнъ тонъ картинъ Мурильо. Всякій разъ, когда я восхищался произведеніями Мурильо, мнѣ приходило на мысль Шекспиръ. — Ихъ обоихъ обвиняли въ недостаткѣ направленія! — Почитатели эстетики называли ихъ обоихъ дѣтьми природы! Но именно то, что мелкіе умы называютъ недостаткомъ классицизма, — и есть поэзія, вырывающаяся своими собственными силами изъ тѣсныхъ, условленныхъ формъ и оковъ.

Одни обвиняютъ Мурильо, что онъ незналъ образцовыхъ произведеній древности. — Нѣтъ! онъ пренебрегалъ ими! — Его образцомъ была природа. Здоровое воображеніе его никогда не произвело ничего болѣзненнаго, хилаго, — и никогда не позволяло себѣ увлекаться прелестями чувственности. Картины его свободны отъ всякаго рода сладострастія, чего невозможно сказать о произведеніяхъ прежней италіанской школы. — Его чистая, стыдливая муза была единственно въ услугахъ религіи и церкви, не выходя никогда за предѣлы видимаго міра людскаго, — натурального. — Его святые въ высшей степени облагороженные люди, — ликъ Пресвятой Дѣвы представляетъ у него образецъ самаго чистаго и возвышеннаго существа. Особенно отличаются выраженіемъ невинности его образа, представляющіе зачатіе Пресвятыя дѣвы, *Maria de la concersion*.

Посмотрите на этотъ образъ: онъ представляетъ мужчину и дитя, — какое божественное выраженіе лицъ ихъ! я никогда не видалъ ничего подобнаго! Это св. Іосифъ и младенецъ Іисусъ.

Можно простоять цѣлые дни, чтобы любоваться этими прелестными произведеніями живописи, — и съ трудомъ расстаешься съ ними. — Въ

другомъ письмѣ моемъ, я буду подробнѣе говорить о богатыхъ испанскихъ музеумахъ. — Счастливый край эта Испанія! — она потеряла обѣ Индіи, флотъ ея сожженъ, источники золота ея изсякли, — но у нея остались Мурильо, Веласкесы и Сурбараны, — осталась душа ея блестящей будущности.

Но говоря объ искусствахъ и обычаяхъ, имѣющихъ съ ними связь, невозможно оставить Севилью, не осмотрѣвъ знаменитой базилики этого города, составляющей гордость всей Испаніи.

Основанная въ 1401 году, она окончена сто двадцать лѣтъ потомъ. Севильскій капитулъ, при основаніи этого исполинскаго зданія — положилъ соорудить его, чтобы позднѣйшее потомство поражено было изумленіемъ. Съ этой минуты, все члены капитула посвящали огромные доходы свои на сооруженіе этого собора, а сами жили въ продолженіи 120 лѣтъ однимъ хлѣбомъ и водою. Это былъ еще въ Испаніи вѣкъ вѣры и могущества духа, — тогда охотно приносили жертвы, чтобы доказать святость цѣли.

Santa Maria de la sede de Sevilla — самый огромный и самый великолѣпный готическій храмъ въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ стоитъ на мѣстѣ прежней главной мечети мавровъ, отъ которой осталась только одна высочайшая розовая giralda, — самая высокая въ Испаніи башня. Сентъ-Илеръ говоритъ, что ни церковь св. Петра въ Римѣ, ни Миланскій соборъ не произвели на него такого религіознаго впечатлѣнія, какое онъ почувствовалъ при входѣ въ этотъ храмъ освѣщенный какимъ-то таинственнымъ полу-свѣтомъ. Здѣсь, все величественно и просто, — все прилично и достойно своего назначенія. Высокія, стройныя колонны поддерживаютъ арки, которыя, соединяясь между собою, составляютъ огромные своды, воздымающіеся надъ изумленнымъ зрителемъ.

Соборъ имѣетъ 420 футъ длины и 260 ширины, — онъ дѣлится тридцатью двумя пиластрами на пять трапезъ (nef), высотой въ 120 футъ, — помостъ его изъ мраморной мозаики. Высокія окна, — съ великолѣпною живописью на стеклѣ, — разливаютъ слабый свѣтъ во внутренности церкви, что производитъ самое возвышенное впечатлѣніе и придаетъ еще болѣе очарованія образцовымъ произведеніямъ Мурильо, Сурбарана и другихъ живописцевъ севильской школы. Всѣхъ этихъ отличныхъ произведеній въ соборѣ до восьмидесяти двухъ.

Въ хорѣ, находящемся въ серединѣ главной трапезы церкви, помѣщены съ одной и съ другой стороны органы. Тѣ, которые находятся по правую сторону алтаря, содержатъ въ себѣ 5000 трубъ; — на самомъ алтарѣ, стоитъ большой гробъ изъ чистаго серебра; въ немъ почиваютъ мощи св. Фердинанда, короля испанскаго, патрона Севильи. Возлѣ него, покоится сынъ его, Альфонсъ Девятый, прозванный Мудрымъ, и жена его, королева Беатриса. Ризница этого кафедральнаго собора, главной церкви четырехъ епископствъ и 234 приходоу, превышаетъ богатствами всякое воображеніе. Однѣхъ королевскихъ коронъ въ ней одиннадцать, а сколько скипетровъ изъ чистаго золота, сколько канделябровъ, разныхъ утварей; сколько разныхъ древнихъ предметовъ, королевскихъ и рыцарскихъ оружій, ихъ печатей и тому

подобныхъ драгоценностей: трудно себѣ вообразить. Для каждаго церковнаго праздника, есть особыя ризы на 36 священниковъ, начиная отъ митръ до ораря.

Севильская базилика представляетъ своею внутренностію самое благородное произведеніе готической архитектуры. Душа молящагося возносится къ нему въ этомъ святилищѣ, какъ-бы увлеченная на крыльяхъ архангеловъ, — а сердце смиряется, при видѣ этихъ неизмѣримыхъ пространствъ.

Кто изобрѣтатель этого божественнаго стиля, — этого осуществленія роскошныхъ помысловъ фантастическаго сновидѣнія, — этого превращенія въ живой камень самыхъ возвышенныхъ чувствъ религіи?

Я незнаю, кто. Его отгадали люди — но не изобрѣлъ человѣкъ. Этотъ стиль всегда существовалъ на землѣ, въ видѣ горъ, и люди истинно вѣрующіе попали на слѣдъ божественной красоты, подобно новорожденнымъ дѣтямъ, которыя приклоняются къ груди матери, отыскивая пищи.

Древніе создавали себѣ боговъ, по понятіямъ человѣческимъ, украшали ихъ человѣческими качествами и восхваляли ихъ по-человѣчески, а потому, храмы ихъ были плоски, они невозвышались надъ землею, — и архитектура древнихъ не могла возвыситься, при такихъ построеніяхъ.

Но когда ниспала на жаждущую землю благотворная роса словъ Спасителя, — человѣкъ возродился и понялъ, что иначе должно восхвалять Бога; для его облагороженной души, уже недостаточны были эти горизонтальныя линіи, духъ его вознесся признательностію къ творцу вселенной, — тогда низкіе, приземистые храмы пали, — начали возноситься линіи къ небу, — появились куполы, и башни новыхъ храмовъ начали доходить до облаковъ, на высокихъ столбахъ устроились смѣлые своды, окна вытянулись въ своихъ тонкихъ, какъ лента, искусныхъ переплетахъ, — стѣны украсились этого плѣнительною сѣткою, которой нельзя найти ни начала, ни конца; — такимъ образомъ, родился стиль готическій. И это есть предѣлъ искусства — ибо величественнѣе этого стиля ничего быть не можетъ.

Но мы отдалились отъ нашего предмета, отъ мавровъ; — впрочемъ, отдаленіе это только мнимое, ибо мы увидимъ дальше, что существуетъ какая-то таинственная, но довольно явная связь между прошедшимъ и настоящимъ Севильи.

Самый великолѣпный памятникъ мавританской архитектуры, какой находится въ Севильѣ, — который наружнымъ видомъ превосходитъ Альгамбру, хотя внутреннимъ богатствомъ уступаетъ ей — есть *Альказаръ*, то есть, замокъ бывшихъ королей севильскихъ, основанный въ восьмомъ вѣкѣ Абезъ-Эль-Авизомъ, сыномъ халифа Музы, который завоевалъ Испанію. Замокъ этотъ занимаетъ огромное пространство и составляетъ, подобно Палероялю въ Парижѣ, особый кварталъ города.

Черезъ красивыя ворота, пробитыя въ высокой стѣнѣ, входятъ въ *Rasío principal*, — на главный дворъ, украшенный мраморными фонтанами, апельсиновыми и лимонными деревьями, и окруженный пятьюдеся-

тью—двумя колоннами. Возлѣ него, находится большая зала для принятія иностранныхъ посланниковъ; надъ нею возвышается куполь, сдѣланный изъ краснаго дерева и имѣющій видъ половинки апельсина. Мѣсто это ознаменовано грустными историческими воспоминаніями. Здѣсь Петръ, прозванный *Свиртымъ*, приказалъ убить брата своего, донъ-Фадрика, магистра ордена Сантъ-Яго, и здѣсь-же онъ собственноручно убилъ Магомета Восьмага, короля Гренады, который, прося его помощи, отдался въ его опеку. Залу эту построилъ арабскій архитекторъ Ялуби, въ 1181 году, въ царствованіе Абдъ-Эль-Муменя.

Мнѣ показывали бани мавританскихъ королей, находящіяся въ подземныхъ сводахъ замка, столь еще крѣпкихъ, что дѣти и старцы Севильи укрывались въ нихъ въ то время, когда поблекшая звѣзда, названная *Княземъ Победы*, покидая Испанію и желая оправдать свой титулъ, бомбардировала самый красивый городъ своего отечества.

Обширные сады Альказара, основанные за семь вѣковъ, сохраняются еще до сихъ поръ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мавритане хотѣли ихъ содержать. Апельсинныя деревья выросли съ лицу, — кипарисы съ тополь, — тутъ-же неисчерпаемое множество миртъ и розъ самыхъ разнообразныхъ. Стиль садовъ походитъ на старомодный, то есть, слишкомъ изысканный и ненатуральный: пшалеры острижены въ видѣ куполовъ и минаретовъ, дорожки выложены разноцвѣтными камнями въ видѣ арабесокъ.

V

СЕВИЛЬЯ, КОРДОВА.

Церковь de la Caridad. — Гробница Донъ-Хуана. — Кармона. — Племя мороголовъ. — Кордова. — Аззахра. — Философъ Аврозсъ. — Абдъ-Эръ-Гаманъ. — Мечеть, обращенная въ церковь.

«Quien no ha visto Sevilla, no ha visto maravilla» (кто не видалъ Севильи, не видалъ чуда!) — говоритъ испанецъ, въ какой-бы части своей обширной и живописной страны онъ ни родился; и каждый иностранецъ, даже надменный и предубѣжденный англичанинъ, никогда не оставляющій своего правила: *nil admirari*; каждый иностранецъ, проникнутый духомъ этой поэтической атмосферы — вмѣстѣ съ испанцемъ, восхваляетъ прелесть этого очаровательнаго города.

Мы знаемъ уже отчасти Севилью, — мы любовались ея музеумомъ, восхищались ея кафедральнымъ соборомъ и древнимъ мавританскимъ замкомъ, возвышающимся надъ городомъ, и его башнею, подпирающею небо.

Одну еще достопамятность, очень важную, мы пропустили.

Вы, можетъ-быть, думаете, что я хочу говорить о дворцѣ инквизиціи, лежащемъ по другую сторону Гвадалквивира, въ предмѣстьи, названномъ *Italica*?

О, нѣтъ! — оставимъ его въ покоѣ, — пусть инквизиція лежитъ въ своемъ мрачномъ гробѣ, навсегда погребенная. Она не оставила по себѣ ни одного пріятнаго воспоминанія.

Въ одной изъ отдаленныхъ частей города, стоитъ уже болѣе восьми вѣковъ небольшая, но очень красивая церковь de la Caridad, и при ней, находится монастырь общины сестеръ милосердія.

Въ этой церкви, есть много великолѣпныхъ памятниковъ, увѣковѣчивающихъ память разныхъ богатырей и рыцарей. Но всеобщее вниманіе обращаетъ на себя помѣщенный подъ хорами памятникъ изъ бѣлаго карарскаго мрамора: — онъ съ перваго взгляда кажется очень скромнымъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи, замѣтно, съ какою изысканностію онъ поставленъ. Онъ весь покрытъ сѣтью арабесокъ, переплетенныхъ цвѣтами. Горько плачущій ангелъ въ одной рукѣ держитъ урну, а въ другой погасшій факелъ.

Вы, вѣроятно, подумаете, что здѣсь покоится прахъ какой-нибудь прекрасной дамы, умершей въ цвѣтѣ красоты, ибо памятникъ этотъ дѣйствительно можетъ украсить гробницу какой-нибудь дѣвушки, — и я самъ это думалъ, приближаясь къ нему.

Но нѣтъ! — Здѣсь покоится вовсе не дама и не красавица, — а просто мужчина. Слѣдующая надпись объясняетъ намъ все: «Aquí en la esperanza de una dichosa resurreccion duerme el cuerpo de Don Juan de Tenorio hidalgo Castellano; Caballero de Sant Jago de Compostella. что значитъ по-русски: «Здѣсь покоится въ надеждѣ блаженнаго воскресенія прахъ Донъ-Хуана де-Теноріо, кастильскаго дворянина и кавалера ордена Св. Якова Компостельскаго.

Но кто-же былъ этотъ Донъ-Хуанъ де-Теноріо?

Онъ былъ дѣйствительно большой грѣшникъ — впрочемъ, нѣтъ надобности рассказывать его жизнь, — она всѣмъ извѣстна; вѣдь это тотъ самый Донъ-Хуанъ, котораго обезсмертили Мольеръ—своею комедіей, и Моцартъ своею оперою; только знаменитый композиторъ, для превосходнаго финала своего, посвѣщилъ отправить его въ адъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ жилъ до глубокой старости и проводилъ самую разгульную жизнь, и только тогда, когда у него погасли всѣ страсти, онъ предался сокрушенію о грѣхахъ своихъ; а умеръ, не оставя по себѣ ни копѣйки,

Но пора оставить милую Севилью и пуститься въ дальнѣйшій путь, — и для того, я вскарабкиваюсь опять на своего пегаса и возношусь съ нимъ подъ облака. «Въ Кордову!» — и вотъ, мы понеслись къ востоку.

Въ это время, медленно тянулся подъ нами дилижансъ, обремененный пассажирами. Кондукторъ, вопреки почтовыхъ постановленій, набилъ свой дилижансъ столькими путешественниками, сколько съ большимъ усиліемъ могло помѣститься въ немъ: это совершенная бочка съ сельдями! — Путешественники, можно сказать, сидѣли одинъ на другомъ: одинъ надобдалъ всѣмъ своими безконечными и вовсе неинтересными рассказами, — другой безпрестанно обращается ко всѣмъ съ вопросами, — здѣсь дама стонетъ, жалуется на ужасную боль зубовъ и не позво-

ляетъ открывать оконъ, — сидящій противъ нея офицеръ немилосердо курить самую неблагоприятную сигару, какую только могли произвести испанскія фабрики, — сидящая возлѣ него дама засыпаетъ и, какъ маятникъ, качаетъ головою своею направо и налево, и безпрестанно или ударить головою сосѣда въ носъ или обожжетъ себѣ брови сигарой сосѣда. Нѣтъ никакой возможности ни вытянуть ногу, ни выпрямить руку, — а спать и думать нельзя. При всѣхъ этихъ неудобствахъ, путешественники еще на каждомъ шагу могутъ повстрѣчаться съ разбойниками, которыхъ очень много въ Испаніи, — ибо здѣсь классическая земля для бандитовъ.

Вотъ, показался какой-то красивый городокъ, окруженный оливковыми рощами: надъ нимъ, возвышается старинный замокъ мавровъ, котораго высокія, черныя, поросшія березою, башни упираются своими вершинами въ облака. Это Кармона, древній Carmona римлянъ. — Еще до сихъ поръ сохранились великолѣпныя ворота, построенныя римлянами. Въ какой-то огромный, украшенный рѣзьбою домъ спѣшатъ толпы народа. Это только-что оконченный театръ. Какъ? неужели въ городѣ, имѣющемъ едва 13,000 жителей, строятъ театръ и притомъ во время военныхъ дѣйствій, въ то время, когда домашній врагъ стрократъ страшнѣйшій внѣшнихъ враговъ, обливаетъ несчастную страну кровью? А вѣдь старинная пословица твердитъ: *Silent musae inter arma!*

Но въ Испаніи, иначе бываетъ. Здѣсь, музы никогда очень громко невоспѣваютъ, но зато, онѣ и во время войны не умолкаютъ. Война никогда не истощаетъ всѣхъ силъ народа, который не предается обжорству, пьянству и картамъ, этимъ невиннымъ привычкамъ, притупляющимъ умъ, сердце и дѣятельность человѣка.

Старый замокъ мавровъ бодрствуетъ надъ Кармоной и напоминаетъ ей, что она была нѣкогда столицей могущественнаго бейлика, въ которомъ производились славные турниры.

У подножія замка, стремится быстрый ручеекъ и разливаетъ свои воды по плоской и скалистой долинѣ.

Но сюда не доходятъ уже дуновенія прохладныхъ морскихъ вѣтровъ, и мы задыхаемся отъ жара, мы витаемъ надъ городомъ Escija, древнимъ римскимъ Astigsi, извѣстнымъ здѣсь подъ именемъ: *el sarten de Andalusia* (Сковороды Андалузій).

Во времена мавровъ, здѣсь были славныя артезіанскія колодцы, вырытыя съ большими усиліями въ каменистой почвѣ; но прежніе властители Испаніи, принужденные бѣжать изъ нея, забросали колодцы огромными камнями; а позднѣйшіе ея властители такъ мало заботились объ общемъ благѣ, что даже не велѣли очистить колодцы отъ камней.

Недалеко отъ Эцихи, живетъ многочисленное племя морогоотовъ, то есть, потомковъ тѣхъ готовъ, которые, по покореніи маврами Испаніи, приняли магометанское исповѣданіе, а потомъ, по изгнаніи мавровъ, вновь обратились къ христіанству. За такую измѣнчивость своихъ предковъ, морогооты до сихъ поръ несутъ на себѣ общую печать презрѣнія въ цѣлой Испаніи. Каждая испанка скорѣе согласится сдѣ-

латься работою мавра, нежели выдти за мужъ за морогота, хотя бы извѣстнаго своими богатствами, а испанецъ не подвергается отвѣтственности за убійство морогота; это не считается даже грѣхомъ. Между тѣмъ, эти осужденные общимъ мнѣніемъ люди извѣстны своею честностью: ихъ правдивость вошла даже въ поговорку. Но всеобщее преслѣдованіе оставило слѣды въ ихъ характерѣ: они сдѣлались алчными и недовѣрчивыми; впрочемъ, они отважны, горды безъ кичливости, строги, какъ для другихъ, такъ и для самихъ себя. Въ ихъ грубыхъ чертахъ лица и атлетической осанкѣ, замѣтна печать отличительнаго характера. Ихъ женщины, также необыкновенно сильныя, занимаются обработкою полей, между тѣмъ какъ занятія мужчинъ состоятъ въ развозкѣ товаровъ съ одного конца Испаніи до другого. Нарядъ напоминаетъ мавровъ: они носятъ чрезвычайно широкія и едва до колѣнъ доходящія панталоны, широкій поясъ съ цѣлымъ арсеналомъ пистолетовъ и ножей, и шапку, называемую *montero*, въ родѣ тюрбана.

Для насъ, привыкшихъ ко всеобщей вѣротерпимости, непонятна эта неумолимая строгость и всеобщее мщеніе и преслѣдованіе мороготовъ, за поступки ихъ предковъ.

Но вотъ, мы проходимъ послѣднюю цѣпь горъ; подъ ногами нашими, растилается широкая зеленая долина, украшенная оливковыми рощами; на темномъ грунтѣ, блеститъ зеркаловидный Гвадалквивиръ. По другую сторону рѣки, виднѣются плодоносныя поля Кампины, то есть, плоскаго берега Кордуанской провинціи. Съ восточной и сѣверной стороны, показываются вершины горъ Сьерры-Морены. Тамъ, лежитъ у подножія горъ Кордова, нѣкогда гордая столица халифовъ. Многочисленныя башни ея блестятъ при лунномъ свѣтѣ, а огромная мечеть Абадъ-еръ-Гамана поражаетъ путешественника огромностью своихъ размѣровъ. Но вотъ, опять городъ скрывается за горами. Кругомъ города, находится безчисленное множество великолѣпныхъ виллъ, украшенныхъ балконами, подпертыми мраморными столбами; вездѣ — рощи и сады. Сюда переселяются на лѣто богатые жители Кордовы. Городъ окруженъ обширными предмѣстьями, въ которыхъ видны большое движеніе и дѣятельность. Судя по этому, можно ожидать, что увидишь населенный и богатый городъ. Вотъ, и великолѣпныя городскія ворота; подъ городскимъ гербомъ, находится слѣдующая надпись:

Cordoba, casa de guerrera gente,
U de jabiduria clara fuente.»

«Кордова, отчизна рыцарскаго населенія,
И чистый источникъ всѣхъ свѣдѣній.»

Но какое непріятное разочарованіе поражаетъ путешественника, при входѣ въ городскія ворота! Городъ, кажется, безъ жизни и безъ жителей: невидно ни магазиновъ, ни ремесленниковъ, вообще никакого движенія, только раздается звукъ колесъ дилижанса по мостовой, заросшей травою. Дома кажутся пустыми; во многихъ, стекла выбиты въ окнахъ и залѣплены бумагой.

Грустно смотритъ на насъ обернутый широкимъ плащемъ кордуанецъ и, кажется, хочетъ сказать намъ: «Вы прибыли сюда, въ мое отечество, влекомые любопытствомъ, но не забывайте что землякъ нашъ, Лопесъ де-Вега, пророческимъ голосомъ сказалъ о цвѣтахъ:

«Aprended flores de mi	Научитесь, цвѣты, отъ меня,
Lo que ya de ayer ahou.	Перемѣнамъ дня, отъ вчерашняго до сегодняшняго:
Ayer maraivila ffui,	Вчера я была боготворима,
Hoу `sombra mia no sou».	Сегодня даже тѣни моей неувидишь.

Въ это можно отнести къ самому городу.

На цѣломъ свѣтѣ, нѣтъ мѣста, которое носило бы столь грустные слѣды упадка и уничтоженія. Много городовъ потеряли первоначальное свое значеніе, богатство; много разорено набѣгами варваровъ, много уничтожено землетрясеніемъ и пожарами; и хотя видъ ихъ развалинъ и производитъ грусть, но нигдѣ такъ сильно сердце путешественника не раздирается, какъ при видѣ знаменитой Кордовы, которую никогда не навѣщалъ духъ опустошенія, но въ которой жизнь вдругъ начала ослабѣвать, какъ не разъ случается видѣть у молодыхъ женщинъ, которымъ никакія медицинскія пособія не въ состояніи поддержать жизнь и которыя непременно должны умереть медленнымъ, неизмѣннымъ истощеніемъ.

Кто повѣритъ, смотря на эти пустыя площади, на эти заросшіе дворы, на эти сады, въ которыхъ теперь пресмыкаются гадины гнѣздятся совы; кто повѣритъ, смотря на небрежный нарядъ высокихъ и блѣдныхъ кордуанокъ, что Кордова считала нѣкогда миллионъ жителей, что окружность ея имѣла 7 миль, что богатство и пышность ея превосходили все, что только плодovitое воображеніе Востока могло себѣ представить?

Здѣсь, находился славный въ цѣломъ свѣтѣ замокъ Azzahга, построенный Абдъ-еръ-Гамманомъ III, для одной изъ женъ его, то есть, для той, которую онъ любилъ больше другихъ. Приведу здѣсь слова арабскаго лѣтописца: «Замокъ, называемый Azzahга составилъ изъ безчисленнаго множества строеній, которыя всѣ принадлежали Захрѣ, женѣ халифа. Ежедневно, при постройкѣ замка, находились 10,000 работниковъ; сверхъ-того, 1,500 муловъ, 400 верблюдовъ и 200 слоновъ постоянно заняты были перевозкою строительныхъ матеріаловъ. Ежедневно употреблялось 6,000 штукъ тесанаго камня, кромѣ безчисленнаго множества другихъ камней; мраморныхъ колонъ поставлено 4,312, для поддержанія сводовъ; всѣ онѣ были покрыты лазурью и золотомъ и украшены богатою рѣзьбою; при этой постройкѣ, другого дерева не употребляли, кромѣ кедроваго. Зала халифа вся составлена была изъ порфира, а стѣны въ ней и потолокъ украшены арабесками изъ дорогихъ камней и жемчуга. Посреди залы, стоялъ фонтанъ съ огромною яшмовою вазою, которой дно выложено было дорогими камнями.»

«Двадцать хищныхъ звѣрей, вылитыхъ изъ чистаго золота въ натуральную величину, оберегали это водохранилище; изъ ноздрей этихъ

животныхъ била самая чистая вода, ниспадавшая въ вазу. На поверхности водъ, плавали золотые лебеди, а надъ ними, висѣла, прикрѣпленная къ своду, баснословной величины жемчужина, которую греческій императоръ Леонъ прислалъ въ даръ кордуанскому халифу.

«Здѣсь же находился и монетный дворъ халифовъ. Тридцать штемпелей для чеканки золотой монеты были въ безпрестанной работѣ. Казармъ было 20, для одной только гвардіи, состоявшей изъ 15,000 всадниковъ. Вездѣ были великолѣпные дворцы, съ роскошными банями и садами.

«Счастливые обитатели этого земнаго рая прогуливались въ тѣни аллей, или катались въ богатыхъ ладьяхъ по озеру, котораго воды, напитанныя благовоніемъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ, казалось были разведены съ духами. Цѣлыя міриады заграничныхъ звѣрей и птицъ оживляли эти мѣста своими криками и пѣніемъ.

«Посреди этихъ садовъ, возносился кіоскъ халифа. Сводъ и стѣны его украшены были зеркалами въ позлащенныхъ и усыпанныхъ брилліантами рамахъ. Исполинской величины раковина изъ порфира стояла посреди главной залы: она наполнена была ртутью, находившеюся въ постоянномъ движеніи. Этотъ металлическій фонтанъ служилъ любимой забавою халифа Абдеръ-Гамана. Онъ принималъ здѣсь обыкновенно гостей, посѣщавшихъ его въ первый разъ. Его забавляло ихъ удивленіе, при видѣ всѣхъ этихъ сокровищъ.»

Таково описаніе славнаго философа и исторіографа Авероэса, жившаго въ царствованіе Абдеръ-Гамана при дворѣ кордуанскомъ, а впоследствии преслѣдованнаго иманами и улемами, и вынужденнаго бѣжать въ Марокко, гдѣ онъ умеръ въ 1198 году, занимая одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ при дворѣ марокскомъ. Этому же самому Авероэсу свѣтъ обязанъ тѣмъ, что знаетъ нынѣ Аристотеля, ибо онъ открылъ единственную рукопись этого философа и опубликовалъ её съ своими комментаріями, которые и донинѣ признаются классическимъ сочиненіемъ. Ибнъ-Рохдъ-Авероэсъ соединилъ ученіе Аристотеля съ ученіемъ александрійской школы. Сочиненія Авероэса напечатаны были въ Венеціи, въ 1593 году, на латинскомъ языкѣ, и потомъ, переведены были неоднократно на англійскій, французскій, нѣмецкій и даже итальянскій языки.

Благодаря этому философу и нѣкоторымъ другимъ лѣтописцамъ, жизнь великаго халифа Абдеръ-Гамана III-го извѣстна всѣмъ. Исторія утверждаетъ, что онъ былъ самымъ образованнымъ въ свое время государемъ, что онъ былъ отличный воинъ, мудрый политикъ и вообще человекъ, котораго благородное сердце и геніальный умъ превышали его вѣкъ. Онъ пренебрегалъ предразсудками магометанъ, запрещавшихъ изображенія людей; явно покровительствовалъ христіанамъ, позволяя имъ свободное отправленіе ихъ богослуженія. Въ его владѣніяхъ, христіанамъ дозволено было имѣть своихъ священниковъ и епископовъ; дозволено было звонить въ колокола не только въ провинціяхъ, но и въ самой столицѣ халифата; они имѣли даже право публично произво-

дить крестные ходы по всѣмъ улицамъ, за исключеніемъ тѣхъ только, гдѣ были мечети.

Въ пятидесятилѣтнее царствованіе Абдеръ-Гамана III-го, Кордова сдѣлалась могущественнымъ городомъ: она была благотворнымъ солнцемъ, котораго лучи согрѣвали университеты цѣлаго свѣта; они доходили до Александрии, Константинополя, Салерна и Монпелье. Кордуанская академія была въ такой славѣ, что христіанскіе государи посылали въ нее своихъ сыновей, для образованія. Арабскій языкъ сдѣлался языкомъ необходимымъ не только для ученыхъ, но и для всякаго образованнаго человѣка. Абу - Ибнъ - Сина, извѣстный подъ именемъ Авицены, арабъ изъ Персіи, основалъ еще прежде Абдеръ - Гамана, то есть, въ 1012 году, медицинскій факультетъ въ Кордовѣ; факультетъ этотъ служилъ разсадникомъ многихъ другихъ подобныхъ учрежденій, въ христіанскихъ земляхъ. Авицена, хотя имѣлъ большое расположеніе къ разгульной жизни, все время свое посвящалъ занятіямъ. Особенно медики очень много обязаны этому арабскому Иппократу, который собралъ разсѣянные по свѣту и забытыя сочиненія отца медицины, Иппократа изъ Коса, Галена и Цельзія Авреліана. Философія также много ему обязана. Авицена написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «*Метафизика, или первая философія*», которое, въ продолженіе многихъ вѣковъ, служило основаніемъ ученія философіи въ Азій и Европѣ, и доселѣ еще находится въ большомъ уваженіи у нѣмецкихъ и французскихъ идеологовъ.

Но еще прежде, багдадскій лекаръ Мохамедъ Абу-Бекръ-Ибнъ-Захарія, извѣстный подъ именемъ Разеса, посѣтилъ Кордову и положилъ въ ней основаніе будущей медицинской академіи. Онъ написалъ до тридцати огромныхъ томовъ о гигиенѣ и лекарскомъ искусствѣ вообще. Сочиненія его, объ *оспѣ* и *кори*, доселѣ еще считаются очень дѣльными.

Также и музыка процвѣтала въ Кордовѣ, наравнѣ съ другими изящными художествами. Здѣшняя консерваторія, называвшаяся тогда уже школою высшей музыки, произвела знаменитаго Музали, который и доселѣ почитается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ хроматической физики и механики.

Библиотека кордуанскаго халифа, заключала въ себѣ, во время Абдеръ-Гамана III, 600,000 томовъ. Бесплатныхъ школъ было 83, въ нихъ преподавали: геральдику, геометрію, архитектуру, въ особенности-же искусство дѣлать отличное оружіе. Клинки кордуанскіе славились нѣкогда также, какъ нынѣ дамасскіе или толедскіе.

И что-же осталось нынѣ, что могло бы свидѣтельствовать о прошедшей славѣ и могуществѣ этого города?

Отъ знаменитаго замка Азахра не осталось и слѣда; изрѣдка только, землѣпашецъ, копая землю, находитъ обломки позолоченаго мрамора, порфира, или яшмы. Впрочемъ, древній замокъ королей стоитъ еще на своемъ мѣстѣ, весь закопченный, совершенно черный, окруженный ясминами, плющемъ и алоэ, подобный паукъ, загнившій посреди цвѣтовъ.

Но нѣтъ! надо быть справедливымъ: еще осталось въ Кордовѣ

одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній архитектуры, какого нельзя найти ни между древними, ни между новыми намятниками. Кто не слышалъ о знаменитой мечети кордуанской, обращенной за шесть вѣковъ въ христіанскую церковь?

Застроенный со всѣхъ сторонъ домами, подобно собору св. Павла въ Лондонѣ, этотъ знаменитый памятникъ блестящаго вѣка Кордовы такъ заслоненъ, что съ трудомъ можно отыскать его. Зданіе это величественно по своимъ размѣрамъ, но наружный видъ его не поражаетъ зрителя. Высокія зубчатыя стѣны, поставленныя на манеръ древне-тевтонскій, пробиты въ разныхъ мѣстахъ окнами, весьма искусно, въ видѣ подковъ. Зданіе это покоится на основаніи, занимающемъ 360,000 квадратныхъ футовъ, и составляетъ квадратъ, котораго бока имѣютъ шестьсотъ футъ длины. На восточной сторонѣ зданія, возносится куполь и высочайшая, почти до неба достигающая, башня, пристроенная позже къ мечети. Вся наружная поверхность была покрыта нѣкогда сѣтью позлащенныхъ арабесокъ, но рука неловкихъ обновителей искажила ее гипсомъ и лакомъ. По счастью, оказался недостатокъ въ этомъ матеріалѣ, когда пришла очередь обновить фасадъ, почему онъ и сохранилъ свой прежній видъ. Прежде, двадцать четыре входа вели во внутренность этого зданія; нынѣ осталось только трои ворота, остальные задѣланы. Высокій портикъ, обсаженный апельсиновыми деревьями, съ мраморнымъ помостомъ и мраморными колоннами, окружаетъ весь храмъ. Двѣнадцать фонтановъ прохладяютъ воздухъ и своимъ однообразнымъ журчаніемъ возбуждаютъ человѣка къ мечтаніямъ и успокоиваютъ душу.

Дрожащею рукою я открываю завѣсу, заслоняющую внутренній входъ, и вхожу въ церковь. Я былъ пораженъ изумленіемъ, увидя цѣлый лѣсъ колоннъ, представлявшихъ безконечный рядъ перспективъ, во всѣхъ направленіяхъ. Торжественная тишина царствовала въ этомъ необозримомъ пространствѣ; изрѣдка только, прерывалась она сладостными звуками органовъ, раздававшимися въ этомъ мраморномъ лѣсу, подобно эоловой арфѣ. Эти колонны изъ цѣльнаго мрамора составляютъ, отъ запада на востокъ, тридцать двѣ залы, шириною въ четырнадцать, а длиною въ 250 футъ; а съ сѣвера на югъ, шестнадцать залъ; гораздо шире первыхъ и въ 600 футъ длины.

Для пристройки къ мечети католическаго хора, 360 колоннъ были обрушены, но остались еще 800. Хотя храмъ и очень обширенъ, но онъ казался-бы еще гораздо обширнѣе, если-бы сводъ его былъ нѣсколько выше. Высота его едва доходитъ до 35 футъ и нисколько не соответствуетъ огромнымъ размѣрамъ зданія, и потому, тяготитъ душу какимъ-то непреоборимымъ чувствомъ грусти. Пока храмъ этотъ былъ мечетью, онъ никогда не былъ освѣщенъ дневнымъ свѣтомъ; толстыя завѣсы закрывали окна и здѣсь постоянно горѣли 4,700 хрустальныхъ лампъ, отражавшихся въ позлащенныхъ арабескахъ!

Но вотъ, органы замолкли, и я могу подвинуться впередъ, не нарушая богослуженія, могу разсмотрѣть вблизи всѣ подробности этого чуднаго зданія. Другіе пришельцы, вѣроятно, не въ первый разъ по-

сѣшавшіе этотъ храмъ, ни мало не стѣснялись: перебѣгали, во время самого богослуженія, изъ одного угла въ другой, громко между собою разговаривали, смѣялись и, утирая табачные носы свои, дули въ нихъ, какъ въ трубы іерихонскія, пугая эхо, покоящееся здѣсь около тысячи лѣтъ.

Одинъ только монахъ съ сѣдою головою стоялъ, опершись объ колонну, и не спускалъ съ меня глазъ; онъ угадалъ чувства, овладѣвшія мною, и видя, съ какою несмѣлостію я осматриваю украшенія храма, подошелъ ко мнѣ и предложилъ быть моимъ сісегопе. Я съ признательностію принялъ предложеніе: на лицѣ этого сѣдовласаго монаха, изображался необыкновенный умъ и доброта сердца.

Ниодна часть мечети не даетъ такого высокаго понятія о совершенствѣ, до какого доведено было строительное искусство во времена владычества мавровъ въ Испаніи, какъ часовня халифовъ. Ни севильскій Альказаръ, ни гренадская Альгамбра ничего не значатъ въ сравненіи съ этимъ мѣстомъ. Часовня эта раздѣлена на три части, покрыта тремя высокими куполами, вся составлена изъ бѣлаго мрамора и украшена безконечной сѣтью самыхъ дивныхъ арабесокъ. Шестнадцать высокихъ мраморныхъ колоннъ разныхъ цвѣтовъ поддерживаютъ смѣлые, но легкіе своды; своды выложены разноцвѣтною мозаикою на золотомъ полѣ, что производитъ эффектъ, который трудно описать.

Часовня эта отдѣлена дверями, составленными изъ одного куска порфира, обдѣланнаго въ серебро, Дневной свѣтъ никогда не проникаетъ сюда, и только при помощи факеловъ, можно осмотрѣть ея стѣны, покрытыя блестящею мозаикою, составленною изъ дорогихъ каменьевъ. Но уже много изъ этихъ драгоценностей исчезло во время наполеоновскихъ войнъ; даже генералъ Дюпонъ забралъ съ собою изъ этой церкви листъ золота, вѣсившій 8,000 унцій и стоявшій до 200,000 рублей серебромъ; онъ найденъ былъ въ багажахъ этого генерала, послѣ битвы при Байленѣ, столь несчастной для французовъ.

Католическій хоръ, пристроенный въ XV вѣкѣ, превышаетъ своею величиною соборныя церкви многихъ значительныхъ городовъ. Онъ построенъ въ чисто-флорентійскомъ стилѣ, но вовсе не соотвѣтствуетъ другимъ частямъ этого зданія. Хоръ раздѣленъ на три части и покрытъ великолѣпнымъ куполомъ. Боковыя часовни украшены образами кордуанской и севильской школы, рѣзьба на органахъ и на амвонахъ превосходна. Скамьи для канониковъ выложены чернымъ деревомъ и перламутромъ.

Мавры очень много заботились о чистотѣ: въ одной Кордовѣ, было девятьсотъ общественныхъ бань; для содержанія въ чистотѣ мечети, находилось при ней сто восемьдесятъ дервишей, которые каждую ночь чистили въ ней помость, сметали пыль и перемѣняли хрустальныя лампы. Триста шестьдесятъ такихъ дервишей жили въ самыхъ стѣнахъ этой святыни.

— Какъ, неужели въ самомъ храмѣ? кажется, здѣсь нѣтъ никакого жилища мѣста.

— Стѣны этого храма выдолблены, какъ у улья, и помѣщали во-внутренности сотни набожныхъ дервишей. Я вамъ покажу, какія удивительныя лѣстницы и корридоры находятся внутри стѣнъ; никто-бы не повѣрилъ, что въ самыхъ стѣнахъ этого храма, есть помѣщенія для такого большого числа жильцовъ. Я вамъ могу показать эти темныя и узкія жилища, потому-что вы не очень толсты.

Не издѣвается-ли этотъ старикъ надо мною, подумалъ я. Но въ самомъ дѣлѣ, онъ подошелъ къ стѣнѣ за алтаремъ, гдѣ сходятся двѣ колонны, уперся со всею силою въ стѣну и огромный камень, вышиною въ пять футовъ, а шириною едва въ одинъ футъ подался назадъ, и такимъ образомъ открылся узкій входъ. Въ отверстіи, видна была лѣстница, узкая и вьющаяся улиткообразно; вскарабкавшись по этой лѣстницѣ, я увидѣлъ мрачный и тѣсный корридоръ; свѣтъ проникаетъ сюда черезъ маленькія щели въ стѣнѣ, которыя снаружи невозможно замѣтить. Эти длинныя и тѣсныя корридоры раздѣлены на безчисленное множество келій, до того тѣсныхъ, что въ нихъ, кромѣ каменной лавки, шириною въ полтора фута, рѣшительно ничего небыло и не могло быть. Съ величайшимъ усиліемъ, я прошелся по девяти келіямъ; десятая была нѣсколько шире и пропускала немного болѣе свѣта; притомъ, въ ней висѣла слабо мерцающая лампа. Здѣсь, я вздохнулъ свободнѣе.

— Это мое жилище, сказала мнѣ отецъ Яго.

— Какъ! неужели этотъ гробъ служить тебѣ жилищемъ? спросилъ я, съ удивленіемъ. Кажется, здѣсь невозможно жить!

— Такъ вамъ кажется, а я живу здѣсь около шестидесяти лѣтъ: оно, конечно, не очень просторно, но зато, ничего мнѣ не стоитъ. Эта келья была нѣкогда жилищемъ десятника дервишей, прочія кельи заняты были простыми дервишами. Всѣхъ келій здѣсь 360, въ четырехъ стѣнахъ мечети.

— Признаюсь, не завидую тебѣ, и не желалъ-бы здѣсь поселиться. Надо желать, чтобы ты не потолстѣлъ; иначе, ты не войдешь въ свою квартиру.

— Я молю всегда Бога, чтобы онъ не допустилъ меня опухнуть какъ-нибудь за-ночь отъ этого сыраго, могильнаго воздуха; ибо тогда, я не могъ-бы выйти изъ моей кельи, и долженъ въ ней умереть съ голоду, потому-что немногіе знаютъ, что я здѣсь живу, а еще меньше есть такихъ, которые безпокоились-бы обо мнѣ. Никто-бы и не замѣтилъ моего отсутствія. Я живу подаяніемъ, тѣмъ, что мнѣ приносятъ въ церковь; очень часто случается, что въ одинъ день принесутъ слишкомъ много, а въ другой ровно ничего. А по-

тому, я вовсе не опасуюсь того, чтобы потолстѣлъ, говорилъ, смѣясь, отецъ Яго.

— Неужели ты не имѣешь никакихъ другихъ средствъ къ жизни?

— Иногда мнѣ платятъ за молитвы по усопшимъ — платѣе достается мнѣ послѣ умершихъ монаховъ. Я живу такъ, какъ жили здѣсь нѣкогда триста шестьдесятъ дервишей: живу подаяніемъ и никогда не жалуясь, и если тѣ могли переносить такую жизнь для своего пророка, то отчегожъ бы я не могъ сдѣлать то же, для прославленія имени Бога истиннаго? По ночамъ, я расхаживаю одинъ по храму, подъ сводами котораго покоятся столько святыхъ епископовъ и отважныхъ богатырей. Здѣсь мой рай! здѣсь мое блаженство! я никому въ свѣтѣ не завидую и ни съ кѣмъ не хотѣлъ бы помѣняться судьбою: о, вѣрь мнѣ, иностранецъ! Я знаю всю исторію этого святилища: я сохранилъ въ кельяхъ, что только могъ, собрать изъ остатковъ древности; я нашелъ однѣхъ мавританскихъ лампъ до трехъ сотъ, множество книгъ и обломковъ мрамора — и стерегу свои сокровища отъ хищныхъ совъ, нетопырей. Богъ знаетъ, кому они достанутся послѣ моей смерти. Я могу умереть въ одну ночь и остаться въ своемъ гробѣ до страшнаго суда! Да будетъ воля Божія!

— И ты не боишься тѣней имамовъ, муэзиновъ, факировъ и дервишей, которые вѣроятно, по ночамъ, посѣщаютъ свои кельи, вмѣстѣ съ совами, филинами и нетопырями?

— О мой сынъ! отвѣчалъ старецъ, подчуя меня табакомъ и смѣясь отъ всего сердца; все это были добрые люди, которые жили болѣе духомъ, нежели тѣломъ, хотя они и не были освѣщены истиною христіанства. Богъ отпустить имъ прегрѣшенія, а я вовсе ихъ не боюсь. Не думайте, чтобы въ тѣ времена, когда въ Кордовѣ процвѣтали науки и искусства — христіане терпѣли преслѣдованія. Юлій Кесарь приказалъ избить двадцать двѣ тысячи кордуанцевъ за то, что они благопріятствовали Помпею. Но мавры никогда не позволяли себѣ никакихъ жестокостей противъ христіанъ.

Я распроцался съ почтеннымъ монахомъ и возвратился домой.

— Я познакомился въ соборѣ съ отцомъ Яго, сказалъ я хозяину своему, капитану народной гвардіи.

— На! es un loco, es un descendiente de los Moriscos! (А! это сумасшедшій — это потомокъ мавровъ!) отвѣчалъ мнѣ храбрый капитанъ.

— Es un hombre santo, Sennor Caballero! (Это святой человекъ, г. кавалеръ), прибавила потихоньку хозяйка.

О дивный инстинктъ женщины! Ты часто уподобляешься солнечному лучу, проникающему сквозь густыя тучи въ мрачную пропасть; ты

предчувствуешь истину тамъ, гдѣ тупой разумъ мужчины едва можетъ догадаться о ней!

О нѣтъ! тотъ человѣкъ, который живетъ съ тѣнями давно умершихъ предковъ своихъ и все существованіе свое посвятилъ на прославленіе имени Божьяго, и моленіе о прощеніи прадѣдовъ его за ихъ заблужденія, — такой человѣкъ не можетъ быть — сумасшедшимъ! Онъ, въ глазахъ моихъ, заслуживаетъ уваженіе, болѣе тѣхъ, которые, гоняясь за мірскими благами, — теряютъ право на вѣчность.

ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ВОСТОКА.

Е. С. Македонскаго.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ, НАУКИ, ИСКУССТВА И РЕЛИГИИ КАВКАЗСКАГО И КИТАЙСКАГО ВОСТОКА.

Цивилизаціи, музультманская, индійская и китайская, составляющія предметъ нашихъ статей, — сходны между собою въ томъ отношеніи, что всѣ онѣ основаны на авторитетахъ преданія. Но существенная между ними разница состоитъ какъ въ самой основѣ этихъ авторитетовъ, такъ и въ ихъ понятіяхъ о жизни вообще. Конфуціи не выдавалъ себя за посредника между божествомъ и человѣкомъ; ученіе свое онъ высказывалъ не болѣе, какъ плодъ собственныхъ наблюденій, опытовъ и размышленій, согласныхъ съ древними, то есть патріархальными, нравами, обычаями и мнѣніями древнихъ мудрецовъ. Опытъ, изученіе, наблюденіе, патріархальныя, родственныя чувства, благоразумныя дѣйствія въ пользу другихъ, — вотъ идеи, которыя онъ старался внушить своимъ согражданамъ, на каждомъ шагу, словомъ и дѣломъ. Все, что выходитъ изъ сферы человѣческаго опыта, не было предметомъ ученія этого мудреца. Онъ не высказывалъ своихъ понятій ни о божествѣ, ни о безсмертіи души, о предметахъ, о которыхъ такъ подробно распространяются вѣды и коранъ. Всѣ мнѣнія и убѣжденія свои о семейныхъ и гражданскихъ обязанностяхъ онъ основывалъ только на своихъ, пріобрѣтенныхъ опытомъ и размышленіемъ, понятіяхъ о свойствахъ и законахъ человѣческой природы, — слѣдовательно, стоялъ на истинной точкѣ зрѣ-

нія и, потому, понималъ жизнь многостороннѣе и вѣрнѣе прочихъ восточныхъ мудрецовъ. Съ этимъ не согласятся развѣ только безусловные порицатели *всего* китайскаго. «Китай, говоритъ одинъ изъ *безпристрастныхъ* порицателей этой цивилизации, представляетъ въ исторіи культуры государство съ цвѣтущими полями, съ народонаселеніемъ столь сильнымъ, что люди въ немъ ищутъ жилища даже на судахъ, — съ богатою промышленностью, съ ежегоднымъ празднествомъ въ честь земледѣлія, на которомъ императоръ самъ управляетъ плугомъ, съ массивными запасами письменности, съ чрезвычайно точнымъ веденіемъ исторіи двора и давно установленною хронологіею, съ необыкновенно развитою техникою *живописи* и *архитектуры*, съ *музыкой* и *драмой*, съ утонченнымъ общежитіемъ, съ *мирною семейною жизнью*, — но безъ религіознаго и поэтическаго одушевленія, *безъ мифологіи*, безъ искренности въ чувствахъ, безъ истины въ словахъ, *безъ философской пытливости*, безъ свободы воли, безъ героизма дѣятельности: по своему состоянию вообще, при всѣхъ различіяхъ отъ остальнаго Востока, памятникъ того, что послѣдній не можетъ подняться выше извѣстной ступени цивилизации, но никакъ не памятникъ первобытной культуры.» (*)

Въ этихъ словахъ нѣмецкаго ученаго, выражены почти всѣ главныя, хорошія и дурныя стороны китайской цивилизации, какъ онѣ обыкновенно выражаются и другими, болѣе пристрастными критиками. Не станемъ разбирать, до какой степени основательны всѣ подобные упреки, но не можемъ не замѣтить, что, во первыхъ, отсутствіе мифологіи въ ученіи Конфуція едва ли можно назвать недостаткомъ, и, во вторыхъ, прочіе нравственные недостатки мы видѣли гораздо въ большихъ размѣрахъ въ кавказскомъ Востокѣ (въ первой статьѣ). Неопровержимо, здѣсь, по — крайней — мѣрѣ, то, что Конфуціемъ внушилъ своимъ послѣдователямъ *уваженіе ко всемъ отраслямъ наукъ, искусствъ и ремеселъ*; между тѣмъ какъ исламъ, не говоря уже о ложномъ основаніи его, предубѣждаетъ своихъ послѣдователей не только противъ наукъ, но и противъ *живописи, ваянія и музыки*. Уничтоженіе остатковъ александрійской и Мадаинской библиотекъ какъ нельзя болѣе согласно съ предубѣжденіемъ агомета противъ изящныхъ искусствъ. (**)

Съ другой стороны, мы были бы несправедливы и къ Востоку, еслибы судили о немъ, только по его принципу: человѣческая природа всегда умѣетъ, болѣе или менѣе, смягчать суровость теоріи, и Востокъ, въ нашемъ воображеніи, не напрасно привлекателенъ, хотя *тео-*

(*) Allgem. Culturgeschichte v. Dr. W. Wachsmuth. Leipzig, 1850. 1. Theil, S. 148.

(**) Der Islam an sich hatte keinen Theil daran; er war mehr auf Verschmähung der geistigen Cultur im Gebiet der Wissenschaft und Kunst, als auf ihre Pflege gerichtet. Muhammeds Abmahnung von Malerei, Bildnerei und Musik, und die Vernichtung der Bibliotheken zu Alexandria und Madain geben die Ankündigung der daraus von dem rigoristischen Omar genommenen Richtschnur. W. Wachsmuth.

Тамъ же стр. 553.

рія и говоритъ болѣе въ пользу Китая. Чувство говоритъ намъ, что Востокъ поэтическия Китая: тамъ столько разгула страстей, надеждъ, коварства, безпорядковъ, крайностей, обмановъ воображенія и слабостей, что утомленный европейскимъ стоицизмомъ, съ его безконечными оглядками, — духъ невольно, противъ убѣжденій, клонится къ Востоку и недружелюбно смотритъ на строгое, хотя и болѣе умное царство. Но и это чисто фантастическое очарованіе, значительно убавляется, и даже исчезаетъ, когда посмотримъ на дѣйствительность ближе...

Гражданственность восточныхъ государствъ представляетъ намъ слѣдующія явленія: во первыхъ, неограниченную власть государей— у турокъ, султана; у персіянъ, шаха; у арабовъ, шейха; у индійскихъ моголовъ, императоровъ; у китайцевъ, ти, шанъ—ти (государя, великаго государя) и т. д. Воля государя, во всѣхъ этихъ государствахъ, неограничена и священна; онъ считается тѣнью Бога на землѣ; у китайцовъ, сыномъ неба; у турокъ и персіянъ, наслѣдникомъ Магомета и первыхъ имамовъ. Въ святости и могуществѣ своихъ шаховъ персіяне такъ увѣрены, что въ болѣзняхъ своихъ, бросаются къ ногамъ шаха съ чашкой воды, умоляя его обмакнуть въ ней пальцы своей руки и такимъ образомъ превратить воду въ цѣлебный бальзамъ. Себя шахъ титулуетъ побѣдоноснымъ, повелителемъ міра и т. п.; а подданные называютъ его средоточіемъ земнаго шара, предметомъ обѣтовъ всѣхъ смертныхъ; равнымъ солнцу и т. п. Благоговѣніе персіянъ къ своимъ шахамъ такъ велико, что одинъ изъ персидскихъ чиновниковъ, въ бытность Морьера въ Персіи, ожидая проѣзда шаха, привелъ съ собой къ дорогѣ своего сына, мальчика, обнаженнаго и съ связанными на спинѣ руками, и когда шахъ подошелъ къ нему, онъ приставилъ ножъ къ сердцу мальчика и обратился къ шаху съ такими словами, съ которыми обращаются только къ божеству: поступокъ, который, конечно, нашелъ порицателей и между персіянами. Объ уваженіи китайцевъ къ своимъ императорамъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что у китайцевъ оно благороднѣе.—

Власть государя на востокѣ наслѣдственна, въ мужескомъ колѣнѣ. Отцу наслѣдуетъ сынъ или племянникъ. Лишенный зрѣнія, принцъ теряетъ право на престолонаслѣдіе; и потому, нерѣдко случается, что восточные принцы лишаемы бываютъ зрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правъ своихъ на престолъ.

Обыкновенно старшій сынъ наслѣдуетъ отцу, но шахъ имѣетъ право передать престолъ младшему, а остальныхъ ослѣпить.

Дѣти царской крови, а именно мужескаго пола, воспитываются въ вѣчномъ уединеніи: они не видятъ ни одного человѣка, кромѣ родныхъ и евнуховъ, своихъ стражей. До шестнадцати-семнадцати лѣтъ, ихъ воспитываетъ только евнухъ, на глазахъ матери. Потомъ, они получаютъ отдѣльное жилье, подругу, по ихъ выбору, и прислугу, состоящую только изъ женщинъ и евнуховъ. Въ чемъ состоитъ воспитаніе сыновей шаха, это покрыто почти непроницаемою тайною. Ни одинъ изъ принцевъ не знаетъ, кто изъ нихъ наслѣдуетъ отцу. Часто старшій сынъ не знаетъ даже, кто его отецъ; ему говорятъ только, что

онъ изъ рода царскаго. Молодыхъ принцовъ учать читать, писать, догматамъ вѣры, стрѣлянню лукомъ; но о другихъ наукахъ они, кажется, не имѣютъ нимагѣйшаго понятія. Иногда, ихъ учать и *рисованію* и токарному искусству. Съ такими свѣдѣніями, они восходятъ на престоль. Принцессы всегда выдаются замужъ за какого-нибудь духовнаго, а отнюдь не за гражданскаго или военнаго чиновника.

Впрочемъ, рожденіе принцессы и принцевъ празднуется въ Турціи во всемъ государствѣ. О рожденіи ихъ объявляется глашатаями; тогда, лавки запираются, дома и двери украшаются гирляндами и арабесками, на улицахъ зажигается иллюминація, раздается музыка, паяцы, эквилибристы. Вечеромъ, въ садахъ серая, сожигается фейерверкъ.

Еще торжественнѣе совершается въ Константинополѣ обрядъ обрѣзанія. Одно изъ важнѣйшихъ приготовленій къ этому обряду состоитъ въ изготовленіи такъ называемаго *нахль*, то есть, нальмовыхъ деревъ, которыя дѣлаются изъ золотыхъ и серебряныхъ проволокъ, обматываемыхъ разноцвѣтными лентами, и подносятся принцамъ и принцессамъ министрами, военными корпусами и депутатами ремесленниковъ. Затѣмъ, слѣдуютъ приглашенія на праздникъ, которыя прежде посылаемы были даже къ иностраннымъ дворамъ; приглашенные собираются въ палаткахъ, нарочно устроенныхъ для султана, великаго визиря и второстепенныхъ визирей; для прочихъ устраиваются мѣста позади этихъ палатокъ; тутъ же, располагаются и разнаго рода увеселенія и зрѣлища. Гражданскіе и военные чиновники угощаются по порядку, за столомъ визирей. — Подобные праздники продолжаются иногда отъ семи до четырнадцати дней, и подробно описываются въ турецкихъ государственныхъ лѣтописяхъ.

Бракосочетаніе султанскихъ принцессы съ визиремъ или намѣстникомъ сопровождается не менѣ великолѣпнымъ церемоніаломъ. Въ четверткѣ вечеромъ, изъ серая отсылается къ жениху все приданое со стороны невѣсты, причемъ драгоценности даются, Впрочемъ, только взаимно, такъ что по смерти принцессы возвращаются обратно въ царскую казну. Женихъ, съ своей стороны, долженъ приготовить для невѣсты богатые подарки, которые она удерживаетъ у себя навсегда. Главнѣйшіе изъ нихъ суть: алмазная діадима, алмазныя пряжки, браслеты, рубиновые кольца, на алмазной подставкѣ зеркало, розовая шелковая, украшенная алмазами ткань, которою невѣста закрываетъ свое лицо; башмаки, шитые жемчугомъ и золотомъ; обои, софы, двѣ тысячи новыхъ дукатовъ, сорокъ вызолоченныхъ коробокъ съ цвѣтами, фруктами и разными лакомствами. Двадцать восемь балтаджей—серая несутъ эти подарки на головѣ, въ похожихъ на клѣтки коробкахъ, покрытыхъ золотою парчою; десять другихъ несутъ драгоценные камни. За ними, на нѣсколькихъ двуконныхъ подводахъ, везутъ золото и серебро; на другой день, въ пятницу, невѣста переѣзжаетъ въ домъ своего жениха, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ солдатъ, генераловъ, офицеровъ и придворныхъ. Экипажъ принцессы покрывается золотыми украшениями и красивымъ сукномъ. Вступивъ въ домъ жениха, она тотчасъ уходитъ въ свои покои и здѣсь, сидя на маленькомъ коврѣ, принимаетъ жениха, съ гордо-

стью и пренебреженіемъ, едва глядя на него; потомъ, встаетъ и уходитъ далѣе въ свои покои. Но евнухи, снявъ съ жениха туфли, ставятъ ихъ на порогъ комнаты — символъ, что гаремъ принадлежитъ ему. Теперь, онъ входитъ къ невѣстѣ, и становится передъ ней на колѣни; она приказываетъ ему принести воды. Приказаніе, разумѣется, исполняется; тогда, два невольника вносятъ два блюда — одно, съ жареными голубями, а другое съ пирожнымъ, и ставятъ ихъ на маленькій столикъ, среди комнаты. Женихъ разсыпаетъ передъ невѣстой подарки; тогда, невѣста соглашается наконецъ откушать вмѣстѣ съ нимъ; онъ подводитъ ее къ столу и предлагаетъ кусокъ голубя, а она кладетъ ему въ ротъ кусокъ сахара. Послѣ того, женихъ уходитъ въ свои покои, и здѣсь принимаетъ поздравленія визирей и вельможъ, между тѣмъ какъ невѣста принимаетъ дамъ. Затѣмъ, слѣдуетъ балъ съ музыкой, танцами и разными другими удовольствіями, — до глубокой ночи. Когда принцесса уйдетъ наконецъ въ свою комнату, женихъ тихо подходитъ къ ея постели, слегка прикасается къ ея ногамъ и цѣлуетъ ихъ. На другой день, также съ торжественнымъ церемоніаломъ, онъ посѣщаетъ баню; а на третій день, въ заключеніе праздника, получаетъ отъ султана желѣзную булаву...

Придворный штатъ особенно развитъ въ турецкой имперіи. Онъ раздѣляется на двѣ главныя части: *внѣшнюю*, или чиновниковъ серая, подъ начальствомъ: капу агасси или аги порты (аги воротъ), — главы бѣлыхъ евнуховъ; и *внутреннюю*, или гаремъ, подъ начальствомъ главы черныхъ евнуховъ или кизяра агасси, или аги дѣвъ.

Капу агасси или баби скадетъ агасси, ага порты или воротъ счастья, собственно оберъ-гофмейстеръ турецкаго двора, это—бѣлый евнухъ, имѣющій во дворцѣ султана особенное жилище. Его жалованье незначительно, но онъ имѣетъ много другихъ доходовъ. — Онъ сопутствуетъ султану во время войны, путешествій, и въ мечети; но во время охоты и прогулокъ султана, остается въ серафъ, какъ его хранитель. Его вѣдомству подчинены:

1. Хассъ-ода. Это сорокъ первыхъ камердинеровъ султана, имѣющихъ къ нему непосредственный доступъ. Ихъ ближайшій начальникъ называется хассъ-ода-баши, который одѣваетъ и раздѣваетъ султана. Каждый изъ подчиненныхъ ему служителей имѣетъ свое особенное назначеніе (оруженосецъ, чапмоносецъ, стреминный, и проч.). Каждая часть туалета и быта султана имѣетъ своего особеннаго камердинера изъ этой части штата: есть даже особенный обрѣзывать ногтей.

Хассъ-ода, или внутреннѣйшая камера, состоитъ изъ спальни султана, обширной спальни этихъ сорока камердинеровъ, и залы, въ которой хранятся государственныя драгоценности или регалии. Это:

1) Государственное знамя, благородное знамя пророка, (санджакъ шерифъ), перешедшее къ турецкому двору, по случаю завоеванія Египта Селимомъ I, и съ-тѣхъ-поръ считающееся палладиумомъ имперіи. Оно хранится въ сорока чехлахъ изъ тафты, въ которыхъ спрятаны также: писанный рукою Омара коранъ и ключи къ Каабѣ. Въ серебряномъ

шарфъ, увѣнчивающемъ штандартъ въ двѣнадцать футовъ длины, хранится второй коранъ, руки Омара. Священное знамя для взоровъ невѣрныхъ недоступно. Селимъ I передалъ его дамасскому пашѣ, а Мурадъ III, въ 1595 году, перенесъ его въ Европу. Впервые оно было распущено въ Венгрии, чтобы воспламенить упавшій духъ солдатъ.

2) Хиркай шерифъ или бурдей шерифъ. Это черная одежда изъ верблюжьихъ волосъ, подаренная пророкомъ поэту Каабъ Бенъ Согейру, на девятомъ году послѣ бѣгства пророка изъ Мекки въ Медину, въ знакъ благодарности. Она также сокрыта въ сорока дорогихъ чехлахъ. Ежегодно, пятнадцатаго рамазана, ее открываютъ всѣмъ чиновникамъ, торжественно, въ присутствіи султана, для цѣлованія. Послѣ цѣлованія, кизляръ агаси обмываетъ подвергнушуюся поцалуямъ часть, воду эту собираетъ въ бутылки и продаетъ тѣмъ, кто желаетъ имѣть вѣрнѣйшее лекарство противъ всѣхъ недуговъ.

3) Мечъ пророка, престоисываемый султану, во время его коронаціи.

4) Лукъ пророка.

5) Мечъ и коверъ перваго халифа, Абубекера.

6) Разные мечи первыхъ сподвижниковъ пророка и героевъ исламизма.

II. Хазине одасси, сокровищница. Къ ней принадлежатъ шестьдесятъ особенныхъ чиновниковъ, начальникъ которыхъ называется хазинедаръ баши, бѣлый евнухъ, и также сопровождаетъ султана повсюду. По пятницамъ, когда султанъ посѣщаетъ мечеть, хазинедаръ баши разстилаетъ предъ нимъ коверъ, причемъ напередъ вытираетъ этимъ ковромъ себѣ лицо, чтобы убѣдиться, что онъ не напитанъ ядомъ. Подъ его распоряженіемъ, состоятъ до двухъ тысячъ придворныхъ работниковъ, которымъ плату онъ выдаетъ помѣсячно; подъ нимъ, состоятъ также всѣ чиновники, принадлежащіе къ сокровищницѣ. Сокровищница состоитъ изъ четырехъ комнатъ. Въ первой, хранятся луки, стрѣлы, ружья и сабли, украшенныя драгоценными камнями. Во второй, четырнадцать шкафовъ съ драгоценнѣйшими одеждами. Въ третьей, большой трехцвѣтный сундукъ съ разными принадлежностями султанскаго трона, императорскія сѣдла и сбруя, украшенныя драгоценными камнями, шкатулки съ амброй, мускусомъ и другими ароматическими веществами.

III. Столовая и погребъ, киларъ одасси, состоитъ подъ надзоромъ киларджи баши, оберъ-келлермейстера. Тутъ, хранятся разнаго рода напитки. Сюда же принадлежитъ и вся кухня (во время Салимана не менѣе 1350 человекъ).

Считаемъ излишнимъ упоминать объ остальныхъ камерахъ; но изъ придворныхъ чиновъ при турецкомъ дворѣ, въ исторіи цивилизаціи, нельзя не упомянуть о слѣдующихъ лицахъ. Во-первыхъ, очень важное мѣсто занимаетъ *астрологъ*, съ своими помощниками. Онъ опредѣляетъ время, въ которое могутъ быть предприняемы важнѣйшія государственныя дѣла; минуту, въ которую должно быть начато сраженіе или долженъ быть подписанъ государственный договоръ. Подъ его вѣдѣніемъ, составляются календари, которые пишутся разноцвѣтными черни-

лами на сверткахъ пергамента. Во-вторыхъ, наставникъ принцевъ, который учитъ ихъ читать и вообще образовываетъ ихъ со времени обрѣзанія. Въ-третьихъ, библіотекаръ, который завѣдываетъ арабскими, персидскими и турецкими рукописями. Въ-четвертыхъ, кабинетъ-секретарь султана, сирркіядобъ—важное лицо въ государствѣ, сосредоточивающее въ себѣ почти всѣ отрасли управленія и политики. Собственно камергеры—*иканджи-баши*, занимая другія должности, присутствуютъ при церемоніяхъ, и исполняютъ смертные и уголовные приговоры султана, — постъ очень опасный въ коварныхъ странахъ мусульманскаго міра.

Къ придворному штату относятся также: 1) нѣмые, распределенные по камерамъ серая... Они объясняются особенными знаками. 2) Карлики, также распределенные по камерамъ серая, забавляютъ султана своею уродливостію и остроуміемъ. Карликъ, нѣмой и къ тому-жъ евнухъ принадлежитъ къ величайшимъ драгоценностямъ серая. 3) Музыканты, придворная капелла—сазенде, подъ управленіемъ сазенденъ-баши (капельмейстера). 4) Арсъ-агаларъ (аудиенцъ-секретари)—принимающіе просьбы отъ просителей и передающіе ихъ султану.

Это главнѣйшія составныя части вишняго придворнаго штата.

Внутренній придворный штатъ, или гаремъ, состоитъ подъ управленіемъ *Кизляръ Агасси*. Онъ глава всѣхъ черныхъ евнуховъ, правитель всѣхъ мечетей и принадлежащихъ Меккѣ благочестивыхъ заведеній. Онъ имѣетъ свой гаремъ. Его диванъ (присутственное мѣсто) находится во дворцѣ и бываетъ открытъ только по средамъ. Онъ всегда находится возлѣ особы султана. Подъ его вѣдѣніемъ, состоятъ всѣ евнухи и женщины, а именно:

Валидъ-агасси, или первый евнухъ султанши - матери; равно какъ и другіе евнухи, начальствующіе надъ разными частями гарема.

Всѣхъ черныхъ евнуховъ въ сераѣ четыреста; почти всѣ они изъ Абиссиніи. Дознано опытомъ, что абиссинскіе евнухи скрытнѣе, хитрѣе, вѣрнѣе, жесточе и неумолимѣе прочихъ.

Всѣ жены султана избираются изъ невольницъ, по большей части черкешенокъ и грузинокъ. Природная турчанка можетъ быть только одалискою султана, а число одалискъ зависитъ отъ его воли. Одалиски доставляются ему всѣми приближенными, родственниками и родственницами: каждый и каждая наперерывъ стараются приобрѣсть этимъ его благосклонность и упрочить свое значеніе. Изъ одалискъ султанъ избираетъ себѣ и законныхъ женъ, которыхъ, по Корану, у него не можетъ быть болѣе четырехъ; но султанъ Ибрагимъ число ихъ увеличилъ до семи. Онѣ называются *кадынь* (дамы). Титулъ султанши принадлежитъ только матери, дочерямъ и сестрамъ султана. Мать султана называется султанша-валиде; мать перворожденнаго наслѣдника — хасеки султана.

Жены султана не имѣютъ права принимать у себя, даже пріятельницъ и родственниковъ, ни ѣздить въ баню, ни на кладбища, ни къ своимъ подругамъ: онѣ постоянно остаются въ гаремѣ, лицомъ къ лицу съ евнухомъ и дѣтьми (если есть). Если же, по приказанію султана, имъ предстоитъ переездъ въ какое-нибудь мѣсто, то

отправляются въ дорогу чуть-свѣтъ, въ сопровожденіи множества евнуховъ, которые гонять съ дороги все, что попадаетъ имъ на-встрѣчу. Короткое пространство отъ стѣнъ серая до морскаго берега, гдѣ ожидаетъ ихъ судно, онѣ проходятъ между двумя стѣнами зеленаго холста, растянутаго евнухами. Въ суднѣ, для нихъ устраивается особая каюта, похожая на клѣтку, вокругъ которой тотчасъ становятся евнухи, чтобы удерживать матросовъ въ почтительномъ отдаленіи. Кизларъ-агаси сопровождаетъ ихъ въ нѣкоторомъ разстояніи, на отдѣльномъ суднѣ, также наполненномъ евнухами. Другія суда, плывущія по одному направленію, должны держаться отъ нихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Прислуга гарема состоитъ изъ плѣнницъ и черныхъ евнуховъ, день и ночь стоящихъ у дверей гаремныхъ комнатъ. Бѣлые евнухи не имѣютъ права входить въ гаремъ, и стоятъ близъ него, только ожидая султана, когда послѣдній посѣщаетъ гаремъ. Спальня султана при-мыкаетъ къ гарему.

По смерти султана, всѣ его жены, отъ которыхъ родились только принцессы, имѣютъ право идти, куда имъ угодно; но матери принцевъ должны оставаться въ старомъ серафѣ, изъ котораго перейдетъ въ новый только та, чей сынъ взойдетъ на престолъ. Тутъ она имѣетъ право составить свой штатъ, по своему усмотрѣнію. Только султанша—мать имѣетъ право ходить безъ покрывала, чтобы при встрѣчѣ съ нею не оставалось никакого недоразумѣнія относительно принадлежащихъ ей почестей. Ни одна одалиска не можетъ быть принята безъ согласія султанши валиды ...

Въ прежнія времена османской имперіи, при восшествіи на престолъ новаго монарха, сыновья его получали мѣста намѣстниковъ въ Азіи, для приобрѣтенія опытности въ дѣлахъ правленія. Но такъ какъ послѣднее обстоятельство освобождало ихъ нѣкоторымъ образомъ отъ произвола новыхъ султановъ, то Салиманъ установилъ, чтобы всѣ принцы оставались въ Константинополѣ, въ такъ-называемыхъ кафесахъ. Тутъ они проводятъ время только съ евнухами и одалисками; читаютъ Коранъ и отечественныя лѣтониси ... Не лучше воспитываются и принцессы. Ихъ обручаютъ еще до совершеннолѣтія съ какимъ-нибудь визиремъ, или намѣстникомъ, которые, въ такомъ случаѣ, на содержаніе своихъ невѣстъ, должны удѣлять значительную часть своихъ доходовъ.

Первое государственное лицо, послѣ султана, въ турецкой имперіи, носитъ титулъ великаго визиря. Это президентъ государственнаго совѣта. До завоеванія Константинополя, султаны имѣли только одного визиря; но потомъ, число ихъ постепенно увеличивалось. Они назывались куббе везирлери (визиря купола), потому-что сидѣли подъ однимъ и тѣмъ-же куполомъ дивана. Но въ подобныхъ засѣданіяхъ, только великій визирь имѣлъ право высказывать свое мнѣніе. Прочіе могли говорить только по требованію султана.

Во время войны, визиря купола командовали отрядами войска и назывались поэтому сердаръ или сераскиръ, то-есть военачальникъ. Но Ахмедъ III уничтожилъ ихъ достоинство, удержавъ только одного, капуданъ-пашу константинопольскаго. Титулъ визиря былъ даваемъ

въ послѣдствіи всѣмъ трехбунчужнымъ пашамъ. Онъ соотвѣтствуетъ нашему титулу превосходительства и дается многими высшимъ чиновникамъ, въ знакъ милости и за особенныя заслуги.

Великій визирь есть глава всѣхъ министерствъ. Это представитель самого султана, котораго личность покрыта священнымъ мракомъ, непроницаемымъ ни для одного министра. Во всякое время только великій визирь имѣетъ свободный доступъ къ султану.

Вензеловая печать султана хранится у великаго визира. Онъ пользуется почти царскими почестями, не говоря уже о разныхъ почетныхъ титулахъ.

Великій визирь обязанъ наблюдать за исполненіемъ полицейскихъ узаконеній, за правильностью вѣсовъ и мѣръ, цѣною на жизненные припасы; и нарушителей этихъ законовъ наказывать публично. Прежде, подобныя ревизіи производились съ большими церемоніями. Но теперь, визирь это дѣлаетъ инкогнито, раза три, четыре въ недѣлю, сопровождаемый только офицерами порты. Хлѣбники, уличенные въ обвѣсѣ хлѣба, теряютъ прежде всего уши и носъ, и кромѣ того, подвергаются тѣлесному наказанію. Вообще, на эту часть благоустройства обращено въ Турціи строгое вниманіе, потому-что изъ злоупотребленій этого рода тамъ происходили иногда ужасныя безпорядки.

Дворецъ великаго визира въ Константинополѣ называется высокою портою — имя, которымъ обыкновенно обозначается все турецкое правительство и которому соотвѣтствуетъ употребляемое у европейцевъ слово — дворъ. На всемъ Востокѣ, съ незапамятныхъ временъ, государственные вельможи каждое утро собираются у воротъ государственнаго дворца, подобно тому, какъ въ древнихъ восточныхъ городахъ, старѣйшины собирались у воротъ города и тутъ рѣшали дѣла. Кромѣ высокой порты, въ Турціи есть еще терминъ — первыя ворота серая, терминъ, обнимающій весь составъ придворнаго штата, и ворота счастья — это самыя внутреннія ворота серая, — это ворота гарема.

Когда великій визирь отправляется въ походъ, то ему сопутствуютъ всѣ министры съ своими канцеляріями; но на этотъ разъ, для продолженія дѣлъ по министерствамъ, назначаются новые министры и новые чиновники, изъ которыхъ одни остаются при дѣлахъ, а другіе отправляются въ походъ. Мѣсто самого великаго визира занимаетъ тогда какой-нибудь трехбунчужный паша, съ титуломъ каймакамъ паши.

Непосредственно подъ великимъ визиремъ, состоятъ три министра: внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и государственный маршалъ (чаушъ-баши), съ шестью министерствами, составляющими, вмѣстѣ съ великимъ визиремъ, высокую порту.

1. Министру внутреннихъ дѣлъ (каіайя бею) подлежатъ всѣ отрасли государственнаго и гражданскаго внутренняго управленія. Всѣ фирманы султана, проекты и распоряженія великаго визира, переходятъ чрезъ него. Это первый совѣтникъ великаго визира во всѣхъ его дѣлахъ и планахъ. Онъ постоянно находится во дворцѣ визира, особенно во

время отлучекъ послѣдняго. Оттого, въ одно и то-же время кіайя бей и великій визирь никогда не являются въ церемоніальныхъ процессіяхъ и празднествахъ. Кіайя бей состоитъ въ классѣ трехбунчужнаго паши. Подъ его начальствомъ, состоятъ: ага янычаръ порты, — исполнительъ министерскихъ распоряженій; начальникъ градскихъ темницъ и публичныхъ наказаній; и такъ далѣе.

2. *Министру иностранныхъ дѣлъ* (рейсэфенди), кромѣ иностранныхъ дѣлъ, подлежитъ преимущественно изготовленіе султанскихъ фирмановъ, относительно опредѣленія и награжденія чиновниковъ. Изъ ближайшихъ къ нему важныхъ лицъ замѣчательны: толмачъ порты, который служитъ посредникомъ между имъ и посланниками, съ которыми онъ входитъ въ ближайшія объясненія и отношенія, по порученіямъ порты. Съ нѣкотораго времени, толмачи избираются преимущественно изъ грековъ.

3. Чаушъ-баши — ближе всего министръ юстиціи и полиціи: въ его рукахъ соединены все отрасли гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, которыя въ другихъ государствахъ подлежатъ вѣдѣнію преимущественно министерствъ юстиціи и полиціи; равно какъ и обязанности придворнаго и государственнаго канцлера.

Непосредственно подъ начальствомъ кіайя бея, рейсэфенди и чаушъ-баши, важнѣйшіе посты въ государственномъ управленіи занимаютъ шесть статсъ-секретарей, изъ коихъ одинъ кабинетъ-секретарь великаго визиря, другой кабинетъ-секретарь кіайя бея, а другіе имѣютъ отдѣльные назначенія.

Все эти государственные министры, съ секретарями, имѣютъ свои канцеляріи во дворцѣ великаго визиря (въ портѣ), куда они собираются ежедневно въ часъ по восхожденію солнца, а уходятъ въ часъ по закатѣ, да и то только съ позволенія великаго визиря. Тогда, у дверей каждаго министра, является слуга и почтительно докладываетъ: *ику*, то-есть, позволено идти. Они имѣютъ только пять табельныхъ дней въ году, а кіайя ни одного.

Затѣмъ, въ турецкой имперіи есть еще четыре министерства: финансовъ, морскихъ и военныхъ силъ, юстиціи и духовныхъ дѣлъ. Эти министерства зависятъ также отъ великаго визиря, но находятся не во дворцѣ — но въ высокой портѣ.

Министерство финансовъ, на Востокѣ, въ сущности основано на отношеніяхъ побѣдителя къ побѣжденному. — Отличительная черта восточнаго человѣка особенно въ Персіи, — страсть и корысть, подавляющія всякое чувство истины и правды; такъ-называемое чувство чести въ исполненіи взаимныхъ условій тамъ не существуетъ; взаимнаго довѣрія нѣтъ. «Въ Персіи, замѣчаетъ одинъ путешественникъ, деньги составляютъ не только великій рычагъ, но истинный основной элементъ человѣческаго бытія.» Въ Персіи, жадность къ деньгамъ такъ велика и опасна, что богатые нерѣдко путешествуютъ въ лохмотьяхъ, подбитыхъ червонцами. Это классическая страна жадности, скряжничества, плутовства, коварства и всехъ пороковъ корыстолюбія. За деньги, въ Персіи вы можете сдѣлать все, что вамъ угодно.

Персидскіе финансы постоянно въ безпорядкѣ и страдаютъ дефицитомъ.

Доходы персидскаго государства раздѣляются и теперь еще, какъ во времена Дарія, на два рода: обыкновенные и чрезвычайные. Первые состоятъ въ опредѣленномъ количествѣ лучшихъ произведеній каждой провинціи, равно какъ и въ извѣстной суммѣ денегъ, которыя губернаторы должны, въ извѣстное время, отправлять ко двору; а чрезвычайные состоятъ въ подобныхъ-же поставкахъ, но только не въ опредѣленномъ количествѣ, которыя губернаторы должны доставлять ко двору къ новому году.

Ближайшій затѣмъ источникъ доходовъ состоитъ въ доменахъ или въ поземельной собственности, принадлежащей шаху, съ которой онъ получаетъ третью часть всего сбора. Вся поземельная собственность въ Персіи принадлежитъ шаху, государству, духовенству и частнымъ людямъ. Доходы съ государственныхъ имуществъ употребляются на содержаніе губернаторовъ, ихъ чиновниковъ, служителей и солдатъ, изъ которыхъ каждый содержится насчетъ извѣстнаго города или деревни.

Горнодѣліе, каменоломни, шелководство, хлопчатая бумага, налоги на иноверцевъ пошлины на товары, — все это доставляетъ также значительную сумму въ казнохранилище шаха.

Вся поземельная собственность шаха отдается на аренду.

Нѣсколько лучше устроены финансы въ Турціи. Здѣсь, довольно точно опредѣлены доходы со всѣхъ поземельныхъ имуществъ, записываемыхъ съ этою цѣлю въ особыхъ описяхъ (дефтеръ). Завѣдывающіе этими описями называются дефтердаръ; оттого и министерство финансовъ въ Турціи называется дефтердаръ капусси. Оно состоитъ изъ двадцати семи отдѣленій, съ предсѣдателями, ихъ помощниками, секретарями и множествомъ другихъ чиновниковъ.

Государственное казначейство находится также во дворцѣ султана — серафъ. Изъ него выдаютъ жалованье и солдатамъ, по третямъ: являясь за жалованьемъ, они сначала цѣлуютъ землю передъ лицомъ великаго визира, который въ такомъ случаѣ принимаетъ ихъ стоя. Сначала подходили—бывало янычары, а потомъ другіе корпуса, подъ начальствомъ своихъ кѣяя и агъ.

Подати въ Турціи раздѣляются также на два рода: руссумъ и текаифъ. Первые опредѣлены исламомъ: это поголовная поземельная подать; а вторыя называются произвольными, потому-что опредѣляются, смотря по обстоятельствамъ, по особеннымъ распоряженіямъ правительства. Поголовная подать и десятина лежатъ только на покоренныхъ, тоестъ, на жителяхъ не-магометанскаго вѣроисповѣданія. Вообще, существованіе послѣднихъ въ турецкой имперіи ограничено стѣснительными узаконеніями. Въ отдаленныхъ областяхъ, имъ и теперь еще не позволяютъ строить церквей, не говоря уже о другихъ запрещеніяхъ, доходящихъ до мелочей. Десятина съ ихъ полей и садовъ поступаетъ въ казну. Прочіе предметы ихъ быта также подлежатъ извѣстному налогу. Мусульмане платятъ только поземельный налогъ.

Всѣ паши, нѣкоторые мусселимы, немногіе воеводы и даже аги* откупаютъ свои области въ Константинополь, отъ верховнаго правительства. «Обыкновенно это дѣлается, говоритъ русскій путешественникъ**, слѣдующимъ образомъ: человекъ, все равно, кто-бы онъ ни былъ, владѣлецъ-ли земли, ремесленникъ, промышленникъ, или потомокъ какого-нибудь знаменитаго рода, служащій глѣ-либо или нѣтъ, только непременно мусульманинъ, пріобрѣтаетъ благорасположеніе того или другого вельможи и чрезъ него дѣлается правителемъ округа или области. Ему говорятъ, на-примѣръ: ты будешь мусселимомъ области Мугла, въ продолженіе года. Область даетъ правительству чистаго дохода двадцать четыре милліона піастровъ; но такіе-то округа платятъ правительству не чрезъ тебя, а прямо $3\frac{1}{2}$ милліона; и такъ, съ остальныхъ 21 казалька, съ тебя слѣдуетъ $20\frac{1}{2}$ милліоновъ, которые ты и долженъ уплатить намъ теперь-же. Новый правитель, не имѣющій обыкновенно и тысячной части требуемой суммы, обращается къ армянскому сарафу (банкиру), заключаетъ съ нимъ сдѣлку и за большіе проценты занимаетъ не $20\frac{1}{2}$, а по крайней мѣрѣ 25 милліоновъ піастровъ. Половину остатка отъ вносимыхъ правительству $20\frac{1}{2}$ милліоновъ, онъ употребляетъ на подарки (бакшиши) вельможамъ, а другую на наемъ служителей и разнаго рода покупки, чтобы показаться своимъ подчиненнымъ въ приличномъ видѣ. При уплатѣ денегъ, ему говорятъ явно слѣдующее: «Управляй областью честно и правосудно; взимай съ нея подати, положенныя законами; основывайся во всемъ на принятыхъ обычаяхъ; рѣшай споры и всѣ гражданскія дѣла, по приговорамъ законниковъ (муллъ и кадівъ); не притѣсняй никого, ни магометанъ, ни иновѣрцевъ, и тому подобное. А тутъ-же, подъ рукою, новому правителю шепчутъ: область Мугла даетъ правительству, правда, $21\frac{1}{2}$ милліоновъ, но намъ извѣстно, что она можетъ дать 28 милліоновъ: помни это и не забудь, что участь твоя въ нашихъ рукахъ...»

Новый правитель спѣшитъ какъ можно скорѣе пользоваться даннымъ ему временемъ; немедленно узнаетъ, въ какомъ состояніи находится каждый агалыкъ и дѣлаетъ свои распоряженія: такіе-то аги остаются на своихъ мѣстахъ; туда-то назначается брадобрѣй Юсуфъ; туда-то сапожникъ Изеть; туда-то писецъ Али*; причемъ отъ каждаго получаетъ,

* Обзорніе Малой Азіи въ нынѣшнемъ ея состояніи (1839 г.) составленное русскимъ путешественникомъ, М. В. Стр. 251—253.

** Нѣсколько деревень вмѣстѣ, подчиненныхъ ближайшему своему правителю, агѣ, составляютъ казалькъ или агалыкъ; нѣсколько агалыковъ подчиняются воеводѣ, который назначаетъ и смѣняетъ агу по своему произволу, не доводя о томъ официально даже до свѣдѣнія высшаго правительства. Нѣсколько воеводствъ составляютъ или мусселимлыкъ или пашалыкъ, смотря по титулу правителя. Это общая норма, отъ которой впрочемъ въ Турецкой Имперіи есть много отступленій.

* Тамъ-же.

если не всю годовичную сумму доходовъ съ округа, то по-крайней-мѣрѣ, значительный задатокъ, обыкновенно занимаемый у областного банкира (грека или армянина). Кстати замѣтимъ, что въ каждомъ турецкомъ городѣ, кромѣ банкира, посылаемаго изъ Константинополя вмѣстѣ съ правителемъ, для принятія отъ него уплаты долга, есть еще такъ-называемые городскіе или областные банкиры. Банкиръ этотъ назначается самимъ городомъ, съ согласія, разумѣется, правителя. Онъ долженъ имѣть всегда въ готовности деньги, которыя онъ даетъ въ займы, за большіе (два и три въ мѣсяцъ) проценты, сословіямъ или селеніямъ. Иногда, для доставленія банкиру еще большей выгоды, мусселимы требуютъ взноса налоговъ безъ отсрочки, подъ опасеніемъ кары и изгнанія старшинъ, именно въ самое безденежное время, напримѣръ, отъ земледѣльцевъ — весною, отъ купцовъ — прежде полученія ими уплаты за товары.

Изъ свиты мусселима или паши, особенно замѣчательное лицо есть его помощникъ, кихайя, мимо котораго доступъ къ пашѣ былъ бы-безполезенъ; подъ его вѣдѣніемъ, работаютъ нѣсколько писцовъ — три, четыре. Они носятъ съ собою, за пазухою, мѣдную чернилицу съ длинною рукояткою, въ которой хранятся тростинки для писанія, и ножки для очинки ихъ. Пришедши въ конакъ (домъ правителя), писаря садятся, поджавъ ноги, въ назначенной для нихъ комнатѣ, и курятъ, въ ожиданіи приказаній. Получившій работу, отрѣзываетъ полосу бумаги, какъ у насъ медики для рецепта, только гораздо длиннѣе, кладетъ ее на ладонь лѣвой руки, опершись ею на колѣно, и, придерживая листокъ пальцами, пишетъ довольно скоро. Окончивъ, вырисовываетъ кудреватое имя правителя, съ разными украшеніями. Самъ-же правитель прикладываетъ къ бумагѣ только печать свою, извѣстную всѣмъ грамотнымъ во всей его области; но кромѣ этой, у него всегда есть секретная, извѣстная только нѣкоторымъ изъ подчиненныхъ ему воеводѣ.

Исполнители воли и приговоровъ правителя называются кавасы, которые, въ знакъ своего достоинства, носятъ длинныя деревянныя палки, съ металлическою булавою и такимъ-же наконечникомъ. Они одѣваются красиво и даже богато: на головѣ — фесъ или чалма; на тѣлѣ — двѣ или три куртки и необыкновенной ширины шальвары, съ штиблетами отъ колѣвъ; все это изъ сукна яркихъ цвѣтовъ — малиноваго, голубаго, коричневаго, синяго; все обшито шелковыми или золотыми шнурами. Они вооружены иногда саблей, но больше ятаганомъ и пистолетами.

Что касается далѣе до прочихъ частей общественнаго управленія въ мусульманскомъ Востокѣ, то въ этомъ отношеніи онъ представляетъ связь религіознаго начала съ свѣтскимъ, и въ то-же время отсутствіе органической связи различныхъ отраслей управленія. Судьи и законовѣдцы составляютъ тамъ часть церкви, потому-что и гражданскіе законы Востока составляютъ часть религіи. Оттого, судьи и духовенство имѣютъ одно общее названіе — *улемовъ*. Улема — это и законовѣдецъ и законоучитель. Въ главѣ всѣхъ улемовъ, стоитъ муфти, подобно тому,

какъ великій визирь стоитъ въ главѣ свѣтскаго элемента въ государствѣ. Подъ начальствомъ муфти, состоитъ пять классовъ судей, а именно великіе муллы или областныя, и младшіе муллы или городскіе судьи. Судьи, въ собственномъ смыслѣ, называются кади, которые раздѣляются на три класса. Вѣдѣнію и суду муллы и кади подлежатъ всѣ предметы гражданскаго и уголовного права; ониже исполняютъ и обязанности нотаріусовъ: изготавливаютъ завѣщанія, купеческіе и брачныя договоры, дарственные записи и тому подобное. Собственно судья или кади засѣдаетъ въ судѣ одинъ, безъ всякихъ помощниковъ, съ однимъ протоколистомъ или писцомъ, только записывающимъ обвиненія и оправданія, но не имѣющимъ передъ судьей никакого голоса. Въ палатахъ муллы и кади, есть еще два особенныя отдѣленія, для ихъ помощника (наиба) и для кассама, разбирающаго дѣла по наслѣдству. Въ маленькихъ городахъ и деревняхъ, мѣсто муллы и кади, занимаетъ наибъ.

Приговоры этихъ судей, какъ по гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ не подлежатъ никакой апелляціи. Ходатайствомъ по дѣламъ должны заниматься сами спорящіе: адвокатовъ нѣтъ. Всѣ дѣла рѣшаются скоро и притомъ на основаніи представленныхъ свидѣтельствъ; новъ Турціи ничего нѣтъ легче, какъ найти подкупныхъ свидѣтелей! Съ другой стороны, кади стоятъ часто въ такой зависимости отъ какого нибудь паши или другого вельможи, что ихъ воля для него выше всякаго закона. Въ Константинополѣ, обвиняемыхъ иногда подвергаютъ и пыткамъ, но только по особенному повелѣнію великаго визиря. Въ дѣлахъ уголовныхъ, муллы, кади и наибы прежде имѣли право опредѣлять не только денежныя и тѣлесныя наказанія, но и смертную казнь.

Право смертныхъ приговорокъ теперь отнято даже у правителей Областей.

Въ Персіи, также два рода законодательства: гражданское, основанное на коранѣ, и служащее руководствомъ для обыкновенныхъ судищъ; свѣтское (урфъ, право), состоящее изъ узаконеній шаховъ, которымъ руководствуются собственно свѣтскіе суды, состоящіе изъ президента дивана, визиря, градоначальника, его намѣстника, и начальника полиціи. Замѣчено, что королевскія судища въ Персіи ревностно защищаютъ послѣдователей не-магометанскаго вѣроисповѣданія, такъ какъ и вообще въ этой странѣ замѣчена склонность къ европейской цивилизаціи.

Полиція на Востокѣ чрезвычайно стѣснительна, особенно въ нѣкоторыхъ городахъ. Въ Бухарѣ, напримѣръ, полицейскіе служители имѣютъ право входить въ каждый домъ, во всякое время, чтобы только посмотреть, все-ли въ надлежащемъ порядкѣ, исполняются-ли въ урочные часы молитвы. Какъ скоро зайдетъ солнце и пробьетъ барабанъ, то никто уже не смѣетъ выдти на улицу; въ противномъ случаѣ, полиція имѣетъ право, даже обязана схватить его и подвергнуть тѣлесному наказанію.

Въ Алжирѣ, пойманнымъ ночью на улицѣ, за исключеніемъ турокъ давали до пяти сотъ ударовъ по пятамъ. Хозяинъ, не приказавшій вычистить улицы передъ своимъ домомъ, также получалъ извѣстное число ударовъ. За фальшивые вѣсы, отсѣкали лѣвую руку и, повѣсивъ ее на шею преступнику, сажали его на осла лицомъ къ хвосту и такъ проводили по всему городу. Подобныя наказанія опредѣляемы были и за другія преступленія по торговлѣ.

Съ подобною строгостію наблюдаютъ въ Константинополѣ особенно за продажею съѣстныхъ припасовъ. Здѣсь, этотъ предметъ подлежитъ личному надзору самого великаго визиря, посѣщающаго базаръ и лавки инкогнито. Открытое имъ злоупотребленіе наказывается на мѣстѣ преступленія. Наименьшее наказаніе состоитъ въ томъ, что пригвоздятъ продавца за ухо къ его лавкѣ. Иногда ихъ вѣшаютъ тутъ же, на дверяхъ. Если нѣтъ хозяина, то подобному наказанію подвергается прикащикъ или сидѣлецъ. Впрочемъ подобныя наказанія теперь допускаются рѣдко.

Домашній обыскъ дѣлается также, только по особенному письменному повелѣнію великаго визиря; * но въ гаремъ изслѣдователь можетъ войти только тогда, когда онъ оставленъ будетъ его обитательницами.

Пожарная команда только въ Константинополѣ довольно обширна и также дѣятельна, какъ и надзоръ за торговлею.

Въ Персіи, полицейское устройство также строго, но, кажется, гораздо безпорядочнѣе. Персидскіе ремесленники раздѣлены на цѣхи, изъ коихъ каждый имѣетъ своего представителя, которому въ маловажныхъ дѣлахъ предоставлено право суда. Всѣ товары въ Персіи продаются на вѣсъ; но надзора за вѣсами почти нѣтъ никакого. Каждый дѣлаетъ себѣ вѣсы, по образцу сосѣднихъ. А между тѣмъ, обвѣсъ наказывается иногда жестоко. Относительно воровства существуетъ странный законъ: обокраденнаго долженъ вознаградить правитель провинціи или сельское общество. Зато, и вора лишаютъ жизни на мѣстѣ преступленія.

Персидскія и бухарскія темницы описываются ужасными красками; но заключеніе въ темницахъ бываетъ только кратковременное, и никогда не употребляется, какъ мѣра наказанія.

Изъ наказаній употребленіемъ всего денежный штрафъ; но рѣдко опредѣляется и отрѣзываніе носа, ушей, пальцевъ, рукъ и тому подобныя жестокости.

Вѣшаютъ въ особенности за воровство. Въ Константинополѣ, воровъ

(*) У Русе пуг стр. 271 читаемъ, что полиція иногда вламывается надворъ, если слышитъ шумъ между отцемъ и сыномъ, и, не смотря на заступничество отца, беретъ сына въ тюрьму.

иногда вѣшаютъ на тѣхъ самыхъ лавкахъ, въ которыхъ они пойманы. Впрочемъ, употребляется для этого иногда и висѣлица, состоящая изъ трехъ столбовъ, сходящихся своими верхними концами. Смертнѣйшій приговоръ привязывается къ трупу. Трупъ виситъ на висѣлицѣ нѣсколько дней;

О другихъ родахъ казней неимѣемъ духа распространяться ...

За принятіе христіанской вѣры, мусульманина сожигаютъ, привязавъ ему на шею мѣшокъ съ порохомъ, а на голову надѣвъ насмоленную шапку.

Подобныя казни существуютъ и въ Персіи. Приговоръ шаха приводится въ исполненіе немедленно: осужденному отсѣкаютъ голову и отрѣзываютъ языкъ.

Но уйди преступникъ въ мечеть и — онъ спасенъ.

Въ Персіи, обвиненныхъ въ убійствѣ передаютъ въ руки оскорбленнаго семейства убитаго, которое, возвративъ его судѣ, назначаетъ мѣсто, гдѣ преступникъ долженъ быть наказанъ.

Пытка употребляется и въ Персіи, только рѣдко. Обыкновенная пытка состоитъ въ томъ, что бьютъ палками по подошвамъ; но есть и другіе роды пытокъ...

Воровство въ Турціи и Персіи принадлежитъ къ рѣдкимъ преступленіямъ; но индѣйскій воръ сѹмѣетъ вытащить даже простыню изъ-подъ спящаго.

Замѣчательно, что на Востокѣ нѣтъ дуэлей: у сѣверо-индѣйскихъ горцевъ, есть ордаля, состоящая въ томъ, что обвиняемыя въ чемъ-либо женщины, въ доказательство своей правоты, погружаютъ руку въ кипятокъ.

Клятвы у мусульманъ раздѣляются на два рода: къ первому принадлежатъ тѣ, которыя имѣютъ неперемѣнную обязательную силу передъ закономъ; а ко второму такія, которыя не имѣютъ этой силы, хотя нарушеніе ихъ и составляетъ преступленіе передъ лицомъ религіи.

Народонаселеніе восточныхъ государствъ представляетъ два класса: свободныхъ и невольниковъ. Послѣдній классъ состоитъ изъ черныхъ и бѣлыхъ. Первыхъ ловятъ въ Африкѣ, на формальныхъ охотахъ, и перевозятъ оттуда на восточные рынки. Торговля ими на Востокѣ существуетъ съ незапамятныхъ временъ; даже Магометъ не рѣшился запретить ее. Вся прислуга въ Аравіи состоитъ изъ негровъ или нубасъ, которые привозятся туда совакинами (купцами невольниковъ). Бѣлые невольники очень рѣдки. Для продажи невольниковъ, въ большихъ городахъ существуютъ особенные рынки.

Аддисонъ описываетъ этого рода рынокъ въ Константинополь: онъ состоялъ изъ четверугольнаго двора, окруженнаго крытыми галереями,

въ которыхъ сидѣло нѣсколько человекъ турокъ, кутившихъ и разговаривавшихъ. Эти галереи вели къ нѣсколькимъ комнатамъ, въ которыхъ содержались негритянки и мулатки, изъ которыхъ многія старались заинтересовать собой европейскихъ путешественниковъ. Онѣ были хорошо одѣты, какъ одѣваются турчанки, выходя на улицу; ихъ черныя лица покрыты были бѣлыми покрывалами. Возлѣ нихъ, сидѣли и бѣлолицыя, не первой молодости, за исключеніемъ одной красивой грузинки, лѣтъ осмнадцати. Въ торговлѣ невольницами принимаютъ дѣятельное участіе евреи; они учатъ ихъ танцовать, пѣть, играть и вообще всѣмъ искусствамъ очарованія. Невольница въ Константинополѣ стоитъ обыкновенно 500 — 1000 піастровъ; но за красавицу платятъ иногда очень дорого. Участъ невольниковъ въ Турціи и Персіи не такъ тягостна, какъ въ варварійскихъ владѣніяхъ, гдѣ бѣлыхъ невольниковъ принуждаютъ разными муками къ принятію исламизма. Невольники—дѣти воспитываются почти также, какъ и родныя. На Востокѣ, знатность или незнатность рожденія не поддерживается особеннымъ чувствомъ, и турки, не задумываясь, и сами женятся на невольницахъ и женятъ на нихъ своихъ сыновей. Равнымъ образомъ, и дочерей своихъ они также свободно выдаютъ замужъ за своихъ невольниковъ, которыхъ въ такомъ случаѣ отпускаютъ, разумѣется, на волю, доставляютъ имъ мѣста и даютъ деньги для обзаведенія хозяйствомъ. Плѣнниковъ, или разбѣиваютъ, что случается очень рѣдко, или убиваютъ, что случается часто, или уводятъ въ неволю. Непринимавшимъ исламизма дѣлаютъ разныя притѣсненія. Христіанамъ и евреямъ торговля невольниками запрещена, и на невольничій рынокъ могутъ входить только мусульмане. Европейцы получаютъ къ нему доступъ только посредствомъ фирмана султана, который даетъ его только посланникамъ и другимъ дипломатическимъ особамъ. Купцы боятся, какъ дурнаго глаза христіанъ и европейцевъ, такъ и того, чтобы невольницы не влюбились въ какого-нибудь невѣрнаго, и т. п.

Негритянки, равно какъ и бѣлыя невольницы, дѣлаются чаще всего служанками въ гаремахъ и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ служенія, выдаются за-мужъ за бѣлыхъ невольниковъ; онѣ достигаютъ иногда высокихъ почестей, обширнаго вліянія и значительнаго богатства.

Въ Алеппо, бѣлыхъ невольниковъ называютъ мемлюкъ, а черныхъ абдъ. Съ ними обращаются также хорошо, какъ въ Турціи, а малолѣтніе воспитываются наравнѣ съ дѣтьми хозяина. Въ Алеппо, невольниковъ христіанскаго вѣроисповѣданія не принуждаютъ даже къ исламизму, и вообще мало заботятся о ихъ вѣрѣ. Бѣлые невольники происходятъ большею частью изъ Грузіи и Кавказа. Вообще черные невольники въ Алеппо употребляются только на низшія должности. Евнухи, впрочемъ, почти всѣ черные. Въ гаремахъ, они занимаютъ отдѣльную комнату, но всегда имѣютъ свободный доступъ къ дамамъ.

Въ Персіи, невольницъ еще больше, нежели въ Турціи.

Земледѣльцы, въ Персіи и Египтѣ, подвергаются многимъ непріятностямъ отъ притѣсненія правительства, хотя нѣкоторые, именно въ Персіи, и достигаютъ, повидимому, значительнаго благосостоянія. Морье неоднократно проѣзжалъ въ Персіи чрезъ деревни, въ которыхъ не было ни одной живой души, хотя окрестность ихъ была обработана. Причина тому та, что деревенскіе крестьяне обязаны доставлять все содержаніе путешествующимъ чиновникамъ, которые, пользуясь этимъ правомъ, превращаютъ его въ грабежъ, такъ что крестьяне, при одномъ приближеніи подобнаго посѣтителя, уходятъ изъ деревень; остаются только женщины. Путешественники вламываются въ двери и распоряжаются, какъ хотятъ. Вся тяжесть административныхъ безпорядковъ на Востокъ обрушивается преимущественно на земледѣльческій классъ.

При всемъ томъ однакожъ, въ земледѣльческомъ классѣ въ Персіи, самѣтно нѣкоторое благосостояніе; потому-что въ Персіи вообще, съѣзные припасы дешевы, только одежда нѣсколько дорога. Персидскій земледѣлецъ всегда имѣетъ пшеничный пирогъ, кислое молоко, сыръ; одѣтъ достаточно, хотя и грубо. За поденщину платятъ довольно дорого. Персидскій земледѣлецъ отличается свойствами, общими всему Востоку: хитеръ, лъстивъ и коваренъ.

Третій классъ восточнаго гражданства, ремесленники и купцы въ городахъ, отличаются такими же свойствами, и подвергаются, хотя и въ меньшей степени, такимъ же притѣсненіямъ, какъ и земледѣльцы.

Понятно, что на Востокъ, нѣтъ ни Государственныхъ долговъ, ни кредита, ни банковъ, ни торговыхъ компаній, ни національныхъ кассъ для сбереженія капиталовъ.

Понятно также, что восточные купцы торговлю на чистыя деньги предпочитаютъ мѣновой. Последняя встрѣчается только возлѣ европейскихъ колоній, и притомъ между самими европейцами. Всѣ торговыя сдѣлки на Востокъ совершаются лично, не чрезъ повѣренныхъ; рѣдко поручается дѣло какому-нибудь родственнику или соучастнику. Коммисіонеровъ нѣтъ, торговыхъ книгъ также нѣтъ. Мелочная торговля на Востокъ выгоднѣе и возможнѣе оптовой, и потому, хозяинъ занимается ею самъ. У турецкихъ купцовъ, бывають впрочемъ счетныя книги, въ которыя они вносятъ продажу или выручку. Впрочемъ, восточный купецъ считаетъ даже за грѣхъ знать въ точности свой капиталъ, потому-что, по его чувству, подобнаго рода вычисленіе избличаетъ высокоуміе. Давать деньги на проценты также запрещается кораномъ; однакожъ въ Турціи это правило не соблюдается (!)

Богатѣйшими изъ восточныхъ купцовъ считаются индѣйцы, персіане, и евреи. Турецкіе купцы въ Дамаскѣ также живутъ довольно независимо и роскошно. Растянувшись на мягкомъ коврѣ и богатыхъ подушкахъ,

(*) Boué (Voyage dans la Turquie d'Europe) говоритъ, что въ турціи le terme moyen des prêts est de 20 pour 100.

съ нарчижемъ въ рукахъ, они проводятъ время въ серьезныхъ беседахъ, среди облаковъ табачнаго дыму, съ чашкой воды, изъ которой утоляютъ жажду. О дѣлахъ говорятъ съ достоинствомъ, не торопясь. Напротивъ того персіянинъ необыкновенно дѣятеленъ и хитеръ. Въ турецкой торговлѣ, значительнѣйшую роль занимаютъ евреи и армяне.

Индійскіе купцы живутъ въ особенности въ торговыхъ мѣстахъ Аравіи. Сюда привозятъ изъ Индіи восковыя свѣчи, бумагу, сахаръ, благовонные товары и разнаго рода пряности. Индійскій товаръ предпочтается всѣмъ прочимъ и вся торговля Аравіи находится преимущественно въ рукахъ индѣйцевъ: многіе изъ нихъ живутъ здѣсь уже нѣсколько поколѣній, но все еще сохраняютъ свой языкъ и нравы. Въ обхожденіи, ласковы и вкрадчивы, какъ жида; да и въ бережливости и плутовствѣ, едва ли уступаютъ послѣднимъ. Благородный арабъ ихъ презираетъ. Словомъ, это настоящіе арабскіе жида; особенно таковы они въ Меккѣ, самомъ торговомъ городѣ Аравіи.

Путешествіе къ святымъ мѣстамъ на Востокъ вообще много способствуетъ восточной торговлѣ; такъ въ Меккѣ, торгуютъ даже улемы, то есть, магометанское духовенство. Подобное явленіе представляетъ намъ даже небольшія станціи въ аравійской пустынѣ.

Одинъ изъ величайшихъ торговыхъ пунктовъ Востока, — Моссуль. Значительнѣйшая часть индѣйскихъ товаровъ, идущихъ въ Басури Багдадъ, а отсюда въ Константинополь и Малую Азію, переходятъ чрезъ этотъ городъ. Тоже должно замѣтить и о арабскихъ, персидскихъ и другихъ товарахъ.

Персидская торговля незначительна, хотя въ самой Персіи званіе купца доставляетъ нѣкотораго рода независимость и уваженіе, тѣмъ болѣе, что для персіанъ богатство выше всего въ мірѣ. Самъ шахъ и вельможи занимаются торговлею. Но Исламизмъ, боязнь моря, природная лѣнь и множество другихъ причинъ, и здѣсь, какъ и вообще на Востокѣ, препятствуетъ развитію торговли и кредита.

Наконецъ послѣдній, высшій классъ, составляютъ муллы, улемы, духовенство и разнаго рода чиновники. Только потомки Магомета составляютъ нѣкоторымъ образомъ потомственное дворянство (шерифы или сеиды у арабовъ, и другія названія), пользующееся у магометанъ большимъ уваженіемъ. На него несмѣютъ нападать даже во время войны. Древнѣйшій титулъ должностныхъ людей въ Аравіи есть *шейхъ*: значеніе этого слова также обширно, какъ у насъ начальникъ. Персидское дворянство (негабетъ) состоитъ также изъ потомковъ Магомета; они называютъ себя миръ. Дѣти мира — называются *мирза*. Впрочемъ, безъ другихъ достоинствъ, они не пользуются особеннымъ уваженіемъ.

Прокуроры или айямы (очи) обязаны блюсти за правильнымъ исполненіемъ законовъ, безопасностію городовъ, справедливымъ раздѣ-

леніемъ податей и тому подобнымъ. Въ большихъ городахъ, ихъ бываетъ нѣсколько человекъ. Подъ ихъ вѣдомствомъ, всегда состоятъ нѣсколько деревень. Содержаніе они получаютъ отъ согражданъ. Для рѣшенія важныхъ дѣлъ айямы имѣютъ право приглашать въ свой диванъ знаменитѣйшихъ людей и законовѣдцовъ. Чиновники эти въ Турціи пользуются большимъ уваженіемъ.

Представители и депутаты каждаго цѣха обязаны защищать, какъ права цѣлаго общества, такъ и отдѣльныхъ членовъ его. Если возникнетъ какое-нибудь притѣсненіе со стороны сильной власти, то дѣло переносится сначала въ судебное мѣсто. Тутъ, являются депутаты и защищаютъ притѣсняемаго; и если находятъ его невиннымъ, то иногда въ судъ входитъ весь цѣхъ, и угнѣтенный тогда освобождается. Это въ городахъ; а въ деревняхъ, народъ обращается къ кіайямъ, — деревенскимъ головамъ, избираемымъ обывателями изъ своей среды. Эти головы пользуются, впрочемъ, нехорошею репутациею. Христіане и евреи также составляютъ общества, подобныя цѣхамъ, но обвиненные откупаются обыкновенно извѣстною суммою денегъ, если не найдутъ защиты у какого-нибудь европейскаго консула или сильнаго турка.

Другое средство спасенія противъ всѣхъ подобныхъ невзгодъ представляютъ кочевыя племена въ горахъ и пустыняхъ: въ турецкой имперіи—это бедуины, живущіе въ Аравіи, Месопотаміи, Сиріи и Египтѣ; а въ Персіи—по большей части горцы. Въ турецкой имперіи, осѣдлые и номады враждебны между собою; но въ Персіи, горецъ и земледѣлецъ немало не чуждаются другъ друга. Персидскій горецъ отличается тѣмиже качествами, какъ и бедуинъ: дикую волю онъ предпочитаетъ всему на свѣтѣ, онъ ею гордится. Впрочемъ, персидскіе номады вездѣ признаютъ надъ собою власть персидскаго шаха. Переходить съ мѣста на мѣсто, въ своихъ степяхъ и въ горахъ,—это ихъ насущная потребность. Это сильнѣйшіе и красивѣйшіе люди во всей Персіи: они составляютъ лучшее воинственное народонаселеніе. Но жизнь ихъ проходитъ въ наѣздничествѣ на сосѣднія племена и вообще въ страстяхъ необузданнаго номада; впрочемъ, и у нихъ есть своего рода порядокъ. Афганцы, напримѣръ, раздѣляются на множество мелкихъ племенъ и народцевъ, называемыхъ улусами. Каждый меньшій улусъ имѣетъ своего главу, который подчиненъ хану — главѣ цѣлаго племени; племя также называется улусъ. Племенная глава избирается изъ древнѣйшихъ родовъ у однихъ самимъ шахомъ, а у другихъ, народомъ. Всѣ прочія второстепенныя главы избираются народомъ. Ханъ съ главами ближайшихъ раздѣленій составляетъ верховный судъ — (чирга). Въ незначительныхъ случаяхъ, дѣло рѣшается однимъ ханомъ.

Индія представляетъ намъ совсѣмъ другія формы: это касты, въ которыхъ рожденіемъ опредѣляется вся жизнь каждаго лица. Никакой талантъ, никакой случай не могутъ измѣнить того, что опредѣлено съ незапамятныхъ временъ закономъ каждому, сообразно съ его происхожденіемъ. Только исламизмъ уничтожилъ въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ это законодательство; но въ другихъ, оно господствуетъ еще во всей силѣ. Во всей первобытной точности соблюдается оно у кандійцевъ на Цейлонѣ. Первую изъ кастъ на этомъ островѣ составляютъ дворяне; вторую, разные художники, золотыхъ дѣлъ мастера, кузнецы, плотники. Послѣдніе носятъ такуюже одежду, какъ и первые; но не смѣютъ входить въ ихъ общество. Третья каста состоитъ изъ низшихъ ремесленниковъ, цирюльниковъ, горшечниковъ, ткачей и простыхъ солдатъ. Земледѣльцы и поденщики составляютъ четвертую касту. Исключенные изъ которой-нибудь изъ этихъ кастъ не имѣютъ права заниматься никакимъ ремесломъ, ни торговлей; они должны жить только подаяніемъ, а между тѣмъ, не имѣютъ права приближаться къ кому бы то ни было; все, къ чему они прикоснутся—считается оскверненнымъ и нечистымъ.—Въ Индіи, раздѣленія на касты очень разнообразны, хотя въ основаніи ихъ остается первоначальное древнѣйшее раздѣленіе на четыре главныхъ: браминовъ, кшатріевъ, визовъ и судровъ. — Права этихъ кастъ болѣе или менѣе извѣстны... Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о другомъ явленіи въ индійской націи, которое, также древне, какъ и касты; это религиозная секта убійць, такъ называемыхъ таговъ. Они живутъ между индійскими горцами и состоятъ изъ нѣсколькихъ племенъ. Въ настоящее время, число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, потому-что, по смерти Акбара, ихъ преслѣдуютъ не такъ строго, какъ это было въ его время. Ихъ секта основана на миѣ, въ которомъ, можетъ быть, и скрывается преданіе о враждебныхъ отношеніяхъ народовъ, но который въ настоящемъ видѣ едва допускаетъ даже подобное толкованіе. Тагъ вѣруетъ, что назначеніе его, убивать всѣхъ непринлежащихъ къ его сектѣ, завѣщано ему его божествомъ Девы (или Дуріа, Калы или Бгаваны). Этотъ миѣ Орлиху рассказанъ былъ, какимъ-то 65-ти-лѣтнимъ старикомъ тагомъ, заключеннымъ въ темницу, въ слѣдующемъ видѣ. Былъ на землѣ когда-то какой-то демонъ (ракатъ-бый; кровавое сѣмя), такой величины, что океанъ едва доставалъ ему по грудь; онъ поглотилъ всѣхъ обитателей земли; но его уничтожила богиня Девы; зато изъ каждой капли его крови родился подобной; ему демонъ тогда богиня изъ пота своихъ рукъ создала двухъ мужей и каждому изъ нихъ дала по одному платку, посредствомъ которыхъ они могли умерщвлять демоновъ, не проливая и капли ихъ крови. Исполнивъ свое дѣло, они хотѣли возвратить богинѣ платки (румале, какъ называютъ таги ткани, посредствомъ которыхъ они удушаютъ людей; иные впрочемъ обходятся въ этихъ случаяхъ простыми веревками); но богиня оставила имъ и ихъ потомкамъ, въ даръ съ правомъ удушать ими людей (ужъ почему людей? неизвѣстно) и вообще пользоваться ими, какъ угодно. И теперь еще въ Калькутѣ, есть храмъ, посвященный богинѣ Девы, который наиболѣе посѣщается пильгримами этой секты. Впрочемъ, въ числѣ этихъ сектантовъ, есть послѣдователи и другихъ религій—индійцы, мусульмане; даже брамины попадались въ числѣ ихъ предводителей. Женщины участвуютъ въ ихъ дѣлахъ рѣдко; но случалось,

что онѣ первыя подстрекали къ убійствамъ и своихъ сыновей и мужей. У таговъ есть свой особенный языкъ (рамазыяна) и свои особенные условные знаки, понятные каждому изъ нихъ, какъ бы ни были отдалены они пространствомъ. Они раздѣляются на нѣсколько отраслей или *сортъ*: одни изъ нихъ отличаются особенною хитростію, ловкостью и скрытностью; другіе привлекаютъ своихъ жертвъ подъ видомъ торговли; нѣкоторые не имѣютъ никакихъ сношеній съ другими послѣдователями той же секты, хотя знаютъ ихъ языкъ и всѣ обряды. Предпринимая путешествіе съ цѣлію совершать убійства, нѣкоторые изъ нихъ фейзигары объявляютъ себя искателями убійць и воровъ; въ такихъ случаяхъ, ихъ предводитель всегда ѣдетъ на конѣ; а чтобы не возбудить и тѣни подозрѣнія, они ведутъ съ собою мальчиковъ. Обыкновенная шайка ихъ состоитъ изъ 40—50 человекъ, которые идутъ впрочемъ небольшими партіями изъ 10—12 человекъ,—и собираются только на извѣстныхъ мѣстахъ; иногда, имъ покровительствуютъ начальники деревень, которымъ они даютъ извѣстную часть добычи. Отцы водятъ съ собою и дѣтей, чтобы заранѣе пріучать ихъ къ своему ремеслу. Члены самой жестокой изъ этихъ сектъ называются фейзигарами (Feusugar). У нея есть свой особенный языкъ, непонятный другимъ.

На воровство и убійство, одинокіе таги отправляются обыкновенно безъ одежды, вытерши все тѣло масломъ и съ кинжаломъ во рту. Ночью, они собираются цѣлыми обществами и нападаютъ на мѣстечки. Нерѣдко, путешественникамъ они служатъ проводниками, какъ лучшая защита отъ нападеній враговъ; но нерѣдко также, они пользуются этимъ случаемъ исполнить свое назначеніе...

Предпринимая подобнаго рода путешествіе, фейзигары приносятъ своей богинѣ (кали и маріатта, въ Карнатикѣ) въ жертву овцу и вопрошаютъ ее объ успѣхѣ. Для этого, гдѣ-нибудь, въ пустынномъ мѣстѣ, они воздвигаютъ статую богини, съ ея атрибутами, изъ серебра или мѣди; иногда, вмѣстѣ съ нею ставится и изображеніе божества Ганеза изображеніе змѣи, ящерицы; далѣе петля, ножъ и священная кирка; все это посыпается цвѣтами. Потомъ, приносятъ въ жертву плоды, печеный хлѣбъ, спиртуозные напитки; на храмъ, льются ароматы, читаются молитвы. Послѣ этого, отрѣзываютъ у овцы голову, и убитое животное кладутъ передъ статуей богини, такъ, чтобы передняя правая нога ея прикасалась къ пасти и мордѣ животного; затѣмъ, предводитель секты вопрошаетъ богиню объ успѣхѣ. Благопріятный отвѣтъ состоитъ въ вздрагиваніяхъ овцы; если же ихъ нѣтъ, то предпріятіе откладывается, и жертвоприношеніе это повторяется дней 10—12.

Рѣчные таги совершаютъ свои убійства (отъ ноября до февраля), на рѣкѣ Гангѣ и другихъ. Плаваніе свое они прикрываютъ путешествіемъ въ Бенаресъ и другія священныя мѣста. Плывая по рѣкѣ, одни изъ нихъ тянутъ судно, другіе идутъ по берегу и приглашаютъ путешественника ѣхать вмѣстѣ съ ними. Жертву свою они стараются удушить такъ искусно, чтобы

не пролить и капли крови; а дабы предупредить въ удавленномъ всякую возможность очнуться, ему переламываютъ хребетъ; потомъ, трупъ выбрасываютъ изъ окна судна въ рѣку. Въ каждомъ суднѣ, два окна. Нѣсколько такихъ судовъ составляютъ общество; они идутъ одно за другимъ въ извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи. Если первому судну смануть къ себѣ путника не удалось, то убійцы на второмъ суднѣ стараются поддѣлаться къ путнику своими презрительными отзывами о первомъ...

Впрочемъ право на свое ремесло таги приобрѣтаютъ только тогда, когда докажутъ свое мужество и хладнокровіе въ нѣсколькихъ предпріятіяхъ. Своихъ дѣтей они берутъ съ собой съ четырнадцатилѣтняго возраста, не допуская впрочемъ быть свидѣтелями своихъ дѣлъ. Рассказываютъ, что когда схватили одного изъ предводителей подобной шайки и спросили, не упрекаетъ-ли его совѣсть въ томъ, что онъ убилъ столько невинныхъ, онъ отвѣчалъ: развѣ раскаивается кто-ни-будь въ своихъ обыкновенныхъ занятіяхъ?

Когда тагъ чувствуетъ себя довольно сильнымъ для своего дѣла, то обращается къ старѣйшему и знаменитѣйшему тагу съ просьбою принять его въ число своихъ учениковъ. Получивъ согласіе, онъ долженъ доказать свою ловкость въ присутствіи начальника и трехъ опытнѣйшихъ таговъ. Тогда, нашедши какого-нибудь спящаго путника, всѣ они подходятъ къ нему и обращаются лицомъ къ той сторонѣ, въ которую намѣреваются итти; тогда гуру, (начальникъ) взываетъ: «о кали, канкали, будкали! если тебѣ угодно, чтобы путникъ этотъ погибъ отъ руки этого раба, то пошли намъ знаменіе». Если знаменіе послѣдуетъ въ извѣстное время, съ правой стороны, то значить, что богиня согласна; если - же нѣтъ, то жертва предоставляется другимъ. Въ первомъ случаѣ, убійцы возвращаются въ свое мѣсто, гуру беретъ платокъ, и, обратившись на западъ, завязываетъ на немъ условный узелъ, а на противоположномъ концѣ завязываетъ серебряную монету. Ученикъ, принявъ этотъ платокъ правою рукою, становится надъ спящимъ и будитъ его, подъ предлогомъ, что къ нему ползетъ змѣя; въ тотъ-же мигъ бросаетъ на шею петлю — и путникъ удавленъ. Совершивъ дѣло, новичекъ бросается къ ногамъ своего гуру и своихъ товарищей. Затѣмъ, слѣдуетъ пиршество и подарки со стороны новаго душегубца.

Вообще, тагъ въ предпріятіяхъ своихъ руководствуется разными предзнаменованіями. Въ преслѣдованіяхъ своихъ, таги неутомимы. Одна шайка этихъ душегубцевъ, состоявшая изъ ста человѣкъ, сопровождала шестьдесятъ путешественниковъ нѣсколько сотъ верстъ, пока не улучила минуты удавить ихъ въ одно мгновеніе. Другая шайка сопровождала такимъ-же образомъ одно семейство двѣсти миль. Женщинъ, въ прежнее время, таги не удавливали; но теперь, это правило соблюдаютъ только таги изъ индусовъ.

Удавливаніе Фейзигаровъ совершается обыкновенно двумя или тремя тагами: одинъ изъ нихъ накидываетъ путнику петлю на шею;

другой тащить его съ сѣдла, а третій хватаетъ за узду лошадь, если путникъ всадникъ. Трупы удушенныхъ или бросаютъ въ колодцы, или зарываютъ въ землю. Въ послѣднемъ случаѣ, на могилу набрасываютъ терновые кусты и сѣмена какого-то растенія, дабы трупъ защитить отъ шакаловъ и собакъ! Если тагу не удастся удушить путника въ минуту пробужденія, или поставить его въ необходимое для этого положеніе, то онъ падаетъ въ обморокъ, а другіе прибѣгаютъ къ нему на помощь, ощупываютъ ему пульсъ, суетятся, ищутъ воды, и между тѣмъ какъ путникъ углубится въ эту сцену, ему накидываютъ на шею петлю.

Обитатели горъ и пустынь на Востока, курды, турки и арабы, нападаютъ на путниковъ открыто, вступаютъ съ ними въ договоръ и, получивъ условную плату, предоставляютъ каравану⁴ продолжать свой путь.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Нѣсколько словъ о погодѣ. — Концерты: Контекаго, сестеръ Дулькенъ, Нейлисова, Фрибе и другихъ. — Театры: г. Самойловъ; новости русской и французской сцены; г. Шмидтова; г-жа Соболева. — О полугодиной выставкѣ въ училищѣ живописи и ваянїя. — Барельефы г. Логановскаго. — Нѣкоторые размышленїя по поводу «дешевыхъ» товаровъ? — Гулянье подъ Новинскимъ и разные фокусники, Профессора мудреныхъ наукъ. Жанъ Мартини и что такое слава? — Томболы и маскарады. — Два удовольствїя, ожидающїя Москву. — Литература: *Московский Сборникъ*. — *Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи*, г. А-ва. Изданїе г. Роппольта. — *Дареджана*, драма г. Полонскаго, и что, кромѣ того, есть въ «Москвитянинѣ».

Какъ на великое счастье для читателей «Пантеона», смотрю я на то обстоятельство, что урочный день отправки «Московского Вѣстника» взшелъ надъ Москвою ясенъ и довольно весноподобенъ: солнце привѣтливо свѣтитъ, не только привѣтливо, но даже ярко, какъ-будто желая уколоть тѣхъ, кто все еще не вѣрять въ весну и поддерживаетъ огонекъ въ каминѣ; какая-то птичка (я не силенъ въ отечественной орнитологіи), не зимняя птичка, вьется и щебечетъ надъ моимъ окномъ; по улицѣ нестрѣютъ весенніе наряды, мостовая гремитъ, и подчасъ на ней поднимается пыль; редиска, свѣжіе огурцы, и шпинатъ совершенно вытѣснили моченые яблоки и другіе продукты, разносимые въ переходную пору великаго-поста ... словомъ, теперь, кажется, можно окончательно сказать, что зима не возвратится ... до будущей зимы. Не будь всего этого, мнѣ пришлось бы начать нынѣшнее письмо совершенно иначе, нежели заключилъ я предыдущее: длинными пѣснями на тему непостоянства здѣшной погоды и страшнаго разочарованїя, которымъ съ самаго свѣтлаго понедѣльника была постигнута московская публика, какъ извѣстно, споконъ вѣка привыкшая и встрѣчать и провожать первый весенній праздникъ въ весенней одеждѣ и на колесахъ. Теперь все сознали весну, и Тверской-бульваръ часу въ третьемъ болѣе или менѣе оживленъ ... по улицамъ даже раз-

носятъ мороженое — въ чемъ, впрочемъ, ужъ я и не знаю какое соотношение съ погодой ...

Но, вѣторону тѣхъ счастливецъ, которые способны отъ души уложить свои завидныя природы въ какую угодно раму, разделить себѣ жизнь по табличкѣ, однажды прихотью или привычкой установленной, знаменуя день торжества новою коляскою, мытьемъ гардинъ, чисткою замковъ и сниманіемъ мебельныхъ чехловъ; вѣторону всѣхъ тѣхъ добрыхъ людей, которые видятъ розочарованіе единственно въ томъ, что заставляеть ихъ отступить отъ невинной привычки въ данное время облекаться въ новое платье, и т. п. Какая странная вещь для каждаго снѣгъ на святой недѣлѣ ... снѣгъ, да еще зимній путь! О себѣ по крайней-мѣрѣ я могу сказать утвердительно, что невыразимо грустное впечатлѣніе производитъ снѣгъ и зима въ апрѣлѣ! И отчего-бы, кажется? Не имѣя ни новой, ни старой коляски, не дѣлавъ ни какихъ особыхъ приготовленій, не запасшись даже праздничнымъ пальто, — слѣдовательно, ни въ чемъ, по-видимому, не разочарованный, человекъ по-настоящему, еще долженъ-бы благодарить судьбу за то, что могъ, въ случаѣ надобности, изъ конца въ конецъ пространнаго города перемѣщать себя на санкахъ, а не на томъ локомотивѣ, именуемомъ у насъ калиберомъ, а у васъ дрожками, который, въ сущности и по опредѣленію одного изъ русскихъ правоописателей, есть не иное, что какъ отличнѣйшее орудіе пытки — не такъ-ли? И не все-ли равно, въ-самомъ-дѣлѣ, человекъ, почему ему тепло: потому-ли что апрѣль — и онъ въ пальто, или потому-что апрѣль — и онъ въ шубѣ? Такъ нѣтъ-же! Выходишь на улицу, глядишь на прекрасную санную дорогу — и даль-бы Богъ знаетъ что, если-бы онъ вдругъ обратился въ самую страшную слякоть; свѣжесть воздуха, спутница снѣга и мороза, не живить — и какъ, напротивъ, живить она, когда смѣнить собою осенніе туманы, осеннюю сырость! А тутъ, когда ужъ однажды слышалъ запахъ весны, когда хоть на одну минуту земля обдала тебя своими первыми испареніями, легкій морозъ и холодъ давятъ какъ-то, и свѣжесть воздуха уже не свѣжесть. Явленіе какъ нельзя болѣе естественное, лишь только дашь себѣ время разобрать его: тяжело для человѣческой природы все, что ненормально. Но замѣчательнъ фактъ, что въ душѣ непріятное потрясеніе оказывается ранѣе, чѣмъ испыталъ его тѣлесный организмъ, а умъ успѣлъ разложить! Мы болѣею частію какъ-будто не подозреваемъ этого, весьма обыкновеннаго процесса; мало того, мы смѣемся надъ всякимъ внутреннимъ чувствомъ, называемъ такія вещи бреднями, боимся за нихъ прослыть мечтателями ... между-тѣмъ ...

— До чего, однакожь, способенъ завлечься человекъ какою-нибудь идеею! прерываетъ здѣсь достопочтенный читатель «Пантеона»

— Дѣйствительно, отвѣчаетъ смущенный корреспондентъ: виновать, и самъ не понимаю, какъ (такіе-ли случаются промахи?) мнѣ вдругъ вообразилось, что я стою передъ моимъ учителемъ, почтеннымъ нѣмцемъ, восторженнымъ поклонникомъ и другомъ Окена — и сорвалась съ пера невольно эта натурфилософская выходка.

Такъ къ *дѣлу* — же. Нынѣшнюю пѣсню, мы, для разнообразія, начнемъ съ изящнаго, т.-е. съ явленій изящнаго міра — и на сколько они относятся къ изящному, къ его идеѣ, о томъ ужъ да судить каждый самъ.

Г. Контскій, начиная со вторника св. недѣли, далъ еще два концерта и участвовалъ въ концертѣ въ пользу инвалидовъ. Къ сказанному въ прошлый разъ объ игрѣ этого виртуоза, новаго прибавить нечего: мы слышали нѣсколько неигранныхъ имъ прежде пьесъ: *Гра росо* съ его варіаціями, фантазію Лафона на мотивы изъ *Ньмой*, *Маккавеевъ*, собственнаго его сочиненія, адажію изъ *Симфоническаго концерта* Мендельсона, *Тремоло* Берію, Шубертову *Ständchen*, *Каскадъ* и *Пиччиарко* собственнаго изобрѣтенія, на настоящаго адажію, пѣнья — мы все-таки не слышали, и Контскій остается для насъ исполнителемъ, какого никогда не слыхала Москва, исполнителемъ, который заткнулъ за поясъ даже Сивори — но не болѣе. Композитора мы въ немъ не видимъ; затронуть онъ ни кого не способенъ. Удивить, поразить — вотъ это другое дѣло; когда онъ играетъ свой *Каскадъ* или Паганиниевъ *Карнавалъ*, тутъ не разъ вскочилъ-бы, да подбѣжалъ посмотрѣть, не сидитъ, — ли у него въ скрипкѣ что-нибудь такое, чего и въ лучшихъ скрипкахъ не бываетъ, потому-что въ *Каскадъ* и въ *Карнавалъ* прорываются звуки, такія сочетанія звуковъ, которыя какъ-будто вовсе не музыкальныя звуки и не музыкальныя сочиненія, хотя они и не вредятъ ни *Каскаду*, ни *Карнавалу*: и этого сказать даже мало; ибо именно безъ этихъ звуковъ, безъ этихъ сочетаній, которыхъ мы никогда не слышали до Контскаго, не было-бы ни настоящаго Паганиниева *Карнавала*, ни *Каскада* ... Игра Контскаго на монокордѣ въ своемъ родѣ не менѣе изумительна ... Понятно, по этому, что пребываніе его здѣсь должно составить эпоху въ исторіи нашихъ музыкальныхъ воспоминаній; весьма немногіе развѣ не согласятся въ томъ. Есть, дѣйствительно, ультраскептики, и въ ихъ числѣ тотъ, другой господинъ, именующій себя музыкантомъ, которые, не довольствуясь распространеніемъ о Контскомъ нелѣпныхъ слуховъ, что будто онъ каждый день, уже двѣнадцать лѣтъ, играетъ свой *Каскадъ*; что онъ умѣетъ по-своему задо-

бривать въ свою пользу журналистовъ; что онъ мастеръ себя выставить на показъ — итакъ далѣе, въ подобномъ духѣ, — не довольствуясь этимъ, кричатъ, что Контскій совѣтъ не музыкантъ, что онъ не болѣе какъ весьма ловкій шарлатанъ своего дѣла; но, по моему мнѣнью, на эти вещи и возражать не стоитъ: съ одной стороны, къ чему придавать значеніе вѣтъ этимъ мелкимъ выходочкамъ микроскопическихъ Сальери? съ другой — и антагонистъ ихъ вѣдь не Моцартъ, даже въ фигуральномъ смыслѣ. Долгъ каждаго — опредѣлить, по силѣ своего разумѣнія, мѣсто, принадлежащее артисту, не впадая ни въ какія крайности, которыя всегда вредятъ истинѣ. Въ чемъ вы хотите обвинить Контскаго? Что онъ не владѣетъ скрипкой удивительно? — этого вы не скажете. Что онъ любитъ эффекты, подражаніе на скрипкѣ самымъ разнообразнымъ звукамъ, дикимъ подчасъ? — а что же дѣлалъ Паганини? — Наконецъ, вы скажете, что Контскій избѣгаетъ классической музыки: во-первыхъ, это не совѣтъ правда — онъ игралъ вамъ Мендельсона, Роде, Бетховена, хоть по немногу и не такъ, какъ *Каскадъ* и *Карнавалъ*; во-вторыхъ вспомните опять-таки Паганини: вотъ, на-примѣръ, что говоритъ Фетисъ: «я слышалъ Паганини нѣсколько разъ въ квартетахъ Бетховена, и долженъ сознаться, что въ этой музыкѣ онъ не стоитъ иной обыкновенной скрипки хорошаго оркестра». А Паганини не пересталъ оттого быть Паганини... Еще обстоятельство: позволено-ли такъ строго судить Контскаго за страсть къ эффектамъ, за вычурность его игры, когда самъ Эрнстъ (объ этомъ, не далѣе какъ въ одной изъ мартовскихъ книжекъ *Revue des Deux Mondes*, пишетъ Скудо) самъ Эрнстъ весь теперь въ эффектахъ и на эффектахъ, которые, замѣтимъ мимоходомъ, очень не даются ему, потому что Эрнстъ — поэтъ въ душѣ, и еще настолько чистъ, что стыдится самого себя за музыку, которую хочетъ взять предлогомъ для цѣлей вовсе не музыкальныхъ. Говорите сколько угодно, что у Контскаго нѣтъ настоящаго адажіо — противъ этого ни полслова; но утверждать, что онъ не замѣчательный *скрипачъ*, (не говоримъ музыкантъ) и для всѣхъ тѣхъ, кто слышалъ Личинскаго, Сивори и Эрнета, и другихъ еще, *не слыжавъ Паганини*, что онъ не можетъ быть ученикомъ Паганини, какъ могъ быть ученикомъ его Сивори, — это значить, опровергать дѣйствительность очевидности, отыскивать марева тамъ, гдѣ передъ вами осязаемый предметъ... На-примѣръ, игралъ-ли кто-нибудь и когда-нибудь такъ *Гра-росо*, какъ Контскій? можно-ли вообразить себѣ что-нибудь чище, звонче и правильнѣе того человеческого голоса, который пропѣлъ-бы эту арію такъ, какъ передаетъ ее скрипка подъ смычкомъ Контскаго? И въ то-же время,

кто-бы не замѣтилъ, что такой голосъ былъ-бы чрезвычайно холоденъ?.. Слышали-ли вы у кого-нибудь, кромѣ Вильмы Неруда, такой флажолетъ, какъ у Контскаго и такія двойныя ноты, какъ въ-особенности въ его *пиччіарка*? Въ заключеніе: для насъ нѣтъ ничего необъяснимаго въ томъ, что такъ много писали о Контскомъ въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Англии и Россіи, что вездѣ дивились ему; но почему нѣкоторые знатоки дѣла и присяжные музыкальные критики (брюссельскій Diapason, Гуръ, Эттингеръ, Улыбышевъ, Берліозъ) находили въ его игрѣ много чувства, и утверждали, что онъ не только заставитъ васъ смѣяться (въ *Карнавалѣ*), но страдать и плакать, это остается вопросомъ нерѣшеннымъ, а тѣмъ не менѣе интереснымъ, какъ мнѣніе людей, которые на своемъ вѣку слышали музыкантовъ, вдесятеро больше, нежели каждый изъ насъ...

Три концерта дали сестры Дулькенъ, Изабелла и Софія. Достаточно сказать, что онъ родомъ англичанки, то-есть, дѣти страны менѣе всего музыкальной (бойся французской философіи, нѣмецкаго остроумія, итальянской говядины, китайскихъ церемоній и англійской музыки — гласитъ одно старое преданіе), и вы уже знаете, что отъ нихъ многого требовать нельзя. Впрочемъ, Софія Дулькенъ не дурная піанистка и довольно знакома съ разными школами. Она играетъ и Листа, и Мендельсона, и Тальберга, и Шопена, и Готшалка, и Баха, играетъ отчетливо, но совершенно какъ-бы хорошій автоматъ. Другая сестра, Изабелла, играетъ на концертинѣ, то-есть гармоникѣ, имѣющей нѣсколько десятковъ клапановъ, что, надо сознаться, очень оригинально и почти совсѣмъ не музыкально. Недостатокъ музыкальности, кажется, самую ея чувствуемый, она восполняетъ разнаго рода жестами, отчего, впрочемъ, не выигрываетъ ни слухъ присутствующаго, ни зрѣніе. До Изабеллы Дулькенъ никто, сколько извѣстно, не пыталъ своихъ силъ на концертинѣ, кромѣ ея учителя, Регонди: его репертуаръ есть и ея репертуаръ...

Мелькнулъ въ Москвѣ нѣкто г. Нелисовъ: говорятъ, онъ ученикъ Гензельта, и этому повѣрить можно. Изъ г. Нелисова можетъ выйти хорошій музыкантъ, въ серьезномъ значеніи слова: въ его игрѣ и теперь уже есть черты, напоминающія методу поэта-учителя, безспорно одного изъ первыхъ современныхъ піанистовъ, одного изъ немногихъ — увы! — для кого музыка есть музыка, а не средство выказать бѣглость своихъ пальцевъ. Такихъ артистовъ давай Богъ побольше: только такіе артисты и могутъ образовать вкусъ, этотъ бѣдный вкусъ, который столь мастерски умѣли извращать господа Листы и Дрейшоки со всею

славною братією. А г-ну Нелисову должно отъ души пожелать преуспѣнія на избранной имъ дорогѣ.

Этимъ не кончается перечень нашихъ концертовъ. Давали концерты: г. Петровъ, московскій теноръ, г. Крозе, піанистъ пармезанскій, и г. Гунгль, прощальное музыкальное утро... Былъ здѣсь еще г. Фрибе, слѣпецъ-флейтистъ, интереснѣйшій несравненно менѣе того древняго слѣпца, котораго одинъ остроумный ученый называетъ гудошникомъ. Гг. Опоре и Грасси, подыгрывавшіе г. Фрибе въ данномъ имъ концертѣ, не стоили-бы и упоминенія, еслибъ прежде въ «Московскомъ Вѣстникѣ» имена ихъ встрѣтились хоть одинъ разъ. Такъ какъ этого до-сихъ-поръ не случилось, то я считаю обязанностію однажды навсегда довести до свѣдѣнія читателя, что г-да Опоре и Грасси съ довольно давняго времени составляютъ неизбѣжный аксесуаръ каждаго концерта, затѣваемаго здѣсь пріѣзжею посредственностію, сами-же по себѣ эти два таланта, г. Грасси по преимуществу, не изъ дальнихъ. Ужъ къ слову: фономъ прекрасной группы, которую съ г. Фрибе на первомъ планѣ, составляли гг. Опоре и Грасси и еще г. Шмидтъ, — былъ неоцѣненный оркестръ Гунгля. Судите о цѣломъ... Быть можетъ, читатель, — простите нескромное предположеніе, — вы помните статейку одного изъ французскихъ юмористовъ, подъ заглавіемъ: «Une Soirée chez Monsieur Lupot»?..

Концерты теперь, разумѣется, кончились. Нелишне, поэтому, повторить сегодня замѣченное въ предыдущемъ письмѣ: давно мы не имѣли такого благопріятнаго концертнаго сезона, какъ въ нынѣшнемъ году, и мы обязаны искреннею благодарностію за то гг. Вьетану, Контскому, сестрамъ Неруда... и, пожалуй, братьямъ Венявскимъ и сестрамъ Дулькенъ; г. Нелисовъ долженъ, по видимому, тоже оставить небезотрадное воспоминаніе, уже по тому одному, что воротилъ насъ мыслию къ Гензельту...

Открытіе театра ознаменовано пріѣздомъ петербургскаго артиста, г. Самойлова. До-сихъ-поръ онъ игралъ у насъ въ слѣдующихъ пьесахъ: «Отставной театральнѣйшій музыкантъ и княгиня» (роль Пузыречкина), «Старички» (роль Сергачева), «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума» (роль Антоніо Реготти), «Деньщикъ» (роль Тимофея Леонтьевича), «Материнское благословеніе» (роль Камондора), «Ямщики» (роль Василья Гарюна), «Что и деньги безъ ума» (роль Пьера), «Казачка» (роль Орлицкаго), «Бѣдовая двушка» (роль Николая Костылькова), «Окно во второмъ этажѣ» (роль полѣсовщика), «Макаръ Алексѣичъ Губкинъ» (роль Губкина), «Талисманъ» (роль П. Эльпид. Чужбина), «Машенька или еще отецъ и

дочь» (роль Вас. Тих. Круны), «*Актеръ*» (роль Стружкина). Талантъ г. Самойлова былъ столько разъ опредѣляемъ въ «Пантеонѣ», что распространяться о немъ здѣсь было-бы вовсе неумѣстно. Но должно замѣтить, что вообще многіе у насъ цѣнятъ его мало, что, конечно, не приносить чести артистическому такту этихъ многихъ. Никто не будетъ доказывать, чтобъ у г. Самойлова было большое драматическое дарованіе; чтобъ его природный талантъ принадлежалъ къ числу тѣхъ талантовъ, которые сами по себѣ обращаютъ на себя вниманіе; но какъ-же не сознаться, что г. Самойловъ именно отличный актеръ, что онъ превосходно знаетъ сцену, что онъ трудолюбиво изучаетъ свою науку, и изученіемъ достигаетъ того, чего иному не сдѣлать съ гораздо бѣльшимъ талантомъ? Между другими результатами этого изученія, простота игры г. Самойлова,—черта къ которой мы здѣсь не привыкли, ибо самые даровитые наши артисты, какъ-то Живокини, Васильевъ, и прочіе другіе весьма любятъ выѣзжать на утрировкѣ и фарсѣ,—простота его игры достойна особеннаго уваженія, и нѣкоторымъ сюжетамъ московской труппы очень-бы не вредно поучиться въ этомъ отношеніи у г. Самойлова.

Новинки русскаго репертуара слѣдующіе: *Блокада крѣпости Костромы или Русскіе въ 1608 г.*, др. сц. въ 3 д., съ пѣніемъ, танцами и взрывомъ, г. А. Т. В. — *Домашнее уложеніе*, ор. ком. въ 1 д., гр. Е. Растопчиной; — *Панасъ-Выкрутасъ*, малорос. к. вод. въ 1 д., г. Дмитренко (бенефисъ г. Усачева); — *Талисманъ*, др. ком. въ 3 д., въ стихахъ и прозѣ, съ эпилогомъ, кн. Кугушева; *Остриженные львы или живые покойники*, вод. въ 2 д., перев. съ франц. г. П. Каратыгина, (бенефисъ г. Ольгина); — *Машенька или еще отецъ и дочь*, др. въ 3 д. и 4 карт., заимств. изъ известной повѣсти г. А. Майкова; — *Браслетъ и прочее*, ком. въ 1 д., бар. Ѳ. Корфа, (бенефисъ г. Самойлова); — нѣсколько полекъ и музыкальных имбродлій; нѣсколько прехитрыхъ дивертиссементовъ... Покуда все эти приношенія на жертвенникъ изящнаго будутъ — литературно и сценически — оцѣнены въ «Пантеонѣ» (быть можетъ, это случится въ той-же книжкѣ, гдѣ помѣстится и мое письмо), я позволю себѣ предложить нѣкоторымъ приносителямъ нѣкоторые вопросы: неужели авторъ *Блокады Костромы* серьезно думаетъ, что не только русскіе 1608 года, но и русскіе какого нибудь года были таковы, какими являются у него русскіе, съ пѣніемъ, танцами и взрывомъ, или пребываетъ онъ въ счастливой вѣрѣ, что достаточно пробѣжать «Краткую Россійскую исторію» Кайданова, и пиши тогда русскую историческую драму? Неужели *Панасъ-Выкрутасъ* въ-самомъ-

дѣлѣ смѣшонъ? Почему «*Браслетъ и прочее*» — комедія, ужь не потому-ли, почему «*Странная почъ*» г. Жемчужникова?

На французской сценѣ то-же есть нѣсколько новостей. Замѣчательны: «*Le Mariage de Victorine*» com. dr. en 3 a., par «*George Sand*, и «*Mademoiselle de la Seiglière*, com. en 4 a., par *Jules Sandeau*. Съ пьесой Жоржа Санда читатели уже знакомы, а о комедіи Сандо должно сказать, что еще-бы поменьше (въ началѣ) нѣкоторыхъ рутинныхъ приемовъ, поменьше-бы жертвъ тому, что слишкомъ неясно опредѣляютъ французы словомъ «сценическія требованія» — и вышла-бы прекрасная комедія, какихъ очень немного во французской литературѣ. Нельзя также не прибавить, что «*La Vie de Bohème*» продолжаетъ идти здѣсь съ успѣхомъ, и что представленія этой пьесы, далеко не обыкновенной во французскомъ репертуарѣ, сопровождаются общимъ сочувствіемъ ...

Въ легонькихъ оперныхъ роляхъ стала являться г-жа Шмиткова. Въ 1848 — 1849 театральномъ году она какъ-то пѣла здѣсь съ г. Артемовскимъ дуэтъ изъ «*Цирюльника*», и съ-той-поры, утверждаютъ, по болѣзни не оказала видимыхъ успѣховъ. Въ г-жѣ Шмитковой есть что-то нѣмецкое, что, впрочемъ, отнюдь не напоминаетъ ни Нейрейтеръ, ни Гагнъ, ни Гейнефеттеръ, и если дебютантка мало изучала музыку, — о чемъ, вѣроятно, она и сама жалѣетъ, — такъ это, кажется, дѣйствительно должно приписать ея слабой груди и вообще бѣдности физическихъ средствъ. Но г-жа Шмиткова въ такихъ еще лѣтахъ, что можетъ поучиться: и вѣрно она будетъ учиться... Она выступила на сцену въ «*Дочери втораго полка*!» Ожиданій было слишкомъ много, ожиданія были слишкомъ преувеличены — и потому не совѣмъ оправдались.

Изъ водевильныхъ актрисъ начинаетъ понемногу развиваться г-жа Соболева 2, еще недавно бывшая воспитанницею; но очень жаль, что она, съ первыхъ шаговъ на сцену, беретъ уже и за мужскія роли, и за переодѣванья, и за другіе сценическіе фокусы. Въ теоріи изученія искусства, какого-бы то ни было, есть весьма простой законъ: должно всегда начинать съ начала, то-есть, укрѣпиться прежде въ основныхъ положеніяхъ и приемахъ и потомъ уже, постепенно, переходить къ сложнымъ и затѣйливымъ — если безъ послѣднихъ нельзя обойтись. Этого-то закона не помнятъ многіе молодые артисты, отчего нерѣдко и сбиваются съ пути безвозвратно ... на первыхъ парахъ, не развивъ, своего природнаго дарованія. Что если-бы кто-нибудь вздумалъ учиться вольтижированью, не умѣя еще просто держаться на лошади, — или рисовать

ландшафты, не зная первыхъ правилъ перспективы, — или дѣлать фехтовальное ассѳ, не зная разницы между парадой и ударомъ?..

Что сказать о полугодичной выставкѣ художественныхъ трудовъ въ Училищѣ Живописи и Ваянія? По отдѣленію живописи, первое мѣсто безспорно принадлежитъ г. Рабусу, особенно за его картину *Церковь Василія Блаженнаго*. Вѣрность натурѣ избраннаго предмета — главное и неотъемлемое достоинство этой картины; мелочная отдѣлка подробностей, выгодное освѣщеніе и мягкость воздуха — также несомнѣныя ея принадлежности. Затѣмъ стоятъ болѣе или менѣе почетнаго отзыва: новый *пейзажъ* г. Саврасова, очевидно намекающій на благотворное вліяніе Калама, — *копія* г. Лобова съ Теньера, — *копія* г. Трескина съ Айвазовскаго и Ахенбаха, и *Семикъ* г. Астрахова. О послѣднемъ, вопреки замѣченному однимъ художникомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», я долженъ сказать, что можно-бы пожелать больше національной правды въ подробностяхъ... Странная вещь, какъ вообще мало этой правды въ картинахъ, заимствуемыхъ изъ простаго русскаго быта—хотя бы нашими лучшими мастерами! Возьмите, на-примѣръ, иную тройку Орловскаго: несетя ямская тройка, а передъ вами такая тройка, что дай Богъ любому богатому барину имѣть такихъ коней и такую сбрую!.. Замѣчаніе диллетанта, господа!.. По отдѣленію ваянія, наиболѣе были интересны труды учениковъ г. Рамазанова, и первый между этими трудами *медвѣжья травля*, сдѣланная съ природы (гг. Ивановъ и Севрюгинъ, тринадцати лѣтъ). Вообще, ученики художественнаго класса, въ продолженіе послѣднихъ двухъ, трехъ лѣтъ оказали успѣхи.

Барельефъ, который, тоже въ началѣ апрѣля, былъ выставленъ въ мастерской г. Логановскаго — *торжество Давида* — удовлетворителенъ только въ частностяхъ: онъ состоитъ изъ пятнадцати фигуръ, изъ которыхъ лучшія — находятся на лѣвой сторонѣ; цѣлаго въ барельефѣ нѣтъ. Прежнія работы г. Логановскаго обѣщали болѣе.

О «дешевыхъ товарахъ», этомъ незапамятномъ обычаѣ, всѣмъ давнымъ-давно переизвѣстномъ, корреспондентъ «Пантеона» не позволилъ-бы себѣ и упоминать здѣсь, еслибы до него хоть кто — нибудь потрудился, по поводу этой мелкой промышленности, печатно выразить факты, которыми поражаетъ ея исторія въ послѣднее время. Вотъ въ чемъ они заключаются. Лѣтъ тому пятнадцать — и менѣе — дешевые товары, съ Оомина понедѣльника въ продолженіе всей недѣли, продавались только въ *городъ*, то-есть, въ гостинномъ дворѣ, да и то можно сказать исключительно на Ильинкѣ; и съ ранняго утра перваго дня, Ильинка до того загромождалась экипажами и запруживалась пѣшеходами, преимущественно женскаго пола, что давку, какая бывала тогда, теперь

и вообразить себѣ невозможно: многія дамы — это не красное слово — прѣзжали на Ильинку или къ монументу въ раннія обѣдни, когда еще лавки не отпирались. Толкамъ о дешевыхъ товарахъ не было конца; не предвидѣлось мѣры и потребности на нихъ: кто-бы сколько и чего ни накупилъ въ первый день, не отправится на второй, третій и такъ далѣе и не сдѣлать еще покупокъ — считалось преступленіемъ противъ домашней экономіи. Иные, или вѣрнѣе иныя, утверждали, что они на Оминой дѣлаютъ запасъ на цѣлый годъ и на цѣлый домъ. Вообще, на дешевые товары, то-есть, на обыкновеніе продавать товары дешево въ извѣстное время, смотрѣли какъ на величайшее благодѣяніе. Но мало-по-малу объяснилось, что и на Оминой недѣлѣ продаются дешево только весьма — опредѣленные товары, то-есть, весьма немногіе, а изъ нихъ извѣстное только количество, то-есть, весьма небольшое: обрѣзки, концы, остатки, давно вышедшее изъ употребленія: иначе и быть не могло — все остальное, продававшееся за безцѣнокъ, должно быть, было старье, гниль и тому подобное. Кредитъ къ дешевымъ товарамъ сталъ падать, что говорили потребители и на что жаловались кушцы: замѣтно меньше становились на Ильинкѣ и толпы и съѣзды на Оминой. До-сихъ-поръ все очень естественно, очень послѣдовательно, но вотъ гдѣ странность: чѣмъ больше стало падать довѣріе къ дешевымъ товарамъ, тѣмъ больше находилось охотниковъ продавать дешевые товары, и, на-примѣръ въ нынѣшнемъ году, съ перваго дня Оминой дешевые товары продавались по всему Кузнецкому-мосту и по всей Тверской — въ самыхъ лучшихъ магазинахъ: у модистокъ, у модныхъ портныхъ, у Дарзанса. Нужно-ли говорить какіе это товары? — Или такіе, которые ровно ни къ чему не годны, — или обыкновенные товары, продаваемые по обыкновеннымъ цѣнамъ, но названные дешевыми, — или въ магазинѣ, гдѣ вы привыкли видѣть только привозныя матеріи, вамъ продавали за иностранныя издѣлія русскія и польскія; мнѣ случилось видѣть въ одномъ магазинѣ дюжину батистовыхъ платковъ, которые отдавались за шесть рублей серебромъ (дюжина), но изъ этихъ платковъ можно сдѣлать развѣ оконныя занавѣски въ деревнѣ. Въ другомъ мѣстѣ продавали за французское — польское и русское трико. Надо сознаться, что все это не упрочиваетъ довѣрія къ дешевымъ товарамъ — и прекрасно: право, пора выбросить изъ головы мысль, что кто-нибудь, безъ особеннаго случая, уступитъ вамъ вещь дешевле того, что она ему стоитъ, съ прибавленіемъ средняго торговаго процента (minimum)!

Гулянье подъ Новинскимъ, съ балаганами, качелями, коньками, самокатами, понорамами, полатками и цыганами, нынче было такъ бѣдно,

такъ бѣдно, какъ никогда — разумѣется, изъ-за погоды. Но и вообще, балаганы здѣсь съ каждаго года падаютъ, въ чемъ мудрено не видѣть утѣшительнаго успѣха вкуса. Къ одному конному ристалищу, въ афишѣ названному *олимпійскомъ циркомъ*, было, между прочимъ, прикомандировано зрѣлище съ слѣдующею вывѣскою: «*Большая попорамма и положеніе въ семирной выставки хрустальнаго дворца.*» Я имѣлъ нелѣпость зайти, и что-же представилось моему любознательному взору? Видѣть какого-то художакрашенною съ надписью «*Діепль*»; всматриваюсь, припоминаю — и оказывается, что я уже видѣлъ однажды ту-же картину съ надписью: *Феодосія на Черномъ Морѣ*, съ тою, впрочемъ, разницей, что тогда на ней было меньше дырочекъ, сквозь которыя пробивается нескромный свѣтъ лампъ... Далѣе я не простираю изслѣдованія подробностей гулянья. Могу, однакожь, прибавить, что и здѣсь, также во всѣхъ другихъ публичныхъ сборищахъ, ни кто не хочетъ слушать цыганъ; престижь ихъ окончательно пропалъ: орутъ они отвратительно, красавицы цыганки не увидишь и разъ въ годъ; костюмъ ихъ какая-то безвкусная претензія на моду и современность европейскую, за исключеніемъ чепца и шляпки, на которые онѣ не рѣшаются... и если цыгане не возьмутся за умъ, то-есть, не обратятся къ положительнымъ промысламъ и ремесламъ, то скоро придется имъ идти съ сумой. На конной, цыгана обѣгаетъ самый отъявленный простакъ, а знатоку или охотнику лошадиному давно нѣтъ дѣла до цыгана, потому-что нынче слишкомъ извѣстно, что у цыганъ лошадки безъ изъянца и не купить... Труппа Рапшо, старика и сына, состоящая изъ шестидесяти двухъ сюжетовъ, показывала и показываетъ удивительные опыты силы, гибкости и развитія мускуловъ; грушы, представляемыя ею, весьма неграціозны: была тутъ между прочимъ одна Діана — суцая кормилица XVI вѣка, нѣчто въ родѣ тѣхъ статуй затѣйливыхъ издѣлій самоучки — скульптора, которыми иной анахоретъ украшаетъ полужаросшій травой *аглецкій* садъ или перистиль своего деревенскаго *монплезира*, или *меделисовъ* (*mes délices*)... Приѣхалъ сюда великанъ, изобразившій себя на полотнѣ въ видѣ шести-аршиннаго истукана въ оранжевой курткѣ, голубыхъ шароварахъ и съ неимоვნю крупными чертами лица: въ цѣломъ, его портретъ чрезвычайно напоминаетъ первобытную методу суздальской школы; въ натурѣ онъ не болѣе какъ довольно обыкновенный человѣкъ, только трехъ аршинъ роста. Тѣмъ не менѣе имъ интересуются, и въ особенности дѣти и дамы. Джоржъ Луисъ, профессоръ гимнастики изъ Лондона съ шестилѣтнимъ Миллипутано-Томомъ и братьями Мейстръ, Этль и Гольцейзенъ (читай: тирольскіе пѣвцы), имѣлъ честь давать представленія, невиданныя въ Москвѣ,

какъ выражается афиша — смѣсь музыки съ гимнастикой... Всѣ эти господа «профессора» и «артисты» неслыханныхъ наукъ и невиданныхъ представленій, безъ сомнѣнія, здѣсь проѣздомъ на нижегородскую ярмарку, и надо жалѣть, если къ главному пункту ихъ стремлений не донесутся заблаговременно дидрамбическія аттестаціи, которыя прописываютъ имъ иные изъ нашихъ доморощенныхъ Гинò и Жаненовъ: три, четыре строчки изъ иного фельетона — и ярмарочная публика должна-бы, кажется, забыть ѣсть и пить изъ-за воспѣваемаго Ахиллеса или Одиссея... Жанъ Мартини, достаточно извѣстный петербургской публикѣ, блистательно, среди лучезарнаго сіянія бенгальскаго огня, завершилъ у насъ свои подвиги. Но вотъ что восхитительно: портретъ г. Жана Мартини продается во многихъ магазинахъ и книжныхъ лавкахъ: это почище портрета г. Контскаго, о которомъ какъ-то была рѣчь въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» — и, вообразите, одинъ торговецъ увѣрялъ меня, что этотъ портретъ расходится гораздо лучше, нежели портретъ Гоголя!

На Святой и Оумной было нѣсколько томболъ, изъ которыхъ вторая всегда блистательнѣе первой, третья — второй, и такъ далѣе. Въ одной изъ послѣднихъ разыгрывалась, между прочимъ, прекрасная карета, со всею упряжью и парю лошадей, которая и стояла у подъезда дома Благороднаго Собранія, въ ожиданіи счастливца. Счастливецемъ оказался одинъ изъ львовъ Кузнецкаго-моста, — и онъ усѣлся и поѣхалъ, гордый какъ триумфаторъ древняго Рима... Въ одной изъ предстоящихъ томболъ одного изъ частныхъ обществъ, говорятъ, должно разыгрываться право на рыбныя ловли въ какомъ-то морѣ, и, притомъ, выигравшій получить билетъ на желѣзную дорогу до Петербурга, билетъ на пароходъ до ближайшей къ мѣсту назначенія гавани, неводъ и программу рыбъ, какія могутъ попасться ему. — Было два маскарада, отъ Благороднаго Собранія и прощальный маскарадъ отъ Нѣмецкаго Клуба. Въ послѣднемъ, по обычаю, приключилась не одна курьозная сцена, въ родѣ тѣхъ, которыя описываются въ затѣливой книжкѣ «Paris au bal» (переведенной г. Панаевымъ, подъ названіемъ «Парижскія увеселенія»). Но нѣтъ ничего мудренѣе, какъ описывать маскарады. Не даромъ этотъ высокій предметъ былъ камнемъ преткновенія для фельетонистовъ всѣхъ временъ, всѣхъ партій и всѣхъ способностей... Отъ души желалъ-бы я быть счастливѣе моихъ почтенныхъ собратій... но, о Парнасскія сестрицы, назовите-же мнѣ кисти, которыми-бы я, недостойный, возмогъ достойно живописать торжественность, торжественное хожденіе, торжественное сидѣніе, торжественное молчаніе московскихъ маскарадовъ, — изрѣдка прерываемыя краснорѣчивымъ пищаніемъ

и не менѣе краснорѣчивыми апострофами. «je te salue!» или: «ты скучаешь! ...» гдѣ, укажите, краски для этого? ... Молчать парижскія сестрицы... Мм. гг., со всею робостію начинающаго, со всею скромностію, случаю приличествующею, я, въ видахъ удовлетворенія вашей любознательности, то-есть, чтобы вы могли себѣ составить понятіе о маскарадахъ нашихъ, осмѣливаюсь предложить нижеслѣдующій рецептъ: возьмите глаголы *ходить, сидѣть, стоять, молчать, скучать*, проспрягайте ихъ по всемъ видоизмѣненіямъ, установленнымъ извѣстною образованному міру грамматикою г. Греча, напишите каждое лицо каждаго времени и каждое видоизмѣненіе на особой бумажкѣ и потомъ поступайте по кабалистическому методу Казановы, именно: смѣшавъ куски бумажекъ, составленныхъ каждая изъ одного глагола, вынимайте изъ каждой по бумажкѣ; сочетаніе вынутыхъ бумажекъ непрерывно дастъ вамъ нѣкоторое, положимъ дагерротипное, изображеніе одного изъ моментовъ того великолѣпнаго эпоса, котораго имя — московскій маскарадъ. Такъ, вы получите, на-примѣръ: они ходили — мы сидимъ — онъ стѣбитъ — я буду молчать — скучайте, и тому под.

Довольны-ли вы, читатель, хроникою нашихъ удовольствій?

Но вообразите, какое еще удовольствіе обѣщаютъ намъ на-дняхъ: въ Химнахъ, первой отсюда станціи петербурго-московской желѣзной дороги, говорятъ, устроены великолѣпный паркъ, гдѣ каждый день будетъ играть нарочно выписанный изъ Германіи оркестръ, и, всеконечно, будутъ учреждены разнаго рода удобства: продажа прохладительныхъ и горячительныхъ напитковъ, кушанья, чаю, кофе и т. п., — фейерверки, изверженія огнедышащихъ горъ и такъ далѣе. Само-собою разумѣется, что при этомъ поѣзды желѣзной дороги будутъ отправляться до Химнъ по нѣскольку разъ въ день, въ праздники особенно... словомъ, у насъ будетъ своего рода Павловскъ.

Пора, однакожъ, перейти къ литературѣ.

Самая свѣжая новость — «*Московский Сборникъ*», томъ 1-й (всѣхъ обѣщаютъ четыре), — труды гг. П. Аксакова, К. Аксакова, И. Бѣляева, П. Кирѣевскаго, П. Кирѣевскаго, А. Кошелева, С. Соловьева и А. Хомякова. Не говоря уже о превосходной статьѣ г. проф. Соловьева — *Псковъ и Ливонія*, весь составъ этой книги ставитъ ее въ рядъ серьезныхъ явленій русской литературы. Найдется, вѣроятно, много охотниковъ спорить съ большинствомъ авторовъ — по особенной исключительности ихъ точекъ отправленія, — но никто, конечно, не осмѣлится не уважать во всѣхъ вкладчикахъ «*Сборника*» благородной горячности ихъ убѣжденій и возвышенной искренности, съ которою они ихъ высказываютъ. Только неприятно дисгармонируетъ съ цѣлымъ

статья г. Кошелева — *Польздка русскаго земледѣльца въ Англію и на всемірную выставку*, очевидно, писанная машинистомъ, откупщикомъ, кѣмъ угодно, но отнюдь не земледѣльцемъ, и, во-вторыхъ, писанная человѣкомъ, не умѣющимъ ни мыслить, ни излагать своихъ мыслей правильно; на-примѣръ, въ заключеніи авторъ говоритъ, что мы, русскіе, умѣемъ перенимать у иностранцевъ только дурное (почему? — этого онъ на себя не взялъ труда доказать), и въ то-же время самъ относится къ читателю такъ, какъ ни одинъ иностранецъ никогда и нигдѣ къ читателю не относился. Зачѣмъ-же не перенялъ онъ на выставкѣ хоть англійской или французской учтивости? Или «слона — то онъ и не примѣтилъ»? ... Впрочемъ г. Кошелевъ долженъ быть изъ числа начинающихъ писать. Наиболѣе интересно простому читателю, то — есть не спеціально — ученому, должна показаться статья г. И. Кирѣевского — *О характеръ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи*. Кого можетъ не занимать подобный вопросъ? А кто хоть когда — нибудь читалъ что — нибудь вышедшее изъ-подъ пера г. И. Кирѣевского, тотъ ни за что не оторвется отъ его статьи, не смотря на то, что, и въ настоящемъ случаѣ, съ конечными выводами г. Кирѣевского соглашается, вѣроятно, очень и очень немногіе ... Г. И. Кирѣевскій, по своей учености, рѣдкой начитанности, мастерской и благородной манерѣ изложенія и теплому сочувствію къ предмету, въ его статьяхъ постоянно разлито по преимуществу тотъ русскій нублицистъ, который болѣе всѣхъ другихъ заставляеть думать русскаго человѣка; но г. Кирѣевскій, съ незапамятныхъ временъ ничего не печатаетъ. Не грустно-ли это? А куда бы полезно было замѣнить имъ всѣхъ этихъ субъектовъ, заботящихся въ своихъ разглагольствованіяхъ только о себѣ или о своихъ личныхъ бобо ... Въ *Бродягъ*, стихотвореніи г. И. Акеакова, есть чрезвычайно-занимательныя мѣста. Къ «Сборнику» приложены портретъ Гоголя, рисованный г. Мамоновымъ, довольно похожій, еслибъ Гоголь на немъ не былъ слишкомъ молодъ — а носъ его не такъ великъ.

«Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи», г. С. А—ва тоже недавно вышедшія, прекрасны. Я не берусь судить о спеціальномъ знаніи авторомъ охотничьяго дѣла, но что касается до описаній, картинъ природы, любви къ ней г. А—ва и пониманія ея имъ, словомъ, до всего того, что дѣлаеть «Записки» увлекательнымъ для всякаго рассказомъ, — всѣ эти литературныя достоинства щедро разсыпаны Оренбургскимъ охотникомъ, почему его изданіе представляетъ очень пріятное исключеніе изъ нежурнальной бѣллетрической обыденности.

Предпринятое г. Ропполтомъ изданіе «Живописная Россійская

Имперія или исторія Россіи и принадлежащихъ ей областей, какъ-то: Крыма, Черкесіи (?), Грузіи, Арменіи и Польши» началось весьма неблагополучно. Въ вышедшей тетради (всѣхъ будетъ сорокъ, и въ нихъ двѣсти рисунковъ и сто листовъ текста на языкахъ русскомъ и французскомъ) помѣщены изображенія Рюрика, Олега и Игоря и двѣ картины, отпечатанныя красками: «прибытіе въ Новгородъ Рюрика» и «поднесеніе Мономаху царскаго вѣнца». Все это, можетъ быть, было-бы мило въ дѣтской книжкѣ, но въ серьезномъ изданіи — имѣетъ значеніе крайне сомнительное. «Текстъ — говоритъ издатель — будетъ составляться по руководству лучшихъ писателей.» Желательно, чтобъ это обѣщаніе не ограничилось словами. Тогда, вѣроятно, и на картинахъ не будетъ встрѣчаться такихъ анахронизмовъ, какъ теперь; на-примѣръ «Рюрикъ вѣзжаетъ въ Новгородъ», обнесенный каменными стѣнами и украшенный зданіями и статуями, словно древній Римъ; или, Владиміръ принимаетъ вѣнецъ Мономаховъ, сидя на тронѣ, украшенномъ двуглавыми орлами. Намъ кажется даже необходимымъ, чтобы г. Роппольтъ обратился за текстомъ дѣйствительно къ знатоку русской исторіи и русскихъ древностей, ибо единственно подъ этимъ условіемъ его изданіе принесетъ пользу: довольно съ насъ великолѣпныхъ изданій съ текстами, взятыми изъ учебниковъ, да и то, болѣею частію, самыхъ плохихъ. Право, обидно быть дѣтьми въ дѣлѣ отечественной исторіи, а для того, чтобъ мы перестали быть дѣтьми по этой части, нужно, чтобъ о ней писали и учили насъ ей люди, знакомые съ нею по источникамъ.

Къ слову. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей», г. профессоръ Соловьевъ окончательно опровергъ предположеніе г. Погодина, будто русскому государству исполнится тысяча лѣтъ только въ 1862 году... И, затѣмъ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статей интересныхъ, по-прежнему, не мало. Но какой странный восторгъ передъ Контскимъ, какой безусловный восторгъ! Это даже какъ-то не клеится съ аналитическимъ, серьезнымъ направленіемъ «Московскихъ Вѣдомостей», и тѣмъ неурядице дѣйствуетъ на читателя.

О «Москвитянинѣ» можно было-бы и не говорить сегодня, не будь въ немъ драмы г. Полонскаго: *Дареджана Имеретинская*.

Г. Полонскій (Я. П.) принадлежитъ къ числу извѣстныхъ лирическихъ поэтовъ настоящей эпохи. Его стихотворенія, разбѣянные по журналамъ — «Гамены», «Сазандаръ» — читались всегда съ удовольствіемъ, а стихотвореніе *Сатаръ*, напечатанное въ «Кавказѣ» весной 1850 года — вещь полная силы и возвышеннаго чувства, должно быть памятно каждому. На драматическомъ поприщѣ онъ выступаетъ въ первый разъ. Къ сожалѣнію, сюжетъ, избранный г. Полонскимъ для драмы,

интересуетъ только по своей крайней новости: это — часть жизни имперетинской царицы, заимствованная изъ сочиненія г. Шардена: «Voyage du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient». Кто изъ русскихъ читателей достаточно знакомъ съ внутреннею исторіею Имперетіи въ XVII вѣкѣ, чтобъ приступить къ *Дадержань* съ подобающимъ сочувствіемъ? И, прочитавъ ее со всевозможнымъ вниманіемъ, никто, вѣроятно, не скажетъ о драмѣ болѣе слѣдующаго:

Стихъ въ *Дареджань* вездѣ хорошъ, но вездѣ холоденъ, кромѣ нѣкоторыхъ, небольшихъ исключеній, каково хотъ-бы это:

Дѣйствіе IV, сцена XIII. Тюрьма.

БАГРАТЬ * (*на лицъ его платокъ, на ногахъ цѣпи*).

Вотъ, вотъ она!.. Вотъ!.. Никого!.. Опять
 Все тѣ-же неподвижно злыя очи,
 Все та-же нестерпимая улыбка!
 Проща, пчезла!.. Чтò со мной?.. Ахъ, да!
 Я позабылъ: я слѣпъ!.. Видѣнья,
 Какъ пятна свѣта въ мутной темнотѣ,
 Не слышно бродячь у меня въ мозгу,
 Приходятъ и уходятъ какъ во снѣ.
 Итакъ, я спалъ сейчасъ! Да и почему
 Миѣ знать, проснулся-ли?..

Ощупать

Сырыя стѣны, — придавить платкомъ
 Двѣ язвы, вмѣсто глазъ, во-вѣкъ потухшихъ, —
 Съ тяжелой болью слышать звукъ оковъ:
 Вотъ все, чтò значить для мирзы Баграта
 Не спать, а бодрствовать; не спать, а плакать
 Кровавыми слезами.

Гдѣ я? Чтò я?

На страшный судъ я стану безъ повязки.

(*Пробуетъ снять платокъ*).

Присохла! Ну, останься на моемъ
 Лицѣ до страшнаго суда. (*Забывается*).

Или: Опять,

Опять мнѣ грезится ... отецъ мой — вотъ онъ...
 Тамара, мать моя ... вся въ золотѣ ...
 Вотъ, вижу, лица ихъ мѣняютъ
 Свой цвѣтъ, то блѣдный, то зелено-мутный,
 То огненный. . . (*Слышенъ утренній звонъ*).

Звонять ... звонять къ вечернѣ,

Или къ заутренѣ... Восходить утро,
 Или приходитъ вечеръ? О, знакомый,

* Багратъ-мирза IV, имперетинскій царь, ослѣпленный и скованный кознями мачихи — Дареджаны.

Знакомый звонъ! Ни стѣны, ни замки,
 Ничто, ничто не можетъ помѣшать
 Священнымъ этимъ звукамъ проникать
 Въ мою темницу. Пусть удвоятъ стражу,
 Унылый какъ раскаянье, отраднѣй,
 Какъ милосердіе, онъ долетитъ
 Ко мнѣ... онъ посетитъ меня...

Лучшій изъ характеровъ — героини, Дареджаны; въ цѣломъ драмы царствуетъ лирической безпорядокъ, но есть сцены прекрасныя.

Кромѣ *Дареджаны*, для читателя ex officio въ апрѣльскихъ книжкахъ «Москвитянина» нѣтъ ровно ничего. Читатель ex officio встрѣчается въ нихъ съ забавными казусами: въ концѣ одной книжки — рубрика *Мелочи*, подъ которой а) объявляется о выходѣ второй книги *Пропилеевъ*, б) о бюетѣ Гоголя, исполняемомъ г. Рамазановымъ, в) слѣдуютъ хозяйственныя распоряженія редакціи, между коими, въ видѣ «заѣдковъ», объявляется почтеннѣйшей публикѣ, что ей скоро предстоитъ услаждаться чтеніемъ новаго романа г. Феваля «*Le capitaine Simon.*» При сей оказіи очень ловко дается чувствовать, что теперь, дескать, г. Поль Феваль пишетъ не въ томъ нсистовомъ духѣ, въ какомъ писалъ прежде (то-есть, когда «Москвитянинъ» его не переводилъ), точно также, когда въ прошломъ году впервые сталъ въ «Москвитянинѣ» печататься Сандъ, была сдѣлана выноски, что въ «нынѣшнихъ произведеніяхъ Санда нѣтъ его прежнихъ экстравагантностей»... Ужъ не хочется-ли увѣрить «Москвитянинъ», что Феваль въ-самомъ дѣлѣ сталъ писать иначе, съ-тѣхъ-поръ какъ узналъ, что его произведенія нужны московскому учено-литературному журналу? Но, шутки всторону: вы, простодушные подписчики русскихъ журналовъ, вѣроятно, не знаете и, быть можетъ, любопытствовали-бы, знать, какимъ-образомъ плохенькой романъ мосеѣ Феваля, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ въ самый неурожайный годъ родится въ Парижѣ семь тысячъ семь сотъ семьдесятъ семь — попадаетъ въ иной журналъ въ наше просвѣщенное время? Я этого рѣшительно сказать не умѣю, а вотъ что предполагаю. Живетъ на бѣломъ свѣтѣ юноша, лѣтъ семнадцати, осемнадцати; дѣлается у юноша... ну хоть-бы катарръ или ... насморкъ сильный; долженъ юноша по неволѣ засѣсть дома, — не на день, не на два. Приноситъ ему кто-нибудь для развлечения книжку, хоть бы *Capitaine Simon* Феваля. Юноша прочелъ три, четыре страницы: написано легко, гораздо легче нежели «*Soirées de ma roupée.*» Что-жъ — думаетъ — чѣмъ клеить коробочки да дѣлать папирасы, махнемъ на переводецъ: и прибыльно (индустриализмъ нынче проникаетъ въ самыя юныя сердца), и лестно для

самолюбія, если напечатають, да еще и съ фамиліей переводчика. Въ недѣлю переводъ готовъ, и услужливый пріятель, готовый поощрить всякое доброе начинаніе, увѣряетъ какого — нибудь редактора, не читающаго своего журнала — говорятъ, есть и такіе — что вотъ—де есть славная книжка, славно переведенная, и что этотъ добросовѣстный трудъ можно, въ добавокъ, пріобрѣсти очень сходно. И вотъ романецъ мосѣ Феваля удостоивается чести явиться передъ русскими читателями. Согласитесь, читатель, что я имѣю право дѣлать подобное предложеніе, потому—что все переводы «Москвитянина» не иное что, какъ ученическія экзерциціи въ російской словесности.

Въ ожиданіи романа Феваля, «Москвитянищъ» подчуетъ въ отдѣлѣ «Наукъ» продолженіемъ статьи Амедэ Тъери и *римскими гастрономами время Августы*, составленными по одной французской газетной статейкѣ; въ отдѣленіи «Заграничныхъ извѣстій» — буквальнымъ и не вездѣ понятнымъ переводомъ фельетоновъ «Indépendance», въ «Смѣси» — переводами, между прочимъ, разсказа помѣщеннаго уже въ «Современникѣ» (Mezzo-motto, г. Поля Мюссе) и продолженіемъ *подмосковной охоты*, г. В. В., до совершенной безцвѣтности блѣднымъ подражаніямъ «Заискамъ охотника», и стихотвореніями, надъ которыми, впрочемъ, возвышается нѣсколько стиховъ г. Мея. Въ «Критикѣ» продолжается война съ г. Иногороднымъ Подписчикомъ, который наконецъ признавъ настоящимъ джентльменомъ, и говорится, что рецензія «Современника» на лекціи г. Грановскаго пристрастна — безъ полуслова доказательства. Посмотримъ, какова—то будетъ рецензія «Москвитянина» на лекціи г. Шевырева о «Рафаэлѣ». Я съ умиленіемъ вспоминаю отзывъ этого журнала о знаменитомъ трудѣ своего бывшего со-редактора — его «Вакаціонныхъ дняхъ»; однихъ вослицательныхъ знаковъ было отпущено сорокъ четыре...

Корреспондентъ «Пантеона»

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

Смерть Василя Андреевича Жуковского. — Пренія и современная поэзія. — Антипоэтическое направленіе нашего вѣка. — Сюрпризъ Библиотеки для Чтенія. — Самоучки г. Пожарскаго. — Приключенія знатной старушки безъ всякихъ приключеній, но съ разными претензіями. — Критика и фельетонъ Библиотеки. — Современникъ. — Новая сцена г. Меншикова. — Г. Гербель, его стихи и проза. — Ученныя и критическія статьи въ апрѣльской книжкѣ Современника. — Новый Поэтъ, подражатель Иногороднаго Подписчика. — Новый фельетонистъ со старыми уловками — Нѣсколько словъ о двухъ послѣднихъ книгахъ Отечественныхъ Записокъ. — Извлеченія изъ иностранныхъ журналовъ. — Лучшая статья во всей русской литературѣ. — Три Симфоническія утра г. Л. Маурера. — Моцартъ, Бетховень, Мендельсонъ-Бартольди (*Классики и романтики; г-нъ Ленцъ*); Берліозъ и Фелисьенъ Давидъ послѣднее слово симфонической теоріи Бетховена. — Общественная жизнь. — Моды.

Еще одна тяжелая утрата!
Еще погибъ великій человекъ!
Какъ-будто ими жизнь ужъ такъ богата,
И можетъ ихъ терять безъ слезъ холодный вѣкъ...
Хоть самъ онъ намъ твердилъ, маститый нашъ поэтъ:
«О тѣхъ, кого мы здѣсь любили,
Не говори съ тоской: ихъ «нѣтъ»,
А съ благодарностію: «были»
Хоть онъ училъ, что смертный здѣсь терпи,
И покоряйся силъ, насъ гнѣтущей,
Что мертвый въ гробъ мирно спи,
А жизнью пользуйся живущій;
Но все же грустно намъ сказать: онъ отлетѣлъ
Отъ насъ навѣкъ въ таинственный предѣлъ,
Не будемъ слышать мы аккордовъ чудной лиры:
Таковъ всего высокаго удѣлъ —
Прекрасное недомолвчиво въ міръ.

Если мы когда-нибудь сожалѣли о томъ, что не владѣемъ даромъ писать звучные стихи, то именно въ эту минуту, когда мы вздумали

сказать нѣсколько стиховъ въ память Жуковскому, и могли говорить объ немъ только его-же стихами. Поэтовъ у насъ, конечно, немало, но они врядъ-ли напишутъ стихи на смерть великаго поэта. Въ наше время, какъ-то странно *воспѣвать* подобные предметы: сюжетъ такой риторическій. Мы будемъ лучше писать стихи о томъ, какъ возлюбленная наша сидитъ у окна, а подъ окномъ старый дубъ качаетъ вѣтвями, или что-нибудь въ этомъ-же глубокомысленномъ родѣ; будемъ излагать туманно гуманными стихами свои мысли, свои чувства, свои понятія; будемъ толковать въ нихъ только о своей личности, своемъ Я, и читателя это должно, разумѣется, интересовать гораздо болѣе, чѣмъ воспоминаніе о поэтѣ, чьи стихи мы твердили въ молодости, чье имя произносилось нами съ благоговѣніемъ, наравнѣ съ именемъ Пушкина, если еще не выше его...

Впрочемъ, признаемся-ли мы еще въ этихъ заблужденіяхъ молодости?.. Да и были-ль мы когда-нибудь молоды? Это такой темный, затруднительный вопросъ, и во всякомъ случаѣ непріятный, какъ воспоминаніе о старой глупости, о промахѣ, котораго нельзя поправить. Вѣроятно-ли, правдоподобно-ли, что мы когда-нибудь были молоды и могли восхищаться стихами, мы, люди солидные, расчетливые, немножко насмѣшливые, немножко скептическіе и ни въ какомъ случаѣ неспособные увлекаться чѣмъ-бы то ни было, потому-что увлеченіе разрушило-бы принятую гармонию нашихъ поступковъ? Мы можемъ, конечно, судить объ искусствахъ, анализировать ихъ, находить недостатки, но не восхищаться ими. И кто-же изъ порядочныхъ людей сознается, что онъ въ молодости переписывалъ въ тетрадку Шильонскаго Узника, или читалъ вслухъ и на распѣвъ, проходя по какому-нибудь петербургскому переулку:

За что, за что вы разорвали
Союзъ сердець?
Вамъ розно жить, вы имъ сказали;
Всему конецъ!

Неправда-ли, что подобное увлеченіе смѣшно въ наше антипоэтическое время, когда стихи читаются только тѣми, которые сами писали ихъ когда-то? Однакоже, подобная эпоха дѣйствительно существовала въ исторіи русской литературы; стихи Жуковского читались и выучивались наизусть всею образованною Россіею; имя его представляло мечтательную, тихую, задушевную, элегическую поэзію, *романтическую*, какъ ее называли тогда, поэзію чувства по преимуществу. И неужели объ этомъ человѣкѣ современная критика не произнесетъ своего при-

говора? Конечно, надо знать сперва, какой это будетъ приговоръ? О Жуковскомъ писали очень много, еще при жизни его; но подробной и вѣрной оцѣнки всѣхъ его произведеній — еще недостаетъ въ нашей литературѣ. Смерть его встрѣтили всѣ журналы нѣсколькими строками сожалѣнія. Отечественныя Записки обѣщали разборъ его сочиненій. Поэтому, разбирая этотъ разборъ мы будемъ имѣть еще случай поговорить о нашемъ знаменитомъ поэтѣ. Вѣроятно, также явится и дополненіе къ его сочиненіямъ, судя по тому, что журналы сообщили о нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ и даже о цѣлой поэмѣ, не вошедшихъ въ составъ послѣдняго изданія. Мы желали бы также, чтобы вышло другое изданіе сочиненій В. А. Жуковского, болѣе доступное для небогатыхъ лицъ.

Пожалѣвъ еще разъ о нашей бѣдной литературѣ, которая перенесла въ короткое время тяжкія потери, мы обратимся къ главному предмету нашихъ литературныхъ замѣтокъ, къ журналистикѣ, и посмотримъ на русскіе журналы за апрѣль и май мѣсяцы.

Раньше всѣхъ, въ первый день Святой недѣли, то-есть, за два дня до перваго числа, городскіе подписчики получили апрѣльскую книжку «Библиотеки для Чтенія». Эта была визитная карточка завѣдующаго редакціею, и сюрпризъ чуть-ли не единственный въ исторіи русской журналистики. Въ этой книгѣ помѣщены окончанія трехъ романовъ, — продолженіе четвертаго и еще пятый, въ извлеченіи, кромѣ двухъ маленкихъ рассказовъ въ Смѣси. Беллетристическій отдѣлъ процвѣтаетъ въ Библиотекѣ... по-крайней-мѣрѣ количествомъ. Иностранные романы и рассказы всѣ довольно интересны и читаются легко и съ удовольствіемъ. О русскихъ мы не можемъ сказать того-же.

Самоучки, романъ г. Пожарскаго, произведеніе весьма слабое, которое не должно было-бы являться въ печати въ серьезномъ журналѣ; но авторъ можетъ писать и создать что-нибудь болѣе замѣчательное современемъ, особенно если не будетъ гоняться за эффектами, а думать больше о правдоподобіи дѣйствія. Рецензентъ Москвитянина объявилъ, что считаетъ неприличнымъ говорить объ этомъ романѣ: мы считаемъ, напротивъ, неприличными подобныя отзывы, и думаемъ, что критика даже самаго слабаго произведенія должна быть прилична. Первоначальная идея романа была даже очень недурна: мысль, представить двухъ молодыхъ людей, которые сами себя образуютъ, чувствуя необходимость познаній, могла-бы послужить темою замѣчательнаго романа; по несчастью, она осталась только мыслью въ романѣ г. Пожарскаго, и нисколько не осуществилась въ дѣйствіи. Авторъ самъ видимо запутался во множествѣ эпизодовъ, самыхъ неестественныхъ и очень мало интересныхъ. Со второй-же части романа, начинаются неправдоподобныя

похожденія героевъ. Одинъ изъ нихъ, Клавдинъ, перелѣзаетъ черезъ заборъ чужой дачи, для того, чтобы тамъ влюбиться въ сентиментальную героиню; другой герой, попрозаичнѣе, влюбляется въ купчиху и соединяется съ нею бракомъ безъ всякихъ препятствій, но Клавдинъ встрѣчаетъ препятствія на каждомъ шагу. Опекунша его возлюбленной Лидіи влюблена въ доктора Рельскаго, страшнаго злодѣя, который *нечаянно* отравляетъ какую-то дѣвушку, явившуюся къ нему на свиданіе. Эту тайну узнаетъ еще одно, вовсе ненужное для романа, лицо, Цкевичъ, жена котораго, также неизвѣстно для чего, страдаетъ по герою романа. Потомъ, несчастную Лидію хотятъ выдать за-мужъ; но въ день свадьбы, въ церкви, ей дѣлается дурно, и отъ этого свадьба разстроивается; невѣсту везутъ въ деревню и хотятъ тамъ выдать за другого жениха, потомъ за Клавдина, испугавшаго доктора портретомъ Цкевича; потомъ, хотятъ обмануть героя, и авторъ, видя наконецъ, что пора чѣмъ-нибудь кончить романъ и наказать порокъ, заставляетъ злодѣя доктора застрѣлиться, и романъ оканчивается въ четвертой книжкѣ, истомивъ читателей отсутствіемъ вкуса, эстетической критики и даже, въ иныхъ мѣстахъ, здраваго смысла.

Много надо терпѣнія, чтобы дочитать до конца эту путаницу, и только весьма немногими страницами вознаградится читатель за свой тяжелый трудъ. Къ такимъ страницамъ принадлежатъ, на примѣръ, въ апрѣльской книгѣ, сцены, въ которыхъ является помѣщикъ Оготаевъ со свитой. Недурны письма Полины, сцены двухъ поляковъ, литературный вечеръ; но повторяемъ еще разъ, натянутость и неестественность содержанія лишаетъ всякаго достоинства даже эти сцены. Самый языкъ романа невыдержанъ. Мѣстами, слогъ очень гладокъ и легко читается; мѣстами, лица выражаются такимъ надутымъ языкомъ, что невольно хохочешь надъ выраженіями страстными или ужасными. Въ особенности, въ первое свиданіе Клавдина съ Лидіей, они говорятъ такую приторную чепуху, какой не сочинишь нарочно, если станешь придумывать высокопарный вздоръ; потомъ, герой даже своему другу говоритъ о Лидіи такимъ-образомъ: «пока есть хоть сколько-нибудь жизни въ душѣ моей, каждое ея движеніе будетъ имѣть высшимъ своимъ истокомъ Лидію... Въ ея, для меня существуетъ только страданіе, неутомимая жажда чувствовать ее!» Выписывать всѣхъ странностей изъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ мы не считаемъ нужнымъ, но должны замѣтить также, что авторъ, описывая своихъ самоучекъ, вѣроятно увлекаясь своимъ предметомъ, говоритъ самыя странныя вещи. Описывать мышцы сердца можно только самоучкѣ.

Повѣсть «*Приключенія знатной старушки*» навела на насъ

мысли еще грустнѣе тѣхъ, которыя были возбуждены «Самоучками», хотя «Приключенія» гораздо выше разобраннаго нами романа, и по слогу и по содержанію. Но въ романѣ г. Пожарскаго мы видѣли, по-крайней-мѣрѣ, неважное произведеніе безъ всякихъ претензій, тогда какъ «Приключенія» — произведеніе весьма слабое, но съ страшными претензіями. Г. Пожарскій писатель начинающій, изъ котораго еще, можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ; неизвѣстный авторъ «Приключеній» — писатель кончающійся. Современникъ нашелъ, что эта повѣсть слабое подражаніе повѣстямъ г. Дружинина; не видимъ этого и находимъ, что она, по слогу, скорѣе подражаніе письмамъ Иногороднаго Подписчика: таже страсть къ джентльменству, къ англійскимъ словамъ, употребляемымъ кстати и некстати, тотъ-же наборъ фразъ, тоже непомѣрное и высокомѣрное самолюбіе, тоже оригинальничанье, высказавшееся даже въ названіи повѣсти. Пусть всё беллетристы выставляютъ молодыхъ героинь — авторъ хочетъ насъ заинтересовать старухой, рассказать ея приключенія. Посмотримъ, какъ онъ достигаетъ этого.

Съ самыхъ первыхъ строкъ повѣсти, читателя поражаетъ неприятнымъ образомъ замашка автора остроумничать; разумѣется, что это только и остается замашкой, а въ самомъ-то дѣлѣ, остроуміе это оказывается черезъ-чуръ натянутымъ, изысканнымъ, вымученнымъ. Дѣйствіе происходитъ въ тридцатыхъ годахъ, въ маѣ мѣсяцѣ, «весною или скорѣе лѣтомъ» (первая острота). Къ Англійской-набережной пристаесть пароходъ, «съ такимъ длиннымъ названіемъ, котораго не могли упомянуть сами пассажиры» (вторая острота); нѣкоторые изъ этихъ пассажировъ были безъ шляпъ и потерявъ свои нарядные уборы во время качки» (третья острота); на одномъ была даже шуба, плодъ его давнишняго предубѣжденія къ холодному сѣверу» (четвертая острота и первая, — но увы! не послѣдняя граматическая ошибка), и все это въ первыхъ десяти строкахъ! Признаемся, что намъ становится тяжело отъ такой страсти не говорить ничего просто, безъ ужимокъ, но будемъ продолжать еще немного наши цитаты, чтобы показать, до какой степени простирается у нѣкоторыхъ писателей эта склонность къ любезничанью съ публикой.

«Съ парохода сходитъ молодой человѣкъ, по имени Мишель; его встрѣчаетъ пожилой джентльменъ, у котораго въ лицѣ есть зловѣщая черта, если вѣрять *англійскимъ физиономистамъ* (начинается Англія!). Этотъ джентльменъ принимаетъ пріѣзжаго съ *демонстраціями*, на которыя тотъ отвѣчаетъ очень равнодушно и *величественно* прислоняется къ гранитному *парапету*, задомъ къ привезшей его машинѣ (кого? паразетъ, что-ли? и къ чему всё эти подробности?), кото-

рая, словно желая съ нимъ проститься, подняла *неописанный* свистъ и *напустила* бѣлыхъ паровъ на полъ набережной». Такими изысканными и неправильными выраженіями наполненъ весь разговоръ между Мишелемъ и Вахрашовымъ и далѣе вся повѣсть. Вахрашовъ говоритъ: «если моя память не совсѣмъ *испортилась*»; Мишель «веныльчиво *возгласилъ*: или я не знаю, что сестра больше пяти лѣтъ *какъ* влюблена въ Ростислава.» Вахрашовъ отвѣчаетъ: «то-то и худо, что здѣсь *есть* пять лѣтъ... Вы не хотите *стать въ чужое положеніе*»... Мишель отвѣчаетъ: «вы *наровите* заговорить... *изящное* воспоминаніе»; потомъ «*направляетъ свои стопы* къ высокому дому, гдѣ его невеста, передъ которой онъ не могъ *много тревожиться*, также *какъ ни передъ кѣмъ*. Войдя въ домъ, Мишель *направился* въ прихожую, *причиняя* шумъ, потомъ *двинулся* къ кабинету хозяина, и только чувство истиннаго приличія, дающееся вполнѣ однимъ *хорошо-рожденнымъ* (!!!) людямъ, заставило его остановиться»...

Остановимся и мы на этомъ. Спросимъ у самого автора: можно-ли и кчему писать такимъ-образомъ? Неужели все это доказываетъ вкусъ, остроуміе, составляетъ достоинство разсказа? Неужели нельзя было обойтись безъ этихъ смѣшныхъ выраженій? Или это составляетъ, по мнѣнію автора, красоту слога, оригинальность? И подобныя рѣдкости встрѣчаются почти на каждой страницѣ. Лица у автора краснѣютъ не больше, а *пуще* прежняго; дѣлаютъ знаки, предвѣщающіе *нѣчто особенное*; *пускаютъ поверхъ* своей длинной бумаги ядовитые взгляды; выражаются такимъ-образомъ: «Я еще *дитятей* выучился *опираться самъ на себя* (любопытное искусство); задумчивое дитя *въ кудряшкахъ*; съ трудомъ *отпустивъ* отъ своей груди молодаго человѣка; *въ мое* путешествіе я успѣлъ возбудить къ себѣ такую антипатію; *это ты* отчего догадался; *урывочное* мышленіе; огромный *апартаментъ*; *волосья* великихъ людей; у меня *глаза выльзали изъ головы*, какъ у рака; я началъ *часто бывать* у твоей сестры; *стариковъ обоего пола*; мѣра эта не лишена пріятности; онъ, покорная ему тетка и вся эта *клика* (?); онъ можетъ и *дрыхнуть* и волочиться; *заснулъ*, какъ Наполеонъ послѣ ватерлооской *баталии*; она отвѣчала ласкою, а не стараніемъ *добѣсить* завистниковъ; онъ попросилъ ее еще разъ *танцовать съ собою* (жаль, что авторъ не продолжаетъ описывать, какъ она танцевала *съ собою*); твое богатство будетъ *причинять* другимъ людямъ отраду; Ольшевскій все еще находился въ *нѣкоторомъ колебаніи*; ея кротость и *пальная* (?) *пассивность*...

Но довольно! всѣ эти перлы выраженій почерпнули мы только изъ первой части, гдѣ есть еще много другихъ рѣдкостей. Вторая не усту-

паетъ богатствомъ первой; тамъ, найдете вы и *безалаберцину*, и *безтолковицину*, и *белиндрысы*, и выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: *услыдитъ* за разговоромъ; Варенька, безсильная передъ дамскими тряпками; пуританская *апострофа* дѣвы; колье, издѣлія пріисканныя въ Помпеѣ; сухая фигура, *истакавшаяся* отъ веселой жизни; онъ пьянъ наслажденіями бродячей жизни; обладая нелегко одолимою *инерціею*; рыдваны, зримые всякому глазу и обогащенные двумя лакеями на запяткахъ; *повилявъ* нѣсколько времени между переулками; швейцаръ *древній*, какъ Сатурнъ; свѣтлому уму отдавали почетъ даже *наисмѣлвѣйшіе* сплетники; повсюду *набрасываясь* на одно подобострастіе; непримѣтно *пущенные* комплименты; дѣти цѣловали ее, *всасываясь въ личико*, какъ пивки; хотъ-бы фізіономія ваша только что не принадлежала къ разряду *рылъ неописанныхъ*...

Не можемъ выписывать дальше, послѣ этой удивительной фразы, хотя пропустили множество любопытныхъ и диковинныхъ вещей. Всего печальнѣе видѣть, что авторъ считаетъ всѣ эти фразы и выраженія особенною красотою слога и повторяетъ ихъ съ любовью, заботясь гораздо болѣе о томъ, чтобы сочинять подобныя фразы, чѣмъ о томъ, чтобы развивать задуманный имъ разсказъ.

Въ чемъ же состоятъ эти знаменитыя приключенія знатной старушки? Увы! мы должны сказать, ровно ни въ чемъ: никакихъ приключеній старушки не описывается въ этомъ разсказѣ; и сама она является только во второй части, въ самомъ концѣ повѣсти, какъ *deus ex machina* въ древнихъ трагедіяхъ, для того, чтобы рѣшить судьбу двухъ любящихъ сердець и положить конецъ всѣмъ препятствіямъ, раздѣляющимъ ихъ. Для этой дѣли, въ современной литературѣ существуютъ давно уже богатые дядюшки, пріѣзжающіе изъ Америки или изъ Индіи, но г. *три звѣздочки* не захотѣлъ послѣдовать общему правилу и вывелъ на сцену богатую старушку. Сестра Мишеля любитъ его пріятеля, Ольшевскаго, но разныя ханжи хотятъ ее выдать за новаго Тартюфа, а старушка мѣшаетъ этому и устраиваетъ бракъ Вариньки съ Ольшевскимъ. Вотъ, и все содержаніе повѣсти, въ которой вѣренъ и понятенъ только одинъ характеръ — безхарактерной Вареньки, подчиняющейся безусловно всякому постороннему вліянію. Всѣ остальные лица непохожи на людей и говорятъ совершенно не по-русски, что мы уже имѣли случай видѣть. Авторъ повѣсти пользуется всѣмъ, чѣмъ можетъ, чтобы придать сколько-нибудь жизни своему разсказу — и не успѣваетъ въ этомъ; онъ вводитъ въ свой разсказъ и остроты надъ вдовами, такъ часто повторявшіяся въ водевиляхъ, и старыи анекдотъ о розыгрышѣ въ лотерею вещей, оставшихся отъ покойнаго мужа, и даже тысячу разъ

рассказанный анекдотъ о полномъ костюмѣ королевы Помаре; но ни что не помогаетъ — и повѣсть остается суха, безжизненна, натянута, хотя въ ней есть все данныя для занимательнаго разсказа. Не будь этихъ претензій на оригинальность слога и выраженія, повѣсть читалась-бы легко. Не можемъ не замѣтить также, что авторъ, по-видимому такъ тщательно обработывавшій свой разсказъ, сдѣлалъ забавный промахъ, назначивъ время дѣйствія въ тридцатыхъ годахъ и заставивъ разыгрывать лотерею въ пользу французскаго семейства, живущаго послѣ февральской революціи.

Изъ остальныхъ статей апрѣльской книжки Библіотеки для чтенія, заслуживаетъ вниманія первая статья «О современномъ состояніи сравнительной филологіи», въ которой много любопытныхъ выводовъ и данныхъ, хотя и не со всеми можно согласиться. Такъ, на примѣръ, производство французскаго слова: *même* отъ латинскаго: *semet ipsissimus*, напоминаетъ производство *колдуна* отъ *чудо*. Общій выводъ статьи тотъ, что «сравнительная филологія, при настоящемъ положеніи своемъ, не можетъ ни опровергнуть мнѣнія о единствѣ человѣческаго рода, ни поддержать его ясными доказательствами».

«Критика» этого нумера, заключающая въ себѣ разборъ «Мертваго Озера» написана до того страннымъ тономъ, что даже неприятно читать ее. Вотъ, какъ господинъ И. П. начинаетъ свою критику:

«Привычка безпрестанно нырять въ современныхъ литературныхъ лагунахъ, дала мнѣ силы кинуться, зажмуривъ глаза, въ «Мертвое Озеро», и благополучно проплыть все пятнадцать поприщъ этой мутной, грязной и стоячей воды».

Далѣе слѣдуютъ любезности все въ такомъ-же родѣ; говорится, что «Озеро и мелко и поросло разными гадкими травами; натуральные персонажи романа двухъ разрядовъ: собственно такъ-называемыя лица и, съ позволенія сказать, *хари*»; «харь въ романѣ цѣлая куча» «другое лице съ характеромъ ... ахъ, виновать... *морда* съ характеромъ» и прочее, все въ такомъ-же родѣ.

Давно не читали мы подобной «Критики». Какой славный *критикантъ* этотъ г. И. П.! Какъ отборно онъ выражается! Мы привыкли къ остроумнымъ шуткамъ критическихъ статей «Библіотеки для Чтенія», но никакъ не ожидали встрѣтить въ ней подобное краснорѣчіе. Какъ ни плохъ романъ «Мертвое Озеро», но читая его, не испытываешь, по-крайней-мѣрѣ, никакого тяжелаго и отталкивающаго чувства, которое пробуждается невольно при чтеніи этой критики.

«Литературная Лѣтопись» этого нумера также очень замѣчательна. Неизвѣстно по какой причинѣ, начинается она разборомъ или лучше ска-

зять, похвалою безъ разбора «Справочному Словарю», шестой томъ котораго вышелъ, тому три года. Рецензентъ прямо совѣтуетъ купить эту очень хорошую книжку, несмотря на то, что она еще не кончена. — Не бѣда, если «Словарь и не кончится — все таки купите. Недостатки въ немъ не только неизбежны, но даже необходимы: какое надо имѣть сердце, какую совѣсть, чтобы посягнуть на едва зарождающееся растеніе (то-есть Справочный Словарь)! Нельзя найти человѣка, которому «энциклопедическій словарь умѣреннаго размѣра», не принесъ-бы пользы (замѣтьте, непременно умѣреннаго, то-есть такого, какъ Справочный Словарь); всякая злоумышленная и неосновательная нападка на подобныя изданія — есть вопиющая несправедливость, литературная низость». Рецензентъ согласенъ со всеѣмъ и со всеѣми, лишь бы только купили эту драгоценную книгу, (тутъ-же, въ Критикѣ, и адресъ магазина, гдѣ книга продается). «Вы ненавидите географіи, статистики, — такъ что-же? прекрасно! (едва-ли прекрасно). Не читайте статей географическихъ и статистическихъ, а книгу все-таки купите, въ ней не можетъ встрѣтиться ничего *предосудительнаго, неприличнаго*, а тѣмъ болѣе вреднаго (еще бы!) Такое чтеніе *уразнообразитъ, облагородитъ* вашу *обыденную* жизнь и вы *непретменно* сдѣлаетесь *лучше, благороднѣе, благовоспитаннѣе*». Ну, какъ послѣ этого не купить такой драгоценной книги, которую расхваливаетъ такая хорошая критика! И еще критика обѣщаетъ въ слѣдующемъ номерѣ сдѣлать *совѣстливую* оцѣнку этого прекраснаго изданія.

Остальныя статьи «Лѣтописи» состоятъ въ выпискахъ изъ «Макробиотики» Гуфланда, «Химической Технологіи» Пльенкова и въ коротенькихъ отзывахъ, въ нѣсколько строкъ, о другихъ менѣе замѣчательныхъ книгахъ. Прежде, въ «Литературной Лѣтописи» было хоть остроуміе.

Въ «Смѣси» помѣщены три разсказа, изъ которыхъ одинъ: «Элеонора Реймундъ» такъ хорошъ, что его можно было бы перевести и вполне съ англійскаго подлинника, вмѣсто того, чтобы представлять въ сокращеніи, изъ журнала *Revue des deux Mondes*.

Письмо Иногороднаго Подписчика, счетомъ двадцать восьмое, привело насъ въ совершенное отчаяніе. Дѣйствительно, невозможно читать этой пустой болтовни, при всеѣмъ желаніи и терпѣніи. Съ каждымъ письмомъ, эти разглагольствованія о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, дѣлаются водянистѣе, неинтереснѣе, усынительнѣе. Не понимаешь, ни что хочетъ сказать Подписчикъ, ни къ чему говоритъ онъ все это? Тонъ этихъ писемъ переходитъ за границы во-зможнаго осамолюбія. Письмо въ апрѣльской книгѣ на чинается, на примѣръ, тѣмъ, что Подписчикъ расхваливаетъ свой *увлекательный* фельетонъ. «Наши противники, говоритъ онъ: на-

правили ударъ и сами упали кубаремъ, и красные и огорченные, простерты подь нашею пятою». Можно-ли такъ забавляться надъ читателями? Далѣе, слѣдуютъ нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ, къ которымъ авторъ переходитъ отъ длиннѣйшаго и пустѣйшаго разсказа о кружевахъ; — потомъ, выписки изъ «Бѣдной Девѣсты»; далѣе, двадцать четыре страницы выписокъ и разсказа изъ комедій Мирзы-Фетъ-Аль-Ахундова, въ которыхъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго и которыми Подписчикъ восхищается, какъ драгоценнымъ произведеніемъ литературы. И какимъ языкомъ написанъ весь этотъ литературный фельетонъ! Тутъ являются и компоновка произведеній, и фундаментальность автора, и бестія-дервишь, и множество промаховъ противъ грамматики.

«Музыкальныя Извѣстія» г. Ахматова такъ же поверхностны и неосновательны, какъ въ прежнихъ книгахъ, и написаны съ тѣми-же претензіями на легкость и красоту слога. Такъ, г. Ахматовъ увѣрлетъ, что г-жа Ангри имѣла большой успѣхъ въ Парижѣ, когда уже у насъ, въ послѣднее время, она пѣла очень плохо; называетъ Эрнста — поэтомъ скрипки и остритъ, разумѣется, въ переводѣ съ французскаго, говоря, что «Нурри бросился съ третьяго этажа, а Дюбре въ свою очередь уналъ съ высоты оперы въ трехъ дѣйствіяхъ». Очень мило.

Въ апрѣльской книгѣ «Современника», много замѣчательныхъ статей. Она начинается драматическими сценами г. Меншикова — «Старый литераторъ». Г. Меншиковъ писатель съ дарованіемъ; статьи его читаются съ удовольствіемъ, хотя рѣдко являются въ печати. Видно, что онъ пишетъ не торопясь и не по заказу, и произведенія его не принадлежатъ къ скороспѣлой литературѣ, которая сгубила у насъ столько молодыхъ дарованій, очень много обѣщавшихъ. Нынѣшнее произведеніе г. Меншикова впрочемъ, слабѣе прежнихъ, извѣстныхъ уже публикѣ. Мысль, вывести на сцену — стараго литератора, остающагося, въ 1850 году, вѣрнымъ своимъ литературнымъ мнѣніемъ двадцатаго года, могла-бы быть развита сильнѣе и рѣзче. Много любопытныхъ чертъ можно-бы отыскать въ жизни старыхъ литераторовъ. У г. Меншикова только одна тема: старый литераторъ бранитъ современную литературу, потому-что нынче не читаютъ его сочиненій, и не пишутъ такъ, какъ онъ. Вся первая половина этихъ сценъ: «Литературный вечеръ въ 1820 году» могла бы быть гораздо интереснѣе. Во второй половинѣ, есть очень удачныя мѣста, какъ, на-примѣръ, сцена съ купцомъ, но характеръ Скворцова, сотрудника и фельетониста стараго литератора, также не довольно развить; этотъ Скворцовъ слишкомъ откровенно сознается, что его статьи нигдѣ не принимаютъ; въ немъ очень мало авторскаго самолюбія, и онъ не кричитъ о себѣ вездѣ: Я! Я! какъ эти люди всегда дѣла-

ютъ. Однимъ словомъ, новое произведеніе г. Меншикова, нѣсколько блѣдно по исполненію.

Имя г. Н. Гербеля является подъ двумя статьями — прозаическою и стихотворною; впрочемъ, и въ прозаической есть стихи, а въ стихотворной много прозаичности. Послѣ переводовъ изъ Шиллера В. А. Жуковскаго, какъ-то тяжело читать переводъ баллады «Геро и Леандръ» г. Гербеля. Вотъ, на выдержку, одна строфа перевода:

Понть коварный! Понть презрѣнный!
 Тишь твоя — *покровъ измѣны* —
 Ты какъ зеркало былъ тихъ;
 Море, бурно не роптало
 Ты, покажеть *не пріяло*
 Въ волны друга моего...
 Но едва въ твои равнины
 Онъ вступилъ — избранникъ мой —
 И разверстыя пучины
Разрѣшились грозой.

Не думаемъ, чтобы самъ Современникъ находилъ эти стихи гладкими и хорошими, — а въ такомъ случаѣ зачѣмъ ихъ печатать! Статья того-же автора въ Смѣси: «Нѣжинъ», заключаетъ въ себѣ историческое описаніе этого города и нынѣшняго его состоянія. Проза г. Гербеля еще читается, но — поэтъ по-преимуществу — онъ не могъ обойтись безъ стиховъ, даже при описаніи нѣжинскихъ огурчиковъ и бакуловъ. Въ этихъ стихахъ, у него — и жизненный фіалъ, и ристалища и серенада, (въ Нѣжинѣ-то!) и разумѣется, богатая рима: *Нѣжинъ* и *нѣженъ*, и даже гекзаметръ, подъ стать шестой пѣсни *Виргиліевой Энеиды*, перелицованной г. Шершеневичемъ, о которой читатели позволяютъ намъ умолчать. Послѣ того, что мы сказали объ этомъ переводѣ въ прошломъ «Вѣстникѣ», намъ не остается ничего прибавить къ нашему сужденію, а подкрѣплять его новыми доказательствами и выпискою тяжелыхъ и неправильныхъ гекзаметровъ г. Шершеневича — значило-бы безъ пользы наскучать читателямъ.

Есть еще въ этой книгѣ продолженія романовъ «Львы въ Провинціи» и «Богатаго жениха». О первомъ мы поговоримъ, когда онъ кончится, о второмъ не скажемъ ни слова, помня еще прекрасную повѣсть г. Писемскаго и второй, хотя уже гораздо менѣе удачный, его романъ. Замѣтимъ, что и въ этой книгѣ, произведенія г. Писемскаго читателямъ поднесено всего двадцать страничекъ. Этакъ, пожалуй, для удовольствія читателей, можно печатать «Богатаго жениха» года два... Замѣтимъ только, что дѣйствующія лица *Львовъ въ Провинціи* продолжаютъ по-пре-

жнему хвастать самымъ непомернымъ образомъ, и что романъ этотъ никакъ нельзя назвать объективнымъ...

Г. Ордынскій помѣстилъ окончаніе прекрасной, интересной статьи о Лукіанѣ, въ которой много любопытныхъ подробностей общественной жизни во II вѣкѣ по Р. Х. Напрасно только почтенный знатокъ классической древности измѣняетъ безъ всякой причины правописаніе нѣкоторыхъ греческихъ словъ, принятое и утвержденное у насъ столько уже лѣтъ. Можетъ быть, слово *мисанѳронъ* и правильнѣе *мизантропа*, но можемъ увѣрить г. Ордынскаго, что мы никогда не переучимся по его образцу — и не будемъ писать ни *мисанѳронъ*, ни *анѳропология*, ни даже *реторъ*. Замѣчательно, что г. Ордынскій самъ не вездѣ держится вводимаго имъ правописанія и употребляетъ въ этой-же статьѣ нѣсколько разъ слово *риторика*.

Статья «Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ русской духовной литературы» написана въ защиту Несторовой лѣтописи и ея автора, противъ которыхъ г. Казанскій сдѣлалъ еще недавно столько дѣльныхъ замѣчаній. Примѣчанія къ этой статьѣ занимаютъ вдвое болѣе страницъ, нежели самая статья.

Очень хорошо составлена и написана статья «Успѣхи геологическаго описанія Россіи въ послѣднее десятилѣтіе». Не можемъ сказать того же о критической статьѣ, въ которой разбирается «Каталогъ восточнымъ рукописямъ Публичной Библіотеки»: статья эта суха, неинтересна для читателей и написана тяжелымъ и неправильнымъ русскимъ языкомъ. Вотъ, обращикъ его, изъ первыхъ строкъ критики:

«Современное значеніе этого сочиненія *обязуетъ* насъ не только обратить на него вниманіе нашихъ просвѣщенныхъ читателей, но и *вполнѣ* познакомить *ихъ съ нимъ* (со вниманіемъ?) и *подѣлать* съ ними *свою радость за пріобрѣтеніе* такого богатаго литературнаго подарка».

«Библиографическая хроника» начинается разборомъ Физиологии Валентина. На шестнадцать страницъ, разсказано содержаніе этой книги, приводятся изъ нея выписки и даже полнотипажные рисунки. Легкій способъ писать критики! Къ чему также это испещреніе ученыхъ статей иностранными выраженіями, вовсе ненужными? Зачѣмъ этотъ *сциентифическій* интересъ, когда у насъ есть интересъ научный? Къ чему эти *компетентные* судьи, надъ которыми нельзя не разсмѣяться и которые, при надобности, легко замѣняются совопросными судьями? Разборъ *Раута* хорошъ.

Въ Смсѣ, всѣ статьи замѣчательны; пять изъ нихъ переведены изъ послѣднихъ книжекъ *Revue des deux Mondes* и *Revue Britannique*. Отчего, кстати, въ переводныхъ статьяхъ никогда не указывается, откуда

онѣ переведены? Въ Замѣткахъ Новаго Поэта сказано много дѣльнаго и справедливаго о «Приключеніяхъ знатной старушки», о «Проселочныхъ дорогахъ», о критикахъ г. Григорьева въ Москвитянинѣ; но к чему вздумалось Новому Поэту подражать своему бывшему товарищу по редакціи — Иногородному Подпичеику, въ игривости слога и самолюбивыхъ любезностяхъ. Вотъ, какъ Новый Поэтъ начинаетъ свой фельетонъ:

«Разъ, два, три!.. Магическій хлыстикъ въ рукахъ моихъ... Хотите, добрый и простодушный читатель, я покажу вамъ удивительную картину... Вотъ, наши журнальные кружки, гдѣ тревожно копошатся заносчивыя самолюбія, болѣе или менѣе неудачно замаскированныя; вотъ, вооруженные фразами, маленькіе, едва замѣтные люди, становящіеся на ходули и самодовольно расхаживающіе на нихъ, съ величіемъ поглядывая свысока на тѣхъ, которые ходятъ на собственныхъ ногахъ»... И такъ далѣе, все въ такомъ-же тонѣ. По неволѣ спросишь себя, вмѣстѣ съ французскимъ сатирикомъ, что хотятъ сказать этимъ

Tous ces ... *messieurs*, qui dansent sur la phrase?

Мелкія статьи и новости въ Смѣси немногочисленны и разнообразны. Въ ней явилась также статья подъ названіемъ «Хроника петербургскихъ новостей и увеселеній», написанная легко, но прибѣгающая къ стариннымъ уловкамъ фельетонистовъ, которымъ нечего описывать. Въ подобныхъ случаяхъ, фельетонисты обыкновенно привозятъ въ Петербургъ какого-нибудь провинціала и начинаютъ показывать ему всѣ чудеса петербургской жизни. Въ такомъ родѣ, письма помѣщались въ Литературной Газетѣ 1847 и 1848 годовъ. Провинціалъ Современника отличается только тѣмъ, что самъ рассказываетъ фельетонисту свои похождения, не лишеныя впрочемъ занимательности, хотя мѣстами попадаются и въ нихъ выраженія въ родѣ: *неустанная* говорливость; хочу вѣдь и святую недѣлю здѣсь *взять* (въ какой провинціи говорятъ такимъ-образомъ?) Замѣтимъ также г. фельетонисту, что онъ никакъ не могъ пѣть мотивовъ изъ *Нино*, прогуливаясь по Невскому и не будучи музыкантомъ, — въ чемъ онъ самъ сознается. Въ *Нино* нѣтъ рѣшительно ни одного мотива, который можно бы пропѣть и даже припомнить.

Двѣ послѣднія книги Отечественныхъ Записокъ — апрѣльская и майская, составлены разнообразно, гораздо занимательнѣе первыхъ. Въ нихъ, много прекрасныхъ и замѣчательныхъ статей, по всѣмъ отдѣламъ. Назовемъ — Міръ Римскій и Міръ варварскій, Алхимики; двѣ статьи г. Буслаева о книгѣ г. Павскаго, Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка. Въ особенности, Смѣсь чрезвычайно интересна. Въ ней, прочли мы одинъ изъ лучшихъ романовъ Дюма — *Черный Тюльпанъ*, а въ майской книгѣ, сверхъ того, встрѣтили, въ отдѣ-

лѣ Иностранной Литературы, давно уже не появлявшемся въ этомъ журналѣ, извлеченія изъ лучшихъ статей періодическихъ заграничныхъ изданій. Мысль представлять русскимъ читателямъ въ сжатомъ видѣ всѣ лучшія статьи иностранной журналистики — очень счастлива — и мы удивляемся, какъ она прежде не пришла никому въ голову. Обыкновенно всѣ журналы наши бросаются на одну какую-нибудь статью и она является въ одно и то-же время переведенною въ десяти изданіяхъ, какъ, на-примѣръ, въ послѣднее время, *Путешествіе въ Дагомею*. Между-тѣмъ, въ допущенныхъ здѣсь иностранныхъ журналахъ появляется множество любопытныхъ статей, вовсе не замѣченныхъ русскими журналами. Придумавъ представлять ихъ въ извлеченіи, въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ, Отечественныя Записки оказали этимъ большую услугу, не только лицамъ незнакомымъ съ иностранными языками, но и такимъ, которые не имѣютъ ни возможности выписывать главные иностранные журналы, ни времени прочесть ихъ. Мы жалѣемъ даже, что редація Отечественныхъ Записокъ ограничила себя тѣми журналами, названія которыхъ привела въ заголовкѣ своей статьи. Въ ежедневныхъ, политическихъ газетахъ, какъ на-примѣръ: въ *Journal des Débats* и *Indépendance belge* бывають статьи литературнаго содержанія, весьма интересныя, о которыхъ не мѣшало-бы говорить, хоть нѣсколько словъ, русскимъ читателямъ.

Намъ слѣдовало-бы поговорить поподробнѣе объ этихъ двухъ книгахъ Отечественныхъ Записокъ, но мы отлагаемъ это до слѣдующаго Вѣстника и сдѣшимъ сообщить читателямъ только о лучшей статьѣ этого журнала, понравившейся намъ до того, что мы позабыли обо всѣхъ остальныхъ. Статья эта называется — *Біографія Лукьянтова* и помѣщена въ Смѣси майской книги, подъ скромнымъ названіемъ разсказа, тогда какъ это цѣлая поэма. Давно мы не читали ничего, что до такой степени поразило-бы насъ своею безхитростною простотою, патриархальной наивностью разсказа, съ которымъ не можетъ сравниться рѣшительно ни одно современное произведеніе. Этотъ разсказъ переноситъ насъ въ незабвенныя времена русской литературы, когда языкъ нашъ процвѣталъ подъ перомъ Карамзина, Дмитріева, Батюшкова. Содержаніе разсказа очень просто: у одного управителя родится сынъ, Іовъ Ѳедоровичъ, прекрасный мальчикъ, который въ послѣдствіи дѣлается скромнымъ и умнымъ молодымъ человѣкомъ, знающимъ наизусть и безпрестанно повторяющимъ: «На смерть князя Мещерскаго, — Умирающій Тассъ, — Приглашеніе къ обѣду» и другія, лучшія произведенія нашей литературы. Родители примѣрнаго юноши уѣзжаютъ въ Владиміръ, а Ивлинька остается одинъ, и всякій день читаетъ вслухъ, послѣ обѣда,

лучшія произведенія русской словесности; потомъ, онъ беретъ отпускъ и ѣдетъ во Владиміръ; тамъ, влюбляется въ него одна барышня; Ивлинка, вернувшись въ Петербургъ вспоминаетъ объ ней и также влюбляется въ нее. Барышня сама пріѣзжаетъ въ Петербургъ, съ маменькой. Ничто не препятствуетъ соединенію двухъ любящихся сердець; Ивлинка и Лиза могли-бы быть совершенно счастливы, но молодой человѣкъ шелъ однажды мимо дома, съ крыши котораго сбрасывали снѣгъ; тяжелая глыба упала на голову Юва Ѳедоровича, разорвала его шляпу и молодой человѣкъ, подававшій такія блистательныя надежды, къ неопи-санной горести всѣхъ знавшихъ его, — скончался двадцатаго апрѣля, въ два часа по-полуночи.

Теперь, когда мы рассказали содержаніе *Біографіи Лукьянтова*, намъ стало досадно на самихъ себя за нашъ сухой и холодный рассказъ, не передававшій ни одной изъ красотъ Біографіи. Потому, мы просимъ убѣдительно всѣхъ, кто только занимается русской литературой, прочесть этотъ замѣчательный рассказъ. Почтенный редакторъ Отечественныхъ Записокъ сдѣлалъ истинный подарокъ всѣмъ любителямъ изящнаго, напечатавъ въ своемъ журналѣ первое произведеніе молодаго писателя. Только боясь оскорбить скромность автора, не дѣлаемъ мы сравненій между его рассказомъ и образцовыми произведеніями въ томъ-же родѣ. Въ наше время, такъ рѣдки рассказы въ родѣ *Біографіи Лукьянтова*, что мы душевно порадовались за писателя, неслѣдующаго испорченному вкусу многихъ современныхъ беллетристовъ и подарившаго насъ картиною простой, безыскусственной жизни милаго Юва Ѳедоровича.

Само собою разумѣется, что послѣ такого произведенія — мы уже не можемъ читать ничего остальнаго въ Отечественныхъ Запискахъ, а тѣмъ болѣе говорить объ этомъ остальномъ*.

Кстати присоединимъ къ нашему обзорѣ журналовъ небольшое слово нашего сотрудника, В. И. Савинова, которое также показываетъ одну изъ любопытныхъ сторонъ нашей журналистики. Вотъ оно :

«Извѣстный переводчикъ Илліады, Ермилъ Ивановичъ Костровъ, большой чудакъ, замѣчательный своими странностями, былъ какъ-то выведенъ на сцену въ одной изъ комедій, теперь покоящейся на

* Въ прошлый Вѣстникъ вкралось нѣсколько опечатокъ, конечно, очень понятныхъ для всякаго читателя, но тѣмъ не менѣе странныхъ; такъ *Смедва* — названа *Асчедвою*; *Елка* (рассказъ Диккенса) *Оскою*; вмѣсто *инерція тѣлъ* — напечатано *операція тѣлъ*. Винимся во всѣхъ этихъ промахахъ, пропущенныхъ по неосмотрительности корректора, и причисляемъ къ нимъ еще *Самасскій законъ*, явившійся вмѣсто *Салическаго*, въ драмѣ В. Р. Зотова — *Дочь Карла Смѣлаго*.

полкахъ театральной бібліотеки. Авторъ пьески такъ удачно подмѣтилъ оригинальности Ермила Ивановича, съ такою истинною и искусствомъ выставилъ ихъ, что самъ Костровъ, перечитывая нѣсколько разъ комедію, при каждой встрѣчѣ съ ея авторомъ, говорилъ ему: «Ахъ ты, пострѣль, батинька, да я и не модозрѣвалъ въ себѣ такого ума... Какъ ты славно меня потрафилъ!» Подмѣтить и высказать истину гораздо труднѣе, чѣмъ ложь... За истину умный человѣкъ не сердится, наконецъ, даже и за ложь, если она остро и ловко сказана.» — Замѣчать ошибки другихъ легче, нежели слѣдить за своими собственными. Случается—же очень часто, что ошибки, которыя мы находимъ у другихъ, бывають только ошибками въ нашихъ глазахъ, а на—самомъ—дѣлѣ, при болѣе добросовѣстномъ разсмотрѣніи предмета, ихъ не существуетъ.» Вотъ какое правило высказываетъ газета «Кавказъ» (№ 22) въ статьѣ о древней исторіи Арменіи, — но въ фельетонѣ того—же номера дѣлаеть обратно. Фельетону газеты Кавказъ, которая, кромѣ романовъ историческихъ и описательныхъ, знаетъ еще романы и ничегонеописательные (?) *, очень не нравится романъ «Шихъ—Мансуръ», напечатанный въ первыхъ двухъ книжкахъ «Пантеона», а почему не нравится — о томъ слѣдуютъ пункты:

«Россія обязана многимъ Востоку (не *Востокъ*—ли обязанъ Россіи?), но ничемъ ни обязана она ему за восточный романъ г. Савинова», говоритъ фельетонъ... «Востокъ не хочетъ знать восточнаго романа». Романъ писанъ не для востока, если предполагается, что съверъ въ Москвитянинѣ, югъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ, западъ — въ Современникѣ и, наконецъ, востокъ, въ газетѣ Кавказъ. Если авторъ Шихъ—Мансура и позволилъ себѣ, къ великому огорченію газеты «Кавказъ», назвать свой романъ восточнымъ, то онъ имѣлъ на это нѣкоторыя права, перенося дѣйствіе въ киргизъ—кайсацкія степи, и не одинъ онъ пишетъ вмѣсто *Шейхъ*—Мансура, *Шихъ*—Мансуръ. Такъ лжепророка называютъ всѣ писавшіе когда—нибудь о его проповѣдяхъ въ Чечнѣ; такъ онъ названъ и г. Худуновымъ, кажется, однимъ изъ сотрудниковъ газеты Кавказъ, въ статьѣ, помѣщенной въ одной изъ книгъ Кавказскаго Календаря, издающагося ** отъ Канцеляріи Намѣстника. Ориенталисты пишутъ — Шихъ—Мансуръ, молла, Казы—молла; а романисты, повѣствователи и люди замѣчательнаго авторитета въ своихъ Запискахъ ***: Шихъ—Мансуръ, мулла; Кази—Мул-

* Намъ помнится, что только Шапсуги и Абхазы сливають нарѣчіе съ прилагательнымъ; у русскихъ такъ не дѣлается.

** 1848 г. отд. 2 стр. 64.

*** Такъ, на—примѣръ, графъ Гудовичъ.

ла. — «Никогда, никакой писатель, продолжаетъ фельетонъ, еще такъ смѣло, такъ явно не спекулировалъ на любопытство публики. Дюма съ своимъ Монте-Кристо, Сю съ Парижскими Тайнами вполнину не сдѣлали того, что сдѣлалъ авторъ Шихъ — Мансура.» Благодаримъ за честь и милость и, питая полное уваженіе ко всеѣмъ иностраннымъ словамъ, выражающимъ шарлатанство и физикомагическіе фокусы, обязаны замѣтить учтивому фельетону, что если въ литературѣ и встрѣчаются спекуляціи, то развѣ въ однѣхъ только книгахъ: въ журналахъ этого не дѣлается. Напрасно спекулировать на счетъ любопытства подписчика: одинъ на два экземпляра не подпишется. Это хорошо знаетъ фельетонъ, который очень немногіе знаютъ въ Россіи, и который самъ сознается, что ему непонятно, «почему этотъ персіянинъ съ хитрою и умною фізіономіею думаетъ и рассуждаетъ о предметѣ, по-видимому очень ясномъ, всеѣмъ не такъ, какъ мы европейцы; отчего этотъ татаринъ съ блестящими глазами, если влюбится, то выскажетъ свою любовь не по-нашему?.. Почему кавказскій горецъ, ради удовольствія отомстить, не ѣтъ по нѣсколько дней, или ѣтъ какое-нибудь недозрелое пшено, скитается въ тущобахъ, ползетъ колючимъ кустарникомъ, чтобы подстрѣлить такого-же оборваннаго бѣдняка, какъ и онъ самъ?»

Послѣ такого признанія, мы охотно вѣримъ, что все дѣйствующія лица романа показались фельетону звѣрями; но не смѣемъ принять не за шутку слѣдующія слова его: «А также немаловажное достоинство имѣютъ и описанія мѣстностей, которыя весьма трудно отыскать на пространной картѣ Кавказа, а если и отыщемъ, непременно подъ другимъ названіемъ, похожимъ на употребленное авторомъ, но не всеѣмъ». Севастополь назывался прежде Ахтіаромъ, Θεодосія — Кафою, Санктпетербургская Губернія—Ингерманландіею: это знаютъ въ первыхъ классахъ приходскаго училища, но не знаетъ фельетонъ газеты Кавказъ. Дѣйствіе романа происходитъ за шестьдесятъ лѣтъ назадъ; съ-тѣхъ-поръ названіе ауловъ и описываемыхъ мѣстностей могло измѣниться двадцать разъ и въ-самомъ-дѣлѣ измѣнилось. Авторъ, какъ очевидецъ, зная хорошо мѣстность, не сочинялъ названій, но взялъ ихъ изъ записокъ генерала Тотлебена и графа Гудовича, дѣйствовавшихъ съ своими отрядами на Сунжѣ и на сѣверѣ Кавказа въ описываемую эпоху; наконецъ, все употребленныя въ романѣ названія мѣстностей можно встрѣтить на картѣ Кавказа, приложенной къ сочиненію Броневскаго. Авторъ никогда ни думалъ видѣть въ своемъ романѣ совершенство; онъ охотно сознается, что въ немъ (то-есть въ романѣ) найдется множество недостатковъ и промаховъ; но удивляется, что газета Кавказъ возстаетъ противу нѣкоторыхъ выраженій, которыми объясняются горцы.

Такъ на-примѣръ фельетонъ подтруниваетъ надъ слѣдующею фразою: «Пусть ржавчина съѣстъ мою шашку, а шакаль мое тѣло на-распутьи», тогда какъ въ той-же газетѣ можно встрѣтить безчисленное множество метафоръ, часто увеличенныхъ до гиперболы и крайне непонятныхъ. Вотъ ихъ нѣсколько:

«Яркое солнце глядѣлось въ гладко-выбритую лысину старика, отражаясь *на ней*, какъ въ зеркалѣ. Жгучіе лучи солнца, вмѣсто того, чтобы *выжить* и остальной толкъ изъ безтолковѣйшей головы старика, на случай, если-бы еще какой-нибудь толкъ въ ней уцѣлѣлъ, произвели на нее совсѣмъ противоположное *этому дѣйствіе* *». — «Мать не согласится на это: я одна только составляю *близну и черноту* глазъ своей матери, и если я буду удалена тобою въ *дальнее* мѣсто, то *дни матери сдѣлаются черными!*»** «По-крайней-мѣрѣ, налей немного воды на мое сердце и потомъ ступай***», «*бросилъ въ его мозгъ мысль о путешествіи въ Парижъ*»**** и пр. Намъ кажется, что легче ржавчинѣ съѣсть шашку, чѣмъ мыслью, какъ орѣхомъ бросить въ мозгъ? Однако о мозгахъ въ другой разъ... Теперь перейдемъ къ послѣдней учтивости. Замѣчая, что горцы, дѣйствующіе въ романѣ, часто повторяютъ междометіе: «*Пхе!*» что, въ-самомъ-дѣлѣ, неизбежно въ выраженіяхъ и фразировкѣ горца, фельетонъ говоритъ: «Если-бы авторъ попросилъ меня избрать названіе для своего произведенія, я-бы его непременно назвалъ: *Пхе!*» Кто-жъ не знаетъ, что легче сочинить названіе, чѣмъ романъ, и стоитъ-ли за названіями ѣздить къ лапландцамъ или къ татарамъ?

Повторяю, что я самъ сознаю множество промаховъ и недостатковъ въ моемъ неискусномъ разсказѣ, но недостатки эти не тѣ, на которые указываетъ рѣчистый фельетонъ. Я могъ погрѣшить противу художественной отдѣлки романа, противу его планировки, но никакъ противу описанія мѣстностей и изображенія характеровъ, на томъ основаніи, что знаю горцевъ лучше фельетона; изучалъ ихъ не по грузинамъ, плавающимъ на гонкахъ по Курѣ, не въ толпѣ зѣвакъ на Ортачалахъ: нѣсколько лѣтъ службы на Кавказѣ и плѣнъ въ горахъ дали мнѣ возможность изучить горцевъ и даже ихъ языкъ въ томъ видѣ, какъ они есть.

* Таукъ и Куразъ. Нагайская сказка. Газ. Кавказъ 1851 г. № 71.

** Медвѣдъ, побѣдитель разбойника. Газ. Кав. 1851 г. № 83.

*** Тамъ-же.

**** Мусье Жордонъ. Газ. Кавк. 1851 г., № 17.

МУЗЫКА.

Три прекрасно и занимательно составленныя симфоническія утра г. Маурера, доставили публикѣ случай насладиться, въ очень удовлетворительномъ исполненіи, нѣсколькими образцовыми произведеніями великихъ музыкальныхъ гениевъ. Эти-жѣ утра, въ соединеніи съ впечатлѣніемъ недавно вышедшей книги г. Ленца о Бетховенѣ, вызвали снова, въ нѣкоторыхъ кругахъ, жаркіе споры о значеніи Моцарта и Бетховена; музыкальный классицизмъ и романтизмъ снова воспрянули съ жаромъ и — пошла баталія! Снова возникшій вопросъ очень старъ, но еще до-сихъ-поръ не разрѣшенъ удовлетворительно. Нападки музыкальнаго классицизма были выражены у насъ печатно г. Улыбышевымъ, въ его прекрасномъ сочиненіи о Моцартѣ. Въ отвѣтахъ своихъ на эти нападки, музыкальные романтики исказили совершенно смыслъ обвиненій г. Улыбышева на Бетховена, выразившись довольно темно, что онъ имѣлъ цѣлью *унизить* ихъ кумира. Ни чуть; г. Улыбышевъ первый отдаетъ дань справедливаго удивленія гению Бетховена, котораго онъ называетъ «le plus grand génie musical de notre siècle, — но онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что Бетховенъ ввелъ въ *чистую музыку* элементъ ей не принадлежащій, который ее затемнилъ и привелъ къ необходимости *программы*.

Объяснимся.

Каждое искусство имѣетъ свою логику, этой логикѣ подчиняются всѣ идеи, ему свойственныя. Музыка имѣетъ свою собственную логику, свое построение музыкальныхъ идей, по довлѣющимъ ей законамъ. Законы этой логики — правила контрапункта. Еслибы сравненія не были опасны, представляя иногда уму слишкомъ обширное поприще обобщенія, мы назвали-бы правильную фугу — правильно построеннымъ рядомъ силлогизмовъ. Выводы этой музыкальной логики также непреложны, какъ выводы математическихъ формулъ. Вотъ то, что музыканты называютъ областью *чистой* музыки. Въ сферѣ музыкальныхъ идей, главнымъ характеромъ которыхъ служитъ абсолютность и общность — есть идеи, которыя подлежатъ примѣненіямъ къ частнымъ ощущеніямъ, въ то время, какъ другія остаются чисто трансцендентальными (*musique transcendente*). Эти идеи, выражая положенія все-таки общія, могутъ однако — будучи облечены въ извѣстныя формы и *объяснены* словами, рѣчью, языкомъ частныхъ — быть примѣняемы къ частнымъ

случаямъ. Вотъ, по опредѣленію тѣхъ-же музыкантовъ, музыка *прикладная*. Въ этихъ границахъ, музыка, войдя въ сферу логики рѣчи, отрѣшается отъ своей строго музыкальной логической послѣдовательности, теряетъ свою трансцендентальность и преслѣдуетъ не чисто музыкальныя цѣли. Сфера этой *прикладной* музыки — опера, цѣль музыкальная — *лиризмъ*, получаетъ здѣсь другое направленіе, *драматизмъ*.

И такъ, вотъ то значеніе, которое мы дали музыкѣ лирической и драматической: церковный и квартетный стиль — *музыка лирическая*; свободный симфоническій и оперный — *музыка драматическая*. Дорожа временемъ и терпѣніемъ читателей, которыхъ мы вводимъ въ этотъ воображаемый лабиринтъ, въ сущности очень ясный и простой, — переходимъ къ дальнѣйшему опредѣленію терминовъ.

Уже изъ предыдущаго опредѣленія можно усмотрѣть, въ какой степени контрапунктъ — музыкальная риторика. Въ самомъ тѣсномъ своемъ значеніи, контрапунктъ есть сопутствіе (акомпаньеманъ) мелодіи; каждая мелодія такъ опредѣленна, что требуетъ непременно гармоніи, для того, чтобы уху было ясно, къ какому ряду аккордовъ, къ какой гаммѣ она принадлежитъ. Возьмите любую мелодію и вы увидите, что можете придѣлать къ ней нѣсколько разныхъ гармоній. Мимоходомъ, это лучшее доказательство справедливости теоріи, опровергаемой итальянцами, и состоящей въ томъ, что мелодія собственно только *форма*, а *содержаніе* гармонія. Мелодія — рисунокъ, гармонія — колоритъ. Въ четырехголосномъ пѣніи одинъ голосъ выводитъ данную мелодію, а другіе опредѣляютъ ея гармоническое значеніе. Этотъ гармоническій акомпаньеманъ, на основаніи законовъ контрапункта, можно обстановить такъ, что каждый изъ сопутствующихъ голосовъ, не оставаясь въ чисто пассивномъ характерѣ, будетъ выводить музыкальную мысль. Первый шагъ на пути музыкальной логики. За симъ, представилась возможность переносить главную мысль попеременно изъ одного голоса въ другой, такъ что каждый изъ голосовъ, въ свою очередь, сопутствуетъ и ведетъ мелодію: второй шагъ — *канонъ*, двойной контрапунктъ. Далѣе, развитіе чистой музыки повело къ раскрытію полнаго процесса музыкальнаго мышленія. Этотъ процессъ доставилъ возможность въ одномъ общемъ гармоническомъ произведеніи изобразить слѣдующіе моменты мысли: 1) вопросъ, главная мысль, подлежащее; 2) отвѣтъ, имитация, повтореніе мысли въ другомъ голосѣ, на другой гармонической ступени; 3) различное сочетаніе одной различно выраженной идеи; 4) возраженіе, противорѣчіе, мелодія, раздающаяся въ тѣхъ голосахъ, которымъ не поручена главная мысль; 5) вводныя мысли, возникающія при главной, 6) дальнѣйшее развитіе главной идеи и 7) разрѣшеніе противорѣчія. Фуга заключила

циклъ процесса музыкальнаго мышленія. Мы разсмотрѣли абсолютное значеніе фуги; эстетическое значеніе ея полно поэзіи. Она дитя церковной музыки и изображаетъ наглядно, какъ уже было говорено, *стремленіе массы къ одной цѣли, при сохраненіи самостоятельности личностей*. Поэзія! Да, таково значеніе контрапунктнаго стиля, потому-что въ самомъ этомъ логическомъ процессѣ музыкальной мысли нѣтъ ничего положительно доказательнаго; между логикой рѣчи и логикой музыки та разница, которая лежитъ и будетъ вѣчно лежать между *мышленіемъ* и *чувствомъ*. Къ чему-же годенъ упрекъ фугѣ и квартетному стилю, какъ произведеніямъ не творческаго воображенія, а разчета? Не знаю. Извѣстно мнѣ только, что это общая участь всѣхъ искусствъ. Гдѣ болѣе поэзіи, какъ не въ готическомъ стилѣ архитектуры, гдѣ болѣе высокаго, сверхчувственнаго, романтическаго? А, между-тѣмъ, знаете-ли вы, что лежало въ основаніи готической архитектуры среднихъ вѣковъ? Самый мелочной, ребяческой разчетъ!

«Чудо въ томъ, говоритъ Мишле: что страстная растительность ума, которая должна-была броситься на-удачу въ причуды свои и фантазію, развила по правильнымъ законамъ. Она подчинила свою плодovitость числу, ритму, дивной геометріи. Геометрія и искусство, истина и красота столкнулись между собою. Такъ въ новѣйшее время было разчитано, что кривая линія самая прочная для купола, та самая, которую взялъ Микель-Анжело для Св. Петра, какъ самую красивую.

«Эта геометрія прекраснаго проявляется въ типѣ готической архитектуры, въ кѣльнскомъ соборѣ; онъ представляетъ правильное тѣло, развившееся въ своихъ размѣрахъ съ правильностью кристалловъ. Крестъ нормальной церкви строго выведенъ изъ фигуры, на которой Эвклидъ построилъ равносторонній треугольникъ. Этотъ треугольникъ, основаніе оживы, можетъ быть вписанъ въ дугу сводовъ; такимъ-образомъ, онъ предохраняетъ оживу отъ худощавости сѣверныхъ оконъ, и тяжелой придавленности византійскихъ аркадъ. Числа десять и двѣнадцать, съ ихъ знаменателями и дѣлителями, господствуютъ во всемъ зданіи. Десять — число человѣческое, число пальцевъ; двѣнадцать — число божественное, — число астрономическое; прибавьте къ этому число, — въ честь семи планетъ. Въ башняхъ и во всемъ зданіи, нижнія части имѣютъ основаніемъ квадратъ и подраздѣляются на восьмиугольники; верхнія — основаны на треугольникѣ и раздѣляются на шести- и двѣнадцати угольники. Діаметръ колоннъ къ высотѣ находится въ отношеніи дорическаго ордена (1 : 6). Высота равняется ширинѣ аркады, согласно Плинію и Витрувію...

«Аркада, отъ одного пилаэтра до другого, имѣетъ 50 футовъ: это

число повторяется во всемъ зданіи. Это мѣра высоты колоннъ; при-дѣлы, въ пол-ширины аркады, фасадъ втрое болѣе. Ширина всего равняется длинѣ хора и купола и высотѣ середины кривой его линіи. Длина относится къ высотѣ, какъ 2 : 5... Число семь, число семи даровъ Святаго Духа, семи таинствъ — есть также число капеллъ хоровъ; дважды семь — число колоннъ, ихъ поддерживающихъ.»

Кто не видитъ, въ стиляхъ готическомъ и контрапунктномъ, отраженія одной эпохи, одного момента общественнаго построения?

Судя по этому, скажутъ намъ, вы называете поэтическими, художественными произведеніями созданія бельгійской или нидерландской школы контрапунктистовъ? Ничуть. Мелодія истинная, мелодія художественная — форма гармоніи; не зная гармоніи, музыканты не могли знать и мелодіи. Но искусство должно было подвигаться впередъ: и оно шло въ схоластическомъ контрапунктѣ фламандцевъ. Въ сухихъ, противныхъ уху, гармоническо-каноническихъ ихъ послѣдованіяхъ заключалось все будущее развитіе гармоніи: это игра въ жмурки съ гармоніей. Что такое контрапунктисты? До Жокина-де-Пре — это сухіе схоластики, увлеченные единственно расчетомъ, не обращающіе рѣшительно никакого вниманія на практическое примѣненіе. Но съ этого великаго человѣка, начинается эпоха, весьма знаменательная въ исторіи искусства и на которой мы позволимъ себѣ немного остановиться. Г. Улыбышевъ * характеризуетъ всю эту эпоху названіемъ *незначительной*: но за этой незначительностью, ужели онъ ничего не видитъ? Или мы ошибаемся, или эта эпоха ясно выражаетъ слѣдующее. Припомнимъ себѣ ходъ развитія греческой философіи, припомнимъ тотъ моментъ, когда Анаксагоръ указалъ на начало мысли и когда софисты, увлеченные всемогуществомъ этого начала, создали свою пышную діалектику. Увлеченные процессомъ мышленія, они занялись имъ болѣе, чѣмъ самой мыслью: отъ этого, они развили *форму* и развили пышно. То-же явленіе въ музыкальномъ мірѣ — фламандская контрапунктическая школа: самый процессъ, форма — увлекли ее болѣе содержанія; содержаніе, мысль — были для дѣйствователей этой школы ничтожны, какъ матеріалъ для процесса музыкальнаго разложенія и развитія. Отсюда объясняются все явленія этого періода: такъ намъ становится понятнымъ, почему болѣшая часть церковныхъ произведеній того времени имѣютъ темами простонародныя пѣсни. Что сдѣлалъ Палестрина? онъ перевернулъ правило контрапунктистовъ и сказалъ: не въ формѣ, не въ процессѣ мышленія

* Приводимъ этотъ авторитетъ, потому-что изъ всехъ извѣстныхъ намъ исторій музыки, *Обозрѣніе* его, помѣщенное въ началѣ втораго тома «Nouvelle Biographie de Mozart», — самая лучшая, самая ясная, самая полезная.

главное дѣло, а въ самой мысли; и вотъ, мысль явилась у него на первомъ планѣ и начала господствовать: загнанная въ партію тенора, она была снова возвращена въ верхній голосъ. Палестрина глубокой контрапунктистъ. Его заслуга — въ возстановленіи господства мысли надъ развитіемъ, во введеніи мелодическаго начала въ музыку и въ окончательномъ полномъ пѣніи.

Съ Палестрины, начинается развитіе мелодическаго стиля въ Италиі и опыты драматической музыки. Мелодія увлекаетъ итальянцевъ въ крайность, противоположную фламандской школѣ. Въ 1650 году, возникаетъ Скарлатти: идя по стопамъ Монтеверде, онъ постановляетъ основанія новой гармоніи и стремится къ соответствію между содержаніемъ и формой. Бахъ (1685—1750), Гендель (1684—1759) и Гайднъ (1732—1809) составляютъ эпическій періодъ исторіи музыки, и въ произведеніяхъ своихъ представляютъ *полное торжество соответствія между содержаніемъ и формой*. Въ Генделѣ, фугированный стиль освободился отъ всякаго педантизма: возвышенность стиля, мелодія широкая, грандіозная, выразительность въ самыхъ глубокихъ сочетаніяхъ контрапункта — вотъ достоинства его произведеній. Странная вещь! Гендель сравнивалъ Глука съ своимъ поваромъ и не оцѣнилъ его реформы! А между-тѣмъ Глукъ создалъ, нашелъ критеріумъ истины музыкально-драматической.

Музыка чистая, въ лицѣ Себастьяна Баха, Генделя и Гайдна, и музыка прикладная, въ лицѣ Глука, достигли полного своего развитія. Возникъ вопросъ: точно-ли эти двѣ музыки, подобно двумъ разнымъ полюсамъ, должны быть прямо противоположны другъ другу; иными словами: ужели критеріумъ истины музыкально-драматической не можетъ быть критеріумомъ истины музыкально-лирической, и на-оборотъ? Этотъ вопросъ разрѣшилъ Моцартъ *de facto*. А priori его можно разрѣшить такъ: музыкально-драматическая истина только тогда и оправдываетъ свой характеръ истинности, когда, отвлеченная отъ сферы прикладной музыки, остается истиной лирико-музыкальной и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ музыкальной логики.

Вотъ, значеніе Моцарта, Моцартова стиля; онъ вытекъ изъ грандіознаго стиля Генделя, трагическаго — Глука и комическаго — Чимарозы; онъ высосалъ всѣ лучшія стороны школъ нѣмецкой, французской и итальянской, и создалъ оперу всемірную — «Донъ-Жуана».

Остановимся.

Изъ этого краткаго очерка, читатели уже могли усмотрѣть, что симфонія, какъ созданіе чистой, не прикладной музыки, должна быть отрѣшена отъ программы и замкнута сама въ себя. Таковы симфоніи

Моцарта. Бетховень увлекся драматическимъ направлениемъ и привелъ симфоніи къ музыкѣ программатической. Мендельсонъ—Бартольди, болѣе послѣдовательный теоретикъ, понялъ, что произведеніямъ этого рода названіе симфоній уже негодится: онъ назвалъ ихъ увертюрами. Геній Бетховена предохранилъ его отъ натяжекъ, но очевидно, что, послѣ него, всякой, кто рѣшался сдѣлать шагъ впередъ на этомъ пути, выходилъ уже изъ сферы самостоятельной музыки; онъ логически не могъ избѣжать двухъ результатовъ: первое, уклониться отъ истины и впасть въ *аффектацію*, или второе, для избѣжанія этого, спуститься въ сферу драматической музыки прикладной, то-есть, въ сферу *оперы* и воспользоваться голосомъ для объясненія положеній, уже сдѣлавшихся блѣдными. Одинъ критикъ напалъ недавно на будто-бы произвольныя толкованія музыкальныхъ произведеній критикой. Но развѣ виновата въ этомъ не программатическая музыка? Для симфоніи Моцарта толкованій не надо: она прямо говоритъ сама за себя. Для симфоніи Бетховена — толкованіе необходимо и онъ самъ понялъ это, снабдивъ нѣкоторые отдѣлы ярлычками и введя даже, для поясненія, поэзію и голосъ. Не забудемъ, что Берліозъ послѣднее слово симфонической теоріи Бетховена.

Хотѣлось-бы мнѣ сказать еще два слова о третьемъ стилѣ Бетховена, но какъ говорить? Самъ осторожный г. Ленць подвергся строгимъ нападкамъ, назвавъ этотъ стиль книгою за семью печатами: что же будетъ, если я изложу мою точку зрѣнія на эти загадочныя (полно такъ-ли?) произведенія угасавшаго, посреди нравственныхъ и физическихъ недуговъ, генія? Предоставимъ это дѣло времени, къ которому взываютъ также и поклонники этого стиля, и увидимъ, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Капельмейстеръ Крейслеръ.

Общественная жизнь.

Мнѣ совѣстно за фельетонъ, когда этотъ развязный джентльменъ, начинаетъ разговоръ съ того, что газеты прячутъ въ самый скромный уголъ послѣдней страницы — съ разсужденій о густотѣ паровъ воздуха, о Реомюрѣ и о прочемъ. Положимъ, что отъ юго-западнаго вѣтра зависитъ привозъ устрицъ и матерій для пальто, но разсуждать о погодѣ собственно потому, что отъ нея хвораютъ или поправляется картофель, родятся или умираютъ шелковичные черви ... нѣтъ, джентльменъ, вашъ сав рѣшительно сбивается съ шоссе на проселочныя рытвины ... Впрочемъ, сегодня вамъ позволяется сдѣлать исключенія; вамъ даже было-бы непростительно не взглянуть на роскошный нарядъ природы.

Вотъ ужъ мѣсяць, какъ петербургскіе Тиренсъ и Мелибей, *ambo melioges*, оба въ тулупахъ, разбудили эхо сельскою свирѣлюю. Но идиллія дрожала отъ стужи, и нельзя было, не грѣша противъ истины, повторить за Гораціемъ:

Neque jam stabulis gaudet pecus ...

Петербургская весна не ладитъ съ календаремъ, который напрасно подсказываетъ ей роль, какъ суфлеръ безпамятному актеру. Скупой, расчетливый май еще не повѣсилъ ни одной кисти на моей сирени, не прислалъ даже пучка ландышей, вмѣсто пригластительнаго билета на свой праздникъ... А между-тѣмъ, воздухъ такъ чистъ, прозраченъ, растворенъ бальзамомъ жизни; вода, сокровище большого города, такъ ласково качаетъ на своей груди безоблачное небо и опрокинутые силуэты загородныхъ домиковъ — что самые равнодушные люди уже начинаютъ чувствовать прелесть очерковъ, для которыхъ солнце и роса разведутъ роскошныя краски на зеленой палитрѣ луга.

Весенняя Одиссея уже потянулась на возахъ ко всеѣмъ шлагбаумамъ... Счастливый путь, переселенцы! Да будетъ широка и прохладна тѣнь липъ надъ вашимъ кочевьемъ; да хранитъ васъ добрый геній отъ мошекъ и навязчивыхъ сосѣдей!... Спѣшите насладиться первою улыбкой, первымъ поцѣлуемъ весны... Какъ прекрасна природа въ эти долгіе дни, когда растенія, облитыя свѣтомъ равноденствія, совершаютъ свои непроницаемыя тайны! Еслибъ я могъ раскрыть передъ вами удивительныя феномены, скрытыя въ оболочкахъ цвѣтовъ, вы сказали-бы, что у растеній есть, если не смыслъ, то по-крайней-мѣрѣ, инстинктъ и любовь, и вы увидѣли-бы, въ неподражаемомъ механизмѣ всеѣхъ этихъ частицъ, десницу высочайшаго разума, который равно присутствуетъ при развитіи вѣничка маргаритки и при движеніи звѣздъ и гормоніи небесъ. Надо много смѣлости, чтобы представить нѣкоторыя сцены растительной жизни, когда весна и лѣто раскрываютъ передъ вами свои роскошныя картины. Есть разныя племена растеній, какъ разные народы на землѣ; у каждаго своя одежда, часто вовсе непохожая на одежду сосѣдей. Когда природа истощаетъ свою палитру на туалетъ цвѣтовъ, она даетъ имъ, въ замѣнъ блеска, величину и ароматъ. Въ первый разъ входя въ оранжерею, нельзя не остолбѣнеть передъ сѣтью *orchideae*, почти туннеядныхъ растеній, повисшихъ со всеѣхъ сторонъ многоцвѣтными кистями. Но какъ же должны быть они прекрасны у себя на родинѣ, на отлогостяхъ Кордильеровъ, въ обширныхъ равнинахъ, гдѣ тропическая растительность является во всеѣмъ великолѣпнн; посреди этихъ древнихъ прогалинь, гдѣ гирлянды лианъ спускаются до земли, связывая въ одну

чашу и растеніе и его опору, бѣгутъ фестонами по гнилому стволу дерева, виснутъ по вѣтвямъ, и, колеблемыя зефиромъ или крыломъ колибри, курятся, чистѣйшія камильницы, подъ безпредѣльномъ куполомъ, въ храмъ природы.

Если вы хотите любить цвѣты, не заглядывайте въ гербарій, печальное кладбище съ латинскими эпитафіями. Откройте, лучше, Овидія, и онъ разскажетъ вамъ, что анемонъ былъ когда-то нимфой, которая такъ мило взглянула на Зефира, что этотъ бросилъ для нея Флору, и разгнѣванная богиня наказала нимфу, обративъ ее въ цвѣтокъ; узнаете, что Адонисъ родился изъ слезъ Венеры, и много другихъ генеологій, проникнутыхъ благоуханіемъ наивной поэзіи.

Для жителей сѣвера природа не такъ расточительна, и, пока сторожъ не успѣлъ снять паутину съ потолка нашихъ лѣтнихъ пріютовъ, мы торопимся въ биржевой скверъ — взглянуть на чахлые кусты, на голые стебли въ корзинахъ, которые матросъ, разсчитывая на любопытство, сорвалъ гдѣ-нибудь на берегу Бразиліи и привезъ вмѣстѣ съ горстью микроскопическихъ раковинъ и парюю попугаевъ. Сердце сжимается, когда посмотришь на эти бѣдные отпрыски, на мелкія почки, боязливо вдыхающія чужой воздухъ!

Лѣто еще не наступило; однакожъ Петербургъ, кажется, испугался будущихъ жаровъ, и нѣкоторые господа заранѣе надѣли *шляпы съ форточками*, удивительное изобрѣтеніе для горячихъ головъ. На доньшкѣ шляпы сдѣлано отверстіе, которое заслоняется, въ дождь и холодъ, маленькою задвижкой. Такія шляпы кетати, не только лѣтомъ, но и зимою, въ маскарадахъ, когда на черепѣ выступаетъ потъ отъ шампанскаго и мистификацій.

Стеклышко въ глазу и шляпа съ форточкой! дендизмъ!.. Если мнѣ случится гдѣ-нибудь въ саду слышать цыганскія мелодіи, я непременно надѣну шляпу съ форточкой, хоть-бы это было въ сентябрѣ.

Еще важная новость: г. Излеръ, въ честь котораго кто-то два года сряду настраивалъ лиру и извлекалъ изъ струнъ серебряные звуки, г. Излеръ, чудный изобрѣтатель волшебныхъ праздниковъ, переселился со всѣми сладостями въ Новую-Деревню. Можетъ быть, въ ту минуту, какъ вы читаете эти строчки — авторская самонадѣянность —

Тамъ, въ ослѣпительныхъ боскетахъ,
Которыхъ слава до внучать
Дойдетъ въ поваренныхъ куплетахъ,
Восторги табора звучать;
Матрена мечется въ присядкѣ
Подъ звуки пѣсенъ и гитаръ,
И бочку на искусной пяткѣ
Вертитъ безъ памяти фигляръ.

Въ слѣдующій разъ я изложу въ подробности всѣ эти прелести, всѣ чудеса, послѣ которыхъ не спится, какъ отъ двѣнадцати чашекъ крѣпчайшаго кофе.

Осенью разговоръ вертится на оперѣ и балетѣ; весной, когда брызнули на деревьяхъ почки, но еще не развернулись въ изумрудную зелень; когда сердце, сдавленное тоской или болѣзью, начинаетъ дышать свободно, вездѣ пачинаются толки о разныхъ способахъ леченія: о травяномъ сокѣ, ваннахъ, сывороткѣ и даже магнетизмѣ.

Практическое направленіе составляетъ главный характеръ учености нашего вѣка, и употребленіе чрезвычайныхъ силъ природы произвело большой переворотъ въ промышленности, художествахъ и наукахъ. Медицина совершенствуется такимъ-же-образомъ, какъ и прочія науки; и въ ней факты и основанныя на нихъ наблюденія начали занимать мѣсто бесплодныхъ теорій. Опираясь на естественныя науки, медицина ежедневно пріобрѣтаетъ новыя средства для распознаванія и леченія болѣзней. Къ этимъ средствамъ принадлежитъ главный дѣятель природы, цѣлительная сила котораго доказана во многихъ болѣзняхъ неоспоримыми фактами—*это минеральный магнетизмъ* и, соединенные съ нимъ, *электричество и магнетизмъ*. Корифеи медицины совѣтовали врачамъ употреблять его при леченіи больныхъ. За границей написано о немъ множество сочиненій, и здѣсь, въ Россіи, докторъ Бѣлявскій издалъ, въ 1847 году, сочиненіе о галвано-магнитномъ леченіи посредствомъ гидро-электрическихъ токовъ. Леченіе магнитомъ и галваническимъ и магнетическимъ электричествомъ, какъ видно изъ иностранныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ, въ короткое время оказывало пользу въ нервическихъ болѣзняхъ; въ слабости мускуловъ и кровеносныхъ сосудовъ; въ ревматическихъ и ломотныхъ страданіяхъ головы, глазъ, ушей, зубовъ, и боли въ костяхъ, обыкновенно возобновляющейся при перемѣнѣ погоды; въ простудныхъ болѣзняхъ мокротныхъ оболочекъ; въ гемороеѣ, грудныхъ и многихъ женскихъ болѣзняхъ и проч.

Цѣлительное дѣйствіе магнита подробно всего изложено въ книгѣ доктора *Барта* подъ заглавіемъ: «*Der Magnet als Heilmittel, oder praktische Anweisung durch Magnete die verschiedenartigsten Krankheiten zu heilen*», etc. Berlin. 1836. (Магнитъ какъ средство леченія, и практическое изложеніе вылечивать разныя болѣзни посредствомъ магнита, и проч. Берлинъ. 1836). Эта книга основана не только на сочиненіяхъ, вышедшихъ прежде о такомъ способѣ леченія, но болѣею частію на собственныхъ опытахъ автора, который въ продолженіе восьми лѣтъ пользовалъ магнитомъ болѣе *шести тысячъ больныхъ*. Въ этой книгѣ подробно описаны болѣзни полутора ста паціентовъ

доктора Барта: изъ нихъ, сто лицъ совершенно или на долгое время вылечивались въ одинъ сеансъ, и отъ двухъ сеансовъ до пяти: *тридцать* имѣли отъ шести до пятнадцати сеансовъ, а прочіе выздоравливали, большею частію, до тридцатаго сеанса.

«Многіе доктора, говоритъ г. штабъ-лекаръ И. В. Циммерманнъ: можетъ быть, скажутъ, что намъ не нужны магниты для леченія больныхъ, ибо наше изобильное медицинское сокровище содержитъ въ себѣ довольно средствъ противъ всѣхъ болѣзней, и если средства эти уже исчерпаны, то можно еще пользоваться водою, сывороткою, заниматься гимнастикой, и проч. Но нѣкоторые больные часто до-сыта принимали лекарства и все-таки не выздоравливали; другимъ занятія, обязанности по службѣ, и другія обстоятельства не позволяютъ пользоваться водолеченіемъ и пить разные декокты; но и тѣ, которые могутъ исполнить всѣ свои желанія, часто принуждены бываютъ откладывать леченіе, потому-что не настало время, въ которое можно купаться и пить декокты.»

Такъ какъ для леченія по способу доктора Барта надо имѣть крѣпкіе и собственно къ тому приготовленные магниты и другіе аппараты, много навыка, и не многіе врачи имѣютъ для этого время и потребные аппараты, то желающимъ лечиться магнетизмомъ лучше всего обратиться къ доктору Барту, котораго заведеніе для пользованія магнитомъ, магнетическимъ и гальваническимъ электричествомъ находится въ Петербургѣ, въ Моховой улицѣ, въ домѣ графа Стенбока, въ бель-этажѣ.

Мы сами были свидѣтелями нѣкоторыхъ его опытовъ въ простудныхъ болѣзняхъ и зубныхъ боляхъ, которые граничатъ съ чудеснымъ: въ полчаса больной выздоравливалъ совершенно.

Другое простое средство — вода. Она съ самыхъ древнихъ временъ употреблялась какъ спасательное средство во многихъ болѣзняхъ. Сорокапятилѣтній Горацій, страдавшій припадками ипохондріи и болью въ глазахъ, совершенно поправился послѣ того, какъ докторъ Муза посоветовала ему употреблять холодныя клюзіійскія и габійскія ванны. Въ пятнадцатомъ посланіи своемъ, поэтъ говоритъ:

Nam mihi Bajas
Musa supervacuas Antonius, et tamen illis
Me facit invisum, gelida quum perluor unda
Per medium frigus.

Между-тѣмъ, какъ одни, которымъ позволяютъ время и средства, летятъ, на крыльяхъ пара, подъ теплое безоблачное небо, въ страну виноградниковъ и рыцарскихъ преданій, на родину задумчивой Лорелы и

знаменитаго Маріи Фарины, — для другихъ, которыхъ горизонтъ не простирается даже за шлагбаумъ, недалеко отъ Большой Охты, въ имѣніи графа Кушелева-Безбородко, за деревней Полюстрово, бьютъ изъ земли желѣзистые минеральные ключи, издревле извѣстные мѣстнымъ жителямъ. Уже въ 1718 году, лейбъ-медикъ Петра Великаго, Blumen-тростъ, первый изслѣдовалъ воду этихъ ключей и съ успѣхомъ употреблялъ ее при леченіи воспаленія глазъ Государя и вообще при катаральныхъ страданіяхъ. Въ 1745 году, придворный аптекаръ, Модель, изслѣдовавшій, по порученію правительства, воду Полюстровскаго источника, нашелъ ее превосходною и особенно полезною при леченіи нервного расстройства... Но благотворные ключи долго оставались забытыми, и даже вовсе неизвѣстными многимъ жителямъ столицы. Впрочемъ, къ чести нашихъ врачей должно упомянуть, что многіе изъ нихъ не забывали о существованіи и цѣлебномъ свойствѣ этихъ водъ. Шереръ, въ своемъ «Руководствѣ о минеральныхъ ключахъ въ Россіи» называетъ Полюстровскій желѣзный ключъ даже *народнымъ*.

Ванны устроены при Полюстровскихъ ключахъ въ недавнее время, именно въ 1839 году. Аптекаръ Фишеръ, построивъ при ключахъ небольшой деревянный домъ и въ немъ нѣсколько ваннъ для купанья, первый доставилъ публикѣ возможность пользоваться цѣлебностью этихъ желѣзныхъ водъ. По смерти Фишера, завѣдываніе Полюстровскимъ ключемъ принялъ на себя докторъ Канъ, сопровождавшій графа Кушелева-Безбородко въ путешествіи за-границею и съ нимъ прибывшій въ Россію. Г. Канъ, убѣдившись въ благотворномъ дѣйствіи этихъ водъ, увеличилъ число ваннъ и снабдилъ ихъ всемъ необходимымъ для удобства больныхъ. Съ 1850 года, Полюстровскими ключами завѣдуетъ докторъ Бронштейнъ, три года раздѣлявшій трудъ съ докторомъ Каномъ.

Минеральные ключи эти принадлежатъ къ настоящимъ желѣзнымъ ключамъ, и болѣе способны для наружнаго, нежели для внутренняго употребленія, и то въ малыхъ приемахъ. Не въ далекомъ разстояніи отъ ключей, и даже на самой дорогѣ къ нимъ, встрѣчаются желѣзные осадки, явно указывающіе на свойство водъ.

Близость Полюстровскихъ минеральныхъ водъ и удобство сообщенія — посредствомъ diligencсовъ — даютъ каждому возможность пользоваться этими водами, даже живя въ городѣ. Въ настоящемъ своемъ видѣ, Полюстровское заведеніе имѣетъ все необходимое для удобства пользующихся. Цѣна за ванны чрезвычайно умѣренная. Близъ ключей отдаются квартиры, каждая изъ четырехъ комнатъ, съ кухнею и прочими принадлежностями, по весьма дешевой цѣнѣ — на лѣто.

Около ключей и заведенія водъ разведенъ паркъ, въ которомъ по середамъ играетъ музыка, а въ паркѣ устроена особенная зала, гдѣ каждую субботу бывають танцевальныя вечера. Полюстровскія воды — сущее сокровище для безвыѣздныхъ жителей Петербурга, и не одинъ изъ нихъ благословляетъ скромный ключъ, который благодворитъ въ тишинѣ и радуется своей цѣлебной силѣ, не завидуя ни Гомбургу, ни Мариенбаду, съ ихъ блестящими казино, парками для охоты, и раздражительною рулеткою, которая мечетъ на столъ пригоршнями и золото и здоровье.

Карты — лѣтомъ, карты, когда нѣжная душа цвѣтовъ порхаетъ вокругъ насъ ароматомъ, когда всѣ растенія — отъ дуба до травки — поютъ привѣтственный гимнъ природѣ, — нѣтъ, ужъ лучше забиться въ книги, какъ улитка въ скорлупу, нежели бросить хоть минуту въ жертву ералашу!..

МОДЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. Лѣтняя выставка дамскихъ нарядовъ и матерій въ Лионскомъ-магазинѣ Дюбуа наконецъ убѣдила насъ положительно, что для моды наступило лѣто, хотя въ это время термометръ на солнцѣ показывалъ только девять градусовъ, по Невѣ неслись глыбы льду, а съ сѣвера дулъ такой нѣжный зефиръ, что пробиралъ васъ до костей своей прохладою, даже сквозь вату и драпъ. Но эти кисейныя матеріи, эти кружевыя кофточки, эти воздушныя маниліи такъ краснорѣчиво говорятъ въ пользу сѣвернаго лѣта, что невольно повѣришь имъ на-слово, несмотря на то, что барометръ сильно упадаетъ духомъ и гриппъ все еще портитъ легкія soprano нашихъ красавицъ. За-то какъ затѣйлива лѣтняя мода на этотъ разъ! Главное ея достоинство, и достоинство не маловажное, достоинство вполне современное, экономическое, состоитъ въ томъ, что она позволяетъ носить все, что угодно — и газъ, и крепъ, и брильянтинъ, и шелкъ, и шерсть, кто чѣмъ богатъ; она требуетъ только строгаго подчиненія своимъ покроямъ, своимъ фасонамъ! Мило и снисходительно! На-примѣръ, во-первыхъ, вы можете, не оскорбляя ея законовъ и строгаго фешьона, нарядиться такъ:

Шляпка сборчатая, креповая (цвѣтъ предоставляется на вкусъ), съ креповыми оборочками и двумя перьями, съ одной стороны. Платье изъ затканной или набивной кисеи, въ три юбки, въ видѣ волановъ; гладкій лифъ съ бертой изъ той-же матеріи. Рукава полудлинные и полуширокіе. Внизу другіе рукава изъ кружевъ.

Не нравится — такъ вотъ вамъ

второй костюмъ: Шляпка креповая, съ полями изъ креповыхъ фестоновъ, безъ всякихъ украшеній сверхъ шляпки и подъ полями. Платье

изъ полосатой легкой шелковой матеріи, безъ волановъ. Обрисовывающая талію кофточка изъ той-же матеріи. Жилетка, наглухо застегнутая, изъ свѣтлаго гласе. Узкіе рукавчики.

Но охотницамъ до верховой ѣзды, вѣрно, интересно знать, каковъ современный костюмъ амазонокъ? Извольте, вотъ онъ:

Легкая мужская шляпа, съ тульею кверху поуже (въ отличіе отъ шляпъ, которыя носить непрекрасный полъ) и съ чернымъ перомъ. Юбка изъ дамскаго или такъ-называемаго полу-сукна, или бархатная. Курточка изъ той-же матеріи, свободная, но не черезъ-чуръ широкая, съ широкими, довольно длинными, рукавами. Жилетъ изъ бѣлаго или палеваго англійскаго пике, съ шалью. Мужская манишка, съ прошивками, пуговками, маншетами и откладнымъ, крахмаленнымъ воротничкомъ. Легкій галстучекъ или кокетка.

Въ то время, какъ въ дамскихъ модахъ такой просторъ, такая свобода, мужчины страшно стѣснены и сжаты своими костюмами. Панталоны или брюки, какъ угодно, стали носить чуть-чуть не такіе, какихъ моёё Буассекъ, «Молодой человекъ въ шестьдесятъ лѣтъ» *, требовалъ отъ своего портнаго: *si j'y entre, je ne les prends pas!* Отъ этого нововведенія ноги бѣльшей части мужчинъ стали походить на хлыстики въ чехлахъ. Вначалѣ нынѣшній вѣкъ былъ подороднѣе, къ половинѣ — онъ поистощился: не слѣдовало-бы теперь и возобновлять тогдашней моды. Гг. франты сдѣлали большой промахъ. Пальто и визитки носятъ очень короткія, очень узкія, совершенно общипанныя. Покойный Крыловъ, увидавъ новомодную визитку, непременно принялъ-бы ее за кафтанъ своего Тришки. Жилетки носятъ только изъ англійскаго пике: всякая яркость и пестрота въ жилетахъ — *mauvais genre*. Галстухи легкіе, полосатые, но не пестрые — и притомъ непременно повязанные, а не съ сдѣланными шлейфами, и отнюдь не съ кружевными и вышитыми концами.

Мы видѣли огромный выборъ, только-что полученныхъ изъ Парижа и Лондона, новѣйшихъ лѣтнихъ матерій для брюкъ и жилетовъ, у г-на Альванга *, равно какъ и большое количество готовыхъ заграничныхъ пальто *для дачъ* изъ-такъ называемаго *velour épinglé*. Все это прелесть — разнообразія, вкуса, отдѣлки! И что насъ особенно утѣшаетъ: въ новѣйшихъ произведеніяхъ мужской моды нѣтъ оскорбляющей глазъ

* Пьеса: «Le ci-devant jeune homme».

** Гардеробная мастерская Альванга, на Невскомъ проспектѣ, за Аничкинымъ мостомъ, въ домѣ Лопатина. NB. Входъ съ проспекта.

яркой пестроты, безвкусія красокъ. Большая часть матерій — полосатыя, но всё скромны и не крикливы. Что-же касается до привозныхъ пальто, то намъ кажется, что ихъ нашему почтенному г. Альвангу просто дарятъ за границу, потому-что онъ самъ отдаетъ ихъ почти даромъ. Превосходное пальто, съ подкладкой, перламутровыми пуговицами, совсѣмъ готовое, стоитъ — угадайте? — отъ восьми до двѣнадцати рублей серебромъ! Просто непонятно!

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

№ 470,

или

ТРИ ТЫСЯЧИ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

П. С. Оедорова.

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ ИМПЕРАТОРСКИМИ ПРИДВОРНЫМИ АНТЕРАМИ,
22-го апрѣля, 1852 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

АКТЕРЫ:

ВАНЯ КОРИНКИНЪ, подлекарь

Г. Марковецкій.

КВАСОВЪ

Г. Мартыновъ.

ОЛИНЬКА

Г-жа Жулева.

—
Дѣйствіе происходитъ на Пескахъ, въ квартирѣ Коринкина.

Небольшая бѣдная комната. Направо окно. Налѣво печь. Въ глубинѣ, съ правой стороны дверь, съ лѣвой кровать, закрытая ширмами. Направо у стѣны комодъ; на немъ самоваръ, подсвѣчники и небольшое зеркальцо, а впереди столъ. Налѣво возлѣ печи, шкафъ, а впереди письменный столъ, на которомъ разбросаны книги, бумаги и проч. Нѣсколько стульевъ. На окнѣ два, три горшка цвѣтовъ и клѣтка съ чижиномъ. Печь затоплена.

I.

КВАСОВЪ одинъ.

При поднятіи занавѣса, слышенъ легкій стукъ въ дверь. Потомъ высовывается голова Квасова. Онъ осматриваетъ комнату, и, невидя никого, входитъ въ нее, держа въ рукахъ клѣтку съ снигиремъ. Между проволоками клѣтки замѣтна небольшая бумажка. На Квасовѣ старая бекешъ и суконная фуражка.

Странно! въ кухнѣ нѣтъ никого, да и здѣсь ни души!.. ни маменьки, ни дочки!.. Куда-жъ это онѣ пропали? на-рынокъ что-ли ушли? Это ея комнатка, вотъ и чижинокъ, съ которымъ она всякое утро возится... Ну, ужъ птица! дрянъ, еущая дрянъ! и видно, что у ходячаго птицы-пѣвчія!.. вонъ какой дикій... Нѣтъ, я принесъ ей не такую птичку... финскаго попугая: ученаго!.. Мальбруга высвистываетъ! За то цѣлый мѣсяць училъ его по варганчику!.. То-то обрадуется! (*Ставитъ клѣтку на столъ*). Охъ, Кузьма Сидорычъ! что-то она тебѣ скажетъ!.. А понравилась, больно понравилась! Что хотите, не могу жить безъ жены!.. Другому вѣдь что хлопотъ съ женитьбой... а мнѣ хоть завтра жениться... все заведено и приданого ненадо — полныя комоды всякаго добра послѣ покойницъ... возьму ее какъ есть... Только-бы она-то сама пошла за меня!.. Другіе вотъ свахъ посылаютъ... только лишнія деньги платятъ этимъ плутовкамъ... нѣтъ, я не таковскій: подумалъ, обсудилъ какъ слѣдуетъ, и отправился самъ сватомъ!.. Что-жъ такое, вѣдь не съѣстъ же она меня!.. я ей дѣлаю честь, а не что дру-

гое!.. я... вѣдь ни кто-нибудь... я изволите видѣть... Ай! кто-то идетъ! Ужъ не чужой-ли кто?... Куда-бы спрятаться? а!.. вотъ!
(Прячется за ширмы).

II.

КВАСОВЪ за ширмами, ОЛИНЬКА.

ОЛИНЬКА (входя въ комнату). Слава Богу! Ванички еще нѣтъ дома.

КВАСОВЪ (выглядывая изъ-за ширмъ). А, это, моя канарейчка!

ОЛИНЬКА. Я ужъ боялась, чтобъ онъ не пришелъ безъ меня, да не увидалъ здѣсь этотъ беспорядокъ... Конечно, онъ добрый жилецъ, но и на него иногда находить капризъ... особенно какъ придетъ не въ духъ!.. Надо поскорѣй здѣсь все прибрать... (Прибираетъ комнату).

КВАСОВЪ (про себя). Бѣдняжка! у нихъ и кухарки-то нѣтъ! сама прибираетъ комнату!

ОЛИНЬКА. Вѣдь легко-ли куда я слетала... съ Песковъ въ Коломну! Снесла работу — и вотъ я съ денежками!.. (Колотя по карману). Полтора цѣковыхъ въ два дня заработала.

КВАСОВЪ (про себя). Золото — а не дѣвушка!

ОЛИНЬКА. Сегодня ужъ будетъ со мной что-нибудь необыкновенное!.. Съ самаго утра разныя приключенія... Какъ я проснулась, такъ надѣла на изнанку чулокъ... когда вышла изъ дому, — дорѣгой привязался какой-то нѣмчурка... потомъ получила за работу деньги съ такихъ людей, которые всегда заставляли меня ходить за ними шести разъ... наконецъ... (Увидя клѣтку съ снигиремъ). Это что такое? откуда взялась эта птица?

КВАСОВЪ (про себя). Замѣтила!.. замѣтила!.. свищи скорѣй, мошенникъ, Мальбруга!..

ОЛИНЬКА. Неужели это Ваничка купилъ?... Фу!.. какая гадкая птица!.. Терпѣть немогу этихъ снигирей!

КВАСОВЪ (про себя). Что она сказала?

ОЛИНЬКА (увидя между проволоками бумажку). Это что за бумажка? (беретъ ее и развертываетъ).

КВАСОВЪ (выходя изъ-за ширмъ на цыпочкахъ про себя). Ну, теперь все узнаеть!.. Охъ, Кузьма Сидорычъ, что-то будетъ!..

ОЛИНЬКА. Записка!.. ко мнѣ!.. что за каракули... прочтемъ. «Безцѣнная и дражайшая Ольга Ивановна! Принимаюсь за перо, чтобы из-

«вѣстить васъ съ полной откровенностью о томъ, что я, плѣненный вашими необычайными прелестями!!!» (*Раздираетъ письмо*). Это что за вздоръ такой?.. Кто это осмѣлился мнѣ писать?..

КВАСОВЪ (*подходя къ ней*). Ахъ, это я-съ! Ольга Ивановна!

ОЛИНЬКА (*съ крикомъ*). Ай!.. (*Всторону*). Это нашъ противный сосѣдь... (*Вслухъ*). Я васъ не знаю ... Кто вы? что вамъ угодно отъ меня?

КВАСОВЪ. Не можетъ быть, Ольга Ивановна, чтобъ вы меня не знали!.. Я живу насупротивъ васъ, въ собственномъ своемъ домѣ... Я, изволите видѣть — Кузьма Сидорычъ Квасовъ!.. отставной...

ОЛИНЬКА. Что-жъ вамъ угодно?

КВАСОВЪ. Я имѣю порядочный доходъ съ домишка ... и пенсію... кромѣ того занимаюсь торговлею птиць ... обучаю ихъ пѣнію...

ОЛИНЬКА. Да мнѣ-то какое дѣло?

КВАСОВЪ. А такое, изволите видѣть, что я ... вдовецъ...

ОЛИНЬКА. Ну-съ?

КВАСОВЪ. Вы, вѣроятно, изволили видѣть, три мѣсяца тому назадъ, съ какимъ великолѣпіемъ хоронилъ я вторую жену мою...

ОЛИНЬКА. Ну, что-жъ изъ этого, что вы великолѣпно похоронили?..

КВАСОВЪ. Да то-съ, что вы можете судить какой я человекъ.

ОЛИНЬКА. Да для чего мнѣ это знать?

КВАСОВЪ. Я, изволите видѣть, замѣтилъ изъ окна, что вы большія охотницы до птиць... но ваша птица совершенная дрянь!..

ОЛИНЬКА. Извините, это мой любимый чижики...

КВАСОВЪ. Положимъ-съ, что любимый... я вотъ-съ, изволите видѣть, принесъ вамъ въ подарокъ собственной выучки финскаго попугая... Мальбруга отлично высвистываетъ...

ОЛИНЬКА. Мнѣ не нужно вашихъ подарковъ ... а заплатитъ мнѣ нечѣмъ за вашего попугая.

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна! вы изволите шутить ... какая тутъ плата? я принесъ...

ОЛИНЬКА. Я терпѣть не могу снигирей!..

КВАСОВЪ. Вотъ вѣдь это ученый!.. Мальбругъ!..

ОЛИНЬКА. Ахъ, лучше говорите скорѣе, что вамъ угодно отъ меня?

КВАСОВЪ. Извините, Ольга Ивановна, я человекъ откровенный и не люблю откладывать дѣла въ долгій ящикъ ... Изволите видѣть ... вы ... вы такъ сильно мнѣ понравились...

ОЛИНЬКА (*смѣясь*). Я?..

КВАСОВЪ (*тоже смѣясь*). Да-съ! ужасно понравились!.. и потому я рѣшился прямо явиться къ вамъ и просить вашей руки...

ОЛИНЬКА (также). Моей руки!.. знаете что: вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе...

КВАСОВЪ. Удольствіе?.. Говорите, Бога ради, какое-сь?.. Готовъ на все!..

ОЛИНЬКА. Оставьте меня въ покоѣ и отправляйтесь поскорѣе во-свояси!.. Вотъ дверь ... неугодно-ли?

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна! помилуйте! да за что-же?.. Еслибъ вы знали, какъ я васъ уважаю и почитаю... Жаль, что снигирь мой не можетъ говорить ... онъ только умѣетъ высвистывать Мальбруга ... а умѣй говорить, онъ-бы пересказалъ вамъ, какъ часто я вспоминаю васъ!.. Жаль тоже, что у меня нѣтъ теперъ ни одного заморскаго попугая ... двухъ еще недавно продалъ ... Ахъ, что за умнѣйшіе были попугаи!.. я ихъ обоихъ выучилъ говорить ваше имя!.. Да вѣдь какъ они чисто и выговаривали, только бывало и кричать: Олинька! Олинька!

ОЛИНЬКА. Да мнѣ-то какое дѣло? учите ихъ чему хотите!..

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна!.. Да не ужели вамъ нелестно?..

ОЛИНЬКА. Нисколько!

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна!.. вѣдь еслибъ вы удостоили взглянуть, какъ я живу ... вѣдь у меня полные комоды...

ОЛИНЬКА. Ахъ, отстаньте ... вы мнѣ надоѣли!..

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна!.. За что-жъ такая немилость?.. Ну, разсудите сами ... вы, изволите видѣть, живете въ такой бѣдности съ своей маменькой...

ОЛИНЬКА. Что-жъ? это развѣ порокъ?

КВАСОВЪ. Нѣтъ-сь, вовсе не порокъ ... но я, изволите видѣть, къ тому, что вы-бы у меня...

ОЛИНЬКА. Мнѣ ничего ненужно ... я и такъ счастлива.

КВАСОВЪ. Но отчего-же вамъ неугодно выйти за меня?

ОЛИНЬКА. Вы хотите знать? извольте, я скажу ... во-первыхъ оттого, что вы мнѣ не нравитесь ... а во-вторыхъ, у меня ужъ есть женихъ...

КВАСОВЪ. Какъ? ужъ есть женихъ? но кто-же онъ?

ОЛИНЬКА. Вамъ этого не нужно знать!

КВАСОВЪ. Да ужъ не жилецъ ли вашъ? Этотъ нищій подлекарь?..

ОЛИНЬКА. Послушайте, если вы скажете еще хоть слово, такъ я позову дворника...

КВАСОВЪ. А, вы оскорбились!.. Такъ стало это правда?..

ОЛИНЬКА. Правда или нѣтъ ... для васъ все равно; но только берегитесь ... если этотъ, по-вашему, нищій подлекарь — придетъ да увидитъ васъ здѣсь...

КВАСОВЪ. Такъ что-же?

ОЛИНЬКА. Да то, что можетъ выйти предурная исторія... Вы вотъ вошли сюда въ эту дверь, а можете вылетѣть вотъ въ это окно!

КВАСОВЪ (*всторону*). Вѣдь чего добраго, пожалуй, что и такъ... а изъ втораго этажа не очень-то лестно вылетѣть...

ОЛИНЬКА. Какъ-же вы думаете?..

КВАСОВЪ. Да, думаю такъ, что... вы не подумайте, чтобъ я съ трусости какой ухожу ... нѣтъ-съ ... я хочу только, чтобъ вы поразмыслили сами съ собой о моемъ предложеніи ... и потомъ, сообразя положительнымъ образомъ мое состояніе и несчастное положеніе вашего жильца...

ОЛИНЬКА (*смотря въ окно*). Вотъ онъ и самъ ... легокъ на поминѣ...

КВАСОВЪ. До свиданія-же, Ольга Ивановна!.. (*Поспѣшно уходитъ*).

III

ОЛИНЬКА (*одна*).

Ха, ха, ха! какъ я его пугнула Ваничкой... А снигиря? что-жъ вы не взяли снигиря? (*Взявъ клятку и крича въ дверь*). Послушайте! возьмите вашу гадкую птицу!.. (*За дверь*). Я терпѣть не могу снигирей!.. Слава Богу!.. взялъ... Уродъ!.. Старичишка!.. туда-жъ вздумалъ свататься!.. Пойду я за этакого чучелу!.. Все наши сосѣди терпѣть его не могутъ... говорятъ, такой скряга да жидоморъ! двухъ ужъ женъ уморилъ!.. Нужно же было притащиться ему сюда... да еще въ комнату Ванички... про меня и то, Богъ знаетъ что, насплетничали... осуждаютъ, что я хожу въ комнату молодого мужчины ... но о томъ не разсуждаютъ, что онъ нанимаетъ у насъ комнату съ прислугой ... а у насъ нѣтъ никакой другой прислуги кромѣ меня ... маменька стара и едва со стула сойти можетъ... такъ кому-жъ здѣсь убирать, какъ не мнѣ?... Къ тому же Ваничка—мой женихъ ... онъ далъ мнѣ блатвенное обѣщаніе, что какъ только получитъ мѣсто или поправитъ свое положеніе, то тотчасъ-же женится на мнѣ... Пускай-же злые люди говорятъ про меня, что хотятъ!..

Пускай изволятъ забавляться...

На нихъ махнула я рукой!

Кчему мнѣ клеветы бояться,

Когда я такъ чиста душой?

Придетъ конецъ моимъ мученьямъ,

Они узнають, въ свой чередъ,
 Что часто вопреки сомнѣнямъ,
 Честь дружно съ бѣдностью живетъ!

(*Вынимая изъ кармана работу и садясь къ окну*). Въ ожиданіи Ванички, я могу еще пошить... Въ нашей коморкѣ такъ темно, что и днемъ безъ огня нельзя работать... Охъ, бѣдность бѣдность!..

IV.

ОЛИНЬКА и **КОРИНКИНЪ**, войдя и увидя **ОЛИНЬКУ**, подкрадывается и цѣлуетъ ее въ плечо.

ОЛИНЬКА (*вскакиваетъ съ испугомъ*). Ой!

КОРИНКИНЪ. Неужели такъ испугалъ васъ мой поцѣлуй?..

ОЛИНЬКА. Еще-бы не испугаться, когда вы такъ подкрались!.. Ну, говорите скорѣе, что новаго, хорошаго? (*Беретъ у него фуражку и кладетъ на шкафъ*).

КОРИНКИНЪ (*садясь на стулъ*). Хорошаго мало!.. Опять не засталъ этого помѣщика, которому рекомендовали меня лекаремъ въ имѣніе...

ОЛИНЬКА. Бѣдняжка!.. такъ вы даромъ проходили такую даль?..

КОРИНКИНЪ. Туда даромъ... За то сію минуту, подойдя къ дому, все неожиданно заработалъ полтинникъ... (*Отдавая ей деньги*). Вотъ вамъ въ число долга за квартиру...

ОЛИНЬКА. Зачѣмъ... развѣ не успѣете?.. У васъ самихъ ничего не останется...

КОРИНКИНЪ. Берите... а не то черезъ часъ-же этотъ полтинникъ куда-нибудь улетитъ... Я терпѣть не могу денегъ въ карманѣ...

ОЛИНЬКА. Откуда-же вамъ Богъ послалъ его?

КОРИНКИНЪ. Выдернулъ зубъ у этой толстой купчихи, которая живетъ въ нашемъ домѣ... знаете, въ среднемъ этажѣ... какъ бишь ее..

ОЛИНЬКА. И ловко выдернули?

КОРИНКИНЪ. Одна секунда... не успѣла даже вскрикнуть, и ужъ зубъ былъ въ моихъ рукахъ...

ОЛИНЬКА. Ахъ, Ваничка, Ваничка!.. какъ мнѣ васъ жаль!.. съ такими способностями...

КОРИНКИНЪ. Погодите, Олинька, я не отчаиваюсь... мнѣ-бы только немножко поразбогатѣть... а ужъ тамъ-бы я поднялся!.. ужъ какъ-бы поднялся!.. У меня гениальныя мысли!.. Хотѣ-бы Богъ послалъ выиграть что-нибудь въ эту лоттерею... Ахъ, Боже мой!.. главную-то новость и не сказалъ!.. Вѣдь сегодня вышла таблица выигрышей!..

ОЛИНЬКА. Развѣ разыграли ужь лотерею?

КОРИНКИНЪ. Какъ-же ... еще въ воскресенье!..

ОЛИНЬКА. Что-же, что-же вашъ билетъ?

КОРИНКИНЪ. Да я еще не справлялся... Мнѣ встрѣтился дорогій Лучкинъ ... побѣждалъ къ кому-то за таблицей и общалъ мнѣ показать ... велѣлъ прійти къ нему черезъ полчаса...

ОЛИНЬКА. Ахъ, Ваничка, еслибъ вы выиграли!..

КОРИНКИНЪ. Да ... не дурно-бы ...

ОЛИНЬКА. Ну, что какъ домъ!..

КОРИНКИНЪ. Ну ужь и домъ... хоть-бы серебряный сервизъ—и то-бы хорошо на разживу!..

ОЛИНЬКА. Ну, а если-бъ домъ?..

КОРИНКИНЪ. О, если-бъ домъ!.. отличная была-бы статья ... я взялъ-бы три тысячи серебромъ и такъ-бы умно распорядился, что въ два-бы года нажилъ десятки тысячъ!..

ОЛИНЬКА. Ужь и десятки тысячъ?

КОРИНКИНЪ. Разумѣется!.. У меня-бы они не залежались! Пустиль-бы всё, до копѣчки, въ оборотъ ... Видите-ли, Олинька ... у меня съ малолѣтства, какая-то страсть дергать зубы!.. Медицина мнѣ не очень-то далась ... маракую я кой-что, но ужь отличнымъ медикомъ мнѣ никогда не бывать ... За то будь у меня хоть небольшія деньги ... Боже мой, какимъ-бы я могъ быть отличнымъ дантистомъ!.. я всёхъ-бы этихъ нѣмцевъ за поясъ заткнулъ!.. Повѣрите-ли, когда я иду по Невскому и увижу вывѣску какого-нибудь зубнаго врача—у меня кровь въ голову бросается!.. Живи я въ этой богатой квартирѣ ... у меня-бы были безвыходные пациенты ... я прославилъ-бы себя!.. Вѣдь не даромъ-же у насъ эти зубодеры живутъ такъ роскошно ... ѣздятъ въ коляскахъ ... покупаютъ дома! О! если-бъ мнѣ выиграть эти три тысячи!.. если-бъ только выиграть!..

ОЛИНЬКА. Ну что-жъ-бы вы сдѣлали?

КОРИНКИНЪ. Что?.. и вы еще не поняли!.. Во-первыхъ, сейчасъ-же-бы сдѣлался дантистомъ!..

Съ утра-бъ я до ночи вставлялъ,
Пилить-бы, дергалъ, чистилъ зубы.
И такъ-бы дѣломъ управлялъ,
Что въ знаменитости махнулъ-бы!
Здѣсь климатъ самый намъ съ руки ...
Лишь-бы въ дантисты я попался,
Такъ всёхъ-бы поднялъ на зубки
И вмигъ-бы на зубахъ поднялся!

ОЛИНЬКА. А! теперь я понимаю!.. ахъ, какъ бы это было весело!

КОРИНКИНЪ. Еще-бы не весело! дергать зубы!.. быть дантистомъ— это альфа и омега моего честолюбія!.. Я нашелъ-бы отличную квартиру въ Морской или на Невскомъ ...

ОЛИНЬКА. Нѣтъ ужъ, Ваничка ... пожалуйста, наймите на Невскомъ ...

КОРИНКИНЪ. Ну пожалуй, на Невскомъ!.. Сдѣлалъ бы огромную вывѣску ... сажени въ три...и аршинными золотыми буквами напечата- бы на ней: «зубной врачъ Коринкинъ!..», а квартиру ... фу, какъ-бы я ее мебелировалъ!..

ОЛИНЬКА. А сколько-бы было комнатъ?

КОРИНКИНЪ. Да ужъ, по-крайней-мѣрѣ, четыре чистыхъ, на проспектъ ... залъ для пациентовъ, потомъ гостиная ... мой кабинетъ и наконецъ спальная ... спальная моей чудесной Олинки!

ОЛИНЬКА. Какъ, моя?

КОРИНКИНЪ. Разумѣется! чья-же, какъ не ваша? Вѣдь ужъ тогда-бы первымъ моимъ дѣломъ было жениться на васъ!

ОЛИНЬКА. Добрый, добрый Ваничка! И маменьку взяли-бы?

КОРИНКИНЪ. Конечно! и ей-бы нашли комнатку!

ОЛИНЬКА. Ахъ! пошли вамъ Богъ счастье!

КОРИНКИНЪ. Но это только мечты!

ОЛИНЬКА. Мечты!.. но вѣдь долженъ-же кто-нибудь выиграть домъ ... такъ почему-жъ бы и не вамъ? О, какая счастливая будущность!.. Какъ-бы я васъ любила ... какъ-бы угождала!...

КОРИНКИНЪ. О я ... какія-бы я могъ доставлять вамъ удовольствія ... завели-бы своихъ лошадокъ ... ѣздили-бы по театрамъ!..

ОЛИНЬКА. И въ Александринскій и въ Большой, и въ оперу- бы даже!

КОРИНКИНЪ. Во все-бы театры ѣздили! ложу-бы абонировалъ! А пришло-бы лѣто, наняли-бы дачу!..

ОЛИНЬКА. Въ Новой-деревнѣ ... гдѣ Излерь?

КОРИНКИНЪ. Пожалуй! хоть въ Новой,-деревнѣ ... Ходили-бы гулять на воды ... слушали-бы цыганъ (*постъ*)

Онъ меня разлюбилъ,
Онъ меня погубилъ!

Ужасно люблю цыганскія пѣсни!.. А какъ-бы мы угощались!.. какіе-бы у насъ были обѣды, какое-бы вино было!.. Но ... все это мечта!

ОЛИНЬКА. Ахъ, золотая мечта!

КОРИНКИНЪ. Да!.. а между прочимъ ... сегодня мы покушаемъ опять шей да каши ...

ОЛИНЬКА. Что дѣлать, Ваничка!

КОРИНКИНЪ. Нѣтъ, глупо мечтать!.. Эти мечты сдѣлали то, что мнѣ ужъ захотѣлось теперь и ветчинки и винца ...

ОЛИНЬКА. Ну что-жь? Почему-жь и не побаловать себя?.. вы заработали сегодня полтинникъ, а я полтора рубля ... сложимтесь и купимъ ... Вотъ вамъ цѣлковый ...

КОРИНКИНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!.. Помилуйте, Олинька, вы такъ трудитесь, а я буду проѣдать ...

ОЛИНЬКА. Перестаньте, какъ вамъ не стыдно! берите, или я разсержусь!..

КОРИНКИНЪ. Но, право!..

ОЛИНЬКА. Будетъ время, что вы мнѣ не этимъ оплатите ...

КОРИНКИНЪ. Да еслибъ мой 470 № выигралъ!

ОЛИНЬКА. Ну, не выиграетъ, такъ и то не пропадемъ ... не всегда-же быть неудачамъ... можетъ быть, вы получите обѣщанное мѣсто ...

КОРИНКИНЪ. Хорошо, конечно ... триста цѣлковыхъ жалованья на всемъ готовомъ ... но все-таки это не то, что быть дантистомъ!.. Ну, такъ и быть!.. беру у васъ въ займы этотъ цѣлковый!.. До свиданія же, мой ангелъ Олинька! я сбѣгаю за виномъ, да забѣгу къ Лучкину ... узнать ... Ахъ, еслибъ выиграть!..

ОЛИНЬКА. Выиграете, выиграете!.. у меня какое-то предчувствіе ...

КОРИНКИНЪ. Дай Богъ вашими устами медъ пить ... ну, дайте ручку на счастье!..

ОЛИНЬКА. Вотъ вамъ обѣ!..

КОРИНКИНЪ (*цѣлуя ея руки*). Ахъ, когда-то онѣ на-вѣкъ будутъ мои!.. ну ждите меня!.. или какъ, или ...

ОЛИНЬКА. Идите, идите скорѣе!

(*Коринкинъ хватаетъ фуражку и поспѣшно уходитъ; Олинька провожаетъ его до дверей*).

V.

ОЛИНЬКА, одна.

Ахъ, какой у меня будетъ добрый, милый мужъ! (*Подходя къ столу*). Надо поскорѣй накрыть на столъ ... только, чѣмъ я накрою? Его салфетка вѣчно въ мытьѣ ... ну можно пообѣдать и безъ салфет-

ки... (отворяя шкафъ и вынимая бутылку). Пустая бутылка!.. давно ужъ ты опустѣла, бѣдная!.. давно тебя не смѣняли твои подружки изъ погреба!.. (Ставитъ бутылку снова въ шкафъ и, взявъ изъ него ножъ, вилку, ложку и тарелку, приноситъ все на столъ). Вотъ и всѣ наши приборы... вилка о двухъ концахъ, тупой ножикъ, оловянная ложка и единственная тарелка... нѣтъ, виновата, есть рюмка... (вынимаетъ изъ шкафа рюмку и ставитъ ее на столъ). Хотя она и съ трещиной, но можно еще пить!.. Завидное богатство у моего Ванички... но все-таки я его такъ люблю, что не рѣшусь промѣнять ни на какого богача. Ну, столъ накрыть!.. (осматриваясь). Сегодня мнѣ не удалось еще выкурить ни одной папироски!.. (беретъ на столъ папироску и схвативъ съ него-же первую попавшуюся бумажку, свертываетъ ее, достаетъ огня изъ печки, закури-ваетъ папироску и потомъ бросаетъ бумажку на полъ). Пока нѣтъ еще Ванички, можно пять минутъ посидѣть, отдохнуть и насладиться чуднымъ ея ароматомъ!

Съ папироекой ароматной
Забываю горе я,
Легкій дымъ ея, пріятный
Счастьемъ вѣетъ на меня! (курить).
Въ тѣ мгновенья неразлучно
Съ Ваней я соединена...
Дымъ исчезъ и сердцу скучно...
То была мечта одна! (курить)
Струйки дыма вновь играютъ,
Вотъ летать опять мечты,
Преодо мною оживаютъ
Вани милыя черты...
Онъ мой мужъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья...
Вотъ малютка, вотъ другой..
Дымъ исчезъ... прости видѣнье!
Счастье скрылося съ мечтой!..

Погасла! (Бросаетъ съ досадой папироску на полъ):

VI.

ОЛИНЬКА, КОРИНКИНЪ, (вбѣгаетъ, забывавшись съ сіяющимъ лицомъ).

КОРИНКИНЪ. Ухъ, стулъ! скорѣе стулъ! я упаду! (Садится на стулъ).

ОЛИНЬКА. Боже мой! Ваничка! что съ вами? ...

КОРИНКИНЪ. Олинька! скорѣе, ради Бога, ущипните меня за носъ..

вырвите мнѣ клочекъ волосъ ... ударьте меня сильнѣе въ шею! ... удостовѣрьте меня, что я не сплю! ...

ОЛИНЬКА. Боже мой! онъ съ ума сошелъ.

КОРИНКИНЪ. Дѣйствительно, можно помѣшаться! ... уфъ!

ОЛИНЬКА. Господи! какое еще новое несчастье?

КОРИНКИНЪ. Кто вамъ говоритъ о несчастіи? Я счастливъ, такъ счастливъ, какъ никогда небывалъ ... Я богачъ!.. я дантистъ!.. я живу на Невскомъ!.. Я миллионеръ!.. я Ротшильдъ!.. Тра, ла, ла, ла!.. *(вскакиваетъ со стула и начинаетъ кружиться)*.

ОЛИНЬКА. Вы выигрыли?

КОРИНКИНЪ. Ура! да здравствуетъ № 470!.. У меня теперь есть домъ! у меня три тысячи серебромъ! о счастье!.. о восторгъ!.. о наслажденіе!.. Тра, ла, ла, ла! *(Схватываетъ Олиньку и кружится съ ней)*.

ОЛИНЬКА *(кружась)*. Домъ!.. домъ!.. неужели домъ? ахъ, наше счастье!.. домъ!.. три тысячи!.. да перестаньте, Ваничка!.. вы меня замучите!..

КОРИНКИНЪ *(кружась)*. Не перестану! хочу радоваться! уфъ! уфъ! *(Падаетъ на стулъ)*..

ОЛИНЬКА, *(также падая на стулъ)*. Уфъ!.. но какъ же это случилось?.. ахъ ... расскажите ... расскажите!..

КОРИНКИНЪ. Постойте ... все скажу по порядку ... Только-что я вышелъ изъ дома и хотѣлъ идти въ погребъ, вдругъ мимо меня летитъ Лучкинъ ... Стой, закричалъ я, что таблица?..—Вотъ она!—Дай-же посмотри!—Некогда, бѣгу, къ женѣ провѣрить свои нумера!..—Постой!.. да скажи, по-крайней-мѣрѣ, кто выигралъ домъ?..—№ 470!..—Какъ онъ сказалъ, меня просто обдало кипяткомъ!.. Покажи ... закричалъ я ради Бога, покажи!.. Онъ развернулъ таблицу ... указалъ мнѣ № 470 ... я взглянулъ ... точно, выигрышь № 1!.. Тутъ ужъ я не помню, что со мной сдѣлалось!.. едва удержался на ногахъ ... точно, какъ будто кто-нибудь меня обухомъ по головѣ!.. да не то что больно ... а пріятно, очень пріятно!..

ОЛИНЬКА. Я воображаю...

КОРИНКИНЪ Ну можете представить ... не было, какъ говорится, алтына ... и вдругъ ... я владѣлецъ дома!.. у меня три тысячи капитала...

ОЛИНЬКА. Ваничка ... послушайте, не обманулись-ли вы?

КОРИНКИНЪ. Какъ-же обманутся, когда я видѣлъ своими глазами!..

ОЛИНЬКА. Ахъ, Ваничка! ахъ, какое счастье!.. видите, какъ я вамъ напорочила!..

КОРИНКИНЪ. Странныя, право, чувства рождаетъ это счастье! Повѣрите-ли, Олинька, я сталъ совершенно другой; я ужъ не тотъ вашъ Коринкинъ, подлекаръ, какимъ былъ четверть часа назадъ!..

Я весь вполне переродился...
 Какъ будто выросъ, пополнѣлъ,
 Поздоровѣлъ и укрѣпился,
 И возмужалъ и поумнѣлъ!
 Но не смотря на чувства эти,
 Я точно вижу сладкій сонъ;
 Что не жилъ я еще на свѣтѣ,
 А только-что сейчасъ рожденъ...
 И прямо богачемъ рожденъ!

ОЛИНЬКА. Немудрено... я сама точно отуманена вашимъ выигрышемъ!

КОРИНКИНЪ. Нѣтъ!.. что у меня въ головѣ, такъ я не могу и объяснить... просто, ходуномъ ходить!.. Ералашъ, совершенный ералашъ!

ОЛИНЬКА. Это оттого, я думаю, что вы голодны!.. Сядьте за столъ да покушайте... подкрѣпите себя... выпейте вина... Гдѣ-жъ ветчина и вино?... развѣ вы не купили?

КОРИНКИНЪ. Стану я ѣсть теперь какую-нибудь ветчину или пить пятидесяти — копейную мадеру!.. Я хочу устрицъ!.. шампаискаго!.. Олинька, дайте мнѣ въ займы десять цѣлковыхъ, я сейчасъ поѣду къ Елисеѣву или Смурову!

ОЛИНЬКА. (смѣясь). Полноте, что за роскошь такая!.. три тысячи вѣдь не милліонъ!

КОРИНКИНЪ. Для меня милліонъ, потому-что я ихъ въ годъ удесятерю!.. Олинька, дайте мнѣ въ займы десять цѣлковыхъ, да пошлите дворника взять коляску.

ОЛИНЬКА. У меня нѣтъ столько... (вынимаетъ изъ кармана два полтинника) вотъ мои всѣ деньги... возьмите если хотите...

КОРИНКИНЪ. Этого мало! Но я вамъ не вѣрю... Не вы-ли сами мнѣ говорили, что у васъ накоплено двѣсти рублей серебромъ?

ОЛИНЬКА. Да, это правда... у меня есть двѣсти рублей серебромъ, оставленные моимъ крестнымъ отцемъ..но они въ ломбардѣ... я берегла ихъ на приданое...

КОРИНКИНЪ. На приданое!.. очень нужно!..

ОЛИНЬКА. Да какъ-же не нужно?... надо будетъ сдѣлать платье, салошъ, шляпку?... А, по-моему, знаете-ли что... не лучше-ли-бы

намъ отобѣдать вмѣстѣ дома?... Я сбѣгаю, куплю винца ... кондитерскихъ пирожковъ...

КОРИНКИНЪ. Нѣтъ, Олинька ... мнѣ не того хочется...

ОЛИНЬКА. Неужели вамъ будетъ веселѣе одному безъ меня?

КОРИНКИНЪ. Нѣтъ, не то, что веселѣе... но знаете ... въ моемъ положеніи ... вѣдь нельзя-же намъ вѣчно сидѣть вмѣстѣ какъ голубкамъ...

ОЛИНЬКА. Ванюшка!.. я васъ не узнаю... Неужели эти деньги такъ васъ измѣнили?..

КОРИНКИНЪ. О, нѣтъ ... нисколько не измѣнили ... Разумѣется, я васъ также какъ и прежде люблю ... и никогда не забуду васъ ... (*всторону*) за одно ... ужъ рѣзать, такъ рѣзать ... (*вслухъ*) повѣрьте ... я васъ никогда, никогда не оставлю ... помогите мнѣ Богъ устроиться...

ОЛИНЬКА. Какъ? неужели вы ... неужели ваши клятвы?..

КОРИНКИНЪ. О, нѣтъ ... я никогда отъ нихъ не отопрусь ... но, видите-ли ... будемъ говорить разсудительнѣе ... брачная жизнь требуетъ постояннаго счастья ... иначе...

ОЛИНЬКА. Развѣ вы ужъ думаете, что я не принесу вамъ счастья?..

КОРИНКИНЪ. Позвольте ... дайте мнѣ вамъ все высказать... Прежде, положенія наши были равны ... но теперь ... теперь, когда моя судьба измѣнилась ... (*Олинька смотритъ на него съ удивленіемъ*) я ... я долженъ положительно обсудить свои чувства ... чтобъ, въ послѣдствіи вы ни въ чемъ не могли упрекнуть меня ... Кчему-же я свяжу васъ узами брака, когда этотъ бракъ...

ОЛИНЬКА (*серьозно*). Довольно!.. не распространяйтесь болѣе ... я васъ поняла ... съ этой минуты все между нами кончено ... Не дайте какъ черезъ часъ мы съ маменькой выѣзжаемъ изъ этой квартиры ... оставайтесь полнымъ ея властелиномъ!.. или переѣзжайте куда хотите ... Прощайте!.. Мы болѣе съ вами никогда не увидимся! (*Хочетъ идти*).

КОРИНКИНЪ (*останавливая ее*). Олинька, помилуйте!..

ОЛИНЬКА. Оставьте меня!.. Нѣтъ, намъ нужно еще будетъ видѣться минуту ... Прошу васъ, соберите все мои записки, которыя я писала къ вамъ, когда вы были въ отсутствіи ... а я принесу сейчасъ все, что вы мнѣ дарили!.. Это будетъ послѣднее наше свиданіе!... (*утираетъ слезу и убѣгаетъ*).

VII.

КОРИНКИНЪ одинъ.

Олинька! Олинька! (*Смотритъ въ дверь*). И слушать не хочетъ!.. заперлась! (*Возвращаясь на сцену*). Странная дѣвушка!.. Не хочетъ разсудить какъ слѣдуетъ... Вотъ что значить не получить хорошаго воспитанія!.. Нельзя-же мнѣ теперь, такъ вотъ съ бухты-барахты да и жениться!..

Мнѣ надо съ чистымъ любознаньемъ
Для опыта, вполнѣ узнать,
Какъ въ свѣтѣ люди съ состояньемъ
У насъ изволятъ поживать...
Мнѣ хочется, безъ всякихъ шутокъ,
Хоть въ сотой долѣ видѣть то,
Какъ тысячи летять въ желудокъ
И превращаются въ ничто!
Какъ покупаютъ наслажденья,
Какъ вводятъ честь людей въ изъянъ,
Какъ кушаетъ любовь имѣнья,
Какъ дружба лезетъ къ намъ въ карманъ!
Ну, словомъ, я хочу на дѣлѣ
Какъ дѣльный медикъ испытать,
Хоть опытомъ одной недѣли,
Что значить жить и проживать!

Поживемъ сперва — а послѣ увидимъ... я вѣдь не сказалъ ей, что вотъ формально на тебѣ не женюсь... нѣтъ, я посмотрю... какъ мое сердце... однакожъ я, въ-самомъ-дѣлѣ голоденъ... а денегъ всего цѣлковый... Боже мой!.. Да что-же я за дуракъ... да я могу сейчасъ-же ѣхать за выигрышемъ!.. Гдѣ мой билетъ?.. Гдѣ мой безцѣнный билетъ? (*Осматриваетъ на столъ и въ столъ*). Куда я его положилъ? Тутъ нѣтъ!.. Здѣсь тоже нѣтъ. (*Роясь въ книжкѣ*). Не попалъ-ли сюда?.. нѣтъ!.. и тутъ нѣтъ!.. Боже мой! меня начинаетъ пробирать лихорадка! (*Осматривая карманъ*). Не положилъ-ли въ карманъ?.. нѣтъ, и тутъ нѣтъ ничего... хоть вывороти!.. Господи!.. Что-же это значить? неужели у меня украли? (*Смотря подъ столомъ, подъ стульями и вездѣ на полу*). Нигдѣ не видать. Не спрятала-ли къ себѣ Олинька? (*Увидя часть недогорѣлой бумаги, которою закуривала Олинька папироску*). Это что? (*Развертывая бумагу*). Боже мой, что-то похожее... Онъ!.. онъ!.. почти весь сожженъ!.. (*Бросая билетъ на столъ съ правой стороны, и ходя по комнатѣ*). Я разоренъ!..

я уничтоженъ!.. я убить!.. это разбой... грабительство! Это она... она здѣсь курила папирску. (*Пюхал*). Я чувствую еще отвратительный запахъ мариландскаго табаку!.. Она сожгла мой домъ!.. Она сожгла мои три тысячи!.. (*Падая нальво на стулъ*). Я не дантистъ!.. я опять ничтожный подлекаръ!.. я не богачъ!.. я опять нищій!.. О судьба!.. о, ужасная женщина!.. (*Плачетъ*). И за что?.. за что я такъ наказанъ!.. И гдѣ мои мечты?.. гдѣ мои сладкія мечты?.. (*Закрываетъ лицо руками и плачетъ*).

VIII.

КОРИНКИНЪ, КВАСОВЪ.

КВАСОВЪ входитъ въ комнату, не видя **КОРИНКИНА** и держа въ рукахъ кѣтку съ соловьемъ. — Кѣтка вся кругомъ задернута бумагой.

КВАСОВЪ (*держась правой стороны*). Давича ей снигирь мой не понравился, такъ я принесъ ей соловья! сидѣлый соловей!.. Придетъ весна, отлично будетъ пѣть... (*Ставитъ кѣтку на комодъ*).

КОРИНКИНЪ (*не видя Квасова*). Мнѣ остается только или камень на шею да въ воду, или пулю въ лобъ...

КВАСОВЪ (*замѣтя Коринкина*). Мужчина!.. ихъ жилецъ!.. подлекаръ!.. (*Крадется къ двери*).

КОРИНКИНЪ (*вскакивая*). Нѣтъ я не убью себя!.. я... (*Оборачиваясь и увидя Квасова*). Это кто?.. (*Загораживая ему дорогу*). Кто вы!.. что вамъ угодно?

КВАСОВЪ. Я ... я ... извольте видѣть...

КОРИНКИНЪ (*всторону*). Не мошенникъ-ли какой? подозрительная физиономія! (*Вслухъ*). Не безпокойтесь... вы отсюда не выйдете, пока не объясните: кто вы и зачѣмъ сюда пожаловали?..

КВАСОВЪ. Извините ... я, вѣрно ошибся дверью...

КОРИНКИНЪ (*серьозно*). Ошиблись дверью?.. а зачѣмъ вы моргаете глазами? зачѣмъ подергиваете носомъ? вы лжете, м.г. (*Грозитъ кулакомъ*).

КВАСОВЪ (*схватясь за щеку всторону*). Того и гляжу ударить!..

КОРИНКИНЪ. Зачѣмъ вы схватились за щеку?

КВАСОВЪ. Я-съ?..

КОРИНКИНЪ. Да-съ!.. зачѣмъ вы схватились за щеку?

КВАСОВЪ. Я?... у меня, изволите видѣть ... у меня болить ужасно зубъ... (*Вынимаетъ платокъ и держитъ его у щетки*).

КОРИНКИНЪ (*ласково*). Болить зубъ!.. а!.. Такъ вы пришли ко мнѣ выдернуть зубъ?..

КВАСОВЪ (*запинаясь*). Да-съ ... выдернуть (*Всторону*). Вотъ попался-то!

КОРИНКИНЪ. Такъ что-жъ вы прямо мнѣ не сказали?... Признаться, вы пришли въ такое время, когда я...

КВАСОВЪ. Что-съ?..

КОРИНКИНЪ. Нѣтъ ничего!.. до этого вамъ дѣла нѣтъ... (*Подавая ему стулъ*). Садитесь...

КВАСОВЪ. Нѣтъ-съ.. не извольте беспокоиться...

КОРИНКИНЪ. Садитесь-же!.. нельзя-же вамъ стоя дергать!

КВАСОВЪ (*сидясь, всторону*). Вотъ положеніе-то!.. ну какъ онъ, въ-самомъ-дѣлѣ выдернетъ почти единственный мой зубъ...

КОРИНКИНЪ (*взявъ изъ стола инструменты и кладя ихъ на другой столъ возлѣ Квасова*). Когда дѣло касается до зубовъ ... я ... въ какомъ-бы положеніи не былъ ... готовъ всегда на помощь страждущему!.. Могу только увѣрить васъ, что вы не успѣете и мигнуть, какъ я... Пойдите ... раскройте ротъ...

КВАСОВЪ. Но ... изволите видѣть ... у меня что-то ужъ пересталъ болѣть зубъ!..

КОРИНКИНЪ. Это всегда такъ бываетъ!.. Передъ зубнымъ врачомъ боль унимается отъ какого-то глупаго страха ... но за то послѣ возобновляется она съ болѣею силою ... нѣтъ я не допущу васъ до этого... и ни за что ужъ не выпущу отсюда...

КВАСОВЪ (*всторону*). Вотъ положеніе-то ... такъ и бросаетъ въ жаръ!...

КОРИНКИНЪ. Раскройте ротъ ... раскройте, говорятъ вамъ ... не заставьте меня прибѣгнуть къ инструменту...

КВАСОВЪ. Извольте, извольте!.. (*раскрываетъ ротъ*).

КОРИНКИНЪ (*смотря въ ротъ*). Да гдѣ-жъ ваши зубы?... Тутъ нѣтъ, кажется, ни одного...

КВАСОВЪ. Да-съ, почти нѣтъ...

КОРИНКИНЪ. Пойдите ... вотъ! одинъ есть!.. онъ и болить?

КВАСОВЪ. Да-съ, онъ и болить... (*Всторону*). Дѣйствительно, начинается что-то болѣть!..

КОРИНКИНЪ. Экъ вы ихъ растраницили!..

КВАСОВЪ. Да изволите видѣть ... я какъ-то долго страдалъ несва-

рениемъ желудка, такъ мнѣ одинъ пріятель далъ какихъ-то капель, отъ которыхъ все зубы повыкрашились!..

КОРИНКИНЪ. Жаль, что вы прежде ко мнѣ не обратились ... Я-бы не допустилъ до этого!.. впрочемъ не безпокойтесь.. Я вамъ вставлю всю челюсть... (*Беретъ инструменты*).

КВАСОВЪ (*всторону*). Ужасная минута приближается... (*Вставая*). Какъ-бы мнѣ дать тягу...

КОРИНКИНЪ (*сажая его насильно*). Садитесь!.. раскройте ротъ... зажмите глаза... (*Квасовъ дрожа закрываетъ глаза*). Ну, сидите смирно!.. (*Про себя*). Этотъ инструментъ ему не годится... (*Подходя къ столу, чтобы перемънить инструментъ, замъчаетъ сожженный билетъ, и беретъ его въ руку*). Вотъ онъ!.. вотъ погибшій мой домъ!.. и нѣтъ никакой надежды ... (*Подойдя къ Квасову, и какъ-бы пораженный мыслью, ударяетъ себя крѣпко по лбу*). Ахъ!

КВАСОВЪ (*вскакивая съ крикомъ*). Ай!..

КОРИНКИНЪ. Какая мысль!.. (*Схвативъ фуражку, опрометью бросается въ дверь*).

КВАСОВЪ. Гдѣ онъ?.. гдѣ мой зубъ? покажите его!..

IX.

КВАСОВЪ, потомъ ОЛИНЬКА.

КВАСОВЪ. Убѣжалъ!.. что онъ, съ ума что-ли сошелъ!.. Странно!.. однако-жь, боли никакой нѣтъ ... и какъ-будто зубъ на мѣстѣ ... въ-самомъ-дѣлѣ на мѣстѣ ... онъ не выдернулъ!.. О, Ольга Ивановна! жестокая Ольга Ивановна! чему я только для тебя не подвергаюсь!.. Едва не лишился для тебя послѣдняго зуба!.. Что-жь мнѣ теперь, уйти или остаться?.. Кто-то идетъ... Ужъ не опять-ли этотъ проклятый зубодеръ?.. (*Прячется за ширмы*).

ОЛИНЬКА (*входитъ въ дверь держа, въ рукахъ небольшую шкатулку*). У меня достанетъ мужества разстаться съ нимъ!.. Послѣ того, что онъ мнѣ сказалъ, я не могу его любить!.. Ахъ!.. Ванюшка!.. Ванюшка! ожидала-ли я!.. (*Садится къ столу*).

КВАСОВЪ (*выходя изъ-за ширмы*). Это она!.. (*Подходя къ ней*). Ольга Ивановна.

ОЛИНЬКА (*вставъ*). Вы опять явились?..

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна. . что хотите, я не могу жить безъ васъ!.. я пришелъ узнать свою участь ... Разсудили-ли вы?..

ОЛИНЬКА. Тутъ нечего было и разсуждать...

КВАСОВЪ. Чѣмъ-же вы еще пожалуете?

ОЛИНЬКА. Тѣмъ-же, чѣмъ и давича ... я не могу быть вашею женою...

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна!.. я ... изволите видѣть ... но ... позвольте прежде ... я замѣтилъ давича, что вамъ не понравился мой финекій попугай ... такъ, въ замѣнъ его, позвольте презентовать вамъ сидѣлаго соловья... *(Подноситъ ей клетку и ставитъ на столъ).*

ОЛИНЬКА. Не нужно мнѣ вашихъ птицъ!.. *(Осматривая комнату, всторону).* Куда онъ дѣлся, не понимаю?... *(Вслухъ).* Скажите, вы давно здѣсь?

КВАСОВЪ. Да-съ, ужъ порядочно ... я думалъ-было увидѣть васъ, но вмѣсто того встрѣтился съ вашимъ подлекаремъ.

ОЛИНЬКА. Гдѣ-жъ онъ теперь?

КВАСОВЪ. Не знаю, убѣжалъ куда-то какъ взбалмошный!.. Извините меня, Ольга Ивановна ... но я, право, не могу постигнуть, что вамъ понравилось въ этомъ зубодерѣ?... Диви-бы еще имѣлъ какое состояніе...

ОЛИНЬКА. Съ чего вы взяли, что онъ мнѣ нравится?

КВАСОВЪ. Вы сами изволили давича сказать, что онъ вашъ женихъ...

ОЛИНЬКА. Я этого вамъ не говорила ... и никогда не думала выйти за него за-мужъ!..

КВАСОВЪ. Въ-самомъ-дѣлѣ?... Такъ, стало, я могу еще надѣяться...

ОЛИНЬКА. Чего?..

КВАСОВЪ. Да, то-есть ... касательно брачнаго союза...

ОЛИНЬКА. Нѣтъ, не надѣйтесь!..

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна!.. да почему-же?..

ОЛИНЬКА. Знаете что ... нельзя-ли вамъ оставить меня одну?..

КВАСОВЪ. Ольга Ивановна!.. разсудите только ... вѣдь ваша матушка ужъ стара ... того гляди, Богъ на душу пошлетъ ... вѣдь вы останетесь круглой сиротой...

ОЛИНЬКА. Ну что-жъ такое?... Если Богу будетъ угодно, останусь!.. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей...

КВАСОВЪ. Разумѣется, не безъ добрыхъ... Да вотъ, какъ изволите видѣть, я вамъ первый примѣръ... Кажется, чтобъ меня могло льстить?... А я, изволите видѣть, ничего не ищу ... мнѣ-бы только были вы... вѣдь у меня полные комоды!..

ОЛИНЬКА. Ахъ, перестаньте пожалуйста!

КВАСОВЪ. Такъ вы рѣшительно...

ОЛИНЬКА. Рѣшительно и прерѣшительно!.. Но чтобъ васъ успокоить,

скажу вамъ откровенно, что не только за васъ, я ни за кого не намѣрена выходить за-мужъ...

КВАСОВЪ. Какъ-же это?.. довольно странно!.. казалось-бы, по самому свойству природы, не слѣдовало дѣвицѣ оставаться въ дѣвухахъ...

ОЛИНЬКА. Я такъ хочу!

КВАСОВЪ. Странно!.. однакожь я не отчаиваюсь...

ОЛИНЬКА (подавая ему клятку). Возмите вашего соловья и отправляйтесь домой ... Я не понимаю, что вы ко мнѣ привязались ... какъ будто нѣтъ безъ меня невѣсть?.. Вы, какъ сами говорите, человекъ съ состояніемъ; найдете всегда себѣ партію...

КВАСОВЪ (плаксиво). Ахъ Ольга Ивановна! жестоко вы со мной поступаете!.. кажется, что я вамъ сдѣлалъ?.. вѣдь я съ благородными намѣреніями...

ОЛИНЬКА. Ну полноте ... не сердитесь... Что-жь дѣлать, если я не могу располагать своимъ сердцемъ...

ЯВАСОВЪ. Да мнѣ ненужно вашего сердца...

ОЛИНЬКА. А я, не отдавъ сердца, не могу выйти за-мужъ... Ну, останетесь друзьями!.. (протягиваетъ ему руку).

КВАСОВЪ (цѣлуя ей руку). Голубушка вы моя!.. Ахъ, еслибъ эта ручка ... мнѣ, изволите видѣть, ничего не нужно...

ОЛИНЬКА. Ну прощайте!..

КВАСОВЪ (печально). Ахъ, прощайте, Ольга Ивановна!.. (Хочетъ идти).

ОЛИНЬКА. Позвольте ... извините, я забыла ваше имя и отечество...

КВАСОВЪ. Кузьма Сидорычъ, къ вашимъ услугамъ...

ОЛИНЬКА. Скажите, Кузьма Сидорычъ ... нѣтъ-ли у васъ маленькой квартирки въ домѣ?..

КВАСОВЪ. А вамъ для кого-съ?

ОЛИНЬКА. Для меня съ маменькой...

КВАСОВЪ. И для подлекаря?

ОЛИНЬКА. Нѣтъ, только для насъ двоихъ...

КВАСОВЪ (весело). Для двоихъ?.. какъ не быть, помилуйте! Но что-жь это вамъ вздумалось переѣзжать?

ОЛИНЬКА. Да потому, что г. Коринкинъ отъ насъ выѣзжаетъ и эта квартира будетъ для насъ велика!.. Намъ-бы одну комнату съ кухней?..

КВАСОВЪ. Чрезвычайно радъ!.. у меня изволите видѣть, именно такая квартира скоро очистится... (всторону). Сегодня-же выпровожу старуху Хрюнкову...

ОЛИНЬКА. Но намъ-бы хотѣлось поскорѣе...

КВАСОВЪ. Да, пожалуй, даже сегодня будетъ готова къ вашимъ услугамъ!.. позвольте мнѣ только сбѣгать домой ... я васъ сію минуту положительно увѣдомлю...

ОЛИНЬКА. Но не дорого-ли вы возьмете съ насъ?...

КВАСОВЪ. Какое дорого, Ольга Ивановна!.. совершенно за безцѣнокъ отдамъ... Я сію минуту... (*Всторону*). Какое благополучіе... можетъ, въ моемъ домѣ дѣло-то пойдетъ на ладъ!.. (*Блѣжитъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Коринкинымъ*). Ну, попался опять!..

X.

КВАСОВЪ, ОЛИНЬКА, КОРИНКИНЪ.

КОРИНКИНЪ (*входя съ разстроеннымъ лицомъ, и увидя Квасова*). Вы все еще меня ждете?.. Не во время, право, вы пришли!..

КВАСОВЪ. Нѣтъ-съ ... вы не извольте безпокоиться, у меня ужъ зубы не болятъ...

КОРИНКИНЪ (*неслушая его, и смотря на Олинку, всторону*). Она здѣсь!.. Слава Богу!.. (*Квасову*). Садитесь и кончимъ скорѣе... мнѣ некогда...

КВАСОВЪ. Я вамъ докладываю, что у меня ужъ зубъ не болитъ...

КОРИНКИНЪ (*съ досадою*). Такъ зачѣмъ-же вы здѣсь?

КВАСОВЪ. Я-съ ... я ни зачѣмъ ... я дожидался васъ, чтобъ только объявить, что у меня ужъ зубъ не болитъ!..

КОРИНКИНЪ. Ну, не болитъ, — такъ прощайте!..

КВАСОВЪ. Счастливо оставаться!.. (*Тихо Олинкѣ*). Я васъ сію минуту извѣщу о квартирѣ. (*Всторону*). Проклятый зубодеръ!..

XI.

КОРИНКИНЪ, ОЛИНЬКА

КОРИНКИНЪ. Олинка! вы на меня сердитесь?..

ОЛИНЬКА. Нисколько! я пришла только возвратить вамъ ваши подарки ... вотъ здѣсь въ вашей шкатулочкѣ они все ... сережки ... два платочка ... гребенка, портмоне и плюшевые башмаки.

КОРИНКИНЪ. Олинка!... что вы со мной дѣлаете?...

ОЛИНЬКА. И въ замѣнъ того, прошу васъ отдать мнѣ мои записки...

КОРИНКИНЪ. Неужели вы хотите со мной разстаться?

ОЛИНЬКА. Вы первые этого пожелали ...

КОРИНКИНЪ. Я?

ОЛИНЬКА. По-крайней-мѣрѣ, я поняла!... Но о чемъ вамъ горевать?... вы теперь найдете много невѣсть ... у васъ свой домъ ...

КОРИНКИНЪ (*почти со слезами*). Да ... былъ-бы домъ ... еслибы...

ОЛИНЬКА. Что такое?

КОРИНКИНЪ, (*также*). Еслибъ его у меня не сожгли!... Да ... взгляните ... вотъ мой билетъ ... вотъ мой 470 №!... Разсмотрите, въ какомъ онъ положеніи?

ОЛИНЬКА (*взявъ у него билетъ*). Что это?... совсѣмъ сожженъ!..

КОРИНКИНЪ. Да-съ!

ОЛИНЬКА. Кто-жъ это сжегъ его у васъ?...

КОРИНКИНЪ. Кто?... (*смотря на нее*) Не знаю кто!... я нашелъ его здѣсь, на полу!.. Кому-то вздумалось закурить папирску моими тремя тысячами!..

ОЛИНЬКА (*съ крикомъ*). Боже мой!... Боже мой!.. Это я!.. (*падая предъ нимъ на колѣна*). Ваничка, простите меня!

КОРИНКИНЪ (*поднимая ее*). Что вы дѣлаете? встаньте!

ОЛИНЬКА. Нѣтъ ... нѣтъ!.. И я... я всего васъ лишила... О, что мнѣ дѣлать?... что мнѣ дѣлать?... (*Рыдая*).

КОРИНКИНЪ (*плача самъ*). Перестаньте, Олинька ... все къ лучшему!.. Этотъ домъ свелъ-было меня совсѣмъ съ ума!.. я, какъ негодяй, какъ бездушное животное, осмѣлился сказать ... Нѣтъ, все къ лучшему!.. Ябѣднякъ по-прежнему, но по-прежнему-же и люблю васъ!..

ОЛИНЬКА (*плача*) Нѣтъ, я этого никакъ себѣ не прошу!.. а все моя разсѣянность и эти гадкія папирски!..

КОРИНКИНЪ. Перестаньте-же плакать, Олинька ... утрите свои глазки!...

ОЛИНЬКА. Боже мой!... Но нѣтъ-ли какого-нибудь средства поправить? не осталось-ли нумера на билетѣ?...

КОРИНКИНЪ Нѣтъ; нумерація-то и сгорѣла!... я сейчасъ бѣгалъ совѣтоваться съ Лучкинымъ ... но онъ сказалъ, чтобъ я и не думалъ хлопотать ...

ОЛИНЬКА. Нѣтъ! нѣтъ!... я побѣгу сама ... буду смотрѣть умолять ... просить ...

КОРИНКИНЪ. Богъ знаетъ, будетъ-ли толкъ!...

ОЛИНЬКА. Боже мой! и всѣ ваши мечты ...

КОРИНКИНЪ. Ну, что дѣлать! вѣрно, мнѣ не суждено быть дантистомъ!.. Теперь, какъ я пораздумалъ, такъ начинаю сомнѣваться, пошелъ-ли-бы еще кто-нибудь дергать зубы къ Коринкину!...

ОЛИНЬКА. Ахъ, Ваничка! Ваничка!.. Нѣтъ, я этого никогда себѣ

не прошу... я васъ раззорила! я лишила васъ счастья! Боже мой!..
хоть-бы получить вамъ обѣщанное мѣсто!...

КОРИНКИНЪ. Боже мой!.. что вы мнѣ напомнили!.. Сейчасъ, идя
домой, я получилъ по городскій почтѣ письмо и кажется, отъ мо-
его благодѣтеля, доктора Пыльчовскаго. *(вынимаетъ изъ кармана*
и распечатываетъ письмо) Да, да, *(рука его!)*

ОЛИНЬКА. Ахъ, что онъ пишетъ?.. что онъ пишетъ?..

КОРИНКИНЪ *(пробѣжась письмо)*: Радуйтесь, радуйтесь Олинька!..
онъ извѣщаетъ, что этотъ помѣщикъ, по его рекомендаціи согласенъ
взять меня врачомъ въ свое имѣніе!..

ОЛИНЬКА. Неужели? Ахъ, какое счастье!

КОРИНКИНЪ. Теперь я пристроенъ!.. теперь у меня есть свой ку-
сокъ хлѣба!.. Олинька!.. простите-ли вы мои давнишнія глупости?..

ОЛИНЬКА. Я виновата!.. Хотя вы и устроились... но я никогда не
забуду, что была причиною...

КОРИНКИНЪ. Олинька!.. не обижайте меня, не упрекайте себя!..
Не вы были причиною, а судьба!..

ОЛИНЬКА. Ахъ, могу-ли я забыть!..

ХІІ.

ТЪЖЕ и КВАСОВЪ.

КВАСОВЪ *(входя и приближаясь къ Олинькѣ, тихо)*. Квартира
готова.

КОРИНКИНЪ *(увидя его, сердито)*. Вы опять пожаловали!.. Что у
васъ, зубъ, что-ли, опять заболѣлъ? Такъ садитесь скорѣе и покон-
чите...

КВАСОВЪ. Нѣтъ-съ... я не за тѣмъ... я изволю видѣть, при-
шелъ сказать...

ОЛИНЬКА *(тихо ему)*. Ради Бога ни слова о квартирѣ... онъ не
долженъ знать иначе...

КВАСОВЪ *(тихо ей)*. Понимаю-съ!..

КОРИНКИНЪ. Такъ что-же вамъ угодно?..

КВАСОВЪ. Что мнѣ угодно?

КОРИНКИНЪ. Да-съ!..

КВАСОВЪ. Мнѣ... вотъ что-съ... Гм!.. Гм!.. *(всторону)* не
знаю, что и сказать... махну на-удачу!.. *(вслухъ)* Гм!.. не изволили
вы брать билетъ въ послѣднюю лоттерей?..

КОРИНКИНЪ. Вамъ какая нужда?..

КВАСОВЪ. Нужды никакой нѣтъ—съ ... но я хотѣлъ вамъ услужить ... у меня здѣсь, изволите видѣть, таблица съ собой ... вы-бы могли справиться ...

КОРИНКИНЪ. Я ужъ справился ...

КВАСОВЪ. Что-жъ, изволили выиграть или нѣтъ?

КОРИНКИНЪ (съ усилѣмъ). Нѣтъ!

ОЛИНЬКА (тихо Коринкину). Бѣдный Ванячка!... О, какъ я виновата!...

КВАСОВЪ. Вѣдь есть же такіе счастливые люди!... Вотъ на-примѣръ, домъ то выигралъ цвѣтной билетъ подъ № 470!... Да—съ цвѣтной, а не бѣлый ... вотъ—съ извольте посмотрѣть таблицу (вынимаетъ изъ кармана и показываетъ имъ таблицу) вотъ ... вотъ ... изволите видѣть.

КОРИНКИНЪ и **ОЛИНЬКА** (вмѣстѣ). Да, да цвѣтной!...

КОРИНКИНЪ. А я, глупый, вообразилъ!... Олинька, что-жъ вы теперь скажете?..

ОЛИНЬКА. Что сказать?.. боюсь не будете-ли вы себя упрекать въ послѣдствіи ... какъ давеча сами говорили ...

КОРИНКИНЪ. Кто старое вспомянетъ ...

ОЛИНЬКА (зажимаетъ ему ротъ). Ну хорошо ... Я выйду за мужъ для того только, чтобъ наказывать васъ ...

КОРИНКИНЪ (цѣлуя ей руки). Душка!... ангель!.. наказывайте!.. я этого недостойнъ!...

КВАСОВЪ (тихо Олинькѣ). Ольга Ивановна!.. что жъ это значить?

ОЛИНЬКА. Рекомендую вамъ моего жениха!..

КВАСОВЪ (также). Помилуйте, да не сами-ли вы говорили, что ни за него, ни за меня и ни за кого не выйдете за-мужъ?..

ОЛИНЬКА. Я пошутила!..

КВАСОВЪ (также). А квартира?..

ОЛИНЬКА. Намъ ужъ не нужна!...

КВАСОВЪ (всторону). Вѣрушка!.. вѣтренница!.. дрянная дѣвченка!.. и выбрала — же кого!... Зубодера!... удивительная партія ... тьфу!.. (п.юсть). Побѣжать скорѣе!.. удержать хоть старуху Хрюнкову, пока не переѣхала!.. (Схватываетъ клятку и хочетъ идти).

КОРИНКИНЪ (разговаривая въ это время съ Олинькой, которая объясняла ему намѣренія Квасова). Ха, ха, ха!.. (Останавливая Квасова). Послушайте, если вы хотите выдернуть зубъ, такъ спѣшите ... я вѣдь скоро уѣду изъ Петербурга ...

КВАСОВЪ (съ досадой). Убирайтесь!.. не хочу я вашей помощи!..

хоть умру отъ боли, а ужъ не приду къ такому зубодеру... (Послѣшно уходитъ).

КОРИНКИНЪ и **ОЛИНЬКА** (*хохоча всльдъ ему*) Ха, ха, ха!..

ОЛИНЬКА. Гадкій старичиска!

КОРИНКИНЪ. Беззубый уродъ!... Туда-же, вздумалъ влюбиться въ мою Олиньку!.. Отдамъ я ее кому-нибудь!

ОЛИНЬКА. А что вы давеча ...

КОРИНКИНЪ. Опять!..

ОЛИНЬКА. Ну, миръ!..

КОРИНКИНЪ. Миръ на вѣкъ.

КОРИНКИНЪ и **ОЛИНЬКА** (*вмѣстѣ*).

Что богатство, что и слава?
Для чего намъ ихъ искать?
Безъ любви и мира, право,
Счастьемъ въ жизни не бывать!

ОЛИНЬКА.

Мы о прихотяхъ забудемъ,
Но съ любовью да съ трудомъ
И съ согласьемъ, вѣрно, будемъ
Въ полномъ счастья жить вдвоемъ!

КОРИНКИНЪ.

Для чего-жь вдвоемъ жить вѣчно?
Будемъ жить и вчетверомъ?
Богъ порадуетъ, конечно,
Насъ и дочкой и сыномъ!

ОЛИНЬКА.

Я, однакожь, жду съ сомнѣнемъ
И, признаться, страхъ боюсь,
Если къ горю одобреньемъ
Не скрѣпится нашъ союзъ!

ОБА. (*публикѣ*)

Не томите же сомнѣнемъ —
Я сомнѣнья, страхъ, боюсь:
Но счастливымъ одобреньемъ
Укрѣпите нашъ союзъ!

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ проспектъ, противъ Малой Морской въ домъ
Паскаля № 11.

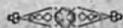
ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО.

- BEYER.** Repertoire des jeunes pianistes. Petites fantaisies instructives sur des motifs des opéras: Lucia di Lammermoor — Elisire d'amore — Lucrezia Borgia — I Lombardi — Ernani — la Sonnambula — le Prophète — les Huguenots, каждая 60 к.
- Bouquet de mélodies des opéras favoris, op. 42, Lucia di Lammermoor — Norma — Robert le diable — les Huguenots, каждая 1 р.
- Fleurs italiennes. 12 Amusements sur des motifs favoris des opéras, op. 87 № 1 à 72, каждый по 60 к.
- BERNARD.** Deux impromptus sur des airs bohémiens: № 1. Мы двѣ дѣвицы. № 2. Бѣхали ребята (каждый 50 к.) Ты душаль моя. Air bohémien varié (85 к.) Mélodie de Voss variée (85 к.) Trois romances de Warlamoff transcrites 1 р.
- BLUMENTHAL.** Fête cosaque. Caprice (85 к.) Deux anges. Morceau caractéristique (85 к.) Nocturne (75 к.) Chant national des Croates 60 к.
- CHOPIN.** Impromptu op. 29. Nouvelle édition (60 к.) Marche funèbre 40 к.
- DAMCKE.** Les saisons. Quatre pièces caractéristiques, op. 30 № 1 à 4 (каждый 50 к.) Allegro appassionato, op. 33 (85 к.) Chant du solitaire (60 к.) Marche caractéristique 75 к.
- DOEHLER.** Marches florentines, op. 68 (85 к.) Nocturne op. 69 (60 к.) Nocturne, op. 70. 60 к.
- HELLER.** Mélodies de Schubert transcrites: № 1. Adieu (50 к.) № 2. Berceuse (30 к.) № 3. Les plaintes de la jeune fille (60 к.) № 4. Ave Maria (50 к.) № 5. Le voyageur (60 к.) № 6. La sérénade. 50 к.
- HENSELT.** Deux romances du C-te Wielhorsky transcrites. Nouvelle édition (1 р.) Quatre romances sans paroles (1 р.) Second impromptu 75 к.
- KAZYNSKI.** Rêverie en forme de mazurka (75 к.) Думка. Малороссійская пѣсня 60 к.
- KULLAK.** Illustrations russes: № 1. Romance de Dargomijsky transcrite, op. 65 (75 к.) № 2. Romance de Glinka, op. 66 (1 р.) № 3. Romance de Warlamoff op. 67. 75 к.
- LANGER.** Deuxième chant du marin (60 к.) Rêverie du soir. 60 к.
- ISZT.** Fantaisie dramatique sur la Lucia. Nouvelle édition (1 р.) Селовеѣ. Air russe transcrit (85 к.) Marche de Racoczy. 60 к.

- LITOLFF.** Souvenir de la Lucia di Lammermoor. Fantaisie, op. 19. 1 p.
- MAYER.** Trois études favorites, op. 61 (1 p. 50 к.) Galop militaire, op. 117 (75 к.)
Second galop militaire, op. 126 (75 к.) Galop brillant op. 130 (75 к.)
Romance italienne op. 134. 60 к.
- MEYER.** Niagara. Fantaisie caractéristique. 1 p. 15 к.
- PRUDENT.** Caprice sur Ernani de Verdi, op. 31 (1 p. 15 к.). Les champs. Pasto-
rale. 1 p. 40 к.
- ROSELLEN.** Souvenirs de l'opéra Robert le diable. Fantaisie, op. 102 (1 p. 40 к.)
Rêverie op. 103 (85 к.) Fantaisie brillante sur l'opéra le Prophète de
Meyerbeer, op. 117. 1 rbl. 70 с.
- SCHILLER.** Fantaisie brillante sur une romance favorite de Gourileff (1 p. 15 к.) Le
gondolier. Barcarolle (60 к.) Divertissement (75 к.) Valse-Fantaisie 75 к.
- SCHULHOFF.** Galop di bravura, op. (85 к.) Grande valse brillante, op. 20 (85 к.)
Souvenir de Varsovie. Mazurka favorite, op. 30 (75 к.) Grand caprice
sur des thèmes hongrois, op. 31 (1 p. 50 к.) Souvenir de Moscou.
Chant du pêcheur, op. 32 (85 к.) Impromptu-Polka, op. 33, съ портре-
томъ Шудьгофа). 1 p.
— Chant du berger (40 к.) Confidencé (30 к.) Cantabile (60 к.) Deux
styriennes, каждая по 60 к.
- TALBERG.** Introduction et variations sur l'opéra: Elisire d'amore, op. 66 (2 p.)
Grand fantaisie sur l'opéra Don Pasquale op. 67. 1 p. 50 к.
- TSGHERLITZKY.** Air de Balfe transcrit (85 к.) Marie-Polka (60 к.) Сарафанчикъ.
Air bohémien varié 75 к.
- VOSS.** Les Huguenots. Fantaisie brillante op. 66 (1 p.) La romantique. Cantilène
op. 83 (1 p.) Lucrezia Borgia. Fantaisie op. 86 (1 p.) Chant varié
op. 103 № 1 (60 к.) Chant varié № 2 (72 к.) Marche du sacre du
Prophète transcrite, op. 105 (60 к.) Ernani. Fantaisie brillante op.
112 (1 p.) La Juive. Fantaisie brillante op. 116 (1 p.) La fille du re-
giment. Fantaisie élégante op. 119 (1 p.) Marche de Frédéric le Grand
transcrit, 50 к.
- WOLFF.** Chanson polonaise 50 к.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получа-
ютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять
руб. кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой
пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосред-
ственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ-же, условіяхъ можно выписы-
вать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія кѣмъ-бы они ни были
изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла пятая тетрадь музыкальнаго журнала,
Нувеллистъ, которая содержитъ въ себѣ: Gorgia, Fantaisie. —
Jüllig, Mélancolie. — Kullak, Affliction. — Spindler, Valse. —
Liszt, Marche de Racoczy. — Wallerstein, Galop. — Herple,
Polka. — Keller, Tyrolienne. — Oesten, Amusement. — Гурилевъ,
Романсъ. — Perkins, Sérénade. Музыкально-литературное прибавле-
ніе (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 р. 50 коп. сер.)

9833 18165,

Дополнительная
Библиотека
Имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО